

Институт лингвистических исследований
РАН

Греческий институт
Филологического факультета СПбГУ

*от Бикика до Баисдалюмы
из Варяг в Греки*

Экспедиционные этюды
в честь Елены Всеволодовны Перехвальской

Нестор-История
Санкт-Петербург
2014

УДК 81'33
ББК 81.1
О-80

О-80 **От Бикина до Бамбалумы, из варяг в греки.** Экспедиционные этюды в честь Елены Всеволодовны Перехвальской / отв. ред. В. Ф. Выдрин, Н. В. Кузнецова. — СПб: Нестор-История, 2014 — 486 с.

From Bikin to Banbaluma, from the Varangians to the Greeks. Field-inspired essays in honour of Elena V. Perekhval'skaya / Ed. by Valentin F. Vydrin and Natalia V. Kuznetsova. St. Petersburg: Nestor-Istoria, 2014, 486 p.

ISBN 978-5-4469-0242-2

Сборник статей посвящен 60-летнему юбилею Е. В. Перехвальской и представляет статьи по основным направлениям ее исследований, включающим алтаистику, неоэллинистику, балканистику, языки Африки, прибалтийско-финские языки, а также проблемы языковых контактов и общетеоретические вопросы.

УДК 81'33
ББК 81.1

Утверждено к печати ученым советом Института лингвистических исследований РАН

Рецензенты:

д.ф.н. А. П. Володин, д.ф.н. К. И. Поздняков

Издание подготовлено при поддержке РГНФ, проект 13-04-00416а «Языковые изменения в идиомах, не имеющих письменной традиции (на материале алтайских, палеоазиатских и уральских языков)».

ISBN 978-5-4469-0242-2

9 785446 902422

© Коллектив авторов, 2014

© Издательство «Нестор-История», 2014

Оригинал-макет *В. Ф. Выдрин*, при содействии *М. Л. Федотова* и *Д. Ф. Мищенко*
Дизайн обложки *В. И. Кузнецова*

Подписано в печать 00.00.2014. Формат 60×90 ¹/₁₆
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 3,25
Тираж 120 экз. Заказ № 0000

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии «Нестор-История»
198095 СПб., ул. Розенштейна, д. 21
Тел. (812)622-01-23

Предисловие

Идея этого сборника зародилась как-то сама собой. В приглашении, которое редакторы рассылали потенциальным авторам, говорилось:

Мы отдаём себе отчёт в том, что от писания статей в фештифты многие устали, а жизненная и научная программа у каждого из нас напряжённая, поэтому отнесёмся с полным пониманием, если Вы в силу каких-то причин участвовать в сборнике не сможете. Тут, наверное, должен действовать принцип: надо участвовать, только если не участвовать не можешь.

В силу понятных ограничений на общий размер сборника нам пришлось пойти на ограничение как круга участников, так и объема статей. Основная научная работа юбиляра уже много лет строится вокруг экспедиционной деятельности — Елена Всеволодовна, по ее собственному выражению, «пожиратель пространства», неутомимый, можно сказать, профессиональный путешественник. Она ничему не удивляется, но ей интересно все новое, она ничего не боится, но разумно избегает опасностей. Следуя этой экспедиционной доминанте ее жизни, мы решили в первую очередь пригласить тех, кто участвовал с юбиляром хотя бы в одной научной экспедиции. И этого принципа мы придерживались изо всех сил, рискуя нажить себе смертных врагов в рядах пылких друзей юбиляра (очень надеемся, что их справедливый гнев не продлится слишком долго). И всё равно, при всех наших свирепых ограничениях на объём статей, размеры книги превысили наши предварительные расчёты почти вдвое: вопреки обычной в таких случаях практике, откликнулись почти все приглашённые, а также и некоторые другие, которые «не участвовать не смогли».

Не будем задаваться вопросом: как получилось, что юбиляр, который позиционирует себя как чуть ли не мизантроп¹, чей характер не всегда прост, оказался таким человеческим магнитом? Очевидно, у каждого из авторов этого сборника есть на это свой ответ, но пусть это будет сюжетом какого-нибудь занимательного романа в стиле Незнанского или сериала о Дикой Розе. Наш сборник — научный, поэтому здесь

---

¹ По-видимому, эта «мизантропия» — естественный результат хронического «профицита общения», помноженного на свойственную Елене Всеволодовне мощную эмпатию к партнёру по коммуникации, отбирающую у ней много душевных сил.

более уместен другой вопрос: как удалось человеку, никогда не претендовавшему на статус научного лидера, вовлечь в серьёзную лингвистику столько молодёжи, стать организатором и многолетним руководителем целого направления петербургской учебно-научной полевой лингвистики, автором более чем полутора сотен научных публикаций², многие из которых лидируют в своих областях по цитируемости?

Наверное, самым правильным ответом будет такой: всё дело в том, что Елена Всеволодовна искренне любит науку. Ей оказалось очень близкой известная философская идея о смысле человеческого бытия: «Для чего Бог создал человека? — Для того, чтобы через него познавать мир». Человек — божественное орудие познания; только познающий человек действительно может состояться как Человек, следующий божественному провидению.

Такое понимание смысла науки позволяет ей быстро схватывать и не терять главное в гуще технических деталей. Наверное, этим, а также страстью к перемене мест, объясняется огромная широта её научных интересов — как в генетико-географическом плане (доиндоевропейские субстраты Европы — кельтские языки — гаитянский креол — цыганский язык — тунгусо-манчжурские языки — греческий — калмыцкий и башкирский — ингерманландский финский — русскоязычный пиджин — языки манде...), так и в плане проблематики (сравнительно-историческая лингвистика, этнолингвистика, креолистика, различные разделы сегментной и супraseгментной фонологии и морфосинтаксиса; лексическая семантика...).

Эта многогранность интересов Елены Всеволодовны отражена и в разнообразии тематики нашего сборника, и в его названии³. Но на самом деле, если исходить из мировидения юбиляра, то можно с уверенностью сказать: все участники этого тома работали над одной темой: приближение к истине, достичь которой человеку не дано.

Редакторы

---

² Мы не будем говорить здесь о десятках художественных произведений, написанных и опубликованных Еленой Всеволодовной под различными псевдонимами (чаще всего — Елена Милкова).

³ Наверное, имеет смысл пояснить, что Бикин — это река в Приморском крае, на берегах которой живут удэгейцы, а Бамбалуа — деревня народа муан в Кот д'Ивуаре, в которой Елена Всеволодовна находилась в момент написания этих строк.

От Бикина: алтаистика, языки Дальнего Востока, периферийные варианты русского языка

В. В. Баранова, К. А. Маслинский

ЕСТЬ ЛИ ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ? ПО СЛЕДАМ ЭКСПЕДИЦИИ К ОРОЧАМ 2001

*Вот сейчас вот собрали материал, писали, а выводы,
вот это все надо, а все, нету ученых больше. Никто не
займется. Все это под спудом лежит. Ваше дело сейчас
изучать и выяснить блеск нашей тысячелетней культуры*

(ННБ, ж, 1929 г.р., учительница, зап. в пос. Заветы
Ильича Совгаванского района).

1. Е. В. Перехвальская и тунгусо-маньчжуроведение, или почему мы хотим об этом написать

Елена Всеволодовна удивительно естественно чувствует себя на Дальнем Востоке. Все знают о ее работе с удэгейским языком, но мы хотели бы написать об экспедиции к орочам в поселки Уська-Орочская, Датта, Заветы Ильича, Снежный, г. Советская гавань Хабаровского края в 2001 г., поскольку именно с этой поездки началась наша прекрасная совместная многолетняя полевая работа с Е. В. Кроме того, результаты этой поездки, к сожалению, очень мало включены в научный оборот. По итогам экспедиции на сайте кафедры общего языкознания опубликована небольшая заметка [Перехвальская 2001] и статья в социолингвистической энциклопедии [Перехвальская в печати]. Хотя единственное социолингвистическое описание почти исчезнувшего ороцкого языка представляет несомненный интерес для исследователей тунгусо-маньчжурских языков, а методика сбора данных обладает определенной теоретической ценностью. Результаты лингвистических экспедиций довольно часто потом оказываются, по меткому выражению нашей прозорливой информантки, «под спудом». Надеюсь, что юбиляр еще вернется к данной теме, мы хотели бы в преддверии этого продемонстрировать некоторые стереотипные представления об ороцком языке и привести высказывания наших информантов, характерные для ситуации далеко зашедшего языкового сдвига.

Орочский язык — один из тунгусо-маньчжурских языков. В прошлом его носители расселялись по рекам Хунгари, Тумнин, Хадя, Коппи и др. Сейчас они живут в перечисленных выше поселках Ванинского, Совгаванского и Комсомольского районов Хабаровского края. Общая численность этнической группы составляет чуть менее 500 человек, однако орочский язык никто из орочей не использует. Е. В. Перехвальская справедливо отмечает, что «орочи полностью утратили свой язык» [Перехвальская в печати]. Что же остается вместо орочского языка после языковой смерти?

Елена Всеволодовна пригласила авторов этой заметки присоединиться к ней в экспедиции к орочам 2001 года. Для нас, тогда студентов V курса, это было совершенно невероятное расширение исследовательского горизонта, поскольку мы не имели опыта полевой работы с «экзотическими» сообществами. Надо сказать, что Е. В. орочи как раз не казались необычными, и она постоянно говорила что-нибудь вроде «ну, у нас на Бикине...» или «а, ну у нас тоже так делают». Как правило, подобный комментарий следовал за каким-нибудь воспоминанием информантов или упоминанием ситуации, взрывающей наши представления о повседневности, вроде многоженства родителей наших информантов или обычая держать сторожевых собак в яме. Информанты тоже часто принимали ее за свою:

ЕВ: — А Дальнереченск тогда Иман назывался?

Инф: — Иман. Она-то (показывая на меня — В. Б.) не знает, наверное, она, наверное, с Запада (ИИА, ж, 1928 г.р., записано в пос. Уська-Орочская).

Мы ожидали найти орочский язык в более сохранным состоянии. В имеющейся литературе его современное состояние описывалось весьма расплывчато: вроде бы ясно, что языковой сдвиг имеется, но ничего более конкретного о количестве носителей и сфере использования языка не сказано. При этом, как известно, общие слова о том, что язык исчезает, могут относиться к самым разным языковым ситуациям, в том числе и таким, которые исследователям языков Дальнего Востока и Сибири покажутся еще достаточно «благополучными»¹. Е. В. предполагала

---

¹ Мы были не единственными лингвистами, недостаточно точно оценившими состояние орочского языка. Примерно в то же время был начат финансируемый ELDP проект документации орочского языка под руководством Е. Калининой, но затем исследователи оставили в проекте три языка — негидальский, ульчский и кур-урмийский нанайский («Documentation of

оценить реальное положение ороцкого языка и, если это возможно, поработать с носителями, чтобы оценить близость между ороцким и удэгейским (рассматривавшихся довольно долго как один язык). К сожалению, положение ороцкого языка не позволяло полноценно работать с лингвистическими анкетами, и Е. В. предложила объехать все поселки, где живут немногочисленные носители языка, и оценить их языковую компетенцию. Методика сбора данных предполагала сочетание интервью, включающее свободные ответы на вопросы о сферах использования языка, владении разными идиомами, знании традиционной культуры, и лингвистической анкеты, показывающей степень владения языком. Анализируя данные анкет, Е.В. приходит к выводу, что, хотя никто из информантов не использует ороцкий язык,

«среди "забывших" выделяются две группы: 1) те, кто говорил когда-то сам (активно владел языком) и 2) те, кто лишь понимал обращенную к нему речь (пассивное владение). Эти группы значительно различаются своей языковой компетенцией даже сейчас, когда и те, и другие оказались "забывшими". Представители второй группы (пассивное владение) вспоминают язык как ограниченный набор внутренне неделимых формул. Это наиболее обычные стандартные вопросы-ответы. (...) Точно так же отдельные лексемы запомнены ими как части предложений-формул, и для того, чтобы вспомнить отдельное слово, информанты вспоминали целую фразу, где это слово встречается». [Перехвальская 2001].

2. Утрата языка и ороцкая книга. Можно представить себе такую картину: те, кто когда-то владел языком, могли бы потенциально попытаться восстановить свою компетенцию, разговаривая по-ороцки между собой. Как выясняется, носители даже не рассматривают такую возможность, предпочитая сетовать на отсутствие собеседников на родном языке:

— Если бы я.. вот такую бабушку найти, которая говорит. И вот с ней разговаривать, что еще разговариваю. Так быстрее всего это восстановится. Потому что если предложение, это все.. позабыто все.. Слова знаешь, я как-то.. а (совокупность?) произношения трудновато. Это надо с какой-то бабушкой сесть и разговаривать. Которая все знает. (АФН, м, 1929 г.р., записано в г. Советская гавань).

Все информанты, которых указывали в качестве эталонных носителей ороцкого языка, ссылались на отсутствие собеседников. Исследователи создавали необычную ситуацию и просили поговорить между собой на ороцком. Коммуникация была более или, чаще, менее успешна в зависимости от степени владения языком. При этом даже у лучше помнящих язык орочей эта идея сначала вызывала удивление.

Толчок к вспоминанию, большому использованию или проявлению интереса к своему языку нередко связан в переживающих языковой сдвиг сообществах с появлением исследователей или других внешних наблюдателей. Полевые лингвисты знают, что часто к концу работы информант говорит на исчезающем языке свободнее, чем в начале. Влияние нашего приезда сказалось, например, в том, что один из информантов, довольно давно живущий в г. Советская гавань, после интервью приехал вслед за нами в поселок Уська-Ороцкая, откуда он был родом. Его неожиданный приезд налегке в относительно труднодоступный поселок отчасти был помощью нам, за которую мы были признательны. Но, кроме того, интервью всколыхнуло воспоминания о детстве, интерес к ороцкому языку и оживило привычки представителя полукочевой группы: и сейчас люди, придерживающиеся более традиционного образа жизни, часто «откочевывают» в многонедельные или даже многомесячные гости к родственникам.

Почти все информанты, обсуждая утрату языка, вспоминали легенду о книге. С этого текста начинается небольшой раздел об ороцком языке и русско-ороцкий разговорник на сайте Ванинского муниципального района:

Давным-давно, даже сама не помнит когда, шла большая война. Докатилась она и до ороцких стойбищ. Пришлось народу покинуть свои родовые стойбища и на ульмагдах уплыть далеко в море. На одной ульмагде везли книгу, в которой были записаны законы народа. Неожиданно разыгрался шторм. Волны стали захлестывать ульмагду. Книга законов промокла. Когда лодку вынесло на берег, орочи разложили страницы на камнях, чтобы просушить их на солнце. Но тут с севера подул сильный ветер, подхватил страницы и разбросал по волнам. С тех пор остались лесные жители без грамоты и без закона. {...}

Из рассказа Анны Васильевны Акунка, из старейшего рода Акунка. Записал Николай Павлович Сидоров

[http://www.vanino.org/orochi/orochi_spich.shtml].

Этот сюжет вспоминали практически все наши информанты:

Ну, я не знаю, про это не знаю, это говорят так. Была, говорят, книга ороchonская, а дождь пошел, ветер, все размокли и порвались. Ну полетели в воду куда (ИИА, ж, 1928 г.р., записано в пос. Уська-Орочская).

В отличие от записи Н. П. Сидорова (директора школы-интерната в Уське-Орочской, в котором учились многие пожилые информанты; возможно, этим и объясняется удивительная популярность сюжета), в устных пересказах в центре внимания оказывались не законы орочей, а письменность и — метонимически — язык орочей.

У них была вот письменность, какие-то листы, ну, грамота. И вот этой бурей, ветром все-все унесло. Вот такая легенда. Все унесло. И нету теперь (ННБ, ж, 1929 г.р., записано в пос. Заветы Ильича).

Перечисление стихий, угрожавших ороchской книге (морская вода, а потом ветер), как бы снимает ответственность с орочей и показывает, что все силы природы против ороchской письменности. Раз и море, и ветер не на стороне орочей, то что уж тут можно сделать?

3. Ревитализация?

Некоторые наши информанты подчеркивали, что хотели бы что-то сделать для возрождения языка и культуры орочей. Приведем цитату из интервью, отражающую целый комплекс идей, характерных для языкового сдвига: сожаление по поводу того, что не стремились узнать больше у старших, осознание себя «неполноценными» носителями языка и культуры, обида на пренебрежение своей этнической историей и отсутствие интереса со стороны более молодых орочей.

Вот те, которые умерли, у них нужно было спрашивать, они все знали, все умели. Они носили эти свои одежды и все знали, а мы ничего. И тогда нам некогда было, мы не понимали, что надо. А вот сейчас думаешь... «Но ведь это надо...» Надо ведь же увековечить же наше... Вот город Совгавань был, отмечали что-то там, а про нас и разговору нет. Это что, Бошняк² открыл? Мы жили до Бошняка, до великих путешественников мы жили. Вот это город Хади назывался, город Хади. Мы тут жили.

— Вот Совгавань? — соб.

— Да. Хади — ороchское название. А о нас теперь даже не вспомнили, потому что мы сами себя унизили, мы не можем ничего делать. Пьем да

---

² Н. К. Бошняк (1830-1899) — моряк, первопроходец низовий Амура и о. Сахалин.

пьем. Уж я говорю, хоть вы напейтесь, идите танцевать, хоть африканский, хоть кто поймет.. Но никто не хочет идти. Надо вот что-то вспоминать. Надо вот что-то начинать (ННБ, ж, 1929, записано в пос. Заветы Ильича).

Обращает на себя внимание упоминание «африканского танца» под видом ороцкого (к этому образу ННБ возвращалась во время разговора неоднократно). Информант призывает к использованию любых маркеров традиционной культуры, заведомо предполагая, что собственно ороцкая культура утрачена полностью. Эта готовность к «изобретению традиций» в терминологии Э. Хобсбаума [Хобсбаум 2000] находит понимание у некоторых молодых орочей. Не владея ороцким языком, они готовы искать новые пути самоопределения, и эти поиски, с точки зрения внешнего наблюдателя, часто достаточно далеки от традиционности. Утраченный язык демонстрируется внешним наблюдателям, не понимающим ороцкого, а тексты на ороцком языке произносятся людьми, не понимающими смысл отдельных фраз. Специалист по австралийским языкам Н. Иванс приводит несколько примеров использования языка в выступлениях перед теми, кто не владеет языком, с целью создать репутацию человека, свободно владеющего идиомом. Представители местных кланов приветствовали правительственных чиновников, и носитель С, который

склонен переоценивать свое знание языка, использовал характерный для большинства австралийских языков свободный порядок слов, чтобы произвести впечатление человека, хорошо владеющего языком. Он произнес достаточно длинную речь, которая представляла собой многократное повторение сочетаний: *irtya ngardab wurrad! Wurrad irtya ngardab! Ngardab wurrad irtya!* Для слушателей, не знавших С, эта речь звучала впечатляюще, но на самом деле она представляла собой три перестановки безглагольного предложения: «*Это – моя страна! Моя это страна! Страна моя это!*» [Иванс 2012: 503].

В поселке Уська-Ороцкая молодая руководительница кружка при доме культуры (ЕЕЕ, ж, 1978 г. р.) поставила со школьниками для творческого летнего лагеря «Возрождение» сказку «Рябчик и ворон». Поскольку ороцкого текста у исполнителей не было, они пословно перевели текст, пользуясь словариком, а дети выучили текст как набор звуков. ЕЕЕ не пришлось в голову обратиться к носителям языка, еще живущим в этом поселке (в то время в Уське-Ороцкой проживали как минимум два пожилых носителя с достаточной компетенцией).

Причинами были отчасти маргинализованное положение носителей, отчасти, по представлениям ЕЕЕ, их слабая способность к такого рода переводу как особой задаче. Сама ЕЕЕ школьницей ездила в лагерь «Северяночка», где восприняла уже «изобретенный» вариант ороческой культуры, точнее — культуры «коренных народов Севера». Эта внешняя номинация из официальных документов иногда используется утратившими титульный язык орочами в качестве самоназвания.

В заключение хотелось бы вернуться к цитате, приведенной в эпиграфе. Что остается после смерти языка? В эпиграфе информант говорит о «блеске нашей тысячелетней культуры», то есть апеллирует к историческому прошлому группы. Дискурс об ороческом языке, каким мы с Еленой Всеволодовной Перехвальской застали его в 2001 г., характерен, по всей видимости, и для других ситуаций языкового сдвига³.

Литература

- Иванс 2012 — Н. Иванс. Последний носитель умер — да здравствует последний носитель! // Вахтин Н. Б. (ред.) Социоллингвистика и социология языка. Хрестоматия. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. 2012. С. 494–526.
- Перехвальская 2001 — Экспедиция в районы проживания орочей. 2001. Доступно на: <http://www.genlingnw.ru/Ethnolin/ethnosite/orochiru.htm>
- Перехвальская 2013 — Е. В. Перехвальская. Ороческий язык // Социоллингвистическая энциклопедия. *В печати*.
- Хобсбаум 2000 — Э. Хобсбаум. Изобретение традиций // Вестник Евразии, 1, 8, 2000. С. 47–62.

---

³ Редакторы сборника побывали вместе с Еленой Всеволодовной у орочей Советской Гавани в 2010 году. Мы уже не нашли там ни одного человека, который бы говорил по-орочски не только связными текстами, но даже отдельными фразами. В местном доме культуры мы все наблюдали выразительную картину, как несколько представительниц этнической группы орочей, собравшись вместе, пытаются вспомнить по-орочски счет до десяти. Про соседние поселки, упоминаемые в настоящем очерке, нам сказали, что там тоже не осталось никого, кто бы говорил по-орочски. По-видимому, ороческий язык к настоящему моменту можно считать исчезнувшим. — *Прим. ред.*

Д. Ф. Мищенко

МОДАЛЬНОСТЬ В НАНАЙСКОМ ЯЗЫКЕ¹

1. Введение

Модальность — одна из самых обширных и неоднородных семантических зон в грамматике языка. К сожалению, среди исследователей нет единства как в определении границ модальности, так и в отношении терминологии, и потому, прежде чем перейти к описанию модальности в нанайском языке, необходимо указать, какие явления будут включены в это понятие в данной статье и какие термины я буду использовать.

Основная проблема, возникающая при попытке сформулировать значение понятийной категории «модальность», заключается в том, что практически невозможно выделить семантический компонент², общий для всех значений, называемых модальными. Возможным решением может стать трактовка модальности как двухполюсной зоны [Плунгян 2003: 309], внутри которой выделяются два центра модальных значений:

- 1) оценка, или отношение говорящего к ситуации;
- 2) ирреальность, или отношение ситуации к реальному миру.

Остальные значения группируются вокруг этих двух.

Значения первого типа, выражающие отношение говорящего к тому, о чём он сообщает, я, вслед за В. А. Плунгяном [Плунгян 2003], буду называть **оценочной модальностью**. Таким образом, эта группа значений оказывается шире того, что в русскоязычной традиции принято называть «субъективной модальностью» [Виноградов 1975], а также «эпистемической модальностью» (epistemic modality) [Palmer 1986; van der Auwera, Plungian 1998; Плунгян 2003] или пропозициональной установкой (propositional attitude, attitude of mind). Эпистемическая оценка явля-

---

¹ Материал для данной статьи был собран в ходе экспедиции в Хабаровский край в марте 2013 г. Хочу поблагодарить всех участников экспедиции за терпение и стойкость в соседстве со мной, а также выразить отдельные благодарности С. А. Оскольской за фильмы, Н. М. Стойновой за рассказы о сновидениях и Г. А. Морозу за тепло и жвачку.

² В качестве общего компонента всех модальных грамматических явлений иногда называют «субъективность» [Palmer 1986: 16] или «участие говорящего» [Падучева рук.], однако для каждого из критериев обнаруживаются контрпримеры.

ется лишь одним из типов оценки, включающей также этическую оценку и оценку ситуации по степени интенсивности её реализации. Хотя эти значения редко оказываются грамматикализованными в языке, исключение их из сферы модальности представляется неправомерным.

Значения второго типа, выражающие противопоставление по признаку «реальность — ирреальность», называют «объективной модальностью» [Виноградов 1975], «неэпистемической модальностью» (non-epistemic modality) [van der Auwera, Plungian 1998], «ирреальной модальностью» [Плунгян 2003], или модальностью, «ориентированной на участника» (participant-oriented) [Hengeveld 2004]. В данной статье я постараюсь по возможности придерживаться терминологической системы, предложенной в [Плунгян 2003], и, соответственно, противопоставлять оценочной **ирреальную** модальность³.

По словам В. А. Плунгяна, желание «является в некотором смысле центральным модальным значением, поскольку содержит все основные компоненты модальности» [Плунгян 2003: 315-316], а именно ирреальность и положительную оценку. При этом, классифицируя модальные значения, Плунгян относит семантическую зону желания к ирреальной модальности. Его аргументация в [Плунгян 2003: 316] не кажется мне исчерпывающей: в частности, остаётся непонятным, почему нельзя выделить желание в отдельную зону, лежащую на пересечении ирреальной и оценочной модальности. Именно так я буду описывать зону желания в данной статье.

Иногда к модальности относят также следующие явления:

- 1) иллокутивная сила (иллокутивная модальность);
- 2) эвиденциальность;
- 3) лексика с оценочным компонентом значения.

Противопоставление предложений по иллокутивной силе, или по «цели высказывания», т. е. в зависимости от совершаемого с его помощью действия [Austin 1962], часто называют «иллокутивной модальностью» и рассматривают наравне с модальностью других типов. Однако существенное различие между «иллокутивной модальностью» и модальностью «вообще» (Падучева называет её «семантической модальностью» [Падучева 2011.]) состоит в том, что иллокутивная сила характеризует речевой акт, тогда как семантическая модальность приписывается пропозиции (ср. противопоставление коммуникативной модальной рамки внутренней и внешней модальным рамкам в [Касевич 1988]). В

---

³ Достоинства и недостатки различных терминов обсуждаются в [van der Auwera, Plungian 1998: 83–84; Плунгян 2003: 315].

данной статье весьма условные границы модальности я проведу на основании этого различия и способы выражения иллюкутивной силы рассматривать здесь не стану.

Категория эвиденциальности в целом не относится к модальным значениям, хотя она и тесно связана с эпистемической модальностью: в то время как эпистемическая модальность выражает степень достоверности сведений, эвиденциальность указывает на их источник. Значения эвиденциальности и модальности часто выражаются кумулятивно, но сами по себе эвиденциальные значения не являются модальными. Тем не менее, по мнению ван дер Ауверы и Плуңгяна, существует семантическая зона, в которой эвиденциальные значения пересекаются с модальными значениями эпистемической необходимости: речь идёт об инферентивной эвиденциальности, основывающейся на умозаключениях говорящего [van der Auwera, Plungian 1998: 85-86]. Так, предложение *Петя уже должен прийти* может быть произнесено в ситуации, когда говорящему известно, что Петя всегда приходит в одно и то же время, и это время уже наступило. Однако, на мой взгляд, эта ситуация не отличается от прочих случаев кумулятивного выражения эвиденциальности и модальности: в этом предложении одновременно выражены высокая степень уверенности говорящего в том, что ситуация имеет место, и источник его сведений о ней, но указание на источник не является модальным. С учётом всех сделанных оговорок, в рамках данной статьи способы выражения эвиденциальных значений в нанайском языке рассматриваться не будут.

Что же касается лексики с оценочным компонентом значения, то она не включается в сферу оценочной модальности на том основании, что оценка, выраженная в словах типа русских *выпендриваться* или *психовать*, относится не к пропозиции в целом, а только к значению самого слова [Падучева 2011].

Итак, в рамках данной статьи будут рассмотрены следующие модальные значения:

— ирреальная модальность (зона возможности/необходимости)

виды значений:

— возможность

— необходимость

— зона желания

виды значений:

— пассивное желание

— активное желание, или намерение

— оценочная модальность

виды оценки:

- по степени интенсивности реализации ситуации;
- этическая;
- эпистемическая.

Соответствующим образом будет структурирована и предлагаемая статья: в разделе 2 я рассмотрю ирреальную модальность, включающую зону возможности/необходимости; зона желания будет рассмотрена отдельно в разделе 3; наконец, раздел 4 будет посвящён оценочной модальности. Каждый раздел будет открываться теоретическим обзором противопоставлений, возможных в рамках данной группы значений, а за ним будет следовать изложение фактов нанайского языка.

2. Ирреальная модальность (зона возможности/необходимости)

Характеризуя отношение ситуации к реальному миру, принято в первую очередь противопоставлять возможность и необходимость, а каждое из этих значений далее делить на внутреннее и внешнее. Схематически структуру данной модальной зоны, вместе с краткими определениями и альтернативными терминами, можно представить следующим образом.

Виды значений в зоне возможности/необходимости:

— возможность

а) внутренняя (participant-internal possibility [van der Auwera, Plungian 1998], intrasubjective [Bech 1951]) — способность субъекта;

б) внешняя (participant-external possibility [van der Auwera, Plungian 1998], extrasubjective [Bech 1951]) — возможность, обусловленная положением вещей, внешним по отношению к субъекту;

в) имплицативная — возможность, реализация которой зависит от другого фактора;

— необходимость

а) внутренняя (participant-internal necessity [van der Auwera, Plungian 1998]) — потребность субъекта;

б) внешняя (participant-external necessity [van der Auwera, Plungian 1998]), или «деонтическая» — необходимость, обусловленная положением вещей, внешним по отношению к субъекту.

Как видно из схемы, в качестве особого типа возможности принято выделять имплицативную возможность; именно этот тип модальности выражается в условных конструкциях. Семантика и синтаксис условных предложений в нанайском языке могут и должны стать темой отдельной статьи; в рамках же предлагаемой статьи я рассмотрю лексические и

морфологические средства выражения ирреальной модальности в независимых клаузах.

Для выражения семантики внутренней возможности употребляются глаголы *mutə-* ‘мочь’ и *otoli-* ‘уметь; знать’. Зависимый глагол при них принимает либо форму «одновременного» деепричастия, как в (1)–(2), либо форму причастия не прошедшего времени с отрицательной частицей *əm*, как, например, в (4). Различие между двумя этими глаголами состоит в том, что *otoli-* используется при описании навыка или умения, а семантика *mutə-* ближе к значению ‘быть в состоянии’:

(1) *Mi paori-m otoli-i.*
 1SG плавать-CV.SIM уметь.NPST-P.1SG
 ‘Я умею плавать’.

(2) *Mi mənə = də mutə-i-mbi banka*
 1SG REFL=PART.EMPH мочь-NPST-P.1SG банка
nixə.li-m.
 открывать.PFV-CV.SIM
 {Помочь тебе открыть банку?} ‘Я и сама могу открыть её’.

Оба глагола, в терминологии [de Naan 1997: 12], являются двухфокусными: в зависимости от позиции показателя отрицания — на модальном глаголе или на глагольной форме в позиции синтаксического актанта — отрицание может приобретать либо широкую (wide scope of negation) (3), либо узкую (narrow scope of negation) (4) сферу действия:

(3) *Mi xola-m-i otoli-a-si-m.*
 1SG читать-CV.SIM-P.REFL.SG уметь-NEG-NPST-P.1SG
 ‘Я не умею читать’. (NEG [MOD])

(4) *Mi əm ərə.si-Ø miə*
 1SG NEG дышать.IPFV.NPST-NEG вода
do-la-ni otoli-a-mbi.
 внутренность-LOC-P.3SG уметь-NPST-P.1SG
 ‘Я умею не дышать под водой’. (MOD [NEG])

Кроме того, для выражения широкой сферы действия отрицания используется однофокусный глагол *čila-* ‘не мочь’:

(5) *Bələči-u, mi banka nixə.li-m*
 помогать-IMP 1SG банка открывать.PFV-CV.SIM

čila-j-i.

не.мочь-NPST-P.1SG

‘Помоги мне, я не могу открыть банку’.

Смысловый глагол в позиции сентенциального актанта этого глагола принимает форму «одновременного» деепричастия. Интересно, что при этом он часто имеет при себе показатель дезидератива:

(6) *Mi oḡasa-jčā-m-i*

čila-xa-mbi.

1SG засыпать-DES-CV.SIM-P.REFL.SG не.мочь-PST-P.1SG

‘Я не сумел уснуть’. (букв. ‘Я, желая уснуть, не сумел’.)

Функция глаголов *otoli-* ‘уметь’ и *čila-* ‘не мочь’ ограничивается выражением внутренней возможности, однако глагол *mutə-* ‘мочь’ может выражать также значение внешней возможности. Внутри зоны ирреальной модальности именно такое направление эволюции — от выражения внутренней к выражению внешней возможности — является наиболее типичным [Плунгян 2003: 315], ср. развитие семантики английского *may* [Bybee et al. 1994: 193] или немецкого *können* [Heine, Kuteva 2002: 27-28]. При этом интересно, что сфера употребления *mutə-* в этом значении всё же ограничена. Во-первых, он используется преимущественно в отрицательной форме, выражая отсутствие внешней возможности; во-вторых, он употребляется, если совершению действия препятствуют внешние обстоятельства:

(7) *Awtobus oči ži-də, buə*

автобус NEG.PST приходить-NEG 1PL

ənə-m-i mutə-ə-si.

идти-CV.SIM-P.REFL.SG мочь-NEG-NPST

‘Автобус пока не пришёл, мы не можем ехать’.

Если же невозможность выполнить действие связана с запретом или отсутствием позволения со стороны другого лица, для выражения соответствующей семантики используется отрицательная форма глагола *ača-* ‘соответствовать’ с «одновременным» деепричастием или причастием непростежденного времени; его значение заключается в отсутствии внешней возможности в целом, ср.:

(8) *Mi učitel’ un-də-si-lə-ni*

klasa-či

1SG учитель сказать-NEG-NPST-LOC-P.3SG класс-DIR

i-m-i ača-a-si-i.

входить-CV.SIM-P.REFL.SG соответствовать-NEG-NPST-P.1SG

‘Я не могу входить в класс без разрешения учителя’.

- (9) *Ača-a-si* *təj* *niččən-səl-žji = də*
 соответствовать-NEG-NPST TOT птица-PL-INS=PART.EMPH
žčala-wa-si, *mutə-wə-si.*
 подружиться-IMPS.NEG-NPST мочь-IMPS.NEG-NPST
 {Тогда подумал он [муравей] подружиться с птицами {...} Пошёл к
 птицам и чуть с дерева не упал.} ‘Не получается, не подружиться с
 этими птицами, невозможно’ (lidtim_muravej.013).

Стандартным средством выражения значения внешней возможности служит модальное слово *aja* ‘ладно; можно; нужно’ в сочетании с безличным причастием или причастием непрошедшего времени, оформленными частицей =*ma* ~ =*m*:

- (10) *Si* *klassa-či* *i = m* *aja.*
 2SG класс-DIR входить=PART.EMPH ладно
 {Учитель говорит опоздавшему ученику;} ‘Ты можешь войти в класс’.

Нужно отметить, что, хотя информанты не одобряют употребление лично-притяжательного показателя с *aja*, в текстах встречаются употребления такого типа, ср. (11), см. также (16) ниже:

- (11) *Ča-du* *gusərə-gu-ji* *əm*
 этот-DAT рассказывать-CV.PURP-P.REFL.SG один
mədə = goan' «*mədə*» *un-žji = də*
 новость=PART новость сказать-NPST=PART.EMPH
aja-ni = go «*mədə*».
 ладно-P.3SG=PART новость
 ‘Расскажу один случай... «мэдэ», ну, можно сказать «мэдэ»’
 (nikchub_osy.002).

Употребляясь в сочетании с отрицательным причастием, оформленным частицей =*da*, модальное слово *aja* со значением внешней возможности является однофокусным, поскольку отрицание в этом случае интерпретируется как имеющее узкую сферу действия:

- (12) *Buduri-Ø-s = da* *aja,* *awtobusa*
 торопиться-NEG-NPST=PART.EMPH ладно автобус
əpə-xə.
 идти-PST
 ‘Ты можешь не спешить, автобус ушёл’.

Aja является также основным средством выражения внутренней необходимости:

- (13) *Okto-wa omi-o = m aja.*
 лекарство-OBL пить-IMPS=PART.EMPH ладно
 ‘Я должен принять лекарство’.

Однако, выражая семантику необходимости, оно является двухфокусным: отрицание при этом слове может иметь как узкую, так и широкую сферу действия (14), как в (15):

- (14) *Mi žəp-tə-si-m = da aja.*
 1SG есть-NEG-NPST-P.1SG=PART.EMPH ладно
 {Я хочу похудеть.} ‘Я должна не есть’.

- (15) *Mi učila-si-m = da aja*
 1SG учить.NEG-NPST-P.1SG=PART.EMPH ладно
əkzame-mba, mi tuj = də xəm
 экзамен-OBL 1SG так=PART.EMPH весь
sa-ra-mbi.
 знать-ASSERT.NPST-P.1SG
 ‘Мне не нужно готовиться к экзамену, чтобы сдать его’. {Я и так всё знаю.}

Развивая семантику необходимости, *aja* приобретает способность выражать также значение внешней необходимости, однако в этой зоне оно конкурирует с глаголами *gələ-* ‘просить’ и *ača-* ‘соответствовать’. *Aja* выражает внешнюю необходимость, обусловленную объективными обстоятельствами или этическими нормами:

- (16) *Totara əniə un-ži-ni xon'*
 тогда мать сказать-NPST-P.3SG как
žobo-j-si un-ži
 работать-NPST-P.2SG сказать-NPST
tačeo-či-o-ri = ma aja-ni = go
 учить-IPFV-IMPS-NPST=PART.EMPH ладно-P.3SG=PART
əniə un-ži.
 мать сказать-NPST
 ‘А потом мать говорит: «Как же ты работаешь? Надо учиться!» — говорит мама’. (nikchub_bio.038)

- (17) *Xəm-tu piktə-səl təp-i ulə*
 весь-PL ребёнок-PL REFL.OBL-P.REFL.SG хороший

žaxa-ča-j-či=ma *aja.*
 брать-RES-NPST-P.3PL=PART.FUT ладно
 ‘Все дети должны хорошо себя вести’.

- (18) *Mi turgən-ži niə-rə-s=da*
 1SG быстрый-INS выходить-NEG-NPST=PART.EMPH
aja, (mi tuj=də korpi-i).
 ладно (1SG так=PART.EMPH успевать.NPST-P.1SG)
 ‘Я не должен выходить так рано’. (Я и так успею.)

Если же источник внешней необходимости — принуждение, исходящее от другого лица, используется глагол *gələ-* ‘просить’ в форме 3 л. ед. ч., управляющий целевым деепричастием или причастием непрямого времени:

- (19) *Mi diktanta guči niru-gu-i-wə*
 1SG диктант ещё писать-CV.PURP-P.1SG-OBL
gələ-j.
 просить-NPST
 {Учитель заставил меня переписать диктант.} ‘Я должен переписать диктант’.

Этот глагол является однофокусным: отрицание при *gələ-* имеет широкую сферу действия:

- (20) *Mi diktanta niru-gu-i-wə gələ-wə-sii.*
 1SG диктант писать-CV.PURP-P.1SG-OBL просить-IMP.NEG-NPST
 {Я боялся, что меня учитель заставит переписывать диктант, а он не заставил меня этого делать.} ‘Я не должен переписывать диктант’.

Для передачи значения узкой сферы действия отрицания употребляется отрицательная форма глагола *ača-* ‘соответствовать’:

- (21) *Paži-a-si, si xamari-m-i*
 стесняться-NEG-NPST 2SG опаздывать-CV.SIM-P.REFL.SG
ača-a-s bi-čii.
 соответствовать-NEG-NPST быть-PST
 ‘Как тебе не стыдно, ты не должен был опаздывать’ (‘должен не опаздывать’, MOD [NEG P]).

Помимо лексических средств выражения ирреальной модальности, в нанайском существуют также морфологические показатели необходимости. В грамматике В. А. Аврорина они рассматриваются как принадлежащие к особой грамматической категории породы, выражающей

«объективную для говорящего лица зависимость действия от воли действующего лица или от объективной необходимости» [Аврорин 1961: 60]. Однако, как будет показано ниже, несмотря на аргументы Аврорина [Аврорин 1961: 59-60], показатели породы, по-видимому, всё же не образуют отдельной грамматической категории⁴. Рассмотрим семантику двух показателей, использующихся для выражения ирреальной модальности.

Дебитивный суффикс *-gila-/-gilə-* (показатель «породы долженствования», по В. А. Аврорину) служит для выражения семантики внешней необходимости, ср. замечание В. А. Аврорина: «(г)лагольное слово с основной породы долженствования обозначает не реальное совершение действия, а то, что данное действие должно совершиться, причём необходимость этого зависит не от говорящего и даже не от действующего лица, а от объективно существующих вне их причин» [Аврорин 1961: 60]:

(22) *Buə əjniwə žobo-gila-j-po.*

1PL сегодня работать-DEB-NPST-P.1PL

‘Мы должны работать’ {по расписанию}.

(23) *Əj ixon-du = da   naj*

этот село-DAT=PART.EMPH человек

bu-gilə-j-wə-ni   mii xət

умирать-DEB-NPST-OBL-P.3SG 1SG весь

saa-ra-mbi.

знать-ASSERT.NPST-P.1SG

‘Если в этой деревне кто-нибудь должен умереть, я всё знаю’

(mixzar_son_o_smerti.001).

Дебитив не формирует грамматической категории и не является наклонением, поскольку значение «Р — Р подлжит исполнению» образует привативную оппозицию, тогда как грамматические категории всегда образуют эквиполентную оппозицию.

Интересно, что дальнейшего развития дебитивного суффикса в показатель эпистемической необходимости — а именно такое развитие «от менее грамматикализованной ирреальной модальности к более грамма-

---

⁴ К сожалению, участникам экспедиции не удалось прийти к единому мнению о том, как следует анализировать (и, соответственно, называть) то, что Аврорин относит к «породам». Термины, которыми буду пользоваться я, достаточно произвольны и отражают представления о семантике этих форм, сложившиеся у меня на основании беглого изучения форм с данными показателями.

тикализованной оценочной (прежде всего, эпистемической)» [Плунгян 2003: 315] типологически ожидаемо [Heine, Kuteva 2002: 28-29] — в нанайском языке не наблюдается. Как видно из (24-25), формы с показателем дебитива не могут получать реальной интерпретации:

(24) *Petja tačio-či-gila-j-ni.*

Петя учить-IPFV-DEB-NPST-P.3SG

‘Петя будет/должен учиться’.

*‘Должно быть, Петя учится’.

(25) **Čimana tugdə-gilə-j-ni.*

завтра идти(о.дожде)-DEB-NPST-P.3SG

*{Смотрит в окно, видит, что ветер поднялся.} ‘Завтра будет дождь’.

При сочетании показателя дебитива с показателем отрицания «менее грамматический» суффикс дебитива располагается ближе к корню, чем «более грамматический» отрицательный суффикс, при этом модальное значение попадает в сферу действия отрицания, т. е. получившаяся форма означает отсутствие необходимости:

(26) *Maša tasima-wa piki-gilə-Ø-si.*

Маша лепёшка-OBL печь-DEB-NEG-NPST

‘Маше не надо будет печь лепёшку’. (NEG [DEB])

*‘Маше надо будет не печь лепёшку’. (DEB [NEG])

Значение из зоны внутренней необходимости выражает показатель *органической потребности* («порода потребности», по Арорину) *-mose/-musi-*. Он присоединяется к ограниченному кругу глагольных лексем, выражающих естественные потребности живого существа, такие, как ‘спать’, ‘пить’ или ‘есть’:

(27) *Mi a-masi-i.*

1SG спать-NEC.NPST-P.1SG

‘Я хочу спать’.

Дополнительным свидетельством в пользу непродуктивного словообразовательного статуса этого суффикса служат изменения, происходящие в основах некоторых глаголов при его присоединении, ср. *amasi-* ‘хотеть пить’ при *ao-* ‘пить’, *žəmusi-* ‘хотеть есть’ при *žəp-* ‘есть’.

Как видно из приведённых примеров, переводным эквивалентом для форм с показателем органической потребности в русском языке служат сочетания с глаголом *хотеть*. Может возникнуть вопрос: не следует ли отнести этот показатель к средствам выражения модальности желания и

рассматривать как показатель неконтролируемого желания? Известно, что в языках мира неконтролируемое желание может быть противопоставлено контролируемому. Именно так обстоят дела, например, в осетинском, где глагол *цæуын* ‘идти, хотеться’ противопоставлен глаголу *фæндын* ‘хотеть’ [Выдрин 2011: 30], или в башкирском, где *kilew* ‘приходить’ в форме 3 л. ед.ч. выражает неконтролируемое желание (‘хотеться’) и таким образом противостоит глаголу *telāw* ‘желать’. Однако, как кажется, случай нанайского языка немного отличается именно в силу непродуктивности показателя. Ограниченность сферы его употребления глаголами «физиологических потребностей» не позволяет образовать формы типа «хочется купить» или «хочется посмотреть», которые в определённых контекстах можно рассматривать как выражающие неконтролируемое желание, но вряд ли можно считать выражением внутренней необходимости. Нанайские же формы с показателем органической потребности всегда можно интерпретировать как передающие внутреннюю необходимость, например, *amasii* ‘хочу спать’ = ‘чувствую необходимость поспать’. Такие ситуации явно сближаются с ситуациями типа ‘мне нужно принять лекарство’, прототипическими для зоны внутренней необходимости.

Показатель органической потребности может сочетаться с показателем отрицания; как и в случае с дебитивом, «менее грамматический» суффикс органической потребности располагается ближе к корню, чем «более грамматический» отрицательный суффикс, а модальное значение попадает в сферу действия отрицания, т. е. отрицательная форма выражает отсутствие внутренней необходимости:

(28) *Mi a-masi-ja-si-mbi.*

1SG спать-NEC-NEG-NPST-P.1SG

{Мать говорит ребёнку: Иди ложись спать! — } ‘Я не хочу спать’.

Подводя итог описанию сферы ирреальной модальности, распределение средств выражения значений в пределах этой зоны можно представить в виде Таблицы 1. В ней приведены не только средства выражения модальных значений, но и формы смыслового глагола, которыми управляют модальные слова, при этом лексические единицы приводятся полностью, а грамматические формы смыслового глагола указываются условно при помощи глоссы. Второй столбец Таблицы отражает соотношение сфер действия отрицания и модальности. Способы выражения значения, отличающиеся небольшими семантическими различиями,

обсуждавшимися выше, приводятся через запятую; через слэш приводятся равнозначные варианты управления.

Таблица 1. Средства выражения ирреальной модальности в нанайском языке

		НЕОБХОДИМОСТЬ	ВОЗМОЖНОСТЬ
Внутренняя	+ [+ p]	NPST= <i>ma aja</i> , NPST-OBL <i>gələ-</i> , NEC	CV.SIM <i>otoli-</i> , CV.SIM <i>mutə-</i>
	+ [- p]	NEG-NPST= <i>da aja</i>	<i>əm</i> NPST <i>otoli-</i> , <i>əm</i> NPST <i>mutə-</i>
	- [+ p]	NEG-NPST= <i>da aja</i> , NEC-NEG	CV.SIM <i>otoli-NEG</i> , CV.SIM <i>mutə-NEG</i> , CV.SIM <i>čila-</i>
Внешняя	+ [+ p]	NPST= <i>ma aja</i> , CV.PURP/NPST-OBL <i>gələ-</i>	NPST= <i>ma aja</i>
	+ [- p]	NPST <i>ača-NEG</i> , CV.SIM <i>ača-NEG</i>	NEG-NPST= <i>da aja</i>
	- [+ p]	NEG-NPST= <i>da aja</i> , CV.PURP <i>gələ-NEG</i> , DEB	CV.SIM <i>mutə-NEG</i> , CV.SIM <i>ača-NEG</i>

3. Зона желания

Основное противопоставление в зоне желания, которое будет интересовать меня в данной статье, связано с тем, хочет ли субъект сам выполнить некоторое действие или он ожидает исполнения действия от другого лица; в первом случае следует говорить о кореферентности субъектов, во втором — об их некорреферентности. Кроме того, прототипическому, «пассивному», желанию следует противопоставлять активное желание, или намерение. Намерение автоматически подразумевает кореферентность субъектов, поскольку предполагает активные действия по достижению желаемого со стороны субъекта желания.

По-видимому, основным средством выражения желания в нанайском является показатель *дезидератива* («порода намерения», по В. А. Аврорину) в форме *-jča-/ -jčə-* с вариантами *-ča-/ -čə-* после основ на *-i*, *-kiča-/ -kičə-* после основ на согласный:

- (29) *Mi Buri-či ənə-jčə-j-i.*
1SG Хабаровск-DIR идти-DES-NPST-P.1SG
'Я хочу поехать в Хабаровск'.

В силу морфологической природы показателя субъект действия и субъект желания в большинстве случаев совпадают, а потому естественно, что дезидератив употребляется преимущественно в ситуации кореферентности. Однако при необходимости выразить некорреферентность субъекта желаемого действия субъекту желания, дезидеративный суффикс присоединяется к каузативному глаголу:

- (30) *Mi Petja-wa čolo-mba puju-wən-di-ča-j-i.*
 1SG Петя-OBL суп-OBL варить-CAUS-IPFV-DES-NPST-P.1SG
 ‘Я хочу, чтобы Петя сварил суп’.

При сочетании в одной глагольной форме показателей дезидератива и отрицания отрицательный суффикс следует за дезидеративным, и отрицание имеет широкую сферу действия над модальностью желания:

- (31) *Mi dolbo tiap ao.ri-ča-Ø-si-mbi.*
 1SG ночь глубоко спать.NPST-DES-NEG-NPST-P.1SG
 ‘Мне не спится всю ночь’ (букв. ‘Я всю ночь не хочу спать’).

Впрочем, специфика семантики желания такова, что чётко разграничить широкую и узкую сферы действия отрицания удаётся не всегда. Показатель отрицания при глаголе, выражающем желание, можно интерпретировать как подъём отрицания, поскольку отсутствие желания совершать действие можно считать приблизительно эквивалентным желанию не совершать действие. Однозначно идентифицировать узкую сферу действия отрицания можно лишь в контекстах, подразумевающих высокую степень контроля со стороны субъекта. Выражение таких значений для показателя дезидератива, судя по всему, недоступно: большинство информантов не допускают употребления предложений типа (31) в контексте *(У меня завтра экзамен, надо готовиться.) со значением ‘Я хочу не спать всю ночь’. Соответствующее значение может быть выражено при помощи лексических средств, см. ниже.

Исходное значение желания даёт возможности для развития перспективных значений. Подобная эволюция показателей желания, в том числе дезидеративных, зафиксирована во многих языках мира [Heine, Kuteva 2002: 311-313]. О том, что перспективное значение развивается и у нанайского показателя дезидератива, свидетельствуют примеры типа (32), где он употребляется с неодушевлёнными объектами:

- (32) *Omol guda-jča-j-ni.*
 пояс рваться-DES-NPST-P.3SG
 ‘Пояс сейчас порвётся’ (букв. ‘Пояс хочет порваться’).

Перейдём к анализу лексических средств выражения желания. К их числу относятся глаголы *čixala-* ‘соглашаться’, *gələ-* ‘просить’, *osisi-* ‘не хотеть’, вводящие смысловый глагол в форме причастия непрошедшего времени или целевого деепричастия, а также глагол *galo-* ‘не хотеть, не любить, не соглашаться’, управляющий формой причастия непрошедшего времени. Распределение этих глаголов определяется тремя факторами:

1) господство дезидератива в утвердительных предложениях при кореферентности субъектов желания и желаемой ситуации; в этом контексте ни один глагол не может конкурировать с ним;

2) наличие ингерентного отрицательного компонента в семантике глаголов *osisi-* ‘не хотеть’ и *galo-* ‘не хотеть, не любить, не соглашаться’. Естественно, что эти глаголы употребляются только для выражения отрицания желания. Интересно, что синонимичными эти два глагола являются только в ситуации некорреферентности субъектов:

- (33) *Mama osisi-ni* / *galo-j-ni* *mi*
 мама не.хотеть.NPST-P.3SG / не.хотеть-NPST-P.3SG 1SG
škola-či *toko-j-a*.
 школа-DIR идти-NPST-OBL
 ‘Мама не хочет, чтобы я шёл в школу’.

По данным словаря С. Н. Оненко, значение ‘не хотеть’ глагол *galo-* имеет и при кореферентности субъектов:

- (34) *Mi* *kəktərsi-m-i* *əj*
 1SG дурно.пахнуть-CV.SIM-P.REFL.SG этот
žok-či *i-u-ri-wə* *galo-ŋ*.
 дом-DIR входить-IMPS-NPST-OBL не.хотеть-NPST
 ‘Мне не хочется заходить в это помещение, потому что там плохо пахнет’ [Оненко 1980: 237].

Однако наши информанты в ситуации кореферентности субъектов склонны интерпретировать значение глагола *galo-* скорее как ‘не любить’, нежели как ‘не хотеть’, и однозначно разводят глаголы *osisi-* и *galo-* в таком употреблении, ср.:

---

⁵ Здесь и далее примеры из словаря С. Н. Оненко приводятся в принятой нами орфографии с моим глоссированием.

(35) *Mi škola-či ənə-u-j-wə ossi-ŋ⁶.*
 1SG школа-DIR идти-IMPS-NPST-OBL не.хотеть.NPST-P.1SG
 ‘Я не хочу идти в школу’.

(36) *Mi škola-či ənə-u-ri-wə*
 1SG школа-DIR идти-IMPS-NPST-OBL
galo-j-i.
 не.хотеть-NPST-P.1SG
 ‘Мне не нравится ходить в школу’.

Интересно, что сфера действия отрицания, несмотря на то, что оно является неотъемлемой частью семантики этих матричных глаголов, может интерпретироваться как узкая, ср. следующую пару предложений:

(37) *Mi osisi-ja-m dolbo awo-j-a.*
 1SG не.хотеть-ASSERT.NPST-P.1SG ночь спать-NPST-OBL
 {У меня завтра экзамен, надо готовиться.} ‘Я хочу не спать всю ночь’.

(38) *Mi osisi-ja-m awo-j-a.*
 1SG не.хотеть-ASSERT.NPST-P.1SG спать-NPST-OBL
 {Мать говорит ребёнку: Иди ложись спать! –} ‘Я не хочу спать’.

Как было показано выше, показатель деизидератива может сочетаться с показателем отрицания, выражая отсутствие желания. Таким образом, в зоне отрицания, особенно при кореферентности субъектов (некорреферентное употребление для деизидератива всё же нехарактерно), наблюдается конкуренция между деизидеративом и глаголом *osisi-* ‘не хотеть’ как основным способом выражения данной семантики. Судя по всему, каких-либо семантических различий между ними нет: во всех ситуациях сочетание показателей деизидератива и отрицания и глагол *osisi-* признаются информантами взаимозаменяемыми. Предпочтения того или иного способа выражения данного значения является идиолектной особенностью: одни информанты в качестве отрицательного эквивалента деизидератива выдают форму деизидератива с показателем отрицания, другие — глагол *osisi-* ‘не хотеть’.

3) наличие эксплицитного показателя отрицания. Этот фактор может определять способность глагола вообще иметь модальное значение. Так, глагол *čixala-* ‘соглашаться’ с модальным значением желания употреб-

---

⁶ Вариант *ossi-* вместо *osisi-* регулярно возникает в беглой речи некоторых информантов.

ляется только в контексте отрицания. Он используется и в случае кореферентности, и в случае некорреферентности субъектов:

- (39) *Mi čixala-Ø-si-mbi si*
 1SG соглашаться-NEG-NPST-P.1SG 2SG
piki-wa-si torta-wa, xəmə bəli-wə
 печь.NPST-OBL-P.2SG торт-OBL лучше готовый-OBL
ga-so.
 покупать-IMP
 {Хочешь, я испеку торт?} ‘Я не хочу, чтобы ты пёк торт, лучше купи готовый’.

- (40) *Mi škola-či ənu-j-i-wə*
 1SG школа-DIR идти-NPST-P.1SG-OBL
čixala-Ø-si-mbi.
 соглашаться-NEG-NPST-P.1SG
 ‘Я не желаю идти в школу’.

Наконец, 4) исходное, немодальное значение глагола в модальной функции. Хорошей иллюстрацией действия этого фактора может служить глагол *gələ-* ‘просить’, первичное значение которого определяет его употребление лишь в ситуации некорреферентности субъектов желания и желаемого действия:

- (41) *Mi gələ-j čolo-mba puju-gu-ə-si.*
 1SG просить-NPST суп-OBL варить-CV.PURP-OBL-P.2SG
 ‘Я хочу, чтобы ты сварил суп’.

Употребляется он и с показателем отрицания, которое приобретает широкую сферу действия над модальным компонентом (впрочем, она опять же может быть интерпретирована и как подъём отрицания):

- (42) *Mi oči gələ-j-əm tasima-wa*
 1SG NEG.PST просить-NPST-P.1SG лепёшка-OBL
čeru-gu-a-s’, ga.p-u bi-či-jə.
 жарить-CV.PURP-OBL-P.2SG покупать.IMPS-IMPS быть-PST-OBL
 {Почему ты такой расстроенный? Я что-то сделал не так?} ‘Я не хотел, чтобы ты пёк торт, лучше бы ты купил готовый’.

Ещё один аспект употребления модальных глаголов желания связан с возможностью двойного отрицания. Он включает в себя сразу несколько проблем, требующих изучения.

С точки зрения семантики, отрицание желания не совершать действие («Я не хочу не ходить на работу» = «У меня нет желания не ходить на работу») противопоставляется отрицанию отсутствия желания («Я вовсе не не хочу идти на работу» = «Неверно, что я не хочу идти на работу»). И опять нанайский язык ведёт себя различно в ситуации кореферентности и в ситуации некорреферентности субъектов. При кореферентности субъектов два этих значения выражаются одинаково: либо отрицательной формой глагола *osisi-* ‘не хотеть’ в сочетании с утвердительной формой причастия не прошедшего времени, либо с помощью глагола *čixala-* ‘соглашаться’ с показателем отрицания и отрицательной формы «одновременного» деепричастия:

(43) *Mi əm žobo-a-m-i*
 1SG NEG работать-NEG-CV.SIM-P.REFL.SG
čixala-Ø-si-mbi.
 соглашаться-NEG-NPST-P.1SG
 {Миленький, да ты же устал, отдохни, не ходи на работу! А вы без работы не можете.} ‘Я не хочу не работать’.

(44) *Mi əm žobo-a-mi oči*
 1SG NEG работать-NEG-CV.SIM.SG NEG.PST
čixala-Ø-i⁷, a anoko gələ-mə-či-xə-mbi.
 соглашаться-NEG-P.1SGa ключ просить-RECP-PST-P.1SG
 {Ты почему вчера в 9 утра ещё был дома, хотел не работать?} ‘Я не хотел не работать, я просто долго искал ключи’.

Правда, в нанайском существует и способ уточнить, что предложение имеет вторую интерпретацию («Неверно, что я не хочу делать»). Для этого используется отрицательная форма глагола *bi-* ‘быть’, *biəsi*, букв. ‘неверно, что’:

(45) *Mi žobo-j-a ossi bi-ə-si,*
 1SG работать-NPST-OBL не.хотеть.NPST быть-NEG-NPST
a xaj-wa anoko gələ-məči-gu-i.
 а что-OBL ключ просить-RECP-CV.PURP-P.REFL.SG
 {Ты почему до сих пор дома, хочешь не работать?} ‘Я не не хочу работать, я ключ ищу’.

---

⁷ То обстоятельство, что в (43) отрицание при *čixala-* ‘соглашаться’ выражается при помощи частицы, а в (44) при помощи суффикса, связано с различием по категории времени, а не с семантикой предложений.

В ситуации же некоррелентности субъектов эти значения выражаются по-разному: отрицание желания несовершения действия другим лицом («Я не хочу, чтобы ты не ходил на работу» = «У меня нет желания, чтобы ты не ходил на работу») выражается отрицательной формой глагола *osisi-* ‘не хотеть’ и утвердительной формой целевого деепричастия (46), а отрицание отсутствия желания («Я вовсе не не хочу, чтобы ты шёл на работу» = «Неверно, что я не хочу, чтобы ты шёл на работу») выражается при помощи глагола *osisi-* ‘не хотеть’ и отрицательной формы причастия непростедевшего времени (47):

- (46) *Mi oči osisi-a-Ø-j si*
 1SG NEG.PST не.хотеть-NEG-P.1SG 2SG
kluba-či ənə-gu-a-s’.

клуб-DIR идти-CV.PURP-OBL-P.2SG

{Почему вчера, когда ты не очень хорошо себя чувствовал, ты отпустил меня в клуб, ведь я мог посидеть с тобой?} ‘Я не хотел, чтобы ты не ходил в клуб’.

- (47) *Mi osisi-ja-mbi-an⁸ si*
 1SG не.хотеть-ASSERT.NPST-P.1SG-??? 2SG
ənu-Ø-j-wa-sí, mi xəmə murči-a-m.
 уйти-NEG-NPST-OBL-P.2SG 1SG лучше думать-ASSERT.NPST-P.1SG
 {Почему ты так на меня смотришь? Ты что, хочешь, чтобы я не уходил?} ‘Я не хочу, чтобы ты не уходил. Я просто задумался’.

Любопытно, что распределение способов выражения двух этих значений обратно ожидаемому: можно было предположить, что отрицательная форма глагола *osisi-* будет употребляться в том случае, когда в сферу действия отрицания попадает именно значение ‘не хотеть’, т. е. ‘неверно, что не хочу’, как в (47). Не исключено, что мне просто не удалось придумать хороший контекст и объяснить информанту ситуацию, в которой могли быть произнесены такие предложения.

С точки зрения морфологии, в ситуации двойного отрицания важно учитывать два обстоятельства: возможность или невозможность одновременного употребления при глаголе двух показателей отрицания и возможность или невозможность выражения отрицания при синтаксическом актанта. Поскольку употребление двух показателей отрицания в одной глагольной словоформе в нанайском языке невозможно, отрицательный desiderativ со значением двойного отрицания не употребляется.

⁸ Определить значение последнего компонента словоформы не удалось.

ся; вместо него, как было показано, употребляются ингерентно отрицательные глаголы. Что же касается возможности появления отрицания при сентенциальном актанте, то из примеров (43–44) и (47) выше видно, что препятствий к этому нет, так что отрицание может быть выражено дважды, при матричном предикате и при зависимой глагольной форме.

До этого речь шла о выражении «пассивного» желания; теперь перейдём к рассмотрению активного желания, при котором субъект желания предпринимает некоторые действия для его осуществления. Наиболее распространённый способ выражения значения активного желания — аналитическая конструкция с целевым деепричастием и глаголом *ta-* ‘поступать’. Семантика намерения лучше всего проявляется в противопоставлении форм с показателем органической потребности:

(48) *Mi žəb-du-ŋ ta-j-i.*
 1SG есть-CV.PURP-P.REFL.SG поступать-NPST-P.1SG
 ‘Я собираюсь есть’.

(49) *Mi žə-musi-a-mbia.*
 1SG есть-NEC-ASSERT.NPST-P.1SG
 ‘Мне хочется есть’.

Подобно дезидеративу, см. выше, аналитическая конструкция с *ta-* проявляет тенденцию к сдвигу в сторону проспективного значения, ср. пример с неодушевлённым субъектом:

(50) *Tugdə tugdə-lu-gu-j*
 дождь идти(о.дожде)-INCH1-CV.PURP-P.REFL.SG
ta-j-ni.
 поступать-NPST-P.3SG
 ‘Дождь вот-вот пойдёт’.

Семантическим отрицательным эквивалентом конструкции намерения является сочетание *ta-* ‘поступать’ с отрицательной формой причастия непростедшего времени смыслового глагола и целевого деепричастия от основы *o-* ‘становиться’¹⁰:

⁹ «Суффикс *-ду* представляет собой образовавшийся в отдалённом прошлом фонетический вариант суффикса *-zo/-zu*, в котором переход [г] > [д] объясняется частичной ассимиляцией заднеязычного согласного перед губным, частично передвинувшей артикуляцию вперёд, но не доведшей её до губной» [Аврорин 1961: 168].

¹⁰ Аналитическая конструкция, состоящая из отрицательной формы причастия непростедшего времени и целевого деепричастия от глагола *o-* ‘становить-

- (51) *Mi un-də-si o-si-go-i-wa*
 1SG сказать-NEG-NPST становиться-IPFV-CV.PURP-P.1SG-OBL
ta-j-i.
 поступать-NPST-P.1SG
 ‘Я не собираюсь говорить’.

При этом показатель отрицания может присоединяться и к глаголу *ta-* ‘поступать’, однако такая форма выражает большую степень уверенности в том, что действие не совершится, и потому не может в полной мере считаться отрицательным эквивалентом конструкции намерения:

- (52) *Mi ao-go-i ta-∅-si-mbi.*
 1SG спать-CV.PURP-P.REFL.SG поступать-NEG-NPST-P.1SG
 ‘Я не буду спать’.

Намерение может выражаться и при помощи синтетических форм глагола. Наиболее простым случаем является употребление формы будущего времени со значением активного желания:

- (53) *Mi otpuska-do-i Moskwa-či ənə-žə-m.*
 1SG отпуск-DAT-P.REFL.SG Москва-DIR идти-ASSERT.FUT-1SG
 ‘Я собираюсь провести отпуск в Москве’.

Однако есть в нанайском и специализированный синтетический способ выражения данного значения — суффикс интенционала («породы цели», по В. А. Аврорину). Этот показатель имеет форму *-nda-/-ndə-* в найхинском говоре и *-ŋa-/-ŋə-* в джуенском говоре. Исходным значением суффикса было направленное движение: по свидетельству В. А. Аврорина, основы глагола с этим показателем обозначают движение с целью совершения действия [Аврорин 1961: 61]. Подобные примеры фиксируются и в наших текстах:

- (54) *Totara murči-j-ni mii=kə nuučī*
 тогда думать-NPST-P.3SG 1SG=PART.REAL маленький
sogdata-kan-či əlbəsi-u-ri gə əlbəsi-ndə-xən.
 рыба-DIM-DIR плавать-IMPS-NPST ну плавать-PURP-PST
 ‘Тогда подумал: «Пойду к маленьким рыбкам купаться!» – и пошёл купаться’ (lidtim_muravej.008).

ся’, является семантическим эквивалентом простой утвердительной формы деепричастия цели и в других контекстах.

Однако, судя по нашим материалам, теперь компонент движения в семантике форм с показателем интенционала может отсутствовать:

- (55) *Gə, ələ-ni = təni, xət ulən-ži*
 ну достаточно-Р.3SG=a весь хороший-INS
ʒoŋgo-r o-si-ni,
 вспоминать-CV.NSIM становиться-IPFV-Р.3SG
baa-o-ri-ni = go
 находить-IMPS-NPST-Р.3SG=PART
gusərə-ndə-gu-j
 рассказывать-PURP-CV.PURP-Р.REFL.SG
gusərə-gu-j...
 рассказывать-CV.PURP-Р.REFL.SG
 ‘Ну, хватит. Если всё хорошо вспомнить, можно ещё рассказать, ещё расскажу <...>’ (nikchub_bio.071)

Известно, что семантический компонент движения часто является исходным для показателей цели и намерения: в языках мира показатели цели нередко развиваются в результате грамматикализации глагола ‘идти’ [Heine, Kuteva 2002: 165]; с утратой семантики движения показатель может развить значения намерения, ближайшего будущего и просто будущего времени [Heine, Kuteva 2002: 161–165].

Судя по всему, в нанайском языке интенциональные формы тоже начинают развивать значение ближайшего будущего времени. Ср. следующий пример, где компонент намерения вовсе отсутствует:

- (56) *Tugdə tugdə-nə-j-ni.*
 дождь идти(о.дожде)-PURP-NPST-Р.3SG
 ‘Дождь вот-вот пойдёт/собирается’.

При сочетании показателя интенционала с показателем отрицания значение намерения попадает в сферу действия отрицания; получившаяся форма таким образом означает отсутствие движения, а не движение с целью невыполнения действия:

- (57) *Mi awo-ŋa-Ø-si-i.*
 1SG спать-PURP-NEG-NPST-Р.1SG
 ‘Я не иду ночевать’ (NEG [PURP])
 *‘Я иду, чтобы не ночевать’ (PURP [NEG])

Показатель интенционала может также сочетаться с показателем дебитива; в этом случае получившаяся форма выражает значение необходимости движения с целью совершения действия:

- (58) *Buə xola-ŋa-gila-j-po.*
 1PL читать-PURP-DEB-NPST-P.1PL
 ‘Мы должны пойти читать’.

Помимо грамматических способов выражения значения намерения, в нанайском есть также несколько лексических средств выражения этого значения. К ним в первую очередь относится глагол *murč-i* ‘думать’, вводящий форму причастия непрочешшего времени смыслового глагола:

- (59) *Mi murč-i otpuska-do Moskwa-či*
 1SG думать.NPST-P.1SG отпуск-DAT Москва-DIR
ənu-j-i.
 уходить-NPST-P.1SG
 ‘Я думаю провести отпуск в Москве’.

Согласно словарю С. Н. Оненко, нанайский глагол *barge(-če)* ‘готовить; собираться’, управляющий целевым деепричастием, также может использоваться для выражения семантики намерения, однако наши информанты его практически не употребляли. Кроме того, остаётся непонятным, в какой мере этот глагол способен самостоятельно выражать значение намерения, ср. следующий пример, где он сочетается с целевым деепричастием с показателем интенционала:

- (60) *Ongači xoto-nči tačeo-či-nda-go-i*
 Онгачи город-DIR учить-IPFV-PURP-CV.PURP-P.REFL.SG
barge-če-ni.
 готовить-IPFV.NPST-P.3SG
 ‘Онгачи собирается ехать учиться в город’. [Оненко 1980: 62]

Суммируем данные о способах выражения модальности желания в нанайском в виде Таблицы 2. Основные принципы представления информации те же, что и в Таблице 1 выше: в том случае, если модальное значение выражается лексически, вместе с соответствующим глаголом указывается форма смыслового глагола, которой он управляет, при этом лексические единицы приведены полностью, а грамматические формы смыслового глагола указаны условно при помощи глоссы. Левый столбец Таблицы отражает соотношение сфер действия отрицания и модальности. Семантически близкие способы выражения значения приводятся через запятую; через слэш приведены равнозначные варианты управления.

Таблица 2. Средства выражения модальности желания в нанайском языке

	пассивное желание, корреферентность	пассивное желание, некорреферентность	намерение
+ [+ p]	V-DES-	<i>gələ</i> - CV.PURP-OBL, -CAUS-DES-NPST	CV.PURP(-OBL) <i>ta</i> -, <i>murči</i> - NPST, V-ASSERT.FUT-
- [+ [+ p]]	V-DES-NEG-	<i>čixala</i> -NEG CV.PURP-OBL, -CAUS-DES-NEG-NPST	
- [+ p]	V-DES-NEG-, <i>osisi</i> - NPST-OBL, <i>čixala</i> -NEG NPST-OBL	<i>osisi</i> - NPST-OBL / CV.PURP-OBL, <i>gələ</i> -NEG- CV.PURP-OBL, <i>čixala</i> -NEG CV.PURP-OBL, <i>galo</i> - NPST-OBL	NEG-NPST <i>osi-go</i> - <i>ta</i> -, CV.PURP(-OBL) <i>ta</i> - NEG, <i>murči</i> -NEG NPST
+ [- p]	<i>osisi</i> - NPST-OBL	<i>čixala</i> -NEG NPST-OBL	NEG-NPST <i>osi-go</i> - <i>ta</i> -
- [+ [- p]]	<i>oči osisi</i> - NPST-OBL, <i>osisi</i> - NPST-OBL <i>biasi</i> , <i>čixala</i> -NEG <i>əm</i> V-NEG-CV.SIM	<i>oči osisi</i> - CV.PURP-OBL	
- [- p]	<i>oči osisi</i> - NPST-OBL, <i>čixala</i> -NEG <i>əm</i> V-NEG-CV.SIM	<i>osisi</i> - NEG-NPST-OBL	

4. Эпистемическая оценочная модальность

В зависимости от того, какой именно признак действия подвергается оценке со стороны говорящего, выделяются следующие её виды:

— оценка по степени интенсивности реализации ситуации. Как правило, этот тип оценки слабо грамматикализован в языках мира; тем не менее, выделяют:

а) **элатив** — повышенная степень интенсивности;

б) **аттенуатив** — пониженная степень интенсивности;

— этическая оценка. По-видимому, грамматикализуется в языках мира ещё реже, чем оценка по степени интенсивности [Плунгян 2003: 310];

— **эпистемическая оценка** — степень вероятности данной ситуации. Этот вид оценки наиболее грамматикализован; в зависимости от того, в какой момент даётся оценка вероятности события, в рамках эпистемической оценки выделяют два её подтипа:

а) **эпистемическая гипотеза** — прогноз вероятности «некоторой ситуации, о наличии которой в настоящем, прошлом или будущем у говорящего нет достоверных сведений» [Плунгян 2003: 311]:

- маловероятная;
- возможная;
- высоковероятная;

б) **эпистемическое ожидание** — оценка ситуации *post factum* как совпадающей или не совпадающей с ожиданиями говорящего, имевшимися до её наступления:

- маловероятная;
- возможная;
- высоковероятная.

В нанайском языке эпистемическая гипотеза является, по-видимому, единственным типом оценочных значений, для выражения которых, наряду с лексическими, имеются и грамматические средства выражения; потому я сосредоточусь на способах выражения именно её. При этом структуру этой семантической зоны я буду представлять таким образом, чтобы облегчить сопоставление оценочной модальности с ирреальной модальностью. Для этого я буду противопоставлять два значения степени вероятности — **эпистемическую возможность**, соответствующую возможному событию, и **эпистемическую необходимость**, соответствующую высоковероятному событию. Кроме того, меня будут интересовать особенности выражения оценки говорящим возможности совершения действия в будущем, вероятности того, что действие имеет место в настоящем или имело место в прошлом, а также соотношение модальности и отрицания. С учётом этих оговорок, описать систему средств выражения эпистемической оценки в нанайском языке можно следующим образом.

Судя по всему, употребление модальных глаголов возможности и необходимости для выражения эпистемической оценки в нанайском языке малохарактерно. Тем не менее, высокая степень уверенности может выражаться при помощи глагола *gələ-* ‘просить’, а меньшая степень уверенности — при помощи глагола *mutə-* ‘мочь’:

(61) *Mi ag-bi*   *ži-žu-ə-ni*   *gələ-j.*
 1sgстарший.брат-p.1sg двигаться-гер-neg-p.3sg   просить-npst
 ‘Должно быть, мой брат не пришёл’.

(62) *Šimana əpə-mbə*   *əm*   *olbin-da*   *mutə-j.*
 завтра   лепёшка-OBL   NEG   носить-NEG   мочь-NPST
 {Ваш друг собирается в магазин, вы советуете ему купить побольше

хлеба, вдруг завтра не будет завоза.} ‘Завтра хлеб могут не привезти’.

Модальные глаголы употребляются для выражения эпистемической оценки вне зависимости от времени, к которому относится событие.

Как видно из примеров, смысловые глаголы при модальных глаголах могут нести при себе отрицание. В то же время необходимо отметить известную особенность взаимодействия самих модальных глаголов с отрицанием: при попадании модальных глаголов в сферу действия отрицания шкала вероятности «переворачивается». Таким образом, глагол, утвердительная форма которого выражает эпистемическую возможность, в отрицательной форме начинает выражать эпистемическую необходимость, и наоборот [de Naan 1997]. Это хорошо видно из (63), где глагол *mutə-* ‘мочь’, в утвердительной форме выражающий низкую степень уверенности, под отрицанием выражает высокую степень уверенности:

- (63) *Vasja niru mutə-Ø-si.*
 Вася писать мочь-NEG-NPST
 {Кто написал это письмо? Вася?} ‘Это не может быть его почерк’.

Помимо модальных глаголов, для выражения степени вероятности события в нанайском могут употребляться вводные слова и частицы. К числу вводных слов, выражающих эпистемическую оценку, в нанайском относятся *bižə(rə)* ‘наверное’ (по происхождению — формы будущего времени глагола ‘быть’), *sajna* ‘наверное’, *kadawasi* ‘может стать-ся’ и *daboasi* ‘может стать-ся’ (оба по происхождению являются отрицательными формами безличных причастий); употребление вводных слов *kadawasi* и *daboasi* часто сопровождается появлением эмфатической частицы =*də*, как правило, присоединяющейся к глагольной форме:

- (64) *Magazin-či ənə-xəm bi-žə-rə.*
 магазин-DIR идти-PST быть-ASSERT.FUT-ASSERT.NPST
 {Я нигде не могу найти маму. Где она?} ‘Должно быть, она ушла в магазин’.
- (65) *Plita žobo-a-si-n bi-žə.*
 плита работать-NEG-NPST-P.3SG быть-ASSERT.FUT
 {Почему вода не кипит?} ‘Плита может не работать’.
- (66) *Petja sajna škola-žiaži oči ži-žu-ə-ni.*
 Петя наверное школа-ABL NEG двигаться-REP-NEG-P.3SG
 {Почему посуда грязная? Я же просила Петю помыть её, когда он

вернётся из школы.} ‘Петя мог не прийти из школы’.

- (67) *Buə əj-du bi=də*
 1PL этот-DAT быть=PART.EMPH
kada-wa-si.
 может.случиться-IMPS.NEG-NPST
 Мы заблудились, смотрим на карту. Как ты думаешь, где мы сейчас?} ‘Мы можем быть вот здесь’.

- (68) *Āimana xleba-wa ira-Ø-s dabo-a-si.*
 завтра хлеб-OBL нести-NEG-NPST перечить-NEG-NPST
 {Ваш друг собирается в магазин, вы советуете ему купить побольше хлеба, вдруг завтра не будет завоза.} ‘Завтра хлеб могут не привезти’.

Интересно, что граница между эпистемической возможностью и эпистемической необходимостью для вводных слов менее отчётлива, чем для модальных глаголов, так что, как видно из (64–68), все перечисленные вводные слова могут выражать как большую, так и меньшую степень уверенности.

Высокая степень вероятности выражается при помощи транскатегориальной частицы =*təni*, употребляющейся как с утвердительными, так и с отрицательными глагольными формами, а также с именами:

- (69) *Xaj-du = da pulsi-ni = təni.*
 что-DAT=PART.EMPH ходить.NPST-P.3SG=a
 {Ваш брат каждый день уходит гулять. К нему пришёл его друг и спрашивает: Не знаешь, где он?} ‘Должно быть, он гуляет где-нибудь’.
- (70) *Mi piktə-j pianino-ži xupu-ə-si-ni = təni.*
 1SG ребёнок-P.REFL.SG пианино-INS играть-NEG-NPST-P.3SG=a
 {Вы посадили ребёнка играть на пианино, но за стеной подозрительно тихо.} ‘Должно быть, мой сын не играет на пианино’.
- (71) *Buə saa-re-pu əj Maŋbokera-do-a-ni = tani*
 1PL знать-NPST-P.1PL этот Амур берег-DAT-OBL-P.3SG=a
xaj taonžoan xareni = goa.
 что толстолоб причаливать-NPST-P.3SG=PART
 ‘Мы знаем, что к берегу этого Амура толстолобы подходят’
 (nikchub_amur.011).

Некоторые специфические особенности выражения эпистемической оценки наблюдаются в отношении действия, относящегося к плану будущего. Так, высокая степень вероятности совершения действия в будущем регулярно выражается формой будущего времени, в противоположность форме причастия непростедшего времени, которая тоже может реферировать к будущему, но не выражает эпистемической оценки:

(72) *Turgən-ži susu-u, poezda žulialə-si*
 быстрый-INS выходить-IMP поезд перед-Р.2SG
isi-ža.

достигать-ASSERT.FUT

Ваш друг собирается завтра уезжать, он думает, во сколько ему нужно ехать на вокзал. Вы советуете:} ‘Выйди заранее, поезд может уйти раньше’.

Кроме того, высокая степень вероятности совершения действия в будущем выражается при помощи дебитива в форме причастия непростедшего времени:

(73=23) *Əj ixon-du = da naj*
 этот село-DAT=PART.EMPH человек
bu-gilə-j-wə-ni mii xəm saa-ra-mbi.
 умирать-DEB-NPST-OBL-Р.3SG 1SG весь знать-ASSERT.NPST-Р.1SG
 ‘Если в этой деревне кто-нибудь должен умереть, я всё знаю’
 (mixzar_son_o_smerti.001).

Подведём итоги. Несмотря на распространённость в языках мира полисемии модальных глаголов, выражающих ирреальную и эпистемическую модальность, в нанайском языке эпистемическая оценка редко выражается при помощи модальных глаголов возможности и необходимости; гораздо более распространёнными являются такие способы выражения значения, как вводные слова и частицы. В Таблице 3 отражены все имеющиеся способы выражения эпистемической оценки.

Таблица 3. Средства выражения эпистемической оценки в нанайском языке

	прошедшее и настоящее	будущее
необходимость	<i>gələ-</i> , <i>mutə-NEG</i> , <i>= təni</i> , <i>bižə(rə)</i> , <i>sajna</i> , (=da) <i>kadawasi</i> (=da) <i>daboasi</i>	<i>gələ-</i> , <i>mutə-NEG</i> , <i>= təni</i> , DEB-NPST <i>bižə(rə)</i> , <i>sajna</i> , (=da) <i>kadawasi</i> (=da) <i>daboasi</i>
возможность	<i>mutə-</i> , <i>gələ-NEG</i> , <i>bižə(rə)</i> , <i>sajna</i> , (=da) <i>kadawasi</i> (=da) <i>daboasi</i>	<i>mutə-</i> , <i>gələ-NEG</i> , <i>bižə(rə)</i> , <i>sajna</i> , (=da) <i>kadawasi</i> (=da) <i>daboasi</i>

Список сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо

ABL — аблатив

ASSERT.FUT — будущее время

ASSERT.NPST — непрошедшее время

CAUS — каузатив

CV.NSIM — «разновременное» деепричастие

CV.PURP — целевое деепричастие

CV.SIM — «одновременное» деепричастие

DAT — датив

DEB — дебитив

DES — дезиратив

DIR — директив

IMP — императив

IMPS — безличное причастие

IMPS.NEG — отрицательная форма безличного причастия

INCH1 — инхоатив 1

INS — инструменталис

IPFV — имперфектив

LOC — локатив

MOD — модальность

NEC — органическая потребность
NEG — отрицание
NEG.PST — отрицание в прошедшем времени
NPST — причастие не прошедшего времени
OBL — косвенный падеж
p — предикат
P — притяжательность
P.REFL.SG — возвратный показатель
PART — частица
PART.EMPH — эмфатическая частица
PART.FUT — частица будущего времени
PFV — перфектив
PL — множественное число
PST — причастие прошедшего времени
PURP — интенционал
RECP — реципрок
REFL — возвратная частица
REP — репетитив
RES — результатив
SG — единственное число

Литература

- Аврорин 1959 — В. А. Аврорин. Грамматика нанайского языка. Т.1. М. — Л. 1959.
- Аврорин 1961 — В. А. Аврорин. Грамматика нанайского языка. Т.2. М. — Л. 1961.
- Виноградов 1975 — В. В. Виноградов. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М., 1975.
- Выдрин 2011 — А. П. Выдрин. Система модальности осетинского языка в сопоставительном освещении. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2011.
- Касевич 1988 — В. Б. Касевич. Семантика. Синтаксис. Морфология. СПб., 1988.
- Оненко 1980 — С. Н. Оненко. Нанайско-русский словарь. М., 1980.
- Падучева 2011 — Е. В. Падучева. Отрицание. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (Русграм, <http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2011.
- Плунгян 2003 — В. А. Плунгян. Общая морфология: Введение в проблематику: Учебное пособие. М.: Едиториал УРСС, 2003.
- Austin 1962 — J. L. Austin. How to do things with words // J. O. Urmson, M. Sbisà (ed.). The William James Lectures delivered at Harvard University in 1955. Oxford: Clarendon Press, 1962.

- Bech 1951 — G. Bech. Grundzüge der semantischen Entwicklungsgeschichte der hochdeutschen Modalverba // Det Kongelige Danske Videnskabernes Selskab, Historisk-filologiske Meddelelser 32-6, 1951. P. 1–28.
- Bybee et al. 1994 — J. L. Bybee, R. Perkins, W. Pagliuca. The evolution of grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world. Chicago: University of Chicago Press, 1994.
- de Haan 1997 — F. de Haan. The interaction of modality and negation. A Typological Study. New York & London: Garland Publishing, Inc., 1997.
- Heine, Kuteva 2002 — B. Heine. T. Kuteva. World Lexicon of Grammaticalization. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
- Hengeveld 1994 — K. Hengeveld. Mood and modality // Geert Booij (ed.). Morphology: A handbook on inflection and word formation. Vol. 2. Berlin: Mouton de Gruyter. 1994. P. 1190-1202.
- Palmer 1986 — F. Palmer. Mood and Modality. Cambridge: Cambridge University Press, 1986.
- van der Auwera, Plungian 1998 — J. van der Auwera, V. A. Plungian. Modality's semantic map // Linguistic typology 2.1, 1998. P. 79–124.

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА АСПЕКТУАЛЬНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ В НАНАЙСКОМ ЯЗЫКЕ¹

Введение

Нанайский язык (тунгусо-маньчжурские < алтайские) обладает богатой глагольной морфологией: многие значения выражаются аффиксально. К глагольным аффиксам относится множество показателей, выражающих аспектуальные и модальные значения, залоговые отношения и мн. др. Эти суффиксы были описаны в ряде работ по грамматике диалектов нанайского языка. Однако эти описания в основном сводились к перечислению нескольких десятков суффиксов с алломорфами и их значений (см., например, [Суник 1958: 91]). В. А. Аврорин [1961] разделяет множество деривационных показателей на три типа: показатели категории залога, категории вида и категории породы. Эти категории не являются словоизменительными и грамматически обязательными. В данном случае под категорией понимается скорее множество значений, выражаемых морфологически.

К категории залога В. А. Аврорин относит показатели «побудительного залога» *-wan²* (1), «страдательного залога» *-p* (2) и «взаимного залога» *-mače* (3):

- (1) *ənu-wəŋ-kī-pu*
уходить-CAUS-PST-P.1PL
'Мы отправили'.
- (2) *xuədə-kpī-ni*
терять-PASS.PST-P.3SG
'Он потерялся'.
- (3) *tojka-mače-xa-pu*
бить-RECP-PST-P.1PL
'Мы подрались'.

---

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ 13-04-00416, проект «Языковые изменения в идиомах, не имеющих письменной традиции (на материале алтайских, палеоазиатских и уральских языков)» и Программы ОИФН «Традиции и инновации в истории и культуре», проект «Рассказы о традиционной культуре на языках народов Дальнего Востока» (рук. Е. В. Головки).

² Здесь и далее приводится только один вариант суффикса.

При этом необходимо иметь в виду, что показатель «страдательного залога» употребляется скорее для выражения декаузативного, а не собственно пассивного значения.

Категория породы, по [Аврорин 1961: 59], занимает «промежуточное положение между видами и наклонениями. Эта категория вносит изменения в лексические значения глагольных основ, благодаря чему имеет нечто общее с категорией вида. С другой стороны, она обозначает зависимость действия от чьей-то воли или объективной необходимости и в этом отношении имеет некоторое сходство с категорией наклонения». К категории породы относятся показатели «долженствования» -*gela* (4), «цели» -*nda* (5), «намерения» -*jča* (6) и «потребности» -*mose* (7).

- (4) *buu-gilā-j-ni*
умереть-**DEB**-NPST-P.3SG
‘Он должен умереть’.
- (5) *žobo-nda-xa-ni*
работать-**PURP**-PST-P.3SG
‘Он отправился работать’.
- (6) *waa-jča-xa-mbi*
убить-**DES**-PST-P.1SG
‘Я охотился’ (букв. хотел убить).
- (7) *žə-musi-i-ni*
есть-**NEC**-NPST-P.3SG
‘он голоден’

По всей видимости, В. А. Аврорин относит к т. н. «категории породы» аффиксы, выражающие модальные значения. Вопрос о природе этих аффиксов требует дополнительного изучения.

Показатели третьей категории — категории вида — «имеют своим назначением давать дополнительную характеристику действия в отношении степени его длительности, степени интенсивности, направленности, сосредоточенности или рассредоточенности, начала или характера протекания действия» [Аврорин 1961: 44]. Такое описание дает основание считать суффиксы, объединенные в данную категорию, аспектуальными. Всего В. А. Аврорин выделяет 11 аспектуальных значений: вид краткости или однократности действия (показатель *-la* и др., далее — перфективный показатель, PFV); вид длительности, многократности и постоянства действия (показатель *-či* и др., далее — имперфективный показатель, IPFV); вид продолжительности состояния, являющегося результатом того или иного действия (суффикс *-ča*, RES); вид многократности и многообъектности действия (суффикс *-kta*, MULT); вид периодичности действия (суффикс *-lsi*, HAB); вид раздробленности и

неполной интенсивности действия (суффикс *-nase*, АТТ); вид имитации и неполной интенсивности действия (суффикс *-kaše*, ІМІТ); вид зачина действия (суффикс *-psin*, ІНСН2) и вид начала длительного действия (суффикс *-lo*, ІНСН1); вид противоположности и повторности действия (суффикс *-go*, РЕР); вид повышенной интенсивности действия (непродуктивный суффикс *-kpo*, ІНТ).

В. А. Аврорин дает детальное морфонологическое и семантическое описание перечисленных показателей. Однако он практически не описывает их морфологические свойства — прежде всего, их позицию в рамках глагольной словоформы и относительно друг друга.

Данная статья представляет собой попытку описания морфологических свойств лишь ряда глагольных показателей — аспектуальных, т. е. суффиксов, относящихся к «категории вида» по [Аврорин 1961]. Безусловно, было бы более корректно рассматривать также показатели «категории залога» и «категории породы», однако большой объем материала, вызванный большим числом суффиксов, вынуждает остановиться в этой статье только на части показателей. Кроме того, изучение данного набора показателей представляет интерес в связи с существующими типологическими исследованиями порядка аффиксов. Как известно, Дж. Байби в работе [Bybee 1985] предложила иерархию значимости глагольных показателей:

(8) наклонение > аспект > время > согласование

Эта иерархия является отражением идеи, заключающейся в том, что глагольные показатели занимают в глагольной словоформе позицию в зависимости от их значимости: чем больше значение аффикса связано со значением корня, тем он ближе к корню. Одиннадцать нанайских аспектуальных показателей относятся к одной, хоть и довольно большой, зоне аспекта и, как кажется, в целом в одинаковой степени влияют на значение корня. Тем не менее, логично было бы предположить, что такое количество «однородных» аффиксов может быть каким-либо образом упорядочено в языке. В связи с этим и возникает вопрос о том, как упорядочены нанайские показатели, относящиеся к аспектуальной зоне — как они сочетаются друг с другом и на какие подгруппы они могли бы быть разделены в зависимости от своих морфологических свойств.

Морфологические свойства аспектуальных глагольных показателей исследовались на материале, собранном в ходе экспедиции в Нанайский район Хабаровского края в марте 2013 г.³ у носителей найхинского

---

³ Экспедиция поддержана Фондом фундаментальных лингвистических исследований (www.ffli.ru).

говора среднеамурского диалекта, который лежит в основе литературного нанайского языка. Опрос носителей проходил двумя способами: 1) носителям были представлены нанайские глагольные словоформы, содержащие интересующие показатели, предлагалось придумать предложения с этими словоформами и/или описать ситуацию, в которой они могут использоваться; 2) носителям были представлены предложения с глагольной словоформой и был описан предполагаемый контекст, предлагалось оценить употребление словоформы. К исследованию также привлекался материал глоссированных текстов на нанайском языке, собранных в ходе предыдущих экспедиций 2007–2012 гг., а также материал нанайских текстов, собранных В. А. Аврориным в 1930–1940-х гг. и опубликованных в [Аврорин 1986].

Исследование аспектуальных показателей позволило разделить их на три группы, которые представлены в Таблице 1:

Таблица 1. Часть модели нанайской глагольной словоформы

номер позиции	0	0,5	1	1,5	2	3
морфема	R (корень)	PURP	PFV IPFV	INCH1	RES MULT HAB IMT	INCH1, INCH2, REP, ATT

В работе не рассматривается суффикс «вида повышенной интенсивности действия» *-кро*, поскольку большинство информантов не признали его существование даже в тех глагольных словоформах, которые приводятся в [Аврорин 1961: 57]. Соответственно, данный показатель не был включен в Таблицу 1.

Показатели первой группы

К первой группе относятся перфективный суффикс (PFV) *-la / -lə / -da / -də / -li⁴* и имперфективный суффикс (IPFV) *-če / -či / -se / -si / -wače / -wəči / -pače / -pəči / -so / -su*. Оба показателя обладают высокой продуктивностью, в частности могут использоваться при заимствовании глаголов из русского языка.

Эти показатели характеризуются тем, что занимают наиболее близкую к корню позицию. Единственный суффикс, который может ока-

⁴ Выбор варианта этого и других показателей обусловлен такими параметрами, как гармония гласных и тип глагольной основы.

заться между корнем и имперфективным показателем, это суффикс «породы цели»:

- (9) *ičə-ndə-su-xə-ni*
 смотреть-PURP-IPFV-PST-P.3SG
 ‘Он регулярно ходил смотреть’.

Перфективный же показатель всегда следует сразу за корнем.

Перфективный и имперфективный показатели сильно отличаются друг от друга. Перфективный суффикс может присоединяться только к именам, являясь таким образом вербализатором:

- (10а) *paloa* — **paloa-xa-ni*
 молоток молоток-PST-P.3SG
 ‘молоток’ ‘ударил молотком’

- (10б) *paloa-la-xa-ni*
 молоток-PFV-PST-P.3SG
 ‘ударил молотком’

- (10в) **niru-lə-xə-ni*
 писать-PFV-PST-P.3SG
 Предполагаемое значение: ‘написал’

В примере (10б) перфективный суффикс присоединяется к именному корню, который сам по себе не может функционировать как глагольный (ср. 10а). А пример (10в) показывает, что данный суффикс не может присоединяться к глагольному корню (существительного *niru* в нанайском языке нет). Имперфективный же суффикс может присоединяться как к именам, так и к глаголам:

- (11а) *paloa-či-xa-ni*
 молоток-IPFV-PST-P.3SG
 ‘забивал молотком’

- (11б) *niru-či-xə-ni*
 писать-IPFV-PST-P.3SG
 ‘он писал несколько раз / несколько писем’

В примере (11а) имперфективный показатель присоединяется к именному корню, а в примере (11б) — к глагольному.

Перфективному и имперфективному показателям не свойственно сочетаться друг с другом в рамках одной словоформы:

- (12) **paloa-la-če-xa-ni* / **paloa-če-la-xa-ni*
 молоток-PFV-IPFV-PST-P.3SG молоток-IPFV-PFV-PST-P.3SG

Такого рода словоформы не зафиксированы в имеющемся корпусе нанайских текстов, а носителями предложенные примеры типа (12) были признаны недопустимыми. Однако В. А. Аврорин указывает на то, что имперфективный показатель все же изредка присоединяется к основе, содержащей перфективный суффикс *-la* [Аврорин 1961: 47]. В частности, он приводит следующий пример:

- (13) *apo-la-č'i-*
шапка-PFV-IPFV-
'носить шапку'

В таких случаях, как видно из примера (13), показатель *-la* уже не имеет собственно перфективного значения. Интересно отметить, что нынешние носители нанайского языка отрицали допустимость примера (13) и предлагали вместо него другое слово:

- (14) *apo-la-ča-xa-ni*
шапка-PFV-RES-PST-P.3SG
'был в шапке'

В нанайской речи показатель результата (RES) часто произносится так же, как и имперфективный, поскольку всегда находится в слабой позиции — в середине словоформы (ударение в нанайских словах всегда падает либо на конец слова, либо на первый слог, см. [Радченко 1985]). Таким образом, носители не столько запрещали словоформу (13), сколько предлагали для нее другое значение — как в примере (14), — а это значение свойственно результативному показателю, а не имперфективному.

Показатели второй группы

Ко второй группе относятся показатели результата (RES), мультипликатива (MULT), хабитуалиса (HAB) и имитации действия (IMIT). Эти показатели занимают вторую позицию от корня: хотя все они могут присоединяться к глагольному корню (15), они также могут сочетаться с основой, содержащей перфективный или имперфективный показатель (14, 16–18).

- (15а) *ičə-žə-xə-ni*
видеть-RES-PST-P.3SG
'Он наблюдал / смотрел'.

- (15б) *puju-ktə-xə-ni*
варить-MULT-PST-P.3SG
'Она много варила' {для какого-нибудь мероприятия}.

- (15в) *puju-lsi-xə-ni*
варить-НАВ-PST-P.3SG
'Она каждый раз / много раз варила'.
- (15г) *səruu-kəči-xə-ni*
будить-ИМИТ-PST-P.3SG
'Он будил легонько, потихоньку'.
- (16) *apo-la-ka-xa-ni*
шапка-PFV-MULT-PST-P.3SG
'Он надевал то одну шапку, то другую'.
- (17) *xaža-la-kače-xa-ni*
ножницы-PFV-ИМИТ-PST-P.3SG
'Он сделал вид, что отрезал' {но на самом деле не отрезал}.
- (18) *puju-či-lsi-xə-mbi*
варить-IPFV-НАВ-PST-P.1SG
'Я много/часто варила'.

Показатели результата, мультипликатива и хабиуталиса не являются в полной степени продуктивными: хотя они могут модифицировать довольно большое число глагольных основ, список этих лексем, по всей видимости, ограничен, а присоединение рассматриваемых показателей к новообразованным глаголам (например, заимствованным из русского языка) кажется маловероятным.

Показатель имитации действия, как кажется, обладает большей продуктивностью и может присоединяться почти к любым глагольным основам. Более того, этот суффикс связан с такой же по форме частицей *-kači/-kəči*, которая присоединяется к именным группам и имеет значение уподобления:

- (19) *N'oanitapa pulsi-ni=kəči pulsi-ni.*
он медведь ходить.NPST-P.3SG=PART.ИМИТ ходить.NPST-P.3SG
'Он ходит как медведь'.

Если рассматривать суффикс *-kači/-kəči* и соответствующую частицу как один показатель, то получается, что данная единица может присоединяться как к глагольной форме целиком, являющейся вершиной относительного оборота (19), так и только к глагольной основе, «вклиниваясь» в словоформу (17). Такое нестандартное для одного морфологического показателя поведение и заставляет выделять в нанайском языке две омонимичные единицы.

Суффиксы второй группы не сочетаются друг с другом в рамках одной словоформы:

- (20) * *puju-ktə-lsi-xə-ni* * *puju-lsi-ktə-xə-ni*
варить-MULT-НАВ-PST-P.3SG варить-НАВ-MULT-PST-P.3SG

Это можно связать с тем, что три показателя этой группы относятся к области глагольной множественности. Хотя для каждого из них можно выделить какое-либо центральное значение, которое свойственно для большинства лексем, содержащих показатель (например, значение результата или мультипликатива), зоны употребления этих суффиксов довольно сильно пересекаются. Таким образом, употребление двух показателей из области глагольной множественности в рамках одной словоформы было бы избыточным.

Что касается показателя имитации действия, то он сочетается с суффиксами второй группы только в тех лексемах, в которых на синхронном уровне они не отделимы от корня:

- (21a) *pulsi-kəči-*
ходить.НАВ-ИМИТ-
‘похаживать’
- (21б) *duktə-kəči-*
стучать.MULT-ИМИТ-
‘постукивать’

Показатели третьей группы

К третьей группе относятся показатели делимитатива (АТТ), рефактива (РЕР) и два показателя инхоатива (INCH1, INCH2). Все показатели, кроме INCH2, обладают высокой продуктивностью. О семантике и употреблении инхоативных суффиксов см. подробнее в [Оскольская, Стойнова 2012], о рефактивном суффиксе — в [Стойнова 2012].

Эти показатели могут присоединяться прямо к глагольному корню (22), а могут сочетаться с показателями первой (23) и второй группы (24).

- (22a) *niru-nəsi-xə-ni*
писать-АТТ-PST-P.3SG
‘Он написал небольшие заметки’ {например, на полях тетради}.
- (22б) *niru-gu-xə-ni*
писать-РЕР-PST-P.3SG
‘Он написал ответ’.
- (22в) *niru-lu-xə-ni*
писать-INCH1-PST-P.3SG
‘Он начал писать’.

- (22г) *niru-psin-ki-ni*
 писать-INCH2-PST-P.3SG
 ‘Он начал писать / чуть-чуть написал’.
- (23) *paloa-če-lo-xa-ni*
 молоток-IPFV-INCH1-PST-P.3SG
 ‘Он начал колотить молотком’.
- (24) *žapa-hta-lo-xa-ni*
 брать-MULT-INCH1-PST-P.3SG
 ‘Он стал хватать’ {например, про маленького ребенка}.

Показатели третьей группы, в отличие от других рассмотренных выше единиц, могут сочетаться друг с другом. Наиболее продуктивным в этом плане оказывается инхоативный суффикс *-lo/-lu*, который сочетается не только с суффиксами делимитатива (25), рефактива и инхоатива 2, но и сам с собой (26). В последнем случае глагольная форма имеет то же значение, что и с одним показателем инхоатива.

- (25) *niru-nəsi-lu-xə-ni*
 писать-ATT-INCH1-PST-P.3SG
 {Он поступил на новую административную работу и} ‘начал писать’
- (26) *žapa-lo-lo-xa-ni*
 брать-INCH1-INCH1-PST-P.3SG
 ‘Он начал брать’ {например, о ребенке, который только что стал брать все подряд}.

Некоторые носители запрещают формы типа (26). Однако такие формы изредка встречаются в естественных нанайских текстах.

Более того, некоторые показатели этой группы могут сочетаться между собой в произвольном порядке, видимо, без изменения значения всей словоформы.

- (27) *niru-lu-gu-xə-ni* = *niru-gu-lu-xə-ni*
 писать-INCH1-REP-PST-P.3SG   писать-REP-INCH1-PST-P.3SG
 ‘Он снова стал писать’.

Можно было бы допустить, что представленные в (27) две словоформы различаются сферой действия показателей рефактива и инхоатива: в первом случае участник еще раз начал писать что-то (до этого уже начинал писать, но так и не написал), а во втором случае участник начал писать что-то еще раз (до этого по крайней мере один раз уже написал). Однако первая интерпретация для первой словоформы (и тем более для второй) оказывается маловероятной, поскольку показатель

-lo/-lu не предполагает выделения фазы начала действия как отдельной от самого действия (ср. русские перфективные приставки, связанные с семантикой начала действия: *снова поехал* предполагает, что повтор относится ко всему действию, а не только к его началу). Первая интерпретация в нанайском языке характерна скорее для аналитического выражения начала действия:

- (28) *niru-mi*   *dəruu-gu-xə-ni*
 писать-CVB.SIM.SG   начинать-REP-PST-P.3SG
 ‘Он снова начал писать’.

Порядок аффиксов также может свободно меняться в следующих сочетаниях: INCH1-АТТ, INCH1-INCH2, REP-АТТ. Необходимо отметить, что эти сочетания с перестановкой аффиксов допускаются разными носителями в разной степени. Так, сочетание инхоативного и рефактивного показателей в обеих последовательностях (27) допускается большинством носителей со многими глаголами, а также периодически встречается в текстах. А сочетание REP-АТТ в обеих последовательностях допускается лишь некоторыми носителями и только в немногих глаголах.

Перестановка аффиксов возможна также в комбинации показателя *-lo/-lu* с показателями второй группы. В этом случае инхоативный маркер «встревает» перед аффиксом второй позиции (это отражено в Таблице 1 позицией 1,5):

- (29) *žapa-lo-hta-xa-ni*   = *žapa-hta-lo-xa-ni*
 брать-INCH1-MULT-PST-P.3SG   брать-MULT-INCH1-PST-P.3SG
 ‘Он стал брат’.

Свободная перестановка суффиксов в рамках одной словоформы кажется странной и противоречит постулатам позиционной грамматики (грамматики порядков, [Ревзин, Юлдашева 1969]), согласно которым каждый аффикс имеет определенный ранг в структуре словоформы, а порядок аффиксов не может меняться. В тех случаях, когда порядок аффиксов меняется, это связано с какими-либо морфосемантическими причинами. Так, в монгольских языках последовательность показателей пассива и каузатива зависит от их сферы действия, т. е. от значения всей словоформы [Касевич 2006: 512]. Как было показано выше, нанайский материал нарушает принципы позиционной грамматики. Причины этого «нарушения» пока непонятны. Однако можно отметить, что нанайский язык не является уникальным в этом отношении. Подобная ситуация наблюдается в бирманском языке с показателями множественного числа [Касевич 2006: 513], в языке пулаар [Paster 2005], в луговом марийском [Архангельский 2012] и многих других (проблема свободного порядка аффиксов обсуждается в статье [Ryan 2010], там же приводится

обширная библиография работ, в которых фиксируется это явление в разных языках мира [Ryan 2010: 760–761]).

Заключение

Многочисленные глагольные аффиксы нанайского языка выражают залоговые отношения («категория залога»), модальные значения («категория породы») и аспектуальные значения («категория вида»). Эти показатели относятся скорее к сфере словообразования и не являются грамматически обязательными.

Аспектуальные глагольные суффиксы могут быть разделены на три группы. К первой группе относятся показатели из двух больших аспектуальных зон, противопоставленных друг другу — перфективности и имперфективности. При этом в нанайском языке отсутствует регулярное противопоставление глаголов по перфективности-имперфективности. Ко второй группе относятся показатели, большая часть которых имеет отношение к глагольной множественности. Показатели в рамках первой и второй групп не сочетаются между собой. Суффиксы третьей группы обычно занимают дальнюю позицию от корня (условно — третью). Они ведут себя наиболее свободно: могут сочетаться друг с другом, некоторые из них — в произвольном порядке, а суффикс инхоатива 1 изредка может также занимать позицию перед единицами второй группы.

Список сокращений

1, 3 — 1, 3 лицо	NPST — непрошедшее время
ATT — аттенуатив	P — притяжательность
CAUS — каузатив	PART — частица
CVB — деепричастие	PASS — пассив
DEB — долженствование	PFV — перфектив
DES — дезидератив	PL — множественное число
HAB — хабитуалис	PST — прошедшее время
IMIT — имитация действия	PURP — цель
INCH1 — инхоатив 1	RECP — рецепт
INCH2 — инхоатив 2	REP — рефактив
INT — интенсивность действия	RES — результатив
IPFV — имперфектив	SG — единственное число
MULT — многократность	SIM — одновременность.
NEC — потребность	

Литература

Аврурин 1961 — В. А. Аврурин. Грамматика нанайского языка. Т. 2. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1961.

- Аврорин 1986 — В. А. Аврорин. Материалы по нанайскому языку и фольклору. Л.: Наука, 1986.
- Архангельский 2012 — Т. А. Архангельский. Принципы построения морфологического парсера для разноструктурных языков. Дисс. ... к.ф.н. Москва: МГУ, 2012.
- Касевич 2006 — В. Б. Касевич. Труды по языкознанию. В 2 т. Т. 1. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006.
- Оскольская, Стойнова 2012 — С. А. Оскольская, Н. М. Стойнова. Способы выражения начальной фазы действия в нанайском языке // Материалы 1-й конференции «Проблемы языка: взгляд молодых ученых». Москва: ИЯЗ РАН, 2012. С. 213–230.
- Радченко 1985 — Г. Л. Радченко. Акцентуация нанайского слова // Исследование языков народов СССР. Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 1985. С. 114–131.
- Ревзин, Юлдашева 1969 — И. И. Ревзин, Г. Д. Юлдашева. Грамматика порядков и ее использования // Вопросы языкознания, 1. 1969. С. 42–56.
- Стойнова 2012 — Н. М. Стойнова. Типология глагольных показателей рефактива: модели полисемии и структура семантической зоны. Дисс. на соискание уч. ст. к. филол. н. Москва: МГУ, 2012.
- Суник 1958 — О. П. Суник. Кур-урмийский диалект. Исследования и материалы по нанайскому языку. Л.: Гос. уч.-пед. изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1958.
- Bybee 1985 — J. Bybee. Morphology. A study of the relation between meaning and form. Amsterdam–Philadelphia: Benjamins, 1985.
- Paster 2005 — M. Paster. 2005. Pulaar verbal extensions and phonologically driven affix order // G. Booij, J. van Marle (eds.). Yearbook of Morphology 2005. Dordrecht: Springer, 2005. P. 155–199.
- Ryan 2010 — K. M. Ryan. Variable affix order: Grammar and learning // Language 86, 4. 2010. P. 758–791.

ТЕКСТ НА ОРОКСКОМ (УИЛЬТА) ЯЗЫКЕ С КОММЕНТАРИЯМИ¹

Ороки (уильта, ульта) — крайне малочисленный народ, живущий на Сахалине. Орокский язык относится к числу тунгусо-маньчжурских, генетически он ближе всего к ульчскому, а также к нанайскому. Ороки ороками себя, видимо, никогда не называли. В настоящее время ороки (по крайней мере, некоторые) предпочитают этноним уильта (ульты).

В 2009 г. в селе Вал Ногликского района Сахалинской области на орокском языке способны были говорить лишь несколько человек²: Э. А. Кириллова (1942 г. р.), Л. Н. Конусова (1949 г. р.), И. Г. Курушина (1939 г. р.), В. А. Михеев (1956 г. р.), И. Н. Михеев (1967 г. р.; временно живет в Южно-Сахалинске), И. Я. Федяева (1940 г. р.). В меньшей степени знают орокский язык ещё примерно 15 человек (из них бóльшая часть занимается оленеводством, при этом семьи их живут осенью, зимой и весной в с. Вал). В районном центре Ноглики орокский язык знает Е. А. Бибилова (1940 г. р.). Приблизительно 10–15 человек лучше или хуже знают орокский язык (южный его диалект) в г. Поронайске Сахалинской области. Это, в частности, Л. Х. (Сирюко) Минато (1943 г. р.) и Л. Р. Китазима (1945 г. р.).

Таким образом, в 2009 году орокский язык в той или иной мере знали от 30 до 40 человек. Согласно переписи населения 2002 года, ороков (уильта) насчитывалось 346 человек; возможно, в действительности эта цифра несколько меньше — И. Я. Федяева предполагает, что уильта на самом деле от 250 до 300.

Язык ороков привлекал и продолжает привлекать внимание специалистов как в нашей стране (Т. И. Петрова, К. А. Новикова,

---

¹ Статья подготовлена к печати при финансовой поддержке РГНФ (проект 13-04-00416 «Языковые изменения в идиомах, не имеющих письменной традиции (на материале алтайских, палеоазиатских и уральских языков)»).

² Сведения о тех, кто в разной степени знает орокский язык, сообщили мне представители народа уильта Ирина Яковлевна Федяева и Елена Алексеевна Бибилова, за что я им очень благодарен. Также хотел бы поблагодарить д-ра Ёсико Ямаду (Музей северных народов, Хоккайдо, Япония) за ценные консультации по языку ороков и по работам японских коллег об этом языке.

Л. И. Сем, И. В. Недялков, В. Ю. Гусев, М. М. Брыкина, С. Ю. Толдова, А. М. Певнов), так и в Японии (А. Наканомэ, Х. Магата, Дз. Икэгами, Т. Хаята, Т. Цумагари, Ё. Ямада).

Тем не менее, орокский язык остается явно недостаточно изученным (то же самое можно сказать и о фольклоре ороков). Язык этот представляет большой интерес для науки, особенно в историческом плане.

Далее приводится в глоссированном виде один из восемнадцати текстов, записанных мною на орокском языке.

В глоссинге предложения отделены друг от друга либо двумя вертикальными чертами (||), либо вопросительным или восклицательным знаками.

Перед частицами³ стоит знак равенства (=).

Если значение служебного слова мне непонятно, то в глоссинге это отмечается тремя вопросительными знаками.

Символ «+» связывает между собой значения морфемы (корневой или аффиксальной), образовавшейся в результате фузии. Если морфема представляет собой результат фузии, то такая морфема выделяется подчеркиванием в тексте (т. е. в первой строке): *синдѣ-ни* (< *синдаи-ни < *синда-ри-ни) 'приходит, идет сюда' (приходить + PTCP.PRS-3SG); *дуку-такки* (< *дуку-такй < *дуку-таки-ви) 'к себе домой' (дом-DIR+POSS.REFL.SG).

Инфиксация обозначается в соответствии с Лейпцигскими правилами глоссирования (в основном я ими и руководствовался при глоссировании орокского текста):

нѳн<ду>т'и
они<LOC1>
у них

В глоссировании в круглых скобках приведены некоторые грамматические уточнения:

я(OBL)-COM
день(>VRB)-RFCT+PRS

В тех случаях, когда у меня есть сомнения в правильности перевода или транскрипции, я указываю возможный вариант в скобках с вопросительным знаком (в скобках даются также слова, уточняющие пере-

---

³ Орокские частицы подчиняются гармонии гласных.

вод). В круглых скобках после цифры «2» указан второй вариант слова (словоформы), предложенный рассказчиком.

Толт'и

Сон

Ольги Николаевны Семеновой — мамы Ирины Яковлевны Федяевой

Записал под диктовку с включенным диктофоном А. М. Певнов от Ирины Яковлевны Федяевой (родилась 26 июля 1940 г.) 11 октября 2010 г. в селе Вал Ногликского района Сахалинской области. Отец Ирины Яковлевны был русским, мать, Ольга Николаевна Семёнова, была представителем народа уильта (ороков). С матерью, с бабушкой по материнской линии, а также с отчимом (по прозвищу Борода) Ирина Яковлевна разговаривала на орокском языке.

Гёдара эним-би тэлуңу-т'и-хэ-ни
однажды мать-POSS.1SG рассказать-STAT-PTCP.PST-3SG

итэ-хэм-би толт'ё хён нёни
увидеть-PTCP.PST-REFL.SG сновидение+ACC как он.она

би-т'и-ни⁴ бун-ду.
быть.жить-PTCP.PST-3SG загробный.мир-LOC1||

Однажды моя мать рассказывала увиденный ею сон о том, как она была в загробном мире.

«Т'ала нэнэ-хэм-би — ун-д'и-ни
туда идти-PTCP.PST-1SG говорить-PTCP.PRS-3SG

— *ajāā⁵ нён <ду> т'и, нээм*
хороший.хорошо+EMPH они<LOC1> светло+EMPH

бй-ни.

быть.жить+PTCP.PRS-3SG||

«Туда ходила — говорит, — хорошо-о-о у них, светло-о-о.

⁴ -т'и(-) — показатель прошедшего времени (он же показатель причастия) некоторых «неправильных» глаголов (таких как *би-* 'быть; находиться где-либо; жить', ...); -т'и- < *-чйи(-).

⁵ Фонологическая долгота гласных передаётся макроном (диакритической чертой над гласной). Эмфатическая интонационная «сверхдолгота» условно передаётся удвоением долгой гласной.

Поқто-г'и   г'илум.
 дорога-POSS.3PL   ровный||
 Дорога у них ровная.

Палātка-г'и   эвве   тавве   поқто-ду⁶.
 палатка-POSS.3PL   эта.сторона   та.сторона   дорога-ABL(LOC1?)||
 Их палатки по обеим сторонам дороги.

Г'аду   д'иң   барā   улā-л: пēмура = дда,
 там   очень   много   домашний.олень-PL   пестрый=PART

гэлчи = ддэ,   карав = ддā,   тāгда = дда.
 серый=PART   коричневый=PART   белый=PART||

Там очень много оленей: и пёстрые, и серые, и коричневые, и белые.

---

⁶ В орокском языке локатив-1 в словоформах, не выражающих значение возвратного притяжания, формально, как представляется, совпадает с аблативом (исходным падежом; в обоих падежах аффикс -ду) [Петрова 1967: 49-50]. Впрочем, Х. Магата считает, что аблативный -ду, в отличие от локативного, имеет долгий гласный (т. е. -dū) [Magata 1981: 45]. Мне, как и Т. И. Петровой, не удалось услышать эту долготу. Если предположить, что орокский показатель аблатива -ду (-dū) связан по происхождению, например, с эвенкийским аффиксом отложительного падежа -дук(и), то в орокском следовало бы ожидать не -ду (-dū), а -дуи, ср. орокский показатель условно-временного деепричастия -раи (< *раки), а также показатель направительного падежа -таи (< *таки).

Возможно, совпадению в одной падежной форме локативного и аблативного значений способствовал контакт орокского языка с нивхским. Вот что пишет В. З. Панфилов о местном падеже в нивхском языке:

Особый местный падеж выделяется только в говорах Тахтинского района и части Нижне-амурского района амурского наречия нивхского языка. В остальных говорах Нижне-амурского района и говорах западного побережья Сахалина, входящих в амурское наречие, а также в восточно-сахалинском и северо-сахалинском наречиях значение местонахождения выражается тем же суффиксом, что и значение исходности действия [Панфилов 1962: 133].

Думаю, что на нивхские говоры Тахтинского района и части Нижнеамурского района оказали влияние тунгусо-маньчжурские идиомы ульчско-нанайского типа, однако на орокский повлиял, наоборот, нивхский — он как бы не препятствовал частичному формальному совпадению в орокском языке локатива и аблатива.

Д'иң бѳдѳ⁷ (бодо?) ула-л.
очень жирный домашний.олень-PL||
Очень жирные олени.

Аја аја гэм бй-г'и.
хорошо хорошо чисто быть.жить + PTCP.PRS-3PL||
Хорошо-хорошо, чисто живут.

Оо, Барада покто-кки синд'ѳ-ни.
И Барада дорога-PROL приходить + PTCP.PRS-3SG||
О-о-о, Борода⁸ по дороге идёт (сюда).

Мин-ду гэсэ⁹ лѳдѳ-лу-хэ-ни,
я(OBL)-COM вместе разговаривать-INCH-PTCP.PST-3SG

пану-си-ни¹⁰: «Пйввэ орок-г'и-си?».
спросить-PTCP.PRS-3SG пиво + ACC принести-PTCP.PST-2SG?
Со мной стал разговаривать, спрашивает: «Пиво принесла?».

Эни-ни дапка-ду-ни
мать-POSS.3SG близлежащее.пространство-LOC1-POSS.3SG

или-си-ни, ун'-д'и-ни.
встать.стоять-PTCP.PRS-3SG говорить-PTCP.PRS-3SG
Его мать рядом с ним стоит, говорит:

---

⁷ Гласный *ѳ* более высокого подъема, чем гласный *о* (*ѳ* и *о* относятся к разным сингармоническим «сериям»).

⁸ Борода (прозвище) — отчим И. Я. Федяевой.

⁹ Словоформа *минду* в словосочетании *минду гэсэ* 'со мной' совпадает с формой локатива-1, а также с формой исходного падежа (у Т. И. Петровой в таблице склонения личных местоимений совпадают формы местного I, исходного и совместного падежей [Петрова 1967: 65]); комитатив в орокском языке оформлен показателем *-нду* (*-ндо*), так что *минду* в *минду гэсэ* является формой комитатива.

¹⁰ В орокском языке имеется класс глаголов, образующих причастие настоящего времени при помощи суффикса *-си*, а причастие прошедшего времени посредством суффикса *-г'и* (*-чи*). К этому классу относятся некоторые глаголы состояния (например: *или-си-ни* 'стоит', *или-г'и-ни* 'стоял' (ср. *илли-ни* 'встаёт', *или-ха-ни* 'встал'), *тѳ-си-ни* 'сидит', *тѳ-г'и-ни* 'сидел' (ср. *тѳ-ри-ни* 'сидится', *тѳ-хэ-ни* 'сел')), к этому же классу почему-то принадлежит и глагол *пану-си-ни* 'спрашивает' (*пану-г'и-ни* 'спросил').

«Хај пйввэ-ни гэллѐ-сѐ¹¹
что брусок + ACC-3SG просить + PTCP.PRS-2SG + WHQ

Олга-ду?
Ольга-AVL?

«Что (за) брусок просишь у Ольги?»

Једу нуј-ду = ддэ г'ипāли бй-ни
здесь кто-LOC1=PART все быть.жить + PTCP.PRS-3SG

пйвэ.
брусок||

Здесь у всех есть брусок».

Барада ун'-д'и-ни. «Анā эннэ¹².
Борода говорить-PTCP.PRS-3SG нет мама + VOC||
Борода говорит: «Нет, мама.

Эри гој пйвэ, мў-нэт'и, араки-нат'и.
это другой пиво вода-SIM алкоголь-SIM||

Это другое (слово) «пиво» («пивэ»), (оно, т.е. пиво) как вода (жидкое), (оно) как алкоголь.

Ум-ми-си сокт'ѐ-си.
пить-PTCP.PRS-2SG пьянеть + PTCP.PRS-2SG||
(Когда) пьёшь, пьянеешь».

«Хај тари¹³ пйвэ?
что тот пиво?
– «Что это (за) пиво?»

---

¹¹ Дз. Икэгами [Ikegami 2001: 65, сноска 19] предполагает, что показатель 2-го лица -сѐ (во множественном числе -сѓ) образован от суффикса *-си плюс вопросительный показатель *-ка (аффиксы я привожу в транслитерации; уточню: -сѐ и -сѓ употребляются в предложениях с вопросительными словами).

¹² Эннэ (< *эн'э) — вокативная форма терминов родства, заимствована, по-видимому, из эвенкийского языка, ср. эвенк. эн'э 'мама!'.
¹³ В орокском языке косвенные падежи указательного местоимения тар ~ тари 'тот, этот' образуются от супплетивной основы т'а- (в нанайском они образуются от соответствующей ей основы ча-). Косвенные падежи орокского указательного местоимения эри 'этот' образуются от супплетивной основы јэ-, представляющей собой результат фонетической трансформации местоимения эри 'этот' [Ikegami 2001: 125].

*Хамаг'а нōни*¹⁴», — *ун'-д'и-ни* *Барада эни-ни.*
какой он.она? говорить-PTCP.PRS-3SG Борода мать-3SG||
Какое оно?», — говорит Бороды мать.

«*Тар пйввэ* *ум-мури*»,
ТОТ пиво + ACC пить-PTCP.NPST.IMPER.SL

– *ут'-т'и-ни*¹⁵ *Барада.*
говорить-PTCP.PST-3SG Борода||
«То пиво пьют (можно пить)», сказал Борода.

*Т'от'т'и*¹⁶ *Барада мин-ду* *пану-си-ни.*
потом Борода я(OBL)-ABL спросить-PTCP.PRS-3SG
Потом Борода у меня спрашивает:

«*Хāли мут-тэј* *синда-ли-се?*»
когда мы(OBL)-DIR прийти-FUT I-2SG + WHQ?
«Когда к нам придешь?».

Эни-ни ун'-д'и-ни, *Барада эни-ни.*
мать-3SG говорить-PTCP.PRS-3SG Борода мать-3SG
Его мать говорит, Бороды мать:

«*Хај-ва* (2: *хај-буд'ди*) *нāрри-се*
что- что.делать- звать + PTCP.PRS-
ACC(2: CVB.PURP + REFL.SG) 2SG + WHQ

¹⁴ Личное местоимение *нōни* 'он, она' в принципе не должно бы в орокском языке употребляться по отношению к вещи (в данном случае речь идёт о пиве).

¹⁵ *ут'-т'и-ни* 'сказал' < *ун-чи-ни < *ун-ки-ни. Для орокского языка характерна регрессивная ассимиляция согласных. Примером может быть только что приведенная словоформа *ут'-т'и-ни* 'сказал', а также иные словоформы той же самой лексемы: *ул-лу-хэ-т'и* 'стали, начали говорить' (< *ун-лу-хэ-ти), *уж-кэт'т'и* 'сказав' (< **ун-кэт'т'и*), *ум-ми* 'говоря' (< *ун-ми); таким образом, если учитывать исходную форму *ун-* (*ун'-д'и-ни* 'говорит'), то орокская корневая морфема со значением 'сказать, говорить' представлена пятью вариантами (*ун-*, *ул-*, *ум-*, *уж-*, *ут'-*).

¹⁶ Слово *т'от'т'и* 'потом, затем' восходит к деепричастию предшествующего действия от глагольной основы *тō-* 'делать, поступать' (**тō-γγотт'и* > **тōтт'и* > *т'ōтт'и* ~ *т'отт'и*).

нѠм<ба>ни, Олга-мба¹⁷?
он.она<ACC> Ольга-ACC?
«Зачем зовёшь её, Ольгу?»

Гэгдык кулпилла т̄ани¹⁸ јэлэ
всегда успеть + FUT2 + 3SG ??? сюда

синда-буд'ди.
прийти-CVB.PURP + REFL.SG||
Всегда успеет сюда прийти.

Би-д'и-ни пурил'-д'и гэсэ бйлѠ.
быть.жить-IMP-3SG дети-COM+POSS.REFL.SG вместе ???||
Пусть живёт со своими детьми.

Нада а-ввута-ннѐ¹⁹ синд'ѐлла т̄ани²⁰
надо стать-CVB.COND-3SG прийти + FUT2 + 3SG ???

мѣнэ, бул-ми
сам.сама умереть-CVB.SIMUL.SG

(2: бул-кѣт'т'и)».

(2: умереть-CVB.PREC + REFL.SG)

Когда станет надо, сама придет, когда умрет».

¹⁷Вариант показателя винительного падежа -мба (как, например, в словоформе *Олга-мба* 'Ольгу') возник по аналогии с формой винительного падежа существительных, некогда оканчивавшихся на -н (например: *мѠмѠ* 'курительная трубка', *мѠмѠ-мба* 'курительную трубку' (< *мѠмѠн-ба, ср. *мѠмѠ-т'т'и* < *мѠмѠн-си 'твоя курительная трубка')).

¹⁸ Слово *т̄ани* является служебным, поскольку оно не может функционировать в качестве члена предложения; частицей *т̄ани* нельзя считать потому, что эта единица не подчиняется гармонии гласных, например: *нѣнэ-хэ-ни т̄ани*. Значение орокского служебного слова *т̄ани* остается для меня непонятным; о значениях нанайской «частицы-суффикса» -тани / -тэни см. [Аврорин 1961: 267-268].

¹⁹ Вместо *а-* 'стать' можно было бы ожидать *о-*.

²⁰ *синд'ѐлла* < *синда-риллѐ (будущее время, образованное от причастия на -ри путём присоединения к нему некоего показателя *-лѐ). Составной аффикс будущего времени аналогичного происхождения из всех тунгусо-маньчжурских языков есть только в ульчском. Следует сказать, что ни в ульчском, ни в орокском не сохранился показатель будущего времени -жѐ, свойственный большей части тунгусо-маньчжурских языков.

Инэңи-ддоккэ²¹.

день(>VRB)-RFCT+PRS||

Наступает день.

«*Нэңу-јэ*   *дуку-такки*   *э-ми*
идти+RFCT-IMP.2SG   дом-DIR+POSS.REFL.SG   не-CVB.SIMUL.SG

*итэ-т'т'э*²²   *хамасај*»,

увидеть-STAT+CNG   назад

«Иди к себе домой, не глядя назад»,

ун'-д'и-ни   *Барада*   *эн'и-н'и*.
говорить-PTCP.PRS-3SG   Борода   мать-3SG//
говорит мать Бороды.

«*Ээ*   *исси-ви*   *дуку-би*
II   возвращаться+PTCP.PRS-1SG   дом-POSS.REFL.SG

б̄аруни.

в.направлении//

«Ну вот, иду (я) к себе домой.

Или-си-ни   *гёда*   *палатка*.
встать.стоять-PTCP.PRS-3SG   один   палатка//
Стоит одна палатка.

Гаду   *Гёна*²³   *тэ-си-ни*,
там   Гена   сесть.сидеть-PTCP.PRS-3SG

пујэ-л-би   *оқт'и-т'т'и-ни*²⁴.
рана-PL-POSS.REFL.SG   вылечить-STAT+PTCP.PRS-3SG//

Там Гена сидит, раны свои лечит.

«*Си*   *нō* <нду> *т'и*   *гэсэ*   *хајми*   *э-си-си*
ты   они<COM>   вместе   почему   не-PTCP.PRS-2SG

²¹ Морфема *-ддоккэ* образовалась в результате слияния (фузии) показателя аспекта противоположного и повторного действия и показателя настоящего времени; о происхождении последнего см. [Pkegami 2001: 55].

²² *-т'т'э* < **-т'и-рэ*.

²³ Гена – сын Бороды, отчима И. Я. Федяевой.

²⁴ *оқт'и-т'т'и-ни* < **оқт'и-т'и-ри-ни* < *оқто-үи-чи-ри-ни лекарство(>VRB)-TR-STAT-PTCP.PRS-3SG

бий = *γэ?*»²⁵

быть.жить+CNG=PART

– «Ты вместе с ними почему не живёшь?»

«*Мимбе* *г'ала* *э-си-г'и* *га-да*,
я(OBL)+ACC туда не-PTCP.PRS-3PL взять-CNG

пујѝ-лу-бе = *г'и*²⁶.

рана-POSS-PRED.1SG=PART//

«Меня туда не берут, я же с болячками (с ранами).

Г'а-нуу-би (*г'а-нуу-би!*)

тот(OBL)-AP-POSS.REFL.SG

оқт'и-г'и-писса *мали* *г'ала* *нэнэ-ли-ви*.
вылечить-STAT-CV.V.COND только туда идти-FUT1-1SG//
Те свои (раны) только когда вылечу, туда пойду»²⁷.

«*Оқт'и-г'и-јјѝ*», — *ук-кэт'г'и*
вылечить-STAT-IMP.2SG говорить-CV.V.PREC+REFL.SG

нэну-хэм-би *дуку-такки*.
идти+RFCT-PTCP.PST-1SG дом-DIR+POSS.REFL.SG//

«(Ну ладно,) лечи», — сказала (я) и пошла к себе домой.

Тар бй *дуку-такки* *ису-хам-би*.
так я дом-DIR+POSS.REFL.SG вернуться-PTCP.PST-1SG//
Так²⁸ я к себе домой вернулась.

²⁵ Спрашивает мать И. Я. Федяевой.

²⁶ Оформление орокской формы обладания лично-предикативным показателем (*пујѝ-лу-бе* = *г'и* 'ведь я же с ранами') характерно и для нанайского языка: «Выполняя роль сказуемого, форма обладания может принимать притяжательные суффиксы, которые (...) нередко имеют характер предикативных показателей» [Аврорин 1959: 192].

²⁷ Сказал Гена — сын Бороды, сводный брат И. Я. Федяевой; как пояснила мне Ирина Яковлевна, Гена был горбатым (он попал под поезд), из-за этого, как я понял, его не сразу приняли в *буни* (в мир мёртвых) — сначала он находился на «излечении» (но уже не на этом свете, а по пути на тот свет).

²⁸ Употребление указательного местоимения 'тот, этот' со значением 'так' характерно для ульчского языка (*ти* 'тот (та, то)' и *ти(й)* 'так, таким образом' [Суник 1985: 240]), а также для эвенкийского (например: *Тар эмэкэм* ... '(Так) придя, ...').

Элэ.

всё.конец||

Всё.

*Дэрэйд’и-писсэ*²⁹=лэккэ г’аду, эсинэңи бу-д’илэхэм-би.
оставаться-CVB.COND=PART там сегодня умереть-CJ-1SG||

Если бы (я) осталась там, сегодня умерла бы.

Глоссы

- ABL — ablative case (исходный падеж)
ACC — accusative case (винительный падеж)
AP — alienable possession (отчуждаемая принадлежность)
CJ — conjunctive mood (сослагательное наклонение)
COM — comitative case (комитатив)
COND — conditional (условное значение)
CNG — connegative (коннегатив)
CVB — converb (деепричастие)
DIR³⁰ — directive (директив, или направительный падеж)
EMPH — emphasis (эмфаза)
FUT1 — future-1 (значение будущего времени с показателем -ли-)
FUT2 — future-2 (значение будущего времени с показателем *-PTCP.PRS-
лā’-лā’-)
IJ — interjection (междометие)
IMP — imperative (императив)
IMPERS — impersonal participle (безличное причастие)
INCH — inchoative (инхоатив)
INT — interrogative (вопросительное значение)
LOC1 — locative-1 case (значение местного падежа с показателем -ду)
LOC2 — locative-2 case (значение местного падежа с показателем -ла’-лā’)
NPST — nonpast (непрошедшее время, настоящее-будущее время)
OBL — oblique case stem (основа косвенных падежей)

---

²⁹ У деепричастной формы *дэрэйд’и-писсэ*=лэккэ ‘если бы я осталась’ – число явно единственное, в то время как Т. И. Петрова считала, что «полным оформителем условно-временного деепричастия во множественном числе, таким образом, служит сложный суффикс -пис’с’а, -пис’с’э, второй компонент которого можно сопоставить с суффиксом множественного числа -сал, -сел» [Петрова 1967: 113].

³⁰ Эту глоссу (т.е. DIR, а не ALL) для орокского направительного падежа использует Т. Цумагари [Tsumagari 2009: 4, 5, 19].

- PART — particle (частица)
PL — plural (множественное число)
POSS — possessive (посессивное значение — либо безличное обладание ('имеющий ...'), либо личное обладание, иначе именуемое личным притяжением ('мой ...'), либо субъектное обладание, иначе называемое возвратным притяжением ('свой ...'))
PREC — preceding action (предшествующее действие)
PRS — present (настоящее время)
PST — past (прошедшее время)
PTCP — participle (причастие)
PURP — meaning of purpose (целевое значение)
REFL — reflexive (возвратное значение, указывающее на принадлежность (или отношение) чего-либо или кого-либо (к) субъекту действия)
RFCT — refactive (аспектуальное значение противоположного и повторного действия)
SG — singular (единственное число)
SIMIL — similaritive (значение подобия)
SIMUL — simultaneous action (одновременное действие)
STAT — stative (аспектуальное значение стативности)
>VRB — verbalization by means of stem conversion (вербализация посредством конверсии основы)
TR — (direct) transitivity ((прямая)переходность)
WHQ — WH-question (вопросы 'где?', 'куда?', 'что?', 'кто?', 'какой?')

Литература

- Аврорин 1959 — В. А. Аврорин. Грамматика нанайского языка. Т. 1. М.–Л., 1959.
Аврорин 1961 — В. А. Аврорин. Грамматика нанайского языка. Т.2. М.–Л., 1961.
Панфилов 1962 — В. З. Панфилов. Грамматика нивхского языка. Ч. 1. М.–Л., 1962.
Петрова 1967 — Т. И. Петрова. Язык ороков (ульта). Л., 1967.
Суник 1985 — О. П. Суник. Ульчский язык. Л., 1985.
Ikegami 2001 — J. Ikegami. Tsungūsugo kenkyū [Исследования по тунгусским языкам]. Tokyo, 2001.
Magata 1981 — H. Magata. Uirutago jiten [Словарь языка уильта]. Abashiri, 1981.
Tsumagari 2009 — T. Tsumagari. Grammatical Outline of Uilta (Revised) // Journal of the Graduate School of Letters. Hokkaido University. Vol. 4. Sapporo, 2009.

М. Ю. Князев

О СТАТУСЕ ПОДЧИНИТЕЛЬНЫХ СОЮЗОВ В КАЛМЫЦКОМ ЯЗЫКЕ¹

1. Введение

В калмыцком языке сентенциальные дополнения с финитной формой глагола вводятся подчинительными союзами, которые внешне совпадают с нефинитными формами глагола *gi-* ‘говорить’, в первую очередь, деепричастной формой *gižə*, проиллюстрированной в примерах (1)–(2)².

(1) *bagšə surkuļ'č-nər-igə klas-in xora-vasə*
учитель ученик-PL-ACC класс-GEN комната-ABL
var-tən gi-žə kelə-v
выходить-IMP.PL говорить-CV.IPFV говорить-PST
‘Учитель сказал, чтобы ученики вышли из класса’³.

(2) *bi enü-gə čatagə cok-la gi-žə*
я этот-ACC ты.ACC бить-REM говорить-CV.IPFV
soŋs-la-v
слушать-REM-1SG
‘Я слышал, что он побил тебя’.

---

¹ Данная работа опирается на материал, собранный в течение 2011–2013 гг. посредством удаленной работы. Автор благодарит за помощь в сборе материала Ольгу Зезинг и Александра Дорджиевича Лиджиева.

² Среди других форм, выступающих в качестве подчинительных союзов, также приводятся *gix, gisn, gidg, giväd, gixär, gixlä* [Санжеев 1983: 301]. В статье будут попутно упоминаться некоторые из этих форм, однако специально они не рассматриваются. Некоторые из форм глагола *gi-*, включая *gižə*, также имеют другие употребления, например, введение целевой клаузы, употребление в функции послелого, а также употребление в составе некоторых модальных конструкций и некоторые другие. Подробнее см. [Баранова 2010].

³ Я следую системе глоссирования калмыцких морфем, принятой в работе [Сай и др. 2009].

Конструкции типа (1) и (2) были рассмотрены в работах [Князев 2009] и [Прохоров 2009], материал для которых был собран в ходе трех экспедиций в Калмыкию 2006–2008 годов⁴.

В указанных исследованиях был затронут вопрос о грамматическом статусе формы *giʒə* и ее связи с глаголом *gi-* ‘говорить’, однако систематического описания и объяснения морфосинтаксических свойств соответствующих конструкций не проводилось. Именно этому и посвящена данная статья.

Использование форм, восходящих к глаголам речи, в качестве подчинительных союзов достаточно часто встречается в языках мира и обычно анализируется как результат грамматикализации [Heine, Kuteva 2002: 261–265]. В процессе грамматикализации соответствующий глагол утрачивает лексическое значение и глагольный морфосинтаксис, одновременно приобретая дистрибуцию и синтаксические свойства, характерные для союзов.

Пример *giʒə* интересен тем, что эта единица при более детальном рассмотрении даже в функции подчинительного союза обнаруживает свойства деепричастия, а также — в особых контекстах — аргументную структуру глагола говорения. Иначе говоря, при утрате своего лексического значения форма *giʒə*, во-первых, проявляет некоторые глагольные свойства, а во-вторых, проявляет эти свойства в различной степени.

Такое поведение говорит о том, что различные лексико-грамматические свойства глагола речи в принципе могут проходить процесс грамматикализации независимо друг от друга и, как следствие, можно на синхронном уровне наблюдать варианты одного и того же подчинительного союза, различающиеся по степени грамматикализованности.

Статья структурирована следующим образом. В разделе 2 я рассматриваю свойства формы *giʒə*, позволяющие ее идентифицировать как подчинительный союз. В разделе 3 я привожу аргументы в пользу рассмотрения формы *giʒə* в функции подчинительного союза как деепричастной формы глагола *gi-* ‘говорить’, в частности, показывая, что «союзные» свойства *giʒə* следуют из свойств (полнозначного) глагола *gi-* ‘говорить’. В разделе 4 я привожу аргумент в пользу наличия у формы *giʒə* в функции подчинительного союза аргументной структуры (по крайней мере в некоторых употреблениях). Раздел 5 содержит выводы.

---

⁴ Руководителем всех трех экспедиций являлась Е. В. Перехвальская, которой принадлежит и сама идея организации экспедиций.

2. *Gižə* как подчинительный союз

Форма *gižə* обладает рядом свойств, которые позволяют ее идентифицировать как подчинительный союз, вводящий синтаксические дополнения, или комплементаризатор.

2.1. Дейктический центр

Важным свойством подчиненных, или вложенных, клауз является то, что дейктические элементы (например, местоимения и маркеры 1 и 2 лица) в их составе способны отсылать к ситуации речи, в которой порождается высказывание. Иначе говоря, вложенная и главная клаузы интерпретируются относительно единого дейктического центра. Вложение клаузы противопоставляется прямой речи, при которой дейктические элементы отсылают к речевому акту, обозначенному матричным глаголом, иначе говоря, матричный глагол вводит свой собственный дейктический центр. Ср. Референцию во фразах (*j* — говорящий): *меня* в *Иван_i сказал, что Маша меня_{ji} поцеловала* и *Иван_i сказал: «Маша меня_i поцеловала»*.

Как видно из примера (3), дейктические элементы в составе синтаксического дополнения, вводимого формой *gižə*, могут интерпретироваться как относительно дейктического центра всего высказывания, так и относительно дейктического центра матричного глагола.

- (3) *eckə-nⁱ Badəm nan-də möngə ög-txä*
отец-Р.3 Бадма я-DAT деньги давать-JUSS1
gi-žə kel-və
говорить-CV.IPFV говорить-PST
i. 'Его отец сказал, чтобы Бадма дал мне денег'.
ii. 'Его отец_i сказал, чтобы Бадма дал ему_i денег'.

Важно, что второй тип интерпретации, при внешних признаках прямой речи, не обязательно ею является с точки зрения синтаксиса зависимой клаузы. Так, в (4) аккузативное маркирование субъекта, недопустимое в независимых клаузах — см. подробнее в [Сердобольская 2009] — сигнализирует о подлинном вложении и, соответственно, недопустимости пряморечной трактовки зависимой клаузы. Вместе с тем местоимение *nandə* может интерпретироваться относительно дейктического центра матричного глагола, как если бы это была прямая речь.

- (4) *eckə-nⁱ Badm-igə nan-də möngə ög-txä*
отец-Р.3 Бадма -ACC я-DAT деньги давать-JUSS1
gi-žə kel-və

говорить-CV.IPFV   говорить-PST
 ‘Его отец_i сказал, чтобы Бадма дал ему_i денег’.

Наличие активного дейктического центра матричного глагола при вложении клаузы можно также показать на примерах, в которых один из дейктических элементов отсылает к ситуации речи, тогда как другой отсылает к речевому акту, выраженному глаголом речи. Именно так происходит в (5), где местоимение *nandə* относится к говорящему, а подразумеваемое, но невыраженное подлежащее вложенной клаузы — к субъекту глагола *kel-*.

(5) *Bajərta_i Badəm-də Ø_i nan-də durta-v*
 Байрта Бадма-DAT я-DAT любить-1SG
gi-žə kel-xär sed-nä
 говорить-CV.IPFV говорить-CV.PURP хотеть-PRS
 ‘Байрта_i хочет сказать Бадме, что Ø_i любит меня’.

Таким образом, дейктический элемент в составе зависимой клаузы может отсылать не только к ситуации речи, как мы бы ожидали, исходя из данных русского языка (см. пример с придаточным с союзом *что* выше), а к дейктическому центру, заданному матричным глаголом, даже в тех случаях, где мы имеем дело с настоящим вложением, а не прямо-речной конструкцией. В такой ситуации я буду говорить о сдвиге референции дейктических слов (indexical shifting [Sudo 2010]).

2.2. Сочетаемость с матричными предикатами

Как и подобает комплементаризеру, форма *gižə* демонстрирует достаточно широкую сочетаемость с разными классами матричных предикатов. Так, *gižə* сочетается не только с глаголами речи, такими как *kel-* ‘говорить’, как мы видели выше, или *zak-* ‘приказывать’, как в (6), но и с ментальными глаголами, например, *san-* ‘думать’, как в (7), *almac-* ‘сомневаться’, как в (8), и *bajrəl-* ‘радоваться’, как в (9). Отметим, что *san-* ‘говорить’ сближается с *kel-* ‘говорить’ по признаку ассертивности, т. е. пропозиция, выраженная зависимой клаузой, истинна с точки зрения субъекта, тогда как *almac-* ‘сомневаться’ является неассертивным глаголом. С другой стороны, *bajrəl-* ‘радоваться’ является фактивным, в отличие от первых двух глаголов.

(6) *cergč-nər-tə volə tal jov-tən gi-žə*
 солдат-PL-DAT река к идти-IMP.PL говорить- CV.IPFV
Baatər zakə-v
 Батыр приказ-PST

‘Батыр приказал солдатам идти к реке’.

- (7) *Ajsa orat-xə gi-žə bi*
Айса опаздывать-PC.FUT говорить-CV.IPFV я
san-ža-na-v
думать-DUR-PRS-1SG
‘Я думаю, что Айса опоздает’.
- (8) *enə naaran ir-xə gi-žə bi*
этот здесь идти-PC.FUT говорить-CV.IPFV я
almac-ža-na-v
сомневаться-DUR-PRS-1SG
‘Я сомневаюсь, что он сюда придет’.
- (9) *enə Badma-gə bičəg bič-žə gi-žə*
этот Бадма-ACC письмо писать-EVD говорить-CV.IPFV
bajrəl-ža-na
радоваться-DUR-PRS
‘Он радуется, что Бадма написал письмо’.

Сочетаемость формы *gižə* свидетельствует об утрате ею лексического значения, присущего исходному глаголу.

2.3. Обязательность

Еще одним свойством формы *gižə*, сближающим ее с комплементарными, является обязательность⁵. Сентенциальные дополнения с финитной формой глагола не могут вводиться непосредственно матричным глаголом, как в (10а), но требует наличия *gižə*; ср. пример (10б), воспроизведенный из (3) в сокращенном виде. Единственным исключением из этого правила является сам глагол *gi-* (см. обсуждение ниже).

- (10а) **eckə-n' Badəm nan-də möngə ög-txä*
отец-Р.3 Бадма я-DAT деньги давать-JUSS I
kel-və
говорить-PST
- (10б) *eckən' Badm nandə möngə ögtxä gižə kelvə*
‘Его отец, сказал, чтобы Бадма дал мне/ему, денег’.

---

⁵ Английский комплементаризатор *that* может в некоторых контекстах опускаться, тем самым создавая впечатление факультативности, однако как показывается в работе [Bošković, Lasnik 2003], в таких случаях есть основания говорить о наличии невыраженного комплементаризатора.

2.4. Контактность

Наконец, как и ожидается от комплементаризера, форма *gižə* должна непосредственно примыкать к клаузе, вводимой ею. Так, не прямое дополнение, выражающее адресата, не может находиться между вложенной клаузой и *gižə*, хотя само сентенциальное дополнение, вводимое формой на *gižə* допускает неконтактное употребление, как показано в (11a)–(11б).

(11a) *eckə-n' mod xamxəl-tən gi-žə*
отец-Р.3 дерево рубить-IMP.PL говорить-CV.IPFV
kövüd-t-än kelə-v
сын-PL-Р.REFL говорить-PST
'Отец сказал своим сыновьям, чтобы они нарубили дров'.

(11б) **eckə-n' mod xamxl-tən kövüd-t-än*
отец-Р.3 дерево рубить-IMP.PL сын-PL-Р.REFL
gi-žə kelə-v
говорить-CV.IPFV говорить-PST

3. *Gižə* как форма глагола *gi-*

Несмотря на то, что форма *gižə* достаточно отчетливо проявляет свойства подчинительного союза, есть некоторые основания анализировать ее как деепричастную форму глагола *gi-*. Во-первых, это ограничение на сочетаемость с именными предикатами. Во-вторых, свойства самого глагола *gi-*, которые, за исключением семантики (см. ниже), «наследуются» формой *gižə*, тем самым обеспечивая возможность анализировать *gižə* как форму глагола *gi-* на синхронном уровне.

3.1. Ограничение на сочетаемость с именными предикатами

Клаузы, вводимые формой *gižə*, неспособны функционировать в качестве актантов именных предикатов. Так, при предикате *zəkvər* 'приказ' не может употребляться сентенциальное дополнение с *gižə*, вместо этого используется причастная форма *gisən*, как показано в (12a)–(12б); ср. также (6). Аналогичная ситуация имеет место с предикатом *zəngə* 'новость', как видно из (13a)–(13б).

(12a) *cergč-nər kolə tal jov-tən gi-sən*
солдат-PL река к идти-IMP.PL говорить-PC.PST
zəkvər avə-v
приказ получать-PST
'Солдаты получили приказ идти к реке'.

- (126) **cerǵĉ-nār kolə tal jov-tən gi-ǰə*
солдат-PL река к идти-IMP.PL говорить-CV.IPFV
zakvər avə-v
приказ получать-PST
- (13a) *tüümər šatə-v gi-sən zängə bi*
пожар гореть-PST говорить-PC.PST новость я
soŋs-la-v
слушать-REM-1SG
'Я слышал новость, что произошел пожар'.
- (13б) **tüümər šatə-v gi-ǰə zängə bi*
пожар гореть-PST говорить-CV.IPFV новость я
soŋs-la-v
слушать-REM-1SG

Ограничение формы *giǰə* на употребление с именными предикатами можно рассматривать как следствие ее статуса формы на *-ǰə*, которое, будучи деепричастием, является модификатором глагольной предикации⁶.

3.2. Свойства глагола *gi-*

В разделе 2 мы рассмотрели свойства формы *giǰə*, которые позволяют трактовать ее как комплементаризер. Примечательно, однако, что эти свойства, за исключением лексического значения, также выводятся из свойств самого глагола *gi-* в тех его употреблениях, где он обладает лексическим значением ('говорить').

3.2.1. Обязательность

Как уже было отмечено выше, глагол *gi-* является единственным глаголом, способным непосредственно вводить клаузу. Это свойство можно трактовать как специфическое для данного глагола субкатегоризационное свойство, отличающее его от других глаголов, таких, как *kel-*. Это свойство тривиальным образом объясняет обязательность *giǰə* при глаголах, отличных от самого *gi-*.

3.2.2. Дейктический центр

Вложенная клауза при глаголе *gi-*, как и при форме *giǰə* в функции комплементаризера, способна интерпретироваться как относительно ситуации речи, т. е. главного дейктического центра, так и относительно

---

⁶ Об этой форме см. подробнее [Мищенко 2009].

речевого акта, обозначенного глаголом *gi-*, т. е. зависимого дейктического центра. Это видно из наличия двух интерпретаций у местоимения *nandə* в примере (14).

- (14) *eckə-nʲ Badət nan-də möngə ög-txä*
 отец-Р.3 Бадма я-DAT деньги давать-JUSS1
gi-və
 говорить-PST
 i. ‘Его отец сказал, чтобы Бадма дал мне денег’.
 ii. ‘Его отец_i сказал, чтобы Бадма дал ему_i денег’.

Примечательно также, что вторая интерпретация допустима при признаках вложения клаузы, такими как наличие аккузативного субъекта, как видно из (15). Это показывает, что глагол *gi-* в своих полнозначных употреблениях также допускает сдвиг референции.

- (15) *eckə-nʲ Badma-gə nan-də möngə ög-txä*
 отец-Р.3 Бадма -ACC я-DAT деньги давать-JUSS1
gi-və
 говорить-PST
 ‘Его отец_i сказал, чтобы Бадма дал ему_i денег’.

3.2.3. Контактность

Глагол *gi-*, так же как и форма *gižə*, требует контактного положения вложенной клаузы и не может отделяться от нее другим материалом, например непрямым дополнением, при том что не прямое дополнение как таковое допустимо, как видно из (16a)–(16b); ср. также (11a) с глаголом *kel-*.

- (16a) *eckə-nʲ kövüid-t-än mod хатхэл-тэн*
 отец-Р.3 сын-PL-P.REFL дерево рубить-IMP.PL
gi-və
 говорить-PST
 ‘Отец сказал своим сыновьям, чтобы они нарубили дров’.
- (16b) **eckə-nʲ mod хатхэл-тэн kövüid-t-än gi-v*
 отец-Р.3 дерево рубить-IMP.PL сын-PL-P.REFL говорить-PST

Таким образом, если абстрагироваться от наличия/отсутствия лексического значения у формы *gižə* в функции комплементаризера, то ее свойства могут объясняться анализом этой формы как деепричастия глагола *gi-*.

Можно заключить, что на пути грамматикализации в подчинительный союз глагол *gi-* утратил свое лексическое значение, тем самым расширив свою дистрибуцию, однако сохранил другие свойства глагола *gi-* как такового и свойства деепричастия.

4. Аргументная структура глагола *gi-*

Хотя форма *gižə* в функции комплементаризера характеризуется отсутствием лексического значения, можно показать, что она сохраняет аргументную структуру глагола говорения, по крайней мере в некоторых своих употреблениях. Свидетельства в пользу этого можно видеть при анализе ограничений на сдвиг референции дейктических элементов.

4.1. Ограничения на сдвиг референции

Как мы видели выше, дейктические показатели могут интерпретироваться как относительно дейктического центра всего высказывания, так и относительно дейктического центра матричного глагола. Причем в последнем случае могут иметься признаки вложения клаузы, исключаяющие ее пряморечную трактовку, и тогда мы имеем случай сдвига референции, как, например, в примере (17), который приводился выше; см. также (5).

- (17) *eckə-nʲ* *Badm-igə* *nan-də* *möngə* *ög-txä*
отец-Р.3 Бадма-ACC я-DAT деньги давать-JUSS1
gi-žə *kel-və*
говорить-CV.IPFV говорить-PST
'Его отец, сказал, чтобы Бадма дал ему, денег'.

Любопытно, однако, что в некоторых случаях сдвиг референции недопустим. Так, например, при глаголе *soŋs-* 'слышать' дейктические показатели в составе сентенциального дополнения не могут интерпретироваться относительно дейктического центра матричного глагола и, следовательно, должны интерпретироваться относительно дейктического центра всего высказывания. Это видно из примера (18), в котором possessивный показатель 1-го лица может относиться только к говорящему и не может относиться к участникам речевого акта, заданного матричным глаголом (ни к Айсе, ни к Бадме).

- (18) *ek-äsə-m* *kövü* *var-la* *gi-žə*
мать-ABL-P.1SG сын родиться-REM говорить-CV.IPFV

Ajsa Badm-asə soŋs-la

Айса Бадма -ABL слышать-REM

i. 'Айса слышала от Бадмы, что у моей матери родился сын'.

ii. *'Айса_i слышала от Бадмы_j, что у ее_i/его_i матери родился сын'.

Соответственно, возникает вопрос о том, почему при глаголе *soŋs*- 'слышать', в отличие, например, от глагола *kel*-, сдвиг референции невозможен. Представляется, что это различие между двумя глаголами могло бы быть объяснено с помощью гипотезы (19).

(19) При сдвиге референции показателя 1 лица в составе вложенной клаузы форма *gižə* имеет имплицитный подлежащий аргумент с ролью Говорящего, к которому отсылает этот показатель.

Рассмотрим для начала пример (18), в котором сдвиг референции невозможен. Предположим, что сдвиг референции показателя 1-го лица произошел. Тогда, в соответствии с гипотезой (19), показатель 1-го лица будет кореферентен имплицитному подлежащему *gižə*. Далее, вследствие того, что деепричастие на *-žə* требует односубъектности, как показано в [Мищенко 2009], имплицитное подлежащее *gižə* будет кореферентно подлежащему глагола *soŋs*- 'слышать', которое является Адресатом. Однако это приводит к конфликту семантических ролей. Сделаем естественное допущение, что *gižə* и ассоциированный с ним предикат отсылают к единой ситуации речи, иначе говоря, существует требование, что Говорящий при матричном глаголе должен быть кореферентен Говорящему при *gižə*. В (18) это требование, очевидным образом, будет нарушаться, поскольку имплицитное подлежащее *gižə* будет кореферентно Адресату при *soŋs*- 'слышать', но не Говорящему при нем же.

(20) * $[\emptyset_{ij}]$ [*ek-äsə-m kövü var-la*]
 мать-ABL-P.1SG сын родиться-REM

gi-žə] *Ajsa_i Badm-asə_j soŋs-la*
 говорить-CV.IPFV Айса Бадма -ABL слышать-REM

Ожидаемый перевод: 'Айса_i слышала от Бадмы_j, что у ее_i/его_i матери родился сын'.

В (17) этой проблемы не происходит, поскольку имплицитное подлежащее *gižə* будет кореферентно Говорящему при глаголе *kel*-, что схематически показано в (21). Таким образом, как синтаксическое требование односубъектности, так и семантическое требование кореферентности ролей будут удовлетворены.

- (21) *eckə-n'i* [$\emptyset_i$ [*Badm-igə nan-də_i mōngə ög-txä*]
 отец-Р.3 Бадма-ACC я-DAT деньги давать-JUSS I
gi-žə] *kel-və*
 говорить-CV.IPFV говорить-PST
 ‘Его отец_i сказал, чтобы Бадма дал ему_i денег’.

Остается вопрос о том, что происходит вне сдвига референции при глаголе *soŋs-*, что представлено в переводе (i) примера (18). Каким образом в этом случае будет удовлетворено требование кореферентности ролей (Говорящего при *gižə* и Адресата при матричном глаголе)? Теоретически возможны два подхода к этой проблеме.

В соответствии с первым подходом, вне сдвига референции у формы *gižə* аргументная структура отсутствует. Как можно убедиться, это не противоречит гипотезе (19). В таком случае проблема, явным образом, отпадает. При втором подходе у формы *gižə* имплицитный участник все же есть, но он получает более обобщенную семантическую роль, а именно роль Носителя пропозициональной установки (*attitude holder*). Как и в случае со сдвигом референции, имплицитный субъект должен быть кореферентен подлежащему матричного глагола, как показано в (22). Однако, в этом случае, при допущении, что Носитель пропозициональной установки при *gižə* может быть кореферентен как Говорящему, так и Адресату при матричном глаголе, конфликта ролей не происходит.

- (22) [$\emptyset_i$ [*ek-äsə-m kövü var-la*]
 мать-ABL-P.1SG сын родиться-REM
gi-žə] *Ajsa_i Badm-asə soŋs-la*
 говорить-CV.IPFV Айса Бадма -ABL слышать-REM
 ‘Айса_i слышала от Бадмы_i, что у моей матери родился сын’.

Я остановлюсь на первом из этих подходов в силу его большей простоты, оставляя на будущее вопрос о том, какой из этих подходов эмпирически более обоснован. В таком случае можно заключить, что необычное поведение дейктических показателей при глаголе *soŋs-* ‘слышать’ объясняется тем, что при сдвиге референции форма *gižə* обладает аргументной структурой исходного глагола, иначе говоря, обладает ролью Говорящего, несмотря на отсутствие полноценного лексического значения.

4.2. Обобщение

Обобщая, можно сказать, что форма *gižə* даже в функции комплементаризера при утрате лексического значения может сохранять информацию о своей аргументной структуре. Соответственно, мы можем го-

ворить о трех типах употреблений глагола *gi-*, в которых при нем имеется вложенная клауза.

(23) Типы употреблений глагола *gi-*:

- i. в функции матричного глагола (есть лексическое значение и аргументная структура)
- ii. в функции комплементаризера (лексическое значение отсутствует)
  - а. с аргументной структурой (при сдвиге референции)
  - б. без аргументной структуры (при отсутствии сдвига референции)

Поскольку употребления без аргументной структуры, очевидным образом, дальше отстоят от полнозначных употреблений, чем употребления с аргументной структурой, три типа употреблений можно упорядочить на шкале грамматикализованности от менее грамматикализованных к более грамматикализованным. Данная шкала представлена в (24).

(24) (22i) < (22iia) < (22iib)

5. Заключение

В этой статье была рассмотрена калмыцкая форма *gižə*, функционирующая в качестве подчинительного союза. Было показано, что, несмотря на ряд союзных свойств, есть основания анализировать эту форму как деепричастие глагола *gi-* со «стертым» лексическим значением. В частности, мы увидели, что из такого анализа выводятся специфические союзные свойства формы *gižə* (в своих неполнозначных употреблениях), такие, как обязательность, контактность, интерпретация дейктических слов и ограничение на сочетаемость с именными предикатами.

С другой стороны, было показано, что несмотря на «стертость» своего лексического значения в функции подчинительного союза, эта форма в некоторых контекстах (при сдвиге референции) сохраняет аргументную структуру исходного полнозначного глагола 'говорить'.

В результате предложенного анализа можно выделить три типа употреблений рассматриваемых форм глагол *gi-*, различающихся наличием/отсутствием полноценного лексического значения и наличием/отсутствием аргументной структуры (при отсутствии полноценного лексического значения). Принципиально важно, что даже неполнозначные употребления в функции подчинительного союза проявляют морфосинтаксические свойства глагола *gi-*, отличаясь от полнозначных лишь в лексико-семантическом аспекте. Другим важным моментом является то, что в некоторых неполнозначных употреблениях мы можем

наблюдать сохранение отдельных аспектов аргументной структуры исходного глагола.

Таким образом, предложенный анализ свидетельствует о том, что грамматикализация глаголов речи в подчинительный союз может затрагивать различные свойства исходной глагольной формы, например, такие, как лексическое значение, аргументная структура и различные морфосинтаксические свойства, независимо друг от друга, тем самым давая возможность для сосуществования подчинительных союзов разной степени грамматикализованности.

Список сокращений

- 1 / 2 / 3 — 1 / 2 / 3 лицо
ABL — аблатив
ACC — аккузатив
CV.IPFV — соединительное деепричастие
CV.PURP — целевое деепричастие
DAT — датив
DUR — дуратив
EVD — эвиденциальное прошедшее
GEN — генитив
IMP — императив
JUSSI — юссив 1-ый
P — посессивный показатель
PC.FUT — причастие будущего времени
PC.PST — причастие прошедшего времени
PL — множественное число
PRS — настоящее время
PST — прошедшее время
P.REFL — рефлексивный посессив
REM — отдалённое прошедшее время
SG — единственное число

Литература

- Баранова 2010 — В. В. Баранова. Пути грамматикализации глагола *gi-* ‘говорить’ в калмыцком языке // З. М. Шаляпина (ред.). Труды межинститутской научной конференции «Востоковедные чтения 2008» (Москва, 8–10 октября 2008 г.) / Общество востоковедов РАН. М.: ИВ РАН, 2010. С. 96–114.

- Князев 2009 — М. Ю. Князев. Сентенциальные дополнения в калмыцком языке // С. С. Сай, В. В. Баранова, Н. В. Сердобольская (ред.). *Исследования по грамматике калмыцкого языка*, 2009. С. 525–580.
- Мищенко 2009 — Д. Ф. Мищенко. Деепричастия с показателями *-žə* и *-ad* в калмыцком языке // С. С. Сай, В. В. Баранова, Н. В. Сердобольская (ред.). *Исследования по грамматике калмыцкого языка*, 2009. С. 225–254.
- Прохоров 2009 — К. Н. Прохоров. Калмыцкие формы косвенных наклонений: семантика, морфология, синтаксис // С. С. Сай, В. В. Баранова, Н. В. Сердобольская (ред.). *Исследования по грамматике калмыцкого языка*, 2009. С. 160–224.
- Санжеев 1983 — Г. Д. Санжеев (ред.). *Грамматика калмыцкого языка. Фонетика и морфология*. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1983.
- Сай и др. 2009 — С. С. Сай, В. В. Баранова, Н. В. Сердобольская (ред.). *Исследования по грамматике калмыцкого языка*, 2009.
- Сердобольская 2009 — Н. В. Сердобольская. Аккузатив субъекта в зависимой предикации: за и против подъема аргумента в калмыцком языке // С. С. Сай, В. В. Баранова, Н. В. Сердобольская (ред.). *Исследования по грамматике калмыцкого языка*, 2009. С. 581–621.
- Bošković, Lasnik 2003 — Ž. Bošković, H. Lasnik. On the distribution of null complementizers. *Linguistic Inquiry* 34, 2003. P. 527–546.
- Heine, Kuteva 2002 — В. Heine, Т. Kuteva. *World Lexicon of Grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
- Sudo 2010 — Y. Sudo. The Syntax and Semantics of Indexical Shifting in Modern Uyghur. MIT General papers, <http://web.mit.edu/ysudo/www/pdf/gpsfinal.pdf>

КОНСТРУКЦИЯ С ОРИЕНТИРОМ В АБЛАТИВЕ ПРИ ПОСЛЕЛОГАХ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА¹

1. Введение

Группа пространственных послелогов башкирского языка в основном состоит из слабо грамматикализованных единиц, представляющих собой полузастывшие падежные формы существительных, обозначающих части объектов. В примере (1)² представлен послелог *artənda* ‘за’, источником которого является форма локатива существительного *art* (2), обозначающего заднюю часть объекта, приводимого в (2).

(1) *Naraj-dəŋ art-ə-nda säskä-lär üθ-ä.*
сарай-GEN зад-Р.3-LOC цветок-PL расти-PRS
‘За сараем растут цветы’.

(2) *Öj-döŋ art-ə buja-l-ma-yan.*
дом-GEN зад-Р.3 красить-PASS-NEG-PC.PST
‘Задняя сторона дома не покрашена’.

Такие пространственные послелоговые образуют серии — группы единиц, имеющих общую основу и различающихся падежными показателями. Основа серии отсылает к какой-либо пространственной части (‘низ’, ‘бок’ и т. п.) ориентира — объекта, относительно которого совершается перемещение или определяется положение другого объекта. Падежные показатели указывают на то, каким образом располагается

---

¹ Исследование поддержано грантом РГНФ, проект 13-04-00416а. Материал для исследования был собран в ходе экспедиции в пос. Рахметово Абзелиловского района Республики Башкортостан в июле 2013 г. Я благодарю Т. В. Никитину и С. С. Сая за комментарии к более ранним версиям статьи, а также носителей башкирского языка, работавших с нами в Рахметово. Ответственность за все недостатки и ошибки лежит на совести автора.

² В статье в основном используются примеры, полученные методом эликации в ходе экспедиции; они не сопровождаются ссылкой на источник. Для примеров, найденных в Интернете, приводится ссылка на сайт и дата доступа на сайт. Для примеров из естественных текстов, записанных в ходе экспедиции, приводится название текста и дата его записи. Перевод примеров, найденных в Интернете, осуществлялся автором статьи.

или перемещается некоторый объект по отношению к обозначенной основной части ориентира. В башкирском языке серии включают три послелогов. С морфологической точки зрения в их составе выделяется показатель датива, локатива или аблатива; с семантической точки зрения они используются для описания соответственно движения в пространственную область, статичного нахождения в некоторой области и движения из какой-либо области. Например, в серию с основой *art-* входят, помимо послелога *artənda*, также послелоги *art-ə-na* <зад-Р.3-DAT> и *art-ə-nan* <зад-Р.3-AVL> (употребление посессивных показателей на послелогов будет обсуждаться ниже). Подобные системы формально и семантически двухкомпонентных средств выражения пространственных значений встречаются во многих языках мира, см. [Кибрик 2003: 201–208; Creissels 2003].

В примере (1) представлен тип употребления пространственных послелогов, который будет далее называться базовой послеложной конструкцией. Эта конструкция выделяется на формальных основаниях: в ней для маркирования связи между послелогом и его зависимым используются средства кодирования, маркирующие отношения между вершиной и зависимым в посессивной именной группе; в примере (1) представлена одна из морфосинтаксических разновидностей этой конструкции, подробнее см. раздел 2.1.

Базовая послеложная конструкция служит фоном для рассмотрения другого типа употребления башкирских пространственных послелогов, представленного в примере (3).

- (3) *Öj-öm-dän art-ta munsə bar.*
 дом-Р.1SG-AVL зад-LOC баня имеется
 ‘За домом есть баня’.

Эта конструкция будет называться конструкцией с ориентиром в аблативе; она выделяется на основании способа кодирования ориентира.

Целью настоящего исследования является выявление семантических особенностей конструкции с ориентиром в аблативе на фоне базовой послеложной конструкции. Будет показано, что по сравнению с базовой послеложной конструкцией конструкция с ориентиром в аблативе имеет более узкую сферу употребления: в ней используется более ограниченный набор послелогов; существуют ограничения, связанные с типом отношений между двумя соотносимыми объектами, а также свойствами самих этих объектов. Семантическим особенностям конструкции с ориентиром в аблативе посвящен раздел 3.

Для обсуждения конструкции с ориентиром в аблативе существенно то, что пространственные выражения, которые выше были названы пространственными послелогоми, могут использоваться и в качестве наречий, ср. (4).

- (4) *Awər kōn-dār art-ta qal-də.*
тяжелый день-PL зад-LOC оставаться-PST
'Трудные дни остались позади'.

В таких употреблениях пространственное выражение указывает на некоторое положение или перемещение объекта, при том что ориентир не выражен (ни синтаксическими, ни морфологическими средствами). Ситуация, при которой в языке параллельно существует послелог (или предлог) и наречие, совпадающие по происхождению и значению, типологически распространена, см. [Creissels 2003: 621; Luraghi 2009]. То, какая из ипостасей одного и того же пространственного выражения представлена в конкретном употреблении, обычно определяется именно на основании синтаксической (не)выраженности ориентира при нем, ср. [Lehmann 1995: 78]. Здесь при описании употреблений пространственных выражений башкирского языка будет использоваться тот же принцип.

В диахронической перспективе пути развития употреблений пространственного выражения в качестве послелога и наречия могут соотноситься более сложным образом. Эта проблема будет играть важную роль в обсуждении соотношения базовой послеложной конструкции и конструкции с ориентиром в аблативе в башкирском языке. Настоящее исследование основано прежде всего на экспедиционных данных и не является диахроническим, поэтому гипотеза о происхождении существующего в башкирском языке противопоставления двух послеложных конструкций будет опираться на данные о других близких явлениях башкирского языка, а также на возможные типологические параллели.

Тема и материал для этого исследования с самого начала были выбраны не случайно — я очень рада возможности таким образом поздравить Е. В. Перехвальскую с юбилеем. В работе над этой статьей меня сопровождали две мысли, связанные с Еленой Всеволодовной. Прежде всего, это исследование проводилось в одной из трех башкирских экспедиций, которые стали возможными только благодаря Елене Всеволодовне. Кроме того, как для всякого студента Елены Всеволодовны, для меня именно с ее лекциями связано представление о том, насколько неожиданно может быть устроена в разных языках концептуализация самых базовых сторон человеческого опыта, в частности, пространствен-

ных отношений, которые и находятся в центре внимания в настоящей статье.

2. Формальные свойства двух конструкций с послелозгами

2.1. Базовая послеложная конструкция

Для маркирования связи между вершиной и зависимым в базовой послеложной конструкции может использоваться вершинное маркирование, зависимостное маркирование или их комбинация. В качестве маркера связи на зависимом используется показатель генитива. Маркерами зависимости на вершине служат посессивные показатели. В целом способы кодирования связи между вершиной и зависимым в этой конструкции те же, что и в посессивной именной группе³.

Как и в именной группе, в базовой послеложной конструкции личные местоимения всегда принимают форму генитива, ср. (5)⁴. Если ориентир выражен с помощью именной группы, показатель генитива является факультативным, но при одушевленном ориентире (6) он скорее будет использоваться, а при неодушевленном — скорее будет отсутствовать (7).

- (5) *Bəl foto-la ul-əm*
 этот фотография-LOC сын-Р.1SG
mineŋ / *min art-əm-da tor-a.
 я.GEN я зад-Р.1SG-LOC стоять-PRS
 ‘На этой фотографии мой сын стоит за мной’.
- (6) *Ataj-əm-dəŋ / ^{OK}ataj-əm art-ə-na tor-Ø.*
 отец-Р.1SG-GEN отец-Р.1SG зад-Р.3-DAT стоять-IMP
 ‘Встань за моим отцом’.
- (7) *Arba / ^{OK}arba-nəŋ art-ə-na tor-Ø.*
 телега телега-GEN зад-Р.3-DAT стоять-IMP
 ‘Встань за телегу’.

³ Имеются в виду т. н. вторая и третья изафетные конструкции. В отличие от первой изафетной конструкции, эти конструкции (а) с формальной точки зрения включают хотя бы один маркер связи между вершиной и зависимым, (б) описывают скорее отношения обладания, а не модификацию. Об изафетных конструкциях в татарском языке см. [Гращенков 2008].

⁴ Ориентир, выраженный с помощью местоимения, может также маркироваться только с помощью посессивного показателя на вершине.

На послелого в базовой послеложной конструкции обычно появляется посессивный показатель, однако то, насколько он обязателен, зависит от характеристик ориентира: при ориентире третьего лица употребление послелого без посессивного показателя невозможно (8а–б), при ориентирах первого и второго лица посессивный показатель на послелого может отсутствовать (9а–б).

- (8а) **Qarqa al-da mašina tor-a.*
ворота перед-LOC машина стоять-PRS
'Перед воротами стоит машина'.
- (8б) *Qarqa ald-ә-nda mašina tor-a.*
ворота перед-Р.3-LOC машина стоять-PRS
'Перед воротами стоит машина'.
- (9а) *Mineŋ ald-әм-da ber tärilkä aš.*
я.GEN перед-Р.1SG-LOC один тарелка еда
'Передо мной тарелка супа'.
- (9б) ^{OK}*Mineŋ al-da ber tärilkä aš.*
я.GEN перед-LOC один тарелка еда
'Передо мной тарелка супа'.

Таким образом, в базовой послеложной конструкции ориентир оформляется показателем генитива; послелог маркируется посессивным показателем; оба эти маркера в ряде случаев факультативны, однако невозможна ситуация, при которой они оба отсутствуют. Морфосинтаксическое устройство базовой послеложной конструкции отражает отыменное происхождение серийных пространственных послелогов башкирского языка и соответствует слабой степени их грамматикализованности: эта конструкция не обладает ни одним абсолютным свойством, отличающим ее от посессивной именной группы.

2.2. Конструкция с ориентиром в аблативе

Во второй из рассматриваемых конструкций ориентир всегда маркируется показателем аблатива. В этой конструкции появление посессивного показателя на послелого невозможно, ср. (3) и (10).

- (10) **Bulat ata-hә-nan art-ә-nda tor-a.*
Булат отец-Р.3-ABL зад-Р.3-LOC стоять-PRS
'Булат стоит за своим отцом'.

Таким образом, базовая послеложная конструкция и конструкция с ориентиром в аблативе могут быть противопоставлены по крайней мере

по двум параметрам: по способу маркирования ориентира и по тому, возможно ли появление посессивного показателя на послелого.

2.3. Серии пространственных послелогов башкирского языка

Основные серии пространственных послелогов башкирского языка представлены в Таблице 1. В нее включены все основные серии послелогов, упомянутых в словаре [Ахмеров и др. 1958], где они сопровождаются пометой «служебное имя». В грамматиках башкирского языка [Дмитриев 2008: 122; Юлдашев 1981: 199, 206] эта группа послелогов не описана последовательно: в них упоминаются только отдельные представители серии с основой *al(d)*- как наречия и послелогои с временным значением. В небольшом типологическом обзоре, представленном в [Кибрик 2003], сообщается, что «тюркские языки не имеют склоняемых пространственных послелогов» [Там же: 206].

В Таблице 1 в крайнем левом столбце приведено приблизительное значение основы каждой из серий в виде семантических ярлыков, соответствующих определенным пространственным частям объектов и областям пространства, примыкающим к ним, см. [Плунгян 2011: 187]. Оставшиеся три столбца содержат дативные, локативные и аблативные послелогои серий. Для всех послелогов приведены формы с посессивным показателем третьего лица. Возможность использования послелогов в конструкции с ориентиром в аблативе отражена с помощью границ ячеек. Для группы послелогов, ограниченной двойной линией, такая возможность признавалась всеми опрошенными носителями; ячейки с послелогоами, для которых употребления в конструкции с ориентиром в аблативе получали смешанные оценки, ограничены пунктирной линией. Послелогои, находящиеся в нижней части Таблицы 1, не способны употребляться в конструкции с ориентиром в аблативе.

Таблица 1. Основные серии башкирских пространственных послелогов

Значение	DAT	LOC	ABL
ANTE	<i>ald-ə-na</i>	<i>ald-ə-nda</i>	<i>ald-ə-nan</i>
SUPER	<i>öθt-e-nä</i>	<i>öθt-e-ndä</i>	<i>öθt-e-nän</i>
SUB	<i>aθt-ə-na</i>	<i>aθt-ə-nda</i>	<i>aθt-ə-nan</i>
POST	<i>art-ə-na</i>	<i>art-ə-nda</i>	<i>art-ə-nan</i>
IN	<i>es-e-nä</i>	<i>es-e-ndä</i>	<i>es-e-nän</i>
APUD	<i>ergä-he-nä</i>	<i>ergä-he-ndä</i>	<i>ergä-he-nän</i>
APUD	<i>jan-ə-na</i>	<i>jan-ə-nda</i>	<i>jan-ə-nan</i>

Как показывает Таблица 1, в конструкции с ориентиром в аблативе могут использоваться далеко не все серийные пространственные послелого башкирского языка. Употребление этой конструкции оказалось приемлемым прежде всего при послелогах верхней части Таблицы 1, описывающих положение или перемещение по отношению к передней, верхней, нижней и — более ограниченно — задней части объектов. Эти послелого имеют некоторую семантическую общность: все они обозначают области, которые особенно существенны для ориентации относительно объектов, обладающих ярко выраженными передней и задней частями, верхом и низом. Из объектов, обладающих таким пространственным устройством, наиболее существенным для моделирования пространственных отношений является человек, см. [Mühlhäusler 2001: 569]. Далее я буду называть такие объекты асимметричными, имея в виду именно такую «фронтально-вертикальную» асимметрию, ср. [Svorou 1994: 123–125].

Даже в рамках этих четырех серий не все послелого способны употребляться с ориентиром, оформленным аблативом. В наибольшей степени этой способностью обладают локативные послелого, для дативных послелогов обнаруживается больше трудностей и, наконец, для аблативных послелогов такие употребления признавались возможными только частью опрошенных носителей.

При этом для аблативных послелогов было обнаружено особое ограничение. Базовым для аблативного послелого является обозначение движение из некоторой области. Можно сказать, что такая интерпретация наиболее семантически композициональна: показатель аблатива обозначает движение из какого-либо места, в данном случае — из одной из пространственных областей, относящихся к ориентиру, ср. интерпретацию (а) употребления базовой послеложной конструкции в примере (11).

- (11) *Bulat-təŋ art-ə-nan səq-Ø.*
Булат-GEN зад-Р.3-ABL выходить-IMP
а. 'Выйди из-за Булата'.
б. 'Иди за Булатом'.

Интерпретация (б) в примере (11) предполагает использование аблативного послелого для обозначения пути движения, т. е. скорее в пролативном значении⁵. Если для базовой послеложной конструкции обе интерпретации оказываются возможными, то для конструкции с ориенти-

---

⁵ Для аблативных показателей такая полисемия является типологически распространенным явлением, см. [Ганенков 2002: 79–80].

ром в аблативе удалось получить только такие примеры, в которых аблативный послелог используется во втором, пролативном значении, ср. (12).

- (12) *Uqətəwsə-nan al-dan jügermä-Ø.*
 учитель-ABL перед-ABL бежать-NEG-IMP
 ‘Впереди учителя не беги’.

Таким образом, употребление в конструкции с ориентиром в аблативе возможно только для определенного подмножества в рамках группы пространственных серийных послелогов башкирского языка: прежде всего, для локативных и дативных, но не аблативных, послелогов, обозначающих области, релевантные для асимметрично ориентированных объектов. В следующем разделе рассматриваются особенности пространственных употреблений конструкции с ориентиром в аблативе и временные употребления этой конструкции.

3. Типы употреблений конструкции с ориентиром в аблативе

3.1. Пространственные употребления

Конструкция с ориентиром в аблативе может использоваться для описания как пространственных, так и временных отношений. В ходе исследования не было обнаружено таких контекстов, в которых пространственный послелог можно было бы употребить в конструкции с ориентиром в аблативе, но невозможно — в базовой послеложной конструкции. При этом конструкция с ориентиром в аблативе задает более строгие ограничения на тип пространственных отношений между двумя объектами.

Употребления, в которых конструкция с ориентиром в аблативе признавалась возможной всеми опрошенными носителями, описывают взаимное расположение асимметричных объектов, одинаково ориентированных на оси, которая задается послелогом. Так, послелог *alda* может использоваться в конструкции с ориентиром в аблативе в случае, если описывается положение одного человека перед другим в очереди, но не может использоваться в ситуации, когда два человека стоят друг к другу лицом, ср. (14)–(15).

- (14) *Ađəq-tülek mayazin-ə-nda sirat-ta*
 продовольствие магазин-Р.3-LOC очередь-LOC
minän al-da
 я.ABL перед-LOC
ike üθmer qəð tor-a ine.
 два подросток девочка стоять-CV.IPFV быть.PST

‘В магазине передо мной в очереди стояли две юные девочки’
[<http://www.bashforum.net/index.php?/topic/5516-5516/>, 15.11.2013].

- (15) **Uqətəwsə-nan al-da bötä*
учитель-ABL перед-LOC все
uqə-yan-əm-də onot-a-m.
читать-PC.PST-P.1SG-ACC забывать-PRS-1SG
‘Когда я стою перед учителем, я забываю то, что выучил’.

Пример (16) с послелогом *alda* предполагает движение двух асимметричных объектов разных онтологических классов вдоль одной и той же оси, ср. также примеры (12) и (13) с послелогом *aldan* и *alya*. Следует отметить, что послелогии этой серии наиболее охотно употребляются носителями в конструкции с ориентиром в аблативе.

- (16) *Šuya kür-ä beđ-đeŋ jeget-tär*
потому.что видеть-CV.IPFV мы-GEN парень-PL
mašina-nan al-da bar-əp,
машина-ABL перед-LOC идти-CV
jul-də tađart-tə-lar.
путь-ACC чистить-PST-PL
‘Поэтому наши парни шли перед машиной, расчищая путь’
[http://www.bashforum.net/index.php?/topic/7513-7513/page__st__80, 15.10.2013].

Для употреблений в конструкции с ориентиром в аблативе локативных послелогов *öhtä* ‘на, над’ и *aθta* ‘под’ носителями в качестве наиболее естественного контекста предлагались ситуации, в которых либо два человека находятся в одинаковом положении на разных уровнях, либо два здания находятся на разных уровнях на (условно) вертикальной поверхности. Так, предложение (17), по словам одного из носителей, могло бы быть употреблено в случае, если два человека живут в многоэтажном доме на разных этажах, лежат на разных уровнях многоярусной кровати или если их дома расположены на разной высоте на склоне горы. В примере (18) описываются отношения между двумя неодушевленными объектами: это предложение, согласно комментарию носителя, может значить, что мечеть расположена выше дома на склоне горы или выше (т. е. дальше) по улице.

- (17) *Bulat minän aθ-ta jäšä-j.*
Булат я.ABL низ-LOC жить-PRS
‘Булат живет ниже меня’.

- (18) *Māset öj-öm-dān öθ-tā.*
 мечеть дом-P.1SG-ABL верх-LOC
 ‘Мечеть выше моего дома’.

Дативный и аблативный послелогои этих серий обозначают соответственно движение, конечной точкой которого является положение на оси, задаваемой ориентиром (19), и параллельное ориентиру движение по траектории, находящейся выше или ниже ориентира в зависимости от серии (20); при этом соблюдаются те условия, о которых шла речь выше.

- (19) *Bulat taw-ya minān = dā öθ-kā men-de.*
 Булат гора-DAT я.ABL=же верх-DAT взбираться-PST
 ‘Булат забрался выше меня на гору’.

- (20) *Bulat taw-ya minān öθ-tān men-de.*
 Булат гора-DAT я.ABL верх-ABL взбираться-PST
 ‘Булат поднялся на гору по более высокому пути’.

Локативный послелог *artta* ‘за’ единственный в своей серии безусловно употребляется в конструкции с ориентиром в аблативе, см. (3). В таких употреблениях он функционирует подобно послелогу *alda* ‘перед’, рассматривавшемуся выше.

Ряд примеров употребления аблативной конструкции не вписывается в предложенную выше схему расположения или перемещения одинаково ориентированных асимметричных объектов. Предположительно, для этих примеров существенным оказывается то, расположены ли два объекта на небольшом или значительном расстоянии, и конструкция с ориентиром в аблативе используется для случаев, когда объект расположен на значительном расстоянии от ориентира. В примерах (21)–(22) для описания ситуации, предполагающей небольшую дистанцию между объектами, была предложена базовая послеложная конструкция, а использование конструкции с ориентиром в аблативе было признано неприемлемым.

- (21) *Mineŋ öθt-öm-dā serekāj-đār os-a.*
 я.GEN верх-P.1SG-LOC комар-PL летать-PRS
 ‘Надо мной летают комары’.

- (22) *^{??}Minān öθ-tā serekāj-đār os-a.*
 я.ABL верх-LOC комар-PL летать-PRS
 ‘Выше меня летают комары’.

Примеры (23)–(24), в которых используется конструкция с ориентиром в аблативе, предполагают дистантное расположение объекта относительно ориентира.

(23) *Minän öθ-tä tübä.*
я.ABL верх-LOC крыша
'Надо мной крыша'.

(24) *Minän öθ-tä taŋ qoŝ-tar-ə*
я.ABL верх-LOC рассвет птица-PL-P.3
Bir-hen kön-gä tawəŝ!
давать-JUSS день-DAT голос
'Пусть надо мной рассветные птицы подадут голос дню!'
[<http://bash-portal.ru/news/newsotavtora/2804-tel1241gem-do1171am.html>].

Вывод о том, что именно признак дистантного положения в данном случае оказывается существенным, был во многом основан на комментариях носителей. Пример (22) в основном признавался носителями неприемлемым — с комментарием, что комары в данном случае представляются как находящиеся намного выше ориентира и уподобляются при таком употреблении самолетам, поэтому обычно вместо стимула 'Надо мной летают комары' для этого предложения предлагался перевод, указанный в примере.

Контраст между более и менее дистантным расположением объектов показывают также примеры (25)–(26). Пример (25) был признан неестественным, с комментарием: предлагать спрятаться таким образом бессмысленно, поскольку адресат этого предложения будет находиться значительно дальше дерева, и его будет видно.

(25) ^{??} *Ayas-tan art-qa jäŝen-Ø.*
дерево-ABL зад-DAT прятаться-IMP
'Спрячься за дерево'.

(26) *Ayas-tan art-ta həjər köt-ä-lär.*
дерево-ABL зад-LOC корова ждать-PRS-PL
'Дальше дерева пасутся коровы'⁶.

---

⁶ Можно заметить, что в примерах (25)–(26) используется относительная ориентация: для локализации объекта необходимо за точку отсчета принять положение наблюдателя; в данном случае это неизбежно, поскольку ориентир — дерево — не имеет заданной передней и задней области. Предыдущий

Такие примеры признавались приемлемыми не всеми опрошенными носителями. В основном для описания этих ситуаций вместо конструкции с ориентиром в аблативе как более естественную они предлагали использовать базовую послеложную конструкцию.

Таким образом, конструкция с ориентиром в аблативе используется для описания таких пространственных отношений, которые устанавливаются между двумя объектами с четко противопоставленными передней и задней и / или верхней и нижней частями и предполагают одинаковое расположение этих релевантных частей на горизонтальной или вертикальной оси в зависимости от значения послелога.

Некоторые носители признавали возможными и такие употребления конструкции с ориентиром в аблативе, которые описывают расположение объекта на значительном расстоянии от ориентира.

3.2. Временные употребления

Для описания временных отношений как в базовой послеложной конструкции, так и в конструкции с ориентиром в аблативе из пространственных серийных послелогов могут использоваться только послелоги *alda* ‘перед’ и — более периферийно — *artta* ‘за’, который используется во временном значении ‘после’⁷. Хорошо известно, что пространственные выражения с этими значениями очень часто используются также для описания предшествования или следования во времени, см., например, [Svovou 1994; Haspelmath 1997]. Смежность этих пространственных значений с временными можно проиллюстрировать примерами, которые совмещают пространственные отношения и соположенность событий во времени, ср. (27).

тип употреблений предполагал внутреннюю ориентацию, при которой локализация объекта определяется на основании расположения пространственных частей ориентира. То, какой тип ориентации используется при различных послелогах и в разных конструкциях с послелогами в башкирском языке, нуждается в дальнейшем исследовании; о типах ориентации см. [Mühlhäusler 2001: 568–569; Haspelmath 1997: 58].

⁷ Следует отметить, что в базовой послеложной конструкции из серий с этими двумя основами для выражения пространственных отношений чаще, чем локативные, используются аблативные послелоги, см. (i).

- (i) *Mäktäp-kä bala-lar bajram ald-ə-nan kil-de-lär.*
школа-DAT ребенок-PL праздник перед-Р.З-ABL приходит-РСТ-PL
‘Дети пришли в школу перед праздником’ {чтобы успеть надеть костюмы}.

- (27) *Beđ qala-ya Bulat-təŋ ald-ə-nda*
мы город-DAT Булат-GEN перед-Р.3-LOC
kil-er-gä telä-gäjne-k.
приходить-Р0Т-DAT хотеть-PLPF-1PL
‘Мы хотели приехать в город раньше Булата’.

В примере (27) сообщается о временной последовательности событий, к которым отсылают обозначения лиц. Однако временные отношения между этими событиями тесно связаны с пространственным следованием протагонистов этих двух ситуаций друг за другом, особенно если они перемещались из одного и того же пункта.

В примере (28) временные отношения не так неразрывно переплетены с пространственными, однако и в данном случае последовательное проживание дедушки говорящего и самого говорящего в одном доме в несколько отвлеченном смысле предполагает пространственное перемещение в этот дом сначала одного, а затем другого лица.

- (28) *Minän al-da bəl öj-ďä olataj-əm jäšä-gän.*
я.ABL перед-LOC этот дом-LOC дед-Р.1SG жить-РС.PST
‘До меня в этом доме жил мой дедушка’.

Наконец, в примере (29) описываются исключительно временные отношения между событиями, выраженными существительными с событийной семантикой.

- (29) *Dares-tän al-da gimnastika bul-a.*
класс-ABL перед-LOC гимнастика быть-PRS
‘Перед уроком будет гимнастика’.

Итак, для обозначения временных отношений из пространственных серийных послелогов башкирского языка предсказуемо могут использоваться послелоги, обозначающие положение перед и за ориентиром. То, что в таких контекстах может использоваться не только базовая послеложная конструкция, но и конструкция с ориентиром в аблативе, не кажется противоестественным на фоне типичных пространственных употреблений последней. Если для основного типа пространственных употреблений конструкции с ориентиром в аблативе важным оказывается признак расположения одинаково ориентированных объектов на одной оси, то для предшествования и следования расположение на единой временной оси является единственно возможным, а последовательное разворачивание событий во времени можно уподобить одинаковой пространственной ориентации объектов.

3.3. Свойства ориентира

В ходе исследования было обнаружено, что на приемлемость употреблений конструкции с ориентиром в аблативе в пространственном значении влияет не только взаимное положение сопоставляемых объектов и пространственная конфигурация ориентира, но и его онтологический класс. Опрошенные носители более охотно признавали приемлемыми и предлагали примеры, в которых ориентир является одушевленным существом, ср., например, (16) и (17), но не неодушевленным, пусть и асимметричным объектом, как в примерах (14) и (18)⁸.

Таблица 2. Одушевленность ориентира в двух послеложных конструкциях

	ABL	GEN	Соотношение (ABL / GEN)
<i>ataj</i>	7	21	0,3
<i>ir</i>	3	9	0,3
<i>öj</i>	1	29	0,03

Некоторое количественное подтверждение этого обобщения представлено в Таблице 2, которая основана на данных употребления двух послеложных конструкций в текстах на башкирском языке, доступных в Интернете. Таблица 2 содержит данные об употреблении трех существительных: *ataj* ‘отец’, *ir* ‘муж, мужчина’ и *öj* ‘дом’ — при послелоге *alda* в конструкции с ориентиром в аблативе и в базовой послеложной конструкции⁹.

⁸ Неоднократно отмечалось, что одушевленные существительные ведут себя особым образом в сочетаниях с пространственными выражениями, однако в основном известно о случаях неприемлемости употребления пространственных выражений с одушевленными именами или более «тяжелом» маркировании ориентиров, являющихся одушевленными, а не наоборот, см. [Comrie 1986: 88–89; Creissels, Mounole 2011; Luraghi 2011]. Обычно это связывается с тем, что одушевленные объекты, которые являются подвижными и обладают сложным пространственным устройством, неудобно использовать в качестве ориентиров.

⁹ Поиск в Яндексе производился 6.12.2013. Среди результатов поиска вручную отбирались примеры на башкирском языке. Число, представленное в Таблице 2, показывает количество употреблений каждого из существительных во всех возможных для каждой из конструкций формах (с посессивным показателем и без него), не включающих формы множественного числа. Различия между распределениями: для существительного *öj* ‘дом’ и существительного *ataj* ‘отец’ статистически значимы, для существительного *ir* ‘дом’ и существительного *ir* ‘муж, мужчина’ приближаются к порогу статистической значимости (двусторонний вариант точного критерия Фишера, $p < 0.04$ и $p < 0.07$ соответственно).

Таблица 2 показывает, что в конструкции с ориентиром в аблативе с послелогом *alda* существительные *ataj* ‘отец’ и *ir* ‘муж, мужчина’ употребляются гораздо чаще, чем существительное *öj* ‘дом’: для первых двух существительных соотношение употреблений в двух конструкциях примерно равно 1/3, а для последнего — примерно 1/30. При этом важно, что и оценки носителей, и пример, найденный в Интернете, подтверждают, что употребление существительного *öj* ‘дом’ в этой конструкции в принципе возможно.

4. Обсуждение

В этом разделе конструкция с ориентиром в аблативе будет рассматриваться на фоне близких явлений башкирского языка и сходных явлений в других языках. На основании этого сопоставления будет сделано предположение о том, какими семантическими механизмами могут быть обусловлены свойства конструкции с ориентиром в аблативе, описанные в предыдущих разделах.

В башкирском языке значительным формальным сходством с конструкцией с ориентиром в аблативе обладает сравнительная конструкция, в которой стандарт сравнения также принимает форму аблатива, ср. (30).

- (30) *Mineŋ aŋaj-ät minän odon-oraq.*
 я.GEN старший.брат-Р.1SG я.ABL длинный-СМРР
 ‘Мой брат выше меня’.

В примере (30) стандарт сравнения выражен местоимением первого лица в форме аблатива; помимо этого, на прилагательном *odon* ‘длинный’ появляется показатель *-raq*, который также в данном случае является компонентом сравнительного оборота. Этот показатель не является обязательным: для выражения идеи сравнения достаточно употребления стандарта сравнения в форме аблатива при немаркированной форме прилагательного¹⁰, ср. (31).

- (31) *Mineŋ aŋaj-ät minän odon.*
 я.GEN старший.брат-Р.1SG я.ABL длинный
 ‘Мой брат выше меня’.

---

¹⁰ Эти особенности устройства сравнительных конструкций в башкирском языке хорошо известны, см. [Дмитриев 2008: 88; Юлдашев 1984: 194–196], и являются типологически распространенными, ср. [Stassen 1985; 2005].

Сфера употребления показателя *-raq* при этом не ограничена сравнительными конструкциями: этот показатель может использоваться для передачи идеи чрезмерного или, напротив, неполного проявления признака, присоединяясь к единицам различных частей речи, обычно выступающим в качестве модификаторов: прилагательным, наречиям, деепричастиям (32), см. [Юлдашев 1981: 195–196].

- (32) *Yöümän, xəjal-ya bir-el-eb-eräk, möyžizä*
 в_общем мечта-DAT давать-PASS-CV-CMPR чудо
kötö-b-öräk jäšä-gän xaləq bit inde beđ.
 ждать-CV-CMPR жить-PC.PST народ ведь уже мы
 ‘В общем, мы сейчас являемся народом, который живет, в большой мере ожидая чуда и предаваясь мечте’ [<http://yeshlek-gazeta.ru/2009/09/15/be1177-bakhyr-bulmaby1177.html>, 15.11.2013].

Этот показатель может присоединяться и к пространственным послелогам, причем как в конструкции с ориентиром в аблативе, так и в базовой послеложной конструкции, ср. (33)–(34).

- (33) *Bulat sirat-ta unan al-da-raq*
 Булат очередь-LOC тот.ABL перед-LOC-CMPR
tor-a ine.
 стоять-CV.IPFV быть.PST
 ‘Булат стоял в очереди перед ним’.
- (34) *Sanija, kää-ne jä urla-r-đar, jä büre-lär*
 Сания коза-ACC или похитить-POT-PL или волк-PL
tamaqla-r, tip qurq-əp, işek töb-ö-ndä,
 задрать-POT сказать.CV бояться-CV дверь у-Р.3-LOC
olo mejes art-ə-nda-raq, sitlek ešlä-gäjne.
 старый печь зад-Р.3-LOC-CMPR клетка работать-PLPF
 ‘Сания, боясь, что козу или похитят, или задерут волки, сделала клетку у двери, немного позади старой печи’
 [<http://башкортостанкызы.пф/proza/209-nazhi-igeynova-casha.html>, 15.11.13].

Таким образом, саму по себе возможность появления показателя *-raq* не следует считать признаком того, что перед нами сравнительная конструкция: этот показатель употребляется не только в сравнительной конструкции; сравнительная конструкция может не содержать этого показателя.

Однако конструкция с ориентиром в аблативе похожа на сравнительную конструкцию не только тем, что на послелогое может появляться показатель *-raq*, — способ оформления стандарта сравнения в сравнительной конструкции и ориентира в конструкции с ориентиром в аблативе также совпадают. Можно ли считать, что конструкция с ориентиром в аблативе является разновидностью сравнительной конструкции, ее реализацией с пространственным или временным наречием в качестве предиката?

Представляется, что при таком взгляде сравнительная конструкция в башкирском языке охватывала бы зону значений более широкую, чем предполагает традиционное определение, согласно которому сравнительная конструкция используется для сопоставления положения двух объектов на какой-либо градуальной шкале, заданной предикатом, и указания на то, что у одного из этих объектов признак, по которому производится сравнение, представлен в более высокой или низкой степени, чем у другого, ср. определение в [Stassen 2005]. Если представить ситуации, которые обозначаются конструкцией с ориентиром в аблативе, как предполагающие некоторую шкалу, то эта шкала будет устроена иначе, чем для соответствующих определению сравнительных конструкций: точка отсчета той оси, которая служит для взаимного расположения объектов, совпадает с соответствующей частью ориентира.

Различие между традиционным и обсуждаемым здесь более широким пониманием значения сравнительной конструкции можно продемонстрировать на следующих примерах. Сравнение того, какой из двух людей выше, предполагает, что рост и того, и другого не равен нулю. В качестве более реалистичного примера можно предложить следующую ситуацию: представляется, что если два человека находятся в абсолютно темной комнате, то предложение одного из них переместиться в более светлое место будет неуместно — для этого необходимо было бы, чтобы и данная комната была светлой хотя бы в самой малой мере. Сходным образом, если приложить представления о семантике сравнительной конструкции к пространственным отношениям, описываемым конструкцией с ориентиром в аблативе, придется считать, что пространственный ориентир обладает нулевой степенью проявления признака 'быть впереди', а объект сравнения оказывается «более передним».

Еще одной зоной употребления аблатива являются выражения, выражающие временное предшествование или следование. Помимо послелогов *alda* 'перед' и *artta* 'за' в этой функции могут употребляться по крайней мере послелогои / наречия *elek* 'раньше', ср. (35), и *huy* 'после' (36).

- (35) “*Eš başla-r-ðan elek hin*
 работа начинать-POТ-ABL раньше ты
türä-ŋ-ä alsaq jöð-öŋ-dö
 начальник-Р.2SG-DAT приветливый лицо-Р.2SG-ACC
kür-hät-Ø”, ti tor-yaŋnə ataj-əm.
 видеть-CAUS-IMP сказать.CV.IPFV стоять-PLPF отец-Р.1SG
 ‘Прежде чем начать работу, покажи начальнику приветливое ли-
 цо, — говорил мой отец’
 [http://зигатсултанов.рф/rasskaz/830-ya1177ly11851185an-
 igelek.html, 15.11.2013].
- (36) *Unan huŋ beš-kän aš-tə aša-p*
 тот.ABL после вариться-PC.PST еда-ACC есть-CV
säj es-ep öj-gä taral-əš-asaq-bəð.
 чай пить-CV дом-DAT распространяться-RECP-FUT-1PL
 ‘После этого, поев приготовленную еду и выпив чая, все разош-
 дутся по домам’ [zazivanie_dozhdya, 05.07.12].

Можно было бы считать, что и для временных отношений предшествования или следования используется сравнительная конструкция: два объекта сравниваются с точки зрения положения на временной оси.

При таком взгляде сравнительной конструкции в башкирском языке придется приписать очень широкий ряд функций и признать ее одним из основных средств выражения пространственных и временных отношений в башкирском языке. Подобная модель соотношения функций аблатива предполагала бы, что для более базовых и первичных семантических зон, таких как пространство и время, используются средства, прежде всего обслуживающие более абстрактные и ненаблюдаемые отношения, которые лежат в основе сравнительной конструкции, ср. рассуждения об относительной «когнитивной сложности» этих областей в [Stassen 1985: 105].

Таким образом, признание всех тех случаев употребления аблатива, которые рассматривались выше, разновидностями сравнительной конструкции, с чисто терминологической точки зрения возможно: такое решение будет отражать близость идеи шкалы, лежащей в основе сравнительной конструкции, и идеи оси, важной для большей части употреблений конструкции с ориентиром в аблативе. Однако такой подход приводит к необходимости очень широкого понимания сравнительной конструкции для башкирского языка и навязывает идею первичности сравнительной функции аблатива перед пространственной и временной. Помимо этого, при таком подходе остается неясным, почему именно

одушевленные ориентиры оказываются предпочтительными в пространственных употреблениях конструкции с ориентиром в аблативе.

Здесь будет избран более умеренный подход: вместо того чтобы расширять понимание сравнительной конструкции так, чтобы она включала все перечисленные конструкции, предлагается рассматривать представленный выше ряд смежных функций аблатива как результат действия единого семантического механизма, который лежит в их основе.

Таким семантическим механизмом предлагается считать перенос представления о движении одного объекта, которое отсчитывается от другого объекта, на пространственные или временные отношения между этими объектами. Этот семантический механизм упоминается в связи с рядом различных явлений; одно из наиболее известных проявлений такого переноса рассматривается в работах Л. Талми в терминах «фиктивного движения» (см., например, [Talmy 2000: 99 и далее]). О «фиктивном движении» можно говорить тогда, когда какое-либо статичное положение объектов описывается с помощью средств, обозначающих движение, ср. (37) [Talmy 2000: 99].

- (37) *The vacuum cleaner is down around behind the clothes-hamper.*
'Пылесос находится за корзиной для белья'.

Представления о движении во многих работах предлагается считать основой и для переноса от пространственных отношений на временные: последовательное появление объектов при движении в пространстве предполагает и временное отношение предшествования, см. об этом переносе, среди прочего, [Stassen 1985: 71; Svorou 1994: 140–141].

Опираясь на эту идею, различные типы пространственных употреблений аблатива в башкирском языке можно рассматривать с точки зрения того, каким образом в них проявляется идея движения от одного объекта к другому.

Отправной точкой для этого анализа можно считать употребления, не включавшиеся в описанные выше типы, в которых существительное в форме аблатива и пространственное наречие не составляют единой группы и оба являются зависимыми глагола движения, как показывает пример (38), в котором между существительным в форме аблатива и наречием находится подлежащее.

- (38) *Bəl jaq-tan kazak-tar al-ya taşla-n-də.*
этот сторона-ABL казак-PL перед-DAT бросать-REFL-PST
'С этого места казаки бросились вперед'
[<http://agidel-rb.ru/assets/files/arxiv/2013/agidel-5-2013.pdf>, 12.11.2013].

В данном случае падежная форма и наречие независимо указывают на направление и исходную точку движения объекта. Считается, что подобные сочетания двух модификаторов при одной и той же вершине (чаще всего — глагольной), которые указывают на характер положения или перемещения, могут служить источником закрепления употреблений наречий в качестве послелогов, см. [Lehmann 1995: 80]. В этом случае синтаксической основой связи между послелогом и его зависимым является не посессивная конструкция, как, например, в базовой послеложной конструкции башкирского языка, а отношение между наречием и падежной формой. Сочетание этих единиц, часто оказывающихся соположенными синтаксически, начинает восприниматься как единая группа, состоящая из пространственного выражения и его зависимого. Таким образом, единица, исходно являющаяся наречием, приобретает употребления, в которых она является предлогом или послелогом.

Подобный сценарий происхождения предлогов описывается в первую очередь для древних (и отчасти современных) индоевропейских языков, в которых единицы, сейчас являющиеся первообразными предлогами, могли употребляться в качестве наречий, см. [Luraghi 2009; Nikitina, Spano, в печати], а также об этой модели возникновения предлогов и послелогов в [Lehmann 1995: 80].

Можно предположить, что два типа пространственных употреблений конструкции с ориентиром в аблативе являются двумя параллельными путями развития и интерпретации сочетаний аблатива с пространственным наречием. Для употреблений, в которых описывается положение одинаково ориентированных объектов, важным оказывается представление о движении от центра, задаваемого ориентиром. При этом ориентир преимущественно является одушевленным, т. е. способным к движению и «фронтальному» восприятию существом.

В работе [Nikitina, Spano, в печати] описывается развитие употреблений в качестве предлогов у наречий ‘спереди’ и ‘сзади’ в древнегреческом языке. С конструкцией башкирского языка, обсуждаемой здесь, употребление этих наречий сближается в двух отношениях.

Во-первых, отмечается, что наречие со значением ‘сзади’ на наиболее раннем из зафиксированных этапов развития употреблялось прежде всего для обозначения положения относительно объектов, имеющих ярко выраженные переднюю и заднюю части (люди, повозки и другие подвижные ориентиры), см. [там же: 6].

Во-вторых, примечательно то, что предлог со значением ‘сзади’ оказался в данном случае в меньшей степени грамматикализован, чем

предлог со значением ‘спереди’¹¹, что является типологически нетривиальным. Выдвигается гипотеза, согласно которой такое неравномерное развитие предлогов, на первый взгляд обозначающих полностью симметричные зоны, связано с тем, что они непосредственно происходят от наречий, а не от названий частей объектов, и в их основе лежит представление о движении относительно ориентира. В таком случае легче представить движение от передней, а не от задней части ориентира: представления о пространственных частях объекта предположительно основаны на антропоцентрической модели, а для человека именно передняя часть функционально связана с движением и направлением взгляда. В свете этой гипотезы можно рассматривать и различную степень приемлемости употреблений в конструкции с ориентиром в аблативе для послелогов / наречий башкирского языка, обозначающих переднюю и заднюю области относительно ориентира.

Не совсем ясно, чем объясняется то, что аблативные послелогов почти не способны употребляться в конструкции с ориентиром в аблативе, а если употребляются, то в пролативном значении, а не в значении исходной точки. Это свойство можно связать с тем, что конструкция с ориентиром в аблативе основана на идее отсчета положения некоторого объекта по одной из осей, задаваемых ориентиром, ср. понятие динамической проекции в работе [Nikitina, в печати]. Проецировать движение объекта по такой оси возможно, если он находится на ней, совершает перемещение на нее или движется вдоль нее, но не в случае, если положение на этой оси сменяется положением вне нее, поскольку траектория и конечный пункт движения при таких условиях оказываются вне осей координат, задаваемых ориентиром.

Другой тип пространственных употреблений конструкции с ориентиром в аблативе также основан на представлении о движении, однако в данном случае движение происходит не от центра одушевленного асимметричного ориентира, который сам способен перемещаться, а от объекта с произвольной конфигурацией. Для таких употреблений важной оказывается идея отдаления от этого ориентира, как было показано в примерах (22)–(26).

---

¹¹ Это проявляется в том, что пространственное выражение со значением ‘спереди’ чаще используется как предлог по сравнению со сходным по происхождению выражением ‘сзади’, а также в ходе развития утратило часть семантических ограничений на тип ориентира, см. [Nikitina, Spano, в печати].

Представляется, что такие употребления еще менее естественно, чем употребления с асимметричным ориентиром, рассматривать как разновидность сравнительной конструкции.

В рамках данного исследования упоминались также употребления аблатива для обозначения ориентира на временной оси и употребления в качестве стандарта сравнения. В работах Л. Стассена высказывается идея о том, что основой для сравнительных конструкции являются конструкции, которые используются для выражения временной последовательности событий (*time chaining*), и что временные отношения являются и семантической основой для сравнения [Stassen 1985: 105]. Следует признать, что пока определение взаимного семантического отношения между временными употреблениями аблатива и сравнительной конструкцией в башкирском языке основывается только на типологических представлениях; для того, чтобы более точно судить об их связи в башкирском языке, имеется слишком мало данных.

Дополнительную сложностью для анализа временных употреблений исходно пространственных серийных послелогов создает существование временных послелогов/наречий, ориентир при которых также оформляется аблативом, ср. примеры (35) и (36). Временные употребления послелогов *alda* 'перед' и *artta* 'за' в конструкции с ориентиром в аблативе, с одной стороны, можно уподобить этим послелогам / наречиям; с другой стороны, присущие им временные значения можно было бы рассматривать как развитие соответствующих пространственных значений. О том, каким образом эта ситуация сложилась диахронически, судить на данный момент представляется невозможным¹².

Пока не до конца проясненным является также характер синтаксического отношения между пространственным выражением и зависимым в аблативе. В начале работы конструкция с ориентиром в аблативе была представлена как послеложная конструкция: она описывает взаимное расположение двух объектов так, что один из них выражается группой, зависимой от пространственного выражения. Впоследствии была высказана гипотеза о наречной природе единицы, которая выступает верши-

---

¹² На синхронном уровне отсутствуют аргументы в пользу того, чтобы рассматривать оформление ориентира аблативом при исходно временных наречиях / послелогах как аналогическое расширение способа кодирования ориентира во временных употреблениях послелогов *alda* и *artta*. В частности, для обоих обсуждаемых временных значений базовым средством выражения безусловно являются первые, а не последние.

ной для группы в аблативе. Эта гипотеза опирается на путь развития, описанный в [Luraghi 2009]. В этой статье отмечается, что переход от сочетания двух независимых пространственных выражений (наречия и, например, падежной формы) к предложной или послеложной группе предполагает промежуточную стадию, на которой это сочетание уже является единой группой, однако зависимое в этом сочетании модифицирует вершину, а не управляется ею; эти два статуса различаются тем, обязательно ли употребление данного зависимого при вершине, и тем, фиксированной ли является его падежная форма, см. [там же: 241–243]¹³. В качестве примера разбирается употребление наречия *ahead* в английском языке; при этом наречии зависимое, вводимое предлогом *of*, предлагается считать скорее модификатором, поскольку это наречие в основном употребляется без него (и несмотря на то, что способ оформления этого зависимого является заданным). Если применять указанные критерии к зависимому в аблативе в конструкции с ориентиром в аблативе, то его на тех же основаниях, по-видимому, также следует признать модификатором наречия, а не обязательным зависимым послелога, однако этот вопрос требует более подробного изучения.

5. Заключение

Основное внимание в данной статье было сосредоточено на существующем в башкирском языке периферийном способе оформления ориентира при серийных пространственных послелогах башкирского языка, который был назван конструкцией с ориентиром в аблативе. Эта конструкция рассматривалась на фоне основного способа оформления ориентира при этих послелогах, который совпадает со средствами выражения отношений в посессивной группе и отражает отыменное происхождение серийных пространственных послелогов. Этот способ назывался базовой послеложной конструкцией.

Наиболее заметные семантические различия между этими конструкциями заключаются в том, какие пространственные отношения между объектами они могут описывать. Сфера употребления конструкции с ориентиром в аблативе оказалась с этой точки зрения более узкой. Эта конструкция может описывать два типа пространственных отношений: а) такое расположение двух объектов с асимметричной конфигурацией, что эти два объекта оказываются одинаково ориентированы на оси, ко-

---

¹³ При описании этих признаков С. Лураги ссылается на доклад [Lehmann 1999], текст которого мне, к сожалению, оказался недоступен.

торая задается послелогом (положение людей в очереди; расположение домов на склоне горы); б) отношения между объектами разных типов, которые расположены дистантно (птицы, поющие над человеком). Из этих двух типов употреблений первый является в большей степени приемлемым для носителей. Этот тип употреблений обладает следующей особенностью: преимущественно в таких контекстах в качестве ориентира выступают одушевленные существа.

Конструкция с ориентиром в аблативе была сопоставлена с двумя другими семантически близкими функциями аблатива в башкирском языке: функцией обозначения стандарта сравнения в сравнительной конструкции и функцией обозначения ориентира во времени в ситуации предшествования или следования двух событий.

В результате сопоставления различных употреблений аблатива в башкирском языке с типологическими данными отвергается идея анализа конструкции с ориентиром в аблативе и временных конструкций с аблативом в качестве подтипов сравнительной конструкции. Вместо этого предлагается рассматривать пространственные употребления конструкции с ориентиром в аблативе как результат проекции, представления о движении от центра ориентира вдоль оси, задаваемой одной из его частей. Такой взгляд на конструкции с ориентиром в аблативе в башкирском языке согласуется с типологическими представлениями о первичности пространственных отношений по отношению к временным и тем более сравнительным отношениям. Кроме того, неожиданным образом типологические данные позволяют увидеть параллели между этим фрагментом грамматической системы башкирского языка и некоторыми явлениями, характеризовавшими развитие системы пространственных средств в древних индоевропейских языках.

Список сокращений

1PL	1 лицо множественное число, согласовательный показатель
1SG	1 лицо единственное число, согласовательный показатель
ABL	аблатив
ACC	аккузатив
CAUS	каузатив
CMPR	показатель сравнительной степени
CV	основное деепричастие
CV.IPFV	имперфективное деепричастие
DAT	датель

FUT	показатель будущего времени
GEN	генитив
IMP	императив
LOC	локатив
NEG	показатель отрицания
P.1SG	посессивный показатель первого лица единственного числа
P.2SG	посессивный показатель второго лица единственного числа
P.3	посессивный показатель третьего лица
PASS	пассив
PC.PST	причастие прошедшего времени
PL	множественное число
PLPF	плюсквамперфект
POT	показатель будущего гипотетического
PRS	показатель настоящего времени
PST	показатель прошедшего времени
RECP	реципрок

Литература

- Ахмеров и др. 1958 — К. З. Ахмеров, Т. Г. Баишев, Г. Р. Каримова, А. А. Юлдашев (ред.). Башкирско-русский словарь. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958.
- Ганенков 2002 — Д. С. Ганенков. Модели полисемии пространственных показателей. Дипломная работа. М., 2002.
- Гращенко 2007 — П. В. Гращенко. Изафетная конструкция: многофакторный анализ // Е. А. Лютикова, К. И. Казенин, В. Д. Соловьев, С. Г. Татевосов (ред.). Мишарский диалект татарского языка: очерки по синтаксису и семантике. Казань: Магариф, 2007. С. 37–51.
- Дмитриев 2008 — Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.: Наука, 2008.
- Кибрик 2003 — А. Е. Кибрик. Константы и переменные языка. СПб.: Алетейя, 2003.
- Плунгян 2011 — В. А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011.
- Юлдашев 1981 — А. А. Юлдашев. Грамматика современного башкирского литературного языка. М.: Наука, 1981.
- Comrie 1986 — B. Comrie. Markedness, grammar, people and the world // F. R. Eckman, E. A. Moravcsik, J. R. Wirth (eds.). Markedness. New York: Plenum Press, 1986. P. 85–196.

- Creissels 2003 — D. Creissels. Spatial cases // A. Malchukov, A. Spencer (eds.). *The Oxford handbook of case*. Oxford: Oxford University Press, 2003. P. 609–625.
- Creissels, Mounole 2011 — D. Creissels, C. Mounole. Animacy and spatial cases: Typological tendencies, and the case of Basque // S. Kittilä, K. Västi, J. Ylikoski (eds.). *Case, Animacy and Semantic Roles*. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 2011. P. 157–182.
- Haspelmath 1997 — M. Haspelmath. From space to time: Temporal adverbials in the world's languages. (Lincom Studies in Theoretical Linguistics 3). Munich; Newcastle: Lincom Europa, 1997.
- Lehmann 1995 — Ch. Lehmann. Thoughts on grammaticalization. (Lincom Studies in Theoretical Linguistics 1). München: Lincom Europa, 1995.
- Lehmann 1999 — Ch. Lehmann. The internal structure of adpositions and adpositional phrases. Paper read at the meeting of the Association for Linguistic Typology, Amsterdam, 1999 (non vidi).
- Luraghi 2009 — S. Luraghi. The internal structure of adpositional phrases // J. Helmbrecht, Y. Nishina, Y. M. Shin, S. Skopeteas, E. Verhoeven (eds.). *Form and function in language research: Papers in honour of Christian Lehmann*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2009. P. 231–254.
- Luraghi 2011 — S. Luraghi. Human landmarks in spatial expressions: from Latin to Romance // S. Kittilä, K. Västi, J. Ylikoski (eds.). *Case, Animacy and Semantic Roles*. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 2011. P. 209–234.
- Mühlhäusler 2001 — P. Mühlhäusler. Universals and typology of space // M. Haspelmath, E. König, W. Oesterreicher, W. Raible (eds.). *Language typology and language universals*. Berlin; New York: Walter De Gruyter, 2001. P. 568–574.
- Nikitina, в печати — T. Nikitina. The many ways to find “The right” and “The left”: On dynamic projection models in encoding of spatial relations. В печати.
- Nikitina, Spano, в печати — T. Nikitina, M. Spano. ‘Behind’ and ‘in front’ in Ancient Greek: A case study in orientation asymmetry // S. Kutscher, D. Werning (eds.). *Ort und Bewegung: Linguistische Arbeiten zu Sprachen der Antike*. Berlin: Mouton de Gruyter, в печати.
- Stassen 1985 — L. Stassen. *Comparison and universal grammar*. Oxford: Blackwell, 1985.
- Stassen 2013 — L. Stassen. Comparative constructions // M. S. Dryer, M. Haspelmath (eds.). *The world atlas of language structures online*. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology. <http://wals.info/chapter/121>, дата доступа 23.11.2013.
- Svorou 1994 — S. Svorou. *The grammar of space*. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 1994.
- Talmy 2000 — L. Talmy. *Toward a cognitive semantics*. Cambridge: MIT Press, 2000.

ПСЕВДОПАРТИТИВЫ И ДРУГИЕ ИМЕННЫЕ КОНСТРУКЦИИ С НАЗВАНИЯМИ КОНТЕЙНЕРОВ В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ¹

1. Определение объекта исследования и постановка задачи

В центре внимания в этой короткой статье находятся башкирские конструкции, подобные следующим:

- (1) *Min ber stakan höt es-te-m.*
я один стакан молоко пить-PST-1SG
'Я выпил один стакан молока'².
- (2) *Bolat ber biđrä haw al-əp kil-de.*
Булат один ведро вода брать-CV приходить-PST
'Булат принес ведро воды'.

Приведенные конструкции интересны тем, каким образом в них используются слова, выделенные полужирным шрифтом. Вообще говоря, слова *stakan* 'стакан' и *biđrä* 'ведро' могут использоваться для обозначения соответствующих предметов — емкостей, или, если использовать привычное для когнитивной лингвистики обозначение, «контейнеров»; в таких случаях они грамматически ведут себя как полноценные существительные. Однако в приведенных конструкциях — Н. К. Дмитриев называет подобные сочетания **нумеративными** [Дмитриев: 2008: 92], этот небезупречный термин будет использоваться и в данной статье —

---

¹ Участвовать в сборнике, приуроченном к юбилею Елены Всеволодовны, для меня большая радость и честь. Башкирские и другие летние экспедиции с Еленой Всеволодовной, благодаря которым я научился любить полевую лингвистику, — это бесценный опыт, лингвистический и человеческий, без которого мне теперь уже сложно представить себе свою жизнь.

² Все башкирские примеры, не сопровождаемые ссылками на источник, а также оценки грамматической приемлемости сконструированных предложений были получены путем элицитации в ходе летних экспедиций в деревне Рахметово Абзелиловского района республики Башкортостан в 2011–2013 годах. Все башкирские примеры приводятся в системе транскрибирования и глоссирования, которые были коллективно разработаны участниками этих экспедиций.

выделенные слова лишены предметного значения и служат для обозначения **количества** некоторой субстанции.

В башкирском, как и во многих других языках, использование названий контейнеров для обозначения количества вещества отражается и на грамматическом поведении этих слов, в частности, приводит к утрате ими признаков, характерных для полноценных существительных, и к приобретению ряда свойств, характерных для количественных числительных.

Цель настоящего исследования состоит в том, чтобы описать семантические и грамматические свойства таких башкирских конструкций, в которых названия контейнеров выступают в качестве мер количества веществ или предметов, и представить эти свойства на фоне других конструкций башкирского языка. В разделе 2 приводятся базовые сведения о башкирских именных группах, необходимые в качестве фона для основной части статьи. В разделе 3 будут представлены основные грамматические особенности нумеративных конструкций и, в частности, будет показано, что в их составе названия контейнеров теряют большинство свойств полноценных существительных. В разделе 4 нумеративные конструкции с названиями контейнеров встраиваются в контекст других именных конструкций башкирского языка, в которых участвуют названия контейнеров и содержимого. В разделе 5 подводятся итоги исследования.

2. Общие сведения об устройстве именных групп в башкирском языке

Как и в других тюркских языках, в башкирском последовательно реализуется тенденция к конечному положению вершины в различных составляющих. В частности, в именных группах вершина всегда занимает конечное положение и является при этом единственным морфосинтаксическим локусом, т. е. тем компонентом, на котором могут появляться маркеры, относящиеся ко всей именной группе в целом, прежде всего — падежные. В следующем примере существительное-вершина имеет маркер аблатива, а определение-прилагательное не имеет грамматических маркеров:

- (3) *Bolat bəsraq posuda-nan jerän-ä.*
Булат грязный посуда-ABL брезговать-PRS
'Булат брезгует грязной посудой'.

Итак, все приименные зависимые — указательные местоимения, прилагательные, относительные клаузы и т. д. — располагаются слева от вершины. Конструкции, в которых в качестве приименного зависимого выступают существительные, в традиционной российской тюркологии называют изафетными. В зависимости от оформления компонентов именной группы различают три изафетных конструкции.

В **первой** изафетной конструкции ни один из элементов не получает маркеров синтаксической связи внутри именной группы (возможные маркеры на вершине обусловлены внешним контекстом):

- (4) *aγas öθtäl-dä*
дерево стол-LOC
'на деревянном столе'

В составе первой изафетной конструкции зависимые имена обычно обозначают материал или другие неотъемлемые признаки предмета [Дмитриев 2008: 208–209], при этом, судя по всему, сами по себе они не могут присоединять никаких грамматических показателей или синтаксических зависимых.

В рамках **второй** изафетной конструкции зависимое имя также остается немаркированным, однако вершинное имя получается показатель притяжательности:

- (5) *kitap škaf-ə-nda*
книга шкаф-Р.3-LOC
'в книжном шкафу'

Вторая изафетная конструкция служит для выражения широкого круга определительных отношений. В целом при помощи этой конструкции вершинное имя характеризуется через отношение к нереферентному именному зависимому. Так, в приведенном примере речь не идет о референтной книге или книгах, а лишь об абстрактном предназначении шкафа для книг вообще. Разумеется, зависимые имена в рамках второй изафетной конструкции могут вызывать появление на вершине посессивных маркеров только третьего лица.

В **третьей** изафетной конструкции вершинное имя также получает посессивный показатель, но в ней зависимое имя (именная группа) приобретает показатель генитива.

- (6) *Mansur-dəŋ ošo ike qəθ-ə Beloret-ta uqə-j*
Мансур-GEN этот два девушка-Р.3 Белорецк-LOC учиться-PRS
'Эти две дочери Мансура учатся в Белорейске'.

Точная характеристика условий, обуславливающих выбор между второй и третьей изафетными конструкциями, является одной из вечных тюркологических проблем, см. об этом [Дмитриев 2008: 211; Гращенков 2004]. Очень упрощенно можно сказать, что в третьей изафетной конструкции вершина вступает в синтаксическую связь с **референтным именем**, обозначающим посессора или другого участника, который осмысливается как посессор. В отличие от второй изафетной конструкции здесь зависимый компонент может обозначать и участника речевого акта, и тогда вершина получает посессивный маркер одного из первых двух лиц. Посессор в рамках третьей изафетной конструкции сам выражается при помощи полноценной именной группы — к нему могут присоединяться другие зависимые, он может быть маркирован по числу, иметь собственные показатели принадлежности и т. д.

То, что выше — в соответствии с традицией — было представлено как классификация **конструкций**, в действительности является скорее фрагментом классификации приименных зависимых: при одном и том же имени может одновременно быть несколько именных зависимых, относящихся к разным конструкциям (ср. ‘книжный шкаф учителя’, ‘деревянный книжный шкаф’ и т. д.).

Линейная структура башкирской именной группы довольно последовательно соответствует следующей схеме: генитивное зависимое (именное зависимое в составе третьей изафетной конструкции) > указательные местоимения и кванторы (‘все’, ‘какой-то’ и т. д.) > количественные числительные > прилагательные > немаркированные зависимые имена (именные зависимые в составе второй и первой изафетной конструкции), где знак «>» означает «располагается левее (дальше от вершины)». Так в примере (6) выше одновременно присутствуют генитивное зависимое, указательное местоимение и количественное числительное — именно в таком порядке. В приведенной схеме для простоты игнорируются некоторые типы зависимых, а также возможность ветвления некоторых типов зависимых.

3. Грамматические свойства нумеративных конструкций с названиями контейнеров

Предваряя обсуждение частных грамматических свойств нумеративных конструкций с названиями контейнеров, можно назвать две их ключевые характеристики, которые во многом предопределяют эти свойства.

Во-первых, обсуждаемые башкирские конструкции в основном используются для выражения того значения, которое в терминологии М. Копчевской-Тамм можно назвать «псевдопартитивным» [Koptjevskaja-Tamm 2001]: здесь одно из существительных используется для того, чтобы обозначить **количество** той изначально неквантованной сущности, которая обозначается другим (*чашка чая, кипа книг*). Эти конструкции семантически близки, хотя и не тождественны, партитивным конструкциям, которые используются для того, чтобы обозначить подмножество (собственно «часть») **заранее заданного** целого (ср. оригинальные примеры: *a cup of that good tea, a pile of Mary's books*) [Koptjevskaja-Tamm 2001: 526 ff.]³.

Во-вторых, в башкирском языке в псевдопартитивных конструкциях в качестве синтаксической вершины всегда выступают имена, обозначающие квантифицируемые сущности, а не контейнеры (или другие меры). В этом отношении башкирский язык отличается от, например, русского языка, где возможна обратная картина, ср. *выпил чашку чая, написал дюжину рассказов* и т. п.

3.1. Морфологические маркеры на компонентах конструкции

В соответствии с общими закономерностями башкирской грамматики, морфосинтаксическим локусом в составе нумеративной конструкции является вершина — существительное, обозначающее квантифицируемую сущность⁴.

- (7) *Bolat ike stakan eθe k̄az̄ä h̄öt-ö-n es-te.*
Булат два стакан жаркий коза молоко-Р.3-ACC пить-РСТ
'Булат выпил два стакана горячего козьего молока'.

В приведенном примере показатель аккузатива появляется на существительном 'молоко', в то время как слово со значением 'стакан' падежных маркеров не имеет. Итак, названия емкостей в нумеративных конструкциях никогда не имеют падежных маркеров⁵.

---

³ Введенное противопоставление часто обозначается иными терминами; например, в англоязычной литературе иногда говорят о «mass partitives» (то же, что псевдопартитивы в принятом здесь понимании) и «set partitives» (собственно партитивы в принятом здесь понимании).

⁴ Такая стратегия типологически хорошо задокументирована, в частности, и для тюркских языков, см. [Koptjevskaja-Tamm 2001: 555; 2009].

⁵ Можно было бы сказать, что это очень естественное грамматическое поведение: грамматика башкирского языка тут как будто бы отражает тот факт, что пить можно жидкости, но не сами емкости. Интересную проблему, впрочем,

Также в рамках конструкции невозможно, видимо, и появление на имени контейнера маркера множественного числа: *stakan-dar säj <стакан-PL чай> ожидаемое значение: ‘стаканы чая’⁶. В целом маркирование числа в башкирском языке подчиняется довольно сложным правилам: оно факультативно для неодушевленных существительных и избегается для имен с низким референциальным статусом. В данном случае ключевую роль, безусловно, играет последний фактор: в составе нумеративной конструкции обсуждаемые имена не реферируют ни к каким конкретным предметам; при референтном употреблении те же лексические единицы способны получать маркер множественного числа, ср. *säj stakan-dar-ə* <чай стакан-PL-P.3> ‘чайные стаканы’.

3.2. Внутренняя структура квантификатора

Наиболее бросающейся в глаза особенностью употребления названий контейнеров в составе нумеративных конструкций является то, что при них обязательно (или по крайней мере в абсолютном большинстве случаев) используются числительные. Это естественно для таких количеств, которые равны по объему нескольким емкостям (‘два стакана’, ‘три корзины’ и т. д.), однако несколько более неожиданно для случая, когда речь идет об эквиваленте объема одного контейнера. По оценке многих консультантов, в таких случаях обязательно использовать числительное *ber* ‘один’⁷:

- (8) *Bolat *(ber) keθä känfit al-əp kil-gän.*
 Булат один карман конфета брать-CV приходиться-PC.PST
 ‘Булат принес (полный) карман конфет’.

представляют случаи эллиптических употреблений, например, в таком диалоге: «Ты выпьешь пива?» — ‘Спасибо, выпью стаканчик’. По оценке ряда консультантов, здесь название емкости все же может получать падежный маркер. Впрочем, в таких случаях невозможно говорить о нумеративной конструкции в принятом выше понимании.

⁶ Здесь не будет обсуждаться сложный вопрос о возможности появления в рамках нумеративной конструкции маркера множественного числа на имени, обозначающем квантифицируемую сущность. В целом она затруднена, хотя, возможно, и не в такой степени, как в конструкциях с числительными, в которых маркер плюралиса на имени не появляется никогда.

⁷ Несколько точечных обращений к Яндексу подтверждают это наблюдение. Например, выражению *stakan säj* <стакан чай> ‘стакан чая’ всегда предшествует числительное.

Можно было бы предположить, что здесь проявляется более широкое свойство и что числительное *ber* ‘один’ просто всегда появляется при обозначении одного неопределенного предмета. Однако на самом деле это не так: хотя *ber* ‘один’, действительно, развивает некоторые функции неопределенного артикля, за пределами нумеративной конструкции его употребление никогда не бывает обязательным.

При именах, обозначающих контейнеры в составе нумеративной конструкции, почти никогда не употребляются никакие другие — помимо числительных — зависимые. В частности, невозможно использование посессоров, относящихся собственно к контейнеру, или указательных местоимений:

- (9) **Min ošo ber stakan hõt-tö es-te-m.*
я этот один стакан молоко-ACC пить-PST-1SG
Предполагаемое значение: ‘Я выпил этот стакан молока’.

Названия контейнеров в составе конструкции не могут сочетаться и с прилагательными (впрочем, некоторые консультанты в какой-то мере допускали использование прилагательных, обозначающих размер):

- (10) *Min ber *aq / ʔdur sənajaq säj es-te-m.*
я один белый большой чашка чай пить-PST-1SG
Предполагаемое значение: ‘Я выпил большую чашку чая’ / ‘Я выпил чай из белой чашки’.

3.3. Внутренняя структура обозначения квантифицируемой сущности

В подавляющем большинстве случаев в обсуждаемых конструкциях в качестве квантифицируемой сущности выступает либо название несчетного вещества (‘молоко’, ‘песок’ и т. д.), либо обозначение **неопределенного** множества счетных объектов (‘конфеты’, ‘книги’, ‘яблоки’). Такая семантическая характеристика предопределяет и синтаксические ограничения: имена, обозначающие квантифицируемую сущность, легко присоединяют различные зависимые (см. хотя бы пример (7) выше, где квантифицируемое вещество — ‘молоко’ — дополнительно характеризуется как ‘горячее’ и ‘козье’), однако не такие зависимые, которые заведомо ограничивают множество, например, указательные местоимения.

Здесь, впрочем, необходимо сделать две оговорки. Во-первых, фиксируются контексты, когда при названии субстанции нет актуализаторов, указывающих на референтный статус, однако по контексту все же понятно, что речь идет о заранее ограниченном множестве. Так обстоит дело в следующем примере:

- (11) *Min ber stakan piva-nə es-ä-m,*
 я один стакан пиво-ACC пить-PRS-1SG
ä qal-yan-ə hiñä.
 а оставаться-PC.PST-P.3 ты.DAT
 {У нас есть бутылка пива.} ‘Я выпью стакан этого пива, а остальное — тебе’.

В данном примере был задан левый контекст, из которого следовало, что общее количество квантифицируемого вещества было задано изначально. Таким образом, в примере (11) при помощи нумеративной конструкции обозначается не только количество субстанции, но и устанавливаются отношения типа «часть–целое»⁸.

Во-вторых, хотя указательные местоимения в составе обсуждаемых конструкций, видимо, невозможны, обычные референтные посессоры в них фиксируются:

- (12) *Min hineñ ber stakan buða-ñ-də es-äj-em-me?*
 я ты.GEN один стакан буза-P.2SG-ACC пить-NORT-1SG-Q
 ‘Можно я выпью стаканчик твоей бузы?’

В этом примере при названии вещества присутствует посессор, однако, видимо, его присутствие не задает очерченного множества и нумеративная конструкция оказывается возможна⁹. Таким образом, в этом случае наличие референтного посессора не приводит — как это часто бывает — к появлению признака специфичности (референтности) у обладаемого (ср. ‘твоя семья’, ‘твои книги’), а лишь качественно сужает обозначаемое вещество. На таких примерах мы убеждаемся в том, что противопоставление квантованных и неквантованных именных групп не всегда четко и одни те же именные группы могут получать разную интерпретацию в зависимости от контекста: ‘твоя буза’ может интерпретироваться и как квантованная группа (‘та порция бузы, которую ты пьешь’ и т. п.), и как неквантованная группа (например, ‘такая буза, как

⁸ То, что это именно так, можно понять и по структуре башкирского примера: здесь существительное *piva* ‘пиво’ получает показатель винительного падежа, что для подобных существительных в башкирском языке, как и для многих языков с дифференцированным маркированием объекта, возможно только в случае определенной референции.

⁹ Интересно, что линейная структура таких примеров не соответствует соотношению сфер действия операторов: квантификатор ‘один стакан’ разрывает то выражение, которое он квантифицирует, — ‘твоя буза’.

ты обычно делаешь'). В состав нумеративной конструкции с контейнерами такие группы могут входить, видимо, только во втором случае.

3.4. Линейная структура нумеративных конструкций с контейнерами

Квантификаторы, включающие в свой состав названия контейнеров, занимают в составе именной группы позицию после генитивных зависимых (12), но перед прилагательными и перед именными зависимыми, входящими в первую и вторую изафетную конструкцию (7). Кажется естественным считать, что они занимают ту же линейную позицию, что и изофункциональные¹⁰ им количественные числительные (см. о порядке слов в башкирской именной группе раздел 2). Для этого утверждения не хватает только подтверждения того, что квантификаторы, построенные на названиях контейнеров, располагаются в именной группе после указательных местоимений; проверить это суждение трудно по той причине, что, как уже говорилось, в обсуждаемых нумеративных конструкциях вообще затруднено использование указательных местоимений.

3.5. Возможные типы контейнеров и другие существительные в составе нумеративных конструкций

В приводившихся выше примерах в составе квантифицирующих выражений в основном использовались такие существительные, как 'стакан', 'чашка', 'ведро' — названия тех предметов, которые регулярно используются для употребления или хранения различных субстанций, т. е. создаются как контейнеры. Однако в состав нумеративной конструкции может быть, видимо, встроено любое существительное, обозначающее «окаzionaleльный» контейнер, если оно оказывается достаточно прозрачным средством обозначения количества субстанции. Зафиксированы, например, такие нумеративные конструкции как 'горсть орехов', 'автобус школьников', 'карман конфет' (8), 'подол яблок' (13) и даже 'машина русских' (14).

(13) *Gölnaz baqsa-nan ber itäk alma-lar in-der-gän.*

Гульназ сад-ABL один подол яблоко-PL входить-CAUS-PC.PST
'Гульназ принесла из сада целый подол яблок'.

---

¹⁰ Числительные используются для квантификации счетных объектов, а контейнеры — для квантификации несчетных субстанций или таких счетных объектов, «штучная» природа которых игнорируется говорящим в конкретном высказывании, ср. 'корзина яблок'.

- (14) *Räxmät awəl-ə-na ike mašina urəθ-tar*
 Рахметово деревня-Р.З-DAT два машина русский-PL
kil-gän.
 приходиться-PC.PST
 Букв.: 'В Рахметово приехали две машины с русскими' (букв.
 «две машины русских»).

Осталось добавить, что в качестве мер в составе нумеративных конструкций в башкирском языке могут использоваться, конечно, далеко не только названия контейнеров, но и множество других существительных. В их число входят и конвенциональные единицы измерения ('литр', 'килограмм'), и слова, обозначающие части ('кусок', 'часть'), и названия множеств объектов ('группа', 'стадо'), и названия форм ('капля', 'кубик'); набор таких единиц оказывается типологически вполне предсказуемым, ср. [Кортјевскаја-Тамм 2001: 530].

Более того, многие из названных лексических единиц, когда они используются в составе нумеративных конструкций, тоже начинают демонстрировать те грамматические свойства, которые обсуждались в разделах 3.1–3.4 для обозначений контейнеров. Именно названия контейнеров были выбраны здесь в качестве самостоятельного объекта исследования, во-первых, из-за того, что для них, как кажется, расстояние между грамматическими свойствами в «буквальном» и «количественном» употреблении оказывается особенно большим, а во-вторых, потому что названия контейнера и содержимого могут соединяться в башкирском языке не только в составе нумеративной конструкции, но и в целом ряде конкурирующих структур. Эта интересная проблема находится в центре внимания в разделе 4.

3.6. Обобщение

При употреблении в составе нумеративной конструкции слова, которые в принципе способны употребляться как предметные имена и обозначать физические объекты, используемые как контейнеры, теряют многие свойства, присущие обычным существительным, и приобретают некоторые свойства, характерные для числительных. Так, у них теряется способность получать граммы падежа, числа и притяжательности, значительно сокращается способность присоединять типичные для имен зависимые (например, прилагательные или указательные местоимения). В составе конструкции эти слова образуют неразрывный комплекс с полноценными числительными (в частности, если оно семантически уместно, обязательно употребляется числительное *ber* 'один'), и этот

комплекс занимает в составе именной группы то линейное положение, которое обычные числительные занимают при счетных именах. Думается, что эти грамматические свойства четко соответствуют семантическим свойствам: в составе обсуждаемых конструкций названия контейнеров перестают обозначать физические объекты определенной формы, сделанные из определенного материала, потенциально кому-либо принадлежащие и т. д., а обозначают лишь количество вещества, примерно эквивалентное вместительности соответствующего контейнера. Другими словами, функция этих слов в составе нумеративной конструкции во многом состоит в том, чтобы создать единицы измерения для сущностей, которые по тем или иным причинам не могут быть пересчитаны.

Интересно, что рассматриваемые конструкции представляют собой отдельный тип использования имени в качестве синтаксического зависимого другого имени, не вписывающийся в традиционную классификацию из трех изафетных конструкций (особый статус нумеративных конструкций в этом отношении отмечал еще Н. К. Дмитриев [Дмитриев 2008: 92]). Действительно, по отсутствию каких-либо морфологических маркеров синтаксической связи обсуждаемые конструкции напоминают первую изафетную конструкцию (типа *aγas öθtäl* <дерево стол> 'деревянный стол'). Однако на самом деле синтаксически между двумя типами конструкций нет почти ничего общего: в нумеративной конструкции зависимое имя занимает другое положение в составе именной группы и способно присоединять числительные, что нехарактерно для именных зависимых в первой изафетной конструкции; нет между двумя типами конструкций сходства и в семантическом отношении.

Можно предположить, что употребление названий контейнеров в составе нумеративной конструкции следует вообще считать не случаем использования существительного в качестве модификатора другого существительного, а проявлением конверсии, перехода лексической единицы из класса существительных в класс числительных. Такой подход имеет право на существование, однако для нас существенно то, что носителям башкирского языка доступны не столько отдельные лексикализованные случаи подобного перехода, сколько регулярный **механизм** смены грамматических свойств, который принципиально возможен для слов, обозначающих самые разные контейнеры.

4. Обзор именных конструкций, включающих в свой состав обозначения контейнера и содержимого

Рассмотренные выше нумеративные конструкции являются лишь одной из представленных в башкирском языке структурных возможностей построить именную группу, в состав которой входило бы и обозначение контейнера и обозначение субстанции. В этом разделе будут кратко перечислены основные такие конструкции, при этом каждая будет сначала очень кратко охарактеризована в отношении ключевых формальных признаков, а затем в отношении значения или, точнее, тех типовых контекстов, в которых она может употребляться.

Представленные ниже сведения о семантике, увы, снова в основном добывались методом элицитации. Однако помимо наиболее привычной процедуры — перевода предложений с языка-посредника (русского) на башкирский и наоборот, — здесь использовались и некоторые другие методики. Так, в некоторых случаях я просил консультантов составить естественное предложение, в котором могла бы использоваться предьявляемая именная группа; в других случаях я просил найти различие в значении пар предложений, получивших одинаковые переводы на русский язык (естественно, при таком способе работы ответы не воспринимались буквально, а скорее служили подсказками, направлявшими мысль в нужном направлении). В ряде случаев привлекались результаты поиска при помощи Яндекса. Из риторических соображений семантические различия между отдельными конструкциями представлены ниже более контрастно, чем, видимо, они есть на самом деле: в некоторых контекстах семантические различия между именными конструкциями разных типов, вероятно, почти стираются. Тем не менее, можно быть уверенным, что в целом никакие две структуры из тех пяти типов, которые обсуждаются в этой статье (нумеративная конструкция и те четыре типа структур, которые рассматриваются в разделах 4.1–4.3), не являются полностью синонимичными друг другу.

4.1. Конструкции с отложившимися прилагательными

В башкирском языке возможно продуктивное образование прилагательных от косвенных форм имен, в частности, от локативных форм существительных. В следующем примере используется прилагательное, образованное от локативной формы существительного, обозначающего контейнер:

- (15) *Min ošo stakan-da-γə höt-tö es-hä-m*
 я этот стакан-LOC-ADJ молоко-ACC пить-COND-1SG
bul-a-mə?
 быть-PRS-Q
 {Человек видит на столе стакан молока и спрашивает:} ‘Можно я выпью это молоко?’ (букв.: ‘выпью молоко в этом стакане’).

В конструкции с отлокативным прилагательным, как и в нумеративной конструкции, позицию вершины занимает название субстанции. Интересно, что проиллюстрированным способом в приименной модификатор превращается не просто косвенная падежная форма существительного (хотя присоединение словообразовательных показателей «поверх» словоизменительных само по себе типологически необычно), а целая именная группа (‘этот стакан’)! Действительно, в приведенном примере к названию контейнера относится указательное местоимение, в той же группе в принципе могут быть и другие зависимые (например, прилагательные). Получается, что синтаксически конструкции с отлокативными прилагательными могут оказываться грамматически приемлемыми во многих из тех случаев, когда нумеративные конструкции недопустимы (в разделе 3 было показано, что в составе нумеративных конструкций почти невозможны модификаторы, характеризующие контейнер).

Конструкции с отлокативными прилагательными по значению довольно резко противопоставлены нумеративным конструкциям: здесь обозначается не просто количество вещества, а определенная локализованная в пространстве **порция**, идентифицируемая через отсылку к референтному контейнеру. Это особенно наглядно видно в контекстах с неинкрементальной семантикой, т. е. в контекстах, не предполагающих постепенный охват квантов вещества действием:

- (16) *Sənajaq-ta-γə säj həwən-nə.*
 чашка-LOC-ADJ чай остыть-PST
 ‘Чай в чашке остыл’.

4.2. Комитативная конструкция

В базовой для башкирского языка комитативной конструкции используется послелогом *menän*:

- (17) *At menän keşe olo jəly-a-nəγ*
 лошадь с человек большой река-GEN

urta-hə-na jet-te-lär.
 середина-Р.З-DAT достигать-PST-PL
 ‘Человек и лошадь (букв.: с лошадью) достигли середины большой реки’ [Казаккар. Изрис Ноғманов; www.komartku.ru].

В рамках комитативной конструкции могут соединяться и обозначения контейнера и содержимого:

- (18) *Ul toq menän un kilogramm-ləq*
 тот мешок с десять килограмм-NMLZ
kartof kütär-ǰe.
 картошка поднять-PST
 ‘Он поднял 10-килограммовый мешок картошки’ (букв.: ‘он поднял 10-килограммовую картошку с мешком’).

На первый взгляд, такие конструкции похожи на русские конструкции типа *стакан с водой, мешок с подарками*, однако следует обратить внимание на то, что в качестве «ориентира» в башкирских комитативных конструкциях выступает название субстанции, а контейнер реализуется как спутник (в русском языке фиксируется обратное). Таким образом, перед нами третий (и последний) тип именных конструкций, в котором позицию вершины занимает название субстанции, а обозначение контейнера реализуется как синтаксическое зависимое.

В отличие от двух предыдущих типов конструкций, комитативные конструкции не могут использоваться, если глагол, описывающий ситуацию, семантически сочетается только с субстанцией (т. е. они не возможны в контекстах с глаголами, например, ‘выпить’, как в (12), или ‘остыть’, как в (16)). Наиболее типичны для этой конструкции такие контексты, когда физическое действие затрагивает наполненный контейнер, осмысляемый как единое целое с находящейся в нем субстанцией. Так, в примере (18) поднимают наполненный мешок с картошкой; то, что указание на контейнер не служит целям квантификации, хорошо видно по тому, что в этом предложении уже названо точное количество картошки — 10 килограмм. Показателен и следующий пример:

- (19) *Bolat qala-nan biǰrä menän alma al-ǰp kil-de*
 Булат город-AVL ведро с яблоко брать-CV приходиться-PST
 ‘Булат привез из города ведро с яблоками’.

Согласно комментариям консультантов, использование такой конструкции предполагает, что Булат привез яблоки вместе с ведром, т. е. в процессе перемещения был задействован и контейнер, и содержимое. В

случае если бы здесь была использована нумеративная конструкция, предложение могло бы быть использовано и для описания ситуации, когда Булат, например, купил яблоки, которые продавались в ведре, но привез купленные яблоки в каком-то ином контейнере.

4.3. Вторая и третья изафетная конструкции

Названия контейнера и содержимого могут соединяться в рамках единой именной группы и так, чтобы в позиции вершины оказалось обозначение контейнера. Две наиболее распространенные конструкции такого типа — это обычные изафетные конструкции, в которых название субстанции выступает в качестве «посессора». Если посессор оформляется показателем родительного падежа, то мы имеем дело с третьей изафетной конструкцией, как в примерах (20)–(21), если он используется без падежных маркеров, как в примерах (22)–(23), то речь идет о второй изафетной конструкции.

- (20) *Säj-ǰeŋ sənajaq-tar-ǰ-n jəw-ǰǰ-m.*
чай-GEN чашка-PL-P.3-ACC мыть-PST-1SG
'Я вымыла чашки из-под чая'.
- (21) *Alma-lar-ǰǰñ biǰrǰ-he tul-ǰp jet-mǰ-gǰn.*
яблоко-PL-GEN ведро-P.3 наполняться-CV хватать-NEG-PC.PST
'Ведро с яблоками еще не заполнилось'.
- (22) *Ular hǰra šešǰ-lǰr-e-nǰ at-a ine.*
тот.PL пиво бутылка-PL-P.3-DAT стрелять-CV.IPFV быть.PST
'Они стреляли по пивным бутылкам' (в тире).
- (23) *Min piva hawǰt-ǰ-n jar-ǰǰ-m.*
я пиво сосуд-P.3-ACC раскалывать-PST-1SG
'Я разбил бутылку с пивом'.

Тот факт, что в этих конструкциях в позиции вершины оказывается обозначение контейнера, видимо, отражает семантику этих именных групп: в них, в отличие от всех предыдущих случаев, целостная именная группа реферирует, прежде всего, именно к самому контейнеру. Так, например, в примере (21) предидируется признак 'быть / не быть полным' — естественно, это возможно только по отношению к контейнеру (в данном случае к ведру), а не к содержимому или совокупности, включающей и контейнер, и содержимое. В примере (23) используется глагол *jar-* 'разбивать' — его семантика требует наличия подходящего предмета, например, бутылки, но не сочетается с обозначениями веществ.

То, что в обеих изафетных конструкциях именная группа реферирует именно к контейнеру, проявляется среди прочего и в том, что среди рассматриваемых конструкций только эти две **могут** использоваться и тогда, когда контейнер в момент наблюдения пуст, как в примерах (20) и (22). Сказанное не означает, что изафетные конструкции не могут использоваться в том случае, когда содержимое в момент наблюдения находится внутри контейнера: такая возможность для второй изафетной конструкции проиллюстрирована примером (23).

Итак, в обеих изафетных конструкциях вершина (контейнер) характеризуется через какое-то отношение к зависимому (содержимому), в соответствии с общей логикой использования изафетных конструкций. Видимо, и выбор между вторым и третьим изафетом здесь тоже соответствует общим закономерностям устройства башкирской именной группы (см. раздел 2), т. е. зависит от референтности «посессора» (в данном случае — содержимого). Это весьма сложный вопрос, который здесь можно очертить лишь очень осторожно: собранный материал не противоречит идее о том, что третья изафетная конструкция используется в том случае, если содержимое референтно (независимо от того, находится ли оно внутри контейнера в момент наблюдения или находилось раньше), а вторая — при нереферентном содержимом (также находящемся или не находящемся внутри контейнера в момент наблюдения). Действительно, предложение (20), содержащее третью изафетную конструкцию, уместно тогда, когда в дискурсе упоминалось чаепитие, так что слушающий знает о существовании чая; несмотря на то, что в момент мытья чашки были уже пустыми, они характеризуются через отношение к тому чаю, который из них пили. Напротив, в предложении (22) идет речь о стрельбе по пивным бутылкам (в тире); бутылки, надо думать, также пусты, однако они характеризуются не как бутылки, в которых до этого были какие-то определенные «порции» пива, а просто как бутылки, относящиеся к определенному классу, — такие, в которых продают пиво.

4.4. Промежуточное обобщение

В разделах 4.1–4.3 были рассмотрены наиболее распространенные типы структур именных групп, в которых, как и в нумеративных конструкциях, обсуждавшихся в разделе 3, одновременно присутствуют обозначения контейнера и содержимого¹¹. Было показано, что эти структу-

---

¹¹ Некоторые периферийные типы остались за рамками рассмотрения, например, именные группы, которые устроены примерно так, как в русском языке

ры значительно различаются по своему формальному устройству — начиная от того, который из элементов оказывается синтаксической вершиной (морфосинтаксическим локусом), и кончая наличием/отсутствием посессивных показателей. Что касается семантических контрастов между конструкциями, то, как уже говорилось, здесь они были представлены в несколько гипертрофированном виде: для каждой конструкции приводились либо наиболее частотные типы употреблений, либо такие, в которых затруднено использование других конструкций. Для некоторых типов контекстов консультанты довольно единодушно утверждали, что в них возможны сразу несколько структур; например, при переводе стимула ‘на столе стоит стакан пива’ разными консультантами предлагались (или признавались приемлемыми) и нумеративная, и комитативная, и обе изафетных конструкции. Возможно — и даже скорее всего — выбор между конструкциями в таком контексте отражает различия в концептуализации внешней действительности, однако на данном этапе рассуждения об этом неизбежно оказались бы спекулятивными¹². В любом случае собранных сведений о различиях между конструкциями оказывается достаточно для того, чтобы утверждать, что все пять конструкций, рассмотренных в настоящей статье, занимают не (полностью) совпадающие функциональные ниши, т. е. выбор той иной синтаксической формы конструкции диктуется семантическими соображениями.

5. Заключение

В башкирском языке представлено несколько — по крайней мере пять — регулярно используемых типов именных групп, в которых так или иначе задействованы отношения между контейнером и содержимым, например, между ‘стаканом’ и ‘молоком’, ‘ведром’ и ‘яблоками’ и т. д. Таким образом, эта семантическая зона оказывается семантически очень тонко разработана: здесь могут играть роль не вполне тривиальные нюан-

---

устроены именные группы *чашка для кофе* — т. е. включающие в свой состав целевой адлог — или *кофейная чашка* — т. е. с эксплицитным словообразовательным маркером (адъективизатором), присоединяемым к названию субстанции.

¹² Возможность нейтрализации противопоставления между псевдопартитивной интерпретацией и интерпретацией, предполагающей присутствие референтного контейнера, заполненного субстанцией («direct content construction»), в неинкрементальных контекстах упоминается на другом языковом материале в [Vos 1999].

сы значений. При этом выбор между конструкциями во многом подчиняется **иконической** логике: в случае если (говорящий хочет представить ситуацию, так что) в действие вовлечен в первую очередь контейнер, соответствующее имя оказывается в позиции вершины именной группы; если контейнер и содержимое участвуют в ситуации вместе, используется комитативная конструкция; если же предикат семантически сочетается (ср. понятие «semantic selection») с содержимым, именно оно оказывается и синтаксической вершиной в именной группе¹³.

Среди всех рассмотренных конструкций особняком стоят конструкции, в которых название контейнера используется в псевдопартитивной функции, т. е. для обозначения количества некоторой заранее не квантованной сущности. В таких случаях название контейнера обычно не реферирует ни к какому конкретному объекту, при этом синтаксически занимает позицию немаркированного приименного модификатора (близкие стратегии организации псевдопартитивных конструкций отмечались и для ряда других языков, см., например, [Kortjevskaja-Tamm 2009]). В таких случаях названия контейнеров теряют и большинство грамматических свойств, ожидаемых от полноценных имен, например, способность присоединять показатели падежа, числа и принадлежности, а также сочетаться с большей частью типичных приименных зависимых. Получается, что при таком — «нумеративном» — употреблении названия контейнеров уподобляются по своим свойствам другим словам, используемым для квантификации, в частности, числительным¹⁴.

Как и во многих других языках, употребляться в составе псевдопартитивной конструкции в принципе может **любое** существительное, обозначающее контейнер (как, впрочем, и многие другие слова, значение которых подходит для квантификации — ‘килограмм’, ‘кусок’, ‘класс’ и

---

¹³ Известно, что в других языках признаки вершины и зависимого очень часто распределяются между компонентами партитивных и псевдопартитивных конструкций нетривиальным образом, см. об этом [Lander 2001].

¹⁴ Точнее, в качестве функционального аналога числительного выступают не сами имена контейнеров, а их сочетания с числительными: ‘один стакан’, ‘две корзины’ и т. д. (использование числительных при именах контейнеров в составе нумеративной конструкции обязательно). Такие счетные комплексы и обычные числительные оказываются дополнительно распределены относительно квантифицируемых сущностей: обычные числительные используются для квантификации дискретных счетных объектов (‘три человека’, ‘пять яблок’), а счетные комплексы, включающие названия контейнеров, создают счетные единицы для сущностей, дискретизация которых невозможна (‘вода’, ср. ‘две бутылки воды’) или контекстно затруднена (‘яблоки’, ср. ‘три корзины яблок’).

т. д.). Интересно при этом то, что, «встраиваясь» в нумеративную конструкцию, **все** эти слова, включая названия контейнеров, радикальным образом меняют свои грамматические свойства, теряют самые базовые именные признаки¹⁵. Другими словами, система башкирского языка характеризуется не столько двойственностью природы отдельных лексических единиц, сколько продуктивным механизмом, позволяющим «перевести» конкретную единицу в нужный грамматический класс.

По всей видимости, здесь мы имеем дело с проявлением не вполне формализуемого, но очень важного общего свойства башкирской грамматики: в этом языке грамматическое поведение единиц, включая самые базовые свойства, определяется не столько словарно заданной частеречной принадлежностью, сколько функцией и синтаксической позицией в конкретном высказывании, «конфигурацией». Наряду с рассмотренными в этой статье случаями «нумеративных» употреблений имен контейнеров, к числу проявлений этого общего свойства можно, видимо, отнести и линейную фиксированность морфосинтаксического локуса в большинстве типов составляющих (независимо от их внутренней структуры); и то свойство, которое часто трактуется как наличие омонимических или конверсивных отношений между многими существительными и прилагательными; и слабую дифференциацию послелогов и локативных существительных; и способность неглагольных сказуемых присоединять предикативные согласовательные показатели; и способность «словообразовательных» показателей взаимодействовать с составляющими, имеющими глубокую внутреннюю структуру.

Сокращения

1, 2, 3 первое, второе, третье лицо	NEG отрицание
ABL аблатив	NMLZ номинализация
ACC аккузатив	P притяжательный аффикс
ADJ адъективатор	PC причастие
CAUS каузатив	PL множественное число
COND кондиционал	PRS настоящее время

---

¹⁵ Некоторые исследователи, особенно формального толка, указывают, что обозначения меры (в частности, контейнера) теряют синтаксические свойства полноценных существительных даже в таких языках, где по внешней форме псевдопаритивные конструкции устроены точно так же, как посессивные конструкции с именными вершинами, например, в английском (ср. *a box of chocolates* ‘коробка конфет’) [Stickney 2007].

DAT датив	PST прошедшее время
GEN генитив	Q вопросительность
IPFV имперфектив	SG единственное число
LOC локатив	

Литература

- Гращенков 2004 — П. В. Гращенков. Изафетная конструкция: многофакторный анализ // Е. А. Лютикова, К. И. Казенин, В. Д. Соловьев, С. Г. Татевосов (ред.). Мишарский диалект татарского языка: очерки по синтаксису и семантике. Казань: Магариф, 2007. С. 83–114.
- Дмитриев 2008 — Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. Москва: Наука, 2008.
- Коптјевскаја-Тамм 2001 — М. Коптјевскаја-Тамм. “A piece of the cake” and “a cup of tea”: Partitive and pseudo-partitive nominal constructions in the Circum-Baltic languages // Ö. Dahl, М. Коптјевскаја-Тамм (eds.). Circum-Baltic languages. Vol. II. Grammar and typology. Amsterdam–Philadelphia: John Benjamins, 2001. P. 523–568.
- Коптјевскаја-Тамм 2009 — М. Коптјевскаја-Тамм. “A lot of grammar with a good portion of lexicon”: Towards a typology of partitive and pseudo-partitive nominal constructions // J. Helmbrecht, N. Yoko, S. Yong-Min, S. Skopeteas, E. Verhoeven (eds.). Form and function in language research. Berlin: Mouton de Gruyter, 2009. P. 329–346.
- Lander 2001 — Yu. Lander. Austronesian partitives // V. B. Kassevitch (ed.). 6th International conference on the languages of Far East, South-East Asia and West Africa: Proceedings and abstracts of papers. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2001. P. 263–272.
- Stickney 2007 — H. Stickney. From pseudopartitive to partitive // A. Belikova, L. Meroni, M. Umeda (eds.). Proceedings of the 2nd conference on generative approaches to language acquisition North America (GALANA). Somerville: Cascadia Proceedings Project, 2007. P. 406–415.
- Vos 1999 — R. Vos. A grammar of partitive constructions. Ph.D. Dissertation. Tilburg University, 1999.

А. А. Сюрюн

ЗАМЕТКИ О ТОФАЛАРСКОМ ЯЗЫКЕ: ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ

Мое знакомство с тофаларским языком началось в 2007 году благодаря стараниям Елены Всеволодовны, которая предложила мне съездить в Нижнеудинский район Иркутской области вместе с Марией Смолиной. Тофалария, условное название мест расселения тофаларов, состоит из поселков Алыгджер, Нерха и труднодоступной Верхней Гутары. В июле-августе 2007 года нам удалось собрать аудио- и видеоматериалы по нерхинскому говору тофаларского языка. В апреле-мае 2011 года была проведена полевая работа в поселке Алыгджер. Третья поездка¹ в Тофаларию состоялась в ноябре 2013 года в поселок Верхняя Гутара.

По классификации Н. А. Басакаова, современный тофаларский язык относится к уйгуро-тукуйской подгруппе уйгуро-огузской группы восточно-хуннской ветви тюркской семьи языков [Басакаов 1969]. По данным Всероссийской переписи 2002 г., численность тофаларов — 837 человек, из которых 699 человек — сельское население. На владение тофаларским языком указали 378 человек [Перепись 2002]. Данные переписи, к сожалению, не могут дать объективной информации о степени владения тофаларским языком каждого участника опроса.

Население поселка Нерха в 2007 году составляло 211 человек. Из 14 компетентных носителей тофаларского языка, указанных главой администрации А. И. Фабер, по нашим наблюдениям, свободно говорили на нем 7 человек в возрасте 67–76 лет.

Население поселка Алыгджер в 2011 году составляло 529 человек. По данным главы администрации В. А. Лобченко, половозрастной состав группы тофаларов следующий: мужчины от 0 до 15 лет — 37 человек, от 16 до 59 лет — 89 человек, от 60 лет — 6 человек; женщины от 0 до 15 лет — 53 человека, от 16 до 54 лет — 78 человек, от 55 лет — 10 человек. Социолингвистическая анкета была собрана у 11 человек; также была проведена работа по лексической и грамматической анкете. Небольшие тексты на свободную тему были зафиксированы у 3 пожи-

---

¹ Экспедиция проводилась при поддержке гранта РГНФ 13-04-00416 «Языковые изменения в идиомах, не имеющих письменной традиции (на материале алтайских, палеоазиатских и уральских языков)».

лых информантов. В Алыгджере большинство носителей тофаларский язык понимают, но не говорят на нем. В современном тофаларском языке наблюдаются различные изменения, по-видимому, обусловленные ситуацией языкового сдвига: тенденция к исчезновению фарингализованных гласных, нейтрализация оппозиции «фарингализованные – нефарингализованные гласные», порядок слов SVO вместо SOV при переводе с русского на тофаларский язык, исчезновение посессивных показателей (*мишм аът* «мой конь» вместо ожидаемого *мишм аьдым* «мой конь»).

Население поселка Верхняя Гутара в 2013 году составляло 422 человека. В детский сад ходят 23 ребенка (21 — тофалар, 2 — русские). В школе учатся 73 школьника (62 — тофалары, 11 — русские). Военнообязанные мужчины (до 28 лет) — 39 тофаларов, 9 русских. Юноши (с 14 до 18 лет, призывники) — 14 тофаларов, 2 русских. В отсутствие главы администрации района, данную информацию любезно предоставила мне Наталья Николаевна Тутаева, инспектор военно-учетного стола администрации поселка. В ходе работы выяснилось, что население поселка Верхняя Гутара говорит только по-русски. Русский язык занимает доминирующее положение во всех сферах общения, в том числе и во внутрисемейном общении. По словам информантов, на момент моего приезда среди тех, кто владеют своим этническим языком, четверо мужчин находились на охоте в тайге, одна носительница языка вылетела в Алыгджер к родственникам, еще одна потенциальная носительница жила в Нижнеудинске с сыном-студентом. Таким образом, в ходе работы мне удалось собрать только социолингвистическую информацию, а попытки собрать информацию по лексической и грамматической анкете не увенчались успехом. Из лексики чаще всего вспоминали слова *тус* «соль» и *тишек* «нож», а также кое-кто неправильно (с ударением на первый слог) произносил слово *ирезаң* «медведь».

Тофаларский язык преподается в школе во всех трех поселках. Эти занятия ведутся только в начальной школе (например, в Верхней Гутаре со 2 по 4 классы). На преподавание тофаларского языка выделяется один час в неделю, 34 часа в учебном году, 102 часа за все время обучения тофаларскому языку. В связи с отсутствием компетентных носителей, которые могли бы преподавать язык, занятия носят факультативный характер. На уроках учат наизусть отдельные слова, переводят с тофаларского на русский, а обучения грамматике не ведется. Ученики чаще рисуют или ходят на экскурсии, чем изучают собственно язык. Кроме того, некоторые родители после начальной школы отправляют

своих детей в школы Нижнеудинска или Красноярска, где дети учатся и живут у своих родственников.

В ходе неформальных бесед тофалары признавали, что причиной утраты языка явилась в первую очередь смена хозяйственного уклада тофаларов, которая была проведена насильственным методом. Свой вклад внесли и детство в интернатах и детских домах. Приезжие русские, в том числе учителя, запрещали тофаларам пользоваться своим языком.

Таким образом, население в поселках Алыгджер, Нерха и Верхняя Гутара разговаривает почти во всех случаях на русском языке. Русский язык доминирует и во внутрисемейном общении, что отчасти обусловлено большим числом смешанных семей. В речи тех, кто свободно говорит на тофаларском, широко представлено смешение и переключение кодов, заметна также интерференция с русским на синтаксическом уровне [Муслимов, Сюрюн 2009]. Молодежь по-тофаларски не говорит. В Алыгджере, например, тофалары не видят будущего для тофаларского языка: с кем разговаривать и зачем учить тофаларский, если есть русский язык? В Верхней Гутаре встречались молодые люди, которые желали бы знать и сохранять свой этнический язык, но уже нет той среды, которая могла бы обеспечить функционирование языка.

Литература

- Баскаков 1969 — Н. А. Баскаков. Введение в изучение тюркских языков. М.: Высшая школа, 1969.
- Муслимов, Сюрюн 2009 — М. З. Муслимов, А. А. Сюрюн. Тофаларско-русское смешение кодов в пос. Нерха // Проблемы монголоведных и алтаистических исследований. Материалы международной научной конференции, посвященной 70-летию профессора В. И. Рассадина. Элиста: Изд-во КалмГУ, 2009. С. 126–128.
- Перепись 2002 — Всероссийская перепись населения 2002 года.

Н. Б. Вахтин

РУССКО-ЭСКИМОССКАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ В РАННИХ ПИСЬМЕННЫХ ТЕКСТАХ

1. Введение

За последние двадцать лет в лингвистике произошло несколько важных изменений. По-видимому, все они связаны с одним общим процессом: угасанием интереса к генеративной грамматике (ГГ), осознанием серьезности проблемы языкового сдвига с последующим массовым выходом лингвистов «в поле» и, соответственно, массовым столкновением лингвистов с **реальным** функционированием реальных языков в реальных обстоятельствах, прежде всего — в обстоятельствах дву- и многоязычия.

Сегодня многие серьезные лингвисты пишут о том, что они в какой-то степени перестали понимать, где проходит граница между языком А и языком Б у двуязычного говорящего. И речь здесь не идет о «смешанном характере всех языков» (Бодуэн де Куртене) или о «языке с двумя терминами» (Щерба): дело обстоит «гораздо хуже». Осознание этого факта пришло прежде всего как результат исследования смешения и переключения кодов.

Пока ГГ занимала в лингвистике лидирующее положение, эти вопросы не стояли. Хомский [Chomsky 1986: 19-22] эксплицитно разделял два разных объекта лингвистики: **E-language** (внешний язык) и **I-language** (внутренний язык), и определял E-language как «совокупность высказываний, которые могут быть произведены в речевом сообществе» (*totality of utterances that can be made in a speech community*), и I-language как «некоторую составную часть сознания человека, знающего язык, приобретенную говорящим и используемую говорящим-слушающим» (*some element of the mind of the person who knows the language, acquired by the speaker, and used by the speaker-hearer*). При этом он исключал из рассмотрения как «нечистые» (*not pure in the relevant sense*) такие E-languages, которые представляют собой смешения двух языков, поскольку они не представляют собой единого набора выборов между возможностями, представляемыми универсальной грамматикой,

а скорее включают противоречивые выборы для некоторых из таких возможностей [Chomsky 1986: 17]¹.

Однако парадигма лингвистики меняется, и после работ Питера Майскена [Muysken 2000] о переключении и смешении кодов пришло осознание того, насколько разрушительным для современной лингвистической теории оказывается широкое распространение смешения кодов и существование смешанных языков. Если язык — это не крепость с прочными стенами, если языковая система оказывается проницаемой для фрагментов другой языковой системы, если постоянное смешение и переключение кодов, которое мы наблюдаем в речи билингов — это норма, то перестает работать привычное представление о языке [Auer 2007]: вместо взгляда на язык как на замкнутую систему мы вынуждены принять подход к языку как к деятельности по использованию наличных языковых ресурсов [Heller 2007]. Эти ресурсы оказываются социально распределены, организованы говорящими (как индивидуально, так и коллективно), и они совершенно не обязаны соответствовать каким-то замкнутым языковым системам, поддающимся описанию как цельные. Более того, двуязычный говорящий, находясь в состоянии, которое Франсуа Грожан [Grosjean 2008] называет *bilingual mode*, то есть в ситуации, когда активированы оба его языка, двуязычный говорящий постоянно переключает и смешивает коды, варьирует акценты, демонстрирует сильную степень интерференции и т. п. Это — подход к двуязычию не как к «двойному одноязычию», а такой, который сам Грожан называет «холистическим».

Наука XX века знала, конечно, про заимствования из языка в язык и про то, что люди часто говорят на других языках с ошибками, но оба эти явления (заимствование на уровне языковой системы и интерференция на уровне индивидуального владения языком) рассматривались так, что вопрос о существовании и автономии двух контактирующих языков не ставился под сомнение. Это было возможно, потому что молчаливо предполагалось, что отдельные языки — английский, немецкий, латынь

---

¹ В более поздних работах по теории ГТ делались попытки инкорпорировать материал двуязычной речи, создав так называемую *Optimality Theory for Bilingual Use* (см., например, [Bhatt, Bolonyai 2011], и многие другие). Оказалось, что полное совпадение между I-language и E-language есть не всегда, и особенно это относится к речи двуязычного человека, «внешний язык» которого часто представляет собой сочетание элементов (модулей) разных языковых систем — а это заставляет задуматься и об устройстве его «внутреннего языка», то есть — языковой системы I-language.

или французский — существуют и могут быть аккуратно (и непротиворечиво) отделены друг от друга и описаны отдельно. Однако, говоря словами Робин Тернер, «Верно, что разные коды преобладают в разных областях коммуникации, однако это не означает, что между ними есть четко определенная граница»² [Turner 1997/2004].

Работы Питера Майскена, Франсуа Грожана, Питера Ауэра, Моники Хеллер и других показали, что исследования двуязычия, и прежде всего таких явлений, как переключение и смешение кодов, ставит перед лингвистикой серьезнейший вопрос: почему мы принимаем на веру утверждение, что отдельные языки должны описываться отдельно? Двуязычная коммуникация, пишет Ауэр [Auer 2007: 320], стирает грань между языком А и языком Б, и понятие «язык» нельзя более считать аксиоматичным и использовать в лингвистическом анализе как данность.

Основной вывод, ради которого я привожу все эти соображения — что в наблюдаемом тексте на языке А, если этот текст произнесен (или написан) двуязычным носителем, вполне может оказаться более одной грамматической системы.

Это — та теоретическая рамка, в пределах которой строится данная статья.

2. Письменные эскимосские тексты

Исследования двуязычия обычно оперируют преимущественно материалом устной речи. Однако высказанное выше утверждение верно и в отношении речи письменной. В качестве иллюстрации возьмем несколько примеров из в прошлом бесписьменного языка, на который в начале 1930-х годов «обрушилась» письменность.

Речь идет о языке азиатских эскимосов³. В 1930-е годы в нескольких поселках на Чукотке существовало до полутора десятков говоров, всего примерно полторы тысячи носителей (см. [Богораз 1949: 3–24, 27–36; Рубцова 1954: 9–18; Меновщиков 1962: 3–14]). До начала 1930-х годов эскимосские языки не имели письменности; при создании письменности за основу стандартного языка был взят чаплинский (уназикский) говор. Первая книга (букварь) на этом языке была издана в 1932 году, в 1930–50-е, кроме школьных учебников, издавалось много переводных художест-

---

² It is true that different codes prevail in different environments, but that does not imply a definite boundary between them

³ Реально, конечно, речь идет не об одном, а о нескольких языках — как минимум трех, однако малая изученность этих языков в доконтактный период и пресловутая проблема «диалект — язык» не позволяет надежно подсчитать их количество и относительную близость или удаленность.

венных и публицистических книг; в 1970-е появилось и несколько оригинальных книг, в основном стихотворные сборники. Всего с 1932 по 2000 год на этом языке было опубликовано 93 книги [Vakhtin 2005]. О современной языковой ситуации см. [Вахтин, Лярская 2004].

Значительная часть вновь издаваемой литературы была переводной. Переводы с русского осуществлялись переводчиками-эскимосами под руководством специалистов-лингвистов и под пристальным надзором редакторов: в советское время, в особенности в 1930–50-е годы, цензура печатного слова доходила до абсурдной тщательности. Текст на «младописьменном» языке должен был быть скрупулезно проверен на предмет соответствия русскому оригиналу; не допускались никакие отклонения от «канона», причем не только смысловые, но и формальные. В оправдание редакторов следует напомнить, что любая ошибка и даже простая опечатка могла быть опасна для благополучия, а то и жизни всех к этой ошибке причастных. Особенно это касалось общественно-политических текстов и того, что можно без всякой натяжки назвать «сакральными» для этого времени текстами: биографиями вождей.

3. Материал

Большинство примеров, которые я привожу в этой статье, взяты из двух таких переводных «сакральных» книг: [Байдуков 1939] и [Ульянова 1990]; один пример — из детской переводной книги [Носов 1989]. Первая книга — рассказы летчиков о встрече со Сталиным; вторая — известные всем советским школьникам «Детские и школьные годы Ильича».

Я покажу на нескольких примерах, как переводчики пытаются сохранить канонический текст, по возможности не отступая от норм грамматики языка азиатских эскимосов (далее — ЯАЭ).

Пример (1) — первое предложение из второй книги.

- (1) Наш вождь Владимир Ильич Ульянов (Ленин) родился 10 (22) апреля 1870 года на Волге, в городе Симбирске, переименованном теперь в честь его в Ульяновск.

*Хуан'кута вождывут Владимир Ильич Ульянов (Ленин)
альхыг'умак' 10 (22) апрельми 1870 уксюми ыснанилн'уг'ни Волгам
Симбирскими, атик'ами ыльн'ан апальянын' Ульяновскымын'.*

Переводчик старается не отступать от текста: проблему передачи сочетания *на Волге, в городе Симбирске* он решает, написав 'в находящемся на берегу Волги Симбирске' — вполне адекватная для ЯАЭ за-

мена. Чуть сложнее с переименованным теперь в честь его — пришлось написать ‘названный из-за него’:

- (1а) *ати-к'а-ми*   *ылън'а-н* *апалъя-нын'*   *Ульяновскы-мын'*
называть-PART-3SG он-ERG   причина-INSTR ульяновск-INSTR

Кроме этих двух замен, все остальное — слово в слово, включая порядок слов, который в обоих языках свободный. Проблема числительных (о которой чуть позже) решена с помощью цифр.

Особенно это заметно на сочетании ‘наш вождь’:

- (1б) *хуан'кута* *вожды-вут*
наш   вождь-1PI.POSS.

В ЯАЭ притяжательные значения выражаются суффиксально, а не местоимениями, как в русском. Слова *вождывут* было бы вполне достаточно, чтобы выразить притяжательность, местоимение *хуан'кута* ‘мы/наш/нас/нам’ можно было бы не добавлять — но по-русски оно есть, и переводчик покорно его вписывает. Грамматически это не ошибка, просто избыточность.

- (2) В гимназию Володя поступил девяти с половиной лет, в первый класс.

Гимназиямун Володя тимак' стаманын' ин'люлык авнылиг'люку
уксюк'лююни, сивулиг'мун классымун.

гимназия-мун *володя* *пи-ма-к'*   *стаманын' ин'люлык*
гимназия-DAT *володя* *делать-PAST-3SG* *девять*
авнылиг'-лю-ку   *уксюк'-люю-ни* *сивулиг'-мун* *классы-мун*
половина-CONV-3SG *лет-CONV-3SG* *первый-DAT* *класс-DAT*

Слово в слово. Сохранена инверсия, порядок частей. Глагол *поступил* передам многозначным служебным глаголом от основы *пи-*, который обычно заменяет полнозначные глаголы речи и движения (‘говорить’ или ‘идти’). Единственная сложность — некоторая громоздкость эскимосской системы числительных (*стаманын' ин'люлык* — это и есть ‘девять’). Счет возраста, времени, да и всего прочего в фольклорных текстах, естественно, другой: о растущем мальчике скажут ‘уже сильным стал’, ‘уже охотиться стал’, о времени — ‘уже осень наступила’, о стаде — ‘большое’ или ‘очень большое’. Считать годы, дни или предметы никому не приходило в голову. Но — справились и тут.

- (3) Иосиф Виссарионович рассказал нам, как много лет тому назад царские жандармы заслали его в ссылку в Сибирь.
Иосиф Виссарионовичым ун'ипамсюгутинкут хўан'кута натын тагани царим жандармын'ита лыляматху пах'к'илн'уг'мун Сибиримун.
...ун'ипамсюгут-ин-кут хўан'кута натын тагани цари-м
...рассказывать-3SG-1PL нам как давно царь-ERG
жандармы-н'ита лыляма-т-ху
жандармы-POSS.ERG посылать-3PL.Ag-3SG.Ob
пах'к'илн'уг'-мун Сибире-мун
пустынный-DAT Сибирь-DAT

Здесь переводчик допустил две вольности: не стал слово в слово переводить *много лет тому назад*, передал значение наречием *тагани*, которое именно это и значит; и вместо *заслали его в ссылку в Сибирь* написал буквально 'послали в безлюдную Сибирь'. Однако это не спасло: в двух местах текст все-таки получился странный:

- а) *ун'ипамсюг-ут-ин-кут хўан'кута*
рассказывать-BENEF-3SG.Ag-1PL.Ob нам

В ЯАЭ существует сложная система согласования глагола с субъектом и объектом по лицу и числу. Форма глагола здесь именно и означает 'он нам рассказал', и слово *хўан'кута* 'нам' тут лишнее. Но в русском оригинале это слово есть, и переводчик вставляет его в эскимосский текст.

б) *натын* — действительно значит 'как', но по-эскимосски это наречие, а не союз: его можно поставить в предложение типа 'как ты живешь?' или 'как тебя зовут?' — но никак не сюда. Синтаксис ЯАЭ тут нарушен ради сохранения «лексической прозрачности» — не исключаю, что по требованию редактора, заглянувшего в словарь и потребовавшего вставить недостающее слово.

Очевидно, что чем ближе реалии и события русского текста к привычной эскимосской жизни, тем переводчику проще — и наоборот. Кажется, что именно это является причиной того, что перевод некоторых фраз получился совершенно адекватный:

Пример (4) — хрестоматийная история о том, как Сталин чуть не погиб, убегая из ссылки.

- (4) Посредине реки он вдруг провалился под лед.
Иўын киўым к'уканун лыиг'ак'ук', сюна калык'ахсималг'и сикум асин'анун.
иўын киўы-м к'ук-а-нун лыиг'-ак'-у-к'
и вот река-ERG середина-POSS-DAT становиться-PRES-INTR-3SG

сюна калывк'ахс-има-лг'и сику-м аси-н'а-нун
 вдруг проваливаться-PAST-PART лед-ERG низ-POSS-DAT
 (Буквально: «и вот посередине реки оказавшись, вдруг провалился под лед»).

Фраза вполне могла бы стоять в любом фольклорном тексте: ритм, использование вводного слова *иўын* «и вот», разделение одной русской предикации (*провалился посередине реки*) на две эскимосские («оказавшись посередине, провалился») — это предложение явно далось переводчику легко.

Однако следующая фраза его явно разочаровала:

- (5) Но ловкость и сила помогли ему ухватиться за край проруби.
Ивырн'а авынахкынка амма кынугругыхкынка каюсимакан'ат л'н'а
акук'ал'ыхк'анун мыхтаг'вигым снын'акун.
Ивырн'а авынахкы-нка амма кынугругыхкы-нка
 Однако ловкость-3SG.POSS и сила-3SG.POSS
каюс-има-кан'ат л'н'а акук'ал'ых-к'а-нун
 помогать-PAST-3PL.Ag.3SG.Ob он/ему хватать-PART-DAT
мыхтаг'виг-ым снын'а-кун
 прорубь-ERG край-VIAL

Синтаксис здесь для ЯАЭ странный. Во-первых, избыточно слово *л'н'а* ‘ему’, поскольку лицо объекта уже выражено в глаголе. Во-вторых, персонализация качеств (*ловкость и сила*) и постановка их в позицию агенса действия традиционным текстам на этом языке не свойственна: гораздо естественнее было бы сказать ‘он был ловкий и сильный, и сумел ухватиться...’. Не говоря уж о том, что — эскимосу ли не знать! — вся история крайне сомнительная: ведь дело происходит на реке, и не просто на реке, а на Енисее, где сильное течение... Да будь ты какой угодно ловкий и сильный — унесет под лед, охнуть не успеешь. Но с сакральными текстами не спорят, и переводчик, вздохнув, переводит слово в слово: ‘но ловкость-его и сила-его помогли-ему-они ему ухватившемуся проруби за-ее-край’.

При этом в ЯАЭ есть специальный каузативный суффикс со значением «помочь V», и вместо неуклюжего ‘помогли-ему-они ему ухватившемуся’ можно было выразиться гораздо изящнее.

Пример (6) — снова из второй книги, о Ленине:

- (6) Учился он легко и охотно.
Игамак' ылън'а ук'ын'аг'ьюглюни сяма тыг'игьюглюни.
Ига-ма-к' ылън'а ук'ын'аг'ьюг-лю-ни
 учиться-PAST-3SG он легко-CONV-3SG

сяма тыг'игьюг-лю-ни
и весело-CONV-3SG

Сохранена инверсия, особенно странно выглядящая по-эскимосски из-за совершенно избыточного здесь местоимения *ыльн'а* 'он'. Глагол *охотно* переведен ближайшей по смыслу формой *весело*.

4. Обсуждение

В проанализированных примерах из двух письменных текстов мы имеем дело с глубоким языковым смещением. Фонологически и морфологически письменные тексты обсуждаемого типа, несомненно, представляют собой тексты на ЯАЭ. Лексически это тексты на двух языках, с большим количеством слов, заимствованных из русского (часто — так называемые *nonce borrowings*). Синтаксически тексты в основном построены по русским моделям, с нечастыми вкраплениями «нормального» синтаксиса ЯАЭ.

Однако меня более всего интересует следующий уровень — его можно назвать «риторическим», или «жанровым».

Перед нами язык, которому приходится решать совершенно новую для него задачу: порождать связный повествовательный текст, аналогов которому в его жанровом репертуаре не было. Новым является, во-первых, то, что текст должен быть письменным, а не устным. Поэтому многие аргументы в пользу изменения эскимосского синтаксиса письменных предложений с «русско-подобного» на более привычный, которые мог бы высказать переводчик, легко отбиваются редактором, да и самому переводчику вполне могут показаться неубедительными. Нетрудно представить себе такой, например, внутренний монолог переводчика: «По-эскимосски так не говорят» — «Конечно не говорят, но, может быть, по-эскимосски именно так пишут? Откуда мы знаем, как пишут по-эскимосски, если мы никогда раньше на этом языке не писали? Пишут же так по-русски».

Новым, далее, является повествовательность текста, причем повествовательность не фольклорная: она жестко привязана к изложению событий жизни конкретного человека, реально случившихся в реальной жизни некоторое время назад. Никаких аналогов в традиции переводчик найти не может.

Наконец, новое здесь и то, что оба текста в каком-то смысле являются сакральными: за абсолютной точностью передачи смысла следит целый штат строгих редакторов, и если в русском тексте сказано *рассказал нам*, то и в эскимосском тут должно быть два слова.

Впрочем, то же самое происходит и с текстами далеко не сакральными. Один короткий пример из переводов детских рассказов Николая Носова:

- (7) Дай-ка я спрошу, — ответил он.
Ынтак'ун ап-нъак'ак'а, — акитама-лг'и лън'а.
ынтак'ун ап-нъак'-а-к'а
 ну-ка спрашивать-FUT-3SG.OB-1SG.AG
акита-ма-лг'и лън'а
 отвечать-PAST-PART.3SG он

Здесь сразу четыре проявления русской интерференции:

1. порядок частей предложения (по фольклорной норме было бы наоборот:

акитама-лг'и: *ынтак'ун ап-нъак'-а-к'а*
 отвечать-PART.3SG   ну-ка   спрашивать-FUT-3 SG.Ob.-1SG.AG

2. порядок слов (VS) во второй части;
3. избыточное употребление местоимения 3 лица в конце предложения: глагол и без того явным образом согласован с 3 л. ед. ч.;
4. форма будущего времени является буквальным переводом русской формы *спрошу*, хотя по-русски *дай-ка спрошу* — это несомненный императив 1 лица [Володин, Храковский 1986], и соответствующая форма по-эскимосски есть: естественнее здесь звучало бы:

акитама-лг'и: *ынтак'ун ап-лъа-кун*
 отвечать-PART.pSG   ну-ка   спрашивать-IMP-1SG.Ag.3SG.Ob
 (морфонологически *ант-ла-кун*)

Однако, на мой взгляд, просто перечислить случаи интерференции и констатировать, что норма эскимосского языка **нарушена** под влиянием русского, здесь явно недостаточно. Строго говоря, о «нарушении нормы» ЯАЭ тут вообще сложно говорить, поскольку никакой нормы **для этого жанра** в языке в момент создания переводов практически не было. Оценивать «правильность» синтаксиса письменного литературного текста на ЯАЭ на основе сходства или несходства его с синтаксисом фольклорного текста вряд ли оправданно — это как если бы мы отвергли как неправильное русское словосочетание «красивая девушка» на том основании, что правильно сказать «красна девица».

Здесь приходится касаться незнакомой мне области: заимствования жанров. Многие жанры, особенно письменные, заимствованы во многих языках, и, в частности, национальные особенности жанров сакральных

текстов не изобретены каждой традицией заново. Те, кто знают этот материал, легко вспомнят, откуда, как и когда приходили в русский язык формы летописи и повести, новеллы и романа, эпиграммы и драмы и как они обживались в новом для себя языке, менялись, адаптировались к обстановке и друг к другу и становились «русским романом», «русской летописью» или «русской драмой».

Здесь перед нами тот же механизм, но касающийся не конкретного литературного жанра, но жанра письменного текста вообще. Этот механизм очевиден: переводчик переводит иноязычный текст, текст начинает тем или иным образом функционировать в рамках новой культуры, при удачном стечении обстоятельств аналогичные тексты, уже оригинальные, возникают на новом языке, сохраняя языковые особенности языка-источника, и впоследствии для подобных текстов закрепляются те или иные языковые особенности, которые превращаются в «свои» жанровые особенности.

Если бы процесс формирования эскимосской письменной нормы не оказался прерванным — закрепился ли бы в ЯАЭ для письменных текстов другой порядок слов? Другие правила употребления местоимений? Новые значения наречий?

И последнее: считать ли проступающие сквозь письменный текст на языке L_1 особенности текста на языке L_2 интерференцией? заимствованием? порчей? ошибкой? Стремиться ли к чистоте письменной нормы литературного языка (что в данном случае означает — ее близости к фольклорной норме), отвергая все замеченные влияния (и неизбежно пропуская незамеченные)? Или признать, что для многих языков, в особенности тех, в которых письменность или литературная норма не уходит корнями в толщу тысячелетий, а появилась сравнительно недавно, продуктивнее современный лингвистический подход к языку не как к замкнутой системе, а как к деятельности [Heller 2007], как к набору ресурсов, которыми дву- или многоязычный говорящий пользуется по мере надобности, часто даже не осознавая, что использует в своей речи, устной или письменной, гораздо более богатые средства, чем просто «систему языка L_1 »?

Литература

- Богораз 1949 — В. Г. Богораз. Материалы по языку азиатских эскимосов. Л.: Учпедгиз, 1949.
- Вахтин, Лярская 2004 — Н. Б. Вахтин, Е. В. Лярская. Языковая ситуация и проблемы образования // В. А. Тишков, ред. Современное положение и перспек-

- тивы развития малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока: Независимый экспертный доклад [Глава 8]. М.: ИАЭ, 2004. С. 133-148.
- Меновщиков 1962 — Г. А. Меновщиков. Грамматика языка азиатских эскимосов. Часть 1. М.—Л.: Изд-во АН, 1962.
- Рубцова 1954 — Е. С. Рубцова. Материалы по языку и фольклору эскимосов (Чаплинский диалект). Часть 1. М.—Л.: Изд-во АН, 1954.
- Храковский, Володин 1986 — В. С. Храковский, А. П. Володин. Семантика и типология императива. Русский императив. Л.: Наука. 1986.
- Auer 2007 — Peter Auer. The monolingual bias in bilingualism research, or: why bilingual talk is (still) a challenge for linguistics // Monica Heller (ed.). Bilingualism: A social approach. Palgrave: Macmillan, 2007. P. 319-339.
- Bhatt, Bolonyai 2011 — R. M. Bhatt, Á. Bolonyai. Code-switching and the optimal grammar of bilingual language use // Bilingualism: Language and Cognition 14, 3, 2011. P. 1–25.
- Chomsky 1986 — Noam Chomsky. Knowledge of language: Its nature, origin, and use. New York: Praetor. 1986.
- Grosjean 2008 — F. Grosjean. Studying bilinguals. Oxford: Oxford University Press. 2008.
- Heller 2007 — M. Heller. Bilingualism as ideology and practice // Monica Heller. (ed.). Bilingualism: A social approach. Palgrave: Macmillan. 2007. P. 1–22.
- Muysken 2000 — P. Muysken. Bilingual speech: A typology of code-mixing. Cambridge: Cambridge University Press. 2000.
- Turner 1997/2004 — Robin Turner. Who is a native speaker and what is it they speak? <http://www.sensiblemarks.info/native.html> (access 28.09.2013)
- Vakhtin 2005 — Nikolai Vakhtin. Two approaches to reversing language shift and the Soviet publication program for indigenous minorities // Inuit Studies, 29, 1–2, 2005. P. 131–147.

Источники

- Байдуков 1939 — Г. Байдуков. Схасюхвал'ыг илямнын' Сталиннын' [Встречи с товарищем Сталиным]. Изд-во Главсевморпути. Л., 1939.
- Носов 1989 — Николай Носов. Натын пилъх'ит Толям Клюквиным [Приключения Толи Клюквина]. Магаданское книжное издательство, 1989.
- Ульянова 1990 — А. И. Ульянова. Таг'нух'амалъх'а сяма игалх'а Ильичым [Детские и школьные годы Ильича]. Л.: Просвещение. 1990.

Evgeny V. Golovko

RUSSIAN AS A MINORITY LANGUAGE: A CASE FROM ALASKAN OLD-SETTLER COMMUNITIES¹

1. Introduction

This paper stems from the field materials collected by the author in the summers of 2008 and 2009. The two fieldtrips were undertaken in the framework of the project “Documenting Alaskan and Neighboring Languages” funded by the U.S. National Science Foundation (project leader Dr. Michael Krauss).

Russian does not belong to Alaskan Native languages. Of the two language categories covered by the Project, “Alaskan” and “Neighboring”, it should evidently fall into the second one. However, even within this category, it occupies a special place, as, unlike other “neighboring” languages (Chukchi, Naukan Yupik, Itelmen, etc.), it is spoken not only in the “neighborhood”, across the Bering Strait, but in Alaska as well. As was stated by Michael Krauss in a preliminary note (unpublished) and in oral communication before the project was launched, there are at least three groups of Russian speakers in Alaska:

1. **Russian-speaking newcomers.** They arrived in Alaska in the 1990s and, for the most part, reside in two largest Alaskan cities — Anchorage and Fairbanks. This group is a dispersed one, and it does not form a clear-cut community. However, a small Russian-speaking community densely settled in Delta Junction, in the Fairbanks vicinity, can be treated as an exception. It was formed by “new” Russian speaking immigrants who, after the disintegration of the Soviet Union, left their newly established countries (Russia, Ukraine, and Belorussia in the first place) in the 1990s for a variety of reasons, the two most important of which being search for economic stability and religious freedom. From a linguistic perspective, this group is not of primary interest, as the immigrants’ Russian is just a variety of Standard Russian, and the interaction between Standard Russian and American English has been studied extensively, see works by Morton Benson [Benson 1957, 1960], David Andrews [Andrews 1997], Maria Polinsky [Polinsky 1994, 1995,

---

¹ Some basic facts presented in this paper were previously discussed in [Golovko 2010a, 2010b].

1997, 2010]; see also publications on diaspora Russian in Australia by Ludmila Kouzmin [Kouzmin 1973, 1982, 1988], Mark Garner [Garner 1985], in Harbin by Juha Janhunen [Janhunen 1987], in France by Golubeva-Monatkina [Golubeva-Monatkina 1993, 1994], in Germany by Ekaterina Protassova [Protassova 1996], in Finland by Larissa Leisio [Leidio 2001] and Ekaterina Protassova [Protassova 1994], in Israel by Kopeliovich [Kopeliovich 2006, 2010] and many others.

2. **Old Believers.** Historically, they are an offspring of the Trans-Baikalian Old Believers community that moved to Manchuria during the construction of the East Chinese railroad and the city of Kharbin. After the Russian communist revolution of 1917, many of the Siberian Old Believers escaped over the border to China to join the already existing communities in remote areas of Manchuria and Sinkiang. Another communist revolution, one of 1949 in China, again, caused disturbance among Old Believers, often with tragic results. By the late 1950, a minority of them, with an assistance from international organizations, were relocated (via Hong Kong) to other countries, at their choice. The largest groups went to Brazil and Australia. Old Believers began their immigration to North America in the mid-1960s, most of them settled down in Oregon (the first families arrived from Brazil). In the course of time, in order to avoid cultural assimilation, several families from Oregon moved to a more isolated area, Alaska. Today there are Old Believer communities in Kenai Peninsula (Nikolaevsk) and on Kodiak Archipelago (Afognak, Raspberry Island). Despite certain controversies (due to different views of religious conduct) between some groups, the on-going globalization keeps Old Believers in different continents in close touch – by the internet and cell phones. Relatives from South America come to Alaskan communities to make money as seasonal workers in fishing industry. There is a number of publications studying Old Believers from an ethnographic and linguistic perspective, e.g., [Dolitsky and Kuzmina 1986; Dolitsky 2007 (1991); Nikitina 1998]. In the early 2000s, there was a project at St. Petersburg State University studying Russian Old Believers' traditions and language in South America [Gonobobleva 2010].

3. **Descendants of Russian colonists.** As is well known, Alaska was a Russian colony from the mid-18th century till 1867. Despite a relatively small number of Russians in Alaska at all times (barely more than one thousand), the one hundred year Russian presence has had a tremendous impact on Native Alaskan cultures. In connection with this project, it should be, first of all, mentioned that, among all other lands colonized by Russia, Alaska occupies a special place as regards the imposed social structure. Unlike any other part of Russia, the newly colonized land was ruled by a non-governmental forma-

tion, called the Russian-American Company (RAC). After a certain time of service, *promyshlenniki* (white people in service), Creoles, and the Aleut had right to retire. Those who wanted to stay in the “colonies”² could settle down in one of the two specially designed villages — Ninilchik in Kenai Peninsula, and Afognak in Kodiak Archipelago. (It should be noted that both “Creole” and “Aleut” had little to do with ethnic labels, but rather designated social status, see, e.g., [Black 1980; Black 1990; Luehrmann 2008; Golovko 2009]).

After Alaska was purchased by the USA, the addiction to the Russian language and Russian ways became an important identity marker for the Alaskan population. It is known that it was as late as the 1950s that old people of the Aleutian Islands could still speak Russian [Hudson 2007: 47]. By the end of the 20th century, there were, however, only two places left in which Russian speakers still remained, Ninilchik and Kodiak. Unlike the village of Afognak that suffered the effect of a disastrous tidal wave, Ninilchik has been kept intact since the 1840s. Maybe this is the reason why there has been more scholarly attention paid to Ninilchik compared to former residents of Afognak. In the 1960s, Conor Daly, a student at the University of California Berkeley, collected linguistic material in Ninilchik. Later he quit linguistic career; there are two unpublished papers by Daly [Daly 1985, 1986] stored in the Alaska Native Languages Archive, University of Alaska Fairbanks. These two papers contain valuable observations on the structure of Ninilchik Russian, but unfortunately they contain very little lexical information. This gap was bridged by Andrej Kibrik and Mira Bergelson who, in 1998, spent two weeks in Ninilchik collecting information on nominal vocabulary of Ninilchik Russian; Kibrik also published a short paper [Kibrik 1998] on the structure of this idiom. Later, the nominal vocabulary collected by Bergelson and Kibrik was expanded considerably by Wayne Leman, a trained linguist who was born in Ninilchik, though not a speaker of Russian himself. Now there is a “checking copy” of the dictionary *Ninilchik Russian: The First Language of Ninilchik, Alaska* (2009) stored in the Alaska Native Languages Archive. Some years later, Kibrik and Bergelson, in collaboration with Lehman, proceeded with their work on the Ninilchik variety of Russian, see [Bergelson, Kibrik 2010; Bergelson, Kibrik, Raskladkina 2013].

Before the summer 2008 no linguistic work has ever been done on the Russian language of the descendants of Afognak village who, after the tsu-

---

² To my knowledge, so-called Russian America was the only part of Russia referred to as “colonies” in official documents.

nami, had to move to a newly built village of Port Lions³. Some people went to Ouzinkie (from the Russian word *uzen'koye* 'narrow (place)'), and some settled down in Kodiak and elsewhere.

At the time of my field work with the descendents of Afognak community (in Anchorage, Port Lions, Ouzinkie and Seattle), 12 to 14 people could converse Russian at least to some extent — 2 in Anchorage, 4 in Kodiak City, 7 in Port Lions. There is a handful of Alaskan Russian speakers dispersed in the 'lower forty eights' — Seattle WA, Bellevue WA, Los Angeles CA, etc. At least twenty five Alaskan residents are not fluent speakers but remember dozens of words and conversational formulas. Youngest language consultants were in their late 60s, oldest in their late 90s. Generally speaking, the degree of fluency shows an evident correlation with age. People in their 80s and 90s demonstrated a most natural way of using the language (free conversation), people in their 70s could converse, though with difficulty and with a considerable influence of English, especially in syntax. Besides the above mentioned elders, many other people served as language consultants; the material received from these individuals may range from a short narrative to some phrases and words.

2. Methods of fieldwork

As conversing in Russian was no more part of my language consultants' customary verbal behavior, the method used during the field work was continuous recording. The digital recorder was normally switched on at the beginning of conversation (if the consultants gave their consent) and it was stopped when the session was over. As speaking Russian was an unusual practice for my language consultants, each session was a combination of an anthropological interview and of a linguistic questionnaire. It usually started with a free talk about biography and old traditions. In the course of talk, questions about Russian names for various subjects and activities were asked. After that I asked my consultant to "say something with this word in Russian" — this simple method turned out to be surprisingly effective. Translation method (from English into Russian) was completely rejected, as it could have only provided corrupted phrases, a "word for word" translation from English into Russian. In the same fashion, I never spoke Russian to my consultants not to make them feel embarrassed, as they perceive Standard Russian as a superior ("correct") language compared to their own. In the course of time, as I ma-

---

³ The name comes from the Lions Club which helped (together with the U.S. government) build the village.

naged to acquire some “Old Russian” language (this is my consultants’ definition), I started carefully using some short “Old Russian” phrases just to push conversation forward.

There were only three individuals with whom I conducted routine field work in full accordance with widely used linguistic field methods. Ninilchik materials of Daly, Kibrik, Bergelson, and Leman were helpful during this work, they served as a starting point to get new information on the lexicon, as well as helped get a comparative perspective of the two idioms of “Old Russian”. In 2009 I managed to take several short trips from Anchorage to Ninilchik to collect some linguistic and anthropological material and get a first-hand impression of this variety of Russian.

In order not to miss any valuable information, all field sessions were written down by hand in note-books (parallel with audio-recording). Recordings were only made after the consent of the people interviewed was received. All language consultants were photographed (with their consent). Copies of all digital recordings and of all visual images were saved on an external hard drive. After the field work was finished, copies of all the materials, including paper copies of all the notebooks, depending on the type of consultants’ consent, were stored in the Alaska Native Languages Archive.

3. Russian language and traces of Russian cultural influence in Alaska today

3.1. Language and Identity. Most consultants call their language “Old Russian”, some of them prefer the label “Slavonic” which is obviously associated with the language used during Orthodox Church services. There was not a single person who used the label “Creole Russian” or even mentioned the word “Creole” just for once. Moreover, the term “Creole” is only known as a word with a routine meaning rendering mixed ethnicity. It does not revive any memories about a social label introduced under the Russian-American Company in the 19th century. Kodiak “Old Russian” speakers never call themselves Russian, though they admit (some of them know it for sure) that among their forefathers there were Russians (*rusaki*). Answering the question about their place of origin, they point out to “Siberia”, some can even provide a name of the town. When asked about their ethnicity, they say that they are *Alaskan* which means “a mixture of everything” (which is probably true). The most important ingredients of this “mixture”, in my consultants’ view, are Aleut (the local term for Alutiiq, or Sugpiat — in other words, Pacific Eskimo, the Native population of Kodiak), Russian, and Scandinavian (there was a noticeable wave of migration from Scandinavian coun-

tries during an economic decline at the turn of the 19th and 20th centuries). Another component that has been acquiring more and more significance during the last 15–20 years is immigrants from the Philippines.

In Kodiak City, “Old Russian” can be rated as occupying the last place in the following hierarchy (based on the number of speakers) of locally spoken languages: English, Tagalog, Spanish, Turkish, Polish, Alutiiq, “Old Russian” (though Turkish and Polish are spoken mostly in the summer by seasonal cannery workers).

A remarkable thing about “Old Russian” is that its speakers have never been in contact with speakers of Standard Russian. Contacts only occurred starting the early 1990s: Russian ships anchored in the Kodiak harbour from time to time, two or three Russian girls married Kodiak men and settled down in Kodiak City. However, all these contacts were sporadic and did not influence “Old Russian”⁴ (and in Port Lions and Ouzinkie there was no contact at all). “Old Russian” speakers complain that, during these occasional contacts (or when listening to scraps of Russian speech in TV news interviews), they could hardly understand anything at all (“just separate words”, “they talk too fast”).

“Old Russian” stopped to be a vehicle of communication long time ago. According to my consultants, their parents would speak only Russian at home, while today people are only able to exchange some phrases when meeting each other in town and to call each other by their Russian names. “Old Russian” serves as an important identity marker, along with other cultural practices: Orthodox religion, cuisine (*pirog*), some games (*lapta*, card games), dances (*kadril'*), songs and rituals⁵. In Kodiak, there is a number of words known to all the people, including white Americans: *banya* ‘steam house’, *chay* ‘tea’, *pirog* ‘pie’, *balik* ‘smoked fish’, *solyona* ‘salted fish’, *spasibo* ‘thanks’, *gorko* ‘the word cried out by guests at a wedding party to make a newly married couple kiss each other’, and even *nuzhnik* ‘outhouse’ and *zhopa* ‘ass’. For people identifying themselves as having Russian ancestry, a

---

⁴ There is one exception. A Moscow girl named Katya (she married an American man who worked in Kodiak City as an icon painter for a while) was a very sociable person and made friends with some “Old Russian” speakers. She used to speak Russian to them oftentimes, and also taught their new friends “correct Russian words”. For example, I was stunned when I heard one of my consultants say *Otlichno!*, a modern Russian word for ‘Excellent!, Nice!’.

⁵ It should be noted, however, that today people rather prefer talking about these practices than realizing them in everyday life on a regular basis — there has been a shift from “culture as lived” to “culture as declared” (for these concepts, see [Ingold 2000]).

typical set of self-identification phrases (all these are recorded from people who are not fluent speakers) is as follows: *prahadi* ‘come in’; *sadis* ‘sit down’; *uwidimsa* ‘see you later’; *zdrawstwuy tawarishch* ‘hi friend’; *kak pazhivaesh* ‘how is it going?’; *kak sebia chustvuesh* ‘how are you doing?’; *na zdarovyе* ‘to your health’; *kak dela* ‘how are things going?’; *kak titya zavut* ‘what is your name?’; *kak zdarovyе* ‘how is your health?’; *puskay / pushchay* ‘I do not care’; *zamalchi* ‘shut up’; *pasuda* (sometimes *pol*) *vymay* ‘wash dishes (the floor)’; *stupay na ulitsu* ‘go out’; *kushat’ nada* ‘time to eat’; *ma-mai kapat’ nada* ‘time to dig for mussels’; *hudoy (haroshiy) pagoda* ‘fine (bad) weather’; *layda* ‘beach’; *dozh(d)ik sivodn’a* ‘it is raining today’; *darum (ty darum chilavek)* ‘you are good for nothing’; *lafka* ‘store’; *kwashnia* ‘sour-dough’; *sluzhba* ‘church service’; *para stawat* ‘time to get up’; *iswini* ‘sorry’; *spasiba — ne stoit* ‘thanks — you are welcome’; *pamoynik vytyashchi* ‘take the bin out’; also of importance are diminutive forms of first names — *Ivashka* (from *Ivan*), *Aleksashka* (from *Aleksey*), *Marfusha* (from *Marfa*), *Styopka* (from *Stepan*), etc.

Names play an important role as an identity marker. Last names are not of much importance in this respect, as, firstly, they show up in all kinds of documents and IDs, and, secondly, such Russian last names as Sheratin, Lukin, Malutin cannot be easily identified as Russian ones, especially against an extremely diverse American name pool. However, some last names are identified as Russian due to the specific ending *-off*, e.g., Pestrikoff, Chichenoff, Chernikoff, Squartsoff (sic!). More important for self-identification are first names. People of all generations in each family have two names that mark their “double identity” — an “American name” and a “Russian name”. The latter is received in Orthodox Church as a Christian name. Usually these two names resemble each other at least by their initial sounds — Larry and Illarion, Fred and Fyodor, Aleksandr (or Alexei) and Sonny, Zack and Zakhar, Peter and Pyotr, John and Ivan, Gladys and Glafira, Helen and Yelena, Paul and Pavel, Mary and Maria, Steven and Stepan, etc. Some elders remember about the practice of using patronymics (based on father’s name) after the first name. When greeting each other, they can jokingly call each other ‘Ivan Petrovich’, ‘Fyodor Aleksandrovich’, etc. In most cases, the initial letter of the Russian patronymic turns into a middle name initial in the American name, e.g., John P. Pestrikoff (from Ivan Petrovich Pestrikoff).

To conclude this section, it should be mentioned that today “Old Russian” is a language without literacy. None of my consultants know the Cyrillic alphabet, and they cannot read Russian. However the ability (in the past) to read “Slavonic” is still considered prestigious. People never miss an opportunity to mention that either their fathers or other relatives were readers in

church (*salomchik*, from the Standard Russian *psalomshchik*), they also like to demonstrate old papers (certificates and the like) written in Russian.

3.2. “Old Russian” and Alutiiq. According to my oldest consultants, in their young years, Alutiiq-Russian bilingualism was a wide-spread phenomenon in the three villages under consideration⁶. At the same time, in old days, there was a clear (social) distinction between the Aleut people and the Russians even in Ouzinkie, not to mention the division of the village of Afognak into “Aleut Town” and “Russian Town” (another name — *Derevnia*, see, e.g., [Harvey 1991]), with sporadic young men’s fights in the “neutral zone”. There is linguistic evidence that “Old Russian” modified many of its original words in accordance with Alutiiq⁷ phonetic models. In all Russian words, the Standard Russian phoneme /v/ is always realized as the bilabial sonorant /w/, which can only be explained by the Alutiiq influence (Alutiiq has /w/ and does not have /v/, cf. Alutiiq *witruuq* ‘bucket’, *wiilkaa*q ‘fork’, see [Leer 2003 (1978)]). The phonetic shape of many Russian words provides evidence that they re-entered “Old Russian” from Alutiiq substituting the corresponding Russian words — for example, these are the words with the loss of palatalization after /r/: *trapka* ‘rag’, *pranik* ‘cookie’, and many others — these words sound exactly like the corresponding Russian borrowings in Alutiiq. In other cases, the reflex of Russian palatalization is kept as /j/: “Old Russian” /pryamoy/ vs. Standard Russian /pr’amoy/, etc. In some idiolects, the initial /b/ in Russian words is replaced for /p/ which may also be the effect of Alutiiq-Russian contact, cf. Alutiiq *pasmakiik* ‘shoes’ (du.). The cases presented above are just random samples, more evidence of phonetic influence of Alutiiq can be easily presented. The close interaction of Alutiiq and Russian in old times causes lexical diffusion and makes it difficult for modern “Old Russian” speakers to distinguish between lexical items. For example, most of them are confident that the words *piwa* ‘beer’ (cf. Alutiiq *piiwaq*), *chufli* ‘slippers’ (cf. Alutiiq *cuuflik*), *tachka* ‘wheelbarrow’ (cf. Alutiiq *taackaa*), *lapta* (cf. Alutiiq *laptuq*), *aladiks* ‘pancakes’, and many others are of Alutiiq

---

⁶ Today only one individual is a fluent speaker of three languages (including English), though some other Russian-speaking consultants can express themselves in *Aleut* (i.e., Alutiiq, an Eskimo language by scientific classification) or at least know quite a number of words and phrases. Some elders, though not fluent speakers of Alutiiq, can perform old songs in three languages, English, Russian and Alutiiq — there is a number of songs that, traditionally, were supposed to be performed, verse by verse, in these three languages.

⁷ There are over 500 Russian loanwords in Alutiiq.

origin. Strictly speaking, they are right, as all these words, shaped as they are presented above, are part of Alutiiq lexicon.

3.3. *What is the origin of “Old Russian”?* This is obviously a dialectal form of Russian that has preserved many archaic words and colloquialisms: *rusak* ‘a Russian’; *dozhiday sperva* ‘wait first’; *tamaka* ‘up there’; *tiperia* ‘now’; *chistiy/chisto* ‘pure’, ‘just’ (e.g., *on lenitsa — chistiy king* ‘he is so lazy, just like a king’); *plut* ‘fraud’; *fabrika* ‘plant’, ‘cannery’; *shipka* ‘very much’; *pustyanka* ‘flat cake with sugar and cinnamon on top’; *kalidor* ‘entrance’; *kavaler* ‘boy friend’; *sera chafkat* lit. ‘to chew sulphur’; *ivonniy (yonniy)* ‘his’; *salomchik* ‘reader’; *tikolka* ‘a stick with a sharp (metal) end’; *galik* ‘broom’; *patret* ‘picture’; *chiwo* ‘what’; *chio-nibut* ‘something’; *agde* ‘where’; *ahto* ‘what’; *razhden’ye* ‘birthday’; *s angelom* ‘congratulation on an angel day’; *dikay* ‘crazy (man)’; *dichayka* ‘crazy (woman)’; *stolon’ka* ‘salt shaker’; *drowyanik* ‘wood shed’; *fchiras* ‘yesterday’; *samandrawnnyy* ‘despotic and willful person’; *atwerni* ‘turn away, open’; *zabratsa naniz* ‘get downstairs’; *zhoga* ‘heartburn’; *dohtor* ‘doctor’; *pil’u’li* ‘pills’; *t’at’a* ‘dad’; *mater* ‘mother’; *t’ot’ka* ‘aunt’; *dit’atko* ‘baby’; *dasadnay* ‘disappointing’; *nad’ozhno* ‘for sure’; *shipoynik* ‘dog rose’; *s’afka* ‘killer whale’; *mezgir* ‘spider’; *chishkat* ‘to pee’; *warnak* ‘thief’; *saldat* ‘sailor’; *dObyt’ (etot baba safsem beremannyj, khtota iyo dObyl* ‘this woman is really pregnant, somebody got her’); *strop* ‘belt’, diminutives in first names (see above).

Some specific words of “Old Russian” are also found in Russian Old Settler dialects of Siberia: *puchki* ‘wild parsley’, *naweska* ‘garret’, ‘upstairs’, *iwrashka* ‘land squirrel’, and some others [Vakhtin, Golovko, Schweitzer 2004].

“Old Russian” underwent its own development, cf. the innovation *letuchka* ‘plane’ (lit. ‘the one flying’), and adapting words from other languages, not only from Alutiiq, but also from English, *kara* ‘car’, *chaypot* ‘tea-pot’, *rababutsi* ‘rubber boots’; *gazalin* ‘gasoline’; *bos* ‘boss’, *stampa* ‘post stamp’, etc. Also, cf. an interesting case of double Russian-English etymology: *pushka/pushochka* ‘a sniff of tobacco’.

3.4. *Kodiak “Old Russian” vs. Ninilchik Russian.* There is no doubt that these two idioms stem from one root, or rather, this is one idiom with minor differences found, for the most part, in the lexicon. Initially, that was one dialectal form of Russian modified under the influence, first, of Alutiiq, and later, of English. Spoken in two different communities, the two idioms developed certain distinctive features which are found, most naturally, not in the grammar, but in the lexicon. The Ninilchik words *struzh* ‘plane’ (instrument),

krasnaya br'ushka 'robin', *marskoy chayka* 'kind of fish (numbfish?)', *birloga* 'den', 'lair', *alen* 'deer', *kazna* 'lynx', *krolik* 'rabbit', *sahat* 'moose', *nushki* 'women's breast', *d'uyim* 'inch'; *lotka* 'boat', and some others are not known by Kodiak speakers. While the absence of some words in the other idiom can be easily explained by the differences in fauna and flora, other discrepancies remain unclear.

3.5. *What kind of language is "Old Russian"?* As was noted earlier by Daly, Kibrik and elsewhere, it is often hard to distinguish between language changes that became part of (modified) language system and the process of language attrition. Here are some features that can be treated as most typical of language attrition in Alaskan Russian:

1) corruption of gender and number agreement: *yevonay mat' ves' noch' television karaulil* 'His mother watched television all night' [Daly 1985], *belay chashka* 'white cup', *etot vorona chornyj* 'this crow is black', *belay chashki* 'white cups; *dva den* 'two days', *mnoga den* 'many days');

2) unification in morphology: *plakait* 'weeps', *sosait* 'sucks', *stukait* 'knocks', *parusy* 'sails'.

While gender and number agreement was first noticed by Daly, unification in morphology, as well as some other irregularities, is not found in Daly's examples from the early 1980s; they seem to become widespread in today's speech due to a certain degradation of language proficiency.

Contemporary "Old Russian" shows a considerable degree of variability depending on a particular idiolect. Still, there are common features characteristic of all idiolects. As was mentioned above, those are, first of all, ones in the phonological system. However, as regards specific features in common found in the grammar, they are not so obvious. Even the famous loss of gender agreement (*ivonyj mat'* 'his mother', *zabawnyj defchonka* 'pretty girl', *moj zerkalo* 'my mirror', *swiatoj vada* 'holy water', *nashij lajda krasivyj* 'our beach is beautiful', *varionyj kuritsa* 'cooked chicken', and the like), first registered by Daly, and later confirmed by Kibrik, leaves a lot of room for doubt. During the first period of field work, I was absolutely convinced that the observations made by Daly and Kibrik are also confirmed by my material. However, in the course of time I noticed that this "loss of gender agreement" does not come up in the speech of some of my consultants (all of them best speakers!), or, to put it more carefully, it does not ALWAYS come up. Presumably, this fact indicates that "the loss of agreement" is rather an effect of language attrition, than part of a modified grammatical system. On the other hand, one can admit that the "sum" of individual language attrition acts will eventually provide a system language change. What is clear, however, is that

the “loss of gender agreement” is number one on the list of individual language attrition phenomena. Undoubtedly, this problem requires more scholarly attention, but we should expect to encounter all processes typical of language attrition in general — reduction (unification) in phonology, morphology, syntax, styles (see above).

4. Conclusion

To conclude, it should be mentioned that Alaskan “Old Russian” provides a very interesting, if not unique, material that allows a better understanding of what a linguistic map of Alaska looks like. It also gives new evidence of what happens with the structure of Russian when it becomes a minority language, specifically in close contact with languages, so different structurally and socially, as Alutiiq and English.

Another important result of this preliminary analysis is that Alaskan “Old Russian” does not show any common structural features at all with the famous Mednyj Aleut language spoken on the Commander Islands (Golovko 1996). While there is no doubt that the Russian speakers, who “invented” Mednyj Aleut in the late 19th century, spoke the same Russian language as was spoken all around Alaska (we can make this judgment based on the comparison of certain dialectal Russian words), the Aleut-Russian mixed language (Mednij Aleut) emerged not in Alaska, but at a different location, presumably on Attu Island or on Mednij Island. There are even fewer reasons to believe that “Old Russian” show any common features with Russian-based pidgins, such as Russenorsk, Russian-Chinese pidgin, or Govorka of the Taimyr Peninsula (see [Perekhval'skaya 2008] for the most sophisticated analysis of Russian pidgins).

References

- Andrews 1997 — Д. Эндрюс. Пять подходов к лингвистическому анализу языка русских эмигрантов в США // *Славяноведение* 13, 2, 1997. P. 18–30.
- Benson 1957 — М. Benson. American influence on the immigrant Russian press // *American Speech* 32, 4, 1957. P. 257–263.
- Benson 1960 — М. Benson. American-Russian speech // *American Speech* 35, 3, 1960. P. 163–174.
- Bergelson et al. 2008 — М. Б. Бергельсон, А. А. Кибрик, У. Леман. Словарь нинилчического говора русского языка. Draft. 2008.
- Bergelson, Kibrik 2010 — М.Б.Бергельсон, А. А. Кибрик. The Ninilchik Variety of Russian Linguistic Heritage of Alaska // А. Mustajoki, E. Protasova, N. Vakhtin

- (eds.). *Instrumentarium of Linguistics: Sociolinguistic Approaches to Non-Standard Russian* (Slavica Helsingiensia 40). Helsinki, 2010. P. 299-313.
- Bergelson, Kibrik and Raskladkina 2013 — М. Б. Бергельсон, А. А. Кибрик, М. К. Раскладкина. Русское языковое наследие Аляски: в поисках родного языка // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. Бюллетень 1(70). 2013. С. 158-168.
- Black 1980 — L. T. Black. Introduction. *The Journals of Iakov Netsetov: The Atka-ha Years, 1828-1844*. Translated, with an Introduction and Supplementary Material by L. T. Black. Kingston, Ontario: The Limestone Press, 1980.
- Black 1990 — L. T. Black. Creoles in Russian America // *Pacifica: A Journal of Pacific and Russian Studies*, vol. 2: 2 (Russian America: The Forgotten Frontier), 1990. P. 142-155.
- Daly 2010 — C. Daly. Russian language death in an Alaskan village. Paper presented at the University of California Berkeley linguistics colloquium. Ms., 2010, 10 p. (a copy stored in Alaska Native Languages Archive, University of Alaska Fairbanks).
- Daly 1986 — C. Daly. 'Evonaj mat' ves' noch' television karaulil': His mother watched TV all night long: On the loss of gender as a grammatical category in Alaskan Russian. Ms. 1986, 31 p. (a copy stored in Alaska Native Languages Archive, University of Alaska Fairbanks).
- Dolitsky, Kuz'mina 1986 — A. B. Dolitsky, L. Kuz'mina. Cultural Change vs. Persistence: A Case from Old Believers Settlements. *Arctic* 39, 3, 1986. P. 223-231.
- Dolitsky 2007(1991) — А. Б. Долицкий. Старая Россия в современной Америке: Русские старообрядцы на Аляске. Джуно: Исследовательский центр Аляска-Сибирь, AKSRC, 2007.
- Dolitsky 1998 — A. B. Dolitsky. Old Russian in Modern America: A case from Russian Old Believers in Alaska. Juneau: AK, 1998.
- Harvey 1991 — L. Harvey. *Derevnia's Daughters: Saga of an Alaskan Village*. Yuma, Manhattan, Kansas: Sunflower University Press, 1991.
- Garner 1985 — M. Garner. A study of the Russian and Swedish speech communities in Melbourne in the context of developing an integrated theory of the ecology of language in immigrant communities. Doctoral Dissertation. The University of Melbourne. Department of Russian and Language Studies, 1985.
- Golovko 1996 — Е. В. Головко. Медновских алеутов язык // А. П. Володин (ред.). *Языки мира: Палеоазиатские языки*. М.: Индрик, 1996. С.117-125.
- Golovko 2005 — E. Golovko. The making of identity, the making of a language: On some linguistic consequences of the Russian colonization in Siberia // N. Crawford and N. Ostler (eds.). *Creating outsiders: Endangered languages, migration and marginalisation*. Proceedings of the Ninth Foundation for Endangered Languages Conference. Stellenbosch, South Africa, 18-20 November, 2005. P. 31-36.

- Golovko 2009 — E. Golovko. Review of S. Luehrmann. *Alutiiq Villages under Russian and U.S. rule*. Fairbanks: University of Alaska Fairbanks, 2008. 204 p. // Антропологический форум 10, 2009. P. 349-356.
- Golovko 2010a — E. В. Головки. Русский язык на Аляске (по материалам экспедиций 2008 и 2009 гг.) // Труды объединенного научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию 2009. СПб.: Наука, 2010. С. 73-81.
- Golovko 2010b — E. Golovko. 143 years after Russian America: The Russian language without Russians. Paper read at the 2010 Conference on Russian America. Sitka, AK. August 20, 2010.
- Golubeva-Monatkina 1993 — Н. И. Голубева-Монаткина. Об особенностях русской речи первой русской эмиграции во Франции // Русский язык за рубежом 2, 1993. С. 100-105.
- Golubeva-Monatkina 1994 — Н. И. Голубева-Монаткина. Грамматические особенности русской речи потомков эмигрантов «первой волны» // Филологические науки 4, 1994.
- Gonobobleva 2010 — С. Л. Гоновоблева. Трансграничная диаспора русских староверов в Южной Америке: история, язык и культура (стендовый доклад) // Русское зарубежье в мировом культурном пространстве. Международная научная конференция. Санкт-Петербург. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). 20-22 сентября 2010.
- Hudson 2007 — R. L. Hudson. *Family after all: Alaska's Jesse Lee home*. Vol. 1 (Unalaska, 1889-1925). Walnut Creek, Ca.: Hardscratch Press, 2007.
- Ingold 2000 — T. Ingold. *Perception of the environment: Essays in livelihood, dwelling and skill*. London: Routledge, 2007.
- Janhunen 1987 — J. Janhunen. *Harbinin venäläiset* // *Kina sanoin ja kuvin* 4. P. 10-14.
- Kibrik 1998 — А. А. Кибрик. Некоторые фонетические и грамматические особенности русского диалекта деревни Нинилчик (Аляска) // В. Ф. Выдрин и А. А. Кибрик (ред.). *Язык. Африка. Фульбе*. Сборник научных статей в честь А. И. Коваль. СПб.: Европейский дом, 1998. С. 36-52.
- Kopeliovich 2006 — S. Kopeliovich. *Reversing language shift in the immigrant family: A case study of a Russian-speaking community in Israel*. Ph.D. Thesis. Bar-Ilan University, Ramat Gan, 2006.
- Kopeliovich 2010 — S. Kopeliovich. The variety of Russian as a heritage language in Israel: Hebrew-induced changes at the abstract level // A. Mustajoki, E. Protasova, N. Vakhtin (eds.). *Instrumentarium of linguistics: Sociolinguistic approaches to non-standard Russian (Slavica Helsingiensia 40)*. Helsinki, 2010. P. 403-417.
- Kouzmin 1973 — L. Kouzmin. *The Russian language in an Australian environment: A descriptive analysis of English interference in the speech of bilingual Russian migrants*. Doctoral dissertation. The University of Melbourne, 1973.
- Kouzmin 1982 — L. Kouzmin. Grammatical interference in Australian Russian. In R. Sussex (ed.), *Slavic languages in the emigration, Current inquiry into language*,

- linguistics and human communication 42, Carbondale. USA – Edmond, Canada: Linguistic Research, Inc., 1982. P. 73–87.
- Kouzmin 1988 — L. Kuzmin. Language use and language maintenance in two Russian communities in Australia // *International Journal of the Sociology of Language* 72, 1988. P. 51–65.
- Leer 2001 — J. Leer. The Alutiiq language // A. L. Crowell, A. F. Steffian and G. L. Pullar (eds.). *Looking both ways: Heritage and identity of Alutiiq people*. Fairbanks: University of Alaska Press, 2001. P. 31–33.
- Leer 2003 (1978) — J. Leer. *Conversational Alutiiq Dictionary: Kenai Peninsula Alutiiq*, 2003 (1978).
- Leisio 2001 — L. Leisio. *Morphosyntactic convergence and integration in Finland Russian*. Doctoral dissertation. Tampere: University of Tampere Press, 2001.
- Luehrmann 2008 — S. Luehrmann. *Alutiiq villages under Russian and U.S. rule*. Fairbanks: University of Alaska Fairbanks, 2008.
- Nikitina 1998 — С. Е. Никитина. Языковое самосознание молокан и старообрядцев США: судьбы русского языка // *Русистика* 1, 1998.
- Perekhval'skaya 2008 — Е. В. Перехвальская. *Русские пиджины*. СПб.: Алетейя, 2008.
- Polinsky 1994 — M. Polinsky. Structural dimensions of first language loss // *Papers from the 30th Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society (CLS 30)*. Vol. 2, 1994. P. 257–76.
- Polinsky 1995 — M. Polinsky. Cross-linguistic parallels in language loss // *Southwest Journal of Linguistics* 14, 1-2, 1995. P. 87–123.
- Polinsky 1997 — M. Polinsky. American Russian: Language loss meets language acquisition // Wa. Browne, E. Dornisch, N. Kondrashova, D. Zec (eds.), *Annual Workshop on Formal Approaches to Slavic Linguistics (Michigan Slavic Materials, vol. 39)*. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 1997. P. 370–406.
- Polinsky 2010 — М. С. Полинская. Русский язык первого и второго поколения эмигрантов, живущих в США // А. Mustajoki, Е. Protasova, N. Vakhtin (eds.), *Instrumentarium of Linguistics: Sociolinguistic Approaches to Non-Standard Russian (Slavica Helsingiensia 40)*. Helsinki, 2010. P. 314–328.
- Protasova 1994 — Е. Протасова. Финско-русское двуязычие и русский язык: опыт Финляндии // *Славяноведение* 4, 1994. P. 44–52.
- Protasova 1996 — Е. Ю. Протасова. Особенности русского языка у живущих в Германии // *Русистика сегодня* 1, 1996. P. 51–71.
- Vakhtin, Golovko, Schweitzer 2004 — Н. Б. Вахтин, Е. В. Головки, П. Швайтцер. *Русские старожилы Сибири: Социальные и символические аспекты самосознания*. М.: Новое издательство, 2004.

Е. Л. Кушнир

ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ ДЕЙКСИС В ЯЗЫКЕ ЯУРЭ¹

1. Введение

Система пространственного дейксиса — это языковое распределение объектов относительно дейктического центра, которым обычно является говорящий (см. [Diessel 1999]). В разных языках мира представлены различные дейктические системы, обычно включающие в себя как минимум два элемента. Например, в английском или французском дейктическое пространство делится на две части (соответственно, *this* и *that* для английского и *celui-ci* и *celui-là* для французского), в зависимости от степени удалённости от говорящего. Подобная ситуация наблюдается во многих европейских языках, однако в некоторых можно встретить и три дейктических слова. Например, в сербском языке имеются три местоимения *ovaj*, *taj* и *onaj*, выбор которых также зависит только от степени удалённости от говорящего.

Язык яурэ относится к южной группе семьи манде, на нём говорят ок. 25 тыс. человек в центральной части Кот-д’Ивуара. В языках манде системы пространственного дейксиса оказываются несколько более разветвлёнными, однако на данный момент существует только одно полноценное описание такой системы, сделанное Е. В. Перехвальской для языка муан [Perekhval'skaya 2013]. В языке муан дейктическое пространство включает шесть элементов разных частей речи, и при выборе одного из них учитываются следующие параметры:

- наличие/отсутствие контакта с телом говорящего;
- расстояние от говорящего;
- расстояние от слушающего
- видимость объекта

В яурэ система состоит из пяти элементов, также принадлежащих к разным грамматическим классам. Для выбора демонстратива используются несколько иные, хоть и во многом сходные параметры:

---

¹ Исследование выполнено в рамках гранта РГНФ № 13-34-01015 «Глагольные системы языков манде в контексте типологических и ареальных исследований».

- видимость объекта;
- расстояние предмета от говорящего и слушающего;
- показывает ли говорящий на предмет или нет.

Для изучения пространственного дейксиса использовалась методика, разработанная участниками группы по изучению когнитивных свойств языка Института психолингвистики им. Макса Планка [Wilkins 1999], представляющая собой иллюстрированный опросник из 25 предложений, описывающих разные предметы в разном положении от говорящего и слушающего.

2. Семантика

Дейктическое пространство для видимых объектов разделяется на три части. Для объектов, находящихся в непосредственной близости от локуторов, используется демонстратив *gúé*:

- (1) *á pè wélé gúé è yáá-bà.*
1SG.NSBJ рука зерно этот 3SG.SBJ болеть-IPFV
'Этот палец болит' {имея в виду свой собственный палец}.
- (2) *wété-wété gúé è sèpá bé.*
комар этот 3SG.SBJ мешать.IPVF 1SG.DAT
'Этот комар меня раздражает' }комар находится на столе прямо перед говорящим}.

Для не очень далёких объектов, не находящихся в непосредственной близости от говорящего и слушающего, используется демонстратив *bé*:

- (3) *à fúlúba bé à tàví.*
1SG.SBJ книга там 3SG.NSBJ читать.PFV
'Я прочитал эту книгу' {книга находится на столе рядом с говорящим, но не в непосредственной близости}.

И, наконец, для самых далёких объектов используется демонстратив *bìè*:

- (4) *tàlálé bìè è à fèyá.*
рубашка там 3SG.SBJ COP красивый
'Эта рубашка красивая' {рубашка висит на верёвке во дворе}.

В яурэ учитывается примерное расстояние одновременно и от говорящего, и от слушающего. Таким образом, по классификации [Diessel 1999], система пространственного дейксиса в яурэ является пространст-

венно-ориентированной — в отличие от языка муан, где пространственный дейксис, согласно данным работы [Perekhval'skaya 2013], является ориентированным на говорящего (speaker-oriented)².

Кроме того, если говорящий показывает на данный объект, то используется специальный показатель *lá*, который не употребляется отдельно. Его необходимо сочетать с соответствующими демонстративами в зависимости от расстояния:

- (5) *á*   *yíḃǎ*   *lá*   *bé*   *à*   *ví*.
 1SG.SBJ   дерево   вот   там   3SG.NSBJ   видеть.PFV
 ‘Я вижу вот это дерево’.

В том случае, если объект невидим, можно использовать наречие *bé* (нейтральное) или *lù* (более отдалённое), что означает возможность разделения невидимого дейктического пространства только на две части. Кроме того, в данном случае нельзя использовать показатель *lá* (что оправдано прагматическими ограничениями):

- (6) *kɔ́*   *bé*   *è*   *à*   *tédé*.
 дом   там   3SG.SBJ   COP   красный
 ‘Этот дом красный’ {речь идёт о доме, находящемся вне поля зрения говорящего и слушающего}.
- (7) *á*   *fálá*   *à*   *lù*.
 1SG.NSBJ   деревня   COP   там
 ‘Моя деревня там’ {далеко, не видно ни говорящему, ни слушающему}.

2. Синтаксис

Как уже было сказано, дейктическая система в яурэ включает пять элементов: *gúé*, *bé*, *ḃiḃ*, *lù* и *lá*, и они имеют разную природу. В первую очередь следует отметить, что ни одно из этих местоимений не является местоимением-прилагательным, как в большинстве европейских языков. Дейктические слова не могут употребляться в атрибутивной позиции после существительного, которая является основной для прилагательных в яурэ.

---

² В пространственно-ориентированных системах главным релевантным параметром является расстояние от дейктического центра, а в системах, ориентированных на говорящего — расстояние от говорящего [Diessel 1999:39].

В качестве модификаторов имени они обычно употребляются внутри относительного предложения, однако релятивизатор *lɛ̀* в данном случае факультативен. Однако даже при отсутствии релятивизатора в дейктической конструкции необходимо употребление резумптивного местоимения, дублирующего объект, положение которого характеризуется данной конструкцией:

- (8) *à kɔ́lɔ́gɔ́lɔ́ (lɛ̀) gúé à tɛ̀.*
 1SG.SBJ муравей (REL) этот 3SG.NSBJ убить.PFV
 ‘Я убил этого муравья’ (букв. ‘Я муравья этого его убил’).

Вышесказанное не относится к слову *lù*, которое в норме встречается только в наречной позиции, а в качестве именного модификатора требует обязательного употребления релятивизатора, и такие фразы воспринимаются носителем как несколько более искусственные и переводятся соответственно:

- (9) *kɔ́ *(lɛ̀) lù è à fúvú.*
 дом REL там 3SG.SBJ COP белый
 ‘Дом, который там, белый’.

Дейктические слова могут употребляться также в наречной позиции, однако демонстратив *gúé* встречается в этой позиции в форме *gú*³.

- (10) *á lá púú sɔ́-á gú (*gúé).*
 1SG.NSBJ жена маниока толочь-IPFV здесь
 ‘Моя жена толчёт маниоку здесь’.

Остальные демонстративы встречаются в этой позиции без измененной формы.

Хотелось бы заметить, что позицию наречия для демонстративов (а соответственно, и наречную форму *gú*), видимо, стоит считать исходной. Дело в том, что случаи употребления дейктических слов в качестве модификаторов существительных скорее похожи на описательные определения, которые можно буквально перевести как ‘тот, который находится здесь’ или ‘тот, который находится там’.

Можно также предположить, что *gúé*— это результат слияния *gú* с каким-то показателем. Не исключено, что этим показателем является

---

³ То, что в данном случае речь идёт о двух вариантах одного слова, подтверждается и языковым чувством носителей языка.

наречие *бэ́*, которое может употребляться после *гү́э* (или *гү́*) (11) и *би́э* (12). Кроме того, в истории языка яурэ уже имелись случаи слияния с *бэ́* — в местоименной системе, в результате чего образовалась фокализованная серия [Hopkins 1987]. Конечно, на данный момент это объяснение может рассматриваться только как предположение, однако частотность слова *бэ́* в текстах и его способность к редукции свидетельствуют в пользу правдоподобности такой интерпретации.

(11) *бэ́дà гү́э бэ́ э́ à т́ídí.*
 банан здесь там 3SG.SBJ COP тёмный
 ‘Этот банан зелёный’ {банан находится в руке говорящего}.

(12) *у́íbà би́э бэ́ э́ à кà.*
 река там там 3SG.SBJ COP сухой
 ‘Та река (очень отдалённая от локуторов) сухая’.

Из примеров (11) и (12) мы видим, что в первом случае при добавлении *бэ́* значение предложения не меняется по сравнению с тем, что было без него, во втором же примере объект, определяемый дейктической группой, становится ещё более отдалённым, чем при употреблении одного *би́э*.

Как уже было сказано раньше, показатель *lá* не может употребляться самостоятельно, и, таким образом, не является наречием. Скорее всего его можно считать частицей, поскольку другую частеречную принадлежность для него найти достаточно затруднительно.

Ещё одним свойством *lá* является то, что оно сочетается только с *гү́э*, *бэ́* и *би́э*, но не с *лү́*:

(13) **lòbí à lá lù*
 птица COP вот там
 (Ожидаемое значение: ‘Птица вот там’)

Эта особенность частицы *lá*, а также возможность употребления в позиции именного модификатора без релятивизатора, как нам кажется, выделяет *гү́э*, *бэ́* и *би́э* в особую группу, противопоставленную *лү́*. Судя по всему, *лү́* является прототипическим наречием, тогда как три других демонстратива следует считать либо представителями другой части речи (возможно, эту часть речи можно и назвать демонстративами), либо их стоит выделить в отдельную подгруппу наречий.

Заключение

Попытка систематизировать имеющиеся у нас сведения о дейктических конструкциях в яурэ сделана в Таблице 1.

Таблица 1. Дейктические конструкции в яурэ

	<i>gúé/gú</i>	<i>bé</i>	<i>bìè</i>	<i>lù</i>
видимые	+	+	+	–
невидимые	–	+	–	+
близкие	+	+	–	–
далёкие	–	+	–	–
очень далёкие	–	–	+	+
объекты, на которые указывают (сочетаемость с показателем <i>lâ</i>)	+	+	+	–

Система пространственного дейксиса в яурэ требует дальнейшего изучения, и в данной работе представлены скорее предварительные результаты исследования. Дейктические конструкции крайне частотны в текстах и играют там важную роль, и поэтому для дальнейшего их изучения необходим, прежде всего, корпус текстов, над которым сейчас ведётся работа.

Сокращения

COP — копула	PFV — перфектив
DAT — дативная местоименная серия	PL — множественное число
IPFV — имперфектив	REL — релятивизатор
NSBJ — несубъектная местоименная серия	SBJ — субъектная местоименная серия
	SG — единственное число

Библиография

- Perekhval'skaya 2013 — E. Perekhval'skaya. L'espace déictique dans la langue mwan // Mandenkan, 50, 2013. P. 103-116.
- Diessel 1999 — H. Diessel. Demonstratives: Form, function and grammaticalization. Amsterdam: John Benjamins, 1999.
- Hopkins 1987 — E. B. Hopkins. Aperçu sur le système pronominal du yaouré (mande-sud). Les pronoms personnels. Abidjan: S.I.L.-I.L.A. 7, 1987.

Н. В. Макеева

ТАКСИС В ЯЗЫКЕ КЛА-ДАН¹

1. Основные сведения о языке кла-дан

Кла-дан входит в южную группу языковой семьи манде. Число его носителей составляет порядка 25000 человек в Кот-д'Ивуаре (по оценке 2001 года) и 20000 в Гвинее (по оценке 2012 года). Кла-дан распространён в следующих четырёх районах:

- 25 деревень префектуры Туба в Кот-д'Ивуаре;
- деревня Зузуплё в префектуре Бьянкума в Кот-д'Ивуаре;
- 4 деревни в Гвинее вблизи границы с Кот-д'Ивуаром;
- около 30 деревень в Гвинее между Бейла и Сенко².

Выделяются четыре диалекта кла-дан: санта, годуфума, зузуплё, джуланингбэ. В работе использованы данные диалекта санта.

2. Теоретическая база

При описании таксисных значений мы будем пользоваться терминологией, предложенной в [Храковский 2009]. Под таксисом здесь понимается

функционально-семантическая категория, которая реализуется в бипропозитивных (и шире полипропозитивных) конструкциях, где различными грамматическими средствами маркируется временная локализация (одновременность / неодновременность: предшествование, следование) одной ситуации P_1 относительно другой ситуации P_2 , чья временная локализация характеризуется относительно времени речи [Храковский 2009: 20].

Ситуация P_1 прототипически выражается зависимой глагольной формой, тогда как ситуация P_2 прототипически выражается независимой формой. Если учесть все логические возможности следования одной

---

¹ Исследование выполнено в рамках гранта РФНФ № 13-34-01015 «Глагольные системы языков манде в контексте типологических и ареальных исследований».

² Артём Давыдов, личное сообщение.

ситуации за другой на хронологической оси, а также все логические возможности заполнения двумя ситуациями одного периода времени, то образуются девять следующих значений (по [Храковский 2009: 29–31]):

— дистантное предшествование: «ситуация P_2 следует за ситуацией P_1 через какой-то интервал после её естественного завершения»;

— контактное предшествование: «ситуация P_2 следует непосредственно за ситуацией P_1 после её естественного завершения»;

— прерываемое предшествование: «ситуация P_1 перестаёт иметь место под воздействием ситуации P_2 , а не прекращается естественным образом»;

— неполная одновременность₁: «ситуация P_2 локализуется в рамках временного периода, занимаемого ситуацией P_1 »;

— полная одновременность₁: «ситуация P_1 занимает тот же временной период, что и ситуация P_2 »;

— неполная одновременность₂: «ситуация P_1 локализуется в рамках временного периода, занимаемого ситуацией P_2 »;

— прерывающее следование: «ситуация P_2 перестаёт иметь место под воздействием ситуации P_1 , а не прекращается естественным образом»;

— контактное следование: «ситуация P_1 следует непосредственно за ситуацией P_2 после её естественного завершения»;

— дистантное следование: «ситуация P_1 следует за ситуацией P_2 через какой-то интервал после её естественного завершения».

Данные значения образуют шкалу, которая предполагает, что соседние значения на ней являются наиболее семантически близкими и, как следствие, в случае, если таксисный показатель (форма/конструкция) полисемичен, то он выражает соседние таксисные значения, а прерывные участки на шкале исключаются.

3. Выражение таксиса при помощи неспециализированных видо-временных конструкций

Значения предшествования, одновременности и следования передаются в кла-дан преимущественно при помощи сложноподчинённых предложений, в зависимой и главной частях которых используются различные неспециализированные видо-временные конструкции. Также таксисные значения могут выражаться при помощи сложносочинённых предложений, которые в этой работе рассматриваться практически не будут.

3.1. Оформление зависимой части

Зависимая часть находится в препозиции к главной части. Её зависимый статус обеспечивается употреблением в ней оптативной или одной из сопряжённых конструкций³. Оптативная конструкция строится по схеме (S —) Aux{OPT} — (DO) — V. Сопряжённых конструкций имеется четыре типа:

- нейтральновидовая (S —) Aux{JNT} — (DO) — V{JNT};
- ретроспективная (S —) Aux{JNT} — *kà* — (DO) — V{JNT};
- имперфективная (S —) Aux{JNT} — (DO) — V-*ká*;
- имперфектная (S —) Aux{JNT} — *kù* — (DO) — V-*ká*.

В вершине сопряжённых конструкций находятся спрягаемые предикативные показатели (СПП) сопряжённой серии, которые оказываются в некотором роде аналогами СПП экзистенциальной серии: сопряжённые конструкции являющиеся синтаксически зависимыми коррелятами соответствующих независимых конструкций — нейтральновидовой, ретроспективной, имперфективной и имперфектной.

Зависимая часть, как правило, оформляется показателем *à/ê/â/è*⁴. Этот показатель функционирует в качестве показателя топика при вынесенных в начальную позицию обстоятельственных послеложных и глагольных группах, а также факультативно оформляет вынесенные именные группы с показателем топика *dā*. Кроме того, он факультативно оформляет все препозитивные зависимые клаузы — коррелятивные клаузы, временные, условные и уступительные придаточные. Это обусловлено, по-видимому, тем, что все препозитивные обстоятельственные предложения являются топикальными [Givón, 1990: 826].

3.2. Оформление главной части

В главной части используются, как правило, следующие конструкции:

---

³ Употребление сопряжённых конструкций в независимом предложении имеет место в простых предложениях, исторически восходящих к зависимым клаузам сложноподчинённых предложений: это случаи фокализации с выносом фокализованной составляющей в крайнюю левую позицию, а также случаи употребления сопряжённой имперфективной конструкции в хабитуальном квалитативном значении. Независимое употребление оптативной конструкции (при наличии союза *kz̄*) возможно только в значении пожелания.

⁴ Если предшествующая маркеру стопа назализованная, тогда он тоже может получать факультативную назализацию. Тон показателя распределяется с предшествующим тоном: после ультранизкого, высокого и ультравысокого тона он получает низкий тон, а после низкого тона — высокий.

перфектная (S —) Aux {PRF} — (DO) — V;
 имперфективная (S —) Aux {EXI} — (DO) — V-*ká*;
 имперфектная (S —) Aux {EXI} — *kùr* — (DO) — V-*ká*;
 конструкция будущего времени-2 (S —) Aux {PROSP} — (DO) — V.

Перфектная конструкция передаёт не только свойственные перфекту значения, такие, как акциональный перфект, результатив, экспириенциалис, но и значения из зоны перфектива.

В главной части может использоваться один из трёх коррелятивных союзов *tó*, *kà*, *yèlè*, каждый из которых требует употребления определённых видо-временных конструкций в главной клаузе. Рассмотрим бессоюзные сложноподчинённые конструкции, а также сложноподчинённые конструкции с различными коррелятивными союзами по отдельности.

3.2.1. *Бессоюзные конструкции.* В бессоюзных конструкциях характер таксисных отношений определяется видо-временными значениями конструкций, используемых в зависимой и главной частях. Как в главной, так и в зависимой части временная локализация ситуации указывается относительно момента речи:

(1) *Fàtú á Sìgí à sàń pà*
 Фату 3SG.JNT Сиги POSS подарок вещь\REF
yè á yéé Sìgí b̃-w̃-tó.
 видеть\JNT TOP 3SG.PROSP Сиги поверхность-дело-оставлять
 ‘Как только Фату увидит подарок от Сиги, она тут же его простит’.

(2) *Sìgí á kùr sèèlé wò p̃-ká*
 Сиги 3SG.JNT быть.PST\JNT бумага голос говорить-INF
à Fàtú à b̃ kóó l̃.
 TOP Фату 3SG.PRF входить дом.внутренность в
 ‘Когда Сиги читал книгу, Фату вошла в комнату’.

(3) *Dóòlè á kùr sèèl̃ à ò*
 Доле 3SG.JNT быть.PST\JNT маленький TOP 3PL.CNTR
b̃àà d̃ l̃ ò kùr yà-ká
 и>3SG.NSBJ отец PL 3PL.EXI быть.PST\NTR жить-INF
P̃ỹdèègú l̃.
 Кпо.2 в

‘Когда Фату была маленькой, она жила со своей семьёй в Кпо 2’.

3.2.2. Конструкции с союзом *tó*. Союз *tó* требует употребления перфектной конструкции, вне зависимости от времени и характера протекания описываемой в главной клаузе ситуации. Таким образом, характер таксисных отношений между ситуациями, описываемыми в зависимой и главной частях, а также временной план оказывается выражен только в зависимой части. В главной части все противопоставления нейтрализованы, ср. длительную ситуацию (полная одновременность) (4) и мгновенную ситуацию (неполная одновременность₁) (5) в прошлом:

(4) *Fàtú á kù sò zú-ká yáálé*
 Фату 3SG.JNT быть.PST\JNT одежда мыть-INF вчера
à tó à lú à giàá zò
 TOP то 3SG.NSBJ дочь 3SG.PRF маниока толочь
 ‘Пока Фату стирала одежду, её дочь толкла маниоку’.

(5) *Sìgí á kù sèèlé wò pà-ká*
 Сиги 3SG.JNT быть.PST\JNT бумага голос говорить-INF
à(à) tó sé à lúú kóó lè
 TOP то огонь 3SG.PRF гаснуть дом.внутренность в
 ‘Когда Сиги читал книгу, свет в доме погас’.

При этом из-за полисемичности сопряжённых конструкций часто оказывается неясным, к какому временному плану относится ситуация, описываемая в зависимой (а следовательно, и в главной) части, является ли она единичной (6) или хабитуальной (7):

(6) *Là bà sù lé á kù áá*
 дождь лить NMLZ перед 3SG.JNT хватать\JNT TOP
tó báálá-kà bì lù gbà wà lù
 то работа-делать человек\REF PL все 3PL.PRF приходить
gúú lè
 двор в
 ‘Как только пошёл дождь, все работники вернулись домой’.

(7) *Sìgí à glú pièè lè (y)á*
 Сиги POSS живот гнуться TOP 3SG.JNT

lé-kù á tó yà ló lǝ̀trǝ̀pǝ̀ lǝ̀.
 перед-хватать\JNT TOP то 3SG.PRF идти больница в
 ‘Как только у Сиги заболевает живот, он идёт в больницу’.

3.2.3. *Конструкции с союзом kǝ̀*. Союз *kǝ̀* требует употребления одной из двух конструкций — перфектной (8) или имперфективной (9) — в зависимости от характера протекания ситуации, описываемой в главной части. Сравните выражение в главной части мгновенной ситуации (8) и длительной ситуации (9) в прошлом:

(8) **Là** bǝ̀ sùu lé á kù **áá**
 дождь лить NMLZ перед 3SG.JNT хватать\JNT TOP
kǝ̀ báálá-kǝ̀ bǝ̀ lǝ̀ gbǝ̀ wǝ̀ lǝ̀
 то работа-делать человек\REF PL все 3PL.PRF приходить
gǝ̀ǝ̀ lǝ̀.
 двор в
 ‘Как только пошёл дождь, все работники вернулись домой.’

(9) **Fátú** á kù tǝ̀-bò-ká
 Фату 3SG.JNT быть.PST\JNT песня-осуществлять-INF
yááǝ̀ à kǝ̀ zǝ̀lǝ̀ yǝ̀
 вчера TOP то>3SG.NSBJ младший.брат 3SG.EXI
tǝ̀-kǝ̀-ká
 танец-делать-INF

‘Когда Фату вчера пела, её младший брат танцевал’.

3.2.4. *Конструкции с союзом yèlǝ̀*. Союз *yèlǝ̀* требует употребления одной из двух сопряжённых конструкций — нейтральновидовой (10) или имперфективной (11) — в зависимости от характера протекания ситуации, описываемой в главной части. Сравните выражение в главной части мгновенной ситуации (неполная одновременность₁) (10) и длительной ситуации (полная одновременность) (11) в прошлом:

(10) **Fátú** á kù **giáá** zǝ̀-ká à
 Фату 3SG.JNT быть.PST\JNT маниока тольч-INF TOP
yèlǝ̀ àlǝ̀ yǝ̀yóó bǝ̀ gbǝ̀ lǝ̀ á
 то 3PL.NSBJ сосед POSS собака ребёнок 3SG.JNT
bǝ̀ gǝ̀ǝ̀ lǝ̀ bǝ̀ǝ̀ ká.
 входить\JNT двор в бег с

‘Когда Фату толкла маниоку, во двор вбежала соседская собака’.

- (11) *Kòrá á kùr yè kl-ká búú l̘*
 Копа 3SG.JNT быть.PST\JNT работа делать-INF поле в
á, yèl̘èè bós á yá kpà-ká gúúú l̘
 TOP то>3SG.NSBJ жена 3SG.JNT еда готовить-INF двор в
 ‘Когда Копа работал в поле, его жена готовила дома еду’.

Что касается распределения коррелятивных союзов, то можно отметить, что союз *yèl̘èè* склонен употребляться при описании событий, относящихся к прошлому. Что же касается двух других союзов, каких-либо более или менее отчётливых корреляций пока что найти не удаётся.

Продемонстрируем особенности употребления различных конструкций при союзах *tó*, *k̘*, *yèl̘èè* при помощи следующих двух примеров. В примерах (12а–в) и (13а–в) представлены сходные сложноподчинённые предложения, в зависимой и главной клаузах которых описываются длительные ситуации в прошлом, а таксисные отношения могут быть охарактеризованы как полная одновременность. В зависимой клаузе употребляется сопряжённая имперфектная конструкция, тогда как главная клауза получает различное оформление в зависимости от наличия в ней того или иного коррелятивного союза. Если союз отсутствует, тогда клауза содержит независимую имперфектную конструкцию (12а), если она вводится союзом *tó*, тогда она описывается перфектной конструкцией (12б, 13а), при наличии союза *k̘* — независимой имперфективной конструкцией (12в, 13б), а при наличии союза *yèl̘èè* — сопряжённой имперфективной конструкцией (13в):

- (12а) *Fàtú á kùr sò zú-ká à*
 Фату 3SG.JNT быть.PST\JNT одежда мыть-INF TOP
à lú yè kùr
 3SG.NSBJ дочь 3SG.EXI быть.PST\NTR

tà-bò-ká.

поверхность-осуществлять-INF

- (12б) *Fàtú á kùr sò zú-ká tó*
 Фату 3SG.JNT быть.PST\JNT одежда мыть-INF то
à lú àà tà-bò.
 TOP дочь 3SG.PRF>3SG.NSBJ поверхность-осуществлять

- (12в) *Fàtú á kùr sò zú-ká à*
 Фату 3SG.JNT быть.PST\JNT одежда мыть-INF TOP

kɔ̃   *lú*   *yè*   *à*
 to>3SG.NSBJ   дочь   3SG.EXI   3SG.NSBJ

tà-bò-ká.

поверхность-осуществлять-INF

‘Когда Фату стирала одежду, её дочка ей помогала’.

(13a) *Fätú*   *á*   *kù*   *sò*   *zú-ká*   *yáálé*
 Фату   3SG.JNT   быть.PST\JNT   одежда   мыть-INF   вчера

à   *tó*   *à*   *lú*   *à*   *giàá*   *zò.*
 TOP   то   3SG.NSBJ   дочь   3SG.PRF   маниока   толочь

(13б) *Fätú*   *á*   *kù*   *sò*   *zú-ká*   *yáálé*
 Фату   3SG.JNT   быть.PST\JNT   одежда   мыть-INF   вчера

à   *kèè*   *lú*   *yè*   *giàá*   *zò-ká.*
 TOP   to>3SG.NSBJ   дочь   3SG.EXI   маниока   толочь-INF

(13в) *Fätú*   *á*   *kù*   *sò*   *zú-ká*   *yáálé*
 Фату   3SG.JNT   быть.PST\JNT   одежда   мыть-INF   вчера

àà   *yèlè*   *à*   *lú*   *á*   *giàá*   *zò-ká.*
 TOP   то   3SG.NSBJ   дочь   3SG.JNT   маниока   толочь-INF

‘Пока Фату стирала одежду, её дочь толкла маниоку’.

Имперфективная конструкция при союзах *kɔ̃* и *yèlè* употребляется анафорически (см. (12в) и (13б–в)), т.е. интерпретируется не относительно момента речи, как это происходит при её независимом употреблении, а относительно временного дейктического центра, совпадающего с точкой отсчёта, заданной в первой — зависимой — части конструкции [Никитина 2009]. Союз *kɔ̃* может маркировать также относительную временную интерпретацию перфектной конструкции, что встречается в сложноподчинённых предложениях данного типа не часто. В таком случае мы имеем дело с конструкцией следования:

(14) *Sìgí*   *á*   *wò*   *yáá*   *kóó*
 Сиги   3SG.JNT   выходить\JNT   наружу   дом.внутренность

lɔ̃   *á*   *kɔ̃*   *yèè*   *à*   *wò.*
 в   TOP   то   солнце   3SG.PRF   выходить

‘Когда Сиги вышел из дома, солнце уже встало’.

Следует сказать о том, что противопоставление между контактным и дистантным предшествованием отсутствует, однако характер следова-

ния может быть конкретизирован при помощи лексических средств: ср. контактное предшествование (15) и дистантное предшествование (16):

- (15) *Fätú áà gǝ gà wǝ*
 Фату 3SG.JNT>3SG.NSBJ муж смерть дело\REF
bà á yéé tó bǝr yè gbó-bò.
 слышать TOP 3SG.PROSP оставаться там 3SG.OPT плач-посылать
 ‘Как только Фату услышит о смерти мужа, она тут же заплачет’.

- (16) *Ó lǝ Bǝá lǝ yǝǝ dò á*
 2SG.JNT приходить\JNT Ман в день один 3SG.JNT
gǝ à tó kó ló
 проходить\JNT TOP то 1INCL.MIN.PRF идти
yùáá-kǝ dlǝ lǝ ká pǝ lǝ.
 приветствие-делать отец PL с деревня в
 ‘Через день после того как ты приедешь в Ман, мы поедем в деревню приветствовать родителей’.

3.3. Конструкция с союзом *sǝbǝá* ‘когда; прежде чем’

Оптативная конструкция совместно со специализированным таксисным союзом *sǝbǝá* ‘когда; прежде чем’ передаёт значения следования и неполной одновременности₂, являющиеся соседними на шкале таксисных значений. Зависимая часть находится в препозиции к главной части и факультативно оформляется показателем топики *á/é/áá/éé*. Главная часть вводится коррелятивный союзом *kǝ* ‘то’, который требует анафорического употребления перфектной и имперфективной конструкций, выбираемых в зависимости от характера таксисного значения — следование (17, 18) или неполная одновременность₂ (20). В наших материалах при выражении предшествования ситуация может относиться как к плану будущего (17), так и к плану прошлого (18), а также иметь хабитуальный характер (19). При выражении одновременности ситуация относится к плану будущего (20).

- (17) *Sǝbǝá í ló pǝ lǝ á kǝ bǝ*
 когда 1SG.OPT идти деревня в TOP то 1SG.PRF
séélé kǝ í dlǝ bǝ.
 бумага делать 1SG.NSBJ отец на
 ‘Прежде чем поехать в деревню, я напишу письмо отцу’.

(18) *Sáǎ̀bàà* *íj* *yòò* *gááí* *gú* *l̘*
 когда 1SG.OPT приезжать вокзал внутренность в

k̘ *ǒǒbí* *à* *l̘*
 то автомобиль 3SG.PRF идти

‘Машина уехала, прежде чем я приехал на вокзал’.

(19) *Sáǎ̀bàà* *Fátú* *yè* *wò* *yáá*
 когда Фату 3SG.OPT выходить наружу

kóó *l̘* *á* *kè* *yà* *kùláj̃* *l̘úú*
 дом.внутренность в TOP то 3SG.PRF электричество гасить

‘Прежде чем выйти из дома, Фату гасит свет’.

(20) *Sáǎ̀bàà* *í* *l̘* *gúúj̃* *l̘* *k̘* *ǒè*
 когда 2SG.OPT приходить двор в то человек

gb̘ *wò* *p̘* *ǒǒ-ká*
 весь 3PL.EXI вещь есть-INF

‘Когда ты придёшь домой, все будут есть’.

4. Выражение таксиса при помощи специализированных видо-временных конструкций

Специализированные средства используются в кла-дан для выражения таксисного значения следования.

4.1. Конструкции следования с глаголом *p̘* ‘говорить’

Конструкция с глаголом *p̘* ‘говорить’ употребляется в препозитивной зависимой клаузе и передаёт таксисное значение следования. Эта конструкция, в свою очередь, является полипредикативной и строится по следующей схеме: (S —)Aux{JNT} — *à* *p̘* — [Aux{PROSP} — (DO) — V]. Конструкция будущего времени-2 вложена в нейтральновидовую сопряжённую конструкцию с глаголом *p̘* и является сентенциальным актантом, к которому отсылает эксплетивное несубъектное местоимение 3 ед., занимающее при глаголе *p̘* позицию прямого дополнения. Буквально эта конструкция может быть переведена как ‘говоря, что сделает что-л.’. На синхронном уровне СПП сопряжённой серии в данной конструкции составляют с несубъектным местоимением 3 ед. единую неразложимую форму, поэтому можно говорить о них как о СПП отдельной консекутивной серии. На происхождение этой серии СПП указывают конструкции следования с глаголом *p̘* в сопряжённой

ретроспективной и в сопряжённой имперфективной конструкциях:
 (S —)Aux{JNT} — *kà à p̣̀* — [Aux{PROSP} — (DO) — V],

(S —)Aux{JNT} — *kũ̀ à p̣̀-ká* — [Aux{PROSP} — (DO) — V],

где несубъектное местоимение 3 ед. оказывается отделено от СПП сопряжённой серии показателем ретроспективного сдвига *kà* и глаголом *kũ̀* ‘быть.PST’ соответственно. Зависимая часть, как правило, оформляется показателем топика *à/ê/â/êê*. В наших материалах нейтрально-видовая конструкция следования описывает, как правило, хабитуальную ситуацию (21) или ситуацию, относящуюся к плану будущего (22), ретроспективная конструкция описывает ситуацию в прошлом (23), а имперфективная — хабитуальную ситуацию в прошлом (24). Поскольку конструкция является бессоюзной (впрочем, иногда в главной части встречается союз *yè/ê*), в главной части используются независимые конструкции, в которых имеется указание на временную локализацию относительно момента речи и характер протекания ситуации. Приведём примеры:

(21) *Íj̣̀j̣̀ p̣̀ ḅ̀á ló yì-zḷ̀*
 1SG.CONС говорить 1SG.PROSP идти сон-бить.SUP

à, j̣̀ ṣ̀ḷ̀-ò-ká.
 TOP 1SG.EXI сон-бить-INF
 ‘Прежде чем пойти спать, я молюсь’.

(22) *Kòò p̣̀ kòò ló*
 1INCL.MIN.CONС говорить 1INCL.MIN.PROSP идти

ḷ̀ó kụ́̀x̣̀ ḷ̀ á kòò p̣̀ fḷ̀x̣̀ ḷ̀j̣̀
 рынок в TOP 1INCL.MIN.PROSP вещь посуда PL
gũ̀-zũ̀.

внутренность-мыть
 ‘Прежде чем пойти на рынок, мы с тобой помоём посуду’.

(23) *Wó kàà p̣̀ wòò*
 3PL.JNT RETR>3SG.NSBJ говорить\JNT 3PL.PROSP

giè j̣̀ tà à ò kà
 проходить 1SG.NSBJ на TOP 3PL.EXI RETR

yùàá-ḳ̀ j̣̀ ká.
 приветствие-делать\NTR 1SG.NSBJ с

‘Прежде чем пройти мимо меня, они меня поприветствовали’.

- (24) *Fàtú á kùù kùù pɔ̀-ká*
 Фату 3SG.JNT быть.JNT>3SG.NSBJ говорить-INF
yèé ló yì-zl̀l̀ à yè kùù
 3SG.PROSP идти сон-бить.SUP TOP 3SG.EXI быть.PST\NTR
kúéé k-tà-ká làkléé ká.
 дверь рот-закрывать-INF ключ с
 ‘Прежде чем пойти спать, Фату закрывала дверь на ключ’.

4.2. Конструкция следования с показателем *-l̀*

Данная конструкция передаёт значения прерывающего (25, 27, 29) и контактного (26, 28, 30) следования. В отличие от конструкций с глаголом *pɔ̀* ‘говорить’ и конструкции с союзом *sáà* ‘когда; прежде чем’, она используется во второй клаузе сложного предложения. В данном подразделе речь пойдёт как о сложноподчинённых (26), так и сложносочинённых (25, 27-30) предложениях, т. е. первая клауза может быть как независимой, так и зависимой. Во втором случае в ней употребляется нейтральновидовая сопряжённая конструкция и она оформляется показателем топики *à/è/à/è*.

Вторая клауза вводится одним из трёх коррелятивных союзов *tó*, *kɔ̀*, *yèl̀*; соответственно, конструкция следования имеет следующий вид:

- yèl̀* — (S —) Aux {JNT} — *kùù-l̀* — V {SUP};
kɔ̀ — (S —) Aux {OPT} — *kùù-l̀* — V {SUP};
tó — (S —) Aux {PRF} — *kùù-l̀* — V {SUP}.

При союзах *tó* и *kɔ̀* встречаются также отрицательные конструкции с показателем *l̀*:

- kɔ̀* — (S —) Aux {NEG.IPFV} — *kùù-l̀* — V {SUP}
tó — (S —) Aux {NEG.IPFV} — *kùù-l̀* — V {SUP}

Просматривается корреляция между выбором коррелятивного союза и временем протекания ситуации: союз *yèl̀* употребляется при описании событий в прошлом (25, 26), союз *kɔ̀* — при описании событий в будущем (27, 28), а союз *tó* — при описании хабитуальных событий в настоящем (30) и прошлом (29):

- (25) *Yè kùù bèj̄-sú-ká yèl̀ á*
 3SG.EXI быть.PST\NTR бег-брать-INF то 3SG.JNT

kùù-l̀ pɔ̀
 быть.PST-FUT падать.SUP
 ‘Он бежал, пока не упал’.

- (26) *Kòráà á sǎǎ-bò á*
 Копа 3SG.JNT молитва-осуществлять JNT TOP
yèlǎǎ kùr-lǎ lóò yì-zǎǎ.
 то.3SG.JNT быть.PST-FUT идти.SUP сон-бить.SUP
 ‘Копа помолился, прежде чем пойти спать’.
- (27) *Bàá tó báálá-kǎ sùr ká kǎ*
 1SG.PROSP оставаться работа-делать NMLZ с то
bí yè kùr-lǎ ɓɓɓ.
 ночь 3SG.OPT быть.PST-FUT наступать.SUP
 ‘Я буду работать, пока не наступит ночь’.
- (28) *Bàá sèèlé kǎ ñ dǎ ɓà kǎ*
 1SG.PROSP бумага делать 1SG.NSBJ отец на то
ɓáá kùr-lǎ lóò pɔ́ lɔ́.
 1SG.NEG.IPFV быть.PST-FUT идти.SUP деревня в
 ‘Прежде чем поехать в деревню, я напишу письмо отцу’.
- (29) *Sìgí yè kùr bèñ-sú-ká gǐèè*
 Сиги 3SG.EXI быть.PST\NTR бег-брат-INF маска
lé tó gǐèè áá kùr-lǎ kùrùr.
 перед то маска 3SG.NEG.IPFV быть.PST-FUT хватать.SUP
 ‘Сиги бежал, пока его не догоняла маска’.
- (30) *Fàtú yè sé lúú-ká tó yá*
 Фату 3SG.EXI огонь гасить-INF то 3SG.PRF
kùr-lǎ wò yáà kóó lɔ́.
 быть.PST-FUT выходить.SUP наружу дом.внутренность в
 ‘Прежде чем выйти из дома, Фату гасит свет’.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о происхождении показателя *-lǎ*. В диалекте санта этот показатель фигурирует также в конструкции будущего времени-1, которая строится по схеме (S —) Aux {EXI} — (DO) — V-*lǎ*:

- (31) *Kíáà yè kǎ-lǎ ɔ́ pɛ́.*
 правда 3SG.EXI становится-FUT 2SG.NSBJ в
 ‘Ты будешь прав’.

Конструкция с показателем *-lǎ* восходит, по-видимому, к конструкции с нефинитной формой глагола, а показатель *lǎ* к пра-

южномандейскому слову *dā ‘место’ [Выдрин 2012: 617]. В близкородственном идиоме дан-бло конструкция с показателем *nā* выражает значение прогрессива, маркируя при этом преимущественно начальную фазу процесса (в особенности при стативных глаголах, чья семантика плохо сочетается с семантикой прогрессива) [Эрман 2012]. Кроме того, с глаголами движения *nī* ‘приходить’ и *dō* ‘идти, уходить’ конструкция с показателем *nā* может выражать интенциональное значение (при наличии соответствующих темпоральных обстоятельств или контекста) [Эрман 2012]. В [Выдрин 2012] отмечается также наличие у этой конструкции значения прогрессива в будущем. Наличие вторичных футуральных значений у прогрессивной конструкции в дан-бло говорит в пользу возможности развития семантики соответствующей конструкции в кла-дан в направлении плана будущего времени. В [Выдрин 2012] предполагается, что данная конструкция в кла-дан была вытеснена из зоны прогрессива новообразованной имперфективной конструкцией с инфинитивом на *-ká*.

В дан-гуэта, по-видимому, рефлексом этой конструкции является конструкция зависимого прогрессива JNT — (O) — V-*dāā/-ī* [Выдрин 2012: 574]. Этот же показатель используется, как и в кла-дан, в таксисных конструкциях следования: а) OPT *gū* — (O) — V_{INF}-*dāā /-ī*; б) OPT *gū-dāā* — (O) — V_{INF} [Выдрин 2012: 575].

Сомнения в едином происхождении показателя будущего времени и показателя следования в кла-дан вызывает, однако, их формальное несовпадение в диалекте зузуплэ, где, с одной стороны, в конструкции будущего времени-1 лексический тон глагола меняется на ультранизкий (32) (ср. с примером (31) из диалекта санта), а с другой стороны, показатель относительного следования имеет вид *lāā* (33):

(32) *Trēŋ yè lō-lā bīdīī ká*
 поезд 3SG.EXI отправляться\NTR-FUT полдень с
 ‘(По расписанию) поезд отправится в полдень’.

(33) *Bō yáákī-yā kŋŋ kù-lāā*
 2SG.IMP мысль-сажать чтобы.2SG.OPT быть.PST-SUBS

liàŋ-zà

речь-бить.SUP

‘Думай, прежде чем говорить’.

5. Заключение

Основным средством выражения таксисных отношений в кла-дан является сложноподчинённое предложение, в зависимой и главной частях которого используются различные неспециализированные видо-временные конструкции. При этом полисемичность сопряжённых конструкций, используемых в зависимой клаузе, а также употребление различных коррелятивных союзов, накладывающих значительные ограничения на употребление тех или иных конструкций в главной клаузе, влечёт за собой порой довольно размытую интерпретацию временной отнесённости ситуаций, описываемых в зависимой и главной частях, и таксисных отношений между ними.

Специализированные средства используются в кла-дан для выражения таксисного значения следования. Во-первых, имеется специализированный таксисный союз *sábbā* ‘когда; прежде чем’, выражающий совместно с опативной конструкцией значения следования и неполной одновременности₂. Во-вторых, имеются специализированные конструкции следования с глаголом *pʒ* ‘говорить’ и показателем будущего времени *-lā*.

Список сокращений

- AUX — спрягаемый предикативный показатель (СПП)
CNTR — контрастивная серия местоимений
CONS — консекутивная серия СПП
DO — прямое дополнение
EXI — экзистенциальная серия СПП
FUT — будущее время
IMP — императивная серия СПП
INCL.MIN — минимальный инклюзив
INF — суффикс инфинитива
JNT — сопряжённая серия СПП; мена лексического тонального контура глагола в сопряжённых конструкциях
NEG.IPFV — имперфективно-отрицательная серия СПП
NMLZ — показатель фразовой номинализации
NSBJ — несубъектная серия местоимений
NTR — мена лексического тонального контура глагола в нейтрально-видовой конструкции
OPT — опативная серия СПП
PL — множественное число, показатель множественного числа

- POSS — посессивная серия местоимений
PRF — перфектная серия СПП
PROSP — проспективная серия СПП
PST — план прошлого
REF — замена лексического тона существительного ультра-низким, показатель референциального сдвига
RETR — показатель ретроспективного сдвига
S — подлежащее
SG — единственное число
SUBS — показатель относительного следования
SUP — супин
TOP — показатель топики
V — глагольное сказуемое

Литература

- Выдрин 2012 — В. Ф. Выдрин. Аспектуальные системы южных манде в диахронической перспективе // Н. Н. Казанский (ред.). *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН*. Т. 8, Ч. 2. СПб.: Наука, 2012. С. 566–647.
- Никитина 2009 — Т. В. Никитина. Таксис в языке уан // *Типология таксисных конструкций*. М., 2009. С. 731–749.
- Храковский 2009 — В. С. Храковский. Таксис: семантика, синтаксис, типология // *Типология таксисных конструкций*. М.: Знак, 2009. С. 11–113.
- Эрман 2012 — А. В. Эрман. Прогрессив в дан-бло // Н. Н. Казанский (ред.). *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН*. Т. 8, Ч. 2. СПб.: Наука, 2012. С. 648–661.
- Givón 1990 — T. Givón. *Syntax. A functional-typological introduction*. Vol. 2. Amsterdam: Benjamins, 1990.

Т. В. Никитина

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ-МЕРОНИМОВ В ЯЗЫКЕ УАН

1. Введение

В своей статье «Body parts and their metaphoric meanings in Mwan and other South Mande languages», Елена Всеволодовна описывает, на примере языка муан, любопытную особенность западноафриканских языков: во многих из них названия частей тела употребляются гораздо шире, чем в европейских языках, и могут в равной степени отсылать к частям растений и частям неодушевленных объектов. Елена Всеволодовна описывает эту особенность как предрасположенность носителей таких языков к «антропоморфному» описанию окружающей действительности:

Европейским языкам не свойственно представлять объекты как обладающие человеческим телом. Однако в языках Западной Африки такое встречается часто. Выражения такого рода основаны на метафорической концептуализации животных, растений и неодушевленных предметов как обладателей той же физической структуры, что и человек. При этом они не персонифицируются, как в европейских языках. В то время как европейцам свойственно приписывать человеческие мысли, чувства и переживания предметам и абстрактным сущностям, африканцы представляют все [окружающее] как обладающее человеческим телом. [Perekhval'skaya ms.: 2; перевод мой — Т. Н.]¹

В этой статье на материале языка уан (родственника и ближайшего соседа языка муан) рассматривается проблема, имеющая, как мне кажется, прямое отношение к вопросу о причинах широкого употребления названий частей тела в языках манде, а именно — неожиданно высокая, с европейской точки зрения, частотность употреблений в языках манде *меронимов*, т.е. существительных, обозначающих части предметов. В

---

¹ «It is not characteristic of European languages to present objects as having human bodies. However, it is a common thing in the languages of West Africa. Expressions of this type represent basic metaphoric concept of animals, plants and inanimate objects as having the same physical structure as humans. At the same time they are not personified, as in European languages. While Europeans tend to ascribe human thoughts, feelings and emotions to objects and abstract notions, Africans view everything as having the human body».

текстах на языке уан существительные-меронимы встречаются в контекстах, не предполагающих упоминание частей объекта в русском или английском языках. Общие характеристики таких существительных и их связь с названиями частей тела описываются в разделе 2. В разделе 3 обсуждаются основные типы контекстов, в которых в языке уан употребляются существительные-меронимы. В разделе 4 высказывается гипотеза о возможной природе различий в употреблении существительных-меронимов в языках манде и европейских языках. Раздел 5 содержит, в очень кратком виде, некоторые дополнительные соображения.

2. Два типа меронимов: локативные существительные и существительные, отсылающие к форме части объекта или ее функции

Как и во многих других языках манде, меронимы языка уан можно разделить на два типа:

(i) локативные существительные, обозначающие поверхности и части предметов в соответствии с их расположением в пространстве относительно остальных частей;

(ii) существительные, происходящие в основном от названий частей тела (реже — от названий частей растений) и обозначающие части предметов в соответствии с их формой или (реже) функцией.

Примеры (1a-e) иллюстрируют употребление локативных существительных (все приведенные ниже выражения выступают в языке уан в качестве именных групп, т. е. употребляются в типично именных синтаксических позициях; о синтаксических различиях между послелогом и существительными, см. [Nikitina 2009a]).

(1) Локативные существительные:

(1a)	<i>ḡ mī gblǎŋ</i>	рука + внешняя поверхность + кольцо	‘браслет’
(1б)	<i>cé mī pḡ</i>	нога + внешняя поверхность + предмет	‘ножной браслет’
(1в)	<i>péŋ gó pḡ</i>	ухо + внутренняя часть + предмет	‘серьга’
(1г)	<i>wlǎŋwā lē krō</i>	рубашка + край + пуговица	‘пуговица рубашки’
(1д)	<i>lé tā pḡ</i>	глаз + верхняя поверхность + предмет	‘очки’
(1е)	<i>ḡní trǎgá ḡní</i>	палец + середина + палец	‘средний палец’

Именные группы, приведенные выше, представляют собой более или менее устоявшиеся выражения, описывающие определенный тип предмета, и употребление в их составе локативного существительного можно считать результатом процесса лексикализации. Однако те же локативные существительные встречаются повсеместно за пределами лекси-

кализированных выражений; некоторые примеры несомненно спонтанного употребления будут рассмотрены ниже.

Примеры (2)–(3) содержат меронимы, происходящие от обозначений частей тела (2) или частей растений (3). В этих примерах перенос значения с частей тела на часть неодушевленного предмета происходит на основании сходства по форме (вход в здание является отверстием и напоминает рот человека; кисть руки напоминает лист дерева и т. п.).

(2) Существительные, описывающие части объекта, обладающие определенной формой, и происходящие от названий частей тела человека:

(2а)	<i>kú lāgá</i>	дом + рот	‘вход в здание’
(2б)	<i>wlāŋwā lāgá</i>	рубашка + рот	‘ворот рубашки’
(2в)	<i>wlāŋwā ōlí</i>	рубашка + шея	‘воротник рубашки’
(2г)	<i>wlāŋwā ɔ</i>	рубашка + рука	‘рукав рубашки’
(2д)	<i>gbɔ̄ sà</i>	горшок + зад	‘основание горшка’
(2е)	<i>cé lóŋ</i>	нога + глаз	‘надколенная кость’
(2ж)	<i>kú káò</i>	здание + живот	‘комната’

(3) Существительные, описывающие части объекта, обладающие определенной формой, и происходящие от названий частей растений:

(3а)	<i>ɔ lāŋ</i>	рука + лист	‘кисть руки’
(3б)	<i>cé lāŋ</i>	нога + лист	‘стопа’
(3в)	<i>ɔ yrē</i>	рука + ствол	‘часть руки от запястья до плеча’
(3г)	<i>tɔ-bálè gbē</i>	река + ветка	‘приток реки’

При этом, в отличие от локативных существительных, существительные, описывающие части определенной формы (а также части с определенной функцией, о которых речь пойдет ниже), могут описывать одновременно несколько различных частей одного и того же предмета: у дома может быть несколько входов («ртов»), и, как правило, жилища состоят из нескольких комнат («животов»). В то же время у предмета не может быть более одной верхней или внешней поверхности, т. е. употребление локативных существительных предполагает единственность описываемых частей (хотя, как мы увидим ниже, при изменении ориентации предмета в пространстве обозначения некоторых его частей могут меняться).

В примерах (4)–(5) части предмета описываются на основании их главной функции: хотя колеса отличаются по форме от ног человека, и те и другие служат для передвижения в пространстве (4). В примерах (5а–д) описываются разного рода оболочки, способные защитить со-

держимое от внешнего воздействия. Это редкий случай меронима, описывающего часть объекта на основании его функциональности, однако не происходящего от названия части тела человека: сам по себе человек не окружен — согласно языковой картине мира уан — единой защитной оболочкой, хотя отдельные его органы такой оболочкой обладают (ср. пример (7а)).

(4) *nàà sógò cǝ é kpāgā*
 1SG.ALN велосипед нога DEF застревать
 ‘У моего велосипеда застряло колесо’.

- (5а) *yré klōŋ* дерево + оболочка ‘кора дерева’
 (5б) *dɛŋnɛlí klōŋ* улитка + оболочка ‘панцирь улитки’
 (5в) *kpɔ́ klōŋ* рыба + оболочка ‘рыбья чешуя’
 (5г) *ɓìlè klōŋ* змея + оболочка ‘змеиная кожа’
 (5д) *ɓlāŋ klōŋ* банан + оболочка ‘банановая кожура’

Важно отметить, что отнюдь не все обозначения частей тела могут употребляться в языке уан для обозначения частей неодушевленных предметов. Прежде всего такое употребление свойственно частям, положение которых на теле человека соответствует наиболее востребованным значениям пространственных послелогов (‘вверху’ = голова, ‘внизу’ = ноги и зад, ‘позади’ = спина, ‘впереди’ = лицо, ‘внутри’ = живот; подробнее о системе локативных существительных языка уан и происходящих от них послелогов ср. [Nikitina 2008, 2009b]). Эту корреляцию можно объяснить тем, что грамматикализации существительных в пространственные послелогов подвержены в первую очередь названия наиболее концептуально выделенных частей тела, и эти же названия оказываются вовлеченными в процессы синхронного метафорического переноса.

Примеры (6а–б) иллюстрирует основное отличие меронимов, образованных от названий частей тела, от локативных существительных (уже упоминавшееся выше). Локативные существительные отсылают к частям предмета в соответствии с их положением относительно других частей, и, как следствие, одно и то же существительное может отсылать к разным частям одного и того же предмета, в зависимости от того, каким образом этот предмет расположен. Так, в примере (6а) описывается ситуация, в которой в качестве верхней поверхности дерева выступает часть, обычно расположенная у дерева сбоку. При употреблении существительных, описывающих части предметов в соответствии с их формой или функцией, напротив, ориентация предмета в пространстве не

учитывается: так, изменение расположения предмета в примере (6б) никак не влияет на интерпретацию такого существительного-меронима.

(6а) *uté é tā ligī*
 дерево DEF верхняя.поверхность сгорела
 ‘Верхняя поверхность дерева сгорела’.
 (дерево лежит на боку; обгорела верхняя поверхность его горизонтально расположенного ствола)

(6б) *uté é pēŋ ligī*
 дерево DEF верхушка сгорела
 ‘Верхушка дерева сгорела’.
 (обгорела макушка дерева, независимо от того, вертикально или горизонтально расположено дерево)

3. Контексты употребления существительных-меронимов

Наиболее важной особенностью употребления существительных-меронимов в языке уан является их обязательность. Так, меронимы регулярно встречаются в случаях, когда в действие вовлечен не весь объект целиком, а лишь его часть, а также в случаях, когда описываемое состояние или свойство характеризуют только отдельную часть объекта. В европейских языках такие описания обычно не предполагают употребления специальных слов-меронимов, и привносимая ими информация воспринимается как «избыточная»: во многих случаях подразумеваемая часть объекта однозначно и без труда восстанавливается из контекста, в других же она не представляет интереса и не воспринимается как заслуживающая специального упоминания. Вследствие этого, меронимы языка уан часто встречаются там, где носитель европейского языка не предполагает их встретить, ср. примеры (7а-г) и их переводы на русский.

(7а) *lé yí á à lé klōŋ gó*
 глаз вода COP 3SG глаз оболочка в
 ‘В ее глазах слезы’. (Букв. «Слезы находятся в оболочке ее глаза».)

(7б) *blāŋ é tā bī tētē bé*
 озеро DEF верхняя.поверхность PAST спокойный и
à tā á blī lé
 3SG верхняя.поверхность COP блестеть PROG
 ‘Озеро было спокойным и блестело’ (букв. «верхняя поверхность озера была спокойная и его верхняя поверхность блестела»).

- (7в) *gbɔ̄ kē é mī gl̥gɔ̄ mǎ*
 горшок этот DEF внешняя.поверхность гладкий PRED
 ‘Этот горшок хорошо отполирован’ (букв. «внешняя поверхность
 этого горшка гладкая»).
- (7г) *é gǎ bē lā plētī mū é*
 IMPER идти и 2SG тарелка PL DEF
gò gò
 внутренняя.часть чистить
 ‘Иди мой тарелки’ (букв. «иди чисти внутреннюю поверхность
 тарелок»).
- (7д) *urē gó yí á pa*
 дерево внутренняя.часть вода COP падать(о дожде)
lé trɔ̄ mī
 PROG земля на
 ‘Вода капает с дерева’ (букв. «вода внутренней части дерева па-
 дает на землю»).
- (7е) *à ɔ̄ lāŋ lé klé drà*
 3SG рука кисть плоская.поверхность кожа холодный
mǎ
 PRED
 ‘У него холодные руки’ (букв. «кожа поверхности его кисти руки
 холодная»).

Во всех этих примерах описание на языке уан оказывается более точным, чем его русский или английский эквивалент: во всех описываемых ситуациях мы — носители русского языка — отсылаем к предмету в целом, в действительности подразумевая лишь отдельную его часть; предложения на языке уан показались бы нам «избыточными», хотя в действительности они более точны.

Список примеров можно продолжить описанием ситуаций, в которые оказываются вовлечены одушевленные участники: носители европейских языков описывают такие ситуации как имеющие отношение ко всему участнику в целом, даже если в действительности речь идет исключительно о его сугубо «физиологической» составляющей; носителям языка уан это свойственно в меньшей степени (ср. примеры (8а–б)).

- (8а) *à klé gó té bī*
 3SG кожа внутренняя.часть жар EXIST

‘У него жар’ (букв. «внутренняя часть его кожи горячая», т.е. его кожа нагревается изнутри.).

- (86) *à mī sē ɔ̃*
 3SG внешняя.поверхность повреждать NEG
 ‘Он не ранен’ (букв. «его внешняя поверхность невредима»).

Как описать различие в использовании существительных-меронимов в языке уан и европейских языках? В заключительных разделах этой статьи я попытаюсь предложить объяснение, в основе которого лежит представление о предикатно-аргументной семантической структуре. Мое предположение состоит в том, что в языке уан — а возможно, и в других языках манде — выражение предикатно-аргументных отношений более обязательно, чем в европейских языках. С этим связано то, что в языке уан обязательное выражение получают как различного рода аргументы (прямые дополнения, аргументы послелогов, «неотчуждаемые» посессоры), так и предикаты семантических отношений, в том числе предикаты отношений «часть-целое».

4. Общие особенности выражения предикатно-аргументных отношений в языке уан

Интересной особенностью языка уан — по-видимому, характерной и для некоторых других языков манде — является тенденция к эксплицитному выражению всех элементов предикатно-аргументной структуры. Так, подлежащее и прямое дополнение нередко выражаются именами с неопределенно-обобщенным значением, однако даже в этих случаях опускаться они, как правило, не могут.

- (9a) *à séngè klā tābālí é tā*
 3PL нож положили стол DEF на
 ‘Нож положили на стол’ {неважно, кто его положил}.

- (9б) *Dèlòtɔ́ á pɔ́ lɔ́ lé*
 Д. COP нечто есть PROG
 ‘Делото ест’ {неважно, что́ он ест}

В языке уан отсутствуют конструкции, которые позволяли бы опускать кореферентное подлежащее или прямое дополнение. Так, в примерах (10а–б) — в отличие от переводов тех же примеров на русский — все аргументы глаголов должны быть выражены (ср. также (7б)):

- (10a) è zō b'é è g'é
 3SG пришел и 3SG сказал
 'Он пришел и сказал...'
- (10б) è lā glā b'é è lā lō
 3SG 3SG взял и 3SG 3SG съел
 'Он взял его и съел'.

Столь же обязательным — или почти обязательным — является выражение аргументов послелогов и аргументов относительных имен, ср. примеры (11а–б).

- (11a) è yí-tē é dè kú wā
 3SG ночевал REFL отец дом под
 'Он ночевал в доме отца'.
- (11б) è lōŋā pō dō tā é ōlí mì
 3SG горло предмет один надела REFL шея на
 'Она надела на шею цепочку'.

Представляется, что обязательность выражения аргументов семантических отношений (аргументов глаголов и послелогов, а также аргументов отношений «отец — сын» и «часть тела — человек» в примерах 11а–б) соотносится в языке уан с обязательностью выражения предикатов этих отношений, и в том числе — с обязательностью выражения предикатов отношений «часть — целое». С семантической точки зрения, относительные существительные — в том числе существительные-меронимы — объединяет с глаголами и послелогоми то, что все они описывают разного рода отношения, связывающие между собой объекты реальности (последние выступают в роли аргументов предикатного отношения). В частности, существительными-меронимами описываются отношения, связывающие между собой целое и его части.

В языке уан все отношения такого рода получают максимально полное выражение: и предикату, и аргументу отношения, как правило, соответствует некая лексическая единица. Там, где носитель европейского языка позволяет себе опустить «за ненадобностью» предикат отношения «часть-целое» (точно так же, как он позволяет себе опускать аргументы других семантических отношений, включая аргументы предикатов родства и т. п.), носитель языка уан предпочтет употребить существительное-мероним. Возможно, именно этим различием и объясняется та непривычно высокая частотность употреблений существительных-меро-

нимов, с которой мы сталкиваемся в языке уан, а возможно, и в некоторых других языках манде.

5. Заключение

Число участников этого сборника столь велико, а объем, отведенный на каждую конкретную статью, столь невелик, что в рассуждениях о различных способах выражения предикатных отношений мне приходится ограничиться лишь очень краткими и поверхностными наблюдениями.

Важно отметить, что особо трепетное отношение к выражению отношений «часть — целое», возможно, играет определенную роль в процессе слияния существительных-меронимов с глаголом, то есть в образовании превербов и морфологически сложных глаголов, которыми столь богаты южные манде. Так как некоторые глаголы описывают ситуации, в которые вовлечены лишь отдельные части объектов, в силу своей семантики такие глаголы оказываются предрасположены к сочетанию с определенным типом существительного-меронима. При этом обязательность выражения семантического отношения «часть — целое» будет неизбежно способствовать в таком языке лексикализации подобных сочетаний («существительное-мероним + глагол»).

Кроме того, высокая степень обязательности выражения отношения «часть — целое», возможно, связана с высокой степенью абстрактности значений слов, обозначающих части тела. Именно эта высокая степень абстрактности позволяет названиям частей тела столь широко сочетаться с неодушевленными предметами: при стремлении к эксплицитному описанию отношений «часть — целое», перенос меронимических отношений с частей человека на части самых разнообразных неодушевленных предметов может оказываться особо востребованным.

Я надеюсь, что дальнейшее исследование языков манде, в сочетании с исследованиями по типологии выражения меронимических отношений, поможет нам лучше разобраться в том, какую роль играют в этих языках существительные-меронимы, и в частности — названия частей тела человека, использование которых — «экзотическое» с европейской точки зрения — описывает в своей статье Елена Всеволодовна.

Список сокращений

ALN	посессивное местоимение «неотчуждаемой» серии
СОР	глагол-связка

DEF	показатель определенности
EXIST	предикат существования
IMPER	императивное местоимение
NEG	показатель отрицания
PAST	форма прошедшего времени
PL	множественное число
PRED	предикативный показатель
PROG	прогрессив
REFL	возвратное местоимение
3SG	единственное число

Литература

- Nikitina 2008 — Т. Nikitina. Locative terms and spatial frames of reference in Wan // *Journal of African Languages and Linguistics* 29, 1, 2008. P. 29–47.
- Nikitina 2009a — Т. Nikitina. The syntax of postpositional phrases in Wan, an “SOVX” language // *Studies in Language* 33, 4, 2009. P. 910–933.
- Nikitina 2009b — Т. Nikitina. Subcategorization pattern and lexical meaning of motion verbs: A study of the Source/Goal ambiguity // *Linguistics*, 47, 5, 2009. P. 1113–41.
- Perekhvalskaya ms. — E. Perekhvalskaya. Body parts and their metaphoric meanings in Mwan and other South Mande languages. Доступно на сайте: http://mandelang.kunstkamera.ru/files/mandelang/perexval_metaph.pdf

Д. А. Паперно

О МОБИЛЬНОМ ТОНЕ В БЕН

1. Введение

Язык муан замечателен довольно сложной системой тональной комбинаторики, в которой морфемы характеризуются как лексическим тоном, так и моделью изменения тона в зависимости от тонального контекста: наряду с константной, имеются две подвижные модели. В языке бен тональное поведение морфем не столь разнообразно; и все же в бен обнаруживается аналог одной из подвижных моделей тонального поведения слов языка муан. Настоящая заметка представляет собой обсуждение подвижного тонального поведения ряда показателей в языке бен. Высказывается и развивается гипотеза о происхождении суффиксов подвижного тона в бен из существительных в посессивной синтагме, с попыткой структурной реконструкции.

2. Тональные модели в муан и бен

2.1. Муан

В языке муан тон каждой морфемы определяется довольно сложными правилами [Перехвальская, рук.; Perekhval'skaya 2004], учитывающими грамматическую форму, синтаксические связи, и в частности тон предшествующего элемента. В отношении последнего фактора лишь часть морфем следует так называемой константной модели и несут постоянный тон, не зависящий от контекста. Остальные несут мобильный тон, т. е. зависящий от тона предшествующего элемента согласно одной из двух моделей — контрастивной или координативной:

Таблица 1. Контрастивная модель

Тон предыдущего слова	Тон последующего слова
высокий	высокий
средний	лексический (средний или низкий)
низкий	высокий

Таблица 2. Координативная модель

Тон предыдущего слова	Тон последующего слова
высокий	высокий
средний	лексический (средний или низкий)
низкий	низкий

Нетривиальные, т.е. отличные от константной, модели изменения тона встречаются только в словах некоторых грамматических классов, включая относительные существительные, послелого и глаголы, образующие с предшествующим элементом (посессором, объектом послелога или глагольным актантом) определенное грамматическое единство. Пример слова с координативной подвижной моделью — *drwàné* ‘сын сестры’, меняющий тон начального слога в зависимости от тона посессора: *Gǝñē drwàné* ‘племянник Гонэ’, но *ǝ drwàné* ‘мой племянник’ [Перехвальская, рук.].

2.2. Бен

В языке бен не обнаруживается такого разнообразия тональных моделей, какое документировано в муан. Более того, ни одно слово бен не обнаруживает признаков мобильного тона: за вычетом случаев автоматических сандхи и грамматических чередований, тон каждого слова постоянен. И все же случаи тональной мобильности в бен зафиксированы, но не для полнозначных слов, а для аффиксов. Сравнительно полное описание соответствующего репертуара суффиксов см. в работе [Паперно 2011: 33-39].

Часть суффиксов принадлежат к константной модели:

- высокий тон: имя деятеля *-lí*, квазисуффиксы *-lá*, *-ló*;
- средний тон: перфект *-nǝ*, суффикс профессий *-dǝñ*, непродуктивный суффикс причастия *-lǝ*;
- низкий тон: статив *-lǝ*, деепричастие цели движения *-ya*, суффикс отрицательного перфекта *-sà*.

Морфем, подчиняющихся контрастивной модели муанского типа, в бен нет, но тональное поведение ряда суффиксов соответствует координативной модели. Таковы суффиксы номинализации *-lǝ*, имени места и времени *-ya*, имени средства *-pǝ* и атрибутивизатор *-na*. Эти аффиксы несут высокий тон после высокого или восходящего и низкий в остальных случаях. Приведу примеры на сочетание этих показателей с глагольными основами разного лексического тона.

Таблица 3. Тональное поведение некоторых суффиксов в бен

	имя действия	имя места	имя средства
<i>drē wō</i> ‘работать’	<i>drē wō-lè</i>	<i>drē wō-yà</i>	<i>drē wō-pò</i>
<i>wáli gbli</i> ‘дать денег’	<i>wáli gbli-lé</i>	<i>wáli gbli-yá</i>	<i>wáli gbli-pó</i>
<i>béē</i> ‘большой’	<i>béē-lè</i> ‘величина’		
<i>kéné</i> ‘здоровый’	<i>kéné-lé</i> ‘здоровье’		
<i>tònàṅ</i> ‘молодой человек’	<i>tònàṅ-lè</i> > <i>tònàṅè</i> ‘молодость’		
<i>sùà</i> ‘деньги’	<i>blū</i> ‘колдовство’	<i>gbě fē káá</i> ‘эта деревня’	
<i>sùà nà</i> ‘богач’	<i>blū nà</i> ‘колдун’	<i>gbě fē káá nà</i> ‘житель этой деревни’	

Если муан допускает слова мобильной тональной модели лишь в грамматических классах слов, связанных с предшествующим элементом тесной грамматической связью, то бен демонстрирует аналогичное ограничение в более жесткой форме, ограничиваясь аффиксами, связанными с предшествующим элементом связью морфологической.

3. К вопросу о происхождении координативной модели в бен

3.1. Посессивная синтагма как локус тональной мобильности

Хотя синхронно координативная тональная модель характерна в бен только для суффиксов, можно предположить, что исторически эти суффиксы восходят к именам. Действительно, все бенские суффиксы мобильного тона образуют имена: отглагольные существительные или же прилагательные на *-nà*, которые, впрочем, зачастую употребляются в позиции существительного. Следуя обычному допущению теории грамматикализации, именные суффиксы должны восходить к независимым именам.

Если это так, то мобильная тональная модель в бен могла исторически характеризовать имя-обладаемое в посессивной конструкции. Это один из типичных контекстов, где реализуются нетривиальные тональные явления, в том числе, например, неконстантные модели изменения тона в муан.

3.2. Именной статус первого элемента

Гипотеза о посессивной конструкции как источнике морфологических образований с тональной мобильностью аффикса подразумевает

именной статус первого элемента конструкции. В случае атрибутивизатора *-ng* это допущение не вызывает вопросов, так как он присоединяется к существительным (или же к целой именной группе, выступая в роли фразового аффикса). Другие суффиксы мобильного тона на первый взгляд кажутся проблематичными для нашего предположения, так как присоединяются обычно не к именным (или не только к именным), но к глагольным основам. Таким образом, приходится предположить далее, что глагольная основа в составе отглагольных имен по происхождению является отглагольным существительным, иначе говоря, формально немаркированной номинализацией.

К счастью, существование в прошлом немаркированной отглагольной номинализации имеет в случае бен независимые подтверждения, внешнее и внутреннее. Во-первых, немаркированная номинализация засвидетельствована в родственных языках, например, в составе относительных оборотов в дан-гуэта; в западных языках манде, таких как бамана, немаркированная номинализация (конверсия) распространена очень широко [Выдрин 2008]. Во-вторых, следы немаркированной номинализации можно усмотреть в футуральной конструкции при предположении типологически обоснованной эволюции «номинализация — прогрессив — футурум».

Будущее время в бен выражается сочетанием стативной серии субъектных местоимений с немаркированной глагольной основой, т. е. той самой формой глагола, которая присутствует и в интересующих нас отглагольных именах. Происхождение формы будущего времени из прогрессива типологически нормально; в случае же бен в пользу такой эволюции есть дополнительный аргумент. Дело в том, что футуральная конструкция в бен имеет значение будущего времени в независимых предложениях. В контексте же временного придаточного предложения она может передавать значение не будущего времени и не временной последовательности, а одновременности действия в придаточном и в главном предложениях. Эта функция, странная для граммы будущего времени и естественная для прогрессива, служит реликтом прогрессивного употребления современного футурума, вытесненного из большинства контекстов прогрессива новыми конструкциями.

Если футуральная конструкция в бен имела исходное значение прогрессива, то она должна была включать в себя отглагольное имя. Действительно, практически все формы прогрессива в языках мира происходят из перифрастических конструкций с отглагольным именем действия и внутренней формой вроде «быть в делании». Такова в том числе прогрессивная конструкция в современном бен, ср. бен *ŋó yā-lè-ló* ‘я иду’,

включающая в себя суффикс номинализации *-l̄ɛ* и послелог *l̄o* 'на', буквально 'я на ходьбе'.

Подведем итог настоящего раздела. Можно считать достаточно обоснованным существование на каком-то историческом этапе немаркированной номинализации глаголов в бен. Такая немаркированная номинализация и служила первым элементом тех синтагм, которые позже грамматикализировались как суффиксальные модели отглагольного словообразования.

3.3. Происхождение суффиксов мобильного тона в бен

Предыдущий раздел обосновывал первоначальный именной статус тех элементов, к которым присоединяются суффиксы мобильного тона в бен. Настал черед обсудить происхождение и самих этих суффиксов.

Если эти суффиксы действительно происходят от вторых элементов именных словосочетаний, то исходно они должны были быть существительными. В современном языке лишь один из этих суффиксов имеет несомненное соответствие среди существительных. Это суффикс *-pɔ*, соответствующий существительному *pɔ̄* 'вещь'. Таким образом, отглагольные существительные типа *dr̄ɛ̄ wɔ̄-pɔ̄* 'инструмент для работы', *klà̄j̄t̄r̄á-pɔ̄* 'совок' восходят к словосочетаниям со значениям 'вещь для работы', 'вещь для собирания мусора'.

Другие суффиксы отглагольных существительных не находят надежных соответствий среди современных имен, но совпадают с глагольными основами. Суффикс имени действия *-lɛ* можно сопоставить с глаголом *l̄ɛ* 'приходить, становиться, делать'. В предыдущем разделе приводились аргументы в пользу существования в праязыке формально немаркированных отглагольных имен. Основа *l̄ɛ* также должна была выступать в функции такого отглагольного имени со значением «бытие, делание, событие», которое в сочетании с прилагательными и глаголами дает фактически значение номинализации, напр. **gɛ̄j̄ lɛ* 'бытие красивым' > *gɛ̄nɛ̄* 'красота'.

Менее вероятно отождествление суффикса имени действия *-lɛ* с функционально аналогичным суффиксом *-l̄ɛ* в муан, так как для последнего в бен находится другой когнат, фонетически идентичный и функционально сходный непродуктивный суффикс причастия *-l̄ɛ*.

Суффикс имени времени и места действия *-ya* можно сопоставить с глагольной основой *yá* 'идти (пешком)'. Ниже я привожу параллели такой этимологии из европейских языков. Другая версия происхождения суффикса *-ya* предложена в работе [Выдрин 2012], которая выводит *-ya* из сочетания реконструируемого для пра-южных манде суффикса

номинализации $*-d\bar{t}$ и послелога $*b\bar{a}$ с фонетическим развитием $*-d\bar{t} b\bar{a}$ > $*-y\bar{t} b\bar{a}$ > $*-y\bar{e}\bar{a}$ > $-y\bar{a}$.

Современные функции суффикса $-ya$ объясняются метонимическим переносом. В сочетании с глагольной основой (O) $-ya$ дает имя со значением ‘место, где делается O’, ‘когда делается O’, ср. деривацию $bl\bar{t}$ ‘хоронить’ – $bl\bar{t}-y\bar{a}$ ‘кладбище.’ Одна из синтаксических функций таких имен – обстоятельство времени со значением одновременности двух действий, фактически в функции деепричастия. В свете предлагаемой этимологии суффикса $-ya$ такое употребление имен на $-ya$ находит точный типологический эквивалент в европейских языках, где существительные со значением движения могут участвовать в конструкциях со значением одновременности двух действий, ср. выражения типа нем. *im Laufe des Interviews*, итал. *nel corso del colloquio*, рус. *в ходе интервью* ~ ‘во время интервью’, где нем. *Laufe* < *laufen* ‘бежать’, ит. *corso* < лат. *cursus*, существительное, производное от глагола *curro* ‘бежать’, а русское *ход* производно от глагола *идти*.

Предложенная этимология показателя $-ya$ совместима также с особым значением, которое этот суффикс приобретает в сочетании с существительными, обозначающими социальные отношения: $d\bar{a}l\bar{e}j-y\bar{a}$ ‘в соответствии с отношениями родства’, $g\bar{u}e-y\bar{a}$ ‘по дружбе’. В отличие от сочетаний с глаголами, такие имена не предполагают событийной интерпретации, и метонимический перенос «действие — место и время действия» не был для них семантически естественен. Вместо метонимического был осуществлен метафорический семантический сдвиг: $d\bar{a}l\bar{e}j-y\bar{a}$ ‘идя по братьям’, ‘по ходу братьев’ > ‘в соответствии с отношениями родства’ (ср. $gb\bar{e} y\bar{a}$ ‘идти по деревне’). Несколько менее прозрачно употребление суффикса $-ya$ с прилагательными в значении локуса реализации признака, которое естественно связать со значением места действия, передаваемого этим суффиксом при глагольных основах ($bl\bar{e}j$ ‘много’ – $bl\bar{e}j-y\bar{a}$ ‘большинство’, букв. ‘там, где много’, $m\bar{a}-y\bar{a}$ ‘моя доля’, букв. ‘там, где мое’).

Другие возможные этимологии суффикса $-ya$ могут связывать его со словом $y\bar{r}\bar{a}$ ‘момент’, хотя семантика $-ya$ в сочетаниях с существительными остается в этом случае загадкой, или же с муанским $y\bar{r}\bar{e}$ ‘место’, что представляется более вероятным с семантической точки зрения; возможно соотнесение и с номинализирующими суффиксами $-ya$ (муан), $-wa$ (уан) [Perekhval'skaya 2011; Nikitina 2009].

Наименее ясно происхождение атрибутивизатора $-na$, производящего отыменные прилагательные. На основе формального совпадения в современном бен его можно предположительно соотнести с глаголом $n\bar{g}$

‘приклонить’ или же с существительным *nā* ‘жена’, хотя оба варианта представляются довольно сомнительными.

4. Заключение

В настоящей статье впервые проводится параллель между мобильными тональными моделями в муан и в бен. Я развиваю гипотезу о происхождении суффиксов мобильной тональной модели от существительных в посессивной синтагме — одного из основных контекстов, в которых проявляется тональная мобильность в муан. Я привожу аргументы в пользу существования в праязыке конверсии глаголов в существительные, которая привела к образованию суффиксов отглагольных существительных на основе посессивных синтагм. Наконец, для каждого тонально мобильного элемента в бен предлагается этимология на основе существительного (в некоторых случаях образованного от глагола конверсией).

Замечательно, что все вероятные этимологические источники суффиксов мобильного тона в бен имеют средний лексический тон. Это указывает, что замена лексического тона на контекстно обусловленный была в бен достаточно регулярным процессом, и, следовательно, контекстно-обусловленные тональные чередования в определенных синтаксических позициях образовывали в бен систему, подобную муанской. В дальнейшем все основы среднего лексического тона выровнялись по константной модели, а следы мобильной модели сохранились только в суффиксах — т. е. в тех употреблениях лексемы, которые оторвались от основного значения слова вследствие процесса грамматикализации.

Литература

- Выдрин 2008 — В. Ф. Выдрин. Стратегии релятивизации в языках манде (на примере дан-гуэта и бамана) // В. Ф. Выдрин (ред.). Африканский сборник-2007. СПб.: Наука, 2008. С. 320–330.
- Выдрин 2012 — В. Ф. Выдрин. Аспектуальные системы южных манде в диахронической перспективе // *Acta Linguistica Petropolitana*. Труды Института лингвистических исследований РАН / Отв. редактор Н. Н. Казанский. Т. VIII. Ч. 2. СПб.: Наука, 2012. С. 566–647.
- Паперно 2011 — Д. А. Паперно. Грамматический очерк языка бен // *Acta Linguistica Petropolitana*. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. VII. Ч. 2. СПб.: Наука, 2011. С. 14–117.
- Перехвальская рук. — Е. В. Перехвальская. Язык муан. Рукопись.
- Nikitina 2009 — T. Nikitina. The function and form of action nominalization in Wan // *Mandenkan* 45, 2009. P. 17–27.
- Perekhval'skaya 2004 — E. Perekhval'skaya. La morphologie verbale du mwan (Côte-d'Ivoire) // *Mandenkan* 39, 2004. P. 69–85.
- Perekhval'skaya 2011 — E. Perekhval'skaya. Nominalization in Mwan // *Mandenkan* 47, 2011. P. 57–75.

М. Л. Федотов

ФОКУС, ЗАГЛАГОЛЬНЫЕ ЗАВИСИМЫЕ И ЭНДОКЛИТИКИ В ГБАН¹

1. Введение

В языке гбан (< южные манде < манде < нигер-конго)² существует несколько грамматикализованных средств маркирования фокуса.

В статье будет дан обзор этих средств и описаны их основные свойства (раздел 2). Затем будет более подробно описан показатель, используемый для фокализации заглагольных (линейно следующих за глаголом) зависимых. Будут рассмотрены его энклитический (= *liwò*) и инфиксальный (<*li*>) варианты, их распределение и происхождение (раздел 3).

2. Фокус и средства фокализации в гбан

2.1. Определения.

Фокус предложения, вслед за Кнудом Ламбрехтом, мы будем понимать как «тот семантический компонент <...> [выражаемой в предложении] пропозиции, посредством которого ассерция отличается от [прагматической] пресуппозиции»³ [Lambrecht 1994: 213 и далее]. Соответствующий этому компоненту синтаксический домен, независимо от того, маркирован он какими-либо формальными средствами или нет, называется **доменом фокуса**.

Под фокализацией (focus marking по [Lambrecht 1994: 218]) мы будем понимать далее именно формальное маркирование каких-либо синтаксических составляющих в языке как являющихся частью домена фокуса.

Рассмотрим следующий пример из русского языка:

---

¹ Исследование выполнено в рамках гранта РГНФ, проект 13-34-01015 «Глагольные системы языков манде в контексте типологических и ареальных исследований». Автор хотел бы поблагодарить своего информанта, Таки Ойю Робера.

² В статье будет обсуждаться говор бовó.

³ При этом сознательно объединяются понятия «ремы» и «нового», разводимые, к примеру, в [Тестелец 2001: 441–457].

- (1) {— *Что случилось?*} — *Иванов Петрову РЪКУ сломал!* [Тестелец 2001: 448–449].

В приведённом примере фокусом является вся пропозиция — это случай так называемого тетического предложения, или предложения с «широким» фокусом. Синтаксическим доменом фокуса (здесь и далее в русских переводах он будет подчёркнут) в этом случае является всё предложение. При этом формально маркирована (= фокализована) лишь включённая в него составляющая *руку*, на которую падает фразовый акцент. Налицо, таким образом, необязательность совпадения домена фокуса и фокализованной составляющей. При этом аналогичное предложение может быть, конечно же, и ответом на вопрос *Что Иванов сломал Петрову?* — то есть обозначать «узкий» фокус, включающий только компонент '[это была] рука'.

Мы также прибегнем к понятию **контрастивного фокуса** — определим его здесь как такую разновидность фокуса, при которой осуществляется выбор единственно правильного варианта из контекстно заданного закрытого множества возможных вариантов, ср. следующий сконструированный пример:

- (2) {— *Кто там пришёл, Петя или Маша?*} — *ПЕ́ТЯ* пришёл.

Следует отметить, что при контрастивном фокусе находящийся в фокусе референт всегда является активированным («данным»), в отличие от неконтрастивного фокуса.

2.2. Средства фокализации в гбан

В гбан существует пять грамматикализованных средств маркирования фокуса: суффиксальные предикативные показатели *-lí* и *-lè*, постпозитивные частицы *=lí* и *=líwò ~ <lí>*, а также глагольная конструкция с частицей *=lí* и вспомогательным глаголом *wò*.

Ниже приведены примеры употребления всех пяти средств (комментарии к примерам даются в следующих подразделах):

- (3a) *Sòkù* Ø-*lí* *nù*
Соку 3SG-FOC_SBJ[PST] приходит[PFV.HOD]
'Это Соку пришёл'.
- (3b) *tòðké*, *ì-lè-ké* *à* *lé* *gò*
нет 1SG-FOC_SBJ_CN-NEG\PST его рот открывать[PFV.HOD]
'Нет, это не я его [окно] открыл'.

- (4) *Mǒbì é Sǒkù Ì yòwǎ*
 Монби 3SG\PST Соку FOC_OBJ видеть[PFV.HOD]
 ‘Монби видела (именно) СОКУ’.
- (5) *<...> è gǒ wúbě Ìwò / wú<Ì>bě*
 3SG[NPST] IPFV\оставаться Уме FOC_PV Уме<FOC_PV>
 {Твой брат собирается остаться жить здесь? — Нет, в следующем году} ‘он будет жить в УМЕ’.
- (6a) *Sǒkù é nù Ì wǒ*
 Соку 3SG\PST приходиться FOC_OBJ класть\PFV.PHNET
 ‘[Итак], Соку ПРИШЁЛ’.
- (6б) *y [ǎ zè] Ì wò*
 3SG\PST его говорить FOC_OBJ класть[PFV.HOD]
 ‘Он это [только] СКАЗАЛ [но не сделал]’.

2.2.1. *Субъектные фокализаторы — предикативные показатели -Í и -lè* (примеры (3а) и (3б)) употребляются при фокализации **подлежащего**.

Два показателя распределены по типам предложений: *-Í* <FOC_SBJ> используется в утвердительных безусловных предложениях (‘Это ПЕТЯ пришёл’), а *-lè* <FOC_SBJ_CN> в отрицательных и/или условных (‘Это ПЕТЯ не пришёл’⁴; ‘Если это ПЕТЯ не пришёл...’; ‘Если это ПЕТЯ пришёл...’).

Эти показатели фокуса в гбан можно считать наиболее грамматикализованными. Они входят в расположенный между подлежащим и прямым дополнением комплекс связанных морфем — «предикативных показателей», выражающих сентенциальные грамматические значения. Показатели *-Í* и *-lè* находятся во втором «слоте» этого комплекса, где они парадигматически противопоставлены друг другу и ещё двум показателям — презентативному показателю *-lè(è)* <PRSV> (ср. пример (7)) и нулевому «нейтральному» показателю $\emptyset$ <NEUTR>. Вместе показатели

⁴ Отметим интересную особенность взаимодействия показателей отрицания и показателя фокуса подлежащего *-lè* в гбан: примеры типа (3б) получают по две возможных интерпретации. В первой в сфере действия показателя отрицания находится тематический предикат (‘Это ПЕТЯ не пришёл’), а во второй — находящееся в фокусе подлежащее (‘Это не ПЕТЯ пришёл’).

этого слота образуют, по-видимому, единую грамматическую категорию «коммуникативного статуса подлежащего».

- (7) *Sòkù* Ø-*lèè* *kìà* *à* *í* *ké* *nè* *yè*
 Соку 3SG-PRSV[NPST] IPFV\искать его GEN мотыга этот здесь
 ‘**Вот** Соку (который) ищет свою мотыгу’.

2.2.2. *Прямообъектно-генитивный фокализатор, частица =lí* <FOC_OBJ>, употребляется при фокализации **прямого дополнения** (пример (4)) и при фокализации **неглагольных зависимых** (по крайней мере зависимых при послелогах и именах — примеры (8а) и (8б)).

- (8а) *í* *zì* [*Sòkù yè*] *lí* *yé*
 1SG\PST видеться[PFV.HOD] Соку мать FOC_OBJ с
 ‘Я виделся (именно) с матерью СОКУ [а не с другим человеком]’.

- (8б) *í* *zì* *Sòkù lí* *yè* *yé*
 1SG\PST видеться[PFV.HOD] Соку FOC_OBJ мать с
 ‘Я виделся с матерью (именно) СОКУ [а не с чьей-то другой матерью]’.

2.2.3. *Заглагольный фокализатор — частица =líwò* <FOC_PV>, имеющая инфиксальный вариант <*lí*> употребляется при фокализации всех остальных зависимых глагола (оба варианта частицы продемонстрированы в примере (5)). Поскольку зависимые глагола, не являющиеся подлежащим или прямым дополнением, линейно располагаются после глагольной словоформы, мы будем называть их **заглагольными** зависимыми.

2.2.4. *Глагольная фокализирующая конструкция «V = lí wò»* используется при фокализации **глагольного сказуемого** (примеры (6а) и (6б)). Она имеет следующую структуру: «смысловый глагол в немаркированной форме + частица =lí + вспомогательный глагол wò ‘класть, делать’»⁵. Смысловой глагол в ней является нефинитным — с синтаксической точки зрения он выступает (фокализованным) прямым дополнением при вспомогательном глаголе.

⁵ Был также отмечен вариант этой конструкции со стяжённым показателем *lo*, следующим сразу за смысловым глаголом: *è lé ká íb méj* <3SG[NPST] CTNV падать IPFV\FOC_OBJ:класть может_быть> ‘Он [дождь] всё ещё идёт, наверное’.

2.3. Выражение узкого vs. широкого фокуса и связанные явления

Все приводившиеся выше примеры являются примерами выражения **узкого** фокуса. А именно, при совпадении домена фокуса с какой-либо одной дочерней составляющей предложения (глагольным сказуемым или одним из его зависимых) эта составляющая маркируется в гбан соответствующим показателем — одним из пяти перечисленных выше⁶.

Для выражения **широкого** фокуса (при котором доменом фокуса является всё предложение) в гбан могут задействоваться те же формальные средства.

Так, широкий фокус может формально проявляться в фокализации глагольного сказуемого — ср. (9).

- (9) — *wè bé lé yèké lii?*
 мол что CTNV делать[PFV.HOD] Q
 — *Záá é vî lì wò dî òò*
 Жан 3SG\PST бросать FOC_OBJ класть[PFV.HOD] низ батюшки
 ‘— Что случилось? — ЖАН упал!’ (*vî dî* <бросать низ> ‘падать’)

Формальным коррелятом широкого фокуса может быть и фокализация зависимых глагола, причём как актантов, так и сирконстантов. Ср. примеры на фокализацию подлежащего (9’), прямого дополнения (10), а также заглагольного сирконстанта (11)⁷:

- (9’) — *wè bé lé yèké lii?*
 — *Záá Ø-If vî dî*
 Жан 3SG-FOC_SBJ[PST] бросать[PFV.HOD] низ
 ‘— Что случилось? — ЖАН упал!’

⁶ Узкий фокус также может сопровождаться эллипсисом остальной части предложения (по крайней мере, при фокализации заглагольных зависимых) — ср., к примеру, предложение *lè Wúbé?* в первой реплике в примере (22).

⁷ Строго говоря, последние два примера демонстрируют не чистый широкий фокус, а скорее «фокус глагольной группы» (VP focus). Тем не менее, показательно, что фокализатор в этих случаях может оформлять не глагольную вершину, а её зависимое. Ср. также маркирование фокуса у «сложных глаголов» типа *sòkò bò* <бег удалять> ‘бежать’, которое происходит при помощи фокализации прямого дополнения (*sòkò li bò*) — ср. пример (27) в разделе 2.4.

- (10) *yè-è flúá (lí) klé*
 3SG[NPST]-IPFV.NEST бумага FOC_OBJ IPFV\писать
 {Что Ваш брат делал вчера после того, как вы поужинали?} ‘Он писал ПИСЬМА’.
- (11) *mè è dḵ yè, èè-kè wò*
 1SG[NPST] ты IPFV\ждать здесь 2SG-COND[NPST] PSTR
gũá=è títì dí líwò è
 IPFV\теряться=LOC чёрный под FOC_PV может.быть
 ‘Я буду ждать тебя здесь, [на случай] если ты потеряешься
в ТЕМНОТЕ’.

Отметим также, что при узком фокусе, домен которого захватывает только глагольную словоформу, такое «перемещение» оформления с глагольной вершины на её зависимое, как кажется, невозможно — ср. пример (27) в разделе 2.4 ниже.

2.3.1. *Верификативные предложения* (в которых в фокусе оказывается не сама пропозиция, а утверждение о её истинности) в гбан не получают специального оформления. В них возможно использование факультативной эмфатической частицы *ké* (которая используется и в других контекстах), использование же фокализаторов **запрещается**:

- (12) — *Möbì Ø-ké glí wà né gò*
 Монби 3SG-NEG\PST быть_толстым\PFV.NEST время этот в
 — *bé lé sǒ? é glí (ké)*
 что дело ну_ка 3SG\PST быть_толстым\PFV.HOD EMPH
 /*é glí lí wò
 3SG\PST быть_толстым FOC_OBJ класть\PFV.HOD
 ‘— Монби в последнее время не пополнила.
 — Почему же? Она ПОПОЛНЕЛА’.

2.3.2. *Прогрессивное значение у показателей фокуса*. В некоторых случаях в гбан фокализация глагольного сказуемого (а также, как кажется, фокализация прямого дополнения) в сочетании с конструкцией непрощедшего времени передаёт семантику не фокуса, а актуальности действия, **прогрессивности**⁸ — ср. примеры:

⁸ Это согласуется с типологическими данными, указывающими на связь между глагольным фокусом и семантикой прогрессива — ср. [Güldemann 2003].

- (13) *Sòkù* Ø [*lí* *kɔ*] *lí* *wò*
 Соку 3SG[NPST] поворачиваться ладонь FOC_OBJ IPFV\класть
 ‘Соку **возвращается [сейчас]**’ (фр. ...*en train de...*)
 (*lí kɔ* <поворачиваться ладонь> ‘возвращаться’).
- (14) <...> *w* *à mɔ bèǎ* *lí* *wò* *yè*
 1PL[NPST] его для работа FOC_OBJ IPFV\класть здесь
 {Для того, чтобы у народа гбан был словарь,} ‘мы **[сейчас]** и **дела-**
ем эту работу’ (фр. ...*en train de...*).

2.4. Обязательность/факультативность показателей при контрастивном и неконтрастивном фокусе

Если говорить о (неконтрастивном) **широком** фокусе, то при нём вообще наличие какого-либо из рассмотренных выше видов фокализирующего оформления не является обязательным. Ср. следующие примеры:

- (15) *wò* *ù mɔ mú* *kráà* *zè*
 3PL\NST мы для человек большой убивать\PFV.NEST
 {A: Ты слышал новости? Б: Нет, а что случилось? A:} ‘[Нашего]
КОРОЛЯ [вчера] УБИЛИ!’ (отсутствие маркирования).
- (16) *èè-kè* *gě* *wó* *sěfǔ yě, è* *wò*
 2SG-COND[NPST] игра IPFV\класть кот с 3SG[NPST] IPFV\кричать
 /... *è* *wò* *lí* *wò*
 3SG[NPST] кричать FOC_OBJ IPFV\класть
 ‘Когда ты гладишь кошку, она МЯУКАЕТ’.

В случае **узкого** фокуса степень грамматической обязательности различается для разных показателей. Мы приведём здесь некоторые предварительные выводы, основанные на данных устного анкетирования (элицитации) и наблюдениях за употреблением фокализаторов в текстах.

Подлежащие фокализаторы *-lí* и *-lè*, как кажется, всегда используются, если домен фокуса (неконтрастивного или контрастивного) совпадает с подлежащим — то есть обладают обязательностью. Ср. в том числе невозможность их опущения при вопросительном слове в позиции подлежащего в частном вопросе:

- (17) *dě* Ø-*lí* *mà yí* *sǔ?*
 кто 3SG-FOC_SBJ[NPST] еда готовить сегодня
 ‘КТО будет готовить сегодня еду?’ (опущение *lí* было **запрещено**)

Прямообъектно-генитивный фокализатор =*li* и **заглагольный** фокализатор =*liwò* ~ <*li*> (при совпадении домена фокуса с соответствующими составляющими), по-видимому, не являются строго обязательными. Они однозначно факультативны, хотя и возможны, при не-контрастивном фокусе — ср. примеры (18)–(21) ниже:

- (18) *ì tó kpó [sà nɛɛ*
 1SG[NPST] ухо IPFV\раскладывать песня который
ɛ líè ì gbí=ɛ] (^{OK}lí) nɛ
 3SG[NPST] IPFV\быть_хорошим я лёгкое=на FOC_OBJ на
 {Что ты слушаешь?} ‘Я слушаю МУЗЫКУ, которая мне нравится’.
- (19) *é Sɔ̀kù dɔ̀=lé fò?*
 3SG\PST Соку знать=NMLZ где
 ‘ГДЕ он познакомился с Соку?’ (отсутствие маркирования).
- (20) — *Sɔ̀kù “ yɛ̀ɛ fò? — ɛ yɛ̀ɛ Mâ (líwò)*
 Соку 3SG[NPST] IPFV\быть где 3SG[NPST] IPFV\быть Ман FOC_PV
 ‘— ГДЕ живёт Соку? — Он живёт в МАНЕ’.
- (21) *é yà lókɔ̀=lá (^{OK}líwò)*
 3SG\PST уходить[PFV.NOD] рынок=на FOC_PV
 ‘Он ушёл на РЫНОК’ (по оценке информанта, при ответе на вопрос
 «Куда он ушёл?» лучше использовать вариант без *líwò*).

При контрастивном фокусе употребление этих фокализаторов (по крайней мере заглагольного) оказывается более желательным, приближаясь к обязательности — ср. пример (22):

- (22) — *Sɔ̀kù “ yɛ̀ɛ fò zígó, Mâ lì? lè Wúbɛ?*
 Соку 3SG[NPST] IPFV\быть где сейчас Ман Q тогда Уме
 — *ɛ yɛ̀ɛ Mâ líwò*
 3SG[NPST] IPFV\быть Ман FOC_PV
 ‘— Где сейчас Соку, в Мане **или** в Уме?
 — Он в МАНЕ’ (опущение *líwò* было **запрещено**).

Можно также отметить, что использование неподлежащих фокализаторов (по крайней мере заглагольного) иногда привносит в семантику предложения дополнительные компоненты, выходящие за рамки простого маркирования информационной структуры — ‘именно’, ‘хоть’ ~ ‘всего (лишь)’ ~ ‘только’:

- (23) *é Sòkù dǒ = lé fò lǐwò?*
 3SG\NPST Соку знать=NMLZ где FOC_PV
 ‘Где **именно** он познакомился с Соку?’ (фр. *où exactement*)
 (вариант примера (19) выше)
- (24) *à bè klèní lǐwò!*
 его есть[IMP] маленький FOC_PV
 {Гостю, отказывающемуся от угощения:} ‘Поешь **хоть немного!**’
 (фр. *un peu seulement*).
- (25) *è yèè tǎ<li>tlé (òò)*
 3SG[NPST] IPFV\быть пока<FOC_PV> батюшки
 ‘Это **всего лишь временно**’ (фр. *seulement pour le moment*).

Глагольная фокусирующая конструкция «V = *li wo*» как при некон-
 трастивном, так и при контрастивном фокусе является факультативной:

- (26) — *èè bé li yèkè dè?*
 2SG[NPST] что FOC_OBJ IPFV\делать здесь
 — *ì bèǎ wǒ kpè*
 1SG[NPST] работа IPFV\класть здесь
 ‘— Что ты делаешь здесь?
 — Я здесь **РАБОТАЮ**’ (отсутствие маркирования).
- (27) — *Záá bè, è tá li wò li,*
 Жан этот 3SG[NPST] ходить FOC_OBJ IPFV\класть Q
lè è sòkó li bò?
 тогда 3SG[NPST] бег FOC_OBJ IPFV\удалять
 — *è tá li wò /^{OK}è tǎ*
 3SG[NPST] ходить FOC_OBJ IPFV\класть 3SG[NPST] IPFV\ходить
 /*è-*li tá*
 3SG-FOC_SBJ[NPST] IPFV\ходить
 ‘— Этот Жан, он ИДЁТ или БЕЖИТ?
 — Он **ИДЁТ**’.

Заметим наконец, что в простом предложении гбан может быть од-
 новременно употреблён, по-видимому, **только один фокализатор**. Ср.
 следующий пример:

- (28) — *dé Ø-li kwà dò*
 кто 3SG-FOC_SBJ[PST] рука бросать[PFV.HOD]
dé (*li) nè tété?
 кто FOC_OBJ на раньше

— *Záá* Ø-*li*   *á* *dò*
 Жан 3SG-FOC_SBJ[PST] его рука бросать[PFV.HOD]
Sòkù (*li)   *nè* *tété*
 Соку FOC_OBJ на раньше
 {После драки;} ‘— КТО КОГО первым ударил?
 — ЖАН ударил СОКУ’.

3. Фокализация заглагольных зависимых

В этом разделе будет более подробно рассказано о свойствах заглагольного фокализатора =*liwò* ~ <*li*>. Будут рассмотрены типы «заглагольных» зависимых, фокализуемых при помощи этого показателя (раздел 3.1), распределение двух вариантов заглагольного фокализатора (раздел 3.2) и его эндоклитический статус (раздел 3.3), а также гипотезы о происхождении этих двух вариантов (раздел 3.4).

3.1. Заглагольные зависимые

Ниже перечислены зафиксированные в гбан типы заглагольных зависимых — зависимых глагола, линейно располагающихся после глагольной словоформы. Как видно из примеров, зависимые всех этих типов (причём как актантные, так и сирконстантные) фокусируются при помощи показателя =*liwò* ~ <*li*>.

а) Именная часть сказуемого — существительное, прилагательное или числительное при связке *yè(è)* ‘быть’:

(29) *è*   *yèè*   *gàgàà*   *liwò*   /^{OK} *gà*<*li*>*gà*
 3SG[NPST] IPFV\быть длинный FOC_PV длинный<FOC_PV>
 ‘Он [и правда] ВЫСОКИЙ’.

(30) *è*   *yèè*   *súú*   *liwò*
 3SG[NPST] IPFV\быть пять FOC_PV
 ‘Это [именно] ПЯТЬ’.

б) Наречия и прилагательные в обстоятельственной функции (ср. также пример (24) в предыдущем разделе):

(31) *è*   *yèkè*   *gbéégbéé*   *liwò*   / *gbé*<*li*>*gbé*
 3SG[NPST] IPFV\делать тихо FOC_PV тихо<FOC_PV>
 ‘Он делает [это] ТИХО’.

в) Локативные имена — существительные, способные выступать без послелога в функции обстоятельства места:

- (32) *sǎ*   "   *tlò*   *nòdò*   *liwò*
птица 3SG[NPST] IPFV\летать высота FOC_PV
'Птица летает [именно] в ВЫШИНЕ'.
- (33) *ì*   *yà*   *bèàmúǽdià* *liwò*
1SG[NPST] IPFV\идти больница FOC_PV
'Я иду [именно] в БОЛЬНИЦУ'.
- (34) <...> *ǽ*   *sò=è*   *Gésàbó liwò*   / *Gésà<li>bó*
3PL[NPST] проходить[OPT]=LOC Гесабо FOC_PV Гесабо<FOC_PV>
{Чтобы добраться до Далоа, нужно} 'чтобы ты проехал [именно] через ГЕСАБО'.

г) Собственно послеложные группы (в том числе безвершинные посессивные выражения с послелогом *mó* 'для'):

- (35) *Sòkù*   "   *yèè*   *bèàmúǽdià gǽgǽ nè liwò*
Соку 3SG[NPST] IPFV\быть больница старый в FOC_PV
/ *bèàmúǽdià gǽgǽ li nè*
больница старый FOC_OBJ в
'Соку [сейчас] — в старой БОЛЬНИЦЕ'.
- (36) *ké*   *né*   "   *yèè*   *ì mó liwò*   / *ì li mó*
мотыга этот 3SG[NPST] IPFV\быть я для FOC_PV я FOC_OBJ для
'Эта мотыга — МОЯ' (досл. «Эта мотыга — для МЕНЯ»).

д) Инфинитивные клаузы при глаголах движения и в проспективной конструкции с глаголом *nù* 'приходить':

- (37) *ì*   *yà*   *ì blé ì kwèǽ*   *liwò*
1SG[NPST] IPFV\идти я REFL я ранить[INF] FOC_PV
/ *ì blé ì kwè<li>ǽ*
я REFL я ранить[INF]<FOC_PV>
'Я иду [именно] (чтобы) себя ПОРАНИТЬ'.
- (38) *ǽ*   *nù*   *blè*   *liwò*
3SG[NPST] IPFV\приходить гулять[INF] FOC_PV
'Он собирается ГУЛЯТЬ'.

е) Маргинальные типы зависимых — «группа меры» (measure phrase) при качественных глаголах и прилагательных (пример (39)) и «название» (пример (40)):

- (39) *yúkwì né ʷ zòà métlè séfɛ́ líwò*
 дерево этот 3SG[NPST] IPFV\быть_длинным метр семь FOC_PV
 /*métlè sé<li>fɛ́*
 метр семь<FOC_PV>
 ‘Это дерево высотой семь МЕТРОВ’ (досл. «Это дерево высокое СЕМЬ МЕТРОВ»), ср. англ. *This tree is seven metres high*.
- (40) *wà á kpó Gwá líwò*
 3PL[NPST] его IPFV\звать Гуа FOC_PV
 ‘Её [деревню] называли ГУА’.

3.2. Распределение энклитического и инфиксального вариантов заглагольного фокализатора

Как уже говорилось выше, у заглагольного фокализатора в гбан имеется два варианта — =*líwò* и <*li*>.

Вариант =*líwò* присоединяется справа к оформляемой составляющей. При этом он может оформлять целую синтаксическую группу, будучи отделённым от её вершины другим словом:

- (41) *ɛ yèè gágáá sɛ́ líwò*
 3SG[NPST] IPFV\быть длинный немного FOC_PV
 ‘Он [просто] немного высокий’.

Другое свойство =*líwò*, отличающее эту морфему от связанных морфем, — её транскатегориальность, то есть сочетаемость с лексемами самых разных частеречных классов (ср. предыдущий раздел). Отделимость и транскатегориальность =*líwò* говорят в пользу трактовки этой морфемы как клитики⁹ или группового аффикса.

Вариант <*li*> присоединяется внутрь последнего (или единственного) слова в оформляемой составляющей¹⁰, если это слово является многосложным (точнее, многостопным) — ср. примеры (29), (37), (39) в предыдущем разделе.

Примечание. Для фонологии языка гбан релевантно понятие **стопы** — конституирующей просодической единицы более высокого уровня, чем слог (см. [Выдрин 2008]). Стопы в гбан могут иметь структуру |V|, |CV|, |CIV|, |CV.V| или

⁹ В морфосинтаксическом, а не просодическом понимании.

¹⁰ Как кажется, только в том случае, если это слово является вершиной соответствующей синтаксической группы (эта гипотеза требует проверки).

[CIV.V]. Именно стопа, а не слог, является в гбан тононосителем. Также стопы ведут себя как цельные единицы в отношении различных процессов разрывания фонологических структур. Так, только структуры из целых стоп (одной или более) могут редуцироваться в интенсивной конструкции с (частичной) редупликацией и вставкой элемента *māâ*. Ср. двустопные *sö/kó* ‘бег’ → *sökó<māâ>sökò* ~ *sö<māâ>sökò* ‘настоящий бег’, *gü/ù* ‘круглый’ → *güü<māâ>güü* ~ *gü<māâ>güü* ‘действительно круглый’ и одностопное *kí.ǎ* ‘перец’ → *kíǎ<māâ>kjá* / **kí<māâ>kjá* ‘настоящий перец’.

Внутрисловная позиция инфикса <li> также ограничена стопной структурой — он может быть помещён только между двумя стопами, но не внутрь стопы. Отметим, что на его позицию накладывается ещё одно ограничение — инфикс не может быть помещён перед неприкрытой стопой вида [V]. Вследствие этого запрещаются не только комбинации типа **kí<li>ǎ*, но и типа **gü<li>ù*, а возможными остаются только комбинации типа *sö<li>kó*.

Из сказанного с неизбежностью следует, что при присоединении заглагольного фокализатора к **одностопным** словам (а также к двустопным с зиянием) инфиксальный вариант оказывается невозможен и вместо него всегда используется энклитический:

(42) ɛ   yèè   nɔ̃   liwò
3SG[NPST] IPFV\быть здесь FOC_PV
‘Он (именно) ЗДЕСЬ’.

(43) ɛ   yèè   güü   liwò
3SG[NPST] IPFV\быть круглый FOC_PV
‘Он КРУГЛЫЙ [а не плоский]’.

Для **многостопных** слов возможны оба варианта фокализатора (ср. примеры (5), (31), (37) и (39) выше), однако предпочтительным, по словам информанта, обычно является инфиксальный:

(44) ɛ   yèè   nígbèlí   liwò
3SG[NPST] IPFV\быть бегемот FOC_PV
/nɪ<li>gbèlí   /^{OK}nígbè<li>lí
бегемот<FOC_PV> бегемот<FOC_PV>
‘Это БЕГЕМОТ’ (второй вариант признан наиболее удачным).

Выбор конкретной позиции инфикса <li> внутри словоформы длиной в три и более стоп оказывается практически **свободным** — как для морфологически простых, так и для сложных слов. В материалах по многостопным словам, собранных методом устного анкетирования

(элицитации), иногда фиксировались запреты на ту или иную позицию, однако каких-либо закономерностей в подобных запретах обнаружить не удалось. В большинстве же случаев допускалась вставка инфикса внутрь любой пары стоп в составе многостопной словоформы.

Ср. следующие примеры простых и сложных слов (символом « $\llcorner$ » обозначены возможные позиции инфикса; первый порождённый информантом вариант выделен жирным):

- (45) *Gbðmlē-dā*¹¹ ‘Гбоменед (название деревни)’
 → *Gbð $\llcorner$ mlē $\llcorner$ dā* = { *Gbð<li>mlēdā*, ^{OK} *Gbðmlē<li>dā* };
Kälëfū ‘Карефур (название хутора)’ (< фр. *carrefour* ‘перекрёсток’)
 → *Kä $\llcorner$ lë $\llcorner$ fū*;
gbāsólíásó ‘птица (вид)’ → *gbă $\llcorner$ só $\llcorner$ líá $\llcorner$ só*;
Sĕfètĕĕsìbùù ‘Санкт-Петербург’ → *Sĕ $\llcorner$ fĕ $\llcorner$ tĕĕ $\llcorner$ sì $\llcorner$ bùù*;
gǎ-wlǐ-dí-gbǔ <горло-косточка-низ-кость> ‘лопатка’
 → *gǎ $\llcorner$ wlǐ $\llcorner$ dí $\llcorner$ gbǔ*;
gwà-wò-gwà-wò <камень-класть-камень-класть(?)> ‘птица (вид)’
 → *gwà $\llcorner$ wò $\llcorner$ gwà $\llcorner$ wò*.

Приведём также два примера случаев, где по неясным причинам постановка инфикса в фонологически, казалось бы, оправданную позицию была запрещена:

- (46) *kpǎídĕĕ* ‘бабочка’ → *kpǎí $\llcorner$ dĕ $\llcorner$ dĕ* (**kpǎídĕ<li>dĕ*);
kò-míā-zǎkǐ <горб(?)>-раскалывать-мангуста> ‘мангуста (вид)’
 → *kò $\llcorner$ míā $\llcorner$ zǎ $\llcorner$ kǐ* (**kò<li>míāzǎkǐ*).

3.3. Заглавольный фокализатор в гбан как эндоклитика

Итак, в гбан мы наблюдаем две сущности с идентичной грамматической функцией, которые при этом имеют неидентичный фонологический облик и разные морфологические свойства: вариант = *liwo* претендует на статус клитики, вариант <*li*> — на статус инфикса.

Подобное явление в типологии получило название «эндоклитик». Эндоклитика — такой показатель, который в одной части употреблений

¹¹ Компонент *-dā* встречается в названиях многих деревень местности.

можно признать самостоятельным словом (клитикой), а в другой — связанной морфемой, разрывающей другое самостоятельное слово (инфиксом). Показатели с такими свойствами засвидетельствованы в удинском (< лезгинские < нахско-дагестанские) [Harris 2002; Ganenkov et al. 2011], пушту (< восточно-иранские < индоевропейские) [Kopris, Davis 2005; Kopris 2009] и дегема (< эдоидные < нигер-конго) [Kari 2002, 2003].

Так, в **удинском** сентенциальные показатели лица и числа подлежащего (а также некоторые другие) присоединяются справа к той составляющей, которая находится в домене фокуса или совпадает с ним (пример (47а)). При присоединении к глаголу эти показатели могут инфигироваться, разрывая его на две части (пример (47б)).

(47а) *oša padčav =e tac-i naχiŋči-n koj-a*
 затем царь=3SG идти-AOR пастух-GEN дом-DAT
 ‘После этого царь пошёл к пастуху’ [Ganenkov et al. 2011: 2].

(47б) *oša padčav ta<ne>c-i naχiŋči-n koj-a*
 затем царь идти<3SG>-AOR пастух-GEN дом-DAT
 ‘После этого царь пошёл к пастуху’ [там же].

По-видимому, в гбан мы также можем говорить об эндоклитике — показателе =*liwò* ~ <*li*>. Различие плана выражения показателя при инфиксации и энклитизации можно описать как варьирование алломорфов — /*liwò*/ на конце и /*li*/ в середине некоторого просодического единства (фонетического слова?)¹².

Похожее явление было также обнаружено в родственном гбан языке **яурэ**. Там инфиксации подвергается показатель топика =*le* (по-видимому, этимологически связанный с =*li* в гбан) при присоединении к некоторым локативным именам в заглагольной позиции. При этом с другими локативными именами всегда используется постпозитивный составной показатель =*le ná* <ТОР место> [Кушнир, в печати].

---

¹² По словам информанта, в другом говоре гбан, да, энклитический вариант заглагольного фокализатора имеет вид =*li*. Следовательно, в да он будет внешне совпадать с инфиксальным вариантом (если в говоре да действительно возможна, как и в бово, инфиксация заглагольного фокализатора; информации об этом пока нет).

3.4. Предполагаемые пути развития двух вариантов заглагольного фокализатора

По поводу происхождения двух вариантов заглагольного фокализатора можно сделать следующие предположения.

Энклитический вариант =*liwò* можно возвести к глагольной фокализирующей конструкции «V = *li wo*» (раздел 2.2.4). На это предположение наводит (частичная) омонимия этих показателей — при большей связанности и идиоматичности первого¹³.

Случаи, в которых предложение с первым и предложение со вторым показателем могут быть полностью омонимичными — это случаи фокализации инфинитивной клаузы. Так, пример (38) из раздела 3.1 может, в принципе, иметь две интерпретации:

(48a) [*ɛ*   *nù*   [*blè*]_{INF}   *liwò*]
 3SG[NPST] IPFV\приходить гулять[INF] FOC_PV

‘Он собирается ГУЛЯТЬ’.

(фокализация заглагольного зависимого в рамках главного предложения)

(48б) *ɛ*   *nù*   [*blè*   *li*   *wò*]_{INF}
 3SG[NPST] IPFV\приходить гулять FOC_OBJ класть[INF]

(фокализация глагола внутри инфинитивной клаузы)

Возможно, именно в таких употреблении глагольная фокализирующая конструкция подверглась реанализу и переосмыслению в заглагольный фокализатор (с потерей внутренней структуры).

Инфиксальный вариант <*li*> мог возникнуть при переосмыслении некоторых употреблений прямообъектно-генитивного фокализатора = *li* (раздел 2.2.2). Речь идёт об использовании = *li* в случаях, когда он оформляет зависимое имя при другом имени или при послелогое. В некоторых таких сочетаниях фокализация зависимого оказывается прагматически равнозначной фокализации всей именной или послеложной группы — ср. примеры:

---

¹³ Закрепление низкого тона на финальном элементе ... *wò* может быть объяснено тем, что для вспомогательного глагола *wò* ‘класть, делать’ в глагольной фокализирующей конструкции низкий тон является самым частотным. Это одновременно и его лексический тон, и тон формы имперфектива (заимствуемый с находящейся слева низкотоновой частицы *li*).

- (49) $\acute{\epsilon}$ $y\grave{a}$ [$kp\grave{i}$ li $gb\acute{o}d\acute{i}$]
 3SG\ PST идти[PFV.HOD] гора FOC_OBJ бок
 ‘Он пошёл [именно] на склон ГОРЫ’.
- (50) $\acute{\epsilon}$ $y\grave{a}$ [$k\grave{a}s\grave{a}b\acute{a}$ li $d\acute{i}$] / [$k\grave{a}s\grave{a}b\acute{a}$ $d\acute{i}$] $liw\grave{o}$
 3SG\ PST идти[PFV.HOD] лес FOC_OBJ под лес под FOC_PV
 ‘Он пошёл [именно] в ЛЕС’.
- (51) $S\grave{o}k\grave{u}$ “ $y\grave{e}\grave{e}$ [$b\grave{e}\grave{a}m\acute{u}\acute{\epsilon}d\acute{i}\grave{a}$ li $n\grave{e}$]
 Соку 3SG[NPST] IPFV\ быть больница FOC_OBJ на
 / [$b\grave{e}\grave{a}m\acute{u}\acute{\epsilon}d\acute{i}\grave{a}$ $n\grave{e}$] $liw\grave{o}$
 больница на FOC_PV
 ‘Соку находится сейчас [именно] в БОЛЬНИЦЕ’.

Как видно из этих примеров, в гбан в некоторых случаях возможна постановка фокализатора не после, а «внутри» именной или послеложной группы без изменения смысла (прагматики) высказывания. Можно предположить, что такая возможность была переосмыслена как более общая — как возможность вставки элемента *li* внутри любого длинного заглагольного зависимого, включая однословные.

4. Выводы

В статье рассмотрены средства маркирования фокуса в гбан — суффиксальные предикативные показатели *-li* и *-le* (фокализация подлежащего), постпозитивные частицы *=li* (прямого дополнения и неглагольных зависимых) и *=liw\o ~ * (заглагольных зависимых), а также глагольная конструкция «V = *li wo*» (глагольного сказуемого) (раздел 2.2).

Широкий фокус может факультативно маркироваться всеми пятью средствами. В верификативных предложениях фокализаторы не используются. В некоторых случаях фокализация может передавать семантику прогрессива (раздел 2.3).

Показатели имеют различную степень обязательности использования. На обязательность их использования также оказывает влияние то, используются ли показатели в контексте узкого или широкого, контрастивного или неконтрастивного фокуса (Таблица 1). Одновременно в предложении может быть употреблён только один фокализатор (раздел 2.4).

Таблица 1. Степень обязательности фокализаторов при различных типах фокуса (предварительные данные)

	широкий (неконтрастивный)	узкий неконтрастивный	узкий контрастивный
<i>-lí, -lè</i>	+/-	+ (подлежащее)	+ (подлежащее)
<i>=lí</i>	+/-	+/- (прямое дополнение и неглагольные зависимые)	+/- (прямое дополнение и неглагольные зависимые)
<i>=líwò ~ <lí></i>	+/-	+/- (заглагольные зависимые); возможны добавочные семантические компоненты	+(/-) (заглагольные зависимые)
<i>V =lí wo</i>	+/-	+/- (глагол)	+/- (глагол)

Заглагольный фокализатор в гбан имеет два варианта — энклитический и инфиксальный. Энклитический (отделимый и транскатегориальный) вариант *=líwò* присоединяется к оформляемым словам (в первую очередь к одностопным) справа. Инфиксальный вариант *<lí>* присоединяется внутрь многостопного слова. В общем случае он может занимать позицию между любыми двумя стопами (за исключением пар с *зияни-ем*) (раздел 3.2).

Исходя из его морфосинтаксических свойств, заглагольный фокализатор можно отнести к эндоклитикам (раздел 3.3).

Энклитический вариант *=líwò* можно возвести к некоторым употреблением глагольной конструкции «*V =lí wo*», а инфиксальный вариант *<lí>* — к прямообъектно-генитивному фокализатору *=lí* (в тех случаях, когда он оформляет зависимое имя при другом имени или при послелоге) (раздел 3.4).

Условные обозначения и глоссы

(*a) — вставка элемента запрещена

=*a* — энклитика

<*a*> — инфикс

- “ — «плавающий» сверхнизкий тон (один из вариантов показателя 3SG)
- 1/2/3 — первое/второе/третье лицо
- AOR — аорист (в удинском)
- COND — условность
- CTNV — континуатив
- DAT — датив (в удинском)
- FOC_OBJ — прямообъектно-генитивный фокализатор
- FOC_PV — заглагольный фокализатор
- FOC_SBJ — подлежащий фокализатор (в утвердительных предложениях)
- FOC_SBJ_CN — подлежащий фокализатор (в отрицательных и/или условных предложениях)
- GEN — генитив (суффикс в удинском и послелог в гбан)
- HOD — сегодняшнее прошедшее (hodiernal)
- IMP — императив
- HEST — вчерашнее прошедшее (hesternal)
- INF — инфинитив
- IPFV — имперфектив
- LOC — локативная актантная деривация, вводящая актант с пространственным значением
- NEG — отрицание
- NEUTR — «нейтральный» коммуникативный статус подлежащего (не фокус и не презентативность)
- NMLZ — номинализация
- NPST — непрошедшее
- OPT — оптатив
- PFV — перфектив
- RHEST — пред-вчерашнее прошедшее (pre-hesternal)
- PL — множественное число
- PRSV — презентатив
- PST — прошедшее
- PSTR — следование
- Q — интеррогатив
- REFL — показатель, образующий возвратные местоимения
- SG — множественное число
- TOP — топик (в яурэ).

Литература

- Выдрин 2008 — В. Ф. Выдрин. Метрическая стопа в языках манде // А. В. Архипов и др. (ред.). Фонетика и нефонетика. К 70-летию Сандро В. Кодзасова. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 308–317.
- Кушнир, в печати — Е. Л. Кушнир. Особенности топиализации в языке яурэ (южные манде) // *Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН*. СПб.: Наука, в печати.
- Ganenkov et al. 2011 — D. Ganenkov, Y. Lander, T. Maisak. The ordering of ‘endoclitics’ and the structure of verbal roots in Nij Udi / Paper presented at 3rd Vienna Workshop on Affix Order: Advances in Affix Order Research. Vienna, 15–16 January 2011. Доступно на сайте: http://homepage.univie.ac.at/stela.manova/Abstract_Ganenkov_Maisak_Lander.pdf.
- Güldeman 2003 — T. Güldeman. Present progressive vis-à-vis predication focus in Bantu: A verbal category between semantics and pragmatics // *Studies in Language* 27, 2. 2003. P. 323–360.
- Harris 2002 — A. C. Harris. Endoclitics and the Origins of Udi Morphosyntax. Oxford: Oxford University Press, 2002.
- Kari 2002 — E. E. Kari. On endoclitics: some facts from Degema // *Journal of Asian and African Studies*. No. 63. 2002.
- Kari 2003 — E. E. Kari. Clitics in Degema: A meeting point of phonology, morphology, and syntax. Tokyo: Research Institute for Languages and Cultures of Asia and Africa, 2003.
- Kopris 2009 — C. Kopris. Endoclitics in Pashto: Can they really do that? / Paper presented at CAASL3: Third Workshop on Computational Approaches to Arabic-Script-based Languages / MT Summit XII. Ottawa, 26–30 August 2009. Доступно на сайте: <http://www.mt-archive.info/MTS-2009-Kopris.pdf>.
- Kopris, Davis 2005 — C. A. Kopris, A. R. Davis. Endoclitics in Pashto: Implications for lexical integrity / Paper presented at Fifth Mediterranean Morphology Meeting. Fréjus, France, September 15–18, 2005.
- Lambrecht 1994 — K. Lambrecht. Information structure and sentence form: topic, focus, and the mental representations of discourse referents. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.

М. Б. Коношенко

КЕЛЬТСКИЕ ЯЗЫКИ И ЯЗЫКИ МАНДЕ: ДИАЛОГ ГРАММАТИК¹

1. Введение

Когда я училась на первом курсе отделения теории языкознания филологического факультета СПбГУ, меня заинтересовало объявление о спецсеминаре по ирландскому языку. Этот семинар очень увлекательно и весьма иронично вела Елена Всеволодовна. Через несколько месяцев после начала занятий Елена Всеволодовна предложила мне поехать в Африку. Вскоре я забросила ирландский и взялась за гвинейский кпелле, которым продолжаю заниматься до сих пор. Тем не менее, я часто думаю об известных сходствах между кельтскими языками и языками западноафриканской семьи манде, куда входит и кпелле. Поэтому мне хотелось бы преподнести Елене Всеволодовне эту зарисовку, в которой я рассуждаю о двух похожих явлениях в кельтских языках и в манде. Речь пойдет о грамматически обусловленных начальных чередованиях согласных и спрягаемых адлогах (предлогах и послелогах).

***

Статья организована следующим образом. В разделе 2 обсуждаются начальные чередования согласных, а раздел 3 посвящен спрягаемым адлогам. В обоих разделах сначала представлен материал кельтских языков, а затем – данные языков манде. В заключении подводятся некоторые итоги.

2. Начальные чередования

В работе [Иосад 2007] дается такое определение грамматикализованных начальных чередований согласных: «изменение признакового состава первого согласного словоформы, контекст для которого нельзя задать в терминах произносимых единиц фонологического анализа» [Иосад 2007: 3]. Иными словами, имеются в виду такие чередования,

---

¹ Выражаю благодарность Марии Шкапе за ценные уточнения. Разумеется, все ошибки и неточности остаются на совести автора статьи.

которые объясняются не фонологическим, а морфологическим или синтаксическим контекстом.

Грамматикализованные начальные чередования согласных (в литературе их также называют мутациями) встречаются во многих языках мира — подробнее см. в [Июсад 2007], в том числе во всех без исключения живых кельтских языках и многих языках манде, главным образом, в юго-западной группе.

2.1. Систему кельтских чередований можно показать на материале современного ирландского языка. Ирландское слово *bád* ‘лодка’ имеет два варианта, образованных в результате чередований: *bhád* [βa:d]: *a bhád* ‘его лодка’ и *mbád* [ma:d]: *a mbád* ‘их лодка’. Первый тип изменений представляет собой фрикативизацию смычных и называется леницией или аспирацией, а второй процесс — это назализация, или эклипсис. Таким образом, в ирландском есть два типа консонантных чередований, которые изменяют исходный вариант префикса или корня у глаголов, существительных и прилагательных, и каждая такая морфема имеет три алломорфа — исходный и два производных. Аналогичные системы чередований представлены в других гойдельских языках — шотландском и мэнском. В британских языках — валлийском, бретонском и корнском — чередования устроены сложнее: в валлийском выделяют три типа чередований, в бретонском и корнском — по четыре, подробный обзор см. в [Июсад 2007]. Кроме того, разница между гойдельскими и британскими языками обнаруживается в фонологическом наполнении аналогичных чередований: если звонкие смычные могут спирантизоваться в обеих ветвях (/b d g m/ → /β ð ɣ ɱ/), то глухие смычные спирантизуются в гойдельских языках (/p t k/ → /f θ x/) и озвончаются в британских (/p t k/ → /b d g/).

Таблица 1. Некоторые контексты чередований в ирландском языке

	Мужской род	Женский род
Именительный падеж	<i>an fear</i> ‘мужчина’	<i>an chloch</i> ‘камень’
Родительный падеж	<i>an fhir</i> ‘мужчины’	<i>na cloiche</i> ‘камня’

Контексты, в которых в кельтских языках возникают начальные чередования, представляют собой сложную комбинацию лексических и морфологических условий. Например, в ирландском языке лениции подвергаются после артикля имена существительные женского рода в именительном падеже и мужского рода в родительном падеже. Это представлено в Таблице 1.

Сложность систем мутаций в кельтских языках можно также проиллюстрировать на примере сочетаний существительных с притяжательными местоимениями, ср. ирландское *cat* и валлийское *cath* ‘кошка’ в Таблице 2 по [Иосад 2007; Ball, Müller 2009].

Таблица 2. Чередования после притяжательных местоимений в ирландском и валлийском

Ирландский			Валлийский		
Местоимение	Тип чередования	Пример	Местоимение	Тип чередования	Пример
mo ‘мой’	лениция	<i>mo chat</i>	fy ‘мой’	назальная мутация	<i>fy nghath</i>
do ‘твой’		<i>do chat</i>	dy ‘твой’	мягкая мутация	<i>dy gath</i>
a ‘его’		<i>a chat</i>	ei ‘его’		<i>ei gath</i>
a ‘ее’	исходн. форма	<i>a cat</i>	ei ‘ее’	спирантная мутация	<i>ei chath</i>
ár ‘наш’	эклипсис	<i>ár gcat</i>	ein ‘наш’	исходн. форма	<i>ein cath</i>
bhur ‘ваш’		<i>bhur gcat</i>	eich ‘ваш’		<i>eich cath</i>
a ‘их’		<i>a gcat</i>	eu ‘их’		<i>eu cath</i>

Таблица 2 показывает, что внутри одной парадигмы притяжательные местоимения по-разному влияют на существительное. Более того, есть случаи, когда местоименные формы различаются исключительно типом чередования, которое они вызывают: ср. *a chat*, *a cat*, *a gcat* в ирландском, *ei gath*, *ei chath* в валлийском. Помимо различий внутри парадигмы, видны межязыковые расхождения, из-за которых невозможно сформулировать некоторое единое правило для аналогичных местоимений ирландского и валлийского языка — и дело тут не только в упомянутом количественном различии — наличии двух типов чередований в ирландском и трех в валлийском. Например, в ирландской парадигме местоимение 3 л. ед. ч. ж. р. не вызывает никакого чередования, а в валлийском оно требует спирантной мутации.

Обобщить сказанное можно следующим образом: в кельтских языках есть три ряда согласных и больше, а контексты, в которых происходят чередования, имеют очень узкую спецификацию вплоть до конкретных лексических единиц и грамматических форм внутри одной парадигмы.

Таблица 3. Начальные чередования в юго-западных манде

менде		локо		банди		лоома		кпелле (Либерия)		кпелле (Гвинея)	
<i>p</i>	<i>w, β</i>	<i>p</i>	<i>b</i>	<i>p</i>	<i>v</i>	<i>p</i>	<i>w, v, β</i>	<i>b</i>	<i>p</i>	<i>b</i>	<i>p</i>
<i>t</i>	<i>l</i>	<i>t</i>	<i>l</i>	<i>t</i>	<i>l</i>	<i>t</i>	<i>l</i>	<i>d</i>	<i>t</i>	<i>d</i>	<i>t</i>
<i>k</i>	<i>g, w</i>	<i>k</i>	<i>g</i>	<i>k</i>	<i>w, y</i>	<i>k</i>	<i>w, y, ŋ, ɲ</i>	<i>g</i>	<i>k</i>	<i>g</i>	<i>k</i>
								<i>gw</i>	<i>kw</i>	<i>gw</i>	<i>kw</i>
<i>kp</i>	<i>gb</i>	<i>kp</i>	<i>gb</i>	<i>kp</i>	<i>β</i>	<i>kp</i>	<i>β</i>	<i>gb</i>	<i>kp</i>	<i>gb</i>	<i>kp</i>
<i>f</i>	<i>v</i>	<i>f</i>	<i>h, h̃</i>	<i>f</i>	<i>h</i>	<i>f</i>	<i>v, β</i>	<i>v</i>	<i>f</i>	<i>v</i>	<i>hw</i>
<i>s</i>	<i>j</i>			<i>s</i>	<i>h</i>	<i>s</i>	<i>z</i>	<i>z</i>	<i>s</i>	<i>j</i>	<i>h</i>
<i>mb</i>	<i>b, β</i>	<i>mb</i>	<i>w β</i>	<i>mb</i>	<i>w, y</i>	<i>b</i>	<i>w, β</i>	<i>m</i>	<i>β</i>	<i>m</i>	<i>β</i>
<i>nd</i>	<i>l</i>	<i>nd</i>	<i>l</i>	<i>nd</i>	<i>l</i>	<i>d</i>	<i>l</i>	<i>n</i>	<i>l</i>	<i>n</i>	<i>l</i>
<i>nj</i>	<i>y</i>	<i>nj</i>	<i>y</i>	<i>nj</i>	<i>y</i>	<i>z</i>	<i>y</i>	<i>ɲ</i>	<i>y</i>	<i>ɲ</i>	<i>y</i>
<i>ng</i>	<i>w, y</i>	<i>ng</i>	<i>ø, y</i>	<i>ng</i>	<i>w, y</i>	<i>g</i>	<i>w, y, ŋ, ɲ</i>	<i>ŋ</i>	<i>w, y</i>	<i>ŋw</i>	<i>w</i>
				<i>gw</i>	<i>w</i>	<i>gw</i>	<i>w</i>				
		<i>m</i>	<i>w̃, ŋ</i>	<i>m</i>	<i>w, ỹ</i>	<i>m</i>	<i>w̃</i>				
				<i>ɲ</i>	<i>ỹ</i>						

2.2. Переходя к обсуждению начальных чередований в манде, нужно прежде всего сказать несколько слов о слоговой структуре этих языков. Слог (и слово целиком) в манде может заканчиваться либо на гласный, либо на носовой. Таким образом, начальный согласный следующего слова может идти либо после гласного, либо после носового.

Начальные чередования встречаются в различных языках манде, например, в сонинке [Grégoire 1987]. Однако в наибольшей степени начальные чередования представлены в языках юго-западной группы (менде, локо, банди, лоома, кпелле, зиало), именно о языках этой группы пойдет речь дальше. В отличие от кельтских языков с тремя и более рядами мутаций, в юго-западных манде (ЮЗМ) есть всего два ряда чередующихся согласных. При этом сами чередования в манде, как и в кельтских, исторически обусловлены контекстами после носового или после гласного. Системы начальных чередований в ЮЗМ достаточно единообразны и представлены в Таблице 3 по [Выдрин 2006а: 101-102], также [Коношенко 2011а: 9]. В Таблице 3 для каждого языка даны два ряда согласных. Левый член во всех языках называется «сильным», а

правый «слабым». Сильные согласные встречаются в позиции после носового, а слабые — после гласного и в начальной позиции. При этом исторически во всех языках, кроме кпелле, согласный после носового сохранялся, а после гласного и в начальной позиции подвергался ослаблению (утрачивал смычность, озвончался). В кпелле после носового все согласные подвергались ассимиляции (озвончались, назализовались), а после гласного и в начальной позиции ослаблялись только звонкие согласные, глухие же сохранялись в исходном виде. Подробнее о реконструкции начальных согласных в ЮЗМ см. [Выдрин 2006а], о фонологической интерпретации чередований в ЮЗМ в [Иосад 2007].

Все контексты морфосинтаксических чередований в ЮЗМ так или иначе связаны с назальным префиксом *ŋ. Например, во всех ЮЗМ начальное чередование является экспонентом несубъектного местоимения 3 л. ед. ч.: ср. гвин. кпелле *Pépèè kúyó* ‘нога Пепе’, *gúyó* ‘его нога’; гвин. лоома *Fòlòmò wòwòyú* ‘нога Фоломо’, *kòwòyú* ‘его ступня’, а также определенного или референтного артикля: ср. гвин. кпелле *pélé* ‘дом’, *bélé* ‘(определенный) дом’, гвин. лоома *véléyú* ‘дом’ (*dósó véléyú* ‘охотничий дом’), но *péléyú* ‘(референтный) дом’ [Мищенко рук.].

Таким образом, начальные чередования согласных в ЮЗМ обнаруживают относительное единообразие как в инвентаре чередований, так и в морфологических контекстах, где происходят эти чередования.

3. Лично-числовое маркирование на адлогах

В этом разделе нас будет интересовать феномен лично-числового маркирования на адлогах (предлогах и послелогах), которое также называют спряжением — по аналогии с глагольным изменением по лицу и числу. Имеются в виду те случаи, когда адлоги присоединяют синтагматически несамостоятельные маркеры лица и числа — это могут быть аффиксы или синхронно не членимые морфологические элементы в составе морфемы-портманто.

Согласно работе [Bakker 2011], лично-числовое маркирование на предлогах и послелогах обнаруживается примерно в четверти языков мира, в том числе в кельтских языках — на предлогах. Встречается это явление и в языках манде (на послелогах), хотя для манде это скорее редкость, поэтому неудивительно, что языки манде, имеющие спрягаемые адлоги, не попали в выборку Баккера.

3.1. Спрягаемые предлоги есть во всех кельтских языках (и бриттских, и гойдельских), см. [Ball, Müller 2009]. Они образуют парадигмы

синхронно не членимых форм (портманто), которые исторически возникли в результате фузии предлогов и личных местоимений.

В Таблице 4 в качестве примера послеложных парадигм представлены формы предлогов *le* ‘с’ и *ag* ‘в’ в стандартном ирландском (по [Ó Baoill 2009: 184; Acquaviva 2001]).

Таблица 4. Спрягаемые предлоги *le* и *ag* в ирландском

<i>le</i> ‘с’	<i>ag</i> ‘в, у’
<i>liom</i> ‘со мной’	<i>agam</i> ‘у меня’
<i>leat</i> ‘с тобой’	<i>agat</i> ‘у тебя’
<i>leis</i> ‘с ним’	<i>aige</i> ‘у него’
<i>léi</i> ‘с ней’	<i>aici</i> ‘у нее’
<i>linn</i> ‘с нами’	<i>againn</i> ‘у нас’
<i>libh</i> ‘с вами’	<i>agaibh</i> ‘у вас’
<i>leo</i> ‘с ними’	<i>acu</i> ‘у них’

Обычно кельтские послелогои выступают в спрягаемой форме в анафорических контекстах, т. е. лично-числовой маркер в составе послелога выполняет функцию местоимения. Рассмотрим следующие примеры из ирландского языка:

- (1) *Bhí mé ag caint le Máire inné.*
 быть.PST я в говорение с Мойра вчера
 ‘Я разговаривал с Мойрой вчера’.
- (2) *Bhí mé ag caint léi inné.*
 быть.PST я в говорение с.3SG.F вчера
 ‘Я разговаривал с ней вчера’ [Brennan 2009].

В (1) послеложная группа выражена предлогом *le* и его зависимым *Máire*, а в (2) — особой спрягаемой формой послелога *léi*, которая анафорически выражает значение 3 л. ед. ч. ж. р.

Как было сказано выше, спрягаемые предлоги используются в анафорической (местоименной) функции во всех кельтских языках. Кроме того, во всех кельтских языках спрягаемый предлог не может сочетаться с полной именной группой, выраженной существительным (с возможными зависимыми)². Так, в ирландском неграмматично сочетание *léi Máire* со спрягаемым предлогом в форме 3 л. ед. ч. ж. р. и одновременно

² О некоторых исключениях из этого правила для двух ирландских послелогов *le* и *thri* см. в [Acquaviva 2001].

полной именной группой, то же верно для всех остальных кельтских языков.

Однако кельтские спрягаемые предлоги обнаруживают различную сочетаемость со свободными местоимениями. В ирландском и большинстве кельтских языков спрягаемые предлоги не сочетаются с местоимениями — см. пример (3) из ирландского. В валлийском (особенно разговорном) такое сочетание возможно — со специальными дублирующими местоимениями [Borsley et al. 2007; Шкапа рук.], см. пример (4) из валлийского.

(3) *uirthi* (*si)
на.3SG.F она
'на ней'

(4) *arni hi*
на.3SG.F она
'на ней' [Borsley et al. 2007: 199]

Способность личных местоимений дублировать спрягаемые формы в валлийском распространяется не только на послелог, но также на глагольные формы, притяжательные конструкции и некоторые другие контексты [Borsley et al. 2007: 198–222].

Итак, спрягаемые предлоги во всех кельтских языках способны употребляться анафорически, не сочетаются с полными именными группами, но имеют различную дистрибуцию с личными местоимениями: в валлийском такие сочетания возможны, в других кельтских языках — нет.

3.2. В языках манде подавляющее большинство адлогов следуют за своим зависимым, т. е. являются послелогам.

Как было сказано выше, лично-числовое маркирование послелогов предполагает два типа случаев — маркирование при помощи аффиксов или наличие синхронно не членимых морфологических элементов в составе морфемы-портманто. В большинстве языков манде нет ни того, ни другого — в анафорических употреблениях послелог сочетается со свободным местоимением, ср. бамана: *ń tǎ* 'ко мне', *à tǎ* 'к нему' [Выдрин 2008]. В таких языках синтетического лично-числового маркирования нет.

В то же время, в языках манде (главным образом, в языках юго-западной группы) есть и случаи синтетического лично-числового маркирования — как при помощи аффиксов, так и путем образования парадигмы нечленимых послеложных форм-портманто.

Аффиксальное маркирование послелогов встречается только в юго-западных манде. В этих языках к послелогам могут присоединяться так называемые полифункциональные местоименные префиксы (или индексы). Они считаются аффиксами, потому что в составе парадигмы этих показателей есть такие, которые выражаются только начальным чередованием (sic!) и префиксальным тоном³. Парадигма местоименных префиксов для языка кпелле представлена в Таблице 5 (по [Коношенко 2011b]).

Таблица 5. Местоименные префиксы в гвинейском кпелле

1 ед.	2 ед.	3 ед.	1 экскл. мн.	1 инкл. мн.	2 мн.	3 мн.
чередование + высокий тон	é-	чередование + низкий тон	gǔ-	kú-	ká-	dĩ-

В Таблице 6 представлена парадигма послелога *pɔ* ‘к’ с местоименными префиксами в гвинейском кпелле.

Таблица 6. Лично-числовая парадигма послелога *pɔ* ‘к’ в кпелле

1 ед.	2 ед.	3 ед.	1 экскл. мн.	1 инкл. мн.	2 мн.	3 мн.
<i>bɔ</i>	<i>é-pɔ</i>	<i>bɔ</i>	<i>gǔ-pɔ</i>	<i>kú-pɔ</i>	<i>ká-pɔ</i>	<i>dĩ-pɔ</i>

Как и в большинстве кельтских языков, в юго-западных манде префиксальные лично-числовые маркеры при послелогое способны употребляться только анафорически, т. е. не сочетаются с полными именными группами. Это показано в примерах (5–6) из кпелле.

- (5) *É*   *yá*   *tèyè*   *nèápèlèè*   (*dĩ-)*pɔ*.
 2SG.AFF вода давать\L DEF\ребенок.PL к
 ‘Ты дал воды детям’.
- (6) *É*   *yá*   *tèyè*   *dĩ-pɔ*.
 2SG.AFF вода давать\L 3PL-к
 ‘Ты дал им воды’.

³ В целом определение линейно-синтагматического статуса конкретных единиц в манде является проблемным, так как и знаменательные, и служебные слова в этих языках обладают слабой автономностью и отделимостью.

Другой способ послеложного маркирования, а именно наличие синхронно не членимых послеложных форм, маркированных по лицу и числу и возникших в результате фузии послелогов и местоимений, очень редко встречается в языках манде. На сегодняшний день это явление обнаружено только в двух языках манде – в кпелле (юго-западные манде) и юрэ (южные), причем в обоих языках нечленимые формы имеет только один послелог – *bà* ‘на’ в кпелле [Коношенко 2011] и *lè* ‘к’ в юрэ [Выдрин 2006].

Парадигма послелога *bà* ‘на’ в кпелле представлена в Таблице 7.

Таблица 7. Парадигма послелога *bà* ‘на’ в гвинейском кпелле

Исходная форма	1ед.	2ед.	3ед.	1 экскл. мн.	1 инкл. мн.	2 мн.	3 мн.
<i>bà</i> ‘на’	<i>máá / mí</i>	<i>yê</i>	<i>mà / mí</i>	<i>gùô</i>	<i>kúô</i>	<i>káá</i>	<i>dîê</i>

Как видно из Таблицы 7, послеложные формы плохо поддаются членению — в них хорошо «просматривается» местоименный корень (ср. Таблицу 5) и совсем плохо выделяется послеложный корень.

Дистрибутивные свойства спрягаемых форм послелога *bà* в кпелле совсем не тривиальны. Если он используется с локативной семантикой, то в спрягаемой форме может использоваться только анафорически:

- (7) *Shíngòm-yàà káá lànání*
 жвачка-PL быть прилипать.PCSTAT
nèápèlèè-yàà dǐ-mààhéyé-yàà bà / *dîê.
 DEF\ребенок.PL-PL 3PL-одежда-PL на 3PL.на
 ‘К одежде детей приклеены жвачки’.

Если послелог *bà* используется с более абстрактной дативной семантикой (при предикатах со значением речи, мысли, в т. ч. в идиоматических выражениях, при модальных предикатах и др.), тогда в 3 л. ед. ч. его спрягаемая форма по-прежнему может использоваться только анафорически, а вот в 3 л. мн. ч. она дублирует полную именную группу — подобно спрягаемым предлогам в валлийском. В (8–9) это показано на примере глагола *hváá* ... *bà* ‘отругать’:

- (8) *ŋǎǎ hváá ñòkòlò bà.*
 1SG.RES говорить DEF\ребенок на
 ‘Я отругал ребенка’.

- (9) *ŋàǎ hváá nèápèlèè diè.*
1SG.RES говорить DEF\ребенок.PL 3PL.на
'Я отругал детей'.

Однако подобное дублирование в кпелле возможно только с существительными, т. е. полными именными группами, но не с местоимениями (в отличие от валлийского).

Насколько нам известно, спрягаемые формы послелого *lè* 'к' в яурэ не могут сочетаться с полной именной группой и употребляются только анафорически.

Подводя итог разделу 3, можно сказать, что во всех кельтских языках лично-числовое маркирование адлогов (предлогов) реализуется в виде нечленимых словоформ, а в языках манде лично-числовое маркирование на адлогах (послелогах) осуществляется за счет лично-числовых префиксов и лишь в редких случаях — в составе нечленимых словоформ. Тем не менее, дистрибутивные свойства спрягаемых адлогов в кельтских и манде аналогичны — обычно спрягаемые формы употребляются только анафорически. Отклонения от этого, однако, различны: в валлийском спрягаемые послелого могут сочетаться с местоимениями, а в кпелле — с существительными.

4. Заключение

В этой статье мы рассмотрели грамматикализованные начальные чередования согласных и лично-числовое маркирование послелогов. Оба эти феномена встречаются и в кельтских языках, и в языках манде (особенно в юго-западных манде).

Основные результаты сравнения сводятся к следующему. И чередования согласных, и лично-числовое маркирование послелогов встречаются во всех кельтских языках, а для манде эти явления в целом ограничены юго-западной группой. Чередования согласных в кельтских языках имеют неизменно сложное, но разнообразное фонологическое и грамматическое устройство, в юго-западных манде чередования в целом похожи друг друга и встречаются в однотипных контекстах. Что касается спрягаемых адлогов, то, помимо тривиальной позиционной разницы (предлоги в кельтских, послелого в манде), для кельтских языков характерны парадигмы синхронно не членимых предложных словоформ, а в манде чаще встречается префиксальное маркирование послелогов без фузии. И в кельтских языках, и в манде лично-числовые маркеры в со-

ставе адложной словоформы употребляются анафорически, исключения есть в валлийском и в кпелле.

Разумеется, предположения о генетической или ареальной связи между кельтскими языками и юго-западными манде абсурдны, поэтому можно говорить лишь о типологическом сходстве. Тем не менее, сравнение данных таких далеких языков позволяет лучше понять пределы варьирования конкретных грамматических явлений, их типичные и редкие черты.

Список сокращений

гвин. – гвинейский диалект	L – грамматический низкий тон
AFF – утвердительный показатель	PCSTAT – стативное причастие
ART – артикль	PL – множественное число
DEF – определенный артикль	POSS – possessивный
F – женский род	SG – единственное число.

Литература

- Выдрин 2006a — В. Ф. Выдрин. К реконструкции фонологического типа и именной морфологии пра-манде // *Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований.* Т. II. Ч. 2. СПб.: Наука, 2006. С. 9–252.
- Выдрин 2006b — В. Ф. Выдрин. Личные местоимения в южных языках манде // *Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований.* Т. II. Ч. 2. СПб.: Наука, 2006. С. 327–413.
- Выдрин 2008 — В. Ф. Выдрин. Язык бамана: Учебное пособие. СПб., 2008.
- Иосад 2007 — П. В. Иосад. Грамматикализованные чередования начальных согласных. Типология, теория, диахрония. Дипломная работа. Москва, 2007.
- Коношенко 2011a — М. Б. Коношенко. Тональные системы диалектов языка кпелле // *Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований.* Т. II. Ч. 2. СПб.: Наука, 2011. С. 118–173.
- Коношенко 2011b — М. Б. Коношенко. Базовые грамматические категории гвинейского кпелле. Выпускная квалификационная работа магистра лингвистики. СПб., 2011.
- Мищенко рук. – Д. Ф. Мищенко. Язык лоома. Рукопись.
- Шкапа рук. – М. В. Шкапа. Анафорические местоимения в валлийском языке. Рукопись.
- Acquaviva 2001 — P. Acquaviva. Irish prepositional agreement and autonomous morphology. Ms. Dublin: University College Dublin, 2001.
- Bakker 2011 — D. Bakker. Person Marking on Adpositions // M. Dryer, M. Haspelmath (eds.). *The world atlas of language structures online.* Munich: Max Planck Digital Library. Chapter 1, 2011.

- Ball, Müller 2009 — M. J. Ball, N. Müller (eds.). *The Celtic Languages*, 2nd edition. London–New York: Routledge, 2009.
- Borsley et al. 2007 — R. D. Borsley, M. Tallerman, D. Willis. *The syntax of Welsh*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.
- Brennan 2009 — J. Brennan. Pronouns, inflection, and Irish prepositions // NYU Working Papers in Linguistics. Vol. 2. 2009. P. 1-32.
- Grégoire 1987 — Cl. Grégoire. Morphophonologie et morphologie nominales en soninké // Mandenkan 13, 1987. P. 1–59.
- Ó Baoill 2009 — D. P. Ó Baoill. Irish // M. J. Ball, N. Müller (eds.). *The Celtic languages*, 2nd edition. London–New York: Routledge, 2009. P. 163–229.

А. В. Выдрин, В. Ф. Выдрин

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ НАБРОСКИ К ДИАЛЕКТОЛОГИИ КАКАБЕ¹

1. Введение

До самого начала XXI века язык какабе оставался неизвестным лингвистам. Сам термин «какабе», впрочем, встречался иногда в публикациях о населении Фута-Джаллона как название низшей социальной группы не-фульбского происхождения и, во всяком случае, был хорошо известен фуланистам, но информация о том, что эта группа говорит на каком-то особом языке (помимо пулар), в научной литературе отсутствовала².

В 2001 году один из авторов осуществил двухдневную поездку в дер. Сокоторо, в ходе которой были записаны несколько сотен слов какабе. После этого стало ясно, что мы имеем дело с особым языком (а не с диалектом манинка), входящим в одну группу с коранко, леле и могофин (микифоре), причём к последнему языку какабе оказался особенно

---

¹ Данная работа выполнена при поддержке гранта фонда ELDP, IGSO197 “Description and the documentation of the Kakabe language”.

This work has been partially financed by the Labex EFL (ANR/CGI), Strand 3.

К сожалению, у нас не было возможности учесть в этой статье данные, собранные А. В. Выдриной в ходе экспедиции, проходившей с ноября 2013 г. по январь 2014 г. Отметим лишь, что они в целом подтвердили основные выводы статьи, внося важные уточнения (в частности, граница зоны распространения какабе существенно сдвинулась на юг, практически сомкнувшись с зоной вурекаба-манинка).

² Это обстоятельство особо подчёркивает А. И. Коваль, ведущий российский фуланист (устное сообщение). Отметим в этой связи, что иногда в литературе попадаются упоминания о какабе как о фута-джаллонской подгруппе манинка [Voeltz 1996]; впрочем, подобные формулировки не очень проясняют ситуацию. Дополнительную путаницу вносит также тот факт, что в этой же зоне встречаются и деревни, население которых действительно говорит на манинка, лишь минимально отличающемся от «стандартного манинка» Гвинеи. Без анализа языковых данных, основываясь лишь на этнонимах/лингвонимах и суждениях жителей соседних деревень, нередко оказывается практически невозможно понять, когда речь идёт о диалекте какабе, носители которого называют себя «манинка», а когда перед нами — «настоящий» диалект манинка.

близок. Тогда же была собрана информация о распространении языка какабе, отражённая на электронной карте [Vydrin, Bergman, Benjamin 2000–2012]. Какабе оказался довольно крупным языком — на нём говорят в нескольких десятках деревень; другое дело, что во многих из них этот язык находится под угрозой исчезновения. Такая «невидимость» языка какабе объясняется его низким социальным статусом³ и практически полным двуязычием его носителей (по крайней мере, в зоне Канкалабе и Сокоторо), которые при контактах с посторонними нередко называют себя «фульбе», не вдаваясь в дальнейшие подробности.

Следует отметить, что примерно в это же время языком какабе заинтересовался и специалист по пулар Абдурахман Диалло. Им были записаны данные по нескольким диалектам, которые, к сожалению, не были опубликованы (насколько нам известно, автор, не будучи специалистом по языкам манде, не был уверен в точности своих записей и проявил осторожность; ср. его публикацию об особенностях варианта пулар, на котором говорят какабе [Diallo 2008]).

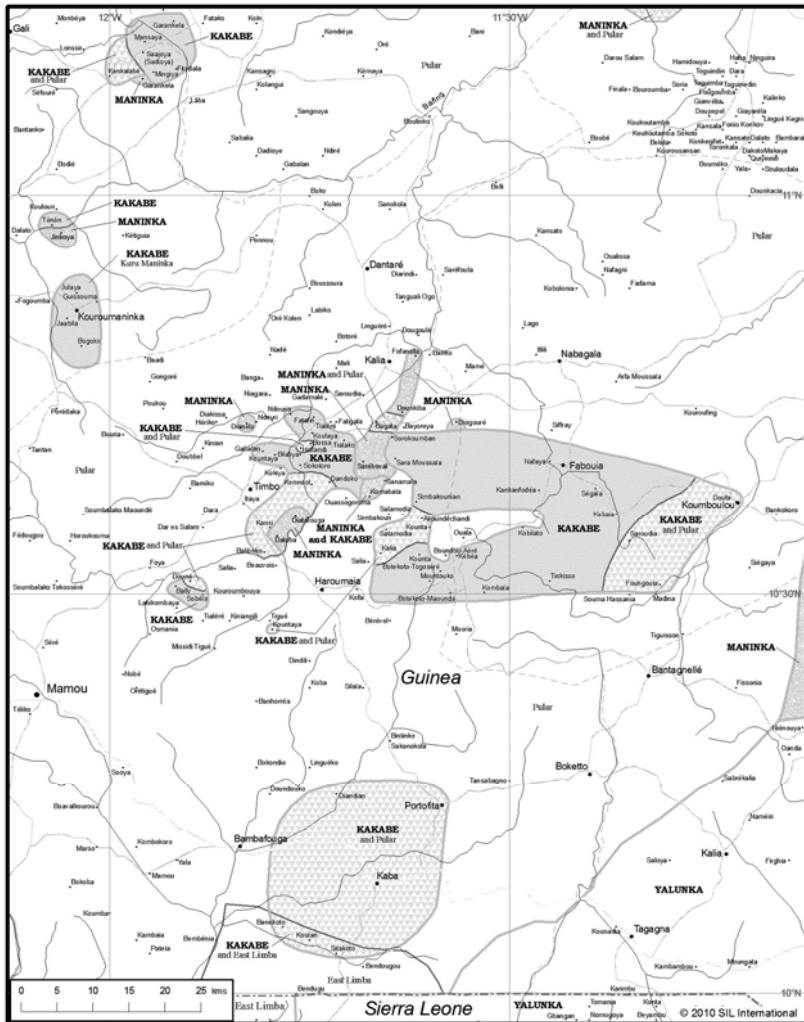
В сентябре 2007 состоялась краткая поездка Е. В. Перехвальской и В. Ф. Выдрина в дер. Сокоторо, в ходе которой были собраны дополнительные языковые данные и изучены возможности для полномасштабного исследовательского проекта⁴. В 2008 году началось систематическое изучение языка какабе, при этом опорными стали говоры дер. Сокоторо («юго-восточный диалект») и дер. Саджойя («северо-западный диалект»). Некоторые результаты были опубликованы в работах [Выдрина 2007, 2009а, 2009b, 2009с, 2011а, 2011b, 2012; Vydrina 2008а, 2008b, 2013; Vydrin, Vydrina 2010]. Идёт работа над словарём, комплексным грамматическим описанием и корпусом текстов.

В ходе поездок в Гвинею в 2008–2011 годах мы собирали данные по разным идиомам манде Фута-Джаллона. В результате обнаружили ещё два идиома, которые оказались довольно близки к какабе, при этом их носители себя к какабе не причисляют. Речь идёт о куру-манинка и

---

³ Само слово «какабе» — фульбское по происхождению (*kakkabe*), оно означает ‘сервильное население нефульбского происхождения’. Иного самоназвания у какабе, можно сказать, нет; свой язык они называют *yɔnkule* или *jɔnkule*, букв. ‘язык рабов’; когда они говорят на манинка, то называют себя *fūlajɔn* ‘фульбские рабы’.

⁴ Надо сказать, что это — не единственный эпизод, когда Е. В. Перехвальская имела дело с языками группы моколе. В том же сентябре 2007 года она участвовала в поездке к леле; собранные ею материалы были включены в предварительный очерк этого языка [Vydrine 2009].

вурекаба-манинка (см. карту)⁵. Кроме того, в рамках проекта по диалек-

⁵ Несмотря на манинканскую самоидентификацию носителей куру-манинка и вуре-манинка, мы не будем считать их диалектами манинка, исходя из лингвистического критерия (при этом те диалекты, носители которых причисляют себя к какабе, мы будем для краткости называть «ядерными какабе»). Отметим,

тологии манден в Гвинее А. В. Давыдова, осуществляемого с начала 2012 года (см., в частности, работу [Давыдов 2012], где частично отражены результаты начального этапа этого проекта) на востоке Фута-Джаллона были найдены идиомы, которые также близки к какабе или являются переходными вариантами, совмещающими черты какабе и манинка. Речь идёт, в частности, об идиомах, обнаруженных А. В. Давыдовым (личное сообщение) в дер. Фелло-Ламо (супрефектура Джалакодо, префектура Дингирае) и в дер. Джамбала Силала (супрефектура Бисикрима, префектура Дабола), жители которых называют свой язык *fúta máninkakan* 'язык манинка Футы'. Эти идиомы совмещают морфологические особенности какабе (в частности, наличие сегментного артикля, представленного передним гласным) с преобладанием лексики, характерной для манинка. С другой стороны, в зафиксированном примерно в той же зоне говоре уэ-эдакунда (дер. Уатагала, супрефектура Джалакодо, префектура Дингирае) черты манинка преобладают, так что его можно считать скорее диалектом манинка с субстратом какабе [Давыдов 2014].

Таким образом, получается, что диалектный континуум какабе, переходящий на востоке в такой же континуум манинка, охватывает чуть ли не всю юго-восточную четверть нагорья Фута-Джаллон и приближается к зоне переходных говоров между манинка и коранко. Есть все основания предполагать, что до XVIII века, когда этническая карта Футы радикально изменилась в результате джихада, носители пра-какабе составляли весьма значительную часть населения региона, а зона распространения языков моколе представляла собой неразрывное пространство⁶.

2. Диалектные зоны и контекст сбора материалов

В данной статье мы представим комментированные списки слов, собранных на основе 100-словного списка М. Сводеша, для четырёх

себя к какабе, мы будем для краткости называть «ядерными какабе»). Отметим, что свою близость к манден хорошо осознают и носители других языков моколе (особенно коранко и леле), которые в каких-то ситуациях могут полностью идентифицировать себя с манинка.

⁶ По словам Самба Кейта («д'Артаньяна»), жителя дер. Саджоя и одного из наших основных информантов (интервью 27.01.2010), в отношении этнического состава Фута делится на две части: к северу от дер. Фатако (самый северный населённый пункт какабе зоны Канкалабе) — «Фута-Джаллон», земля джаллонке, а к югу (и до нынешнего г. Маму) — просто «Фута», где живут фульбе и какабе. Не вполне понятно, как в таком представлении совмещается ретроспективный и синхронный взгляд на ситуацию, тем не менее, можно предполагать, что такое видение отражает некоторую реальность.

идиомов, которые мы отнесли к числу диалектов какабе в качестве предварительной гипотезы: центральный (представленный говором деревни Сокоторо); северозападный (зона Канкалабе; представлен двумя говорами: дер. Саджойа и дер. Насурулаи), куру-манинка (который можно было бы также назвать западным) и вурекаба-манинка (южный). Для сравнения будут даны также аналогичные списки по могофин (лексика которого, по-видимому, подверглась значительно меньшему влиянию со стороны манинка и пулар), а также по «стандартному манинка» (диалекту г. Канкан и окрестностей). Будут также даны некоторые сведения о фонетических и морфологических особенностях диалектов. Но прежде всего — некоторые сведения о каждой из диалектных зон, в которых были собраны анкеты, а также о контексте, в котором происходил сбор данных.

2.1. Центральный диалект

В наших материалах этот диалект представлен исключительно говором дер. Сокоторо, где проводились предварительные записи в 2001 и 2007 годах (информант — Абдулай Бари, председатель дистрикта) и с жителем которой Альфой Бакаром Думбуя (1986 г. рожд.) велась работа в течение первого года основного проекта. Данные по этому диалекту достаточно полны и надёжны. Деревня Сокоторо находится на трассе Конакри — Канкан, что объясняет большую мобильность её жителей, а также и ярко выраженный языковой сдвиг в пользу пулар: значительная часть населения Сокоторо (особенно молодёжь) языком какабе владеет плохо или не владеет совсем. Некоторые обширные семантические поля (например, названия растений) оказываются заняты почти исключительно фульбскими заимствованиями. Судя по свидетельствам жителей Сокоторо, утрата языка характерна для всей центральной зоны; это же обстоятельство подтверждает А. В. Давыдов, который посетил в 2012 году дер. Сарамусайа (к северо-востоку от Сокоторо): «Все говорят на пулар, просто так какабе не услышишь, но многие его знают». Отметим также, что многие какабе центральной зоны владеют, в какой-то мере, языком манинка.

При этом центральная зона оказывается самой обширной, она включает в себя несколько десятков деревень (см. карту выше).

2.2. Северо-западный диалект

В супрефектуре Канкалабе основная работа проводилась с говором дер. Саджойа (7 км к северо-востоку от Канкалабе). С 2009 г. этот говор стал основным объектом изучения в рамках нашего проекта, поэтому

данные по нему достаточно полны и надёжны. Основными информантами были Самба Джума Кейта (учитель начальной школы, 1960 г. рожд.) и Мамаду Сайду Конде (крестьянин, сын школьного учителя, 1987 г. рожд.). В 2009–2010 гг. нами были собраны сравнительные списки слов, а также некоторые данные по морфосинтаксису, в большинстве деревень этой диалектной зоны: Мансайа (*Mànsaya*), Сааджойа (*Sàajoya*), Селибайа (*Sélibaya*), Уансан (*Wánsan*), Мингийя (*Mingiya*), Борийа (*Boriya*), Насурулаи (*Nasurullay*), Фитадала (*Fitadala*)⁷. Говоры этих деревень весьма близки друг к другу, поэтому в наш сравнительный список мы включили, помимо говора Саджойа, только данные по говору дер. Насурулаи (запись 29.01.2010).

Сохранность языка в северо-западной зоне, по сравнению с центральной, оказалась существенно лучшей: при том, что и здесь наблюдается сплошное двуязычие какабе-пулар (многие при этом также владеют манинка), какабе остаётся языком повседневного общения представителей всех поколений.

2.3. Куру манинка (западный диалект)

На этом идиоме говорят в районе, называемом *Kuru*, примерно в 30 км к югу от Канкалабе и примерно на таком же расстоянии к северо-западу от центральной зоны какабе (см. карту). Слово *kuru* в какабе означает ‘камень’; в стандартном манинка Гвинеи оно значит также ‘гора’. Название этой местности восходит к расположенной здесь горе Куру; почти все деревни этой зоны (за исключением *Kuren*) имеют в своём названии начальный элемент *Kuru*. *Kuru Julala*, *Kuru Kenkepeba*, *Kuru Pellali*, *Kuru Kurabasi*, *Kuru Bəyəkə*, *Kuru Dantaatə*, *Kuru Jaabilafata*, *Kuru Katibaya*, *Kuru Farafé*, *Kuru Kəfə*. Впрочем, некоторые деревни, начинающиеся на *Kuru*, не населены куру-манинка; например, в Куру-Пампа живут какабе.

Диалектная анкета по куру-манинка была собрана нами 15 января 2009 года в ходе очень короткого посещения дер. Джулала (*Jùlala*) от информантов Мамаду Сисе и Сиди Джаби (*Mamadu Siise*, *Sidi Jaabi*), пожилых жителей этой деревни. К сожалению, скоротечность нашего визита не позволила собрать какие-то сведения о языковой ситуации в

---

⁷ Не были собраны анкеты в деревнях какабе Мансайа (*Mànsaya*) и Сангараре (*Sangarare*), а также в деревне Самайа (*Samaya*) со смешанным населением (какабе и фульбе). Можно упомянуть также деревни на северо-восточном берегу р. Донбеле, населённые этническими какабе, практически полностью перешедшими на пулар: *Sambaya*, *Jataya*, *Kokkoya*, *Kənkoren*, *Niga*, *Wendu*.

этой зоне; очевидно только, что многие куру-манинка владеют также «стандартным» манинка, который и служил нам языком общения.

2.4. Вурекаба-манинка (южный диалект)

На этом идиоме говорят в районе Вуре (*Würe*), центром которого является большая деревня Каба (или Вуре-Каба) на дороге Маму — Фарана, в 65 км к востоку от Маму и в непосредственной близости от границы со Сьерра-Леоне. По словам жителей Вуре-Каба, на вурекаба-манинка говорят в полутора десятках окрестных деревень: *Sòkɔreyá, Sítákòtò, Báanekòtò, Júmayá Linban, Dájan, Jánjan, Càkanòkolá, Pòrtòfita, Séeliyà, Bántàamayá, Sébekòtò, Bógòritò, Nínagbè, Sándankòrò*. Вурекаба-манинка не причисляют себя к какабе (несмотря на очевидную языковую близость). Такое неприятие названия «какабе», очевидно, объясняется историческими причинами. В соответствии с устной традицией, вурекаба-манинка являются потомками тех, кто во время джихада в XVIII в. не захотел подчиниться господству фульбе-мусульман и мигрировал на юг; тех, кто остался в подчинении у фульбе, стали называть «какабе». По-видимому, схожими причинами объясняется и то, что некоторые жители Вуре-Каба в разговоре с нами отрицали владение местным населением языком пулар — при том что другие этот факт подтвердили (по их словам, во всех деревнях района Вуре живёт много фульбе, а также лимба). Впрочем, такое двуязычие, по-видимому, не ведёт к языковому сдвигу.

В ходе краткого посещения Вуре-Каба 22 января 2010 года мы собрали 100-словный список М. Сводеша (с фразовыми примерами). Первая часть анкеты была записана от пожилого жителя деревни Вуре-Каба из клана Дуно (эквивалент Кейта), остальные слова — от 15-летней Нэнэ Курума (*Néénè Kùrumá*) из дер. Себекото (в 14 км к востоку от Вуре-Каба), ученице 7 класса. Таким образом, в нашем списке оказались представлены два различных говора (по-видимому, всё же достаточно близких). Некоторые лакуны, остававшиеся в списке, были заполнены в декабре 2013.

Таблица 1. 100-словный список М. Сводеша по диалектам какабе, в сравнении с могофин и стандартным маннинка Гвинеи

	могофин	Насурулай	Саджойа	куру-маннинка	Сокогоро	вурекаба	маннинка
1. all/ все	bée	fɔ́	fɔ́	gbéé	fɔ́	bée	bée
2. ashes/ пепел	bùgùtá, bògòtá	bùgùtá	bùgùtá	bùgùtá	bùgùtá	bùgùtá	bùndi-gbé
3. bark/ кора	wónbó	wónbo	wónbo	yíri wónbè	wónbo	lógó wónbè	wónbó
4. belly/ живот	búú	búú	búú	kónè	búú	búú	kónó
5. big/ большой	bèlèbèlè, kóló	báá; báá	bélebele; báá, kòlo	báá, kóló	bélebele; báá, kóló	báá, kóló, bùnbáa	bèlebéle, bónba
6. bird/ птица	kòndéŋ-è	kòndée	kòndée	kòndéè	kòndée	kùndú, kòndú	kòno
7. bite/ кусать	kín	kín	kín	kín	kín	kín	kín
8. black/ чёрный	fin	fin	fin	finma	fin	finmà	fin
9. blood/ кровь	básé	jéli	jéli	jéli	jéli	jéli	jéli
10. bone/ кость	kóló	kóló	kóló	kóló	kóló	kóló	kóló
11. breast/ грудь	síngí	síngí	síngí	síngè	síngí	sún	sín
12. burn/ жечь	bìntán	bìntán	bìntán	jàni	bìntán	bìntán	méne, jèní, jàní
13. claw, nail/ноготь	ɲànsíj	ɲànsín	sògɛn	bólóssóɲɛ	sògɛn	sùrín	sòrín

	могофин	Насурулай	Саджоѳа	куру-манника	Сокогоро	вурекаба	манника
14. cloud/ обла- ко	lútúrú	dúúle	dúúle	jùtè	dúúle	bántá nírínará	bídika, mídika, mídígba; kábá
15. cold/ холод- ный	kímá	kíma	kíma	kíma	kíma	kímá	súmá
16. come/ при- ходить	nà	nàà	nàà	nàà	nàà	nàà	nà
17. die/ умирагь	fàgá	fàgà	fàgà	fàya	fàgà	fàká	sà
18. dog/ собака	wùlú	wùlù	wùlù	wùlèè	wùlù	wùlù	wùlù
19. drink/ пить	mín	mìn	mìn	mìn	mìn	mìn	mìn
20. dry/ сухой	bálá	gbálá	gbálá	gbalà, jà	gbálá	gbálá	jàrán
21. ear/ ухо	tóló	tóló	tóló	tóló	tóló	tóló	tóló
22. earth/ земля	dùgú	dùgú	dùgú	dùgèè	dùgú	dùgú, òbikú	dùù
23. eat/ есть	dòmó	dàmù	dàmù	dàmu	dàmù	dàmù	dòmun, dámun, dàwun
24. egg/ яйцо	kélé	kílí	kílí	kílí	kílí	(sùsèè) kílí, kílú	kílí
25. eye/ глаз	ná, náá	náá	náá	náá	náá	náá	ná
26. fat/ жир	kèn, kèŋ-è	kèn	kèn	kèn	kèn	kèn	kèn, cén
27. feather/ перо	kòndèŋ-té	kòndè tíí	kòndo tíí	kòndèè tèè	kòndo tíí	kònde tíí	sí
28. fire/ огонь	tá	táá	táá	táá	táá	táá	tá
29. fish/ рыба	yégé	yégè	yégé	yégè	yégé	yéke, yéké	jéè

	могофин	Насурулай	Саржойа	куру-манника	Сокогоро	вурекаба	манника
30. fly/ летать	tún	wíɣɛ	wíɣɛ	gbán	wíɣɛ	túú	gbán
31. foot/ нога	kɛŋ	kɛŋ	kɛŋ	kɛŋ	kɛŋ	kɛŋ	sɛn
32. full/ полный	fáa, fá	fáa	fáa	fáa	fáa	fáa	fá
33. give/ давать	dí, díí	díí	díí	dí	díí	dò	dí
34. good/ хороший	káɾɪn	ɾɪn	ɾɪn	ɾúma, ɾɪn	ɾɪn	ɾɪn	ɾɪn
35. green/ зелёный	bùlulama, yànbakuta nnaama	kútáɾɛ	kútáɾɛ	fítaɛndɛlema	kútáɾɛ	yànbakùtá ndáama	fídaɛne lam a
36. hair/ волосы	kúnsíɣ-è	kúnsíɣi	kúnsíɣi	kúnsíɣè	kúnsíɣi	kúnsíɣi	kúnsíí
37. hand/ рука	bóló	bóló	bóló	bólè	bóló	bóló	bóló
38. head/ голова	kùn	kùn	kùn	kùɛè	kùn	kùn	kùn
39. hear/ слышать	mówé	móyɛ	mòè	mén	mén	móyi	mén
40. heart/ сердце	sòndóŋ-è, jùsè	jùsú	jùsú	jùsu	jùsú	jùsu	sòn, jùsú
41. horn/ рог	bíná	bíná	bíná	bína	bína	búna/bína	bíné
42. I/ я	ɲ	n	n	n	n	n	ɲ
43. kill/ убивать	fáɣá	fáɣá	fáɣá	fáya	fáɣá	fáká	fáa
44. knee/ колено	kúnbéɪn	kúnbéɪn	kúnbé- léɪn	(kún)gbèlèɲè	kúnbéɪn	kúnbéɪn	kúnbéɪn
45. know/ знать	lón	lón	lón	lón	lón	lón	lón
46. leaf/ лист	yànbá	yànbá	yànbá	fíta	fíta	yànbákún	fída
47. lie/ ложиться	sá	sàà	sàà	làà	làà	làà	lá

	могофийн	Насуруулай	Саржойа	куру-манника	Сокогоро	вурекаба	манника
63. one/ один	kélén	kélén	kélén	kélén	kélén	kélén	kélén
64. man, person/ человек	mògò	mògò	mògò	mòyò	mògò	mòkò	mòò
65. rain/ дождь	sángí	sángí	sángí	sàngè	sángí	sáánki	sán
66. red/ красный	wùlèn	wùlèn	wùlèn	wulèn	wùlèn	wulende	wùlèn
67. road/ дорога	kíla	kíla	kíla	kíla/kílaà	kíla	kíla	síla
68. root/ корень	lílí, lílí	lílí	lílí	lílí	lílí	lílí	lílí
69. round/ круг- лый	rá-dígirin- dén	nátintande n	nátintand en	nátíntánè	látintanne	látintanne, tintanne	tíndan, tíntan
70. sand/ песок	mèjèjè, mèjèjè	njáárendi	njáárendi	kèjèè	kèjèkèjè	kè(ŋ)èkáà	kìjè, ùjè, cìjè
71. say/ говорить	fó	fó	fó	fó	fó	fó	fó
72. see/ видеть	yèn	yèn	yèn	yèn	yèn	yèn	yé, yén
73. seed/ семя	súgè	súgu	súgú	súgu	súgú	súgu	súu
74. sit/ садиться	sígì	sígì	sígì	sígì	sígì	sígì	sí
75. skin/ кожа	bòlò	gbòlo	gbóló	gbólè	gbóló	gbèlèè; gbèlí filà	gbóló
76. sleep/ спать	kínnògò, kúndògò, kíndògò	kínnògò	kínnògò	kíndògò	kínnògò	kínnòkò	sùnòò, sìnnòò
77. small/ ма- ленький	mèsén, dògò, dògò-manj	dógómán	dógómán	meseje, dòyó	dógómán	dòkò/ dògò	mìsén, dòò
78. smoke/ дым	sìsè	sìsì	sìsì	sìsèè	sìsì	sìsì	sìsì

	могофин	Насурулай	Саджойа	куру-манника	Сокогоро	вурекаба	манника
79. stand/ стоять	sá	sò	sò	lò	sò	lò	lò
80. star/ звезда	lòlò, lólé	lòlò	lòlò	lólé	lòlò	lòlò	lòlò
81. stone/ камень	kùrú	kùrú	kùrú	kùrèè	kùrú	kùrú	bèrè, kábá, kùrú
82. sun/ солнце	tèlé	tèlé	tèlé	tèlèè	tèlé	tèlé	tèlé
83. swim/ плыть	jí māsá	fúbbe	gbùgbásí	kà táyá jéè kúmmà	búnbán	gii gbøe	néwun, námun
84. tail/ хвост	fǝrò	fǝrò	fǝrò	fǝrè	fǝrò	fǝyén	kó
85. that/ тот	wò	kèè	kéé	ké	kéé	kéé	wò
86. this/ этот	kè	rò	rò	rò	rò	rò	nìn, rìn, mèn
87. thou/ ты	í	i	i	i	i	i	í
88. tongue/ язык	nén	nèn	nán	nèrèè	nèn	rén	nèn
89. tooth/ зуб	rín	rín	rín	rín	rín	rín	rín
90. tree/ дерево	lógó	lógó	lógó	yirè	lógó	lógó	yirí
91. two/ два	filà, filà	filà	filà	filà, filà	filà	filà	filà
92. walk/ идти	tágámá	tágámán	tágámán	táyá	tágámán	tòkòma, tògómá	táama
93. warm/ горячий	bàndì	gbàndí	gbàndí	gbandi, kalama	gbàndí	kálàma	gbàndí, kálàman
94. water/ вода	jí/jé	jíí	jíí	jíí	jíí	gúí	jí
95. we/ мы	mò, mò	màð (ex)	mòð (ex.)	ma (ex.)	ma (ex.)	mà	án, ñ

	могофин	Насурулай	Саджойа	куру-манника	Сокогоро	вурекаба	манника
96. what?/ что?	fén, fén-dè	fén (mun)	fén (mun)	fén	fén (mun)	fén	mùn
97. white/ белый	bé, béé	gbéé	gbéé	gbee	gbéé	gbée	gbé
98. who?/ кто?	ɲámó	yón	yón	yón	yón	yón	jòn
99. woman/ женщина	mùsú	mùsú	mùsú	mùsu	mùsú	mùsú	mùsò, mòsò
100. yellow/ жёлтый	nétèmùgù- lámá	nétélama; púútá	nétélama; púútá	nétémúngúlá- ma	nétélámá	nétèmùn- kù-dáámà	nètèmùu- lámá

3. Сравнительные списки слов и лексикостатистика

В Таблице 1 приведены списки слов (собранные на основе 100-словного списка Мориса Сводеша) по пяти идиомам какабе, из которых два (Саджойа и Насурулаи) представляют одну и ту же (северо-западную) диалектную зону. Расположение колонок таблицы отражает географическую локализацию диалектов (при движении с северо-запада на юго-восток). Для внешнего сравнения приведены также формы языка могофин (ближайшего родственника какабе, на который пулар и манинка повлияли в меньшей степени) и «стандартного манинка» Гвинеи, который следует считать источником многочисленных родственных заимствований для какабе. Данные по могофин взяты из наших полевых записей, а также из [Lexique mɔgɔfin 2009] (этот последний источник позволил внести некоторые уточнения по сравнению со списком могофин, использованным в [Vydrin 2009]). Список слов для манинка идентичен тому, который приведён в [Vydrin 2009]. При анализе данных по остальным языкам семьи манде мы опираемся на материалы работы [Vydrin ms.].

По методике «улучшенной глоттохронологии» С. А. Старостина, сравниваемые списки должны быть очищены (насколько это возможно) от заимствований, поскольку генетическую дистанцию между языками отражают только внутренние инновации. Основные источники заимствований в какабе — пулар (такие заимствования, как правило, легко опознать) и манинка (эти заимствования бывает довольно трудно идентифицировать по причине близкого родства между группами манден и моколе). В исследуемых диалектных списках слов обнаруживаются следующие фульбские заимствования:

— Саджойа (северо-зап. диалект), 4 слова: *fɔ́* ‘все’ (пулар *fow*); *hɛ́ɛ́ɛ́* ‘печень’ (пулар *heyre*); *wííre* ‘летать’ (пулар *wiiru-gol*); *njááréndí* ‘песок’ (пулар *njaareendi*).

— Насурулаи (северо-зап. диалект), 4 слова: *fɔ́* ‘все’, *wííre* ‘летать’; *njááréndí* ‘песок’; *fúbbe* ‘плавать’ (пулар *fubba-gol*).

— куру-манинка (зап. диалект): заимствований из пулар не обнаруживается.

— Сокоторо (центр. диалект), 2 слова: *fɔ́* ‘все’, *wííre* ‘летать’.

— вурекаба-манинка (южный диалект): заимствований из пулар не обнаруживается⁸.

Теперь рассмотрим все остальные случаи, когда сравниваемые языки демонстрируют расхождения.

1. all/все: в «ядерных какабе» исконное слово (присутствующее во всех остальных языках моколе и в манден) вытеснено фульбским заимствованием; оно сохранилось в вурекаба и в куру-манинка (в последнем случае нуждается в объяснении лабиовелярный согласный — очевидно, поздняя нерегулярная инновация).

4. belly/живот: корень *bíi*, который мы видим во всех диалектах какабе кроме куру-манинка, характерен для всех языков группы моколе, а также для ваи и коно⁹; очевидным образом, он является инновацией пра-языка моколе-ваи-коно. Форма куру-манинка *kɔ̀nɛ̀* — когнат основы, представленной практически во всех языках группы манден, реконструируемой для пра-манден как **xɔ̀nɔ̀* и не засвидетельствованной за пределами манден. Такое распределение рефлексов позволяет предположить, что форма куру-манинка — заимствование из манинка.

5. big/большой: форма *báá*, представленная во всех диалектах какабе, по-видимому, является огментативным суффиксом и не должна учитываться в лексикостатистике. Корень *kólob* представлен во всех языках групп моколе и коно-ваи; возможно, этот же праязыковой корень отражён в формах сонинке *xɔ̀or-é*, бозо-тияхо *xolo*, бозо-келинга *hùlò* (впрочем, этому предположению противоречат тоновые различия). Корень *bélebele* также представлен во всех языках группы моколе; возможно, он существует также в куру-манинка и вурекаба, а в наших данных не представлен лишь по случайности (в таком случае анализируемое расхождение — фиктивное). За пределами группы он отмечен также в языках манден, в сусу, в бобо и в некоторых южных манде (гуро *bɛ̀lɛ̀bɛ̀lɛ̀*).

---

⁸ Отметим любопытную корреляцию: в тех диалектах, носители которых называют себя «какабе», фульбские заимствования проникают в базовую лексику, а в диалектах, носители которых идентифицируют себя с манинка — нет, при том что и те, и другие живут в фульбском окружении.

⁹ За пределами этих двух близкородственных групп внешне похожие формы прослеживаются в юго-западных манде: манде *kò-mbù* ‘нижняя часть живота’, банди *kò-mbù* ‘живот’. Впрочем, здесь компонент (*m*)*bu* представляет собой, скорее всего, корень **bù* ‘низ’, а собственно значение «живот» выражено первым элементом (ср. пра-юго-зап. манде **kɔ̀ŋ*).

9. blood/кровь: во всех диалектах какабе обнаруживается тот же корень, что и в языках манден. Форма могофин *básé*, по-видимому, инновативная; при том что этот корень явно древний, он широко представлен в западных языках манде в значении ‘сатиновое дерево (Terminalia ivorensis¹⁰)’. Из сока сатинового дерева получают красно-коричневый или жёлтовато-красный краситель, поэтому название легко переносится на этот краситель, и далее — на кровь. Иногда при этом такое название крови воспринимается как эвфемизм и употребляется только к менструальной крови (как в манинка) или к крови, вытекающей из раны (как в бамана).

11. breast/(женская) грудь: представленные в какабе односложная (вурекаба *sún*) и двусложная (остальные диалекты) формы, возможно, являются однокоренными (в таком случае *síngí* является композитом, **sín-jí* ‘вода груди’, т.е. «материнское молоко», с последующим сдвигом значения¹¹; *sún* — результат не вполне понятного диахронического процесса дефронтализации гласных, отмеченного в вурекаба также и в некоторых других словах, ср. *túú* < **tí* ‘летать’, *dò* < **dí* ‘давать’).

12. ‘burn/жечь’: доминирующий в диалектах какабе корень представлен во всех без исключениях языках моколе (леле *minda*, коранко *mindá*) и ваи-коно (ваи *bindá*, коно *mínda*), но отсутствует за пределами этих двух групп, являясь, очевидно, инновацией их общего пра-языка¹². Рефлексы же корня, представленного в куру-манинка, встречаются исключительно в языках группы манден (мандинка, хасонка, манинка *jàni*, бамана *jèni*, марка-дафин *zǝí*, и т. д.). По-видимому, в куру-манинка мы имеем заимствование из манден (скорее всего, из манинка).

¹⁰ Так идентифицируют это дерево словари некоторых языков манде, однако вполне возможно, что эта идентификация ошибочна. Не исключено также, что это название относится к разным видам деревьев, из которых получают краситель.

¹¹ Конкуренция двух форм, односложной (предположительно **xín*) и двусложной (предположительно **xín-jí*, <грудь-вода> — хотя нельзя полностью исключать и несоставной характер этой основы, в таком случае можно допустить и реконструкцию **xúngí*) наблюдается в разных группах западной ветви манде, ср.: сусу *xíjé*, джалонке *qíjné*, мандинка *súnju*, хасонка *súnji* — джого *sén*, коранко *kí, sí*, манинка *sín*, бозо-тиеяхо *xen*, и т. д. Косвенным свидетельством в пользу составного характера рассматриваемой основы может служить форма слова какабе *sángí* ‘дождь’, где второй элемент (-*gí*), вне всякого сомнения, восходит к слову *jí* ‘вода’.

¹² Такие формы языков группы манден как мандинка *mála*, манинка *méne*, бамана *méne, tána* (и т. д.) ‘загораться, гореть; светить’, по-видимому, представляют другой корень, так же как и форма бобо *mūlū* ‘светиться’ (об огне).

13. claw, nail/ноготь: корень говора Насурулаи *ɲànsín* хорошо представлен в моколе (могофин *ɲànsín*, леле *ɲànsí*) и, по-видимому, должен быть реконструирован для пра-моколе; в группе-коно-ваи (коно *yáansen*, возможно, вай *kɛɲjì*), а также в одном из языков группы манден — мандинка (*ɲònsiŋ*, здесь же имеются формы *ɲòriŋ*, *ɲòriŋ*, *ɲòoliŋ*, которые, возможно, являются следствием контаминации *ɲònsiŋ* с общемандингской основой *SÒORIN), где появление этого корня может быть каким-то субстратным явлением. Корень *sòrin*, *sùrín*, который мы находим в остальных диалектах, также широко распространён в различных группах манде: моколе (коранко *sùrj*), манден (манинка *sòrín*, бамана *sòní*, *sòní*), возможно, сонинке *jàré* ‘коготь, клык’; южные манде (дан-гуэта *sūɬ*, гуру *sɔ̃ɬ*, уан *srɔ̃ŋ* и др.). Для праманде более правдоподобной кажется реконструкция корня *SÒORIN, тогда как корень *Nònsiŋ может быть общей инновацией пра-языка моколе и вай-коно (с сохранением старого корня в некоторых современных языках под влиянием манден).

14. cloud/облако: в «ядерном какабе» это значение передаёт слово *dúúle*, которое можно было бы считать заимствованием из пулар (ср. *duule-re*), однако против этого говорит, во-первых, то, что она не известна в фульбских диалектах за пределами Фута-Джаллона, а во-вторых, наличие форм леле *dúye* ‘облако’, коранко *dúru* ‘туман, дымка; роса’, что позволяет реконструировать этот корень для пра-моколе и полагать, что эта форма была заимствована скорее из какабе в пулар, а не наоборот. Формы куру-манинка *jútè* и вурекаба *bántá nírínará* являются, по-видимому, инновациями этих идиомов, мы не находим их в других языках манде. Вообще, выражение этого понятия в западных манде оказывается весьма неустойчивым; отметим очевидную инновацию в могофин (*lútúru*).

20. dry/сухой: во всех диалектах какабе мы имеем корень *gbálá* (низкий тон в куру-манинка может быть результатом контекстных изменений). Будучи представленным почти во всех группах манде, он может быть реконструирован и для праманде. В куру-манинка обнаруживается параллельная форма *jà*, которую, по-видимому, следует считать заимствованием из манден. Корень *jà или *jàlan можно считать инновацией уровня пра-манден.

27. feather/перо: корень какабе *tii*, *tee*, широко представлен в западной ветви манде. Не вполне понятно, являются ли формы *sí*, которые мы находим в большинстве языков манден (а также в леле) рефлексамии того же корня (в таком случае приходится постулировать нерегулярное или редкое соответствие *t : s*).

30. fly/летать: в «ядерном какабе» это значение выражается заимствованиями из пулар. Корень *túú*, который мы находим в вурекаба, представляет архаичную основу, представленную как в моколе (леле *tí*, мо-гофин *tún*), так и в других группах западной ветви манде (коно *típ*, джо-го *tí*, мандинка *tíi*, мау *típ*, возможно бобо *tirē*, дзуун *tsén*). Форма куру-манинка *gbán*, очевидно, заимствована из манинка, хотя нельзя исключать, что она представляет общую инновацию манден и моколе (ср. леле *kpan*, коранко *gbá*).

35. green/зелёный: форма «ядерного какабе» *kútán* имеет исходное значение «новый, свежий», в этом последнем значении он хорошо представлен в группах манден, моколе и вай-коно (возможно, также и за их пределами). Его значение 'зелёный' — по-видимому, поздняя инновация. Формы куру-манинка *fitakendelema* и вурекаба *yànbàkùtàndáàma*, имеющие прозрачную этимологию («подобный свежему листу»), очевидно, являются более архаичными.

39. hear/слышать: двусложные формы «ядерного какабе» представляют явно тот же корень праманде, что и односложные формы куру-манинка и вурекаба, нельзя при этом исключить, что последние являются результатом влияния манинка (отметим, впрочем, соответствия для слова 51. man/мужчина, где наблюдается схожее распределение вокалических структур). В языках манден в рефлексах этого корня также представлены и односложные, и двусложные структуры, ср. мандинка *mòyi*, манинка Ньюколо *mòyi* vs. манинка, бамана *mén*, хасонка *mé*.

46. 'leaf/лист': распределение корней *yànbá* и *fíta*, вопреки общей тенденции, не совпадает с разделением диалектов на «ядерный» и «неядерный какабе»; по-видимому, это свидетельствует о том, что оба они для какабе — исконные. Оба корня хорошо представлены в западных манде, нередко они сосуществуют в одном языке, в таком случае они обычно различаются по значению: семантика *YANBA/ JANBA* эволюционирует в «табак, индийская конопля», а семантика *FIDA* — в «брусса, лес; лекарство». Ср., например, мандинка: *fíta* 'лист; кустарник', *jànba* 'лист'; манинка: *fída* 'лист; лекарство', *jànba* 'табак'; вай *filá*, *fíá* 'лес, буш', *jànbá* 'лист; зелень', и т. д.

48. liver/печень. Не до конца понятна природа формы Насурулаи *béce*. Возможно, она восходит к тому же корню, что и *bíjé* в манинка и *búná* в большинстве диалектов какабе, являясь результатом деназализации и оглушения срединного палатального согласного с последующей геминацией (из этого мы и исходим в нашем лексикостатистическом подсчёте), однако необычность такого исторического перехода делает допустимыми и другие интерпретации.

50. louse/вошь. В соответствии с рекомендациями [Старостин 2013: 282], при наличии более чем одного слова для разных видов этого насекомого, для сравнения нужно привлекать слово для головной вши. К сожалению, для куру-манинка у нас есть только одно слово, *kàrangbáa*, обозначающее, скорее всего, платяную вошь.

Корень *làngá* (*lànká*), присутствующий в остальных диалектах, характерен для всех языков моколе и вай-коно, при этом за пределами этих групп он не встречается (формы хасонка *lámí*, бамана *lími* и т. п., по-видимому, представляют другой корень).

52. many/много: форма *búyí* отражает инновацию «ядерного какабе», она не встречается за пределами какабе. Формы куру-манинка и вурекаба — несомненно, более архаичные, этот корень представлен во всех языках моколе и в манден¹³.

59. ‘new/новый’: «ядерные какабе» *lámá*, куру-манинка и вурекаба *kútá*. Оба корня представлены в группах моколе, вай-коно и манден¹⁴, но различаются по семантике и распределению. *NAMA* — основное слово для понятия «новый» в коно, вай, могофин и «ядерном какабе»; в то же время в бамана и в манинка *má-pata* — сравнительно редкое слово, которое означает «новёхонький, совсем новый». Корень *KUTA* повсюду в манден, а также в леле и коранко выражает значение «новый», тогда как в могофин и какабе он значит «сырой, свежий; зелёный»; в вай *kú’á* значит ‘сырой’ (неварёный)¹⁵. Таким образом, здесь просматривается длительная история конкуренции между этими двумя корнями, детали которой ещё предстоит изучить.

61. ‘nose/нос’: пока что остаётся непонятным, представляют ли форма *sún* в «ядерных какабе» и форма *nún* в вурекаба один корень праманде (предположительно, **dún*, с развитием **dún* > **sún* в пра-юго-западном, пра-джого-джерри, пра-коно-вай и пра-моколе; **dún* > **dún* > *nú* в пра-манден) или два (соответственно **sú* и **dú*). В данном подсчёте было принято, что это — рефлекс одного корня. В любом слу-

---

¹³ Надо сказать, что форма *síya* ‘быть многочисленным’ существует и в Саджойа, где она конкурирует с *búyí*, при этом обе являются употребительными.

¹⁴ Для пра-языка юго-западной группы манден реконструируется корень **níná* ‘новый’, в сусу и джаллонке отмечено слово **nèné*, для пра-языка группы джого-джерри реконструируется корень **nán*, и т. д. Пока что трудно сказать, имеем ли мы тут дело с тем же корнем, что в языках моколе и коно-вай.

¹⁵ Возможно, к этому же корню относится форма языка дзуун (группа самого) *kyèrónj*.

чае, форма вурекаба, с большой степенью вероятности, является родственным заимствованием из манден.

69. round/круглый: выражение этого понятия в языках манде характеризуется низкой устойчивостью, часто для этого используются причастия от глаголов со значением «скруглять» или «кружиться», что наблюдается и в какабе. Впрочем, во всех диалектах какабе мы имеем одну и ту же форму, представляющую собой причастие от глагола *títan*. Этот корень отмечен не только в моколе (леле, коранко), но и в манден (манинка), и в вай-коно (коно *tíndan*), а также в юго-западных языках лоома и кпелле (гвинейский кпелле *tínéj* ‘поворачиваться’, либерийский лома *tite(g)* ‘поворачиваться; крутиться’, гвинейский лоома *tàti(g)* ‘крутить; взбалтывать’). Отметим при этом, что в могофин мы имеем форму, которая, по-видимому, является причастием от глагола *rá-digirin* ‘закруглять’; возможно, это заимствование из сусу.

83. swim/плавать: ни в одной паре сравниваемых идиомов какабе формы не совпадают (как не совпадают они с могофин и с манинка); по-видимому, все они являются недавними инновациями. В форме Саджойа *gbùgbásí* можно попытаться выделить глагольную основу *gbàsi* ‘бить’, однако остаточный компонент *gbù* в какабе не этимологизируется. Более приемлемым представляется происхождение этого слова от ономотопа *gbùgbas* ‘плюх-плюх’ (плеск воды, который производит пловец). Форму Сокоторо *búnbán* можно сопоставить с сонинке *banbe* ‘плавать (активно); плыть (пассивно), держаться на воде; плескаться в воде’ и с нуму (группа джого-джерри) *bùán kyó* (букв. «плавание-делать»); впрочем, в обоих случаях сопоставления не кажутся нам надёжными. В Насурулаи мы имеем заимствование из пулар; в куру-манинка идея плавания передаётся выражением *kà táyá jèè kúmmà*, букв. «идти по воде». Форма вурекаба *gii gbæ* не вполне прозрачна; по-видимому, *gii* = *jí* ‘вода’, но значение глагола *gbæ* неизвестно.

84. tail/хвост: во всех диалектах какабе мы имеем одну и ту же основу, которая представлена также почти во всех других языках моколе (за исключением леле) и в вай-коно (вай *féné*, коно *fèé*). В группе манде она также отмечена, но только в мандинка (*féne*) и очень близком к нему манинка Ньюколо (*fòno*). Формы, которые могут быть возведены к тому же корню, имеются в сонинке, бозо, бобо и бен.

Корень *kó*, который мы видим в манинка, представлен в языках манде ещё шире (в т. ч. и в группе моколе: коранко *kú*, леле *kóó*). Таким образом, речь идёт о двух древних корнях, конкурирующих на протяжении всей истории развития языков манде; по-видимому, оба они

должны быть реконструированы для пра-манде (возможно, с какими-то различиями в семантике).

90. tree/дерево: форма куру-манинка представляет корень для «дерева», рефлексy которого имеются почти во всех группах манде, но не в моколе и ваи-коно, где конкурируют два корня: *kɔn (ваи, коно, леле, коранко) и *dʒɔ («ядерный какабе», могофин). Этот последний корень также широко представлен во многих группах западной ветви манде, но чаще всего — в значении «дрова, хворост»; впрочем, по данным семантической типологии, при наличии у одного корня значений «дерево» и «дрова», первое в норме является первичным, а второе — производным [Старостин 2013: 294]. То, что для корня *dʒɔ первичным является значение «дерево», подтверждает язык бобо (*sɔ-nɔ* 'дерево; древесина'), а также тот факт, что в западных диалектах бамана слово *dʒɔ* ~ *lɔɔ* может иметь оба значения, «дрова» и «дерево». По-видимому, форму *yirɛ* в куру-манинка следует считать результатом влияния манден, а форму Саджойа *lɔɔ* — исконной.

93. warm/ горячий: в диалектах какабе представлены два корня, при этом в куру-манинка они сосуществуют — так же как и в «стандартном манинка». Не исключено, что и в вурекаба, наряду с *káláma*, существует также форма *gbândí*, не выявленная в ходе нашего блиц-опроса, однако пока что мы будем исходить из того, что её нет.

95. we/ мы: по крайней мере в «ядерном какабе» различаются формы эксклюзива (Сокоторо *ma*, Саджойа *mɔɔ*) и инклюзива (Сокоторо *ɔma*, Саджойа *ɔmɔɔ*). Последние являются композитами (2PL + 1PL.EXCL), поэтому здесь учитываются только формы эксклюзива.

96. what?/что? Форма *fɛn*, которую мы находим в диалектах какабе, представляет общую изоглоссу для всех языков моколе и коно-ваи, противопоставляющую их языкам манде, где преобладает основа *mɔn*. Весьма соблазнительно возвести эту форму к корню со значением «вещь» (в какабе также *fɛn*), постулируя простую и правдоподобную эволюцию: *fɛn mɔn?* 'какая вещь? что?' > *fɛn?* (отметим, что в «ядерном какабе» форма *fɛn mɔn?* как раз существует). Такому объяснению противоречат, во-первых, несколько странная форма коранко *nɛ* 'что?', и во-вторых, тот факт, что предположительно родственные формы вопросительных местоимений обнаруживаются в группе самого (джовулу *vɛ*, банка *fɔ*, дуун *fɔɛ*, дзуун *fɛɛ*); последнее может свидетельствовать о значительной древности этого корня.

Представим теперь данные попарного сравнения списков в виде таблицы. Для каждой пары идиомов приводится процент когнатов, при

этом за 100% принимается реальное количество сравниваемых слов, т. е. за вычетом лакун и идентифицированных заимствований. К последним, помимо упомянутых выше фульбских заимствований в «ядерных какабе» и одного заимствования сусу в могофин, добавились 3 заимствования из манинка в куру-манинка (*kɔ̀lɛ̀* ‘живот’, *jéni* ‘жечь, гореть’, *uĩ̀dè* ‘дерево’) и одно — из манинка в вурекаба-манинка (*nĩ̀p* ‘нос’).

Таблица 2. Доля когнатов в 100-словном списке по диалектам какабе, в сравнении с могофин и манинка

	МГФ	НСР	СДЖ	К-М	СКТ	В-К	манинка
могофин	—	92	93	89	90	91	81
Насурулай		—	98	93	98	94	82
Саджойа			—	95	99	95	83
куру-манинка				—	95	94	91
Сокоторо					—	93	84
вурекаба						—	82

Анализ этой таблицы позволяет сделать следующие выводы.

1) По данным лексикостатистики, диалекты «ядерного какабе» обнаруживают между собой несомненную близость — заметно большую, чем каждый из них с любым другим идиомом, включённым в подсчёт.

2) Дистанция от «ядерного какабе» до куру-манинка или вурекаба-манинка оказывается несколько меньшей, чем до могофин. Это даёт нам основания считать эти два идиома периферийными диалектами какабе. При этом дистанция между диалектами какабе (как центральными, так и периферийными), с одной стороны, и могофин, с другой, близка к 10% — цифре, которую обычно считают пороговой при наделении идиома статусом отдельного языка или диалекта другого языка¹⁶. В такой пограничной ситуации, очевидно, имеет смысл принять во внимание сложившуюся (пусть и не очень давнюю) традицию рассматривать могофин и какабе как два разных языка.

3) Куру-манинка выделяется повышенным процентом когнатов с манинка: при том что три слова этого идиома были исключены из списка

¹⁶ В работе [Vydrin 2009a], где в качестве представителя какабе был взят диалект Сокоторо, расхождение между какабе и могофин было оценено в 12%. Такой повышенный процент объясняется тем, что из списка не были устранены все заимствования.

как очевидные манинкаизмы, обнаружилось всего 9% лексических расхождений (почти вдвое меньше чем у остальных идиомов). Очевидно, в списке имеются и другие заимствования из манинка. Несомненно, куруманинка — самый манинкаизированный из всех рассматриваемых идиомов; за ним следует диалект Сокоторо.

Литература

- Выдрина 2007 — А. В. Выдрина. Реализация референтного артикля в языке какабе // Четвёртая конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Материалы. СПб, 01–03 ноября 2007 г. СПб: Нестор-История, 2007. С. 56–59.
- Выдрина 2009a — А. В. Выдрина. К вопросу о реализации лексического тонального контура в языке какабе // Исследования по языкам Африки. Вып. 3. М.: Институт языкознания, 2009. С. 102–114.
- Выдрина 2009b — А. В. Выдрина. Инхоативная и пассивная лабильность в языке какабе // Материалы Международной конференции VIII по языкам Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки (Москва, 22–24 сентября 2009 г.). Тезисы докладов. М.: Ключ-С, 2009. С. 28–40.
- Выдрина 2009c — А. В. Выдрина. Показатель глагольной множественности в языке какабе // Африканский сборник. СПб: МАЭ РАН, 2009. С. 269–288.
- Выдрина 2011a — А. В. Выдрина. Показатель пассива в северо-западных диалектах языка какабе // Е. В. Перехвальская, А. Ю. Желтов (ред.). *Le monde mandé: К 50-летию В. Ф. Выдрина. Материалы экспедиции в Западную Африку (2001–...)*. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 110–121.
- Выдрина 2011b — А. В. Выдрина. Лабильность в языке какабе // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН*. Т. VII. Ч. 2. 2011. С. 174–217.
- Выдрина 2012 — А. В. Выдрина. Тональное поведение предикативных маркеров и соотношение лексических и грамматических тонов в языке какабе // В. Ф. Выдрин, А. Ю. Желтов (ред.). *Между Нигером и Конго: Заметки на полях. К 60-летию Константина Игоревича Позднякова*. СПб., Нестор-История, 2012. С. 94–122.
- Давыдов 2012 — А. В. Давыдов. Диалекты манден Гвинеи и литературный манинка // В. Ф. Выдрин, А. Ю. Желтов (ред.). *Между Нигером и Конго: Заметки на полях. К 60-летию Константина Игоревича Позднякова*. СПб.: Нестор-История, 2012. С. 123–141.
- Давыдов 2014 — А. В. Давыдов. *Говор манден деревни Уатагала (Гвинея)*. Наст. сборник.
- Старостин 2013 — Г. С. Старостин. *Языки Африки. Опыт построения лексико-статистической классификации*. Т. 1: *Методология. Койсанские языки*. М.: Языки славянской культуры, 2013.

Предварительные наброски к диалектологии какабе

- Diallo 2008 — A. Diallo. Language contact between Mande and Atlantic in Guinea // V. Vydrin (ed.). Mande languages and linguistics. 2nd International Conference, St. Petersburg (Russia), September 15-17, 2008. Abstracts and Papers. St. Petersburg, 2008. P. 61–79.
- Lexique mɔ̃ɡɔfin–français. Version provisoire. Garama, Préfecture de Boké : Mission Évangélique Réformée Néerlandaise, Février 2009.
- Voeltz 1996 — E. F. K. Voeltz. Les langues de la Guinée // Cahiers d'étude des langues guinéennes, 1. Conakry: Université de Conakry, 1996.
- Vydrine 2009a — V. F. Vydrine. On the problem of the Proto-Mande homeland // Вопросы языкового родства — Journal of Language Relationship 1, 2009. P. 107–142.
- Vydrine 2009b — V. F. Vydrine. Esquisse de la langue lélé (groupe mokolé) // Mandenkan 45, 2009. P. 29–104.
- Vydrin ms. — V. F. Vydrin. Mande family etymological dictionary. Ms.
- Vydrin, Bergman, Benjamin 2000-2012 — V. Vydrin, T. G. Bergaman, M. Benjamin. Mandé language family of Western Africa: Location and genetic classification. <http://www-01.sil.org/silestr/2000/2000-003/silestr2000-003.htm>
- Vydrin, Vydrina 2010 — V. F. Vydrin, A. V. Vydrina. Impact of Pular on the Kakabe language (Futa Jallon, Guinea) // Journal of Language Contact, Thema, 2010. P. 86-105 http://eprints.soas.ac.uk/12415/1/JLC_THEMA_3_complet.pdf
- Vydrina 2008a — A. V. Vydrina. Vowel length in the Kakabe language // V. Vydrin (ed.). Mande languages and linguistics. 2nd International Conference, St. Petersburg (Russia), September 15-17, 2008. Abstracts and Papers. St. Petersburg, 2008. P. 90–92.
- Vydrina 2008b — A. V. Vydrina. Vowel length in the Kakabe language // Mandenkan 44, 2008. P. 79–88.
- Vydrina 2013 — A. V. Vydrina. Le comportement tonal des marqueurs prédicatifs dans la langue kakabé // Mandenkan 50, 2013. P. 147–170.

А. В. Давыдов

ГОВОР МАНДЕН ДЕРЕВНИ УАТАГАЛА (ГВИНЕЯ)

1. Введение

1.1. Социолингвистическая ситуация

Деревня Уатагала (в официальной франкоязычной записи — Watagala) входит в состав супрефектуры Дьялакодо (Dialakodo) префектуры Дингирай (Dingiraie) провинции Средняя Гвинея, Республика Гвинея. Она расположена в трёх километрах от столицы супрефектуры.

Лингвистическая карта супрефектуры Дьялакодо достаточно пёстрая. Из пятнадцати деревень, входящих в её состав, шесть говорят на манинка, три — на фуга-манинка (идиоме группы моколе, близком к языку какабе), прочие — на пулар. Подобное перемежение разноразличных деревень в целом характерно для восточной части Средней Гвинеи. Кроме того, в деревне Уатагала, обозначенной в заглавии настоящей статьи, сохранился говор манден, весьма отличный как от манинка-мори (наиболее престижного варианта гвинейского манинка, на основе которого формируется литературная норма), так и от распространённых неподалёку говоров манинка района Манден. Этот говор имеет название *wéekundákán* (где *-kán* – ‘язык’). Этимология элемента *wéekundá* неясна; существует народная этимология, трактующая этот элемент как «терпеливые люди», но она не подтверждается реальными языковыми фактами. Заметим также, что наличие самоназваний говоров нехарактерно для верхнегвинейского ареала манден и прилегающих к нему частей среднегвинейского, но крайне распространено в ареалах манден Лесной Гвинеи и севера Республики Кот д’Ивуар. *Wéekundákán* представляет здесь исключение.

Название деревни в местном обиходе звучит как *Wátàalá*, наряду с этим названием существует более точное – *Wátàalábwa* ‘большая Уатагала’, в противоположность двум другим деревням с названием *Wátàalá*, расположенным в соседних супрефектурах: *Wátàalá-kònké-kàn* ‘Уатаала на холме’ и *Wátàalá-Wúlada* (‘Уатаала [области] Вулада’).

Помимо уээкундакан, в деревне говорят на двух идиомах. Основным средством общения является койне на основе манинка-мори. Оно практически полностью вытеснило говор *wéekundákán*. Кроме того, многие жители деревни владеют в той или иной степени языком пулар.

В деревне зафиксированы следующие линиджи: *Kàlèlá*, *Kèmbòkò-doyá*, *Kànelá*, *Tànulá*, *Fóde-Àmarayá*, *Mòribayá*. Имена основателей деревни (в порядке прихода в неё): *Fóde Àlì Dábò*, *Fóde Àmará Kóbèese*, *Fóde Àmará Sàwane*. Из того, что всем трём именам предшествует мусульманский титул *fóde* (человек, знающий наизусть весь Коран), можно сделать вывод о том, что все они были марабутами. Информанты также подтверждают марабутское происхождение основателей деревни. Наиболее распространённые в деревне джаму (клановые имена): *Dábò*, *Sàwane*, *Jállò*.

Уатагала — единственная деревня, в которой сохранился говор *wéékúndákán*. Информации о том, был ли этот говор раньше распространён шире, нет. Сохранность говора низкая. Даже представители старшего и среднего поколений владеют им весьма ограниченно.

Сбор данных по рассматриваемому говору методом элицитации на языке-посреднике (которым в Гвинее обычно служит французский) затруднён ещё и тем, что в Уатагала нет ни одного носителя говора, который владел бы французским языком. Поэтому языком-посредником при работе с обоими информантами послужил манинка-мори, говор манден широко используемый в качестве койне в Верхней Гвинее, Лесной Гвинее и восточных областях Средней Гвинеи. Автор отдаёт себе отчёт в том, что использование близкородственного идиома в качестве посредника могло негативно сказаться на качестве полученных лингвистических материалов. Возможности сбора спонтанных текстов также весьма ограничены ввиду произошедшего языкового сдвига. Однако автор надеется, что предлагаемые данные всё же представляют некоторый интерес для диалектологии манден.

1.2. Информанты

Все данные были получены в феврале 2013 года в Уатагала от двух информантов (совпадение имён не является технической ошибкой):

1) *Màmadí Dábò*, около 80 лет (не знает точного возраста). Родился и вырос в *Watagala*. Родители и жена родом оттуда же. Не учился в школе, не владеет письменностью нко. Говорит на манинка и на *wéékúndákán*, понимает пулар. Земледелец, никогда не жил подолгу за пределами деревни.

2) *Màmadí Dábò*, около 50 лет (не знает точного возраста). Родился и вырос в *Watagala*. Родители оттуда же. Две жены, обе неместные (из соседних деревень, где говорят на манинка). Земледелец. Не учился в школе, но знает письмо нко. По мнению жителей деревни, лучше всех

помнит язык (что подтверждается). Говорит на манинка и на *wéekundàkán*, понимает пулар.

2. Фонологическая система

2.1. Гласные

Вокалическая система говора типична для восточных манден и состоит из семи гласных фонем:

i   u
          e   o
            ɛ   ɔ
              a

Противопоставляются серии кратких и долгих гласных, а также назализованных и неназализованных, причём назализованность может сочетаться с вокалической долготой (*féen* 'лёгкий', *dòón* 'прятать') в результате исторического выпадения интервокальных велярных.

2.2. Согласные

Система согласных может быть представлена в виде следующих таблиц:

Таблица 1. Согласные, допустимые в начальной позиции

	лаби- альные	лабиали- зованные	ден- таль- ные	пала- таль- ные	веляр- ляр- ные	двухфо- кусные
глухие смыч- ные	(p)		t	c	k	
звонкие смыч- ные	b	(bw)	d	j	(g)	gb
глухие фрика- тивные	f		s		h	
сонанты	w		l	y		
носовые сонанты	m		n	ɲ		

Таблица 2. Согласные, допустимые в срединной (интервокальной) позиции

	лабиальные	дентальные	палатальные	велярные
глухие смычные				k
звонкие смычные	b	d	(j)	
глухие фрикативные	f	s		(h)
сонанты	w	l	y	
носовые сонанты	m	n	ɲ	
дрожащий сонант		r		

Возможны следующие структуры стоп: CV, CVCV, CVCVCV, для экспрессивных наречий также CVC, для местоимений — V.

2.3. Тоновая система

Система тонов говора Уатагала близка к системам соседних говоров манинка района Манден и манинка-мори. Имеется два основных тоновых класса слов: слова с восходящим тоном и слова с высоким тоном. В односложных словах тоновый контур реализуется на единственной гласной (*só* ‘деревня’, *sǒ* ‘лошадь’); в словах, состоящих из двух и более слогов, тоновый контур распределяется между гласными, причём перелом тонового контура происходит на последней гласной (*bàmbá* ‘крокодил’, *dònsó* ‘охотник’, *wùlú* ‘собака’).

Объём и характер собранной автором анкеты не позволяют дать подробное описание позиционных изменений тонов в говоре Уатагала.

2.4. Фузионные процессы

Для говора Уатагала характерны фузионные процессы на стыках гласных, нехарактерные для соседних говоров манден, но роднящие его с говорями группы моколе. Слоговая структура слов такова, что контакт гласных возможен только между местоимениями и прочими словами. Это может происходить в следующих контекстах:

а) при местоименном прямом объекте, который занимает в линейной последовательности позицию непосредственно за предикативным маркером;

б) при местоименном косвенном объекте, который занимает в линейной последовательности позицию непосредственно за глаголом;

в) в локативных конструкциях с нулевой копулой, где косвенный местоименный объект занимает в линейной последовательности позицию непосредственно после показателя фокуса *dè*.

Сложность описания фузионных процессов в говоре Уатагала связана с его плохой сохранностью. Во многих полученных от информантов примерах на стыке гласных происходит не фузия, а контактная ассимиляция по модели, типичной для большинства прочих говоров манден: первая гласная уподобляется второй и приобретает долготу.

- (1) *Ná-kolo kélen déé <dé à> mà.*
 глаз-кость один FOC 3SG PP
 ‘У него один глаз’.
- (2) *Í báa fén-fén déé <dí à> mà,*
 2SG COND вещь-вещь давать 3SG PP
à sí <sí í> nèni.
 3SG FUT 2SG оскорблять
 ‘Что бы ты ни дал ему, он тебя оскорбит’.
- (3) *Sòbó-` yá déé <dí à> yé kát.*
 мясо-ART QUAL нравиться 3SG PP очень
 ‘Он слишком любит мясо’

3. Фонологические изоглоссы

В настоящем очерке формы манинка-мори будут приводиться для сравнения только в тех случаях, когда формы говора Уатагала не совпадают с ними. Как будет видно из изложения, говор Уатагала близок фонологически к манинка-мори.

3.1. Согласные

3.1.1. Начальные согласные. Соответствие *d:l* в начальной позиции: *dá* ‘рот’, *dɔ* ‘маленький’, *dju* ‘земля’, *lá* ‘класть’, *lɔ* ‘хворост’.

Соответствие *t:c* в начальной позиции: *tè* ‘разбивать’, *tòɔná* ‘правда’ (м.-м. *tɔná*).

Соответствие *s:k* в начальной позиции: *kín* ‘кусать’, *kě* ‘мужчина’, *kjɛ* ‘песок’, *kén* ‘животный жир’.

Соответствие *k:kw* в начальной позиции. Лабиализация не отмечается: *kó* ‘хвост’, *kɔ* ‘мыть’, *kɔ* ‘речка’, *kúda* ‘новый’.

Соответствие *g:gb:gw* в начальной позиции: *gbílin* ‘тяжёлый’, *gbàsí* ‘бить’, *gbén* ‘гнать’

Соответствие *k:g:j* в начальной позиции: *kére* ‘рог’, *kèndá* ‘веретено’. Лексема ‘нить утка’ имеет форму *gèsé*, что роднит говор Уатагала с большинством говоров манинка Манден, где также зафиксирована форма *gèsé*, но не с манинка-мори, где распространена форма *jèsé*.

Соответствие *gb:w* в начальной позиции зафиксировано в говорах манден лишь в единичной лексеме *gbòló* ‘кожа’, которая в говоре Уатагала совпадает по форме с манинка-мори и с манинка Манден.

Соответствие *j:у* в начальной позиции: *jòlí* ‘сколько’, *jùlú* ‘верёвка’, *yè* ‘там’ (м.-м. *yèn*), *yà* ‘здесь’ (м.-м. *yàn*), *jée* ‘рыба’, *yíri* ‘дерево’.

Соответствие *w:η* в начальной позиции: *wánin* ‘шип’, *wáŋa* ‘причинять зуд’, *wínuman* ‘ходить на четвереньках’ (м.-м. *wínuma*).

Соответствие *s:sy:f:fy:ky:k* в начальной позиции: *sí* ‘волосы’, *sòrín* ‘ноготь, коготь’, *sén* ‘нога’, *síla* ‘дорога’, *sǎn* ‘сердце’, *sǒn* ‘вор’, *sísí* ‘дым’. Палатализация дентального фрикативного *s* не отмечается. Выбор *k* или *ky*, которого можно было бы ожидать, учитывая вероятный субстрат моколе и соседство говоров моколе, где он зафиксирован, также не отмечается.

Преназализованные согласные в начальной позиции не отмечаются: *sǒn* ‘вор’, *sàndá* ‘поговорка’, *kàrangbá* ‘вошь (платяная)’, *bísi* ‘крылатый термит’ (м.-м. *bíri*), *jàadú* ‘баклажан’ (м.-м. *jàadó*), *tín* ‘масличная пальма’.

В лексеме *bísi* ‘крылатый термит’ (м.-м. *bíri*) обнаруживается нерегулярное соответствие *s:r*.

Лабиялизованная *bw*, имеющаяся в названии деревни (*Wátàalábwa*), не зафиксирована ни в каких других лексемах.

3.1.2. *Интервокальные согласные.* Соответствие *r:l:y:ø* в интервокальной позиции. Во всех исследованных лексемах говор Уатагала следует модели манинка-мори. Тенденция к падению интервокальных сонантов не обнаруживается: *sòrín* ‘коготь’, *síla* ‘дорога’, *jùlú* ‘верёвка’, *lòlu* ‘пять’, *bólo* ‘рука’, *kùrú* ‘холм’, *sòrín* ‘черпать’, *kúlun* ‘лодка’, *sérùn* ‘прошлый год’ (м.-м. *sàròn*, форма *sérùn* отмечается в говорах манинка Манден), *kàrá* ‘индиго’.

Соответствие *d:r*. В манинка-мори наблюдается свободное варьирование формы с интервокальными *d:r*. Формы с интервокальной *d* характерны для говоров Манинка манден и закреплены в качестве нормы в литературном манинка традиции нко. Во всех исследованных лексемах говор Уатагала делает выбор в пользу *d*: *kúda* ‘новый’, *kòdó* ‘старый’, *bídan* ‘тесть’, *bùudí* ‘пепел’, *sùdún* ‘короткий’.

Соответствие *b:w* в интервокальной позиции в говорах наблюдается лишь в нескольких лексемах. Во всех случаях говор Уатагала делает

выбор в пользу *b*, что роднит его с манинка-мори: *kàbá* ‘крыло’, *sàbá* ‘три’, *sèbè* ‘писать’.

Соответствия *b:w:g* и *b:g:x* в интервокальной позиции отмечены в отдельных лексемах. Уатагала делает выбор в *b* по модели манинка-мори: *sìbó* ‘видеть во сне’, *sòbó* ‘мясо’.

Падение интервокального велярного (*g* или *k*) является важной изоглоссой, отделяющей говоры манинка, тяготеющие к манинка-мори (где произошло падение интервокальных велярных), от говоров манинка Манден, где преобладают формы с интервокальными велярными. Говор Уатагала сближается по этому признаку с манинка-мори, несмотря на географическую близость к говорам манинка Манден: *dùwá* ‘гриф’, *jéé* ‘рыба’, *jíí* ‘надежда’, *dóó* ‘маленький’, *dúu* ‘земля’, *lóó* ‘хворост’, *móó* ‘человек’, *tóó* ‘имя’, *téé* ‘резать’, *sáa* ‘овца’.

Падение *m* и *n* в интервокальной позиции не отмечается: *dímin* ‘боль’, *jínin* ‘искать’.

В диалекте отмечены преназализованные интервокальные согласные: *kómbi* ‘роса’, *sàndá* ‘поговорка’, *tàmbá* ‘копье’, *sònkó* ‘цена’, *bàmbá* ‘носить за спиной’ (м.-м. *bàmbú*, *bàmbá*), *jíndi* ‘мышь’ (м.-м. *jína*).

В двух лексемах отмечен геминированный сонант *n*, отмеченный также в западных манден (манинка Киты, хасонка, мандинка): *jónna* ‘рано’ (м.-м. *jóna*, манинка Киты *júnna*), *jinná* ‘джинн’ (м.-м. *jíná*, мандинка *jínna*, хасонка *jínne*).

3.2. Гласные

Как было сказано, говор Уатагала обладает типичной для восточных манден семигласной вокалической системой. При этом зафиксирован ряд форм, характерных для западных манден:

mùsú ‘женщина’ (ср. м.-м. *mòsó* и мандинка *mùsú*), подобная же форма отмечается в говорах какабе и фута-манинка;

jàadú ‘баклажан’ (м.-м. *jàadó*, манинка Киты *jàgatu*, хасонка *jàxatu*);

tòorá ‘правда’ (м.-м. *tùná*, ср. мандинка *tòoraa*).

Формы четырёх лексем имеют конечную гласную *i*, что также роднит говор Уатагала с западными манден, в частности с мандинка:

kári ‘луна’ (м.-м. *káro*, мандинка *kári*);

màalí ‘рис’ (м.-м. *màló*, мандинка *màani*);

wáli ‘сельскохозяйственные работы’ (м.-м. *sèné*; во многих говорах манинка Манден в том же значении употребляется форма *wále*);

jíndi ‘мышь’ (м.-м. *jíne*), эта форма, возможно, является результатом исторического сращения именной основы с диминутивным суффиксом.

В нескольких лексемах зафиксировано отсутствие назальности, характерной для манинка-мори и манинка Манден: *yè* ‘там’ (м.-м. *yèn*), *yà* ‘здесь’ (м.-м. *yàn*), *bànakú* ‘маниок’ (м.-м. *bànankú*).

4. Морфология и синтаксис

4.1. Система местоимений

Как и в большинстве говоров манден, в говоре Уатагала выделяется две серии местоимений. Их формы представлены в таблице:

Неэмфатическая серия			Эмфатическая серия		
	SG	PL		SG	PL
1	<i>n̄</i>	<i>n̄</i>	1	<i>ndé</i>	<i>ndéli</i>
2	<i>í</i>	<i>wó</i>	2	<i>ile</i>	<i>áleli</i>
3	<i>à</i>	<i>ì</i>	3	<i>àlé</i>	<i>ìleli</i>

4.2. Именная морфология

Множественное число выражается суффиксом *-yì* (*-ni* после назальных), однако суффикс испытывает сильную конкуренцию со стороны суффикса *-lù* (*-nù*), характерного для манинка-мори. Породив формы с *-lù* (*-nù*), информанты нередко прибегали к автокоррекции, заменяя их на формы с *-yì* (*-ni*).

Артикль в говоре Уатагала тональный. Следы сегментного (*-o* как в западных манден или *-ε/-yε* как в моколе) не отмечены.

Формы словообразовательных именных суффиксов совпадают с таковыми в манинка-мори, за исключением диминутивного суффикса *-nden* (м.-м. *-nen*).

Посессивная связка имеет вид *-la* (*-na* после носовых). Случаи её употребления с некоторыми терминами родства, нехарактерные для манинка-мори, обсуждаются в разделе 5.

Для образования порядковых числительных используются два суффикса, *-nɔ* и *-nan*. Первый используется с числительными 2 и 3 (*filá* ‘два’ – *filá-nɔ* ‘второй’; *sábá* ‘три’ – *sába-nɔ* ‘третий’, второй – с числительными от 4 до 9 (*náani* ‘четыре’ – *náani-nan* ‘четвёртый’; *lóolu* ‘пять’ – *lóolu-nan* ‘пятый’). При присоединению к существительному тон порядковых числительных на *-nɔ* и *-nan* становится высоким, но остаётся лексическим в составе составных числительных. Форма числительного ‘первый’, как и в прочих манден, супплетивная (*kélen* ‘один’ – *íɔlɔ* ‘первый’).

4.3. *Неглагольные предложения*

Презентативное предложение строится по схеме «именная группа + копула *lè* (*dè* после носовых) (утвердительная) или *té* (отрицательная)»:

- (4a) *Vàmbá lè.*
 крокодил PRES
 ‘Это крокодил’.
- (4b) *Vàmba té.*
 крокодил PRES:NEG
 ‘Это не крокодил’.

Конструкция тождества строится по схеме «подлежащее + копула *yé* (утвердительная) или *sá* (отрицательная) + непрямое дополнение + послелог *dí*»:

- (5a) *Dábo tána-` yé lè-sóbo-` dí.*
 Дабо запрет-ART EQU свинья-мясо-ART PP
 ‘Пищевой запрет Дабо — это свинина’.
- (5b) *Dábo tána-` sá sàa-sóbo-` dí.*
 Дабо запрет-ART EQU:NEG овца-мясо-ART PP
 ‘Пищевой запрет Дабо — это не баранина’.

Локативное неглагольное предложение строится по модели «подлежащее + копула *yé* (утвердительная) или *sá* (отрицательная) + непрямое дополнение + послелог».

- (6a) *Bín-` yé síla-` lá.*
 трава-ART LOC дорога-ART на
 ‘На дороге трава’.
- (6b) *Bín-` sá síla-` lá*
 трава-ART LOC:NEG дорога-ART на
 ‘Травы на дороге нет’.

4.4. *Конструкции с качественными глаголами*

Показатели качественной конструкции имеют вид *ya* (аффирмативный) и *man* (негативный). Их тон противоположен тону следующего за ними слога. Схемы конструкций: «именная группа + *ya* + Vq» (утвердительная), «именная группа + *man* + Vq» (отрицательная).

- (7a) *Vàmbá-` dá-` yá bòn.*
 крокодил-ART рот-ART QUAL быть.большим
 ‘У крокодила большая пасть’.

- (7b) *Bàmbá-` dá-` màn dǒ.*
 крокодил-ART рот-ART QUAL:NEG быть.маленьким
 ‘У крокодила не маленькая пасть’.

Квалитативный глагол *nìn* ‘быть хорошим’ отличается особым поведением. В утвердительной конструкции с ним употребляется показатель *ké*.

- (8) *Bànakú-` nìn ké nìn*
 маниок-ART этот QUAL быть.хорошим
 ‘Этот маниок вкусный’.

4.5. Глагольные конструкции

Показатель *dá* передаёт ряд перфектных и перфективных значений. Он используется как с переходными, так и с непереходными глаголами. Эта форма вытесняется формой *báda*, характерной для манинка-мори и манинка Манден.

- (9) *Mùsú-lù dá nà lǒ-` dí.*
 женщина-PL PFV приходит хворост-ART давать
 ‘Женщины принесли хворост’.

- (10) *Mǒ-lù dá sǒn mǐda.*
 человек-PL PFV вор ловить
 ‘Люди поймали вора’.

Суффиксальный показатель *-da* передаёт перфективные значения. Используется только с непереходными глаголами.

- (11) *Sánki-bá-` nà-dá jínán-`*
 дождь-AUG-ART приходит-PFV:INTR этот.год-ART
sàmá-` dǒ.
 дождливый.сезон-ART в
 ‘В этот дождливый сезон были большие дожди’.

Отрицательным эквивалентом показателей *dá* и *-da* служит показатель *má*.

- (12) *À má nà fǒlǒ.*
 3SG PFV:NEG приходит ещё
 ‘Он ещё не пришёл’.

Рамочная конструкция *yé V-la* примерно соответствует аналогичной конструкции в манинка-мори и передаёт широкий спектр имперфективных значений.

- (13) *Nùmú-` yé yíri-` lése-la.*
 кузнец-ART IPFV дерево-ART резать-INF
 ‘Кузнец обрабатывает дерево’.

Для отрицательной рамочной конструкция *sá V-la* характерен широкий спектр значений: имперфектив, хабиуталис, футурум. Она может рассматриваться как отрицательный эквивалент конструкций *yé V-la* и *sí V-la*.

- (14) *Kě-` nìn sá gbùndú màra-la.*
 мужчина-ART этот IPFV:NEG секрет хранить-INF
 ‘Этот мужчина не умеет хранить секреты’.

- (15) *Bă-` sá súluku-` mîda-la.*
 коза-ART IPFV:NEG гиена-ART ловить-INF
 ‘Козы не ловят гиен’./‘Козе не поймать гиену’.

- (16) [*Í yé mén fɔ-la*]
 2SG IPFV REL говорить-INF
ń s' à mén-na
 1SG IPFV:NEG 3SG слышать-INF
 ‘Я не слышу того, что ты говоришь’.

Аналогично манинка-мори и говорам манинка Манден, отмечаются предикативные употребления результативного причастия на *-len*.

- (17) *À lá-len kîné-` kân.*
 3SG лежать-RES песок-ART на
 ‘Он лежит на песке’.

Высказывания с прогрессивным причастием на *-to* на манинка-мори, предложенные информантам для перевода на говор Уатагала, всегда переводились ими с использованием рамочной конструкции *yé V-la*.

Формы показателей опитатива: *yé* (утвердительная) и *kánà* (отрицательная). Императив выражается нулевым показателем.

В собранной анкете встретилось несколько случаев употребления показателя *tári* (м.-м. *téde*). Его можно предварительно охарактеризовать как показатель ретроспективного сдвига, но недостаточное количество материала не позволяет подробно обсуждать его семантику. Пример употребления:

- (18) *Bùdí-*   *tári*   *kála-len*.
 пепел-ART   RETR   быть.горячим-RES
 ‘Пепел был горячим’.

5. Лексика

Говор Уатагала обнаруживает довольно большое количество лексических расхождений как с манинка-мори, так и с соседними говорами.

Несмотря на соседство языка пулар и распространённое среди носителей говора двуязычие, развёрнутая анкета выявила лишь одно очевидное заимствование из пулар — *sàpurú* ‘поле’ < пулар *soppuru*.

Ряд форм роднит говор Уатагала с соседними говорами манинка Манден и моколе: *sánki* ‘дождь’ (м.-м. *sánji*, аналогичные формы отмечаются в ряде говоров манинка Манден и в фута-манинка), *síusaa* ‘муха’ (м.-м. *líṃɔɔ*, ср. формы *súusaa*, *síusaa*, *síusa* в говорах какабе и фута-манинка), *gbèdé* ‘двор’ (идентичная форма отмечается в фута-манинка, м.-м. *líú*).

Ряд форм не находит параллелей ни в соседних говорах манден и моколе, ни в пулар: *sìsumá* ‘роса’, *dídiba* ‘облако’, *dúdù* ‘гром’. Термин родства ‘бабка’ имеет форму *mámà*, ср. м.-м. *mámá*, *má* и *mǎ*- в бамана.

Термины родства *dén* ‘ребёнок’ и *mùsú* ‘жена’ используются как отчуждаемые существительные, т.е. соединяются с посессором при помощи связки *lá (ná)*: *ń ná mùsú* ‘моя жена’, *ń ná dén* ‘мой ребёнок’. Термин ‘жена’ также может употребляться в уточняющей форме *mùsu fúdu-len* (жена жениться-RES). В такой форме он тоже присоединяется к посессору при помощи связки: *ń ná mùsu fúdu-len* ‘моя жена’.

Некоторые лексемы обнаруживают семантические сдвиги по сравнению с другими говорами манден.

Лексема *jùsú* имеет значения ‘душа’ и ‘печень’ (ср. м.-м. *jùsú* ‘душа’ и *bíŋe* ‘печень’). Форма *bíŋe* носителям известна, но воспринимается как чужеродная. Подобный семантический сдвиг вполне объясним, учитывая, что печень считается у манден и их соседей вместилищем чувств.

Лексема *kùrú* имеет значения ‘гора, холм’ и ‘камень’ (ср. м.-м. *kùrú* ‘гора, холм, камень’ и *kába* ‘камень’). Форма *kába* в значении ‘камень’ не употребляется.

6. Выводы

Несмотря на то, что диалект деревни Уатагала оказывается в целом очень близок к манинка-мори, некоторые черты сближают его с говорами моколе и с западными говорами манден.

Список сокращений

м.-м. – манинка-мори

1 / 2 / 3 — 1 / 2 / 3 лицо

ART – определённый артикль

AUG – аугментатив

COND – показатель условного наклонения

EQU – показатель конструкции тождества

FOC – фокализатор

FUT – показатель будущего времени

HAB – показатель хабитуалиса

INF – показатель инфинитива

INTR – непереходная форма

IPFV – имперфектив

NEG – негативная форма

PFV – перфектив

PP – послелог

PRES – показатель презентативной конструкции

REFL – рефлексивное местоимение

RES – показатель результата

RETR – показатель ретроспективного сдвига

**Полевые заметки о влиянии местных этнических языков
на суахили в Кении
в контексте социолингвистического статуса языка¹**

В данных коротких заметках о социолингвистическом статусе языка суахили в современной Кении и влиянии не него местных этнических языков представлена попытка соединить два основных направления научной деятельности Елены Всеволодовны Перехвальской: изучение языковых контактов (и связанных с этим лингвистических проблем) и полевую лингвистику. Автор хотел бы выразить свое искреннее уважение к Елене Всеволодовне и ее интересной и плодотворной научной деятельности.

Изложенные ниже наблюдения были сделаны в ходе короткой экспедиционной поездки в Кению и Танзанию в октябре 2013 года. В ходе поездки удалось посетить основные исторические центры суахилийской цивилизации (остров Ламу, Момбасу, Кильву, столицы Кении и Танзании Найроби и Дар-эс-Салам, а также окрестности национального парка Масаи Мара — территорию, населенную масаями) и собрать интересный материал о современном социолингвистическом статусе языка суахили и его вариативности в зависимости от владения говорящими на нем теми или иными этническими языками².

1. Современный социолингвистический статус языка суахили

Язык суахили (индекс G 42 по классификации М. Гасри [Guthrie 1967–1970]) — самый распространенный язык Африки после арабского.

---

¹ Представленные материалы собраны в ходе работы по гранту СПбГУ, проект 2.38.524.2013 «Языки народов Африки южнее Сахары: от структурного морфо-синтаксического анализа к функциональному синтезу парадигматических элементов языковой картины мира».

² Хочу выразить искреннюю благодарность нашему выпускнику и коллеге по кафедре Александру Сергеевичу Зданевичу — директору Российского центра науки культуры в Дар-эс-Саламе, а также еще одному выпускнику кафедры африканистики Артему Злобину, ныне управляющего туристической компанией в окрестностях парка Масаи Мара, которые очень помогли в осуществлении поездки.

Хотя число этнических суахили невелико — около 5 млн. человек, на нем как на втором или третьем языке говорит более 130 млн. человек в Танзании, Кении, в восточных провинциях Демократической Республики Конго, Уганде и некоторых других сопредельных странах. Можно заметить, что сейчас роль суахили в Объединенной Республике Танзании и Республике Кения очень высока, он активно используется в самых разных сферах. Такой статус является уникальным для африканских языков, так как полиэтнический и полиязыковой характер большинства африканских государств затрудняет использование местных языков в качестве официальных. Суахили является языком начального и частично высшего образования в Танзании и Кении, на суахили издаются газеты, общественно-политические и научные журналы, существует многожанровая художественная литература, ведется радио- и телевидение, суахили является рабочим языком Африканского Союза. Суахили — один из официальных языков ЮНЕСКО. Лингвистический анализ языка суахили и уточнение его позиции среди других языков банту, выявление его ближайших родственных связей позволяет охарактеризовать этот язык как достаточно типичный язык банту с высоким процентом общебантуского словарного фонда (44% в базовой лексике) [Аксенова, Топорова 1990]. Характерный для литературы колониального времени взгляд на суахили как «смешанный» язык, возникший из скрещивания местных африканских языков с арабским в результате браков арабов и местных женщин, сочетание перегруженной бантуской грамматики с логичной арабской, восходит к представлениям о том, что все культурные достижения африканцев являются результатом внешнего влияния. Возможно, свою роль в возникновении подобных взглядов сыграло полное (и необоснованное) отождествление языка и культуры. Убедительная критика подобного подхода к языку суахили содержится в [Мисюгин 1959; Жуков 1983, 1997], а в более широком теоретическом контексте — в [Ольдерогге 1983]. Иногда и в современной литературе встречаются определения суахили как «результата креолизации претерпевших структурное упрощение местных языков банту, испытавших сильное влияние арабского языка» [ЛЭС 1990: 497], что, также, с точки зрения автора данного текста, несколько искажает реальный статус языка суахили. Суахилийская культура действительно носит синкретический характер, сочетающий элементы местной африканской и восточной мусульманской культурной традиции. Язык же суахили является одним из северо-восточных прибрежных банту, относящимся к группе сабаки. Большое число арабизмов (около 40% в словаре) действительно является свидетельством культурного влияния, но, как указывается в

[Nurse, Hinnebusch 1993], подавляющее большинство заимствований из арабского языка вошло в суахили в относительно недавний период, когда важную роль в регионе играл Оманский султанат. Язык суахили был распространен на восточноафриканском побережье задолго до этого. Под структурным упрощением языка суахили обычно подразумевают отсутствие характерного для языков банту фонологически значимого тона и упрощение системы именных классов. Что касается тона, то он действительно отсутствует в суахили, но переход от тональных к акцентным просодическим системам не является уникальным ни для Африки, ни для других регионов, и, вряд ли может быть объяснен исключительно пиджинизацией (креолизацией) языка, хотя использование суахили как языка межнационального общения вполне могло быть фактором, повлиявшим на данный процесс. Система именных классов в суахили включает 15 классов, в луганда — 21, в зулу — 13, в некоторых северо-западных языках банту сокращается до 3 (како — A 93) или исчезает совсем (комо - D 23) [Katamba 2003: 108]. При этом исчезновение или сильная редукция системы классов (там, где они имеют место) могут быть обусловлены далеко не только пиджинизацией. Система именных классов суахили вполне вписывается в понятие «канонических» систем именных классов языков банту, (это же можно сказать и о именных классах языка лингала — еще одного языка банту, выполняющего функцию языка межнационального общения [Katamba 2003]). При этом некоторые языки банту (и многие другие языки семьи нигер-конго), являющиеся вполне внутритническими, демонстрируют гораздо большую редукцию или полное исчезновение системы именных классов.

Хотя собственно язык суахили нельзя назвать пиджином, на основе суахили действительно возникают пиджинизированные варианты. В современной Кении существует два пиджинизированных варианта — шенг (*Sheng*) и энгш (*Engsh*). Шенг распространен в крупных городах Республики Кения — Найроби, Момбасе, Пакуру и др. Он описан лучше, чем энгш, см. [Громов, Ринканья 2004; Mazrui 1995; Shitemi 2001]. Вариант этимологии приведенный в [Громов, Ринканья 2004] — *shanty-town English* ‘английский бедных кварталов’, ‘трусобный английский’. Однако, как указывают авторы данной работы, английский служит лишь одним из составных элементов *Sheng*, значительную часть которого составляют лексико-грамматические заимствования из крупных местных языков — суахили, кикуйю, камба, луо и др. Другая этимология шенг (по [Shitemi 2001: 2]) — акроним от **SwaHili** и **ENGLISH**. «*Sheng* — в первую очередь вариант «социально-возрастного» аргю, изначально употребляемый в массе молодежи из бедных кварталов крупных городов

Кении, нередко связанной с околориминальной деятельностью; однако *sheng* используют и многие другие социальные и возрастные группы (например, учащиеся высших и средних учебных заведений), для которых *sheng* превращается в своего рода вспомогательное средство межэтнического и — в большей степени — «межсоциального» общения (поскольку главным средством межэтнического общения в Кении, как и во всей Восточной Африке, является язык суахили)» [Громов, Ринканья 2004: 3].

Употребление второй разновидности городского сленга выходит за рамки каких-либо социальных или возрастных групп. Для этой разновидности сленга используется название *engsh*, т. е. «*sheng* наоборот». Она основывается на произвольном смешении элементов английского языка и языка суахили.

Основное отличие *engsh* от *sheng* на лексико-грамматическом уровне:

произвольность сочетания элементов английской и суахилийской лексики и грамматики, отсутствие устойчивых коннотаций лексем и устойчивых грамматических элементов. Кроме того, существенно снижена доля слов из других (помимо суахили) местных языков [Громов, Ринканья 2004: 4].

2. Суахили в Кении и Танзании

Сравнивая распространение суахили и английского в Кении и Танзании, можно заметить, что в различных регионах обоих государств суахили является практически единственным средством межнационального общения. Даже на улицах Найроби английский язык можно услышать достаточно редко. Отличие Кении от Танзании состоит в том, что в ней значительно больше людей владеет и английским и готово перейти на него в случае общения с иностранцами. И в Кении, и в Танзании в некоторых случаях суахили оказывается первым языком для детей в семьях не только с родителями из разных этнических групп, но и в моноэтнических семьях. Я, например, встречался с кенийцем, оба родителя которого были носителями кикуйу, но он сам кикуйу владел в очень ограниченном объеме, считая своим первым языком суахили.

Наличие литературного стандартного суахили и специальных организаций, разрабатывающих и контролирующих нормативность языка, его изучение на всех уровнях образовательной системы могло бы предполагать наличие лишь культурно обусловленных региональных различий в лексике, но не в грамматике. Такие лексические различия действительно встречаются. Например различные слова для обозначения популярных в обоих странах маршрутных такси: *daladala* в Танзании и

matatu в Кении, этимологизируемые от числительных ‘пять’ и ‘три’ соответственно, когда-то соответствующих тарифу на проезд в этих странах (кенийский шиллинг существенно дороже танзанийского).

Более интересным фактом являются выявленные отличия в грамматике. В ходе экспедиции были проработаны краткие базовые морфосинтаксические анкеты со свободно говорящими на суахили носителями трех кенийских этнических языков (маасаи — язык масаев; кикуйю E 51 — язык самой крупной этнической группы Кении; миджикенда E 72 — распространен на побережье) и трех танзанийских (килугулу G 35 — район Морогоро; ньамвези F 22 — вместе с близкородственным сукума самый распространенный этнический язык в Танзании, куриа E 43 — северные районы Танзании). Все языки, кроме маасаи (нилотская группа нилосахарской макросемьи), относятся к группе языков банту макросемьи нигер-конго. На уровне самой базовой грамматики все танзанийцы и представитель прибрежного кенийского миджикенда демонстрировали высокую степень стандартизации языка — практически не выявилось системных расхождений в базовом морфосинтаксисе. Это объясняется традиционно большим распространением суахили в Танзании и в прибрежных районах Кении, в то время как проникновение суахили во внутренние районы Кении не имеет столь давней традиции.

Единственное исключение — это согласование названий животных в единственном числе не по 1 классу («классу людей»), как это должно быть в современном литературном суахили, а по 9 (собственно «классу животных» в большинстве банту) у носителя килугулу. Переход обозначений животных к согласованию по первому классу (т. е. переход от маркировки категории «личности» к маркировке категории одушевленности) — явление и для самого суахили достаточно позднее: еще в текстах, собранных в конце 19 века, животные согласовывались по 9–10 классу. К тому же, видимо, в килугулу, как и большинстве других банту, животные остаются в 9 классе не только по форме именного префикса (он остается в 9 классе и в суахили), но и по согласованию. При предложении повторно перевести диагностическую фразу информант «исправлялся» и употреблял стандартное согласование.

Ниже представим некоторые из выявленных нестандартных грамматических явлений в суахили у носителей языков маа и кикуйю.

1) *«Выравнивание» прономинальной парадигмы у носителей маасаи и кикуйю*

В стандартном суахили есть два варианта субъектного местоименно-го префикса 3 лица ед. числа 1 класса *a-* и *ui-*. Первый используется во

всех видах глагольной предикации, а второй — в локативных конструкциях именной предикации (в других типах именной предикации — идентификативная, квалификативная и т. д. — используется не согласуемая с субъектом копула *ni*):

(1) *Mtoto a-na-kimbia.*
ребенок 3SG.1CL-ТАМ-бежать
'Ребенок бежит'.

(2) *Mtoto yu-ko hapa.*
ребенок 3SG.1CL-loc здесь
'Ребенок находится здесь'.

Именно так и выглядели эти конструкции при опросе носителей суахили из Танзании и прибрежной зоны Кении. Однако носители маа и кикуйу «выравнивали» парадигму, используя и в локативной конструкции префикс *a-*, что совершенно невозможно по правилам стандартной грамматики:

(3) *Mtoto a-ko hapa.*
ребенок 3SG.1CL-LOC здесь
'Ребенок находится здесь'.

Подобное выравнивание напоминает замену «нестандартного» для единственного числа британского *were* в условном наклонении на привычное для 1 и 3 SG *was* в американском (более «открытом») варианте английского языка: *If I were a king... → If I was a king...*

Выравнивание супплетивных форм, видимо, является типологически распространенным явлением при расширении числа говорящих на языке.

2) *Отсутствие синтетического локатива у носителей маасаи*

В стандартном суахили локативная форма имени (типа «на столе», «в столе», «у стола») образуется суффиксным элементом *-ni*, что не является редким для языков банту явлением, но отличается от последовательной трехчленной префиксной системы, проявляемой в согласовании на синхронном уровне, и реконструируется на диахронном уровне (префиксы *pa-*, *ku-*, *tu-*):

(4) *Mtoto yuko nyumba-ni.*
ребенок находится дом-LOC
'Ребенок находится дома (в доме/ у дома)'.

В маасаи есть синтетический локативный класс, но он состоит из одного слова *iwéjì* 'место' [Payne 1998: 160], что напоминает и бантуские

именные системы, где к собственно локативным по историческому префиксу именам относятся единичные имена типа *pa-hali* 'место' и *ku-zimu* 'загробный мир, мир духов' (суахили), а локативные значения остальных имен продуктивно выражаются суффиксом (см. пример (4)). Видимо, в маасаи такого продуктивного способа выражения локативных значений не возникло, и продуктивная локативность выражается аналитическими предложными конструкциями. В этом контексте представляется мотивированным выбор носителями маасаи в принципе грамматичной, но не употребляемой в стандартном суахили конструкции в качестве продуктивного именного локатива, замененной на суффиксную синтетическую форму:

- (5) *Mtoto ako kwa nyumba.*
ребенок находится LOC дом.
'Ребенок находится в доме'.

На самом деле сочетание *kwa nyumba* нужно воспринимать не как предложную группу 'в доме', а как посессивную конструкцию с эллипсисом вершины (*pahali kwa/pa nyumba* '(место) дома' с показателем посессивной связи *kwa/pa*). Высокая степень лексикализации изначально грамматического показателя посессивной связи в суахили позволяет носителям маасаи воспринимать и использовать его как предлог и избегать использования синтетического суффиксного локатива, не свойственного их собственной грамматической системе.

3) Редукция согласовательной парадигмы именной классификации в маасаи и кикуйу

Именные префиксы как более консервативные элементы грамматической системы, как правило, реже подвергаются изменениям, в отличие от согласовательной парадигмы, особенно при согласовании с предикативными элементами высказывания. Данный вариант согласования демонстрирует редукцию стандартной суахилийской системы в речи носителей языка кикуйу и еще более серьезную редукцию в речи носителей языка маасаи.

Если оставить за скобками инфинитивный и локативные классы, обладающие существенной спецификой, в суахили есть 6 сингулярных и 5 плюральных классов.

В суахили носителей языка кикуйу при глагольном/предикативном субъектном согласовании полностью нейтрализуется противопоставление 3/4 (условный «класс растений») и 9/10 классов (условный «класс животных»). В стандартной норме 3/4 классы должны иметь сингуляр-

но-плюральный пару *u-/i-*, однако в реальности для слов 3/4 класса используется та же согласовательная модель, что и для 9/10 класса, *i-/zi-*, при этом для самих имен и для атрибутивного согласования внутри именной группы префиксы 3/4 класса *m-/mi-* отличаются от алломорфов 9/10 классов *0-*, *n-*, *ny-/0-*, *n-*, *ny-*.

Стандартный суахили:

(6) *M-ti*   *m-zuri*   *u-ko*   *hapa*.
 3CL-дерево   3CL-красивое   3CL-находиться   здесь
 ‘Красивое дерево находится здесь’.

(7) *Mi-ti*   *mi-zuri*   *i-ko*   *hapa*.
 4CL-дерево   4CL-красивое   4CL-находиться   здесь
 ‘Красивые деревья находятся здесь’.

Суахили в речи носителя языка кикиуйу:

(8) *M-ti*   *m-zuri*   *i-ko*   *hapa*.
 3CL-дерево   3CL-красивое   9CL-находиться   здесь
 ‘Красивое дерево находится здесь’.

(9) *Mi-ti*   *mi-zuri*   *zi-ko*   *hapa*.
 4CL-дерево   4CL-красивое   10CL-находиться   здесь
 ‘Красивые деревья находятся здесь’.

Подобную нейтрализацию трудно объяснить, так как в кикиуйу есть те же классы, что и в суахили (+ еще один отдельный диминутивный класс), включая 3/4 классы для обозначения растений [Burton, Kirk 1976]. Видимо, данная редукция связана не с влиянием кикиуйу на суахили, а с общей тенденцией определенной пиджинизации языка в речи представителей других этносов, сопровождаемая редукцией грамматических моделей согласования.

Еще одно расхождение, затрагивающее как согласование внутри именной группы, так и в предикатах, связано с сохранением за названиями животных согласования по 9 классу в единственном числе (во множественном числе сохраняется стандартное для суахили согласование животных по 2 классу).

Стандартный суахили:

(10) *N'-gombe*   *m-zuri*   *yu-ko*   *hapa*.
 9CL-корова   1CL-красивая   1CL-находиться   здесь
 ‘Красивая корова находится здесь’.

- (11) *N'-gombe wa-zuri wa-ko hara.*
 10CL-корова 2CL-красивая 2CL-находиться здесь
 'Красивые коровы находятся здесь'.

Суахили в речи носителя языка кикуйу:

- (12) *N'-gombe Ø-zuri i-ko hara.*
 9CL-корова 9CL?³-красивая 9CL-находиться здесь
 'Красивая корова находится здесь'.

- (13) *N'-gombe wa-zuri wa-ko hara.*
 10CL-корова 2CL-красивая 2CL-находиться здесь
 'Красивые коровы находятся здесь'.

Однако в случае с заменой коровы на льва (*simba*) он будет согласовываться по 1, а не 9 классу и в единственном числе, как и в стандартном суахили:

- (14) *Ø-simba m-kubwa a-ko hara.*
 9CL-лев 1CL-большой 1CL-находится здесь
 'Большой лев находится здесь'.

Этот пример может быть объяснен влиянием языка кикуйу. Как отмечено в [Burton, Kirk 1976: 160], и в самом кикуйу лев, ввиду своего особого положения в культуре, может быть грамматически выделен из общего класса животных. Интересно, что подобное «повышение в грамматическом статусе» для льва свойственно и для носителей языка маасаи, в суахилийской речи которых редукция согласовательной системы достигла еще большей степени.

Среди сингулятивных классов согласовательной моделью отличаются только 1 (люди + лев) и 9 (все остальные имена), а остальные классы нейтрализуются:

- (15) *M-tu/ Ø-simba m-kubwa a-ko hara*
 1CL-человек/ 9CL-лев 1CL-большой 1CL-находится здесь
 'Большой человек/ лев находится здесь'.

- (16) *M-ti/ Ø-chungwa/ ki-tu/ n'gombe*
 3CL-дерево/ 5CL-апельсин/ 7CL-вещь/ 9CL-корова
i-ko hara
 9CL-находиться здесь

³ В принципе, 9 класс имеет нулевой алломорф, но в данном фонетическом контексте ожидалась бы другая форма 9 класса, *n-zuri*.

‘Дерево/ апельсин/ вещь/ корова находится здесь’.

Во множественном числе, где, в соответствии с идеями К. И. Позднякова [Поздняков 2003] о большем потенциале к нейтрализации по другим признакам более маркированного (множественное число) по отношению к менее маркированному (единственное число) члена оппозиции, ожидалась бы еще большая нейтрализация, наблюдается почти полное сохранение стандартных согласовательных моделей, за исключением нейтрализации согласовательных моделей 4 и 10 классов в предикативном согласовании⁴:

- (17) *Mi-ti*   *mi-zuri*   *zi-ko*   *hapa*.
 4CL-дерево   4CL-красивое   9CL-находиться   здесь
 ‘Красивые деревья находятся здесь’.

Очевидно, что самая радикальная редукция системы согласования и могла бы ожидаться в речи носителей именно языка маасаи, так как именная классификация в этом языке состоит из двухчленной парадигмы мужского и женского классов (с семантическими метафорическими вариациями «женский — диминутивность/пейоративность», «мужской — аугментативность» + локативный класс с единственным словом *iwéjì* ‘место’ [Рауне 1998]). В языках банту, носители которых говорят на суахили, именные системы соотносимы с суахилийской, что позволяет противодействовать редукции даже в условиях использования языка в условиях близких к пиджинизации.

Данные наблюдения носят предварительный характер и требуют расширения как списка анализируемых языков, так и числа анкетированных информантов, но концептуально данное направление исследования представляется перспективным, так как позволяет на синхронном уровне смоделировать процессы, очевидно оказывавшие влияние на лингвистическую ситуацию в Африке на протяжении долгого времени.

---

⁴ Интересно, что, как и в случае с носителями языка кикуйу, именно 3/4 класс обладает наибольшим потенциалом к нейтрализации. Можно было бы предположить, что это вызвано совпадением именных префиксов 1 и 3 классов в суахили (*m-*), но, во-первых, в единственном числе нейтрализация в согласовании 3 класса происходит не с 1, а с 9 классом (см. примеры (8), (16)), а во-вторых, как раз во множественном числе именные префиксы 2 и 4 классов различаются: *wa-* и *mi-*.

Список сокращений

1 / 2 / 3 — 1 / 2 / 3 лицо

1CL / 2CL / ... — 1-ый / 2-й / ...-й согласовательный класс

LOC — локативный элемент

SG — единственное число

TAM — показатели времени / вида / модальности

Литература

- Аксёнова, Топорова 1990 — И. С. Аксёнова, И. Н. Топорова. Введение в бантуистику. Имя. Глагол. Москва: Наука, 1990.
- Громов, Ринканья 2004 — М. Д. Громов, А. Н. Ринканья. «Городской сленг» как язык литературы? (О прозе Дэвида Маиллу (Кения) // Универсально-типологическое и национально-специфическое в культуре. Материалы научно-практической конференции (Москва, РУДН, 2002). М.: Изд. РУДН, 2004.
- Жуков 1983 — А. А. Жуков. Культура, язык и литература суахили. Л., 1983.
- Жуков 1997 — А. А. Жуков. Суахили. Язык и литература. СПб., 1997.
- Лингвистический энциклопедический словарь. Москва: Советская энциклопедия, 1990.
- Мисюгин 1959 — В. М. Мисюгин. О происхождении и распространении языка суахили // *Africana*. Африканский этнографический сборник. Т. III, 1959. С. 36–47.
- Ольдерогге 1983 — Д. А. Ольдерогге. Хамитская проблема в африканистике // Д. А. Ольдерогге. Эпигамия. Избранные статьи. Москва, Наука, 1983. С. 220–239.
- Поздняков 2003 — К. И. Поздняков. Микроморфология или морфология парадигмы? // Язык и речевая деятельность. Т. 5, Санкт-Петербург, 2003. С. 22–58.
- Burton, Kirk 1976 — M. Burton, L. Kirk. Semantic reality of Bantu noun classes: the Kikuyu case // *Studies in African Linguistics*, 7, 2, 1976. P. 157–174.
- Guthrie 1967-1970 — M. Guthrie. *Comparative Bantu*. London, Vol. 1–4. 1967-1970.
- Katamba 2003 — F. Katamba. Bantu nominal morphology // D. Nurse and G. Philippson (eds.). *The Bantu languages*. London & New-York, Routledge, 2003. P. 103–120.
- Mazrui 1995 — A. M. Mazrui. Slang and code-switching: the case of Sheng in Kenya // *Afrikanische Arbeitspapier*, 42, Swahili Forum II, 1995. P. 168–179.
- Nurse, Hinnebusch 1993 — D. Nurse, J. Hinnebusch. *Swahili and Sabaki. A Linguistic History*. Berkeley: University of California Press, 1993.
- Payne 1998 — D. L. Payne. Maasai gender in typological perspective // *Studies in African Linguistics*, 27, 2, 1998. P. 159–176.

Shitemi 2001 — N. L. Shitemi. Piginization: Sheng, the melting-pot of the Kenyan languages // *Swahili*, 64, 2001. P. 1–16.

М. З. Муслимов

ЗАМЕТКИ О МОЛОСКОВИЦКОМ ИНГЕРМАНЛАНДСКОМ ДИАЛЕКТЕ¹

1. Введение

В данной статье описываются некоторые фонетические и морфологические изоглоссы, отделяющие финские говоры довоенного лютеранского прихода Молосковицы от их восточных соседей, а также друг от друга. Материал для статьи был собран в ходе экспедиций в Западную Ингерманландию в 2003–2011 годах, в том числе и в двух «гатчинских экспедициях» студентов кафедры теоретического языкознания филологического факультета СПбГУ 2009 и 2010 годов, организованных Еленой Всеволодовной Перехвальской. Статья не претендует на исчерпывающее описание данных говоров, поскольку полевая работа еще не закончена. Впрочем, заметная часть локальных молосковицких говоров к настоящему времени уже исчезла в связи с уходом из жизни их последних носителей. В частности, нет никакой надежды на получение новой информации о говорах дер. Сяглицы, Брюховицы, Неревницы и некоторых других. В ряде деревень (Овинцево, Смердовицы, Коноховицы, Ямки, Волпи) последние сравнительно компетентные (степень владения языком 1–4 по шкале Н. Б. Вахтина [Вахтин 2001]) носители местных говоров умерли в начале 2000-х годов, до того, как нам уда-

---

¹ Работа написана при поддержке гранта РГНФ 11-04-00172а «Системное описание фонологии, морфонологии и синтаксиса прибалтийско-финских языков Ингерманландии», гранта РГНФ 13-04-00416а «Языковые изменения в идиомах, не имеющих письменной традиции (на материале алтайских, палеоазиатских и уральских языков)», гранта РГНФ 12-04-00168а «Морфологический словарь водского языка и становление современной водской парадигматики» и гранта ACLS «Documentation of Finnic Dialects of Ingria: Ingrian Dialectal Atlas». Пользуясь случаем, хочу поблагодарить всех информантов — носителей молосковицких говоров. Без их доброжелательной помощи эта статья не была бы написана. Особую признательность я хочу выразить пастору приходов Гатчина и Туутари Евангелическо-лютеранской Церкви Ингрии Виктору Воронцову за помощь в организации поездок по приходу Молосковицы.

лось посетить эти деревни. Тем не менее, в ряде случаев даже в таких деревнях нам удавалось найти информантов, помнивших хотя бы отдельные слова. Некоторые из опрошенных нами информантов проживают в городах Эстонии и Карелии.

В статье используется упрощенная система записи, аналогичная принятой в [Mullonen 2004]. Следует отметить, что фонологический статус полудолгих гласных правее первого слога в молосковицком неясен. Фонетически они могут реализовываться и как краткие гласные. Этот вопрос нуждается в дополнительном изучении. В данной статье мы условно обозначаем полудолгие двумя одинаковыми буквами.

2. Фонетические изоглоссы

2.1. *Дифтонгизация aa и ää*. Важнейшей изоглоссой, отделяющей молосковицкие говоры от говоров западно-гатчинского диалекта (приходы Губаницы, Шпаньково, Скворицы и Колпаны, подробнее см. [Муслимов 2009]), является отсутствие дифтонгизации долгих *ää* и *aa* в первом слоге. Эта особенность характерна для всех деревень прихода Молосковицы, относительно которых у нас есть какая-то информация, а также для северо-западной части прихода Губаницы. Восточная граница этого ареала проходит восточнее линии дер. Бегуницы — Русское Брызгово — Канаршино — Ославье — Озертицы. По данным А. Крюкова (личное сообщение), аналогичная ситуация была представлена и в дер. Захонье. К востоку от этой линии *aa > ua*, *ää > iä* в первом слоге (*mua* ‘земля’, *piä* ‘голова’), в слогах дальше первого исторически долгие гласные не дифтонгизируются. В молосковицких говорах *maa*, *pää*. Эта изоглосса, а также рассматриваемая ниже изоглосса *paŋGi/ämBär* ‘ведро’ являются основными для отделения нами молосковицких говоров от губаницких.

2.2. *Озвончение*. Другой особенностью молосковицких говоров является переход глухих смычных в полузвонкие в позиции после сонорных: *pelDo* ‘поле’, *paŋGi* ‘ведро’. Это озвончение, судя по нашим материалам, нефонологично и полузвонкие смычные являются не самостоятельными фонемами, а аллофонами глухих кратких смычных. Такого рода озвончение встречается почти во всех деревнях, относимых нами к молосковицкому диалекту, за исключением дер. Карстолово, Марково, Канаршино, Артюшкино, Корпия, находящихся на северной и восточной границах молосковицкого ареала. С другой стороны, озвончение смычных в интервокальной позиции в молосковицком почти не представлено. В сойкинском, хэваском и оредежском диалектах ижорского языка краткие смычные озвончаются в интервокальной позиции,

а также а также в соседстве с сонорными (как после них, так и перед ними). В других ингерманландских финских диалектах, кроме молосковицкого, такое озвончение встречается нерегулярно.

2.3. *Дифтонгизация долгих гласных среднего подъема.* Интересной особенностью некоторых молосковицких говоров является наличие дифтонгов *ua* и *iä* вместо *uo* и *ie*, например *tiä* ‘дорога’, *juu-n* <пить-1SG.PRES> ‘я пью’. Это явление зафиксировано нами в дер. Пежевицы, Сяглицы, Смедово и Брюховицы, т. е. преимущественно в южной части ареала. Подобное же явление отмечается в говорах дер. Калливере, Дубровка (приход Нарвуси), Кикерицы (приход Новасолкка), Раннолово (приход Каттила), а также в центральной части сиверского диалекта [Муслимов 2009; Virtaranta 1953].

2.4. *Avittaa.* Одной из изоглосс, отделяющих молосковицкий от западно-гатчинского, является глагол *avittaa* ‘помогать’. Характерный для молосковицкого вариант *avittaa* преобладает, однако и вариант *auttaa* также встречается в молосковицком ареале. Вариант *auttaa*, представленный в Центральной Ингерманландии и в литературном финском языке, зафиксирован в следующих деревнях: Артюшкино, Русское Брызгово, Канаршино, Корпия, Лаговицы, Тресковицы, Брюховицы, Оровка, Карстолово. Эти деревни не образуют сплошного ареала, и в некоторых из них нам удалось зафиксировать и собственно молосковицкий вариант *avittaa*. Вариант *avittaa* зафиксирован также в ижорском и водском языках, а также в финских говорах приходов Нарвуси, Каттила, Сойккола, Новасолкка, Каприо, Тюрё.

2.5. *Глагол pelästyä ‘испугаться’.* В диалектах Ингерманландии первый гласный в этом глаголе может быть *e* или *ö*. В молосковицком и западногатчинском в этом глаголе гласным первого слога является *e* (*pelästyä*), в то время как в восточногатчинском, хизтамякском, тюрёском диалектах, а также в ижорском языке первый гласный *ö* (*pölästyä*, *pölästyä*). В водском языке данный глагол отсутствует, вместо него представлен глагол *eittä* [VKS 1 1990: 189].

3. Морфо(но)логические изоглоссы

3.1. *Suva(i)ta.* Одной из важных морфонологических изоглосс является тип спряжения глагола *suvata* (1SG.PRES *suvvaan*) ‘любить’. Эта изоглосса объединяет молосковицкий диалект с водским языком, нижнелужским и сойкинским диалектами ижорского языка, а также с финскими говорами приходов Нарвуси, Каттила, Сойккола, Новасолкка. В диалектах Центральной и Северной Ингерманландии, начиная с запад-

ногатчинского, данный глагол относится к другому типу: Inf *suva(i)ta*, 1SG.PRES *suva(i)tсен*. Центральноингерманландский тип представлен также в систинском поддиалекте сойкинского и в хэвасском диалекте ижорского языка [Laanest 1997: 188], хотя там встречается и западноингерманландский тип.

3.2. *Основа косвенных падежей множественного числа.* Другой важной изоглоссой является употребление сильноступенной основы в косвенных падежах множественного числа *poik-i-l* <мальчик-PL-ALL> ‘мальчикам’, *sikko-i-l* <свинья-PL-ALL> ‘свиньям’. Это явление зафиксировано нами для всех молосковицких деревень, в которых нам удалось записать соответствующие словоформы, при этом изредка такие формы встречаются и в западнонгатчинском. Эта изоглосса объединяет молосковицкий диалект с водскими говорами дер. Краколье и Лужицы, нижнелужским ижорским, а также с финскими говорами приходов Нарвуси, Каттила и Новасолкка.

3.3. *Возвратные глаголы.* Интересной особенностью, характерной именно для молосковицкого диалекта, является особый тип спряжения возвратных глаголов. В Таблице 1 приведены фрагменты парадигмы глагола *pessissä* ‘мыться’ в разных ингерманландских диалектах:

Таблица 1

	Западная Ингерман- ландия	Восточная Ингерман- ландия	Северная Ингерман- ландия	Молоско- вицы
Inf	<i>pessissä</i>	<i>pesseissä</i>	<i>pesseijä</i>	<i>pessissä</i>
1SgPres	<i>pessiin</i>	<i>pessein</i>	<i>pessein</i>	<i>pessisen</i>
3SgPres	<i>pessijää</i>	<i>pessejää</i>	<i>pesseip</i>	<i>pessisöö</i>
1SgImpf	<i>pessisin</i>	<i>pesseisin</i>	<i>pessein</i>	<i>pessisin</i>
1SgCond	<i>pessijäisin</i>	<i>pessejäisin</i>	<i>pesseisin</i>	<i>pessijäisin</i>

Для сравнения приведем также парадигмы глаголов *levätä* ‘отдыхать’, *voija* ‘мочь’, *pessä* ‘мыть’ в западнонгатчинском и молосковицком.

Таблица 2

Inf	<i>levätä</i>	<i>voija</i>	<i>pessä</i>
1SgPres	<i>leppään</i>	<i>voin</i>	<i>pesen</i>
3SgPres	<i>lepäjää</i>	<i>voip</i>	<i>pessöö</i>
1SgImpf	<i>lepäsin</i>	<i>voin</i>	<i>pesin</i>
1SgCond	<i>lepäjäisin</i>	<i>voisin</i>	<i>pesisin</i>

Спряжение возвратных глаголов западно-ингерманландского типа ближе всего к типу спряжения так называемых стяженных глаголов (*levätä* ‘отдыхать’). Западно-ингерманландский тип представлен в нижнелужском и сойкинском диалектах ижорского языка, а также в большинстве финских диалектов Западной и Центральной Ингерманландии, за исключением молосковицкого, и, вероятно, новасолкского. В Восточной Ингерманландии эти глаголы относятся к тому же типу, что и в Западной, однако могут отличаться фонетически. В Северной Ингерманландии возвратные глаголы относятся к типу *voija* ‘мочь’, *syvvä* ‘есть’, т. е. к тому же типу, к которому относятся глаголы с односложной основой. В молосковицком диалекте по крайней мере некоторые из возвратных глаголов относятся к смешанному типу: презенс и имперфект по типу глаголов *pessä* ‘мыть’, *päässä* ‘попасть’, кондиционал — по типу стяженных глаголов: *pessijäisin* <мыться-COND-1SG> ‘я мылся бы’. Это явление характерно почти для всех молосковицких деревень, за исключением крайней северо-восточной части молосковицкого ареала. Здесь, в дер. Артюшкино, Русское Брызгово, Марково и Карстолово, зафиксирован центральноингерманландский тип спряжения возвратных глаголов.

3.4. *Будущее время.* Довольно широко в молосковицком диалекте представлена особая супплетивная форма будущего времени от глагола *olla* ‘быть’, исторически представляющая собой форму потенциального наклонения:

Таблица 3

	Sg	Pl
1	<i>lienen</i>	<i>lienemmö</i>
2	<i>lienet</i>	<i>lienettö</i>
3	<i>lienöö</i>	<i>lienööt</i>

Эта форма зафиксирована в дер. Бегуницы, Малые Озертицы, Брюховицы, Артюшкино, Канаршино, Русское Брызгово, Сягло, Карстолово. Иными словами, деревни, в которых ее удалось зафиксировать, не образуют компактного подареала в молосковицком ареале. Вероятно, что такого рода формы употреблялись и в других деревнях, но исчезли в связи с влиянием литературного языка или аттриции. Супплетивное будущее от *olla* есть также в ижорском и водском языках, а также в финских говорах приходов Нарвуси, Каттила, Новасолкка. В диалектах Центральной Ингерманландии, начиная с западно-гатчинского, данная форма отсутствует, вместо нее употребляется презенс. В центральноин-

германландских говорах sporadически встречается форма *lienen* ‘возможно, буду’ (с оттенком сомнения), сохранившая исходное значение потенциалиса. При этом следует отметить, что в современных центральноингерманландских говорах нам не встретилось форм потенциалиса от других глаголов. В молосковицком диалекте данная форма имеет значение именно будущего времени.

3.5. *Партитив множественного числа.* Еще одной особенностью, характерной для молосковицкого диалекта, является форма PartPl с нулевым падежным окончанием у стяженных имен и имен на *-eda: *lamBa-i* ‘овца-PART.PL’, *perre-i* ‘семья-PART.PL’, *valGe-i* ‘белый-PART.PL’. Такого рода формы отмечены нами в большинстве молосковицких деревень, они не были зафиксированы только в дер. Брюховицы, Артюшкино, Канаршино, Корпия, Поддубье, Финские Голубовицы, Лаговицы, Радицы, Прологи, то есть преимущественно в северо-восточной части ареала. В большинстве ингерманландских финских говоров представлен партитив на *-i-ta* (*lampa-i-ta*, *perre-i-tä*, *valke-i-ta*), в диалектах приходов Тюрё и Каприо представлен партитив на *-hi* (*lampah-i*, *pereh-i*, *valkeh-i*). В нижнелужских ижорских и водских говорах в основном представлены партитив с нулевым падежным окончанием и партитив на *-t(a)*. В финских говорах прихода Нарвуси, а также в самых северных нижнелужских ижорских говорах наряду с партитивами на *-i-ta* и партитивами с нулевым окончанием нам также встретились партитивы на *-j-a* (*lampa-j-a*, *perre-j-ä*, *valke-j-a*). Партитивы с нулевым окончанием зафиксированы также в приходах Каттила и Новасолкка.

3.6. *Иллатив.* Интересной особенностью южных и западных молосковицких говоров является иллатив карельского типа на *-h*. Следует отметить, что в разных деревнях дистрибуция алломорфа *-h* по типам склонения различается, как это видно из Таблицы 4.

Таблица 4

	Брюховицы	Красницы
тип <i>taivas</i>	<i>taivaah</i>	<i>taivaah</i>
тип <i>pere</i>	<i>perreeh</i>	<i>perree</i>
тип <i>kiukaa</i>	<i>kiukaah</i>	<i>kiukaa</i>
тип <i>koti</i>	<i>kottiuh</i>	<i>kottii</i>

Иллатив на *-h* зафиксирован нами в дер. Брюховицы, Неревыцы, Сягло, Морозово, Красницы, Молосковицы, Тресковицы, Сяглицы, Лаговицы, Малые Озертицы, Горка, Бегуницы, Марково, Корпия, хотя в северных деревнях он встречается редко или даже как исключительное

явление. Эти деревни находятся в основном в центральной и юго-западной части молосковицкого ареала. Примечательно, что в говорах восточной части молосковицкого ареала, в особенности в дер. Пежевицы, представлен центральноингерманландский тип иллатива (*kyllää* <деревня.ILL> ‘в деревню’, *taivaa-hen* <небо-ILL> ‘в небо’).

3.7. Общие черты молосковицкого и западногатчинского. Нижеследующие особенности объединяют молосковицкий и западногатчинский диалекты.

а) Показатели 1PL *-mmo*, 2PL *-tto*. Показатели с гласным *o* (а не *a*, т.е. *-mma*, *-tta*) характерны для этих двух диалектов, однако в западногатчинском приходе Скворицы представлены также и показатели с гласным *a*. Для остальных диалектов Ингерманландии в целом характерны показатели с гласным *a*, однако в приходе Венёки представлены оба типа окончаний, хотя преобладающими являются *a*-окончания. За пределами Ингерманландии молосковицкий и западногатчинский тип представлен в ливвиковском карельском [Бубрих и др. 1997] и в говоре Вайвара северо-восточного прибрежного эстонского диалекта [Must 1987].

б) Глагол *lojjuu* (1SG.PRES *lojun*) лежать. Этот глагол представлен в молосковицком и западногатчинском диалектах. В восточногатчинском диалекте этот же глагол имеет другой фонетический облик *loikoo* (1SG.PRES *lojjon*) ~ *loikoi* (1SG.PRES *lojjoin*) или же вместо этого глагола выступает глагол *lammoo* ~ *lammoi*.

с) Для двусложных одноосновных глаголов характерна форма IMPERF.3SG с нулевым показателем *toru* <ругать.3SG.IMPERF> ‘он ругал’, *anto* <дать.IMPERF.3SG> ‘он дал’. Такого рода формы представлены также в водском языке, части нижнелужских ижорских говоров, нижнелужском финском. Для восточногатчинского, хизтамякского, западно- и восточнотюрёсского диалектов характерными являются формы *torui*, *antoi*, аналогичные литературным формам.

д) Для так называемых стяженных глаголов характерна форма IMPERF.3SG без дифтонга *puto-ś* <упасть-IMPERF.3SG> ‘он упал’. Такие формы есть в водском языке, в большей части нижнелужских ижорских говоров. В восточногатчинском диалекте, а также в финских диалектах приходов Сойккола, Каприо, Тюрё, как правило, выступает вариант с дифтонгом *putois~putoiś*. Вариант с дифтонгом есть также в сойкинском диалекте ижорского языка и даже в некоторых нижнелужских говорах, например, в говоре дер. Орлы. В литературном финском представлен вариант без дифтонга *putosi*.

4. Лексические изоглоссы.

4.1. *paŋGi*. Одной из важнейших лексических изоглосс, отделяющей молосковицкие говоры от западногатчинского диалекта, является лексема *paŋGi* ‘ведро’. В западногатчинских говорах, равно как и в большей части других говоров Центральной Ингерманландии, представлена лексема *ämBär*. Восточная граница распространения варианта *paŋGi* проходит по линии Радицы — Ст. Бегуницы — Канаршино — Пежевицы. Дер. Ославье и Озертицы (прихода Губаницы) оказываются к востоку от этой линии, образуя тем самым переходную зону между молосковицким и западногатчинским диалектом. В Западной Ингерманландии этот вариант представлен также в финских диалектах Нарвуси, Каттила, Новасолкка, в ижорском нижнелужском диалекте и во всех говорах водского языка. В сойкинском диалекте ижорского языка эта лексема отсутствует, вместо нее представлен вариант *uylu*. В эстонских говорах Западной Ингерманландии преобладает вариант *ämBer*, вариант *paŋG* встретился в наших материалах только один раз..

4.2. *Pulmat*. Другой важной изоглоссой является лексема *pulmat* ‘свадьба-PL’ (Pl. tantum). Этот вариант представлен почти во всех молосковицких деревнях, в которых удалось зафиксировать лексему со значением ‘свадьба’, за исключением дер. Бегуницы, Русское Брызгово, Финские Голубовицы, находящихся на северо-восточной границе молосковицкого ареала. В Западной Ингерманландии эта лексема представлена в финских диалектах приходов Нарвуси, Каттила, Новасолкка, Сойккола, в водском языке, в сойкинском и нижнелужском диалектах ижорского языка и в эстонских говорах Ингерманландии. В западногатчинском диалекте представлен вариант *pi(j)ot*.

4.3. *Polle*. Еще одной изоглоссой, отделяющей молосковицкие говоры от западногатчинских, является лексема *polle* ‘передник’. Этот вариант представлен во всех молосковицких говорах, в которых удалось зафиксировать лексему со значением ‘передник’. В западногатчинском диалекте представлены варианты *esna* и *eslina*. Вариант *polle* представлен также в финских говорах приходов Нарвуси, Каттила, Новасолкка, Сойккола, Каприо и Тюрё, таким образом, эта изоглосса примерно соответствует изоглоссе дифтонгизации *aa* и *ää*. В ижорском языке также представлен этот вариант.

4.4. *Kalmot*. Некоторые лексемы, достаточно широко представленные в говорах молосковицкого диалекта, зафиксированы также и восточнее, на территории распространения западногатчинского диалекта, хотя там они встречаются спорадически. К таким лексемам можно от-

нести в первую очередь *kalmo-t* ~ *kalma-t* ‘кладбище-PL’ (Pl. tantum). Мы зафиксировали этот вариант в дер. Бегуницы, Артюшкино, Канаршино, Прологи, Карстолово, Пежевицы. Помимо молосковицкого диалекта, эта лексема известна в приходах Нарвуси, Каттила, Сойккола [Nirvi 1978: 357], Губаницы, Шпаньково и Колпаны. Самая восточная из деревень, где нам удалось зафиксировать эту лексему — дер. Парицы. Лексема *kalmot* также известна в водском и ижорском языках (включая хэвасский диалект [Laanest 1997: 60]).

4.5. *Vankkuri*. Другой подобной лексемой является *vankkur(i)* ‘телега’. Этот вариант зафиксирован в дер. Бегуницы, Малые Озертицы, Артюшкино, Русское Брызгово, Канаршино, Сягло, Красницы, Прологи, Корпия, Пежевицы, Карстолово. Другие варианты в деревнях молосковицкого ареала нам не встретились. В Центральной и Северной Ингерманландии представлен в основном вариант *rattaat*, однако вариант *vankkuri* sporadически встречается в западногатчинском диалекте и зафиксирован даже в приходе Серепетта. В Западной Ингерманландии он представлен в приходах Нарвуси, Каттила, Сойккола, sporadически встречается в ижорском языке и, по имеющимся у нас фрагментарным полевым материалам, данный вариант представлен и в русских говорах Сланцевского района (*ванкур*). В водских говорах данная лексема отмечена в дер. Краколье, Пески, Лужицы, Котлы, Маттия, Пондилово, Корветино и Ицепино [VKS 7 2011: 99]. В эстонском языке представлен вариант *vanker*.

4.6. *Päivä*. Еще одной такой лексемой является *päivä* ‘солнце’. Литературный вариант *aurinko* в приходе Молосковицы нам удалось зафиксировать только в трех деревнях (Малые Озертицы, Сяглицы, Лаговицы). В остальных деревнях молосковицкого диалекта, а также в дер. Малые Озертицы и Лаговицы, представлен вариант *päivä*. По видимому, вариант *aurinko* в трех молосковицких деревнях следует считать результатом влияния литературного финского языка. Вариант *päivä* представлен в водском и ижорском языках, а также широко распространен в финских диалектах Западной Ингерманландии. В частности, он зафиксирован в приходах Нарвуси, Каттила, Новасолкка, Губаницы, Шпаньково, Тюрё и изредка даже в Северной Ингерманландии.

4.7. *Общие лексические изоглоссы молосковицкого и западногатчинского*. Несколько лексических изоглосс объединяют западногатчинский диалект и молосковицкий, противопоставляя их восточногатчинскому, хиэтамьякскому и тюрёским диалектам. К таким лексемам можно отнести *omena* картофель, *kovamaito* ‘творог’, *nästykki* ‘полотенце’, *retku* ‘тряпка’. В восточногатчинском представлены лексемы *tarittu* ‘карто-

фель’, *rahka* ~ *voroku* ‘творог’, *silmäriepu* ‘полотенце’ (лексема *nästykki* в восточногатчинском обычно имеет значение ‘носовой платок’), *rötkö* ‘тряпка’ (в западногатчинском лексема *rötkö* изредка встречается, однако имеет пейоративный оттенок).

4.8. *Vihma*. Существуют и такие лексемы, которые представлены только в отдельных деревнях прихода Молосковицы, например *vihma* ‘дождь’. Эта лексема представлена в дер. Малые Озертицы, Брюховицы и Смедово. Эти деревни находятся в западной части молосковицкого ареала. Этот вариант представлен также в нижнелужском и сойкинском ижорском, водском, эстонском, а также в финских говорах приходов Нарвуси, Каттила, Сойккола, Новасолкка.

В большинстве молосковицких говоров представлен вариант *ves-sae* <вода-осадки>, в западногатчинском и других диалектах Центральной и Северной Ингерманландии — вариант *suaje/saaje*.

5. Заключение.

Почти все рассмотренные особенности молосковицких говоров можно поделить на две группы. К первой из них относятся те изоглоссы, которые объединяют молосковицкие говоры с другими финскими говорами Западной Ингерманландии и с водским языком, а в некоторых случаях также с некоторыми ижорскими диалектами и/или с эстонским языком. Представляется вероятным, что большая часть или даже все изоглоссы этой группы относятся к водскому субстрату, хотя в некоторых случаях возможно и позднейшее влияние ижорского языка. Следует, однако, отметить, что нижнелужский и отчасти сойкинский диалекты ижорского языка, по-видимому, сами содержат водский субстрат. Эстонский язык, очевидно, оказал значительно меньшее влияние на молосковицкие говоры, чем на диалекты приходов Каттила или Новасолкка.

Вторая группа изоглосс объединяет молосковицкий и западногатчинский диалекты. Происхождение этих особенностей остается неясным и нуждается в дальнейшем исследовании.

Список сокращений

SG единственное число	ILL иллатив
PL множественное число	PRES настоящее время
PART партитив	IMPERF имперфект
ALL аллатив	COND условное наклонение

Литература

- Бубрих и др. 1997 — Д. В. Бубрих, А. А. Беляков, А. В. Пунжина. Диалектологический атлас карельского языка – Karjalan kielen murtekartasto. Helsinki, 1997.
- Вахтин 2001 — Н. Б. Вахтин. Языки народов Севера в 20 веке: очерки языкового сдвига. СПб., 2001.
- Муслимов 2009 — К классификации финских диалектов Ингерманландии // С. А. Мызников (ред.). Вопросы уралистики 2009. Научный альманах. СПб, 2009. С. 179–204.
- Laanest 1997 — A. Laanest. Isuri keele Hevaha murde sõnastik. Tallinn, 1997.
- Mullonen 2004 — M. Mullonen (toim.). Elettiinpä ennen Inkeris. Näytteitä inkerinsuomalaisista murteista. Petroskoi, 2004.
- Must 1987 — M. Must. Kirderannikumurre: Häälikuline ja gramatiline ülevaade. Tallinn, 1987.
- Nirvi 1978 — R. E. Nirvi. Soikkolan äyrämöismurteessa // Virittäjä 4, 1978. S. 45–54.
- Virtaranta 1953 — P. Virtaranta. Näytteitä Inkerin murteista Koprinan, Iisaron ja Siiverskan kylistä // Virittäjä. 1953. S. 384–405.
- VKS 1 1990 — Vadja keele sõnaraamat. Tallinn, 1990.
- VKS 7 2011 — Vadja keele sõnaraamat. Tallinn, 2011.

М. А. Холодилова

РАССОГЛАСОВАНИЕ В ИНГЕРМАНЛАНДСКИХ ФИНСКИХ ОТНОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ¹

1. Введение

В ингерманландских говорах для релятивизации используются местоимения *kuka* ‘кто’ и *mikä* ‘что’. Как видно из переводов, данные местоимения различаются по одушевленности. В обычном случае, например в вопросительных предложениях, *kuka* используется по отношению к одушевленным объектам, *mikä* — к неодушевленным. В то же время, в относительных предложениях при некоторых условиях наблюдаются отклонения от этого распределения: *mikä* используется при одушевленных вершинах или *kuka* используется при неодушевленных вершинах. С некоторой долей условности данное явление можно считать **рассогласованием по одушевленности**.

В именительном падеже местоимения *kuka* и *mikä* различают формы числа. В то же время, в некоторых случаях при вершинах во множественном числе возможно использование относительных местоимений в единственном числе, т.е. наблюдается **рассогласование по числу**².

---

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ, проект 11-04-00172а. Статья основана на материалах, собранных в Центральной Ингерманландии (Гатчинский район) в рамках экспедиций 2011–2013 гг. Настоящее исследование, как и другие исследования автора по ингерманландскому финскому, было бы невозможно без начального толчка, данного экспедициями 2009–2010 гг. под руководством Е. В. Перехвальской.

Я хотела бы также поблагодарить Н. В. Кузнецову и М. З. Муслимова за помощь на различных этапах работы.

² Применительно к одной из ингерманландских относительных конструкций можно говорить также о рассогласовании по падежу. Соответствующие данные не рассматриваются ниже, однако подробно обсуждаются в [Kholodilova 2013a].

2. Базовая информация об относительных местоимениях в ингерманландском финском

Система средств релятивизации в ингерманландском финском отличается от литературной. Как и в других юго-восточных финских диалектах [Pääkkönen 1988: 29–30], в качестве относительных используются только местоимения *kuka* ‘кто’ и *mikä* ‘что’ и не используется *joka* ‘который’. При этом местоимение *kuka* сочетается с именными вершинами, чего обычно не происходит в литературном финском.

И в литературном финском, и в ингерманландском местоимения *kuka* и *mikä* могут выступать как вопросительные и как относительные. Кроме того, от тех же основ могут быть образованы неопределенные и отрицательные местоимения. В большинстве случаев слова, образованные от этих основ, строго противопоставлены по одушевленности. Для референции к людям используется местоимение *kuka* (1), для референции к неодушевленным объектам — местоимение *mikä* (2). Как и в литературном финском, по отношению к животным используется чаще всего неодушевленное местоимение *mikä*, однако в той же функции встречается и одушевленное *kuka*.

- (1) *kuka* / *mikä *se on?*
кто что тот быть.3SG
‘Кто это?’
- (2) *mikä* / *kuka *se on?*
что кто тот быть.3SG
‘Что это?’

В относительных предложениях местоимения *kuka* и *mikä* могут использоваться как местоимения-существительные или как местоимения-прилагательные. Последнее возможно преимущественно в коррелятивных относительных предложениях:

- (3) *ke-tü* *pojka* *isä* *lö-i-Ø* *itkö*
кто-PART мальчик.PART отец бить-PST-3SG плакать.3SG
‘Мальчик, которого побил отец, плачет’.

3. «Семантическое согласование»

В некоторых случаях в относительных предложениях наблюдается «семантическое согласование», т. е. ситуация, при которой согласо-

тельный показатель не соответствует формальным свойствам контролера согласования, однако отвечает его семантике.

В ингерманландских относительных предложениях можно отметить по крайней мере один случай «семантического согласования»: при некоторых существительных, реферирующих к одушевленным группам лиц, возможно использование одушевленного местоимения *kuka* ‘кто’ во множественном числе:

- (4) *pere kutka ell-i-t tä-s talo-s männ-i-t pois*
 семья кто.PL жить-PST-3PL этот-IN дом-IN идти-PST-3PL прочь
 ‘Семья, которая жила в этом доме, уехала’. (букв. ‘Семья, кото-
 рые жили в этом доме, уехали’.)

В случае «семантического согласования» соблюдается иерархия (5), предложенная Г. Корбетом: в большей степени склонны к «семантическому согласованию» позиции, находящиеся правее на иерархии.

- (5) атрибутивное зависимое > предикат > относительное местоимение > личное местоимение [Corbett 2006: 207]

Так, слово ‘семья’ в ингерманландском финском допускает «семантическое согласование» для предиката, относительного местоимения-существительного и личного местоимения, но не для атрибутивного зависимого. В частности, «семантическое согласование» невозможно для относительного местоимения, если оно выступает в качестве атрибутивного зависимого:

- (6) *mikä / *kutka pere ell-i-t tä-s talo-s*
 что кто.PL семья жить-PST-3PL этот-IN дом-IN
männ-i-t pois
 идти-PST-3PL прочь
 ‘Семья, которая жила в этом доме, уехала’.

Далее в статье не рассматриваются случаи «семантического согласования»: у обсуждаемых ниже типов рассогласования нет очевидной семантической мотивации. При этом по крайней мере в части случаев такие расхождения между вершиной и относительным местоимением не подчиняются иерархии (5): при рассогласовании у относительных местоимений сходное явление не наблюдается ни у одной из остальных позиций иерархии.

4. Рассогласование по числу

Как отмечается уже в [Porkka 1885: 86], у ингерманландских относительных местоимений отсутствуют (специализированные) формы множественного числа, кроме номинатива. В литературном финском языке сходная ситуация наблюдается для местоимения *mikä*, но не *kuka* [Nakulinen et al. 2004: §102]. Впрочем, согласно [Kirjavainen 2008], в разговорном языке та же особенность отличает и *kuka*.

Отсутствие формально противопоставленных по падежам форм множественного числа не препятствует образованию структур, в которых относительное местоимение занимает позицию атрибутивного зависимого, как в (7). Для обычных атрибутивных зависимых согласования по числу обязательно.

- (7) *ke-tii laps-i laite-tti tüö-hön,*
кто-PART ребенок-PL.PART отправлять-IPS.PST работа-ILL
tullò-t kottì iltasil
прийти-3PL дом.ILL вечером
‘Дети, которых отправили работать, пришли домой вечером’.

Косвенные формы относительных местоимений с референцией ко множественным участникам сближаются с обычными формами множественного, а не единственного числа также по распределению форм падежного маркирования.

Как известно, в позиции прямого дополнения в литературном финском языке падежное маркирование частично зависит от числа прямого дополнения. При индикативных формах глагола прямое дополнение в единственном числе допускает маркирование генитивом и партитивом, прямое дополнение во множественном числе — номинативом и партитивом. Это явление наблюдается и в ингерманландском финском, хотя распределение форм несколько отличается от литературного языка [Голубева 2009; Таран 2013: 25–28].

Косвенные формы относительных местоимений с референцией к множественным объектам сближаются в этом отношении с множественным числом. Так, при референции к единственному участнику в перфективной ситуации предпочтителен генитив (8), при референции к многим участникам допустимо маркирование партитивом или номинативом множественного числа (9).

- (8) *kirja minkä / ??mi-tä siä ost-i-t*
 книга что.GEN что-PART ты купить-PST-2SG
miu-st ei näüti
 я-EL NEG нравиться
 ‘Книга, которую ты купил, мне не нравится’.
- (9) *kirja-t mi-tä / mitkä / *minkä siä ost-i-t*
 книга-PL что-PART что.PL что.GEN ты купить-PST-2SG
miu-st ei näüti
 я-EL NEG нравиться
 ‘Книги, которые ты купил, мне не нравятся’.

Как видно из Таблицы 1, одушевленное относительное местоимение примыкает по оформлению прямого дополнения к личным местоимениям, неодушевленное относительное местоимение — к существительным, однако в обоих случаях существует различие между маркированием при единственном и множественном числе референтов.

Таблица 1. Падежное маркирование прямого дополнения в индикативе в перфективной ситуации в ингерманландском финском

	единственное число референтов	множественное число референтов
личные местоимения	PART > GEN	PART
<i>kuka</i> ‘кто’	PART > GEN	PART
существительные	GEN > PART	NOM.PL / PART.PL
<i>mikä</i> ‘что’, существительные	GEN > PART	NOM.PL / PART

В ингерманландском финском использование форм единственного числа относительного местоимения при референции к многим участникам возможно и в номинативе (10), в котором противопоставление по числу присутствует³.

³ Близкая ситуация наблюдается по крайней мере в венгерском (для местоимений *ami, aki*) [Szeredi 2012] и в армянском (*or*) [Dum-Tragut 2009: 156]: относительное местоимение различает формы числа, однако допустимо и использование формы единственного числа при вершинах во множественном числе. Еще более распространена ситуация, при которой относительное местоимение вообще не противопоставляет форм числа, как, например, русское *кто* или английское *who*.

- (10) ...*ñii-tä ei kihla-ttu-kkaa,* *kuka eij_*
 те-PART NEG обручаться-PC_IPS.PST-ADD.NEG кто NEG
_osâ-nt lukkee
 уметь-PC_PST читать.INF
 ‘и тех не брали в жены, кто не умел читать’ (из сборника
 [Mullonen (toim.) 2004: 231]⁴)

Местоимение *kuka* ‘кто’ свободно допускает рассогласование по числу, тогда как для местоимения *mikä* ‘что’ рассогласование разрешается не всеми носителями:

- (11) *kirja-t mitkä / ??mikä o-vat tä-s kuapi-s*
 книга-PL что.PL что быть-3PL этот-IN шкаф-IN
o-vat kirute-ttu Suomè-ks
 быть-3PL писать-PC_IPS.PST финский-TRL
 ‘Книги, которые лежат в этом шкафу, написаны по-фински’.

В отличие от косвенных форм (7), формы именительного падежа относительных местоимений не допускают рассогласования по числу в атрибутивной позиции:

- (12) ^{OK}*kutka / *kuka lapse-t männö-t püh-i-l'*
 кто.PL кто ребенок-PL идти-3PL праздник-PL-ALL
pittä olla sorja-t vättè-t
 быть_нужным.3SG быть красивый-PL одежда-PL
 ‘Дети, которые пойдут на праздник, должны быть красиво одеты’.

В случае если при вершине во множественном числе относительное местоимение стоит в единственном числе, вершинный предикат в зависимой клаузе иногда также принимает форму единственного числа. Однако и в этом случае наиболее частотным и предпочтительным является маркирование множественным числом.

- (13) *ne-i-l' kuka pitää-t / ??pitä lehmä*
 те-PL-AD кто держать-3PL держать.3SG корова.PART
ne-i-l' on ain maitò
 те-PL-AD быть.3SG всегда молоко.PART
 ‘У тех, кто держит корову, всегда есть молоко’.

⁴ В текстовых примерах из печатных публикаций здесь и далее сохраняется транскрипция оригинала.

5. Рассогласование по одушевленности

В ряде случаев неодушевленное местоимение *mikä* используется при одушевленной вершине или одушевленное местоимение *kuka* используется при неодушевленной вершине.

5.1. Рассогласование с одушевленной вершиной

Более распространен такой тип рассогласования по одушевленности, при котором одушевленная вершина сопровождается неодушевленным относительным местоимением.

- (14) *Se kauppias, mikä mei-l kä-i-Ø,*
 тот торговец что мы-ALL ходить-PST-3SG
se ol' Ivan, venäläine <...>
 тот быть.PST.3SG Иван русский
 ‘Тот торговец, который к нам приходил, был Иван, русский <...>’.
 (из сборника [Mullonen (toim.) 2004: 193])

Согласно [Pääkkonen 1988; Mielikainen 1986: 113], сходное явление наблюдается в разговорном финском; в [Сабо 1963: 264–265] оно отмечается для водского.

В ингерманландском финском рассогласование по одушевленности ограничено релятивизуемой позицией. Так, рассогласование встречается при релятивизации (номинативного) подлежащего⁵ (15) и почти недопустимо в прочих позициях (16).

- (15) *miä e-n tīje si-tä nais-ta*
 я NEG-1SG знать тот-PART женщина-PART
mikä / kuka tul'
 что кто прийти.PST.3SG
 ‘Я не знаю ту женщину, которая пришла’.

- (16) *miä e-n tīje si-tä nais-ta*
 я NEG-1SG знать тот-PART женщина-PART

---

⁵ Возможно, что релевантный признак в данном случае — падеж, а не синтаксическая позиция. Проверить это предположение достаточно трудно. Так, еще одна позиция, допустимая для номинатива в финском — это позиция прямого дополнения (в индикативе только для множественного числа, в неличных формах и императиве — также для единственного числа), однако у одушевленного относительного местоимения номинатив в этой функции, как правило, запрещается.

ke-tä / ?? *mi-tä* / ?? *minkä* *siä* *kutsu-i-t*
 кто-PART что-PART что.GEN ты звать-PST-2SG
 ‘Я не знаю ту женщину, которую ты позвал’.

- (17) *miä e-n tije nais-ta*
 я NEG-1SG знать женщина-PART
ke-l’ / ?? *mi-l’* *siä soit-i-t*
 кто-ALL что-ALL ты звонить-PST-2SG
 ‘Я не знаю женщину, которой ты звонил’.

Впрочем, фиксируемые в текстах случаи рассогласования не ограничиваются позицией подлежащего, ср.:

- (18) *Ensimäine esi-isä minkä mie tija-n,*
 первый перед-отец что.GEN я знать-1SG
se ol’ Juoseppi
 тот быть.PST Йоосеппи
 ‘Первый предок, которого я знаю, — это Йоосеппи’ (из сборника [Mullonen (toim.) 2004: 66]).

Еще одним условием, ограничивающим допустимость рассогласования по одушевленности, является рестриктивность. В нерестриктивных относительных предложениях использование неодушевленных местоимений при одушевленных вершинах ограничено. Так, рассогласование допустимо в рестриктивном предложении (19) и недопустимо в нерестриктивном (20).

- (19) *koht tullò-t ihmise-t*
 скоро прийти-3PL человек-PL
kutka / ^{OK} *mitkä minnù auttà-t*
 кто.PL что.PL я.PART помочь-3PL
 ‘Скоро придут люди, которые мне помогут’.
- (20) *koht tullò-t miu-n vanhemma-t*
 скоро прийти-3PL я-GEN родитель-PL
kutka / ?? *mitkä minnù auttà-t*
 кто.PL что.PL я.PART помочь-3PL
 ‘Скоро придут мои родители, которые мне помогут’.

Рассогласование по числу и рассогласование по одушевленности несовместимы. Так, в (21) возможно рассогласование по одушевленности или по числу, но не сочетание этих двух типов рассогласования⁶.

- (21) *miu-l ono toveri-t kutka / mitkä / kuka /*
 я-AD быть.3SG друг-PL кто.PL что.PL кто
*mikä ellä-t toisè-s külä-s
 что жить-3PL другой-IN деревня-IN
 ‘У меня есть друзья, которые живут в соседней деревне’.

5.2. Рассогласование с неодушевленной вершиной

Рассогласование по одушевленности возможно и при неодушевленных вершинах, однако строго ограничено релятивизируемой позицией. Одушевленное местоимение допустимо при неодушевленной вершине только в том случае, если оно выступает в позиции приименного посесивного зависимого:

- (22) *nurkà-s seisò kuappi kene-n / ?minkän ukse-t*
 угол-IN стоять.3SG шкаф кто-GEN что.GEN дверь-PL
o-vat auk
 быть-3PL открыто
 ‘В углу стоит шкаф, двери которого открыты’.

В прочих случаях использование одушевленных местоимений при неодушевленных вершинах недопустимо:

- (23) *kuappi mikä / *kuka seisò nurkà-s*
 шкаф что кто стоять.3SG угол-IN
ono pien’
 быть.3SG маленький
 ‘Шкаф, который стоит в углу, маленький’.

В частности, такое рассогласование невозможно в неприименных генитивных позициях: при послелогох (24) и в позиции прямого дополнения (25).

---

⁶ Как отмечалось выше, рассогласование по числу у местоимения *mikä* ограничено и при неодушевленных вершинах, однако соответствующие примеры часто признаются допустимыми и порождаются, в отличие от примеров с формой единственного числа *mikä* ‘что’, при одушевленных вершинах во множественном числе.

- (24) *nurkà-s seisò kuappi minkän / *kene-n piäl*
угол-IN стоять.3SG шкаф кто.GEN что-GEN на
seisò lamppu
стоять.3SG лампа
'В углу стоит шкаф, на котором стоит лампа'.
- (25) *nurkà-s seisò kuappi minkän / *kene-n*
угол-IN стоять.3SG шкаф что.GEN кто-GEN
*ke-tü miä ost-i-n eilen
кто-PART я купить-PST-1SG вчера
'В углу стоит шкаф, который я купила вчера'.

Сходное явление фиксируется по крайней мере в мокшанском языке, во всех южнославянских и восточнославянских языках, в английском, нидерландском и армянском, см. подробнее в [Kholodilova 2013b] и ср. следующий русский пример:

- (26) *Это — разбитое войнами и революциями зеркало, **чьи** осколки все-таки снова срослись, сохранив в глубине все, что в нем отражалось.* [Е. Евтушенко. «Волчий паспорт» (1999)] (НКРЯ⁷)

6. Выводы

1. В ингерманландском финском широко распространено рассогласование относительного местоимения с вершиной по числу и одушевленности.

Условия, допускающие или требующие рассогласования в относительных предложениях, следующих за вершиной, отражены в Таблице 2. Как видно из таблицы, значимыми для допустимости или недопустимости рассогласования оказываются по крайней мере следующие факторы:

- одушевленность/неодушевленность;
- наличие рассогласования по другой категории (иначе — использованное относительное местоимение);
- синтаксическая позиция (подлежащее / приименное генитивное зависимое / прочие позиции);
- рестриктивность относительной клаузы.

---

⁷ Национальный корпус русского языка, ruscorgora.ru.

Таблица 2. Допустимость и обязательность рассогласования по числу и одушевленности в постпозитивных относительных предложениях⁸

рассогласование	одушевленность референта	ОМ	GEN посес-сора	прочие позиции	подлежащее (НОМ)	
					рестрик-тивные	нерестрик-тивные
по числу (SG вместо PL)	одушевленные	<i>kuka</i>	+ / * ₋		+ / -	
		<i>mikä</i>	?? - / * ₊		- / * ₊	
	неодушевленные	+ / * ₋		- / ?? ₊		
по одушевленности	одушевленные	- / ?? ₊		+ / -	- / ?? ₊	
	неодушевленные	+ / ? ₋	- / * ₊			

2. В коррелятивных относительных предложениях, в которых относительное местоимение выступает в качестве местоимения-прилагательного, рассогласование более ограничено. В качестве зависимых существительных во множественном числе допустимы косвенные формы относительных местоимений без эксплицитного числового маркирования, но не формы номинатива единственного числа.

3. Косвенные формы относительных местоимений без эксплицитного числового маркирования, выступающие при вершинах во множественном числе, близки по ряду свойств к обычным формам множественного числа. Во-первых, как отмечено в предыдущем пункте, они могут быть атрибутивными зависимыми при существительных во множественном числе. Во-вторых, в ингерманландском финском у относительных местоимений отсутствуют косвенные формы, эксплицитно маркированные по числу. В-третьих, падежное маркирование косвенных форм относительных местоимений в позиции прямого дополнения определяется числом референтов.

Формы номинатива без числового маркирования, допустимые при референции к многим участникам в постпозитивных относительных предложениях, не обладают сходными свойствами. Они не могут выступать в качестве атрибутивных зависимых существительных во мно-

⁸ В таблице знак «+» означает наличие рассогласования, «-» — отсутствие рассогласования, знаки оценки приемлемости при них обозначают степень допустимости соответствующих примеров. Т. е., например, «+ / *₋» означает, что в данных условиях рассогласование возможно, а его отсутствие — нет.

жественном числе, а в парадигме склонения относительного местоимения есть формы номинатива множественного числа⁹.

4. Как видно из рассмотренных выше данных, в некоторых фрагментах системы релятивизации относительные местоимения утратили противопоставления по числу и одушевленности. Можно предположить, что наблюдаемые признаки указывают на происходящий процесс изменения относительных местоимений в генерализованные неизменяемые маркеры, см. о таких изменениях [Henderey: 154–155; Lehmann 1984: 389–393]. В то же время, некоторые признаки такой «генерализации» могут сочетаться с признаками, указывающими на наличие парадигмы. Так, например, допустимость неодушевленной формы *mitkä* (что.PL) при одушевленных вершинах можно считать признаком, характерным скорее для неизменяемых показателей релятивизации, чем для относительных местоимений, ср., например, использование в сходных функциях русского *что* или английского *that*. В то же время, эта форма маркирована по числу, что отличает ее от обычных неизменяемых маркеров.

С типичными случаями развития неизменяемых маркеров из склоняемых местоимений (*что*, *that*) ингерманландские местоимения сближает также ограниченность рассогласования по одушевленности рестриктивными контекстами. Для некоторых из таких единиц в литературе неоднократно отмечалась недопустимость в нерестриктивных контекстах (см., например, [De Vries 2002: 188] для английского)¹⁰.

Представляется, что «промежуточные» системы, подобные ингерманландской, могут служить важным аргументом в обсуждении таких единиц, как *что* и *that*. Как отмечается в [van der Auwera 1985; van der Auwera, Kučanda 1985], некоторые из свойств, которые используются как доказательства союзного статуса английского *that* или сербохорватского *što*, встречаются и у сравнительно несомненных местоимений. Рассмотрение «промежуточных» систем позволяет уточнить список свойств, которые могут быть у единицы, еще не ставшей окончательно союзом.

5. Особый случай представляет собой рассогласование по одушевленности с неодушевленной вершиной при релятивизации позиции приименного генитивного зависимого. Такое рассогласование наблюда-

---

⁹ Некоторым сходством этих форм с формами множественного числа можно считать предпочтительность при них сказуемых во множественном числе, однако этот факт допускает различные трактовки.

¹⁰ Впрочем, известно, что даже в английском языке данное правило знает исключения, см., в частности, [Jacobsson 1994].

ется в целом ряде языков, помимо ингерманландского финского, в том числе во многих славянских и в английском. Ингерманландские данные (также как мокшанские и армянские) интересны тем, что при рассогласовании такого генитивного зависимого отсутствует всякое структурное различие между конкурирующими одушевленным и неодушевленным местоимением. Оба они входят в парадигму обычных относительных местоимений, не получают согласовательных показателей и находятся по левую сторону от именной вершины. Это позволяет предположить, что и в остальных случаях особые свойства одушевленного местоимения (порядок слов, согласование, большая специализированность) не являются единственной причиной проникновения одушевленного местоимения в неодушевленную зону.

Список сокращений

- 1 / 2 / 3 — 1 / 2 / 3 лицо
AD — адессив
ADD — аддитивная частица
ALL — аллатив
EL — элатив
GEN — генитив
ILL — иллатив
IN — инессив
INF — инфинитив
IPS — имперсонал
NEG — отрицание
NOM — номинатив
PART — партитив
PC — причастие
PL — множественное число
PST — прошедшее время
SG — единственное число
TRL — транслатив

Литература

- Голубева 2009 — А. Д. Голубева. О факторах, влияющих на распределение номинатива, генитива и партитива для обозначения прямого дополнения в ингерманландском языке. Материалы доклада, 2009.
Сабо 1963 — Л. Сабо. Очерки по синтаксису водского языка. Дисс. ... канд. филол. наук. Ленинград, 1963.

- Таран 2013 — Ю. А. Таран. Вид и время глагола в финских говорах Центральной Ингерманландии. Выпускная квалификационная работа магистра лингвистики. СПб.: СПбГУ, 2013.
- Corbett 2006 — G. G. Corbett. *Agreement*, Cambridge: CUP, 2006.
- Dum-Tragut 2009 — J. Dum-Tragut. *Armenian: Modern Eastern Armenian*. Amsterdam–Philadelphia: John Benjamins, 2009.
- Hakulinen et al. 2004 — A. Hakulinen, M. Vilkkuna, R. Korhonen, V. Koivisto, T. Heinonen, I. Alho. *Iso suomen kielioppi*, Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2004. (<http://scripta.kotus.fi/visk/etusivu.php>).
- Henderey 2012 — R. Henderey. *Relative clauses in time and space*. Amsterdam–Philadelphia: John Benjamins, 2012.
- Jacobsson 1994 — B. Jacobsson. Nonrestrictive relative *that*-clauses revisited // *Studia neophilologica. A Journal of Germanic and Romance Languages and Literature* LXVI, 2, 1994. P. 181–195.
- Kholodilova 2013a — M. Kholodilova. Inverse attraction in Ingrian Finnish // *Linguistica Uralica* XLIX, 2, 2013. P. 96–116.
- Kholodilova 2013b — M. Kholodilova. Animacy distinction in (mostly) Slavic relative pronouns. Talk at CoQuaT 2013, Leipzig, 14.08.13.
- Kirjavainen 2008 — S. Kirjavainen. Relatiivilause ja relatiivipronominin valinta Helsingin puhekielessä. Pro gradu–tutkielma, 2008.
- Lehmann 1984 — Ch. Lehmann. *Der Relativsatz: Typologie seiner Strukturen; Theorie seiner Funktionen; Kompendium seiner Grammatik*. Tübingen, 1984.
- Mielikäinen 1986 — A. Mielikäinen. Relatiivipronomit nykypuhekielessä // A. Mielikäinen (toim.). *Suomen kielen laitoksen julkaisua* 32, 1986. S. 99–126.
- Mullonen (toim.) 2004 — M. Mullonen (toim.), *Ellettiinpä ennen Inkeris, Petroskoi: Periodika*, 2004.
- Pääkkönen 1988 — I. Pääkkönen. *Relatiivisanan valinta*, Helsinki, 1988.
- Porkka 1885 — V. Porkka. *Über den Ingrischen Dialekt mit Berücksichtigung der übrigen finnisch-ingermanländischen Dialekte*. Helsingfors, 1885.
- Szeredi 2012 — D. Szeredi. Loss of agreement between Hungarian relative pronouns and their antecedents // *University of Pennsylvania Working Papers in Linguistics* 18, 2, 2012. Article 17.
- van der Auwera 1985 — J. van der Auwera. Relative *that* — a centennial dispute // *Linguistics* 21, 1985. P. 149–179.
- van der Auwera, Kučanda 1985 — J. van der Auwera, D. Kučanda. Pronoun or conjunction — the Serbo-Croatian invariant relativizer *što* // *Linguistics* 23, 1985. P. 917–962.
- De Vries 2002 — M. de Vries. *The Syntax of Relativization*. PhD Thesis, Utrecht, 2002.

О ФОРМЕ ЛИЧНЫХ ИМЕН В ВОДСКОМ ЯЗЫКЕ¹

1. Введение

Данная статья посвящена исследованию личных имен водского языка. С середины XIII века началась интенсивная христианизация води [Västrik 2007: 204] и в обиход вошли православные имена, которые используются у води и в наше время. На данный момент различия между водскими и русскими именами уже стерлись. И водь, и русские используют систему «имя-отчество-фамилия», сами имена и их внешний облик не различаются, да и водские фамилии (Петровы, Леонтьевы, Нестеровы и т. п.) не выглядят экзотическими на русском фоне. Однако еще недавно ситуация была другой, и те немногие представители води, которые сохранили свой язык до XXI века, помнят специфическую систему водских имен. Во-первых, по-другому была устроена сама система именования. Вместо современных имени-отчества-фамилии в «допаспортную» эпоху (а в течение XX века и параллельно с ней) идентификация людей происходила следующим образом:

а) человеку давалось личное имя при крещении;

б) чтобы избежать «омонимии», в обиходе личное имя часто сопровождалось именем предка (назовем его условно «родовым именем»). Таковым предком обычно являлся дед, но возможны были и девиации, когда использовалось имя отца² или же представителя предшествующих поколений, особо запомнившегося односельчанам³. Например, *sīderi ivo* ‘Сидора Иван’, *jeḑrema sen'ka* ‘Ефрема Сенька (= Семен)’;

в) у многих жителей деревни были прозвища.

В данной статье будет рассмотрен лишь один аспект системы водских именований, а именно, форма личного имени. Нетрудно заметить, что водские имена часто выглядят очень непривычно с точки зрения

---

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект 12-04-00168а и фонда Ees-ti Teadusagentuur, проект IUT2-37.

² Бывало и так, что использовалось имя матери. Такие случаи участились после Великой отечественной войны, когда во многих семьях не было отцов.

³ Так, например, в деревне Лужицы имя *l'evō* ‘Леонтий’ использовалось как родовое имя у нескольких поколений.

современного русского языка, например, *ivo* ‘Иван’, *kiko* ‘Григорий’, *ot’u* ‘Евдокия’, *voli* ‘Володя’, *il’o* ‘Илья’.

Этот факт уже привлекал внимание исследователей. В 1980 году П. Аристе опубликовал статью [Ariste 1980], где объяснил появление конечных гласных *o* и *u* в водских именах использованием прибалтийско-финских диминутивных суффиксов *oi* (в водском сократился до *o*) и *ui*. К сожалению, полутрестраничный объем этой статьи делает невозможным детальный анализ материала и не раскрывает особенностей функционирования этих суффиксов.

Значительно более подробное исследование было проведено в работе [Saar 2000], где рассмотрен большой список водских и ижорских имен (как зафиксированных в существующих источниках, так и собранных автором в процессе полевой работы) и проведен анализ их фонемного облика.

Однако при более пристальном взгляде на систему водских имен возникает целый ряд вопросов, ответы на которые не удастся найти в существующих работах.

Данная статья не претендует на всестороннее исследование личных имен в водском языке. Ее задачей становится выявление тех проблем, которые возникают при анализе материала, и формулирование некоторых гипотез, которые могли бы быть впоследствии использованы для объяснения фонемного облика водских имен.

2. Материал и методы

В основу статьи положен материал, записанный автором от 5 носителей песоцко-лужицкого говора водского языка (западноводский диалект⁴) в 2004–2013 годах.

В статье также используются данные ижорского языка. Это материал, записанный в 2013 году от 4 носителей сойкинского и 4 носителей нижнелужского диалекта ижорского языка.

В целях сопоставления привлекался материал из других источников: словаря [Tsvetkov 1995] (водский язык) и исследования [Saar 2000] (водский и ижорский языки).

При работе с носителями языка применялись различные методы опроса: а) носителям предлагалось вспомнить, как называли их односельчан

---

⁴ В данной работе различаются западноводский диалект (деревни Краколье, Лужицы, Межники) и центральноводский диалект (деревня Котлы и окрестные деревни), которые в традиционной водской диалектологии объединялись в один западноводский диалект.

или жителей соседних деревень, б) спрашивалось, как звучит то или иное русское имя в их родном языке, в) предлагались имена, зафиксированные в имеющихся источниках, с целью определения, слышал или нет носитель языка такое имя (или, точнее, такую форму имени).

3. Анализ

При анализе материала сразу обращает на себя внимание наличие двух очевидных групп имен. Первую группу составляют имена привычные для современного русского языка (*van'a* 'Иван', *maša* 'Мария', *tan'a* 'Татьяна', *dun'a* 'Евдокия'). Имена второй группы, напротив, имеют несвойственную для современного русского языка форму (*ivo* 'Иван', *mar'o* 'Мария', *tat'o* 'Татьяна', *ot'u* 'Евдокия'). Как видно из приведенных примеров, одно и то же имя может иметь варианты, относящиеся и к первой, и ко второй группе. С большими или меньшими оговорками можно утверждать, что вторая группа содержит имена более архаичные, чем первая. Именно этим архаичным вариантам и будет уделено основное внимание в данной статье.

3.1. Механизмы образования гипокористических форм имени

Все рассматриваемые имена существуют в православной культуре. Соотношение «официального» православного имени с разговорным (гипокористическим) именем часто оказывается нетривиальным, поскольку последнее является результатом действия целого ряда языковых механизмов. Основные механизмы следующие:

1. Усечение основы.
2. Фонетические изменения (фонемные замены отдельных сегментов, упрощение консонантных кластеров и пр.).
3. Суффиксация.

Если обычно при анализе гипокористических имен исследователь имеет дело с действием указанных механизмов в рамках одного языка, то в нашем случае ситуация осложняется тем, что исходное полное и результирующее гипокористическое имена относятся к разным языкам. Тем самым возникает вопрос, механизмы какого языка использовались на пути преобразования исходного имени в результирующее.

Теоретически переход от полного имени к гипокористическому мог происходить следующими тремя способами:

- имя «обрабатывалось» еще в языке-доноре (то есть в русском) и затем заимствовалось;

— имя заимствовалось в его исходной форме, а затем обрабатывалось языком-реципиентом (то есть водским);

— имя претерпевало определенные изменения в языке-доноре, а после заимствования и в языке-реципиенте.

Первый вариант можно сразу исключить из рассмотрения, поскольку у нас нет никаких свидетельств существования в русском языке большинства гипокористических имен в такой же форме, как в водском языке (а поскольку к моменту заимствования в русском языке уже имелаась письменная традиция, такие имена не могли бы остаться незамеченными).

Маловероятен и второй вариант, поскольку в этом случае следовало бы ожидать прозрачную связь между исходным православным и водским именами. В действительности часто ее не наблюдается, что естественным образом объясняется морфологически развитой системой образования гипокористических имен в древнерусском языке. Эта система включала в себя не только различные виды усечения основы, но и обширный набор суффиксов, присоединявшихся к полученной основе, см. [Зализняк 1986: 149]. В водском же языке нет такого разнообразия суффиксов, образующих гипокористические формы имен.

В качестве косвенного свидетельства того, что связь между официальным православным и гипокористическим именем не всегда была прозрачна для носителей языка, можно привести следующее изречение, процитированное носительницей ижорского языка из деревни Краколье со смешанным водско-ижорским населением (цитата приводится в кириллической записи, как ее записала носительница): *Ай, кумма мейен паппи: Кайк куццута миуна⁵ Педо, а хян санно Пётр* 'Ай, странный наш батюшка: все зовут меня Педо, а он говорит: «Пётр»'.

Таким образом, наиболее вероятным представляется третий вариант: в большинстве случаев водский язык заимствовал не исходные имена, а их гипокористические русские варианты, которые впоследствии также обрабатывались и водским языком.

Из трех описанных выше механизмов обработки исходного имени (усечение, фонетические изменения, суффиксация) каждый теоретически мог использоваться как русским, так и водским языком.

Разнообразие способов усечения в древнерусском языке было велико [Зализняк 1986: 148]. Насколько же использовалось усечение в водском языке, остается непонятным: водские гипокористические формы имен вполне подходят и под наиболее частотные русские способы усечения.

---

⁵ Здесь, по-видимому, имеет место описка: форму партитива от личного местоимения 1 лица единственного числа следовало бы записать как *миннуа*.

Например, такие имена как *ot'u* 'Евдокия', *var'u* 'Варвара', *kiri* 'Кирилл' могут описываться как усечения, образующие двусложный вокалический базис, или (в двух первых случаях) как односложный консонантный базис, отягощенный однофонемным гласным суффиксом.

Фонетические изменения имели место и в древнерусском [Зализняк 1986: 147], и в водском языках. Последний налагал существенные ограничения на допустимые сегменты и их сочетания. Для водского, как и для других прибалтийско-финских языков, нетипичными являются консонантные кластеры в начале слова (за исключением звукоподражаний), запрещены или ограничены многие сочетания согласных (так, в начале кластера редко встречаются глухие смычные, и не встречается фрикативный *v* [Маркус, Рожанский 2011: 28-29]). Очевидное упрощение консонантного кластера произошло, например, в таких именах как *ok'e* 'Аксинья' или *kiko* 'Тригорий'. При этом правила фонетической адаптации могли меняться с течением времени (ср. водские диалектные варианты *fökl* 'свекла' и *sv'okl* 'свекла', первый из которых является архаичным заимствованием, а второй – более новым). Поэтому наличие вариантов типа *us'o* ~ *ust'o* 'Устинья', *nas'u* ~ *nasto* 'Анастасия' не должно вызывать удивления⁶.

Суффиксация активно применялась для образования гипокористических имен в русском языке [Зализняк 1986: 149]. В водском языке, по данным [Ariste 1980] и [Saag 2000: 25], использовались диминутивные суффиксы.

Таким образом, во многих случаях можно предложить сразу несколько путей развития водского имени из исходного. Это собственно и создает основную проблему при попытке выявить механизм образования водских гипокористических имен.

3.2. Проблема конечного гласного

Наиболее сложным вопросом является принцип выбора конечного гласного водского имени. В Таблице 1 приведены водские имена, оканчивающиеся на все гласные за исключением *a*⁷. В таблицу вошли только те имена, которые помнили современные носители водского языка.

---

⁶ Впрочем, здесь нельзя однозначно определить, имеем ли мы дело с различием в адаптации консонантных кластеров или с разными вариантами усечения.

⁷ *a* как конечный гласный имени типичен для русского языка (как древнерусского, так и современного), и его появление не вызывает вопросов. Нам не известны случаи возникновения конечного *a* в тех водских именах, русский эквивалент которых не имел бы этого гласного.

Таблица 1. Водские имена с различными конечными гласными

Конечный гласный	Женские имена	Мужские имена
е	ok'е Акси́ня	ondre Андрей ol'ekse Алексей mosse Моисей mĩtre Дмитрий onufre Онуфрий
і	opі Ани́сья	lagі Илларион laugі Лаврентий sĩdergі Сидор volі Владимир kigі Кирилл mattі Матфей
о	oko Агафья ul'о Улья́ня us'о Усти́ня mat'о Матре́на domo Домна lis'о Елизавета mar'о Ма́рия igо Ири́на parо Праско́вья sоло Соломо́ния f'eko Фе́кла	ravo Павел ivo Иван van'о Иван Г'evo Леонтий zako Захар jãkko Яков gavo Гавриил kiko Григорий p'eto Петр timo Тимофей s'emo Семен trošo Трофим proko Прокопий sozo Созон vas'о Василий miko Михаил ol'о Александр sоло Соломон il'о Илья

u	var'u Варвара l'uru Люба st'oru Степанида oku Акулина nat'u Наталья ogru Агриппина hougu Хевронья zoju Зоя ot'u Евдокия kat'u Екатерина an'u Аня	ort't'u Артем miku Никита
o ~ u	nas'u ~ nasto Анастасия tatu ~ tat'o Татьяна pal'u ~ pal'o Полина nad'u ~ nad'o Надежда	mit'u ~ mit'o Дмитрий joku ~ joko Георгий

Несмотря на относительно небольшое количество материала, данная таблица позволяет сделать ряд интересных наблюдений.

Существует очевидное разнообразие в конечных гласных водских имен: среди кратких гласных заднего ряда только *ɛ* не был зафиксирован в соответствующей позиции. В некоторых случаях появление конечного гласного легко объяснимо. Например, в таких мужских именах, как *ondre* 'Андрей', *ol'ekse* 'Алексей', *mosse* 'Моисей', конечное *e* образовалось в результате отпадения второго компонента дифтонга (ср. с древнерусскими формами *Андрѣи/Ондрѣи*, *Олексъи*, *Моисѣи* [Зализняк 2004: 836]). О том, что это отпадение произошло уже в водском языке, свидетельствует тот факт, что все эти имена образуют форму партитива при помощи показателя *-tə* (этот вариант показателя прибавляется к основам на согласный, долгий гласный и дифтонг, но не к основам на краткий гласный⁸, см. [Маркус, Рожанский 2011: 90])⁹.

⁸ Заметим, что в современном водском языке у двух из приведенных имен наблюдается варьирование показателей партитива (чаще междиалектное, но иногда и в речи одного и того же носителя языка). Наряду с *-tə* используется и показатель *a*, то есть имеет место выравнивание парадигмы, соответствующее современному фонетическому облику имени: *mossetə ~ mossea* 'Моисей:PART', *ond(e)r'etə ~ ond(e)r'a* 'Андрей:PART'. Форма *ol'oksea* 'Алексей:PART' не была отмечена в нашем материале, но зафиксирована в словаре [Tsvetkov 1995: 204] наряду с формой *ol'okset* (в словаре приводится вариант имени со вторым гласным *o*, а не *e*, как в нашем материале).

Прозрачны также некоторые случаи, когда конечный гласный — это просто гласный основы, который оказался конечным в результате усеечения, например, *lari* ‘Илларион’, *kiri* ‘Кирилл’, *oni* ‘Анисья’, *ok'e* ‘Аксинья’ (древнерусское *Оксъньѧ*).

Однако большинство имен с основой на *o* и *u* (а таких, заметим, существенно больше, чем имен с основой на *e* и *i*) не может быть объяснено подобным образом. То есть не возникает сомнений в том, что во многих случаях *o* и *u* — это не гласные основы, а некоторый присоединенный к основе форматив¹⁰.

Как было отмечено выше, в работе [Ariste 1980] конечные *o* и *u* интерпретировались как прибалтийско-финские диминутивные суффиксы, и такой же позиции придерживалась в своей работе Э. Саар [Saar 2000: 25]. Не отрицая осмысленности и правдоподобности подобной интерпретации, мы не можем не обратить внимания на некоторые моменты, которые не были прояснены в указанных работах.

Во-первых, существование в языке двух продуктивных суффиксов с одинаковой семантикой, не имеющих очевидного формального рас-

---

⁹ Несколько менее понятны формы *mītre* ‘Дмитрий’ и *onufre* ‘Онуфрий’. Исходные имена тоже содержали дифтонг, но другой: *Димитриш*, *Онуфриш* [Зализняк 2004: 836]. У имени *mītre* ‘Дмитрий’ форма партитива *mītret(ə)* отмечена и в нашем материале, и в словаре [Tsvetkov 1995: 177], однако для *onufre* форма партитива в словаре не указана, а опрошенные носители языка либо не знали этого имени, либо образовывали партитив с показателем *-a*. Заметим также, что загадочно выглядят формы, отсутствующие в нашем материале, но представленные в словаре [Tsvetkov 1995]: *vladime* ‘Владимир, Вадим’, *maksime* ‘Максим’, *jefime* ‘Ефим’, *naume* ‘Наум’, *jefreme* ‘Ефрем’, *ambrame* ‘Авраам’, *akime* ‘Еким’. Русские аналоги этих имен, по всей видимости, не содержали конечного дифтонга (к сожалению, ни для одного из этих имен в словаре не приведена форма партитива, по которой можно было бы определить тип конечного сегмента). Не следует исключать, что появление конечного гласного в этих именах может быть связано со специфическим признаком древнерусского языка новгородско-псковского ареала: конечным *e* в форме именительного падежа единственного числа существительных, относящихся к *-*o* склонению [Зализняк 2004: 147-149]. Все же более вероятным представляется заимствование форм звательного падежа (см. ниже).

¹⁰ В некоторых случаях, конечно, *o* и *u* все-таки могут быть гласными основы, причем последний может быть не только корневым гласным, но и гласным суффикса. В связи с этим обращает на себя внимание форматив *-u-*, наблюдаемый как в древнерусском (например, *Орт'ю-х-н-о* [Зализняк 1986: 149]), так и в современном русском языке (*Катюша*, *Андрюша*, *Ванюша* и пр.).

пределения и даже в некоторой степени близких по внешнему облику, всегда выглядит несколько подозрительно. В такой ситуации естественно было бы ожидать, что либо эти суффиксы различаются по значению, либо они находятся в отношении конкуренции, например, один из них является более архаичным, а другой инновационным (возможно, заимствованным из родственного языка) и вытесняющим первый.

Во-вторых, как известно, в прибалтийско-финских языках категория рода отсутствует как таковая, что позволяет ожидать отсутствие у форм имен какого-либо распределения, зависящего от рода. Однако, как можно заметить из Таблицы 1, существует некоторая корреляция между конечным гласным имени и тем, является ли это имя мужским или женским. Если количество женских имен с конечным *o* и с конечным *u* практически одинаково, то с мужскими именами ситуация совсем другая: конечный *o* среди них существенно более частотен, в то время как конечный *u* представлен лишь примерами *ort't'u* 'Артем' и *miku* 'Никита'. При этом, как было сказано выше, конечный *u* в *ort't'u* 'Артем', скорее всего, является гласным основы¹¹.

3.3. Гипотеза о влиянии русского языка

Приведенные наблюдения позволяют предположить, что конечные *o* и *u* могли появляться не только в результате использования прибалтийско-финских диминутивных суффиксов, но и в результате действия языковых механизмов русского языка.

С нашей точки зрения, существует два таких механизма. Во-первых, это древнерусский суффикс *-k-*, к которому нередко присоединялось окончание *o*, образуя имена мужского морфологического рода. Такая модель использовалась только для мужских имен (женские имена допускали только женский морфологический род [Зализняк 1986: 147]) и была достаточно распространенной (из 1030 древнерусских имен, приведенных в [Зализняк 2004: 834-839], 97 оканчиваются на *ko*). Поэтому нетрудно представить модель заимствования водским языком русских имен, при которой происходило упрощение консонантного кластера (а именно, отбрасывался один из согласных кластера)¹². Ср. древнерусские

---

¹¹ В [Saar 2000] приведено большее число мужских имен, оканчивающихся на *u*. Этот момент мы обсудим ниже.

¹² Тот факт, что в водском языке может быть трудно отличить имена, образованные при помощи прибалтийско-финского диминутивного суффикса, от имен, образованных при помощи русского суффикса *-ko*, отмечается в [Saar 2000: 26].

имена *Васько, Семко, Гавко, Мишко* [Зализняк 2004: 836] с водскими *vas'о, seto, gavo, miko*.

Во-вторых, не следует исключать, что имена могли заимствоваться не в форме номинатива, а в форме звательного падежа. Верификация этой гипотезы не проста, прежде всего, из-за нехватки данных по истории русских диалектов. В современном русском языке звательный падеж сохранился лишь в ряде говоров, причем в северо-западных говорах «реликты старого звательного падежа отмечаются реже, чем в других русских говорах» [Голубева 1998: 219]. На карте, представляющей средства выражения вокатива в восточно-славянских языках (см. [Голубева 1995: 74]), территория проживания води попадает в зону, характеризующуюся наличием новообразований с отпадением вокального элемента (*мам!*, *Тань!* и др.). Однако эти данные относятся к XX веку и не дают представления о том периоде, когда в водском формировалась рассматриваемая система имен (в XX веке водь уже активно использовала современные варианты имен с конечным гласным *a*: *van'a, tan'a* и т. п.). При этом на территориях, находящихся несколько восточнее (в районе Ладожского озера, а также между Санкт-Петербургом и Великим Новгородом) отмечаются формы старого звательного падежа с окончанием *о* у существительных I склонения (то есть с исторической основой на *-*ā*)¹³: *ма́мо! Та́нэ! Ко́лэ!* Также обратим внимание, что в еще более восточных говорах встречаются и формы звательного падежа с окончанием *и*: *ма́му! Та́ню! Ко́лю!*, а в северо-восточных и восточных говорах можно встретить и такие варианты как *ма́мау, ма́моу, ма́мой, ма́мэй, Ка́тькоу, Ва́ней*, происхождение которых остается неясным [Голубева 1995: 74]. При этом в северо-восточных русских говорах флексии *о* и *и* обычно не встречаются в одном говоре, а образуют системы с *о*-унификацией или единично с *и*-унификацией флексий [Голубева 1998: 208]. Там же отмечается, что происхождение русской флексии *и* неясно.

Если единственным обоснованием существования имен, оканчивающихся на *и*, мы считаем прибалтийско-финский диминутивный суффикс, то по меньшей мере два вопроса остаются нерешенными. Во-первых, остается непонятным, почему возникла асимметрия между мужскими и женскими именами (в частности, отмеченное выше преоб-

---

¹³ Что касается существительных, относящихся к склонению на *-*о*, то формы их звательного падежа в русских говорах практически не сохранились [Голубева 1998: 297]. На этом фоне вполне логично выглядит исчезновение в XX веке мужских имен с конечным *e* (*maksime* 'Максим' и т. п.), который, как было отмечено, может являться рефлексом вокативной флексии.

ладание женских имен, оканчивающихся на *и*). Во-вторых, оформление имен диминутивным суффиксом предполагает его продуктивность (по крайней мере, в период заимствования имен). В этом случае выглядит странным, что мы не наблюдаем очевидных рефлексов этого суффикса в существительных водского языка за пределами личных имен¹⁴.

Если же допустить заимствование имен в форме звательного падежа с флексией *и*, то оба указанных вопроса снимаются. Однако в таком случае требуется признать, что в данном регионе имела место именно *и*-унификация, а не *о*-унификация. Существуют ли источники, которые могут подтвердить именно такой тип унификации звательных форм в данном регионе, нам не известно¹⁵.

3.4. Гипотеза о влиянии ижорского языка

Помимо русского, на водский влиял родственный ему ижорский язык. Наиболее тесными водско-ижорские контакты были в районе нижнего течения реки Луги, где в результате сформировался нижнелужский диалект ижорского, по сути являющийся конвергентным языком. Проведенный нами опрос носителей ижорского языка показал достаточно четкую дистрибуцию форм личных имен в зависимости от диалекта. В более архаичном сойкинском диалекте большинство имен (как мужских, так и женских) оканчивается на *oi*: *kadoi* 'Екатерина', *ogoi* 'Агафья', *pavoi* 'Павел', *ivoi* 'Иван', *odoi* 'Евдокия', *timoi* 'Тимофей'. Имен с конечным *и* в нашем материале по сойкинскому диалекту практически не встретилось (единственное зафиксированное исключение – *ogru* 'Агриппина'). В нижнелужском диалекте ижорского сойкинскому *oi* в большинстве случаев соответствует *o*: *kat'o* 'Екатерина', *oko* 'Агафья', *pavo* 'Павел', *ivo* 'Иван', *timo* 'Тимофей'. В отличие от сойкинского, в нижнелужском ижорском встречаются и имена, оканчивающиеся на *и* (как правило, это женские имена, но иногда и мужские): *an'u* 'Анна', *nat'u* 'Наталья', *veru* 'Вера', *mat'u* 'Матвей', *fomu* 'Фома'. Практически у каждого из таких имен также существует вариант с другим конечным гласным, зафиксированный в другом населенном пункте. Таким образом, нижнелужский ижорский демонстрирует больше сходства с водским языком, нежели с сойкинским диалектом ижорского.

¹⁴ В [Mägiste 1928: 54] приводятся водские примеры, в которых, как считается, диминутивный суффикс *o* (<*oi) перешел в *и*. Однако количество этих примеров заставляет предположить лишь окказиональность такого перехода, а не существование продуктивного диминутивного суффикса *и*.

¹⁵ Впрочем, не следует исключать и гипотезу о чисто фонетическом переходе конечного *o* в *и* при заимствовании.

Если сравнить наш материал с данными, представленными в работе [Saar 2000], то в целом последние демонстрируют схожую, хотя и несколько смазанную картину. Основные отличия следующие:

– в [Saar 2000] есть еще два женских имени, оканчивающихся на *и* в сойкинском диалекте ижорского (*annu* ‘Анна’, *natu* ‘Надежда’), тогда как в нижнелужском ижорском имен с таким конечным гласным меньше, чем в нашем материале (женские *an’u* ‘Анна’, *mar’u* ‘Мария’, *st’epu* ~ *stjopu* ‘Степанида’, *var’u* ‘Варвара’ и лишь одно мужское *mat’u* ‘Матвей’);

– хотя в сойкинском материале у [Saar 2000] доминируют имена, оканчивающиеся на *oi*, встречается и немало имен с окончанием *o*. При этом все эти имена мужские и лишь одно (*var’o* ‘Варвара’) – женское.

В этой работе также приводятся имена, зафиксированные в центральном диалекте водского (к настоящему времени этот диалект уже вымер). Так же как и в западноводских говорах в нем присутствуют мужские и женские имена, оканчивающиеся на *o* и на *и*. Количество имен на *и*, приведенных в [Saar 2000], не демонстрирует принципиальной зависимости ни от диалекта, ни от пола (в любом случае это 7-8 имен). Однако дистрибуция имен на *o* зависит от диалекта. Таких мужских имен в центральноводском заметно меньше, чем в западноводском, а женские имена на *o* в центральноводском и вовсе единичны (*ir’o* ‘Ирина’, *nasto* ‘Анастасия’, *par’o* ‘Прасковья’, *sol’o* ‘Соломонида’)¹⁶. Это позволяет предположить, что водский конечный *o* либо является инновацией (не во всех, но во многих случаях), либо диалектно маркирован, и прежде всего это касается женских имен (как было отмечено выше, мужские имена на *o* могут восходить к русским формам на *ko*). В такой ситуации естественно предположить влияние ижорского языка, который находился в тесном контакте с западноводскими говорами, но не с центральноводским диалектом.

Почему в [Saar 2000] не наблюдается заметного различия между количеством женских и количеством мужских имен, оканчивающихся на *и*, нам не совсем понятно¹⁷. Подчеркнем, что словарь [Tsvetkov 1995]

---

¹⁶ То есть здесь наблюдается дистрибуция имен как по диалекту, так и по полу: количество мужских имен на *o* в обоих водских диалектах существенно больше, чем женских, и при этом количественное превосходство имен на *и* над именами на *o* наблюдается только у женских имен центральноводского диалекта.

¹⁷ Следует подчеркнуть, что в целом в нижнелужском ареале, характеризующемся интенсивными языковыми контактами, часто возникают проблемы с однозначной идентификацией той или иной формы как принадлежащей определенному языку. При сборе личных имен степень погрешности существенно воз-

представляет примерно ту же картину, что и наши данные: в нем наблюдается преобладание форм на *u* среди женских имен и преобладание форм на *o* среди мужских имен. Среди нескольких приведенных в [Tsvetkov 1995] мужских имен, оканчивающихся на *u* (*davu* 'Давид', *merkku* 'Меркурий', *markku* 'Марк', *on'u* 'Андрей', *ort't'u* 'Артем'), *merkku* является очевидным усечением, сохранившим гласный корня, *markku* 'Марк', *on'u* 'Андрей' и *ort't'u* 'Артем', скорее всего, являются результатом усечения, сохранившим суффиксальный гласный (ср. с русскими формами *Маркуша*, *Андрюша* и древнерусской *Орт'юхно*), и лишь в *davu* появление конечного *u* не находит очевидного объяснения.

4. Выводы

Даже беглый взгляд на систему водских личных имен позволяет сделать вывод об отсутствии очевидного и единственного механизма, объясняющего их фонемный облик.

На пути от исходного православного имени к его водской форме, изменение фонемного облика имен являлось результатом действия различных механизмов.

Во-первых, это усечение и суффиксация, происходившие в русском языке (то есть еще до заимствования имени водским языком).

Во-вторых, это возможное усечение имени уже после заимствования.

В-третьих, заимствованное имя могла оформляться водским диминутивным суффиксом.

В-четвертых, могла заимствоваться форма звательного падежа русского имени.

В-пятых, из ижорского языка могла быть заимствована словообразовательная модель, использующая диминутивный суффикс, или же происходило заимствование уже готовой ижорской формы.

Недостаток данных пока не позволяет нам ни определить, насколько часто использовался каждый механизм, ни предложить строгую иерархию этих механизмов. Для многих водских имен можно представить два (а иногда и более) варианта, объясняющих происхождение результи-

---

растает из-за того, что опрашиваемый носитель языка обычно вспоминает имена, которые ему самому приходилось слышать, не придавая значения, к какому народу относится владелец имени (во многих деревнях нижнелужского ареала было смешанное водско-ижорское население). Из этого следует, что сравнивая классы имен, содержащие единичные примеры, мы не всегда можем быть уверены в преобладании того или иного класса из-за возможного «шума».

рующего фонемного облика. Вероятно, что в ряде случаев выбрать единственно правильную интерпретацию невозможно в принципе.

Также не следует исключать, что некоторые из перечисленных механизмов могли действовать параллельно, обеспечивая для формы имени «двойную мотивацию». Например, заимствуемая русская форма вокатива могла переосмысливаться как содержащая прибалтийско-финский диминутивный суффикс.

На данный момент нам представляется вероятной следующая схема заимствования.

Уже издавна водский язык заимствовал гипокористические формы русских имен. При заимствовании происходила фонетическая адаптация имени, состоящая, прежде всего, в упрощении консонантных кластеров. Среди заимствуемых мужских имен было немало оканчивающихся на *-ko*, что сформировало в водском языке класс мужских имен с конечным гласным *o*. Женские имена часто заимствовались в форме вокатива с конечным *u*, который переосмысливался как водский диминутивный суффикс (возможно, что форма вокатива оканчивалась не на *u*, а на *o*, но при заимствовании *o* переходило в *u* из-за фонетической близости этих гласных и существовавшей словообразовательной модели с диминутивным суффиксом *u*). Возможно, что у имен мужского морфологического рода тоже иногда заимствовалась форма вокатива (*naume* 'Наум', *maksime* 'Максим' [Tsvetkov 1995]), но чаще заимствовалась форма номинатива (в целом, вокативная форма менее стабильна в мужском морфологическом роде, и к моменту заимствования она могла уже исчезнуть). Если заимствуемое имя было слишком длинным, водский язык тоже мог усекать его, оставляя либо начальную последовательность (C)VC (в этом случае имя обрамлялось вокалическим суффиксом), либо два первых слога. Интенсификация контактов с ижорским языком в районе нижнего течения реки Луги привела к заимствованию ижорского суффикса *oi* с отпадшим вторым компонентом дифтонга (вероятно, что сокращение суффикса происходило еще в нижнелужском диалекте ижорского, а лишь затем имена заимствовались водским языком). Это способствовало появлению в водском группы имен, оканчивающихся на *o*, причем среди них были как мужские, так и женские имена (ранее признак *o* был типичен только для мужских имен). При этом в водский язык проникало все больше и больше современных русских имен, то есть гипокористических форм женского морфологического рода (оканчивающихся на *a*). Они заимствовались исключительно в форме номинатива, и их фонемный состав уже практически не изменялся в процессе

заимствования. Таким образом сформировалась система личных имен современного водского языка.

Описанная схема нуждается в дополнениях и уточнениях, которые могут быть произведены при привлечении материала как водского, так и соседствующих языков (в том числе и русских диалектологических данных). Однако очевидно, что водская система личных имен является наглядным примером, демонстрирующим нетривиальность и многослойность языковых процессов, происходящих в зонах активных языковых контактов.

Литература

Голубева 1995 — Н. Л. Голубева. Средства выражения значения вокатива // Букринская И. А., Голубева Н. Л., Калнынь Л. Э. и др. Восточнославянские изоглоссы. Т. В. Попова (отв. ред.). М.: Наука, 1995. С. 73–82.

Голубева 1998 — Н. Л. Голубева. Флексии звательного падежа // Т. В. Попова (отв. ред.). Восточнославянские изоглоссы. 1998. Выпуск 2. М.: ИРЯ РАН, 1998. С. 196–228.

Зализняк 2004 — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. 2-е издание, переработанное с учетом материала находок 1995–2003 гг. (Studia philologica). М.: Языки славянской культуры, 2004.

Маркус, Рожанский 2011 — Е. Б. Маркус, Ф. И. Рожанский. Современный водский язык. Тексты и грамматический очерк. Том II. С-Пб.: Нестор-История, 2011.

Янин, Зализняк 1986 — В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). Комментарии и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951–1983 гг.). М.: Наука, 1986.

Ariste 1980 — P. Ariste. Einige Ausführungen zu wotischen Personennamen // Советское финно-угроведение 2, 1980. С. 81–82.

Mägiste 1928 — Ju. Mägiste. oi-, ei- deminutiivid läänemeresome keelis. Läänemeresome nominaaltuletus I. (Acta et Commentationes Universitatis Tartuensis (Dorpratisensis) V XII.2). Tartu: Postimees, 1928.

Saar 2000 — E. Saar. Slaavipärased eesnimed vадja keeles ja isuri keeles Soikkola ning Alam-Luuga murdes. Bakalaureuse töö. Tartu Ülikool, Läänemeresoome keelte õppetool. Tartu, 2000.

Tsvetkov 1995 — D. Tsvetkov. Vatjan kielen Joenperän murteen sanasto. J. Laakso (toim.). (Lexica Societatis Fenno-Ugricae XXV; Kotimaisten kielten tutkimuskeskuksen julkaisuja 79). Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura.

Västrik 2007 — E. Västriк. Vadjalaste ja isurite usundi kirjeldamine keskajast 20. sajandi esimese pooleni: allitekstid, representatsioonid ja tõlgendused. (Dissertationes folkloristicae universitatis Tartuensis 9). Tartu Ülikool, Kirjanduse ja rahvaluule osakond. Tartu, 2007.

В греки: неоэллинистика, балканистика

Ф. А. Елоева

ОЖИВШИЕ РЫБКИ ИЛИ ПРИКОСНОВЕНИЕ БОЖЕСТВА

Бог Нахтигаль, дай мне судьбу Пилада...

О. Э. Мандельштам «К немецкой речи»

«А я во Владивостоке на улице адм. Фокина (пешеходная улица — местный “Арбат”). Потому и хостел называется “На Арбате”. Кстати, очень милый. Потерянный рюкзак пока не получила, но до Красноярска он уже доехал. По Приморскому краю объявлено ЧП. Топит тут, затапливает, причем как раз Тернейский район, куда я собираюсь. Не ходит автобус из Владивостока — отменен. А я записана на вертолет на понедельник 12-ое. Я звонила в аэропорт Агзу, вертолеты летают. Ну, буду как-то добираться. Там как раз между Дальнегорском и Пластуном неасфальтированный участок, возможно, его и размыло. Удивительно, мост на о. Русский построили, могли бы и 20 км заасфальтировать. Хожу в библиотеку Общества по изучению Амурского края. Кое-что там нашла интересное. В частности издание рукописи Словаря ороченского (т.е. удэгейского) языка В. К. Арсеньева...»

Это письмо от Елены Всеволодовны Перехвальской, написанное в ее очень узнаваемой манере, которую я бы определила как «одухотворенный лаконизм», я получила 12 августа этого года по электронной почте. Потом Е. В. исчезла недели на две, и я (относительно сильно) волновалась, пытаясь понять, где она. Казалось, что наводнение в Приморье достигло уже своего пика, но масштабы бедствия все увеличивались, страна с ужасом следила за развитием событий. Я, как это бывало уже не раз, уговаривала себя, что Лена — Великая Путешественница, и странствие — ее стихия. И когда мы, наконец, снова встретились в Петербурге в начале учебного года, Лена очень спокойно в ответ на взволнованные расспросы моей мамы сказала, что экспедиция есть экспедиция, нужно было отрабатывать грант и собирать материал. Она его и

собрала, хотя коллеги во Владивостоке уверяли ее, что ни при каких обстоятельствах она до своего пункта назначения не доедет. Она, конечно, добралась и все собрала. И далее она рассказала, как именно она добиралась, какой материал собрала — и что поняла в процессе сбора. И это был необыкновенно интересный рассказ. Все как всегда. И, как всегда, при общении с ней у меня возникло ощущение чуда — и счастья, что это чудо неизменно.

«Я дружбой был, как выстрелом, разбужен». Свою дружбу с Е. В. Перехвальской я воспринимаю как невероятную удачу и драгоценный дар судьбы.

Оглядываясь назад, мы понимаем, что в наших высоких дружбах мы проживаем свою жизнь так, так нам было предназначено и, собственно, это и есть наше *Γνώθι σ' αὐτόν*. Дружбы направляют и определяют нашу жизнь. Греки понимали это очень хорошо. У Умберто Эко есть роман «Таинственное пламя царицы Лоаны», где главный герой — книжный антиквар, потерявший после инсульта память, восстанавливает по кусочкам свою жизнь и собирает себя самого, рассматривая иллюстрации к книгам, прочитанным в детстве и юности. Как всегда, Эко очень точно и по-новому формулирует то, что как бы лежало на поверхности, но никем прежде не отмечалось. Мне кажется, что точно так же можно «помыслить себя», думая о близких друзьях — этим во многом и определяется «роман нашей жизни» — книгами и друзьями...

Я не жалею об утраченном времени, и, пожалуй, единственное, чего мне жаль, это тех чудесных мгновений, когда в наших автостопных странствиях КАМАЗ высаживал нас где-нибудь в сердце России, по дороге в Тотьму или на Великий Устюг, и, сидя на обочине, мы смотрели, как волнуется желтеющая нива, рассуждали на отвлеченные темы, высматривали следующую машину и были счастливы.

В юности у Лены была удивительная манера думать, она думала **отдельно** — говорила: «я должна подумать» — сосредотачивалась, как-то особенным образом обеими руками взъерошивала волосы — и предлагала нестандартное решение. В этом «отдельном думании» было нечто аутентичное, нечто от экзотических культур, которые всегда ее интересовали. Хотя не исключаю, что именно так думали и столь любимые ею кельты.

Я совершенно уверена, что она и сейчас так думает.

Жанр *Festschrift*'а предполагает похвалу, но, совершенно независимо от жанра, Е. В. — во всем необыкновенна и возвышенна. Необыкновенность — в наборе и яркой интенсивности качеств.

Наверное, отчасти это определяется сложными генеалогическими сплетениями. В ее жилах течет кровь авантюристов и путешественников, но при этом, как это часто бывает в настоящем (прелестном) русском характере, важную роль в нем играет немецкая линия, Ordnung. Именно поэтому столь уместной в качестве эпиграфа мне показалась строка из моего любимого стихотворения Мандельштама «К немецкой речи».

Рационализм, пунктуальность и аккуратность Е. В., по-видимому, определяются немецкой прабабушкой Мартой Кун, говорившей по-русски с акцентом.

Вольнодумство, бунтарство и отвага восходят к гордым польским предкам, а, может быть и к сибирским казакам. Красавицу прабабушку-казачку прадедушка — столбовой дворянин — увел из-под венца. Ленину бабушку, воспитывавшую ее, звали Ефросинья Аввакумовна, от этого имени веяло суровостью скита.

Страсть к путешествиям.

Дедушка Лены по материнской линии в 10 лет бежал из дома в Америку, застрял в Мурманске и стал юнгой. А потом стал выдающимся изобретателем и главным инженером Адмиралтейского завода (отсюда, наверное, ее способность починить любой механизм).

Любимый писатель Е. В. — Шекспир, и она явно отдает предпочтение англо-саксонской традиции (хотя по образованию она романист), отдельная страсть Е. В. — кельты. Она пишет детективные романы, успешно занимается журналистикой и популяризацией науки, дружит со старушками и нежно заботится о них (подобно Рембрандту полагая, что нет ничего более увлекательного, чем проникновение во внутренний мир человека, прожившего долгую и насыщенную жизнь) и легко делится с сирыми и убогими, а в юности дружила с группой «Аквариум». Вообще, это характер, напоминающий, скорее, авантюрный Лондон эпохи создания «Глобуса», а вовсе не наш скудный век.

В своем похвальном слове я ничего не пишу о научной деятельности Е. В., но мне представляется очевидным, что ее академическая манера и научные интересы (в частности, многолетний интерес к кельтологии, проблематике языковых контактов, этнолингвистике, а в последние годы к африканистике) почти совершенным образом отражают необыкновенность ее индивидуальности.

И здесь я поставлю точку — хотя продолжать можно очень долго.

Да хранит ее бог Нахтигаль!

***

Тема данной работы косвенным образом связана со всем, о чем выше шла речь — во-первых, речь идет о чуде (рыбки оживают под перстами божества), во-вторых, статья основана на материале полевых исследований, но перемежается, как во время наших с Е. В. совместных странствий, рассуждениями на отвлеченные темы и литературными отступлениями.

Статья представляет собой попытку проследить бытование легенды об оживлении рыб в разных текстах с варьирующимися сюжетами: апокриф, связанный с церковью Богородицы Живоносный Источник (Балыклы) в Константинополе; легенду о господней рыбе, излагаемую А. И. Куприным в повести «Листригоны», а также в фольклорных балканских традициях и в понтийском ареале.

Следует отметить, что традиционно данный сюжет разрабатывался только в связи с фольклорной традицией, существующей вокруг одной из самых знаменитых православных церквей Стамбула (Балыклы) [Politis 2010].

Данная работа вводит в научный обиход новый материал, собранный во время полевых экспедиций в ареале распространения понтийского диалекта. Легенда о господней рыбе, зафиксированная в повести Куприна «Листригоны», также впервые привлекается с целью интерпретации исследуемого материала.

Впервые сюжет о культе водоемов со священными рыбками привлек мое внимание во время экспедиций в северо-восточную Грузию, в районы компактного проживания понтийского населения.

У тюркоязычных понтийских греков Цалки (Восточная Грузия) мною была записана апокрифическая сказка об оживлении Христом кипящей в масле на сковороде рыбы. Считается, что у этих оживших, но успевших поджариться рыб половина брюха черная, и есть их нельзя — они ядовиты.

Представляется, что речь идет о каком-то культе рыб (сохранившемся именно в караманской и понтийской традициях) — причем во всех рассказах рыбы пятнистые, и пятна связаны с прикосновением божественной руки. Ожившая рыба, с одной стороны, освящается божественным прикосновением и становится предметом культа, но, с другой стороны, становится ядовитой и непригодной для употребления в пищу. Важно отметить, что оживление рыбы производится с целью убеждения недоверчивого собеседника, чудо является доказательством правдивости высказывания.

Реликты традиции священных водоемов с рыбами еще встречаются среди понтийцев Центральной Грузии. Так, в деревне Олянк с понтийским населением (Восточная Грузия) имеется проточный водоем с форелью. Водоем и форель считаются священными. Существует поверье, что тот, кто поймает форель, непременно заболит¹. Представляется, что этот обычай можно связать с храмовыми бассейнами с рыбой в Малой Азии и Закавказье [Топоров 1980].

Через много лет мое внимание привлекли апокрифические сюжеты, рассказываемые о церкви Богородицы Живоносного Источника в Стамбуле [Carou, Nicolaïdès 1894: 54–68]. Эти истории напомнили мне понтийские сюжеты о рыбах.

Балыклы — маленький монастырь и церковь Животворного источника — являются и сегодня одним из важнейших христианских памятников Стамбула. За пределами городских стен, рядом с источником, вблизи от старинного византийского кладбища, где упокоились византийские патриархи и императоры, недалеко от Силиврийских ворот. Возможно, на этом месте еще в древности существовал культ священного источника. С христианской традицией источник связывается с середины V века.

Одна из историй об оживлении рыб обычно рассказывается по поводу церкви Богородицы Живоносного источника в Константинополе, *Η Ζωοδόχος Πηγή του Μπαλουκκλί ή Παναγία* (ср. тур. *balıklı* ‘связанный с рыбой’) или *Μπαλουκκλιώτισσα*.

Традиционное объяснение эпитета Богородицы «Рыбная» — *Μπαλουκκλιώτισσα*, а также название церкви Балыклы объясняет это название обилием рыб в этой местности². Это объяснение кажется довольно странным, гораздо более вероятно, что действительно и вся местность, и сама церковь называются Балыкли — поскольку в церкви находится источник и купель с рыбами. Неясно, когда именно местность стала называться «рыбная», имеется вполне достоверное упоминание анонимного русского паломника от 1389 года о церкви Богоматери Источника и рыбах в купели [Majesk 1984: 325]³. Можно предположить,

---

¹ Полевые материалы автора (экспедиция в северо-восточную Грузию, 1990 г.).

² Это стандартное объяснение, которое приводят путеводители и повторяют местные жители. Описание чудес церкви Живоносного Источника, ср. [Te-reus 1886; Petropoulou 1993–1994].

³ “You go west from St. Daniel, out of Constantinople, into the country, where the monastery called Pege is; in this monastery there are holy water and holy fishes. The sick wash themselves with this water and drink it, and healing comes”.

что турецкое название Балыклы явилось переводом старого греческого названия местности.

Купель с рыбками является довольно необычным явлением в христианской традиции. Кажется, что и здесь (как и в случае бассейна с культом форелей в деревне Олянк, речь о котором шла выше) мы имеем дело с реликтами традиции храмовых бассейнов с рыбами, распространенных на Ближнем Востоке⁴.

История церкви окружена легендами, связанными с чудесным источником.

Почитаемый источник располагался за пределами городских стен Константинополя, на некотором расстоянии от Золотых ворот. По преданию, этот священный источник был известен с древнейших времен. Прокопий [Procopius 1963] утверждает, что церковь была построена в VI веке и приписывает ее сооружение Юстиниану (527–565). По преданию, Юстиниан охотился в роще, и вдруг ему привиделась маленькая часовня, тысячи богомольцев и священник перед чудесным источником. Над источником он выстроил церковь, используя строительные материалы, предназначенные изначально для храма Святой Софии [Migne 1857–1866: col. 592A].

По легенде, излагаемой Никифором Каллистом, будущий император Лев I Макелла (457–474), будучи еще простым воином, встретил у Золотых ворот слепого. Тот попросил его напиться. Когда он искал воду, голос девы Марии указал ему источник. Он дал напиться слепому и, выполняя указание Богородицы, положил ему глины со дна источника на глаза, и слепой прозрел. Голос также предсказал ему, что он станет императором и повелел построить на этом месте церковь [Kallistos 1812]. Засвидетельствовано, что в 537 году, при патриархе Мине (536–552), в Константинополе в собрании участвует и Зенон, игумен «τοῦ Οἴκου τῆς ἁγίας ἐνδόξου Παρθένου καὶ Θεοτόκου Μαρίας ἐν τῇ Πηγῇ» [Mansi 1759/1960–1961: VIII, 882A, 907A, 930B].

Турецкое название Балыклы ‘рыбный’ напоминает об апокрифе о взятии Константинополя.

---

⁴ «В ареале распространения мифов и преданий о потопе и особенно на его периферии (Сирия, Палестина, Малая Азия, Закавказье, Иран) хорошо сохраняются следы рыбьей мифологии и рыбьего культа. Известен шумерский текст, представляющий собой монолог (так называемый «дом рыбы», представляющий монолог Божества, которое заботится о безопасности рыбы и строит для нее специальный дом» [Топоров 1980].

Один из вариантов истории звучит следующим образом: попадья, жарившая рыбу на сковородке, в ответ на известие о взятии Константинополя турками, воскликнула, что это невозможно — скорее рыба, кипящая в масле, оживет. И ожившие, наполовину прожаренные рыбки соскочили со сковородки — сейчас золотые рыбки с темными полосками плавают в святом источнике, находящемся в приделе церкви. Именно эту версию чудесной истории мне рассказал церковный служака, *ρωμιός*⁵ (так в греческом мире называют константинопольских греков). Интересно, что эта история была первым, что я услышала, войдя в церковный двор.

Весь двор церкви вымощен намогильными мраморными плитами, перевезенными переселенцами из Каппадокии (тюркоязычными каппадокийскими греками) с отеческих кладбищ. Язык надписей турецкий, но графика греческая с трогательной попыткой сохранения политонической системы ударений и придыханий.

Чудесные истории, связанные с Балыклы, и рыбки в купели часто привлекали внимание путешественников. Гюстав Флобер рассказывает в своих дневниках другую версию апокрифа.

В ноябре 1850 года Флобер находится в Стамбуле. 22 ноября он посещает Балыклы и отмечает в своем дневнике следующее:

Огромное кладбище Стамбула, кажется, ему нет конца. Бесконечные могилы и кипарисы. Под ногами могильные плиты. Наши лошади пересекают это пространство, то и дело наступая на мраморные плиты.. Здесь покоятся Фанариоты, потомки Комнинов и Палеологов. Церковь Балыклы, у входа многочисленные женщины толпятся перед иконой св. Николая. Масса продавцов свечей. Нам показывают источник. Нужно спускаться вниз, по длинному ряду ступенек, чтобы оказаться в маленькой подземной церкви. Под ногами — могильные плиты, нужно спуститься по длинному ряду ступенек, чтобы оказаться в маленькой подземной церкви. Нам рассказали легенду, связанную с этим источником: «Один моряк умер на корабле во время плавания... Перед смертью он заставил поклясться капитана, что тот привезет его мертвое тело в церковь Балыклы и трижды обнесет его вокруг источника. Капитан выполнил обещание, и случилось чудо — умерший ожил и принял решение остаться навсегда в монастыре. Слухи об этом происшествии достигли Англии. Некто, не поверив в правдивость этой истории, отправился в церковь Животворного источника, чтобы посмотреть на восставшего из

---

⁵ Буквально: житель Римской империи.

мертвых. Он нашел его спокойно жарящим рыбу неподалеку от источника. Не веря в чудо, приезжий сказал, обратившись к ожившему:

— Я не верю в то, что рассказывают про тебя, так же, как и не верю, что эти зажаренные рыбы могут ожить и снова начать плавать.

Сказанное осуществилось. Рыбки ожили, запрыгали на сковородке и очутились в источнике».

И тут мы действительно заметили в источнике плавающих, едва заметных маленьких рыбок [Flaubert 1925: 251]⁶.

По другой версии истории, неверующий в чудо был не англичанин, а соотечественник воскресшего:

έβγαλε απ' το δισάκι-του τηγανισμένα ψάρια, και κράυγασε: “Ξαναζωντανεύουν αυτά τα ψάρια;” Στη στιγμή έγινε ένα καινούριο θαύμα. Τα ψάρια ξαναζωντάνεψαν και πήδηξαν στην Πηγή, όπου τα βλέπει κανείς ακόμα⁷ [Camoy, Nicolaïdès 1894: 54–68].

История об оживших в связи со взятием Константинополя рыбках повторяется весьма часто. Греческий поэт XIX века Георгий Визинос написал на эту же тему стихотворение *Μπαλουκλί* ‘Рыбы Живоносного Источника’. В нем рыбу на серебряной сковороде жарит игумен.

Τὸ Μπαλουκλί (Τὰ ψάρια τῆς Ζωοδόχου Πηγῆς)⁸

Σαράντα μέρες πολεμᾶ ὁ Μωχαμῆτ νὰ πάρη
τὴν Πόλη τὴν μεγάλη.
Σαράντα μέρες ἔκαμεν ὁ γούμενος τὸ ψάρι
στὰ χεῖλῃ του νὰ βάλῃ.

Ἀπ' τὲς σαράντα κι ὕστερα, πεθύμησε νὰ φάγῃ
τηγανισμένο ψάρι.
— Ἄν μᾶς φυλάγ' ἡ Παναγιά καθὼς μᾶς ἐφυλάγει,
τὴν Πόλη ποιὸς θὰ πάρῃ;

Ρίχτει τὰ δίχτυα στὸν γιαλό, τρία ψαράκια πιάνει,
— Θεὸς νὰ τὰ βλογῆσῃ!

---

⁶ Путевые заметки впервые были напечатаны в 1910.

⁷ Он указал на зажаренных рыбок на подносе и выкрикнул: «А эти рыбки могут ожить?» В тот же момент случилось новое чудо. Рыбки ожили и прыгнули в источник, где их можно видеть и по сей день.

⁸ Цит. по: http://users.uoa.gr/~nektar/arts/tributes/gewrgios_bizyhnos/poimata.htm#TO_ΜΠΑΛΟΥΚΛΙ, проверено 07.02.2014.

Τὸ λάδι βάλλει στὴν φωτιά μὲς στ' ἄργυρὸ τηγάνι,
για νὰ τὰ τηγανίση.

Τὰ τηγανίζ' ἀπὸ τὴν μιά, καὶ πᾶ' νὰ τὰ γυρίση
κι ἀπὸ τὸ ἄλλο μέρος.
Ὁ παραγιὸς του βιαστικὰ πετᾷ νὰ τοῦ μιλήση,
καὶ τάχασεν ὁ γέρος!

— Μην τηγανίζεις, γέροντα, καὶ μῶσχισε τὸ ψάρι
στὴν Πόλη τὴν μεγάλη!
Τὴν Πόλη τὴν ἐξακουστὴ οἱ Τοῦρκοι ἔχουν πάρει,
μᾶς κόβουν τὸ κεφάλι!

— Στὴν Πόλη Τοῦρκου δὲν πατοῦν κι Ἀγαρηνοῦ ποδάρια!
Μὲ φαίνεται σὰν ψεῦμα!
Μ' ἂν εἶν' ἀλήθεια τὸ κακό, νὰ σηκωθοῦν τὰ ψάρια
νὰ πέσουν μὲς στὸ ρεῦμα!

Ἀκόμ' ὁ λόγος βάσταγε, τὰ ψάρι' ἀπ' τὸ τηγάνι,
τὴν μία μεριά ψημένα,
πηδῆξανε κι ἐπέσανε στῆς λίμνης τὴν λεκάνη,
γερά, ζωντανεμένα.

Ἀκόμ' ὡς τώρα πλέουνε, κόκκιν' ἀπὸ τὸ μέρος,
ὅπου τὰ εἶχε ψήσει.
Φυλάγουν τὸ Βυζάντιο ν' ἀναστηθῆ κι ὁ γέρος
νὰ τ' ἀποτηγανίση.

‘Вот сорок дней Мехмед пытается сломить
великий Город
И сорок дней игумен держит пост
и не берет в рот рыбы

Проходит сорок дней и игумен решается
пожарить снова рыбу
— Что ж, если Богородица хранит нас так, как прежде
Великий город выстоит, бессилен враг опасный.

Вот бросил старец сеть в залив и выловил трех рыбок,
— Благословенны будут пусть перед Господним ликом!

Льет масло, и на сковороде из серебра
игумен жарит рыбок.

Издалека бежит к нему
посыльный с горькой вестью
Игумен выслушал гонца
и онемел от страха.

— Ты жарить рыбу,
все вокруг вздыхает запах чудный,
Меж тем наш Город взят врагом,
и головы нам режут!

— В наш Город турок не войдет, и сарацин не вступит
Мне кажутся слова твои поклепом и наветом!
Но, если это правдива речь твоя, пусть оживут все рыбки,
Со сковородки пусть выпрыгнут, в купели очутятся!

Он речи кончить не успел,
и рыбки оживают,
Запрыгали на сковородке,
в потоке очутились.

У рыбок красный бок один, тот что прожарил старец.
Другой, что не прожарился, остался золотистым
Они поныне плавают в купели освещенной
И ждут — Византий оживет, игумен их дожарит

На наш взгляд, история, изложенная выше, имеет некоторые утраты, сюжет не вполне выстраивается логически. Подобная эллиптичность и прерывистость сюжетной линии — достаточно привычная ситуация для балканского фольклора. Кажется, что именно алогичность придает легенде особенную привлекательность (ср. знаменитую, практически непонятную и невероятно популярную и на Балканах «Песню о возвращении мертвого брата», на протяжении столетий буквально гипнотизирующую слушателей).

Лакуны и семантические провалы косвенно свидетельствуют об архаичности сюжета.

О «господней рыбе» рассказывается и в прелестной повести Куприна «Листригоны». Очевидно, что Куприн, живший в Балаклаве в начале

века, услышал более полный вариант нашей истории. Интересно, что в современном названии Балаклава мы встречаем все ту же тюркскую основу *balık*⁹. Куприн описывает удивительную рыбу, попавшую в его сети на рыбалке с балаклавским греком Костей Констанди:

Но попалась также одна очень странная, не виданная мною доселе рыбка. Она была овальной, плоской формы и уместилась бы свободно на женской ладони. Весь ее контур был окружен частыми, мелкими, прозрачными ворсинками. Маленькая голова, и на ней совсем не рыбки глаза — черные, с золотыми ободками, необыкновенно подвижные. Тело ровного золотистого цвета. Всего же поразительнее были в этой рыбке два пятна, по одному с каждого бока, посередине величиною с гривенник, но неправильной формы и чрезвычайно яркого небесно-голубого цвета, какого нет в распоряжении художника.

— Посмотрите — сказал Коля, — вот господня рыба. Она редко попадается.

Мы поместили ее сначала в лодочный черпак, а потом, возвращаясь домой, я налил морской воды в большой эмалированный таз и пустил туда господню рыбу. Она быстро заплывала по окружности таза, касаясь его стенок, и все в одном и том же направлении. Если ее трогали, она издавала чуть слышный, короткий, хряпящий звук и усиливала беспрестанный бег. Черные глаза ее вращались, а от мерцающих бесчисленных ворсинок быстро дрожала и струилась вода. Я хотел сохранить ее, чтобы отвезти живой в Севастополь, в аквариум биологической станции, но Коля сказал, махнув рукой:

— Не стоит и трудиться. Все равно не выживет. Это такая рыба. Если ее хоть на секунду вытащить из моря — ей уже не жить. Это господня рыба.

К вечеру она умерла. А ночью, сидя в ялике, далеко от берега, я вспомнил и спросил:

— Коля, а почему же эта рыба — господня?

— А вот почему, — ответил Коля с глубокой верой. — Старые греки у нас рассказывают так. Когда Иисус Христос, господь наш, воскрес на третий день после своего погребения, то никто ему не хотел верить. Видели много чудес от него при его жизни, но этому чуду не могли поверить и боялись. Отказались от него ученики, отказались апостолы, отказались жены-мироносицы. Тогда приходит он к своей матери. А она в это время стояла у

---

⁹ Балаклава иногда отождествляется с Ламосом Одиссея, городом лестригонов — др.-греч *Λαιστρυγόνες* (Одиссея. X. 80–132; у Страбона — *Συμβόλων Λιμῆν* [География. VII. 4.2]). Куприн называет свою повесть о балаклавских греках «Листригоны».

очага и жарила на сковороде рыбу, приготовляя обед себе и близким. Господь говорит ей:

— Здравствуй! Вот я, твой сын, воскресший, как было сказано в Писании. Мир с тобою.

Но она задрожала и воскликнула в испуге:

— Если ты подлинно сын мой Иисус, сотвори чудо, чтобы я уверовала.

Улыбнулся господь, что она не верит ему, и сказал:

— Вот я возьму рыбу, лежащую на огне, и она оживет. Поверишь ли ты мне тогда?

И едва он, прикоснувшись своими двумя пальцами к рыбе, поднял ее на воздух, как она затрепыхалась и ожила.

Тогда уверовала мать господа в чудо и радостно поклонилась сыну воскресшему. А на этой рыбе с тех пор так и остались два небесных пятна. Это следы господних пальцев.

Так рассказывал простой, немудрый рыбак наивное давнее сказание. Спустя же несколько дней я узнал, что у господней рыбы есть еще другое название — Зевсова рыба. Кто скажет: до какой глубины времен восходит тот апокриф? [Куприн 1985].

«Рыбная история» многократно повторяется в фольклоре, ср. апокриф о том, что архангел Гавриил именно таким образом (оживляя рыбу, жарящуюся на сковороде) убеждает Марию в истинности своих слов.

Зевсова или «господня» рыба Куприна связана с рыбой Св. Петра (*Zeus faber*, солнечник обыкновенный — см. [Walfrond 2012]). Легенда объясняет пятно на боку рыбы прикосновением большого пальца Св. Петра.

В анализируемом выше материале налагается и переплетается несколько сюжетов — тема священного источника, символика рыбы, символика воды с рыбами и разбираемый нами частный сюжет об оживлении рыб.

Кажется, что истоки и специфика бытования легенды о чудесном оживлении рыбы, на боку которой остаются пятна от прикосновения перстов божества, а также возможность сохранения в понтийском ареале реликтов ближневосточных храмовых колодцев со священными рыбами представляет безусловный интерес.

Λιτεράτυρα

- Κυπριν 1985 — Α. Ι. Κυπριν. Ιζβράννηε σοχινηηα. Μ.: Ρυσσάα λιτεράτυρα, 1985.
- Τοπορω 1980 — Β. Η. Τοπορω. Ρύβα // Σ. Α. Τοκαρω (ρωδ.). Μιφύ ηαρωδω μίρα. Εηδικλοπυηα. Τ. Ι–ΙΙ. Μ.: Σοβητσάα εηδικλοπυηα, 1980. Σ. 392–394.
- Σαμoy, Nicolaïdès 1894 — Η. Carnoy, J. Nicolaïdès. Folklore de Constantinople. Paris: Emile Lechevalier, 1894.
- Flaubert 1925 — G. Flaubert. Voyage en Orient (1849–1851). Paris: Libraire de France, 1925.
- Iereus 1886 — Α. Ιερεύς. Η Ζωοδόχορ Πηγή και τα ιερά αυτήρ προσαρτήματα. Αθήνα [= Κωνσταντινούπολη]: Τυπογραφείω Παπαλεξανδρή, 1886.
- Kallistos 1812 — Ν. Κάλλιστορ Ξανθόπουλορ. Σύγγραμμα περή συστάσεωρ του σεβασμίω οίκω τηρ εν Κωνσταντινούπολει Ζωοδόχω Πηγής, και των εν αυτή υπερφύωρ τελεσεθέντων θαυμάτων. Χ. τ.: Εν τω ειρ το Μαχμουτπασάχανι Ελληνικό Τυπογραφείω, 1812.
- Mansi 1759/1960–1961 — J. D. Mansi (ed.). Acta sacrorum conciliorum, nova et amplissima collection. Vol. I. Florentiae: β. η., 1759 (Repr. 1960–1961).
- Migne 1857–1866 — J. P. Migne (éd.). Patrologia cursus completus Series Greca. Vol. CLXVIII. Paris: β. η., 1857–1866.
- Majesk 1984 — G. P. Majesk. Russian Travelers to Constantinople in the Fourteenth and Fifteenth centuries // *Dumbarton Oaks Studies*, 19, 1984.
- Petropoulou 1993–1994 — Ι. Πετροπούλω. Μανουήλ Γεδεών — Ευγένιορ Ιερεύρ: Η Ζωοδόχορ Πηγή ή Λόγορ Περή του Βιβλίω // Δελτίω Κέντρω Μικρασιατικώρ Σπουδών, 10, 1993–1994. Ρ. 173–203.
- Politis 2010 — Α. Πολίτηρ. Τηγανίζονταρ ψάρια στο Μπαλουκλί. Διερεύνηση ενόρ θρύλω // Μ. Κούση, Μ. Σαματάρ, Σ. Κονιόρδορ (επιμ.). Εξουσία και Κοινωνία. Δωρήματα στον Κωνσταντίνο Τσουκαλά. Αθήνα: Καστανιώτηρ, 2010. Σ. 393–406.
- Prokopios 1963 — J. Hauri, G. Wirth (eds.). Procopii Caesariensis opera omnia, III: De aedificiis. Leipzig: β. η., 1963.
- Walrond 2012 — C. Walrond. Coastal Fish — Fish of the Open Sea Floor // *Te Ara — the Encyclopedia of New Zealand*. Δοστυπηό ηα σάιτε: <http://www.TeAra.govt.nz/en/photograph/8827/john-dory> (ποσλεδνηε οβηωβληηε ηα.11.12, πρωερωεηο 24.02.2013).

М. Л. Кисилиер

ЦАКОНСКИЙ ДИАЛЕКТ: НОВЫЙ ВЗГЛЯД¹

1. О Е. В. Перехвальской и новогреческой диалектологии

Если бы кто-то взялся объективно описывать недолгую историю не-оэллинистики, вместо сухого научного исследования получился бы настоящий авантюрный роман. Кто только ею ни занимался — и филологи-классики, желающие создать новый древнегреческий язык и по большей части тщетно отыскивающие по диалектам редкие архаизмы; и российские византилисты, вынужденные заняться «новой» Грецией из-за революции 1917 года; и авантюристы, стремящиеся сделать себе имя; и лингвисты, в какой-то момент поверившие, что своими исследованиями могут изменить будущее новогреческого языка... Однако многим из них далеко до того, что сумела сделать Елена Всеволодовна Перехвальская: не занимаясь Грецией и ее культурой и почти не владея языком, она внесла огромный вклад в отечественную неоэллинистику. Благодаря Елене Всеволодовне появились люди, которые захотели изучать диалекты новогреческого языка, и новогреческая диалектология стала одним из приоритетных направлений научной деятельности Греческого института Филологического факультета СПбГУ.

Первый серьезный экспедиционный проект был посвящен грекам Приазовья. Он продолжался почти пять лет (2001–2005 гг.), и за это время при активном участии Елены Всеволодовны удалось провести более двадцати общих и точечных экспедиций и опубликовать общие результаты исследования². Успех полевых исследований в Приазовье вдохновил на продолжение экспедиционной деятельности. Так, при

---

¹ Исследование проведено в рамках проекта «Преобразование текста в устной и письменной традиции» Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Традиции и инновации в истории и культуре». Пользуясь случаем, автор хочет поблагодарить и В. В. Федченко за помощь при работе над статьей, а также всех своих информантов.

² Пожалуй, не будет преувеличением сказать, что без Е. В. Перехвальской не появилась бы коллективная монография, посвященная приазовским грекам [Кисилиер 2009], и не был бы написан учебник урумского (греко-татарского) языка [Смолина 2008], хотя ни в одном из этих изданий ее имя не фигурирует в списке авторов.

поддержке Фонда фундаментальных лингвистических исследований (грант № А40) в 2012 году в Южной Италии (Апулия) удалось собрать уникальный материал у носителей грико.

2. О «цаконском» проекте

Начиная с 2008 года, Греческий институт Филологического факультета СПбГУ организовал и провел серию экспедиций на Пелопоннес (Греция) для изучения цаконского диалекта, распространенного в некоторых населенных пунктах округа Южная Кинурия (Аркадия). Этот диалект традиционно считается уникальным³ (см. раздел 4).

Область распространения диалекта на Пелопоннесе принято называть **Цаконией**⁴, а его носителей — **цаконцами**⁵. Традиционно выделяют два варианта диалекта: (а) **северный** (используется в селах Кастаница и Ситена) и (б) **южный** (распространен во всех остальных населенных пунктах)⁶. В основании этого деления лежат два принципа:

1. **Географический**: принято считать, что из-за разделяющих их гор жители сел Ситена и Кастаница практически не общаются с населением

---

³ Британский исследователь Брайан Ньютон, первым предложивший последовательную классификацию новогреческих диалектов, даже не рассматривает цаконский [Newton 1972]. Возможно, причина «исключения» цаконского диалекта кроется в том, что Ньютон подходит к интерпретации диалекта как генеративист; подробнее см. [Кисилиер 2013а: 86–87].

⁴ Сейчас в состав Цаконии входят города Леонидион (столица округа), Тирос, Агиос Андреас и бывшая столица Цаконии, ныне заброшенный Прастос, а также деревни Мелана, Прагматевтис, Сапунакейка, Васкина, Кастаница и Ситена.

⁵ Существует множество этимологий этнонима, либо возводящих цаконцев к лаконцам, к пелазгийскому племени кавконцев, к славянам и даже к саксонцам, либо объясняющих появление этнонима разными историческими или географическими особенностями региона [Vagenas 1971: 251–268]. Ни одну из версий нельзя признать удовлетворительной, и вопрос о происхождении/значении этнонима заслуживает отдельного рассмотрения; подробнее см. [Кисилиер, в печати (а)].

⁶ В XVII веке часть носителей диалекта переселилась на берега Мраморного моря, где проживала до Малоазийской катастрофы (1922 г.), результатом которой стало вынужденное переселение в Грецию (в округа Козани и Кастория). Это переселение привело к середине XX века к утрате пропонтийского варианта цаконского диалекта, вытесненного общегреческим койне. Тем не менее, язык и культуру последних носителей пропонтийского говора удалось частично описать [Costakis 1969; 1979].

других населенных пунктов Цаконии; именно этим и вызваны фонетические различия, наблюдаемые между двумя вариантами (см. п. 2).

2. **Языковой:** между северопелопоннесским (= сев.) и южнопелопоннесским (= южн.) вариантами цаконского диалекта наблюдаются очевидные фонетические различия, например: сохранение/выпадение интервокального /-l-/: сев. *áλογο* ‘лошадь’ (ср. нгр. *άλογο*) vs. южн. *άγο*, отсутствие/наличие перехода /pi/ > /ki/: сев. *písu* ‘сзади’ (ср. нгр. *πίσω*) vs. южн. *kísu*, отсутствие/наличие перехода /ti/ > /ki/: сев. *tímú* ‘уважать’ (ср. нгр. *τιμώ*) vs. южн. *kímú*, отсутствие/наличие перехода /ks/ > /c/: цак. (южн.). *cáðerfo* ‘двоюродный брат’ vs. цак. (сев.). *ksáðerfo* (пример из [Costakis 1986b: 315]).

Экспедиции Греческого института до настоящего момента проводились исключительно в южном ареале. Согласно распространенному мнению, именно там сохранился наиболее аутентичный вариант цаконского диалекта [Kontosopoulou 2001: 3–4], а само деление на севернопелопоннесский и южнопелопоннесский варианты произошло относительно поздно [Pernot, Costakis 1933: 10]. Общепринятая гипотеза предполагает, что фонетические различия между вариантами обусловлены влиянием стандартного новогреческого на севернопелопоннесский вариант цаконского, носители которого раньше вступили в контакт со стандартным новогреческим. Если развивать эту точку зрения, получается следующая картина: в какой-то момент по невыясненным причинам цаконский начал фонетически отличаться от прочих окружающих диалектов и приобрел все особенности, характерные сейчас для южнопелопоннесского варианта; однако позже северный ареал цаконского диалекта «отменяет» большинство изменений и возвращается к своему предыдущему состоянию. Подобный «откат к предыдущему состоянию» представляется маловероятным. Можно скорее предположить, что с самого начала фонетические изменения почему-то затронули исключительно южный ареал, а севернопелопоннесский вариант всегда обладал теми же фонетическими характеристиками, которые наблюдаются и сейчас. Впрочем, данное предположение требует отдельного исследования, проблематика которого выходит за рамки этой статьи.

Изначально задачи цаконского проекта исключительно сводились к лингвистическому описанию диалекта. В ходе первой экспедиции, прошедшей в 2008 году в селе Тирос (собиратель С. В. Выдрина) была предпринята попытка проанализировать цаконскую видовременную систему [Выдрина 2008]. В дальнейшем от подобного подхода пришлось отказаться, поскольку выяснилось, что, во-первых, для получения релевантных языковых данных опрос информантов следует вести

исключительно на диалекте, а во-вторых, необходимо учитывать многие факторы, казалось бы, совсем не связанные с собственно языковым описанием. Поэтому в ходе следующих экспедиций работа велась не только по лексическим (ср. [Домосилецкая и др. 1997]) и грамматическим анкетам, но и по этнолингвистическим (ср. [Плотникова 2009; Imellou, Polunegou-Kamilaki 1983]), а также в виде бесед с информантами на диалекте.

3. О собранном материале

Собранный во время экспедиций лингвистический материал хранится в диалектном архиве Греческого института Филологического факультета СПбГУ в аудио- и отчасти в видеоформате⁷. Наиболее интересные нарративы были дешифрованы полностью или частично (пример нарратива приводится в разделе 6). Кроме аудиоматериалов, в архиве есть и письменные источники, например: автобиография одного из информантов, записанная им самим по-цаконски [Драгункина 2013: 33–40]. К письменным материалам, собранным в ходе экспедиций, можно отнести издания фольклорных текстов, подготовленные местными энтузиастами [Rousali-Diatsintou 1977; Tsouchlos 1993; Petakos 2003] и так называемые литературные диалектные тексты [Houpis 1990; 1992; Merkouriadou 2000; 2004; 2009]⁸.

---

⁷ Сейчас ведется работа по созданию онлайн каталога полевых материалов, привезенных из Цаконии.

⁸ К литературным текстам на цаконском можно отнести либо немногочисленные поэтические сборники и отдельные стихотворения, либо сборники рассказов, представляющих собой незначительно обработанные записи устных нарративов, с переводом. Эти сборники рассказов практически не отличаются от изданий диалектных текстов, предпринятых, например, самым знаменитым исследователем цаконского диалекта, уроженцем Меланы Фанасисом Костакисом [Costakis 1980].

Отдельно стоит упомянуть переводы известных сказок на цаконский — «Красная шапочка» [Manou-Georgitsi, б. г. (a)] и «Золушка» [Manou-Georgitsi, б. г. (b)]. Сказками на цаконском Елени Ману-Георгици стремилась привлечь внимание детей к родному диалекту. Тем не менее, ее работа подверглась яростной критике со стороны некоторых представителей местной интеллигенции, справедливо указавших на многочисленные ошибки, особенно в орфографии, которые могут составить у читателя неверное представление о цаконской фонетике. О цаконской диалектной литературе см. также [Kisilier 2011: 232–235].

Крайне интересным оказался и привезенный из экспедиций нелингвистический материал, важный как сам по себе, поскольку позволяет лучше понять быт, историю и культуру цаконцев, так и в комплексе с лингвистическим материалом, либо подтверждая полученные данные, либо подсказывая дальнейшее направление исследования. Нелингвистические материалы, собранные в городе Леонидионе в 2011 г., стали основой для документального фильма «Дом-крепость Цикалиотиса» (режиссер и оператор Д. В. Агафонова, помощник режиссера В. В. Федченко, продюсер и автор идеи М. Л. Кисилиер), выпущенного в 2012 г. В фильме подробно рассказывается об истории и архитектурных особенностях одной из старейших и уникальнейших построек города Леонидиона.

В ходе экспедиций удалось обнаружить и частично описать ряд интересных обычаев. Некоторые — в частности, запуск воздушных шаров на Пасху и чтение на следующее утро определенного отрывка из «Евангелия от Иоанна» по-цаконски (подробнее см.: [Кисилиер, Федченко 2010]) — встречаются исключительно в Цаконии. Другие имеют общевосточные (принесение в жертву петуха при строительстве дома или клятва умершими родителями, когда из стакана на пол выливают немного алкогольного напитка ципуро или, иногда, воды [Федченко 2010]) или даже общетипологические параллели (клятва «целую хлеб» [Кисилиер 2013b]). Оказалось, что целом цаконская этнография в целом мало чем отличается от общегреческой, и, несмотря на активные контакты со славянами (см. также раздел 4), цаконцы не слышали о многих мифологических представлениях, распространенных славянами по Балканам (например, о мартовской старухе).

4. О цаконском диалекте (южнопелопоннесский вариант)

Цаконский — один из самых необычных диалектов новогреческого языка. Он практически не учитывается в существующих классификациях новогреческих диалектов (см. сн. 3) и совершенно непонятен остальным грекам из-за своей необычной фонетики. Основные фонетические особенности цаконского (см. также раздел 2 и сн. 9, 10) проявляются в консонантизме. В качестве примера можно указать две такие особенности, которые если и представлены в других диалектах, то крайне редко и не так ярко, как в цаконском:

1) Противопоставление велярных и невелярных сонантов в разнообразном фонетическом окружении. Прежде всего, имеется в виду противопоставление /l/ и /l̥/: *psili* 'глаза' vs. *psi'i* 'глазик', *alá* 'но' vs. *al'á* 'в

другом месте' [Naralampopoulos 1980: 44]. Также зафиксированы два примера, где противопоставлены /n/ и /n̥/: *éni* <быть.PRS.3SG> vs. *én̥i* <быть.PRS.1SG> [Deffner 1881: 87]. Впрочем, это, по-видимому, единственная минимальная пара.

2) Варианты реализации /r̥i/. Вариант (А): /r̥i/ > /r̥zi/ (иногда /zi/): *ér̥ifo* 'козленок' (ср. нгр. *έριφος*). Следует отметить, что здесь наблюдается географическая и, что важнее, возрастная и гендерная дистрибуция — произношение /r̥zi/ женское (мужчина будет произносить исключительно /r̥i/ — *ér̥ifo*), характерное для информанток старше семидесяти лет (подробнее о географическом и гендерном варьировании в цаконской фонетике см. [Кисилиер, Федченко 2011: 263–264; Fedchenko, in progress]). Вариант (Б): диахронический переход /r̥i/ > /s̥i/: *śinda* 'корень' (ср. нгр. *ρίζα*), *śúk̥o* 'нос' (ср. дгр. *ῥύγχος*). Вариант (В): /r̥i/ > /č̥i/: *čia* 'три' (ср. нгр. *τρία*). Варианты (Б, В) не имеют субдиалектных, возрастных или гендерных различий.

Среди необычных фонетических изменений стоит упомянуть и так называемый **цитакизм**, то есть переход /k/ > /c/ перед гласными /e/ и /i/: *ce* 'и' (ср. нгр. *και*). Цитакизм встречается и во многих других новогреческих диалектах [Trudgill 2003: 56f; Кисилиер 2013а: 88], однако в цаконском цитакизме подвергается не только /k/, но и /t/: *ci* 'что' (ср. нгр. *τι*).

Согласно распространенной точке зрения, цаконский напрямую восходит к лаконскому варианту дорийского диалекта древнегреческого языка и не подвергся влиянию эллинистического койне. Действительно, в диалекте обнаруживаются определенные древнегреческие⁹ и дорийские черты¹⁰, однако они нерегулярны и большинство из них нельзя

⁹ Древнегреческие черты фиксируются в цаконском на уровне лексики и фонетики, где есть нерегулярные примеры сохранения древней дигаммы (только в двух лексемах: цак. *ván[n]e* 'баран' < дгр. *Φάρνός* и цак. *kívane* 'голубой' < дгр. **kúFavos*), а также древнегреческого /u/ (цак. *kúe* 'собака' < дгр. *κῦων*), превратившегося в стандартном новогреческом в /i/.

¹⁰ Дорийские черты проявляются исключительно в фонетике. В вокализме это сохранение так называемого дорийского [a:], оказывавшегося на месте аттического [ε:] (обозначавшегося графемой η) — в качестве примера можно привести артикль женского рода в генитиве единственного числа: цак. *tar* vs. атт./нгр. *τής*. В консонантизме это ротакизм (см. предыдущий пример) и переход придыхательного в спирант (/t̥/ > /s/), характерный и для лаконского варианта дорийского диалекта: [én̥i] *serindu* 'жну' vs. лак. *σεριδδω* и атт./нгр. *θεριζω*.

считать исключительно цаконскими, поскольку они фиксируются и в других диалектах новогреческого языка [Кусилиер 2012]¹¹.

В цаконском диалекте встречается множество иноязычных заимствований — из славянских языков (*cérva* ‘обувь’, *karita/karúta* ‘корыто для поения скота’, *séka* ‘лейка’, *sívo* ‘светлое животное с черными прядями’), из албанского (*čúpre* ‘коза/козел с маленькими ушами’, *ľjare* ‘черно-белый (о любом животном)’, *sklépa* ‘грязь/нечистота волос или тела’, *vlámi* ‘возлюбленный/любовник’), арумунского (*maľóra* ‘годовалая незабеременевшая овца/трехлетняя овца’, *strúnga* ‘загон с узким выходом, через который прогоняют мелкий рогатый скот для доения’), итальянского¹² (*koléya* ‘друг’¹³, *alárya* ‘далеко’, *aléyro* ‘подвижный’). Зафиксированные заимствования свидетельствуют о том, что цаконский диалект не развивался замкнуто, несмотря на свое географическое положение¹⁴. Поэтому было бы неправильным объяснять особенности цаконского его изолированностью [Драгункина и др., в печати]. Важно отметить, что на уровне лексики проявляется субдиалектное варьирование и, как показало проведенное недавно исследование, слова итальянского и венецианского происхождения, в основном, связанные с морской терминологией, известны жителям приморского Тироса, а пастушеская лексика из балканских языков более употребима в горных селах Васкина и Мелана.

Грамматические особенности цаконского проявляются, прежде всего, в глагольной системе. До сих пор остается загадкой происхождение уникальных аналитических форм презенса и имперфекта, не имеющие аналогов в других диалектах новогреческого языка. Форма образуется с помощью глагола быть в презенсе (1) или имперфекта (2)–(3) с причастием в соответствующем роде и числе:

---

¹¹ Например, древнегреческий /w/ (см. сн. 9) сохраняется, в частности, в староафинском (*ksúlo* ‘дерево, деревяшка’ (в Мегарах) vs. нгр. *ξύλο*) и кипрском (*γυρός* ‘золотой’ vs. дгр. *χρυσός*), а переход /tʰ/ > /s/, помимо цаконского (см. сн. 10), фиксируется в каппадокийском (*sélusi* ‘[они] хотят’ vs. нгр. *θέλουν*).

¹² Отдельно можно выделить заимствования из венецианского диалекта: *alakápa* ‘плохо’, *álbure* ‘мачта’, *γάνζο* ‘железный якорь’, *timóni* ‘руль’.

¹³ Возможно, эта лексема попала не из итальянского, а еще из латинского языка.

¹⁴ Регион окружен горами, и до 1960 года регулярное сообщение осуществлялось исключительно по морю.

- (1) *és[i]*   *thé-u*
 AUX.PRS.2SG хотеть-PRT.M.SG
 ‘хочешь’ [Tsak_123].
- (2) *éta*   *éx-a*
 AUX.IPF.1SG иметь-PRT.F.SG
 ‘я имела’ [Tsak_031].
- (3) *ém[ai]*   *ex-ú-nde*
 AUX.IPF.1PL иметь-PRT-PL
 ‘мы имели’ [Там же].

Синтетические формы презенса и имперфекта в цаконском отсутствуют. Есть серьезные основания предполагать, что аналитические формы уходят корнями в эллинистическое койне [Кисилиер, в печати (b)]. В этом случае следует признать, что история развития цаконского, вопреки общепринятой точке зрения, ничем не отличается от других диалектов, поскольку цаконский также подвергся влиянию со стороны эллинистического койне.

Другая яркая особенность глагольной морфологии — это наличие форм перфекта и плюсквамперфекта, почти не встречающихся в диалектах новогреческого языка. Исследование, проведенное С. В. Выдриной, продемонстрировало, что цаконский перфект не отличается от стандартного новогреческого [Выдрина 2008]¹⁵.

На уровне грамматики также наблюдается варьирование в зависимости от субдиалекта, пола и возраста информанта [Fedchenko, in progress]. Продемонстрировать эту вариативность можно на примере употребления форм генитива и замещающих их конструкций. В цаконском, как и в большинстве диалектов новогреческого языка, генитив исчезает, и его заменяет либо аккузатив (то есть лексема в большинстве случаев утрачивает падежные окончания), либо предложно-падежная конструкция [Кисилиер, Федченко 2013]. В «Грамматике цаконского диалекта» Фанасиса Костакиса (см. раздел 5) приводится перечень сохранившихся форм генитива [Costakis 1999: 50–56, 60–61]. Во время двух экспедиций

---

¹⁵ Новые данные, собранные в ноябре 2013 года, заставляют вновь обратиться к исследованию времен системы перфекта в цаконском и позволяют предположить, что употребляя формы перфекта, говорящий не акцентирует, когда именно произошло событие, а, скорее, прибегает к перфекту как к некому показателю истинности высказывания (например: *Зимой в России снег — Откуда ты знаешь? — Я туда ездил*_{перфект}). Плюсквамперфект же, вероятно, указывает на конкретное время действия [Кисилиер 2013b].

в Цаконию в 2013 году, выяснилось, что некоторые из указанных Костакисом форм и сейчас существуют в диалекте, однако известны далеко не всем носителям. Так, согласно Костакису, генитив от лексемы *o vóç-e* <DEF.M.SG.NOM виноград-SG.NOM> — *tu vóç-u* <DEF.M.SG.GEN виноград-SG.GEN>; эта форма известна и в Васкине (информант — мужчина, 1937 г. р.); в Мелане женщина 80 лет (правда, уроженка Тироса) также знает генитив, а мужчины разного возраста вообще не склоняют форму, маркируя падеж только при помощи артикля: *tu vóç-e* <DEF.M.SG.GEN виноград-SG>. Еще один пример — генитив от лексемы *íθi* ‘змея’: в Васкине, хотя и не очень регулярно, употребляют генитив *íθi-u* <змея-SG.GEN>, в Мелане же фиксируются три варианта: 1) аккузатив с предлогом *apó íθi-ø* <от змея-NOM/ACC.SG> (мужчина, ок. 85 лет), 2) аккузатив с предлогом и артиклем мужского рода *apó ton íθi-u* <от DEF.M.SG.ACC змея-NOM/ACC.SG> (женщина, ок. 80 лет, род. в Тиросе), 3) артикль генитива и неизменяемая форма *tu íθi-ø* <DEF.M/N.SG.GEN змея-SG> (мужчина, ок. 50 лет).

Отдельный вопрос связан с сохранностью диалекта. Еще Юбер Перно отмечал, что в Леонидионе по-цаконски почти не разговаривают [Pernot 1934: 15]; позже эту информацию подтверждают Костакис [Costakis 1951: 12] и Хараламбopoulos [Haralampopoulos 1980: 7], побывавший в Цаконии в 1971 году. По его мнению, исчезновение цаконского в Леонидионе вызвано появлением в городе населения извне (чиновников, торговцев) и наплывом туристов. Это объяснение представляется неверным. Как показало исследование, проведенное в 2012–2013 годах, коренными жителями Леонидиона являются потомки переселенцев из Прастоса, покинувших родной город до 1826 года¹⁶. Это были образованные и богатые люди, многие из которых получили образование в Европе. Они не говорили на цаконском, имевшем статус языка пастухов и моряков. Поэтому до середины XX века в Леонидионе цаконский практически не использовался. Ситуация немного начала меняться после 60-х годов прошлого века, когда пастухи перестали гонять зимой скот в Лаконию, а в связи с улучшением экономической ситуации смогли позволить себе ставить загоны близ Леонидиона и проводить значительную часть зимнего времени в городе, распространяя свое языковое влияние на местных жителей [Кисилиер 2013b; в печати (a)].

---

¹⁶ Их дома в Прастосе заняли окрестные пастухи и принесли с собой диалект.

Сейчас цаконский нередко называют умирающим диалектом¹⁷, впрочем, это говорят почти обо всех диалектах новогреческого языка независимо от степени их сохранности, именно так определяя модели их взаимодействия со стандартным новогреческим. Можно предположить, что подобные утверждения часто вызваны требованиями различных европейских и американских фондов, выделяющих гранты в основном на описание исчезающих языков. Так или иначе, нет оснований причислять цаконский диалект к исчезающим. Диалект использует не только старшее поколение, но и среднее (мужчины пятидесяти лет). Молодежь, конечно, владеет диалектом в меньшей степени, однако и ее представители иногда демонстрируют хорошее знание цаконского. В отдельных семьях детей сознательно обучают диалекту, а в школах, несмотря на отсутствие поддержки со стороны Министерства образования Греции, периодически функционируют факультативы. Естественно, цаконский сильно меняется под воздействием стандартного новогреческого. Хорошо заметны фонетические различия между старшим и средним поколениями. Тем не менее, можно почти уверенно утверждать, что влияние стандартного новогреческого не угрожает как таковому существованию диалекта. Анализ полевого материала свидетельствует о том, что цаконский всегда находился в тесном контакте с другими языками и диалектами (см. выше), а стандартный новогреческий стал насаждаться еще в начале XX века (возможно, даже раньше) в связи с появлением школ¹⁸. Как показывает изучение других новогреческих диалектов, экспансия стандартного языка не угрожает их существованию, поскольку уже наработан многовековой опыт существования в ситуации многоязычия (например, с доминирующим турецким на территории Малой Азии или с доминирующим итальянским на Крите, Кипре и некоторых

---

¹⁷ В частности, именно такая точка зрения высказывается в фильме «Наш язык» («Α γρούστια τόπου»), снятом в 2011 году Елисавет Лалудаки и Массимо Пиццокаро (фильм доступен в интернете с английскими субтитрами: <http://www.cultureunplugged.com/documentary/watch-online/play/11552/A-Groussa-Namou--Our-Language>).

¹⁸ Учителя, в основном, были неместные, они совсем не понимали диалект и сурово наказывали тех, кто говорил по-цаконски в школе. Большинство информантов рассказывают одну забавную историю о цаконском в школе: «Приезжий учитель пишет на доске по-новогречески *γάτα* ‘кошка’ и просит ученика прочесть вслух. Ученик читает по буквам /γ-a-t-a/, а потом и по слогам: /γα-ta/. Когда же учитель просит прочитать слово целиком, ученик произносит цаконскую лексему *κακία* ‘кошка’. Некоторые информанты перед рассказом уверяют собирателя, что лично были свидетелями этому событию.

других островах). По-видимому, к гибели диалекта может привести переезд носителей диалекта в другое место, когда сам диалект оказывается в непривычных для него условиях. Именно так произошло с большинством диалектов Малой Азии, носители которых были вынуждены переехать в Грецию после Малоазийской катастрофы 1922 года. По этой же причине, скорее всего, исчез и пропонтийский говор цаконского диалекта (см. сн. 6).

Согласно знаменитому греческому диалектологу Никосу Кондосопулосу (приводившему, впрочем, чужие данные), на 2001 год число носителей цаконского диалекта достигало 8000 человек [Kontosopoulos 2001: 3].

5. Из истории изучения цаконского диалекта

Цаконскому диалекту посвящена обширнейшая литература¹⁹. Первые исследователи искали в цаконском дорийские (лаконские) черты [Deville 1866]. Не был здесь исключением и выдающийся исследователь диалекта, немецкий филолог-классик Михаил Деффнер [Deffner 1881; 1923]. Он описывал исключительно диалект Прастоса, поскольку считал, что именно там сохранился аутентичный цаконский. Стоит отметить, что Деффнер до последнего времени оставался единственным ученым нецаконского происхождения, умевшим говорить и писать по-цаконски.

Следующий важный этап в изучении цаконского связан с именем Юбера Перно [Pernot 1934]. В его замечательной работе есть один существенный недостаток — основным информантом Перно был его студент, а затем и коллега, уроженец Меланы Фанасис Костакис [Naralamprooulos 1980: 11]²⁰, у которого Перно записал спонтанные тексты, приведенные в первой части монографии [Pernot 1934: 23 и сл.]²¹.

---

¹⁹ Общее представление о примерном количестве исследований может дать библиография на сайте <http://www.tlg.uci.edu/~opoudjis/Work/tsakbib.html>, включающая и небольшой электронный каталог.

²⁰ Хараламбопулос отмечает этот факт как одно из достоинств работы Перно, утверждая, что по этой причине тексты, приведенные у Перно, можно не проверять, в отличие от большинства других материалов, видимо, включая и его собственные.

²¹ Неизвестно, выступал ли Костакис в качестве информанта и в их общей работе [Pernot, Costakis 1933].

Ученик Перно — Фанасис Костакис — внес, пожалуй, наиболее значительный вклад в развитие диалекта²². Ему принадлежит и наиболее полная грамматика [Costakis 1951], и орфография, отражающая фонетические особенности диалекта, и трехтомный словарь [Costakis 1986a; 1986b; 1987], и множество других исследований, упомянутых в библиографии к этой статье. В отличие от Перно, он считал, что настоящий цаконский сохранился именно в Мелане²³. Хотя Костакис объездил все цаконские села и много работал с информантами, его задачей было не просто описать диалект, а создать диалектную норму, при этом критерием правильности была его собственная языковая компетенция. Таким образом, «Грамматика» Костакиса не дескриптивная, а прескриптивная, и многое в ней требует проверки. Для последующих исследователей диалекта Костакис оставался долгое время непререкаемым авторитетом, и лишь относительно недавно стали появляться работы, опирающиеся не только и не столько на «Грамматику...» Костакиса, сколько на собственные материалы и данные типологического анализа (см., например, [Liosis 2010]).

Носители цаконского диалекта по-разному оценивают деятельность ученых. В Мелане, Леонидионе и отчасти в Васкине очень уважают Костакиса²⁴, хотя почти никто из местных жителей даже не открывал его работ. Выходцы из Прастоса о Костакисе, напротив, отзываются неодобрительно, всячески превознося заслуги Деффнера — легко догадаться, что и они о работах ученого знают лишь понаслышке.

---

²² Существует история о том, как Костакис стал изучать цаконский диалект. К Перно часто приезжали студенты из Греции, и он на семинарах давал им задания провести лингвистический анализ песни на родном диалекте. Получил такое задание и Костакис. Он не знал ни одной песни по-цаконски и написал своему отцу, школьному учителю из Меланы, с просьбой помочь и прислать хотя бы один текст. Отец тоже не смог вспомнить ни одной песни и, чтобы выручить сына, сочинил ему песню сам. Это, по-видимому, так сильно воодушевило Перно, что он предложил Костакису не ограничиваться разбором песни, а заняться диалектом вообще [Кисилиер 2010].

²³ В 1956 году Костакис опубликовал свои исправления [Costakis 1956] к «Флоре Цаконии» Деффнера [Deffner 1922]. Анализ этих исправлений показывает, что Костакис заменил все формы, характерные для речи современных ему жителей Прастоса, на аналогичные из субдиалекта Меланы.

²⁴ Информант из Меланы с гордостью рассказывал, что его в детстве показывали Костакису, и тот его, якобы, похвалил.

6. Образец диалектного текста²⁵

- (4) *émai f'án-de axanó-pit-a*
 AUX.IPF.1PL готовить-PRT.PL капуста-пирог-PL
 ‘Мы готовили пироги с зеленой капустой’
- (5) *émai mazúk^x-u-nde áxan-a áyž-a c[e]*
 AUX.IPF.1PL собирать-PRT-PL капуста-PL дикий-N.PL и
émai kóf-u-nde me to maxé^ži-ø
 AUX.IPF.1PL резать-PRT-PL с DEF.N.SG.ACC нож-SG
c[e] émai kóf-u-nde c[e] émai
 и AUX.IPF.1PL резать-PRT.PL и AUX.IPF.1PL
ván-de ái lígu ac-úl-i áci
 класть-PRT.PL масло немного соль-DIM-SG соль
 ‘Мы собирали дикую капусту и резали [e] ножом... и резали, и кла-
 ли оливкового масла, соль’.
- (6) *s[i]= émai ván-de ce lígu*
 3.PL.ACC AUX.IPF.1PL класть-PRT.PL и немного
ártuma c[e] émai anínd-e me
 сыр и AUX.IPF.1PL открывать-PRT.PL с
to zimáži fili-ø fili-ø
 DEF.N.SG.ACC тесто лист-SG лист-SG
nⁱ= ém[e] anínd-e
 3.SG.ACC AUX.PRS.1PL открывать-PRT.PL
 ‘Мы клали и немного сыра и покрывали листом теста... листом [тес-
 та] покрываем’.
- (7) *[é]me ván-de tá[su?] s-ton davá-ø*
 AUX.PRS.1PL класть-PRT.PL внутрь в-DEF.M.SG.ACC противень-SG
s-ton stroⁿžil-é davá-ø tásu
 в-DEF.M.SG.ACC круглый-M.SG противень-SG внутрь
akatúse to fili-ø apanúse
 внизу DEF.N.SG.ACC лист-SG сверху
ta áxan-a ce ártuma tásu <...>
 DEF.N.PL.ACC капуста-PL и сыр внутрь
 ‘Мы кладем [это] в противень, в круглый противень; внизу — лист
 [теста], сверху — зелень и сыр внутрь’.

²⁵ Отрывок (0.00–1.08 мин.) из записи [Tsak_017]. Расшифровал М. Л. Кислиер. Публикуется впервые.

- (8) *c[e] émai ván-de tásu ce aranúse*
 и AUX.IPF.1PL класть-PRT.PL внутрь и сверху
*ál-e filí-ø ce n'=
 émai*
 другой-M.SG лист-SG и 3.SG.ACC AUX.IPF.1PL
ván-de tán[u] ta kárvun-a ce
 класть-PRT.PL сверху DEF.N.PL.ACC уголь-PL и
*n'=
 émai f'án-de ce <неразборчиво>*
 3.SG.ACC AUX.IPF.1PL готовить-PRT.PL и
 'И мы клали внутрь [сыр] и сверху другой лист [теста], и его (проти-
 вень. — *М. К.*) мы ставили на угли и готовили его (пирог — *М. К.*), и...'
- (9) *ce metá si=[é]mai kóf-u-nde*
 и затем 3.PL.ACC AUX.IPF.1PL резать-PRT-PL
komac-úl'-a komac-úl'-a ce s[i]=
 кусок-DIM-PL кусок-DIM-PL и 3.PL.ACC
émai čú-nde
 AUX.IPF.1PL есть-PRT.PL
 'И затем мы их (пирог — *М. К.*) резали на мелкие кусочки и их
 ели'.
- (10) *émai f'án-de ce me zimár'zi*
 AUX.IPF.1PL готовить-PRT.PL и с тесто
kol'úr-e kol'úr-e
 баранка-PL баранка-PL
 'Мы пекли из теста и баранки... [да], баранки'.
- (11) *s[i]= émai zimún-de to*
 3.PL.ACC AUX.IPF.1PL месить-PRT.PL DEF.N.SG.ACC
zimár'zi c[e] ém[ai] anáf-u-nde k'ár-a
 тесто и AUX.IPF.1PL зажигать-PRT-PL огонь-SG.ACC
émai ván-de é[n]a síder-e
 AUX.IPF.1PL класть-PRT.PL INDEF.N.SG.ACC железо-SG
tánu c[e] émai f'án-de
 сверху и AUX.IPF.1PL готовить-PRT.PL
mic-úl-i mic-úl-i étru
 маленький-DIM-PL маленький-DIM-PL так
 'Для них мы месили тесто и разводили огонь, ставили сверху сково-
 родку и таким образом [их] готовили — маленькие-премальные'.
- (12) *ce akóni [é]me f'án-de éðari*
 и еще AUX.PRS.1PL готовить-PRT.PL сейчас

ezú   *é[n'í]*   *fkíán-a*
 1.SG.NOM   AUX.PRS.1SG   готовить-PRT.F.SG
 'И еще сейчас мы их готовим, я готовлю'.

(14)   *s[í]=*   *íni*   *čú-nde*
           3.PL.ACC   AUX.PRS.3PL   есть-PRT.PL
ta   *kabzí-a*   =*mi*   *pášu*
 DEF.N.PL   ребенок-PL   POSS.1.SG   много
 'Их много едят мои дети'.

Список сокращений

атт. — аттический диалект древнегреческого языка
 дгр. — древнегреческий язык
 лак. — лаконский вариант дорийского диалекта древнегреческого языка
 нгр. — новогреческий язык
 сев. — северопелопоннесский вариант цаконского диалекта
 фесс. — фессалийский диалект новогреческого языка
 цак. — цаконский диалект новогреческого языка
 южн. — южнопелопоннесский вариант цаконского диалекта
 ACC — винительный/косвенный падеж
 AUX — вспомогательный глагол
 DEF — показатель определенности
 DIM — диминутив
 F — женский род
 GEN — родительный падеж
 INDEF — показатель неопределенности
 IPF — имперфект
 M — мужской род
 N — средний род
 NOM — именительный/прямой падеж
 PL — множественное число
 POSS — показатель посессивности
 PRS — настоящее время
 PRT — причастие
 SG — единственное число
 1 — первое лицо
 2 — второе лицо
 3 — третье лицо

Список использованных аудиоматериалов

- Tsak_017 — Аудиозапись. Информант: Ставрुлла Х, ок. 84 лет (Прастос). Диалектный архив в Греческом институте Филологического факультета СПбГУ: Цакония. Собиратель: М. Л. Кисилиер. Январь, 2010.
- Tsak_031 — Аудиозапись. Информант: г-жа Елени, 1931 г. р. (Тирос). Диалектный архив в Греческом институте Филологического факультета СПбГУ: Цакония. Собиратели: С. В. Выдрина, М. Л. Кисилиер, В. В. Федченко. Январь, 2010.
- Tsak_123 — Аудиозапись. Информант: Христина, 1941 г. р. (Мелана). Диалектный архив в Греческом институте Филологического факультета СПбГУ: Цакония. Собиратели: М. Л. Кисилиер, В. В. Федченко. Октябрь, 2012.

Литература

- Выдрина 2008 — С. В. Выдрина. Видовременная система цаконского диалекта новогреческого языка. Дипломная работа. СПб.: СПбГУ, 2008. На правах рукописи.
- Домосилецкая и др. 1997 — М. В. Домосилецкая, А. В. Жугра, Г. П. Клепикова. Малый диалектологический атлас балканских языков. Лексическая программа. СПб.: «Наука», 1997.
- Драгункина и др., в печати — А. А. Драгункина, М. Л. Кисилиер, В. В. Федченко. Лексические особенности цаконского диалекта новогреческого языка: предварительные наблюдения и перспективы исследования // М. Л. Кисилиер, А. Ю. Русаков (ред.). Балканистика. Византинистика. Неоэллинистика. Сборник научных статей. Вып. 1. В печати.
- Драгункина 2013 — А. А. Драгункина. Цаконская лексика в синхронии и диахронии. Магистерская диссертация. СПб.: СПбГУ, 2013. На правах рукописи.
- Кисилиер 2009 — М. Л. Кисилиер (отв. ред.). Язык и культура мариупольских греков. Т. 1. Лингвистическая и этнокультурная ситуация в селах Приазовья. По материалам экспедиций 2001–2004 годов. СПб.: Алетей, 2009.
- Кисилиер 2010 — М. Л. Кисилиер. Полевой дневник. Диалектный архив в Греческом институте Филологического факультета СПбГУ: Цакония. Январь, 2010.
- Кисилиер 2012 — М. Л. Кисилиер. Цаконские стереотипы // А. Х. Гирфанова, С. В. Иванов, Н. Н. Казанский, Е. Р. Крючкова, А. И. Фалилеев (ред.). *Nomodelectans*. Сборник статей к 70-летию Николая Леонидовича Сухачева. СПб.: «Нестор-История», 2012. С. 262–271.
- Кисилиер 2013a — М. Л. Кисилиер. Новогреческая диалектология: достижения и проблемы // Вопросы языкознания 2, 2013. С. 83–98.
- Кисилиер 2013b — М. Л. Кисилиер. Полевой дневник. Диалектный архив в Греческом институте Филологического факультета СПбГУ: Цакония. Ноябрь, 2013.

- Кисилиер, в печати (а) — М. Л. Кисилиер. О Цаконии и цаконцах: на стыке истории и филологии // Н. Н. Казанский (отв. ред.). *Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований*. В печати.
- Кисилиер, в печати (б) — М. Л. Кисилиер. Об аналитических формах презенса и имперфекта в цаконском диалекте новогреческого языка // М. Л. Кисилиер, А. Ю. Русаков (ред.). *Балканистика. Византинистика. Неоэллинистика. Сборник научных статей*. Вып. 1. В печати.
- Кисилиер, Федченко 2010 — М. Л. Кисилиер, В. В. Федченко. «Евангелие Любви» (Иоанн 20: 19–25): цаконский вариант // Н. Н. Казанский (отв. ред.). *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. Т. 14. Ч. 2. Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. 21–23 июня 2010 г. СПб.: Наука, 2010. С. 47–57.
- Кисилиер, Федченко 2011 — М. Л. Кисилиер, В. В. Федченко. К вопросу о мягких согласных в цаконском диалекте новогреческого языка // Н. Н. Казанский (отв. ред.). *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. Т. 15. Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. 20–22 июня 2011 г. СПб.: Наука, 2011. С. 259–266.
- Кисилиер, Федченко 2013 — М. Л. Кисилиер, В. В. Федченко. Формы генитива и замещающие их конструкции в цаконском диалекте новогреческого языка // Н. Н. Казанский (отв. ред.). *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. Т. 17. Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. 24–26 июня 2013 г. СПб.: Наука, 2013. С. 418–428.
- Плотникова 2009 — А. А. Плотникова. Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала. М.: Институт славяноведения РАН, 2009.
- Смолина 2008 — М. Смолина. Урумский язык. Урум дили. Киев: Бланк-пресс, 2008.
- Федченко 2010 — В. В. Федченко. Полевой дневник. Диалектный архив в Греческом институте Филологического факультета СПбГУ: Цакония. Январь, 2010.
- Costakis 1951 — Θ. Π. Κωστάκης. Σύντομη Γραμματική της Τσακωνικής Διαλέκτου // *Collection De L'Institut Français D'Athènes*. Т. 35. Αθήνα: Institut Français d'Athènes, 1951.
- Costakis 1956 — Θ. Π. Κωστάκης. Προσθήκες και διορθώσεις στη «Χλωρίδα της Τσακωνιάς» του Μιχαήλ Δέφνερ // *Mélanges offerts à Octave et Melpo Merlier: à l'occasion du 25e anniversaire de leur arrivée en Grèce*. Т. I. Αθήνα: Institut Français d'Athènes, 1956. Σ. 133–156.
- Costakis 1969 — Θ. Π. Κωστάκης. Τα Τσακόνικα της Προποντίδας // *Χρονικά των Τσακόνων Γ*, 1969. Σ. 41–47.
- Costakis 1979 — Θ. Π. Κωστάκης. Βάτικα και Χαβουτσι. Τα τσακωνοχώρια της Προποντίδας. Βιθήνια 1. Αθήνα: Εκδόσεις κέντρου μικρασιατικών σπουδών, 1979.

- Costakis 1980 — Θ. Π. Κωστάκης. Δείγματα Τσακωνικής διαλέκτου. Αθήνα: β. η., 1980.
- Costakis 1986a — Θ. Π. Κωστάκης. Λεξικό Τσακωνικής διαλέκτου. Τ. Ι. Αθήνα: Ακαδημία Αθηνών, 1986.
- Costakis 1986b — Θ. Π. Κωστάκης. Λεξικό Τσακωνικής διαλέκτου. Τ. ΙΙ. Αθήνα: Ακαδημία Αθηνών, 1986.
- Costakis 1987 — Θ. Π. Κωστάκης. Λεξικό Τσακωνικής διαλέκτου. Τ. ΙΙΙ. Αθήνα: Ακαδημία Αθηνών, 1987.
- Costakis 1999 — Θ. Π. Κωστάκης. Γραμματική της Τσακωνικής διαλέκτου (περιφέρεια Λεωνιδίου-Πραστού) // Χρονικά των Τσακώνων ΙΕ', 1999.
- Deffner 1881 — M. Deffner. Zakonische Grammatik. Vol. I. Lautlehre. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1881.
- Deffner 1922 — M. Δέφνερ. Χλωρίς της Τσακωνίας // Γεωπονική βιβλιοθήκη 2, 1922.
- Deffner 1923 — M. Δέφνερ. Λεξικόν της Τσακωνικής Διαλέκτου // Λεξικογραφικών Αρχείον της Μέσης και Νέας Ελληνικής Θ' (Παράρτημα), 1923.
- Deville 1866 — G. Deville. Étude du dialecte Tzacorien. Thèse pour le doctorat présentée à la Faculté des lettres de Paris. Paris: Imprimerie Ad. Lainé et J. Harvard, 1866.
- Fedchenko, In Progress — V. Fedchenko. Subdialectal Diversity in the Tsakonian Speaking Area of Arkadia // A. Ralli, B. D. Joseph, M. Janse (eds.). Proceedings of the 5th International Conference of Modern Greek Dialects and Linguistic Theory (MGDLT 5). Ghent: Koninklijke Academie voor Nederlandse Taal en Letterkunde. In Progress.
- Haralampopoulos 1980 — Α. Λ. Χαραλαμπίδης. Φωνολογική Ανάλυση της Τσακωνικής Διαλέκτου. Διδακτορική Διατριβή που υποβλήθηκε στη Φιλοσοφική Σχολή του Αριστοτελείου Παν/μίου Θεσσαλονίκης // Επιστημονική Επετηρίδα της Φιλοσοφικής Σχολής 30 (Παράρτημα), 1980.
- Houpris 1990 — Δ. Γ. Χούπης. Έτρου ενάτθε. Ιστορικό τσακόνικο διήγημα στην Τσακόνικη διάλεκτο με μετάφραση και τα παραλειπόμενα της Τσακωνίας. Αθήνα: Εκδοση συλλόγου των απανταχού Καστανιτσιών, 1990.
- Houpris 1992 — Δ. Γ. Χούπης. Χώρατα και τσακωνοχώρια. Εύθυμα και διηγήματα στη τσακωνική διάλεκτο με μετάφραση. Αθήνα: Συμβολή στην διάσωση τσακωνικής διαλέκτου του γλωσσικού ιδιώματος Κ.Σ., 1992.
- Imellou, Polymerou-Kamilaki 1983 — Δ. Σ. Ημέλλου, Α. Πολυμέρου-Καμηλάκη. Παραδοσικός υλικός βίος του Ελληνικού λαού (ερωτηματολόγιο). Αθήνα: Ακαδημία Αθηνών, 1983.
- Kisilier 2011 — M. Kisilier. Η ελληνική λογοτεχνία στις διαλέκτους // Κ. Α. Δημάδης (επιμ.). Ταυτότητες στον ελληνικό κόσμο (από το 1204 έως σήμερα). Δ' Ευρωπαϊκό Συνέδριο Νεοελληνικών Σπουδών. Γρανάδα, 9–12 Σεπτεμβρίου 2010. Πρακτικά. Τ. Γ'. Αθήνα: ΕΕΝΣ, 2011. Σ. 227–236.
- Kontosopoulos 2001 — Ν. Γ. Κοντοσόπουλος. Διάλεκτοι και ιδιώματα της νέας ελληνικής. Αθήνα: Εκδόσεις Γρηγόρη, 2001.

- Liosis 2010 — N. Liosis. Counterfactuality in the Tsakonian Dialect: A Contribution to the History of *ήθελα* and *ήμουν* // A. Ralli, B. D. Joseph, M. Janse, A. Karasimos (eds.). Proceedings. 4th International Conference of Modern Greek Dialects and Linguistic Theory (MGDLT4), Chios, 11–14 June 2009. Patras: University of Patras, 2010. P. 111–123.
- Manou-Georgitsi, β. γ. (α) — Ε. Μάνου-Γεωργίτση. Η Κοκκινোসκουφίτσα. Α Κοττινοσκούιθη. Ένα κλασικό παραμύθι σε απόδοση στην Τσακωνική διάλεκτο. Χ. ε.
- Manou-Georgitsi, β. γ. (β) — Ε. Μάνου-Γεωργίτση. Α Σποιλίου. Η Σταχτοπούτα. Χ. ε.
- Merkouriadou 2000 — Α. Π. Μερκουριάδου. Ποιήματα στην τσακωνική διάλεκτο. Αθήνα: Επτάλοφος, 2000.
- Merkouriadou 2004 — Α. Π. Μερκουριάδου. Παρίουρ ένι μέ τού θύνισε. Έρχομαι μέ τίς άναμνήσεις. Αθήνα: Επτάλοφος, 2004.
- Merkouriadou 2009 — Α. Π. Μερκουριάδου. Άπόλιμα τά Χώρα. Δώρο στον Πραστό. Σύμμεκτα Τσακόνικα. Αθήνα: Επτάλοφος, 2009.
- Newton 1972 — B. Newton. The Generative Interpretation of the Dialect. A Study of Modern Greek Phonology. Cambridge: Cambridge University Press, 1972.
- Pernot 1934 — H. O. Pernot. Introduction à l'Étude du Dialecte Tsakonien // Collection de l'Institut Néο-Hellénique de l'Université de Paris 2, 1934.
- Pernot, Costakis 1933 — Ο. Περνό, Θ. Π. Κωστάκης. Σύντομος Γραμματική της Τσακωνικής Διαλέκτου. Αθήνα: Ι. Καρανάσου, 1933.
- Petakos 2003 — Χ. Δ. Πετάκος. Ο Τσακόνικος Χορός. Αθήνα: Ζαχαρόπουλος, 2003.
- Rousali-Diatsintou 1977 — Σ. Ρουσάλη-Διατσίντου. Λαογραφία Λεωνιδίου. Αθήνα: Ακαδημία Αθηνών, 1977.
- Trudgill 2003 — P. Trudgill. Modern Greek Dialects. A Preliminary Classification // Journal of Greek Linguistics 4, 2003. P. 45–64.
- Tsouchlos 1993 — Κ. Ι. Τσούχλος. Λαογραφικά της Τσακωνιάς (Δημοτικά τραγούδια, μοιρολόγια, θρύλοι — παραδόσεις, ήθη — έθιμα — δοξασίες — δεισιδαιμονίες, ανέκδοτα, παροιμίες στην τσακωνική και στη νεοελληνική). Αθήνα: β. η., 1993.
- Vagenas 1971 — Θ. Κ. Βαγένας. Ιστορικά Τσακωνιάς και Λεωνιδίου. Αθήνα: Δήμος Λεωνιδίου, 1971.

**PHONETIC VARIATION IN MODERN GREEK DIALECTS:
NATURE, NURTURE AND LANGUAGE CONTACT¹**

1. Introduction

A spoken word can be pronounced in many different ways. Within-speaker variation in phonetics can generally be attributed to two major reasons: the variability of the motor control system and speakers' adjustment depending on listeners' need for clarity of articulation (cf. for example [Perkell 1990: 266]). As a result of the latter, pronunciation of a word can be affected by a number of factors such as lexical frequency, probability of a word in a given context, position in the utterance or proximity to a prosodic boundary [Zipf 1949; Nelson 1983; Kohler 1990; Lindblom 1990; Pierrehumbert 2001; Bybee 2003; Kochanski et al. 2003; Bell et al. 2003; Aylett & Turk 2004].

What remains unclear, however, is the universality of the effects of these factors. Physiological constraints of the articulatory system as well as the need for compromise between the conflicting needs to maintain both speed and accuracy of communication in principle should apply to communication in all spoken human languages. Therefore one would expect that different languages would show similar patterns of variation. And indeed, W. Barry and B. Andreeva [Barry & Andreeva 2001] analyzed spontaneous speech processes in six European languages and found that all languages showed similar processes such as reduction of intervocalic clusters, lenition of stops, centralization of unstressed vowels and syllable loss. On the other hand, different languages show different patterns of variation and it is often claimed that some languages are more prone to reduction than others. The presence or absence of vowel reduction has even been used as one of the main criteria for rhythmic classification of different languages (cf. [Arvaniti 2012; Loukina et al. 2013 for overview]).

---

¹ This paper is based in part on the results of my DPhil thesis generously supported by Oxford University Clarendon Fund, UK Overseas Research Scholarship and St Cross College Paula Soans O'Brien Scholarship, but many of the ideas grew out of numerous discussions at the Department of General Linguistics at St.-Petersburg State University. Our trip to Mariupol played a crucial role in my decision to collect original fieldwork data for this research.

Modern Greek dialects present an interesting test case for the study of such interplay between universal and language-specific factors. Standard descriptions of Modern Greek rarely talk about phonetic variation, and in comparative studies Modern Greek is often represented as one of the languages with little reduction in connected speech (cf. for example [Barry and Andreeva 2001]). At the same time, descriptions of regional varieties of Modern Greek often talk about various reduction phenomena such as strong vowel reduction in Northern dialects or lenition of stop consonants in Cypriot Greek. Why is it then that such processes are only attested in some but not all varieties of Greek?

2. Brief description of the data

Some of the experimental results presented in this paper are based on a corpus of spontaneous speech in three dialects of Modern Greek recorded in Cyprus (Nicosia), Athens, and Thessaly (Karditsa). Cypriot and Thessalian Greek represent respectively South-Eastern and Northern Greek dialects and show different treatment of most regional features (cf. for example [Newton 1972b; Kontosopoulos 2001; Trudgill 2003]). Athenian Greek was chosen in order to provide some benchmark data which would be as close as possible to a natural colloquial form of Standard Modern Greek.

The corpus contains informal interviews about local history and traditions recorded from 21 speakers of the same age (70-80 years old) and social group (predominantly manual workers) who grew up in the respective areas. Each interview lasted on average 25 minutes.

A study of intra-word variability requires multiple occurrences of the same words. Therefore the interviews were transcribed and the transcriptions were used to compile word frequency index for this corpus and identify the most frequently occurring content words such as ‘village’, ‘year’, ‘house’. A subset of ten words was selected for further analysis based on stress patterns and segmental properties. Acoustic analysis included all occurrences of selected words with acceptable recording quality, about 1000 samples in total (see [Loukina 2008, 2009] for further description of the corpus and sampling procedure).

3. Nature: universal aspects of phonetic variation

This paper focuses on two connected speech processes: vowel reduction and consonant lenition. Changes in the quality of unstressed vowels are often attributed to physiological reasons, for example shorter duration of an

unstressed vowel may lead to formant undershoot or greater assimilation of vowel to the adjacent segments (cf. [Lindblom 1963; van Bergem 1993; Moon and Lindblom 1994; Barnes 2006]). For consonants, less effortful articulation is often preferred in casual, quicker speech, leading to lenition of consonants (cf. [Kirchner 2001: 29–46; Ohala 1983]).

Variation in vowel quality is a very prominent feature of Northern Greek dialects where [o] and [e] are rare in unstressed position and usually alternate with [i] and [u]; etymological high vowels /i/ and /u/ are often dropped in unstressed position (cf. [Tzartzanos 1909; Papadopoulou 1926]). Thus *χωράφι* ‘field’ pronounced [xor’afi] in Athenian Greek appears as [xur’afi] in Thessalian Greek, *παιδί* ‘child’ Athenian [peð’i] corresponds to [pið’i]. Although raising of mid-vowels is the most well-known feature of Northern dialects which may have acquired lexical status, descriptions mention that /a/ in unstressed syllables also differs in quality from its stressed counterpart (cf. for example [Chatzidakis 1892: 349–52]).

Lenition of stop consonants is mentioned in some descriptions of Cypriot Greek (e.g. [Newton 1972a]). Notably, in this variety lenition only affects voiceless unaspirated stops, but there also exists a series of aspirated voiceless stops [p^h], [t^h], [k^h], traditionally referred to as “geminate” (for further discussion of the phonological status of Cypriot geminates see [Newton 1968; Arvaniti 2001b; Eftychiou 2004]).

According to traditional descriptions, in Standard Greek all vowels can occur both in stressed and unstressed position without much variation in quality (cf. for example [Arvaniti 1999b]). There is also no mention of consonant lenition.

Thus it may appear that the seemingly universal physiological principles underlying phonetic variation only apply in some of the regional varieties of Modern Greek. Yet one of the important features of within-word phonetic variation is that it often goes unnoticed by the speakers or listeners. And indeed experimental phonetic studies of casual speech in Standard Modern Greek showed variation both in consonant and vowel quality. Thus M. Fourakis [Fourakis et al. 1999] and K. Nicolaidis [Nicolaidis 2003] found that Standard Modern Greek shows a tendency for centralization and upward shift of unstressed vowels as well as devoicing or loss of high vowels. In one of the first experimental phonetic studies of Greek, R. Dauer [Dauer 1980] noted that intervocalic consonants (especially /s/ and /t/) in casual speech and at rapid tempo may be voiced or partially voiced. In a detailed articulatory study of spontaneous speech in Standard Modern Greek, K. Nicolaidis [Nicolaidis 2001] found variation in the degree of constriction and the overall

degree of contact in the pronunciation of plosive [t], depending on its duration.

The analysis of my corpus showed that stressed and unstressed vowels in fact differed in quality in all three varieties [Loukina 2009, 2011]. The variation was greatest for /a/ which is rarely mentioned in studies on vowel reduction. Furthermore, in agreement with the ‘physiological’ explanation of phonetic variation, in all three varieties the quality of several unstressed vowels depended on vowel duration: shorter vowels tended to be higher or more centralized. Similarly, in all three varieties voiceless stop phonemes were sometimes pronounced as voiced fricatives. Such pronunciation was more frequent in unstressed syllable and in shorter consonants.

Thus similar processes are attested in three very different dialects of Modern Greek. Shorter segments show changes in pronunciation consistent with the phonetic explanation and in agreements with the idea that reduction in spontaneous speech is a universal phenomenon. Why then are such processes consistently mentioned in impressionistic descriptions of some of the dialects but not of the others?

4. Nurture: difference between the dialects

A corpus study not only allows one to establish whether a particular phenomenon occurs in a given variety, but also provides information about the frequency of the phenomenon. A probabilistic approach to linguistic phenomena has led to many recent advances in empirical linguistics (cf. [Coleman 2011] for review). Probabilities rather than rules also form the basis of most current speech technologies and natural language processing algorithms. Therefore it is hardly surprising that frequency of occurrence is also the key to differences between three Modern Greek dialects discussed in the previous section.

In Athenian and Thessalian Greek, vowel quality consistently depended on duration, stress and phonetic context. In Thessalian Greek the difference between vowels was greatest. In Cypriot Greek the difference between vowels in different positions was smaller than in the other two varieties, and the correlation between vowel quality and duration much weaker (see [Loukina 2009, 2011] for details). In other words, while shorter vowels may show changes in quality in all three varieties, the probability of such change is very high in Thessalian Greek and relatively low in Cypriot Greek. For consonant lenition the situation was the reverse: almost half of voiceless stops in Cypriot Greek were pronounced without closure and with sustained voicing, while in Athenian Greek lenition affected about 20% of all

consonants and in Thessalian Greek, with the exception of /k/, 90% of etymological stop consonants were pronounced as voiceless with well-defined closure and release.

The difference between the dialects therefore lies not in the presence or absence of a certain feature, but rather in the extent or frequency of use of this feature, especially in quick casual speech. While variation in time and effort is generally language-independent, it may be realized differently even in several varieties of the same language.

The observed differences in spontaneous speech variation between the three varieties of Greek may be juxtaposed with other traits of the sound systems of these varieties. In Cypriot Greek, consonants in general seem to be more prone to various reduction and strengthening processes than vowels or than the consonants of Athenian or Thessalian Greek. Thus, according to some descriptions, Cypriot shows (or used to show) loss of intervocalic fricatives, which can be seen as another case of lenition. On the other hand, consonant+/j/ clusters in this variety show occlusivization (that is strengthening) of /j/ to a palatal stop [c] (cf. [Drachman & Malikouti-Drachman 1996; Malikouti-Drachman 1999]).

On the contrary, in Cypriot Greek there is less difference in quality between stressed and unstressed vowels than in the other two varieties, but stressed vowels also lack acoustic prominence [Loukina 2008]. In this respect Cypriot Greek differs from Thessalian and Athenian Greek where stressed vowels are consistently associated with higher amplitude and F_0 peak even in casual speech [Loukina 2008].

The observed co-occurrence of consistent acoustic prominence of stressed vowels and vowel reduction on the one hand and strengthening, lenition and relatively weak prominence of stressed vowels on the other agrees with previous typological observations about lenition and vowel reduction as historical processes. Thus A. Martinet [Martinet 1952], in his classic article on lenition, links Celtic lenition to phonetically weak accent and presence of gemination. On the contrary, vowel reduction is often associated with strong accent (cf. [Van Coetsem 1996] for discussion and multiple references). It is possible that the frequent co-occurrence of these features may be a result of causal relations between them, but an exact model of such interaction has yet to be developed.

5. Language contact: the culprit?

As is usually the case in historical linguistics, it is hardly possible to give a definite explanation of what caused the emergence or loss of a particular

phenomenon in a given variety; however, some speculations can be made as to what might have triggered or reinforced such change. One possible trigger could have been contact with neighbouring languages. Thessaly and Cyprus are not only distant geographically, but also have different history and demographics.

Thessaly, located in Central Greece, has long been populated not only by Greeks, but also by Slavs and Aromanians. Cyprus, in the south-eastern part of the Mediterranean, was home to Turkish, Arab and Armenian communities and also for a long time remained under Frankish and Italian rule. The similarities between Greek dialects and the neighbouring languages suggest that language contact along with other factors may have contributed to the expansion of one of the variants which was also common to other languages involved in the contact.

The phonetic systems of the contact languages for the three varieties of Greek show a clear division between what can be called ‘Balkan’ languages (Bulgarian, Macedonian, Albanian, Arvanitika, Aromanian and Judeo-Spanish) and ‘South-Eastern’ languages (Turkish, Arabic and Armenian).

Most Balkan languages show vowel reduction similar to the one described for Thessalian Greek: cf. [Tilkov & Boiadzhiev 1981: 50–69; Pettersson & Wood 1985; Zhobov 2004] for eastern Bulgarian, [Sussex & Cubberley 2006: 509] for eastern Macedonian, [Caragiu-Marioțeanu 1968; Kramer 1989; Katsanes & Dinas 1990: 2930; Beis 2001] for Aromanian and [Gabinsky 1992] for some evidence of reduction in Judeo-Spanish. All these languages also distinguish between a series of voiceless unaspirated plosives [p], [t], [k] and voiced plosives [b], [d], [g], at least in word-medial position. The only exception is Arvanitika, which has lost the opposition of voiced stops and nasal+voiced stop clusters, most probably under the Greek influence (cf. [Hamp 1961: 103; Sasse 1991: 57]).

Contact languages of Cypriot Greek included Cypriot Arabic, Cypriot Turkish and Armenian. Descriptions of these languages do not mention vowel reduction of the type found in Balkan languages [Borg 1985: 44–45; Saracoğlu 1989: 176; Georgiou-Scharlipp & Scharlipp 1997: 143; Gürkan 1997: 73–74; Vaux 1998]. At the same time all these languages show a contrast between voiced unaspirated stops and voiceless aspirated stops which is often described as geminates vs. singletons, and probably a lack of a distinct voicing opposition for stop consonants (cf. [Borg 1985:12] for Cypriot Arabic, [Kornfilt 1997] for Standard Turkish, [Georgiou-Scharlipp and Scharlipp 1997] for Cypriot Turkish and [Vaux 1998:16] for Western Armenian). Consequently singleton consonants in these languages are generally voiced and prone to lenition.

These similarities between Greek dialects and the neighbouring languages suggest that language contact along with other factors may have contributed to the expansion of one of the variants which was also common to other languages involved in the contact. A similar mechanism was suggested by V. Friedman [Friedman 1994] to explain some syntactic similarities between Balkan languages. That is the role of language contact in the development of Modern Greek dialects was catalytic rather than causal: it enhanced the preference for one of the variants which already existed in the language.

Noteworthy in this case phonetic similarities between the languages are highly localized and represent what B. Joseph calls “small pockets of convergence” [Joseph 2003: 228]. Furthermore, the boundaries of such ‘pockets’ differ at various linguistic levels. Thus, all three varieties of Greek show several well-known Balkan morphosyntactic features such as a lack of infinitive or specific formation of future tense. In terms of sound structure Cypriot Greek shows little similarity with Balkan languages, while Thessalian Greek appears to be far more “Balkan” than Athenian Greek. The different degree of “balkanization” across Greek dialects has been noticed before (cf. [Sawicka 1997]), but the data from this corpus provide firm evidence for those claims.

6. Conclusion

Casual speech in three varieties of Modern Greek exhibits similar degrees of connected speech processes, but the frequency of those processes differs between the varieties. This once again shows the complexity of interaction between universal physiological principles of speech production and language-specific constraints. While speakers of all three varieties take shortcuts in their pronunciation, the exact path that this shortcut takes differs between the varieties: in Thessalian Greek vowels are subject to substantial variation, but consonants remain relatively stable, while in Cypriot Greek casual speech processes primarily affect consonants. Athenian Greek occupies the middle ground. Different processes in these varieties have probably been reinforced by contact with Balkan languages in the case of Thessalian Greek and other Mediterranean languages in the case of Cypriot Greek.

Difference in extent or frequency of processes is difficult to capture in a traditional “laundry” list of dialectal features common in impressionistic descriptions. Such regional differences are best understood through large corpus studies and probabilistic approach and there has never been a better

time for such studies: rapid technological advances allow us to store and analyse the amounts of data that would have been unthinkable a decade ago.

Finally, it is worth noting how fine grained is the nature of motor control in human speech which on one hand allows substantial variation in pronunciation and yet at the same time keeps it strictly within the boundaries determined by the linguistic competence of the speaker.

References

- Arvaniti 1999 — A. Arvaniti. Standard Modern Greek // *Journal of the International Phonetic Association* 29, 1999. P. 167-172.
- Arvaniti 2012 — A. Arvaniti. The usefulness of metrics in the quantification of speech rhythm // *Journal of Phonetics*, 40, 3, 2012. P. 351-373.
- Aylett & Turk 2004 — M. Aylett & A. Turk. The smooth signal redundancy hypothesis: A functional explanation for relationships between redundancy, prosodic prominence, and duration in spontaneous speech // *Language and Speech* 47, 1, 2004. P. 31-56.
- Barnes 2006 — J. Barnes. *Strength and Weakness at the Interface: Positional Neutralization in Phonetics and Phonology*, Berlin: Mouton de Gruyter, 2006.
- Barry & Andreeva 2001 — W. Barry & B. Andreeva. Cross-language similarities and differences in spontaneous speech patterns // *Journal of the International Phonetic Association* 31, 2001. P. 51-66.
- Beis 2001 — Στ. Μπέης. Το φαινόμενο της κώφωσης στα βόρεια Ελληνικά ιδιώματα και στη Βλάχικη γλώσσα // C. Clairis (ed.), *Recherches en linguistique grecque: Actes du 5e Colloque international de linguistique grecque*, Sorbonne, 13-15 Septembre, 2001. Paris: L'Harmattan, 2001. P. 103-106.
- Bell et al. 2003 — A. Bell, D. Jurafsky, E. Fosler-Lussier, C. Girand, M. Gregory, D. Gildea, Effects of disfluencies, predictability, and utterance position on word form variation in English conversation // *Journal of the Acoustical Society of America*, 113, 2, 2003. P. 1001-1023.
- Borg 1985 — A. Borg. *Cypriot Arabic: a historical and comparative investigation into the phonology and morphology of the Arabic vernacular spoken by the Maronites of Kormakiti village in the Kyrenia district of north-western Cyprus*. Marburg: Deutsche Morgenländische Gesellschaft, 1985.
- Bybee 2001 — J. Bybee. *Phonology and Language Use*. (Cambridge Studies in Linguistics, vol. 94). Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
- Brendemoen 2002 — B. Brendemoen. *The Turkish dialects of Trabzon: their phonology and historical development*. Wiesbaden: Harrassowitz, 2002.
- Caragiu-Marioțeanu 1968 — M. Caragiu-Marioțeanu. *Fonomorfologie Aromână: studiu de dialectologie structurală*. București: Editura Academiei Republicii Socialiste România, 1968.
- Chatzidakis 1892 — G. N. Chatzidakis. *Einleitung in die neugriechische Grammatik*. Leipzig: Breitkopf und Härtel, 1892.

- Coleman 2011 — J. Coleman. A history maker // *Journal of Linguistics*, 47, 1, 2011. P. 201–217.
- Dauer 1980 — R. Dauer. The reduction of unstressed high vowels in Modern Greek // *Journal of the International Phonetic Association* 10, 1980. P. 17-27.
- Drachman & Malikouti-Drachman 1996 — G. Drachman & A. Malikouti-Drachman. Dissimilation in Cypriot Greek: Competing analysis // *Μελέτες για την Ελληνική γλώσσα. Πρακτικά της 17ης Ετήσιας συνάντησης του Τομέα Γλωσσολογίας της Φιλοσοφικής Σχολής του Αριστοτελείου Πανεπιστημίου Θεσσαλονίκης, Θεσσαλονίκη, 22-24 Απριλίου 1996*. P. 57-71.
- Eftychiou 2007 — E. Eftychiou. Stop vowel coarticulation in Cypriot Greek // *Proceedings of the ICPHS XVI, 10-18 August 2007. Saarbrücken, 2007*. P. 517-520.
- Fourakis et al. 1999 — M. Fourakis, A. Botinis, M. Katsaiti. Acoustic characteristics of Greek vowels // *Phonetica* 56, 1999. P. 28-43.
- Friedman 1994 — V. Friedman. Variation and grammaticalization in the development of Balkanisms // K. Beals (ed.), *CLS 30 : papers from the 30th Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society*. Chicago: Chicago Linguistic Society, 1994. P. 101-115.
- Gabinsky 1992 — M. A. Габинский. Сефардский (еврейско-испанский) язык: балканское наречие. Кишинев: Штиинца. 1992.
- Georgiou-Scharlipp & Scharlipp 1997 — K. Georgiou-Scharlipp & W.-E. Scharlipp. Some remarks on the Turkish dialect of the village of Potamya // G. Hazai, B. Kellner-Heinkele & P. Zieme (eds.). *Studia Ottomanica: Festgabe für György Hazai zum 65. Geburtstag*. Wiesbaden: Harrassowitz, 1997. P. 141-146.
- Gürkan 1997 — A. Gürkan. Kıbrıs ağzında edatlar, bağlaçlar, ve ünlemlerin kullanım özellikleri. Cyprus: K.K.T.C. Millî Eğitim ve Kültür Bakanlığı, 1997.
- Hamp 1961 — E. Hamp. On the Arvanitika dialects of Attica and the Megarid // *Балканско езикознание/Linguistique Balkanique* 3, 1961. P. 101-106.
- Joseph 2003 — B. D. Joseph. The role of Greek and Greece linguistically in the Balkans // D. Tziovas (ed.), *Greece and the Balkans: identities, perceptions and cultural encounters since the Enlightenment*. Aldershot: Ashgate, 2003. P. 223-233.
- Katsanes & Dinas 1990 — N. Κατσάνης & K. Ντίνας. Γραμματική της κοινής Κουτσοβλάχικης. Θεσσαλονίκη. 1990.
- Kirchner 2001 — R. Kirchner. An effort based approach to consonant lenition. New York: Routledge, 2001.
- Kochanski et. al. 2003 — G. Kochanski, C. Shih, H. Jing. Quantitative measurement of prosodic strength in Mandarin // *Speech Communication* 41, 4, 2003. P. 625-645.
- Kohler 1990 — K. Kohler, Segmental reduction in connected speech in German: phonological facts and phonetic explanations // W. J. Hardcastle, & A. Marchal (eds.), *Speech production and speech modelling*, Dordrecht: Kluwer academic, 1990. P. 69-92.

- Kontosopoulos 2001 — Ν.Γ.Κοντοσόπουλος. *Διάλεκτοι και ιδιώματα της Νέας Ελληνικής*. Αθήνα: Εκδόσεις Γρηγόρη, 2001.
- Kornfilt 1997 — J. Kornfilt, Turkish. London: Routledge, 1997.
- Kramer 1989 — J. Kramer. Rumänisch: Areallinguistik, II: Aromunisch/Les Aires linguistiques, II: Aroumain // G. Holtus, M. Metzeltin, C. Schmitt (eds.). *Lexikon der Romanistischen Linguistik (LRL), III: Die einzelnen romanischen Sprachen und Sprachgebiete von der Renaissance bis zur Gegenwart: Rumänisch, Dalmatisch/Istroromanisch, Friaulisch, Ladinisch, Bündnerromanisch/Les différentes langues romanes et leurs régions d'implantation de la Renaissance à nos jours: Le roumain, dalmatico/istroromanzo, friulano, ladino, le romanche*. Tübingen: Niemeyer, 1989. P. 423-435.
- Lindblom 1963 — B. Lindblom. Spectrographic study of vowel reduction // *Journal of the Acoustical Society of America* 35, 1963. P. 1773-1781.
- Lindblom 1990 — B. Lindblom. Explaining phonetic variation: a sketch of the H&H theory // W. J. Hardcastle & A. Marchal (eds.). *Speech production and speech modelling*. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1990. P. 403-439.
- Loukina 2008 — A. Loukina. Acoustic model of stress in Standard Greek and Greek dialects // A. Botinis (ed.), *Proceedings of ISCA tutorial and research workshop on experimental linguistics, 25-27 August 2008, Athens, Greece*. Athens: University of Athens, 2008. P. 149-152.
- Loukina 2009 — A. Loukina. Phonetic variation in spontaneous speech. Vowel and consonant reduction in Modern Greek dialects // E. Payne and O. Parker-Jones (eds.). *Oxford University Working Papers in Phonetics* 12. Oxford: University of Oxford, 2009. P. 36-56.
- Loukina 2011 — A. Loukina. Phonetic variation in regional varieties of Modern Greek: vowel raising // M. Janse, B. Joseph, P. Pavlou, A. Ralli, S. Armosti (eds.). *Studies in Modern Greek dialects and linguistic theory*. Nicosia: Research centre of Kykkos Monastery, 2011. P. 61-71.
- Loukina 2013 — A. Loukina, B. Rosner, G. Kochanski, E. Keane, C. Shih, The roles of text and speaker in speech rhythm. *Laboratory Phonology*. 4, 2, 2013. P. 339-382.
- Malikouti-Drachman 1999 — A. Μαλικούτι-Drachman. Παρατηρήσεις σε διαλεκτικές υποχωρήσεις της Κυπριακής // *Μελέτες για την Ελληνική γλώσσα. Πρακτικά της 20ης Ετήσιας συνάντησης του Τομέα Γλωσσολογίας της Φιλοσοφικής Σχολής του Αριστοτελείου Πανεπιστημίου Θεσσαλονίκης, Θεσσαλονίκη, 23-25 Απριλίου 1999*. P. 292-302.
- Martinet 1952 — A. Martinet. Celtic Lenition and Western Romance Consonants // *Language* 28, 1952. P. 192-217.
- Moon & Lindblom 1994 — S.-J. Moon & B. Lindblom. Interaction between Duration, Context, and Speaking Style in English Stressed Vowels // *Journal of the Acoustical Society of America* 96, 1994. P. 40-55.
- Nelson 1983 — W. L. Nelson. Physical principles for economies of skilled movements // *Biological Cybernetics* 46, 2 1983. P. 135-147.

- Newton 1968 — B. Newton. Spontaneous gemination in Cypriot Greek // *Lingua* 20, 1969. P. 15-57.
- Newton 1972a — B. Newton. Cypriot Greek. Its phonology and inflections. The Hague: Mouton, 1972.
- Newton 1972b — B. Newton. The generative interpretation of dialect: a study of modern Greek phonology. Cambridge: University press, 1972.
- Nicolaidis 2001 — K. Nicolaidis. An Electropalatographic Study of Greek Spontaneous Speech // *Journal of the International Phonetic Association* 31, 2001. P. 67-85.
- Nicolaidis 2003 — K. Nicolaidis. Acoustic variability of vowels in Greek spontaneous speech // *Proceedings of 15th ICPhS, Barcelona, 2003*. P. 3221-3224.
- Ohala 1981 — J. J. Ohala. The listener as a source of sound change // C. S. Masek, R. Hendrick, M. F. Miller (eds.). *Papers from the parasession on language and behaviour*. Chicago: Chicago linguistics society, 1981. P. 178-203.
- Ohala 1983 — J. J. Ohala. The origin of sound patterns in vocal tract constraints // P. F. MacNeilage (ed.). *The production of speech*. New York: Springer-Verlag, 1983. P. 189-216.
- Papadopoulos 1926 — Α. Παπαδόπουλος. Γραμματική των βόρειων ιδιωμάτων της νέας Ελληνικής γλώσσας. Αθήνα: P.D. Sakellarios, 1926.
- Perkell 1990 — J. S. Perkell. Testing theories of speech production: implications of some detailed analyses of variable articulatory data // W. J. Hardcastle & A. Marchal (eds.). *Speech production and speech modelling*. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1990. P. 263-288.
- Peterson & Lehiste 1960 — G. E. Peterson & I. Lehiste. Duration of syllable nuclei in English // *The Journal of the Acoustical Society of America* 32, 1960. P. 693-703.
- Pettersson & Wood 1985 — T. Pettersson & S. Wood. A spectrographic study of vowel reduction in Bulgarian // *X Nordiska Slavismötet, 13-17 August 1984*. Åbo: Research institute of the Åbo Akademi Foundation, 1985. P. 173-184.
- Pierrehumbert 2001 — J. Pierrehumbert. Exemplar dynamics: Word frequency, lenition, and contrast // J. Bybee, & P. Hopper (eds.), *Frequency and the emergence of linguistic structure*. Amsterdam: Benjamins, 2001, P. 137-157.
- Saracoğlu 1989 — E. Saracoğlu. Kıbrıs Türk halk edebiyatı ve folkloru: bildiriler. Cyprus: K.K.T.C. Millî Eğitim ve Kültür Bakanlığı, 1989.
- Sasse 1991 — H.-J. Sasse. Arvanitika: die albanischen Sprachreste in Griechenland. Wiesbaden: Harrassowitz, 1991.
- Sawicka 1997 — I. Sawicka. The Balkan Sprachbund in the light of phonetic features. Warszawa: Wydawnictwo Energeia, 1997.
- Sussex & Cubberley 2006 — R. Sussex & P. V. Cubberley. *The Slavic languages*. Cambridge-New York: Cambridge University Press, 2006.
- Tilkov & Boiadzhiev 1981 — Д. Тилков, Т. Бояджиев. Българска фонетика. София: Наука и изкуство, 1981.

- Trudgill 2003 — P. Trudgill. Modern Greek dialects: a preliminary classification // *Journal of Greek linguistics* 4, 2003. P. 45-64.
- Tzartanos 1909 — Α.Τζάρτζανός. Περί της συγχρόνου Θεσσαλικής διαλέκτου. Αθήναι: Τυπ. Π.Α. Πετράκου. 1909.
- van Bergem 1993 — D. R. van Bergem, Acoustic vowel reduction as a function of sentence accent, word stress, and word class // *Speech Communication*, 12, 1, 1993. P. 1-23.
- van Coetsem 1996 — F. Van Coetsem. Towards a typology of lexical accent: 'stress accent' and 'pitch accent' in a renewed perspective. Heidelberg: Universitätsverlag C. Winter, 1996.
- Vaux 1998 — B. Vaux, Bert. The phonology of Armenian. Oxford: Clarendon Press, 1998.
- Zhobov 2004 — В. Жобов. Звуковете в българския език. София, 2004.
- Zipf 1949 — G. K. Zipf. Human behaviour and the Principle of least effort: an introduction to human ecology. Cambridge, Mass.: Addison-Wesley Press, 1949.

А. А. Новик

**Е. В. ПЕРЕХВАЛЬСКАЯ,
ЭКСПЕДИЦИИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
К МАРИУПОЛЬСКИМ ГРЕКАМ И КОЛЛЕКЦИИ
СТАРЕЙШЕГО МУЗЕЯ РОССИИ (КУНСТКАМЕРА)**

Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН обладает небольшой, однако исключительно показательной коллекцией предметов традиционной культуры греков [Новик 2011: 243-287]. Большую роль в истории формирования данных музейных фондов сыграли экспедиции Санкт-Петербургского государственного университета в Донецкую область Украины, в места компактного проживания мариупольских греков. Экспедиции, проводившиеся с 2001 г. под руководством Елены Всеволодовны Перехвальской, помимо сбора ценнейшего лингвистического, этнографического и фольклорного материала, ставили перед собой задачу и сбора музейных экспонатов для МАЭ РАН (так как полевая работа проводилась в тесном сотрудничестве с отделом европеистики Кунсткамеры)¹.

Большой интерес в фондах МАЭ представляют предметы, относящиеся к традиционной культуре мариупольских греков². Данные коллекции, наряду с предметами традиционной культуры греков из собрания Российского этнографического музея, представляют собой уникальное собрание, равного которому нет в музейных собраниях России, а также Украины.

---

¹ Автору статьи, представляющему два учреждения — МАЭ РАН и СПбГУ, выпала большая честь быть участником экспедиций в Приазовье в 2001, 2002 и 2003 гг., которые возглавляла Е. В. Перехвальская. В последующие годы автор продолжил исследование Северного Причерноморья, руководя экспедициями студентов и аспирантов СПбГУ и сотрудников РАН уже без участия Е. В. Перехвальской (переключившейся на изучение другого региона), однако научные задачи, тематика опросов, характер фиксации полевого материала и стиль проведения экспедиций во многом продолжили те традиции и начинания, которые были сформированы в процессе совместной работы.

² Подробное описание всех греческих коллекций МАЭ см.: [Новик 2012: 243-287].

1. Из истории приазовских греков

Мариупольские греки (иначе: приазовские греки, греки Приазовья) — это этническая группа греков, делящаяся на две большие подгруппы: греков-румеев (самоназвание – *румееос, ромееос, румэйс* от греч. *Ρωμαίος* ‘римлянин, византиец’) и греков-урумов (самоназвание – *урум, урумлар* тюркского происхождения) [Новик 2012: 135-136]. Живут мариупольские греки на территории Приазовья, главным образом в Донецкой области, частично в Запорожской области Украины. Численность мариупольских греков на Украине 91,5 тыс. ч., из них 78 тыс. ч. проживает в Донецкой области (2001, перепись) [Новик 2012: 135]. Греки-румеев говорят на говорах приазовского диалекта новогреческого языка. Свой язык румеев называют *румейка, ромейка*. Греки-урумы говорят на говорах урумского языка, относящегося к огузской группе тюркских языков [Новик, Перехвальская 2004: 267-269]. Свой язык урумы называют *урум дили, урум тили*. По вероисповеданию мариупольские греки — православные христиане.

Греческие поселения в Приазовье возникли в 1778 г. Устные рассказы и предания о переселении в пределы Российского государства бытуют в греческой среде до сих пор³.

2. Формирование музейных коллекций и особенности традиционной культуры мариупольских греков

Формированию греческих коллекций МАЭ РАН способствовала, как уже отмечалось ранее, экспедиционная деятельность сотрудников Отдела европеистики в тесной кооперации с коллегами и студентами Санкт-Петербургского государственного университета. В этом сотрудничестве в 2001, 2002, 2003, 2004, 2006 и 2009 гг. были проведены комплексные этнолингвистические экспедиции в греческие поселения Приазовья и Крыма (при участии и непосредственном руководстве Е. В. Перехвальской (2001, 2002, 2003 гг.) и автора данной статьи)⁴. Из этих экспедиций, наряду с фиксацией диалектных текстов, записанными интервью и заполненными анкетами по социолингвистике и этнолингвистике, были привезены различные предметы традиционной культуры греков, характеризующие их быт на протяжении XVIII-XX столетий, а также мно-

---

³ О материалах и результатах полевых исследований автора среди мариупольских греков см.: [Новик 2002: 164-166; Новик, Перехвальская 2002: 355-366; 2003: 22-31].

⁴ Об экспедиции 2002 г. см.: [Перехвальская, Новик, Борисова 2002].

гочисленные фотоматериалы, ставшие частью фотоиллюстративного фонда МАЭ РАН.

Так, в 2001 г. состоялась комплексная экспедиция в румееязычные поселения Донецкой области Украины [Новик, Перехвальская 2001]. Именно из экспедиции 2001 г. было привезено наибольшее количество предметов традиционной культуры греков, общим числом восемнадцать, время бытования которых определяется хронологическими рамками XVIII–XX вв. [МАЭ. Колл. №№ 7197, 7219–5].

В экспедиции приняло участие 20 человек: 17 студентов и 3 преподавателя. Это были студенты филологического факультета (кафедры общего языкознания, математической лингвистики, русского языка, английской филологии, германской филологии) и исторического факультета (кафедра этнографии) СПбГУ. Три преподавателя (Е. В. Перехвальская, А. А. Новик и А. А. Лукина) представляли кафедру общего языкознания. Сама экспедиция была задумана как летняя практика студентов, обучающихся по специализации «Этнолингвистика и полевые исследования», открытой к тому времени в рамках кафедры общего языкознания Санкт-Петербургского государственного университета.

Выбор региона Мариуполя был не случайным. В Приазовье сложилась уникальная социолингвистическая ситуация, это район компактного проживания греков-румеев и греков-урумов, до сих пор в большой степени сохранивших свой язык, самосознание и этническую культуру. Ко времени проведения наших экспедиций, несмотря на существование значительной литературы по вопросам истории, этнографии, языка греков Украины⁵, в науке не было создано подробного описания румейских говоров. Одним из результатов полевой работы под руководством Е.В. Перехвальской стала публикация ряда лингвистических работ⁶.

Затем, параллельно с нашими исследованиями, увидели свет важные работы с комплексным подходом к этнографической теме [Греки России и Украины 2004; Пономарьова 2006]. Однако в настоящее время стоит задача публикации материалов, специально посвященных вопросам сохранения традиционной культуры греков юга Украины в новых условиях, обусловленных обострением социокультурных и политических процессов.

---

⁵ См. исчерпывающую библиографию: [Калоеров 1997; Араджиони 1999; Пономарьова 2006].

⁶ Одним из участников экспедиций в Приазовье в 2002–2006 гг., Марией Смолиной, был написан учебник урумского языка: [Смолина 2008]. А в 2009 г. под редакцией М.Л. Кисилиера вышел коллективный сборник [Лингвистическая 2009].

Одним из самых важных результатов, позволим себе повторить, стал сбор этнографических экспонатов, легших в основу коллекции по мариупольским грекам в МАЭ РАН. Так, одним из самых ценных предметов традиционной культуры оказался керамический кувшин, относящийся к концу XVIII столетия [МАЭ. Колл. № 7197–4]. Данный керамический сосуд с узким горлом в форме кувшина был подарен для Музея антропологии и этнографии директором школы поселка Ялта Першотравневого (бывшего Первомайского) района Донецкой области Республики Украина (ныне городской районный центр называется Мангуш — возвращено старое название) Валентиной Ивановной Челпан, 1951 г. р. Местное название сосуда глечик (из украинского яз). Греческого названия информанты вспомнить не могли. Сосуд хранился в музее школы № 2, наряду с другими предметами бытовой культуры греков. По рассказам дарителя, кувшин откопали местные дети на стройке. «Археологи из Донецка, посетившие музей, сказали, что это самый старый образец керамической посуды в собрании музея. Точно определить датировку они не смогли – для этого нужен срез образца» [АМАЭ: Новик 2001]. Возможно, этот кувшин относится к концу XVIII в., к моменту поселения греков в Приазовье. После возвращения из экспедиции данный предмет был изучен автором статьи и сверен с похожими артефактами, относящимися к периоду проживания греков в Крыму. Исходя из качества глины, из которой изготовлен сосуд, можно с большой долей уверенности говорить о том, что он был действительно привезен в Приазовье из Крыма переселенцами. Залежей подобной глины в районе пос. Ялта не обнаруживается. А также такая керамика была характерна для южного берега Крыма. В таком случае мы имеем дело с уникальным предметом бытовой культуры греков, который пережил переселение под предводительством митрополита Игнатия⁷.

В фондах РЭМ также есть образцы керамической посуды, привезенной греками в Приазовье из Крыма во время переселения, а также их изображения [РЭМ. Фототека. Колл. № 4929–30]. Центрами изготовления поливной керамики в Крыму были города Кафа (Феодосия) и Салхат (Старый Крым). Такая посуда была полихромной, при ее изготовлении использовались поливы зеленого, желтого и коричневого цветов [Пономарьова 2006: 130].

Похожие предметы, изготовленные в Крыму, хотя и в небольшом количестве, представлены в фондах Мариупольского краеведческого

---

⁷ О центрах производства и ассортименте керамических изделий у греков Приазовья см.: [Пономарьова 2006: 129-130].

музея [МКМ. Фонды. №№ 134, 204, 243, 303, 310, 339—КСП]. В этом музейном собрании представлены и предметы керамической посуды более позднего периода: конца XIX — начала XX столетий [МКМ. Фонды. №№ 131, 132, 216, 217, 388—КСП].

Другим предметом кухонной утвари из керамики является глиняный горшок, привезенный из экспедиции 2001 г. Ю. Оселедько и переданный в дар МАЭ годом позднее [МАЭ. Колл. № 7219—5]. Подобные сосуды использовали для приготовления и хранения пищи. В греческих селах были мастера, которые изготавливали подобные керамические изделия как для собственного потребления, так и на продажу.

В домах греков до сих пор можно увидеть предметы старой мебели и другую традиционную утварь. В большинстве домов сохраняется деревянная софа-настил (румейск. *курвать*, урумск. *софа*, *тахта*), крытая тонким слоем войлока, поверх которого кладут цветное покрывало. В прошлом *курвать* представляла собой настил вдоль стены жилой комнаты от печи до угла противоположной печи стенки. На таких *курватях* проходила вся жизнь семьи. На них женщины рожали, пеленали детей. На них спали дети и взрослые. Во время семейного обеда на софу ставили низкий круглый столик (румейск. *трапезь*, урумск. *софра*) и принимали пищу, усевшись вокруг. На *курвати* проводили досуг. Эта софа-настил могла быть довольно велика — до нескольких квадратных метров. Многие греки до сих пор не могут отказаться от традиционной *курвати*. В доме может быть сделан современный ремонт, куплена новая мебель, и из всего старого остается лишь один элемент — деревянная традиционная *курвать*, поскольку даже современный грек не мыслит дома без этой детали обстановки.

В собрании МАЭ есть небольшое декоративное покрывало на такую деревянную курвать. Такая накидка [МАЭ. Колл. № 7197—14], которую постлали поверх покрывала, носит местное название сидонь (румейск.). Накидка подарена в доме Ольги Александровны и Михаила Николаевича Пахницов в п.г.т. Ялта, как и многие другие предметы традиционной культуры мариупольских греков. Греки Ольга Александровна, 1945 г.р., и Михаил Николаевич, 1939 г.р. — уроженцы пос. Ялта.

Эта накидка ручной работы с вышивкой. Накидке, по словам дарителей, более 100 лет. Такой накидкой покрывали сложенную углом на *курвати* постель. В момент передачи *сидони* в дар МАЭ вышел забавный случай, который очень показателен в плане работы с информантами по сбору материала в последние годы. Пахницы долго путались, что прежде, во времена их детства и молодости, называлось *стывазезя* и *сидонь*. Более того, они путались в объяснениях, зачем вообще слу-

жила эта накидка. Затем в качестве иллюстрации Михаил Николаевич принес книгу издания «Наука», где показали мне статью Ю. В. Ивановой о греках Донецкой области (!). Там был рисунок с изображением сложенной на софе постели. Лишь по этому рисунку в научной монографии была восстановлена картина прошлого. Надо сказать, что подобные случаи в исследовательской практике случаются все чаще и чаще. Приблизительно так, к примеру, выглядела работа по сбору определенных материалов, касающихся бытовой культуры, в греческих поселениях области Дропул в Албании во время экспедиции 2009 г. [АМАЭ: Новик 2009в; АМАЭ: Новик 2009г].

В убранстве домов мариупольских греков встречаются старые половики, тканые на примитивных станках или вязаные крючком. Подобные половики, лишь за одним исключением, мало отличаются от изделий русских и украинских рукодельниц, а также ближайших соседей — болгар, албанцев и гагаузов. Исключение это показательно — среди пестрой цветовой гаммы половиков преобладают голубой и синий цвета⁸. Именно синий — излюбленный цвет греков Греции, цвет их традиционного костюма, чаще других встречающийся и в декоративно-прикладном искусстве [Новик 2007: 665–667]. Синий цвет отличает наряды и предметный мир эллинов от реалий соседних балканских народов. Очень значимо, что синий цвет продолжает доминировать и у греков Приазовья. Именно в синий или голубой цвета здесь чаще всего красят декоративные решетки, двери и стены домов, этот же цвет имеет чаще всего и кафель в хозяйственных помещениях.

В собрании МАЭ представлено несколько образцов половиков и ковриков, выполненных греками и привезенных из экспедиций в Приазовье в последние годы. Так, стоит указать домотканую дорожку, созданную из лоскутов [МАЭ. Колл. № 7197–10]. Местное название такой домотканой дорожки радно (румейск.). Ее подарила гречанка Полина Степановна Карабиц, 1929 г. р., уроженка п.г.т. Ялта. Дорожку ткала мама Полины Степановны. Она давала ей эту дорожку в приданое где-то в 1948 г. Мама ткала дорожку из разных хлопчатобумажных тряпок. На ее производство шли старые рубахи, платья, фартухи и проч. Подобным тканьем у них в семье занимались долго. Данная дорожка является самой старой в хронологическом порядке из имеющихся в собрании МАЭ.

Нити основы — белые. Дорожка соткана из лоскутов следующих цветов: синего, голубого, зеленого, бордового, белого. Значимо преоб-

---

⁸ О доминировании этого цвета см.: [Новик, Перехвальская 2004: 290–295; Новик www.greek.ru].

ладают синий и голубой цвета. Ширина разноцветных полос от 1 до 4 см (1 см — min, 4 см — max).

Еще одним предметом быта, относящимся к вязаным круглым коврам из коллекции МАЭ, является изготовленный в Приазовье домашний коврик [МАЭ. Колл. № 7219 — 1]. Данный коврик в виде круга был привезен из экспедиции в греко-румейское село Малоянисоль Володарского района Донецкой области в 2002 г. Местное греческое название *круг* (румейск., очевидное заимствование из русск. яз.) — другого названия информанты вспомнить не могли. Коврик был подарен гречанкой Марией Георгиевной Поповой, 1920 г. р.

Круг связал крючком муж М. Г. Поповой, Степан Федорович Попов, 1911 г. р. Муж также умел ткать на станке дорожки и плести коврики. От мужа научилась такому рукоделию и сама информантка. Это было очень большой редкостью, когда греки-мужчины занимались подобными видами рукоделия. *Круг* был сделан в 1995 г. В основе хлопчатобумажные ткани. Сохранность экспоната хорошая — он практически не использовался в быту. Размеры коврика следующие: диаметр 80 см, толщина 0,8 см⁹.

Описанный выше коврик из собрания МАЭ является в определенном смысле совершенно уникальным экспонатом, так как он был изготовлен греком-мужчиной, и при этом мужчина был преклонных лет (1911 г. р.). В греческой среде традиционно занятия делились на мужские и женские. Нарушение установленных правил считалось, по меньшей мере, неприличным. Практически все виды рукоделия, связанные с текстилем, относились к области женских занятий. В ходе экспедиционной работы последних лет в Приазовье это был единственный случай, когда пришлось столкнуться с тем, что в рукоделии, связанном с текстилем, был занят мужчина.

В собрании МАЭ есть также еще одна дорожка, тканная на станке [МАЭ. Колл. № 7197–15]. Данная тряпичная дорожка была привезена из экспедиции 2001 г. Основные цвета: синий, белый, голубой, малиновый, оранжевый, желтый, пестрый (из полихромного лоскута). Нити основы синего и черного цвета. Для домотканины использовались нарезанные лоскуты. Технология была схожа с описанной выше, когда речь шла о вязаных круглых половиках. Старое тряпье нарезалось узкими полосками. Лоскуты связывались в длинные «нити», наматывались на катушку,

---

⁹ Данный предмет из коллекции МАЭ был воспроизведен на обложке издания [Лингвистическая 2009].

а затем шли в работу. Если при изготовлении ковриков использовались лоскуты различной ширины, то при тканье дорожек старались нарезать более тонкий лоскут. Круглые коврики вязали, а дорожки, главным образом, ткали на домашних ткацких станках. Поэтому и требовались более узкие полосы ткани — иначе их было бы сложно ткать.

К концу 1970-х гг. традиция использования таких рукодельных покрытий для пола стала затухать. В первую очередь на этот процесс оказывала сильнейшее влияние городская мода. Однако после 1990-х гг. наметился обратный процесс — люди вновь обрели интерес к истокам собственной этнической культуры. Предметы быта домашнего производства стали занимать достойное место в домах сельских жителей. Возможно, этот процесс был продиктован знакомством многих мариупольских греков с культурой быта греков Греции и Кипра, куда была направлена миграция в последние годы выходцев из многих греческих поселений Приазовья. Приезжая на заработки в греческую среду, они попадали в дома к своим соплеменникам и с удивлением обнаруживали, что предметы рукоделия и старины занимают весьма почетное место у многих весьма состоятельных греков, являясь предметами престижа. Многие отказываются от определенных фабричных изделий в пользу домашних ввиду разочарования предметами, услугами и развлечениями массовой культуры и производства¹⁰. То, что раньше считалось не престижным, по-новому оценивается коллективом и занимает достойное место в кругу желанных и любимых вещей¹¹.

Другим примером рукоделия греческих женщин является вышивка. В собрании МАЭ хранится лишь один образец полотна, вышитого цветными нитями. Речь идет о *сидони* — покрывале для постельных принадлежностей, описанном выше [МАЭ. Колл. № 7197–14]. В Приазовье практически в каждом греческом селе сохраняется традиция вышивки¹². Образцы греческих вышивок хранятся не только в домах местных жителей, но и представлены в музейных собраниях, как регионального, так и местного масштаба [АМАЭ: Новик 2001; АМАЭ: Новик 2002а]. В коллекции РЭМ в Санкт-Петербурге также хранятся полотенца и рушники, привезенные из греческих поселений Приазовья и являющиеся ярким примером рукодельного мастерства [РЭМ. Колл. № № 1737–3, 3071-48–3071-54, 3071-22 – 3071-47].

---

¹⁰ Ср.: [АМАЭ: Новик 2005].

¹¹ См.: [АМАЭ: Новик 2009а; АМАЭ: Новик 2009б].

¹² Образцы вышивок воспроизведены в: [Лингвистическая 2009: рис. 4,5], а также во вклейке с иллюстрациями в: [Пономарьова 2006: 272-273].

В ходе экспедиции в Приазовье в 2006 г. были зафиксированы материалы по такому виду рукоделия, как ажурная вышивка [АМАЭ: Новик 2006].

Традиционный костюм мариупольских греков претерпел много инноваций за время бытования в Приазовье. Практически весь XIX в. в румейских и урумских селах праздничным вариантом считался *шам* — распашное халатообразное одеяние из светло-желтой шелковой ткани в полосу. Халатообразную одежду носили и женщины, и мужчины.

С середины XIX в. традиционный женский костюм стал состоять из рубахи, платья, фартуха, обязательного головного убора. Покрой рубахи (румейск. *камсу*, урумск. *кельмэк*) был туникообразный, т.е. без плечевых швов: полотнище ткани образовывало переднюю и заднюю полы. Ворот обшивался невысоким стоячим воротником. По вороту, на краях рукавов и по подолу рубаху украшали вышивками. Расположение и мотивы орнаментики («вазоны», «веточки», «соцветия») свидетельствуют о близости орнаментики мариупольских греков с таковой у греков Балкан и островов Средиземноморья. В орнаментах мариупольских греков преобладали коричневые и золотые тона. Нередко встречались орнаменты, выполненные в технике *бить*¹³. Поверх рубахи надевали туникообразное платье (румейск. *фистан*, урумск. *урба*) темных тонов. Такое платье имело несколько клиньев, вшивавшихся от талии к подолу (количество этих клиньев зависело от веяния моды). Фартух имел прямой крой, его нарядный вариант украшался рядами кружев либо вышивкой геометрического характера. Маркой этнической идентичности оставался женский головной убор (румейск. *перифтар*, урумск. *баи явлух*). Он представлял собой белое полотнище в три аршина длиной из тончайшей шелковой ткани. Убор одним концом закрепляли на затылке с помощью заколки, далее оборачивали вокруг шеи и другой конец опускали вдоль спины. На талии *перифтар* скрепляли подвеской *кам*. Под подбородком убор удерживался ленточным украшением *ханяр*, облежавшим щеки и крепившимся на затылке. Нарядные варианты *ханяра* были украшены жемчугом, золотным шитьем, стразами и стеклярусом. Этот сложный полотенчатый головной убор уходил своими корнями в старую греческую этническую традицию. Невеста надевала его в день свадьбы. Женщины его носили постоянно в первый год замужества, а затем по праздникам. *Перифтар* передавался по наследству от матери к дочери либо от свекрови к невестке.

---

¹³ О технике *бить* см.: [Сластникова 2010: 78-80].

Другим видом головного убора гречанок был платок. Платки стали вытеснять полотенчатые перифтары лишь на рубеже XIX — нач. XX вв.¹⁴

В собрании МАЭ есть нарядный шелковый платок, бытовавший в греческой среде в указанный период конца XIX — нач. XX вв. [МАЭ. Колл. № 7197–13]. Данный шелковый платок имел местное название *чабарь* (румейск.). Характерно, что в соседних албанских селах Приазовья подобные женские платки назывались *чомбер* (*çomber-i*). Часто такой головной убор называли шалью, на русский манер. В МАЭ платок попал вместе с другими привозами из экспедиции 2001 г. Ориентировочно он был изготовлен в 1880–1890-е гг. Платок шит из тончайшей шелковой ткани с жаккардовым узором в виде букетов роз и отдельных цветков роз. Цвет ткани и узоров на ней шоколадный.

Скорее всего, платок был привезен из-за границы, возможно из паломничества к святым местам (Иерусалим и др.). Именно из паломничества на Ближний Восток (территория в то время принадлежала, как отмечают информанты, Османской империи), привозили похожие предметы гардероба. Они являлись объектами исключительного престижа в глазах местных жителей. Размеры платка: 120 x 120 см.

Традиционной обувью у женщин служили кожаные мягкие туфли (румейск. *пануча*, урумск. *пануч*), бытовавшие в греческой среде еще в Крыму [Пономарьова 2006: 170]. В течение XIX в. эта обувь была вытеснена другими типами обуви под влиянием городской культуры.

Мужской костюм с середины XIX в. состоял из рубахи, штанов, безрукавки, пояса, короткого распашного одеяния и головного убора. Туникообразная рубаха (румейск. *пукáмус*, урумск. *кёлек*) из льняной ткани имела небольшой воротник-стойку и разрез спереди на груди. Штаны (румейск. *враки*, урумск. *тман*, *шалвар*) из толстого домотканого сукна могли иметь либо не иметь боковые клинья. Штаны были на вздержке. От украинских штанов их отличало отсутствие мотни [Греки 2004: 183]. Безрукавку (румейск. и урумск. *елек*, *канзол*) шили из шерстяных тканей. Поверх безрукавки надевали двубортное короткое одеяние (румейск. *куртиц*, урумск. *хавтан*) из шерстяной или смесовой ткани. Непременным атрибутом мужского костюма был пояс (румейск. *зунар*, урумск. *хушак*) из шерсти. Такие пояса ткали на домашних станках. Обычно они были полосатыми, до 3 метров в длину. Мужской пояс не только нес эстетическую нагрузку. Во время тяже-

---

¹⁴ Здесь показательны иллюстративные фонды РЭМ по грекам [РЭМ. Колл. №№ 6150 ил; 6151 ил; 6153 ил; 6154 ил; 6155 ил; 6162 ил и др.].

лых работ пояс предохранял брюшные мышцы от растяжения [Греки 2004: 184].

Такой пояс есть и в коллекции МАЭ [МАЭ. Колл. № 7197–6]. Данный пояс был привезен из экспедиции 2001 г. в Приазовье. Местное название пояса *зунарь* (румейск.). Передала пояс в дар МАЭ В. И. Челпан в музее школы № 2 п.г.т. Ялта. Несколькоими годами раньше в школьный музей пояс передала пожилая гречанка Тертия Цивиль, местная жительница. Его соткали ориентировочно в 1870–1880-е гг. Пояс плотного тканья. Его цветовая гамма — чередование полос малинового, оливково-желтого, фиолетового, белого и розового цветов. Разноцветные полосы имеют горизонтальное решение вдоль длины пояса — это также является характерной особенностью мужских поясов греков Приазовья.

Из ремесел, которые развивали мариупольские греки, помимо обработки шерсти и выработки текстиля из нее, выделяется ювелирная обработка серебра и золота [АМАЭ: Новик 2001]. Греческие мастера изготавливали до XX в. серебряные пряжки *нафта* (румейск. и урумск., из тур. яз.) и накладки для женских поясов, являвшихся непременным атрибутом женского свадебного наряда. Такие пряжки, как правило, украшала орнаментика с растительными и солярными мотивами.

Повсеместно отмечаемый мариупольскими греками календарный праздник — *панаир* (румейск. и урумск.). В Приазовье *панаиры*, включающие шумное всеобщее веселье, приняли особые формы, и традиция их проведения не была утрачена даже в 1930-е гг., когда почти все сельские церкви были закрыты. На храмовые праздники собираются все жители села, приезжают родственники, друзья, земляки, живущие в других селах и городах. Особенностью *панаира* является то, что на него специально не приглашают — гости приходят и участвуют сами. В наши дни *панаиры* проводятся внутри церковной ограды. Так, в Старом Крыму в день св. Ильи-пророка 2 августа устанавливают длинные дощатые столы, скамейки [АМАЭ: Новик 2001]. Женщины приносят жареное и вареное мясо, кур, плов, пшеничную кашу, всевозможную выпечку и т.д. Прибывающие на *панаир* гости поочередно рассаживаются за столами, их угощают отвечающие за пиршество женщины-распорядительницы. Прежде непременным угощением на *панаир* было мясо быка, которого резали по этому поводу (данная традиция уходит корнями в балканские верования). Теперь данный обычай не соблюда-

ется. В пос. Ялта, расположенном на берегу Азовского моря, на *панаир* готовят запеченную рыбу.

В последние годы в Приазовье проводится также *мега юрты* (урумск.) — большой праздник-фестиваль, собирающий греков со всей Украины.

Важной составляющей общественных праздников являются состязания в силе и ловкости. Для сел мариупольских греков характерна борьба *курэши*, которая прочно увязывается большинством исследователей с тюркским влиянием. После завершения поединков часть зрителей отправляется на коллективную трапезу. Частым угощением на таких пиршествах являются запеченные голуби [АМАЭ: Новик 2006], которые символизируют выносливость и легкость в победе.

Традиционная кухня мариупольских греков продолжает сохранять свои особенности и отличается от кухни русских и украинцев [Новик 2005б: 342-360]. Кухня неразрывно связана с культурой жизнеобеспечения общества. Сохранение традиции приготовления и употребления пищи со времени переселения греков из Крыма весьма показательно. Многие блюда греческой кухни являются общими и для румеев, и для урумов. Практически нельзя найти греческие семьи, где бы не готовили национальные блюда. Однако, по свидетельству старейших жителей сел, некоторые блюда были утрачены за прошедшие годы. Другие же сохраняют удивительную устойчивость, и без них не обходится ни один праздник. Любому гостю здесь предложат *чир-чир* — традиционные чебуреки [Новик 2005а: 22-24]. Это любимое греческое блюдо. Несмотря на то, что оно широко распространено и у других народов, в Приазовье *чир-чир* традиционно считается блюдом греческой кухни. Во время праздника хозяйка может положить в один из *чир-чиров* монетку. Садясь за стол, домочадцы загадывают желание — кому попадет чебурек с монеткой, у того все обязательно сбудется.

Другим излюбленным блюдом греков является *шмуш* (другие названия: *турта*, *кубэте*) — слоеный пирог с начинкой из мяса и тертой тыквы или риса, либо же из риса и тыквы. Распространены у греков вареники с картошкой. В начинку кладут много лука. Края таких вареников фигурно обрезают. Местные жители уверены, что это блюдо — чисто греческое изобретение. К таким блюдам греки традиционно подают *арьян* — ряженку.

Среди местного населения греки-румеи считаются наилучшими поварами, особенно что касается приготовления горячих блюд и выпечки [Новик 2005а: 22-24; Новик 2005б: 342-360].

В фондах МАЭ хранится несколько предметов, относящихся к традиционной кухонной утвари греков-румеев [МАЭ. Колл. № 7219 – 2–4]. Это: деревянный пест [МАЭ. Колл. № 7219–2], деревянный пест для взбивания масла [МАЭ. Колл. № 7219–3] и скалка для раскатывания теста [МАЭ. Колл. № 7219–4]. Все названные предметы были привезены из экспедиции 2002 г. в с. Малоянисоль Володарского района Донецкой области.

Хранящийся в фондах МАЭ экземпляр скалки в этом плане очень показателен. Сделана скалка в с. Малоянисоль. Она была подарена Ириной Саравас, проживающей в с. Малоянисоль, после демонстрации ее использования. И. Саравас была многолетним информантом наших экспедиций¹⁵.

В коллекции МАЭ хранится весьма показательный предмет кухонной утвари греков — *халкон*, сосуд из меди [МАЭ. Колл. № 7198–1]. Данный медный сосуд типа казана для приготовления пищи относится к традиционной культуре понтийских греков — большой группе греческого населения, проживающего на территории современных России, Абхазии и Грузии (часть понтийских греков живет также в Казахстане, Узбекистане и в Крыму). Сосуд был подарен в декабре 2001 г. отделу европеистики Кунсткамеры по случаю устройства выставки, посвященной экспедиционным исследованиям МАЭ РАН в последние годы [Новик, Иванова 2001а; Новик, Иванова 2001б; Novik, Ivanova 2002; Иванова, Новик 2004: 151–156]. Дар сделан Ириной Геннадьевной Раевской, которая проводила полевые исследования среди понтийских (карских) греков в Карачаево-Черкесии. В июле 2001 г. в с. Спарта Адыге-Хабльского района Карачаево-Черкесской Республики информантка Ефимия Лазаревна Куимчева, 1925 г. р., передала в дар исследователю И. Г. Раевской данный медный сосуд *халкон*.

Данный предмет утвари понтийских греков исключительно интересен тем, что у мариупольских греков бытовала практически такая же посуда [МКМ. Фонды. № 525–МД]¹⁶. Кухонная утварь из меди имела

---

¹⁵ Во время экспедиций 2002 и 2003 гг. в доме Ирины и Дмитрия Саравасов несколько раз устраивалось показательное для участников полевой работы приготовление традиционных *чир-чиров*. Во время этих мастер-классов были записаны не только рецепты, технология и особенности кулинарии, но и зафиксированы поверья и правила этикета, связанные с приготовлением и поеданием данного блюда традиционной кухни.

¹⁶ Почти идентичный хранящемуся в МАЭ медный казан из фондов МКМ, изготовленный в конце XIX — начале XX вв., воспроизведен в: [Пономарьова

распространение в греческой румейской и урумской среде еще в период проживания в Крыму¹⁷. Главными центрами ее ремесленного производства являлись города Карасубазар и Бахчисарай [Заатов 2002: 221; Пономарьова 2006: 127]. Исследователями не раз высказывалось предположение, что в Крыму медная посуда изготавливалась в основном греками [Рославцева 2003: 263; Пономарьова 2006: 126], при этом подчеркивалось то, что такая посуда у татар и греков была похожа как по функциональной принадлежности, так и по форме. Из Крыма навыки и технологии производства медной посуды, равно как и бытовые установки по ее использованию, были привезены на новые места поселения в Приазовье. Также из Крыма была привезена и непосредственно сама медная посуда, некоторые образцы которой продолжали использоваться в быту до начала XX в. (здесь источником для исследования могут служить хранящиеся в фототеке РЭМ изображения) [РЭМ. Фототека. Колл. 4929, №№ 27-29].

Медная посуда у мариупольских греков выполняла различные функции: в ней повседневно готовили обычные блюда, ее использовали по большим праздникам, она была необходима при приготовлении ритуальных блюд, в ней носили воду, могли хранить продукты и т. д.¹⁸

Похожие образцы медной посуды бытовали и в Малой Азии. В монографии И. С. Пономаревой приводятся рисунки металлической посуды, бытовавшей среди мариупольских греков [Пономарьова 2006: 127] и высказывается предположение, что до одной трети видов такой посуды повторяют малоазийские образцы. Эти факты могут помочь в дальнейших исследованиях истории греческого населения Приазовья и Причерноморья¹⁹.

Похожая утварь наблюдалась и у понтийских греков. Мы можем предположить, что вектор распространения подобной медной посуды,

---

2006: 127]. Важная деталь, что даже дужки для крепления ручки имеют похожую на голову птицы (или змеи) форму.

¹⁷ О посуде у народов Крыма см.: [Тюркские народы 2003: 104-105; 263-266; 391].

¹⁸ В фундаментальном исследовании И. С. Пономаревой [Пономарьова 2006] приводится обширная цитата из А. Анторинова, описавшего в 1874 г. формы и функции различных предметов кухонной утвари из красной меди среди греков. См.: [Анторинов 1874: 45. Цит. по: Пономарьова 2006: 126].

¹⁹ В научных исследованиях до настоящего времени ведутся споры о происхождении румеев и урумов. Ряд исследователей (Ю. В. Иванова и др.) считали возможным рассматривать как перспективную и многообещающую гипотезу переселения урумского населения из Малой Азии в Крым.

равно как и ее типы и формы, шел из Малой Азии. Ареал ее распространения, включая Анатолию, Крым и Кавказ, говорит о широких экономических и культурных (в плане бытовых установок, стереотипов и предпочтений) связях, объединявших это обширное пространство. Возможно, что именно фактор происхождения из одного ареала объясняет бытование практически одинаковых предметов быта и утвари у групп греческого населения, живущего на значительном удалении друг от друга.

В коллекции МАЭ хранится также несколько других предметов, характеризующих бытовой уклад жизни. Среди них выделяется деревянное корыто, привезенное из экспедиции 2001 г. [МАЭ. Колл. № 7197–17]. Местное румейское название *лакана*. *Лакана* — по-румейски вообще «корыто». У греков Приазовья бытовало и *змариго лакана* — корыто для замеса теста (информация И. А. Папуша) [АМАЭ: Новик 2001]²⁰.

3. Выводы и перспективы

Для фиксации состояния традиционной культуры греков Приазовья МАЭ совместно с СПбГУ регулярно организывает научные экспедиции, из которых привозится разнообразный полевой материал, а также предметы народной культуры, пополняющие фонды старейшего музея России.

Большинство вещей, собранных в Донецкой области, были представлены на выставке «Далекое — близкое. Новые европейские экспедиции Кунсткамеры», проходившей в декабре 2001 — феврале 2002 г. [Новик, Иванова 2001а; Иванова, Новик 2004]. Эта выставка вызвала значительный интерес у посетителей музея и нашла отклик в прессе [Новик, Иванова 2001б: 6; Мишин 2002; Novik, Ivanova 2002]. В дальнейшем о греческом культурном наследии в Санкт-Петербурге, включая, безусловно, и коллекции по мариупольским грекам в собрании МАЭ, вышел в свет ряд публикаций [Novik 2003; Novik 2004; Отдел

---

²⁰ В монографии И. С. Пономаревой фиксируется просто термин *лакана* для корыта, в котором месили тесто (из греч. *η λεκάνη* ‘таз, миска’), записанный в румейском с. Чермалык. Также приводится значительное количество румейских и урумских терминов, обозначающих емкости для замеса теста и стирки [Пономарьова 2006: 128-129]. Возможно, при фиксации полевого материала исследователям не всегда удается записать синонимический ряд терминов с учетом и прилагательных, т. к. опросники зачастую сводятся к регистрации основного термина в том или ином пункте.

европеистики 2004: 170, 173; Department of Europe 2004: 170, 173; Отдел европеистики 2009; Department of Europe 2009].

Самобытная культура греков Приазовья таит в себе еще много неисследованного и представляет обширное поле для изучения. Смежные области лингвистических и этнологических знаний, предмет относительно новой дисциплины этнолингвистики, могут найти здесь богатейший материал [Новик 2002: 164-166; Перехвальская 2002: 178-184].

В МАЭ хранятся предметные коллекции, аудио- и фотоматериалы из экспедиций в греческие поселения Приазовья. Их грамотное использование для изучения этнической истории греков может принести в дальнейшем важные результаты. Архивация полевых материалов в комплексе с хранением и обработкой фотографий и аудиозаписей должны вестись параллельно с изучением коллекций предметов традиционной культуры на должном уровне [Новик, Ушаков 2008: 156-164]. Музей — это не хранилище раритетов (хотя в этом его одна из основных задач), а еще и важнейшая научная лаборатория, которая всегда должна быть готова к экспериментам и поиску.

Источники

- АМАЭ: Новик 2001 — А. А. Новик. Греческое население в украинских селах Приазовья (район Мариуполя). Полевые записи. Ксерокопия. 2001. Архив МАЭ РАН. К-1, оп. 2. № 1745. 93 л.
- АМАЭ: Новик 2002а — А. А. Новик. О традиционной культуре греков Приазовья. Донецкая область. Полевые записи. Ксерокопия с автографа. 2002. Архив МАЭ РАН. К-1, оп. 2. № 1749. 68 л.
- АМАЭ: Новик 2002б — А. А. Новик. Об албанцах Украины. Г. Мелитополь — с. Георгиевка — г. Одесса. Полевые записи. Ксерокопия с автографа. 2002. Архив МАЭ РАН. К-1, оп. 2. № 1750. 104 л.
- АМАЭ: Новик 2005 — А. А. Новик. Об экспедиционной поездке в г. Мелитополь, с. Георгиевка, г. Одессу. Копия дневника. Автограф. 2005. Архив МАЭ РАН. Ф. К-1, оп. 2, № 1796. 83 л.
- АМАЭ: Новик 2006 — А. А. Новик. Изучение традиционной культуры урумов, албанцев. Приазовье. Полевые записи. Копия. Автограф. 2006. Архив МАЭ РАН. К-1, оп. 2. № 1805. 49 л.
- АМАЭ: Новик 2009а — А. А. Новик. Традиционная праздничная культура немцев. (Франкония (Бавария) — Гессен). Полевой дневник. Ксерокопия тетради. 2009. Архив МАЭ РАН. К-1, оп. 2. № 1930. 98 л.
- АМАЭ: Новик 2009б — А. А. Новик. Отчет об экспедиционных исследованиях в Германии. Принтерный вывод. 2009. Архив МАЭ РАН. К-1, оп. 2. № 1931. 10 л.

- АМАЭ: Новик 2009в — А. А. Новик. Традиционная культура греков, албанцев и черногорцев в Албании. Полевые записи. Ксерокопия тетради. 2009. Архив МАЭ РАН. К-1, оп. 2. № 1940. 76 л.
- АМАЭ: Новик 2009г — А. А. Новик. Отчет об экспедиционных исследованиях в Албании в августе 2009 года. Принтерный вывод. 2009. Архив МАЭ РАН. К-1, оп. 2. № 1941. 10 л.

Библиография:

- Анторинов 1874 — Ак. Анторинов. Домашний быт мариупольских греков // ИОЛЕАЭ. Т. 13. Вып. 1. Труды этнографического отдела. Кн. 3. Вып. 1. 1874. С. 44–47.
- Араджиони 1999 — М. А. Араджиони. Греки Крыма и Приазовья: история изучения и историография этнической истории и культуры (80-е гг. XVII в. — 90-е гг. XX в.). Симферополь: Издательский дом «Амена», 1999.
- Воронина, Новик 2005 — И. И. Воронина, А. А. Новик. Западная мода на западе Балкан в языке и культуре. Этнокультурный аспект // Балканские чтения–8: В поисках «западного» на Балканах. Предварительные материалы. 22–24 ноября 2005, Москва / Составители И. А. Седакова, Т. В. Цивьян. М.: Институт славяноведения РАН, 2005. С. 145–152.
- Греки России и Украины / Сост., отв. редактор Ю. В. Иванова. СПб.: Алетей, 2004.
- Гущян 2010 — Л. С. Гущян. Репрезентация истории и культуры греков Приазовья музеями Донецкой области // Этнографическое Обозрение 4, 2010. С. 51–59.
- Заатов 2002 — І. Заатов. Кримськотатарське образотворче і декоративно-прикладне мистецтво ХХ с. Сімферополь: Доля, 2002.
- Иванова, Новик 2004 — Ю. Вал. Иванова, А. А. Новик. «Далекое — близкое» (европейские экспедиции сотрудников Кунсткамеры) — новый этап в деятельности Отдела европеистики МАЭ // Курьер Петровской Кунсткамеры, 10–11. СПб.: МАЭ РАН, 2004. С. 151–156.
- Лингвистическая и этнокультурная ситуация в греческих селах Приазовья. По материалам экспедиций 2001–2004 годов / Отв. редактор М.Л. Кисилиер. СПб.: Алетей, 2009.
- Мишин 2002 — А. Мишин. Далекое — близкое. Новые европейские экспедиции Кунсткамеры // Петербург-экспресс. 2.02.2002.
- Наулко 1998 — В. І. Наулко. Хто і відколи живе в Україні. Київ: Голов. спеціаліз. ред. літ. мовами нац. меншин України, 1998.
- Новик 2002 — А. А. Новик. Традиционная культура мариупольских греков. Предварительные итоги экспедиции 2001 г. // Материалы конференции, посвященной 90-летию со дня рождения члена-корреспондента РАН А. В. Десницкой / Отв. ред. член-корр. РАН Н. Н. Казанский. СПб.: Наука, 2002. С. 164–166.

- Новик 2005а – А. А. Новик. Сохранение традиционной кухни в греческих поселениях Приазовья. По итогам экспедиций 2001-2003 гг. // XXXIII Международная филологическая конференция. Санкт-Петербург, 2-20 марта 2004 г. Выпуск 26: Балканские исследования. Часть 2 / Отв. редактор А. Ю. Русаков. СПб.: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2005. С. 22–24.
- Новик 2005б — А. А. Новик. Традиционная культура и традиционная кухня мариупольских греков. Материалы экспедиций СПбГУ 2001-2004 гг. // Проблемы славяноведения. Сборник научных статей и материалов. Выпуск 7 / Отв. редактор С. И. Михальченко. Брянск: Издательство Брянского государственного университета, 2005. С. 342–360.
- Новик 2007 — А. А. Новик. Греки // Большая Российская энциклопедия: В 30 т. / Председатель Науч.-ред. совета Ю. С. Осипов. Отв. редактор С. Л. Кравец. Т. 7. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2007. С. 665–667.
- Новик 2009 — А. А. Новик. Каракачаны // Большая Российская энциклопедия: В 30 т. / Председатель Науч.-ред. совета Ю. С. Осипов. Отв. редактор С. Л. Кравец. Т. 13. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2009. С. 71.
- Новик 2011 — А. А. Новик. Греческие коллекции в собрании МАЭ – источник по традиционной культуре мариупольских греков // Культурное наследие народов Европы. (Сборник МАЭ. Т. LVII.) / Отв. редактор А. А. Новик. – СПб.: Наука, 2011. С. 243–287.
- Новик А. А. Заселение греками Приазовья // Greek.ru. Греция. Кипр. Почти все о греческом на русском // http://www.greek.ru/culture/grekrus/history/index3-1.php?phrase_id=482254&print=Y
- Новик 2012 — А. А. Новик. Мариупольские греки // Большая Российская энциклопедия: В 30 т. / Отв. редактор С. Л. Кравец. Т. 19. М.: Большая Российская энциклопедия, 2012. С. 135–136.
- Новик, Иванова 2001а – А. А. Новик, Ю. В. Иванова. Далекое близкое: Новые европейские экспедиции Кунсткамеры. Буклет. СПб., 2001. 4 стр.
- Новик, Иванова 2001б – А. А. Новик, Ю. В. Иванова. «Далекое – близкое» в Кунсткамере // Все музеи Северо-Запада России. №№ 11-12-2001. С. 6.
- Новик, Перехвальская 2001 — А. А. Новик, Е. В. Перехвальская. Ялтинские встречи // Сельская новь. Першотравневая районная газета. [Мангуш]. № 65 (8369). 15.08.2001.
- Новик, Перехвальская 2002 — А. А. Новик, Е. В. Перехвальская. Этнолингвистическое изучение Приазовья. Экспедиция к мариупольским грекам 2001 г. // Проблемы славяноведения. Сборник научных статей и материалов. Выпуск 4. / Отв. редактор С. И. Михальченко. Брянск: Издательство Брянского государственного университета, 2002. С. 355–366.
- Новик, Перехвальская 2003 — А. А. Новик, Е. В. Перехвальская. Этнолингвистическая ситуация в поселениях мариупольских греков: по итогам экспедиций 2001-03 гг. // Південний архів. Філологічні науки: Збірник наукових праць. Випуск XXII. Херсон: Видавництво ХДУ, 2003. С. 22–31.

- Новик, Перехвальская 2004a — А. А. Новик, Е. В. Перехвальская. К вопросу изучения истории и культуры урумов Приазовья // Мавродинские чтения. 2004. Актуальные проблемы историографии и исторической науки: Материалы юбилейной конференции, посвященной 70-летию исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета / Под ред. А. Ю. Дворниченко. СПб.: Издательство СПбГУ, 2004. С. 267–269.
- Новик, Перехвальская 2004b — А. А. Новик, Е. В. Перехвальская. Урумы Приазовья (очерк современной ситуации) // Проблемы славяноведения. Сборник научных статей и материалов. Выпуск 6 / Отв. редактор С. И. Михальченко. Брянск: Издательство Брянского государственного университета, 2004. С. 290–295.
- Новик, Ушаков 2008 — А. А. Новик, Н. В. Ушаков. Полевой этнографический источник и вопросы его архивации и музейной регистрации, опыт МАЭ РАН // Вторая Югорская полевая музейная биеннале: сборник докладов и сообщений научно-практической конференции «Роль полевых исследований в сохранении исторического и культурного наследия Югры» / Отв. редактор С. В. Лазарева. Ханты-Мансийск: Музей Природы и Человека, Полиграфист, 2008. С. 156–164.
- Отдел европеистики // Кунсткамера. 290 лет. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. История. Коллекции. Исследования / Авторы: Ю. К. Чистов, Е. А. Резван, Ю. А. Купина, Е. А. Михайлова. СПб.: МАЭ РАН, 2004. С. 165–178.
- Отдел европеистики // Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого Кунсткамера. 295 лет. История, исследования, коллекции / Авторы: Ю. К. Чистов, Е. А. Резван, Ю. А. Купина, Е. А. Михайлова. СПб.: МАЭ РАН; Петроний, 2009. С. 152–165.
- Перехвальская 2002 — Е. В. Перехвальская. Приазовские греки (очерк социолингвистической ситуации) // Материалы конференции, посвященной 90-летию со дня рождения члена-корреспондента РАН А.В. Десницкой / Н. Н. Казанский (ред.). СПб.: Наука, 2002. С. 178–184.
- Перехвальская, Новик, Борисова 2002 — Е. В. Перехвальская, А. А. Новик, А. Борисова. Малоянисольские встречи. Кальмерас акервмас! // Заря Приазовья. Володарская газета. [г. Володарское]. № 96 (10885). 20.07.2002.
- Пономарьова 2006 — І. С. Пономарьова. Етнічна історія греків Приазов'я (кінець ХVІІІ — початок ХХІ ст.). Історико-етнографічне дослідження. Київ: Реферат, 2006.
- Рославцева 2003 — Л. И. Рославцева. Материальная культура // Тюркские народы Крыма: Караимы. Крымские татары. Крымчаки / С. Я. Козлов, Л. В. Чижова (ред.). М.: Наука, 2003. С. 221–285.
- Сластникова 2010 — Л. Сластникова. Бить в вышивках народов Крыма // Ювелирное искусство и материальная культура: тезисы докладов участников восемнадцатого коллоквиума (19-23 апреля 2010) / Сост. Н.А. Захарова. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2010. С. 78–80.

- Смолина 2008 — М. Смолина. Урумский язык. Урум дили (приазовский вариант). Учебное пособие для начинающих с аудиоприложением / Редактор урумских текстов В. Киор. Киев: БЛАНК-ПРЕСС, 2008. 168 с. – Аудио-приложение.
- Козлов, Чижова 2003 — Тюркские народы Крыма: Караимы. Крымские татары. Крымчаки / С. Я. Козлов, Л. В. Чижова (ред.). М.: Наука, 2003. 459 с.
- Chistov et al. 2004 — Yu. K. Chistov, E. A. Rezvan, Yu. A. Kupina, E. A. Mikhailova. Department of Europe // Kunstkamera Museum. 290 years. Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera). Russian Academy of Sciences. History. Collections. Studies. St. Petersburg: MAE, 2004. P. 165–178.
- Chistov et al. 2009 — Yu. K. Chistov, E. A. Rezvan, Yu. A. Kupina, E. A. Mikhailova. Department of Europe // Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography. The Kunstkamera. 295th anniversary. History, Collections, Research. St. Petersburg: MAE RAS; Petronivis Publishing, 2009. P. 152–165.
- Gjergji 2001 — A. Gjergji. Veshjet shqiptare në shekuj. Origjina. Tipologjia. Zhvillimi. Tiranë, 1988.
- Novik 2001 — A. Novik. Europe // Treasures of the Kunstkamera. A guide to the photo-illustrative collections. St. Petersburg, 2001. P. 8–11.
- Novik 2003 — A. Novik. Greek Eros in St. Petersburg. 300-Anniversary of the Russian Northern Capital // 1ο Διεθνές συμποσιο «Ο Έρωτας στην Αρχαία Ελλάδα». 19-21 Σεπτεμβρίου. Ευρωπαϊκό Πολιτιστικό Κέντρο Δελφών. Δελφοί: Ίδρυμα πολιτισμου και εκπαιδενσης “Ανδρεας Λεντακης”, 2003. Σ. 43–44.
- Novik 2004 — A. Novik. Greek Eros in St. Petersburg. 300-anniversary of the Russian Northern Capital // 1ο Διεθνές Συμποσιο Δελφων. 19-21 Σεπτεμβρίου 2003. «Ο Έρωτας στην Αρχαία Ελλάδα». Πρακτικά Συμποσίου // Αθήνα: Ίδρυμα Πολιτισμου και Εκπαιδενσης «Ανδρεας Λεντακης», 2004. Σ. 105–108.
- Novik, Ivanova 2002 — A. Novik, Ju. Ivanova. Das Vergangene und das Nahe. Forschungsreisen der Kunstammer // St. Petersburgische Zeitung. № 02 (111). 2002.

А. Ю. Русаков

ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ О ВЫРАЖЕНИИ ВНЕШНЕГО ПОСЕССОРА В ЦЫГАНСКИХ ДИАЛЕКТАХ¹

Дорогой Лене в память о Вырице 1984 года

1. Введение

1. Цель и материал

Целью статьи является кратко проанализировать конструкцию с внешним посессором (ВП) в цыганских диалектах, в основном, в диалектах, распространенных на Балканах, и попытаться установить роль и характер контактных влияний в развитии этой конструкции.

Основным источником материала является «Морфосинтаксическая база по цыганскому языку (Romani Morphosyntax Database, далее — RMS), результат исследовательского проекта, проводящегося в течение многих лет в университете Манчестера (руководители Я. Матрас и В. Элшик, <http://romani.humanities.manchester.ac.uk/rms/>). К моменту написания статьи в сегменте этой базы данных, находящемся в свободном доступе, имелось 118 ответов (репрезентирующих различные цыганские диалекты) на подробную лингвистическую анкету, содержащую около 1100 фразовых примеров и освещающую основные аспекты цыганской фонетики и морфологии.

Приведу предложения из анкеты, в которых содержатся потенциальная возможность употребления предложений с внешним посессором:

511 — One boy's shirt was torn.

865 — She combs her daughter's hair.

874 — His belly hurts and he vomits.

886 — When the child's teeth grow, the gums swell.

982 — My nose hurts.

983 — My ears became red and hurt in the cold wind.

984 — My knees hurt.

---

¹ В проспекте, предлагавшемся потенциальным участникам этого замечательного сборника, содержался впечатляющий перечень языков, являвшихся объектом исследовательского интереса нашего юбиляра. Среди них почему-то не упоминается цыганский — язык, которым Е. В. активно занималась в 1984–1986 годах. Данная статья — попытка исправить эту несправедливость.

В предложении (865) именная фраза, которая соответствует обладаемому и может подвергнуться потенциальному расщеплению, занимает позицию прямого объекта, во всех остальных предложениях — позицию субъекта.

Необходимо отметить некоторые особенности материала RMS, затрудняющие адекватную интерпретацию материала. К таким особенностям можно отнести, во-первых, неровное покрытие анкетами цыганского диалектного ландшафта; во-вторых, различный уровень качества полевой работы; в-третьих, — и это, пожалуй, самое важное для данного исследования — материалы RMS неравномерно охватывают разные потенциально возможные типы конструкции с ВП. Тем не менее, создание RMS явилось чрезвычайно важным шагом, принципиально обогатившим доступный исследователю материал по цыганскому языку.

Дополнительным источником материала явились вопросы на специальную анкету, составленную мною и собранную по моей просьбе К. А. Кожановым² в сентябре 2013 г. Информантами были два носителя котлярского (кэлдэрарского) диалекта, один принадлежащий к роду *йо-нешти*, а другой — к роду *молдовая*.

2.2. Необходимые грамматические сведения

Цыганский язык³ демонстрирует предикативную посессивную конструкцию (ППК) локативного типа (см. [Stassen 2009]), при этом посессор выражен аккузативом:

- (1) *hi man duj phrál-a*
 есть.3.PRS я.ACC два брат-NOM.M.PL

‘У меня есть два брата’ (диалект центральный Румунгро, Словакия, RMS).

В некоторых диалектах аккузатив в позиции посессора заменяется на датив, локатив или предложную группу или сосуществует с ними.

ППК с глаголом обладания чрезвычайно редки. В RMS мы имеем только шесть (из 118!) пунктов, демонстрирующих подобную конструк-

² Приношу К. А. Кожанову глубокую благодарность за эту высококачественную лингвистическую работу.

³ Под *цыганским языком* здесь и в дальнейшем я понимаю совокупность цыганских диалектов Европы, под *общецыганским состоянием* — некое условное состояние, реконструируемое на основе сравнения цыганских диалектов Европы и примерно соответствующее состоянию цыганского языка перед началом дисперсии цыган в Европе (XIII–XIV вв.), ср. подобное понимание в [Matras 2002].

цию (из них четыре репрезентируют цыганские диалекты Греции). Таким образом, в этом отношении цыганские диалекты отличаются как от балканских языков, так и от языков европейского стандарта (SAE).

Атрибутивная possessивная конструкция выражается генитивной формой. Генитив в цыганских диалектах представляет собой пример так называемого двойного падежного маркирования (или *Suffixaufnahme*), т. е. падежную форму не только зависимую от вершинной ИГ (обладаемого), но и согласуемую с ней в роде, числе и падеже:

- (2) *dad-es-ker-o čhav-o* отец-OBL.M.SG-GEN-NOM.M.SG сын-NOM.M.SG ‘сын отца’
dad-es-ker-i čhaj отец-OBL.M.SG-GEN-NOM.F.SG дочь-NOM.F.SG ‘дочь отца’
dad-es-ker-e čhav-es отец-OBL.M.SG-GEN-OBL сын-OBL.M.SG ‘сына (акк.) отца’
dad-es-ker-e čhav-e отец-OBL.M.SG-GEN-NOM.PL сын-NOM.M.PL ‘сыновья отца’.

2. Цыганская конструкция с ВП [Crevels & Bakker 2000]

Впервые к проблематике выражения внешнего possessора в цыганских диалектах обратились М. Крэвэлс и П. Баккер в своей пионерской статье 2000 г. [Crevels, Bakker 2000], одной из первых работ, в которой ставилась задача выяснить, как выражается определенное явление во всей совокупности цыганских диалектов.

Основные результаты авторов отражены в Таблице 1

Таблица 1. ВП в цыганских диалектах [Crevels, Bakker 2000: 177]

	Location	Dialect	EP	Case Form
1	Wales	Welsh Romani	-	
2	Finland	Finnish Romani	-	
3	Latvia, western	Čuchnú Romani	-	
4	Latvia	Latvian Romani	+	DAT
5	Estonia	Laiuse	?	
6	Turkey, western	Sepečides	+	ACC
7	Rumelia	Paspatian	-	
8	China ⁴	Harbin	+	LOC
9	Russia, Moscow	Russian Romani	+	LOC

⁴ Харбинские цыгане представляли собой в основном выходцев из России.

	Location	Dialect	EP	Case Form
10	Russia, Moscow	Moscow Kalderaš	+	ACC
11	Ukraine	Ukrainian Romani	+	LOC
12	Czechia	Bohemian Romani	+	DAT
13	Slovakia & Czechia	Slovak Romani	+	ACC
14	Hungary	Cerhari	-	
15	Austria, Burgenland	Roman	+	DAT
16	Austria	Austrian Sinti	-	
17	Germany	Gadžkane Sinti	-	
18	France, southeastern	Piedmontese Sinti	+	ACC, double
19	Italy, Calabria	Romanes Calabresi	+	DAT?
20	Italy, south-central	Abruzzi Romani	+	DAT?
21	Bulgaria	Drindari	+	DAT, double
22	Bulgaria	Erli	+	ACC, double
23	Bulgaria	Xoraxane	+	ACC, double
24	Yugoslavia/Holland	Lovari	-	
25	Yugoslavia, Kosovo	Terzi Mahalla	-	
26	Yugoslavia, Kosovo	Burgudži	+	DAT
27	Macedonia, Skopje	Arli	+	ACC, double
28	Russia/Argentina	Russian Kalderaš	+	ACC

Основные выводы, сделанные авторами можно, свести к следующим:

1. цыганские диалекты не разделяют в отношении ВП ареального распределения, которое мы находим в европейских языках [Crevels, Bakker 2000: 180-182]:

— в 9 из 28 проанализированных диалектов конструкция с ВП отсутствует;

— во многих диалектах ВП выражен аккузативом или локативом;

— в ряде диалектов засвидетельствована так называемая «двойная конструкция» (одновременное наличие внутреннего и внешнего посесора), в целом чуждая европейским языкам:

(3) *mo nakh dukhala ta*

мой нос болит я.ACC

‘Мой нос болит’ (диалект мечкари, Албания, RMS).

2. Дистрибуция конструкций с ВП в цыганских диалектах «не коррелирует с диалектным членением цыганского» [Crevels, Bakker 2000: 178].

3. Во многих случаях цыганские диалекты отличаются в трактовке ВП от языков своего непосредственного окружения [Crevels, Bakker 2000: 180].

За годы, прошедшие со времени написания статьи М. Крэвэлс и П. Баккера, документация цыганских диалектов существенным образом увеличилась, поэтому представляется интересным сравнить их данные с данными RMS⁵.

3. Данные RMS: общие соображения

Анализ материала, доступного в RMS, позволяет высказать следующие соображения⁶.

1. Обращает на себя внимание сравнительно малое количество диалектов⁷, не использующих конструкцию с ВП хотя бы в одной из фраз — всего немногим более 10 из 118 (иногда не представляется возможным определить, имеем ли мы дело с конструкцией с внутренним или внешним посессором, см. ниже)⁸, ср 9 диалектов из 28 в выборке М. Крэвэлс и П. Баккера.

2. Определенные ареальные закономерности наблюдаются в распределении диалектов, в которых отсутствуют или крайне ослаблены конструкции с ВП: большинство таких диалектов распространены в зонах контакта с болгарским, румынским и финским.

3. Ареальный фактор играет более сильную роль, чем диалектное членение цыганских диалектов. Так, к примеру, цыганские диалекты в Болгарии демонстрируют отсутствие конструкций с ВП, хотя некоторые из них принадлежат к влашской, а другие к южно-балканской 1 и южно-балканской 2 диалектным группам.

4. Наблюдается высокий уровень морфологической вариативности в кодировании ВП: аккузатив, локатив, датив, а также предложные конструкции.⁹

---

⁵ Надо отметить также, что Крэвэлс и Баккер не всегда различают конструкции с ВП разного синтаксического устройства, что понижает надежность их интерпретаций.

⁶ К сожалению, причины, связанные с объемом и форматом данной статьи, не позволяют привести здесь в достаточном объеме материал, содержащийся в манчестерской базе данных.

⁷ Для простоты анализа я рассматриваю каждую анкету RMS, как представляющую особый диалект, не рассматривая вопрос об отношениях этих разновидностей цыганского друг к другу.

⁸ Пять «болгарских» диалектов RMS, пять «финских», два «греческих» и один «румынский». Следует отметить, что точность подсчетов снижается в данном случае также из-за того, что в четырех диалектах (двух «финских», одном «греческом» и одном «румынском») представлены не все релевантные фразы анкеты.

⁹ О распределении этих падежных форм в некоторых диалектах см. ниже.

5. Дистрибуция конструкций с ВП в цыганских диалектах хорошо отражает известные типологические иерархии, сформулированные на основании изучения подобных конструкций в языках мира (ситуативную иерархию, иерархию одушевленности, иерархию характера посесивных отношений и др., см. [Haspelmath 1999; Кибрик 2003]).

3. Конструкции с ВП в цыганских диалектах в контактном контексте

Данные RMS демонстрируют достаточно сильный параллелизм между базовой ППК и конструкцией с ВП, в которой расщепляющаяся именная группа занимает позицию субъекта:

(4) *hi man duj phrál-a*
 быть.3.PRS я.ACC два брат-NOM.M.PL.
 ‘У меня два брата’

(5) *dukhal man o nakh*
 болит я.ACC ART нос:NOM.M.SG
 ‘У меня болит нос’ (диалект центральный Румунгро, Словакия, RMS).

С исторической точки зрения развития цыганской ППК представляет собой движение от генитивной ППК (типичной для некоторых новоиндийских языков) к локативной ППК (см. [Stassen 2009]).

Форма цыганского аккумулятива (тождественная основе косвенных падежей) исторически происходит из старой генитивной формы. Замена в ППК аккумулятивной формы на локативную, дативную или предложную конструкцию для выражения посессора, характерная для ряда цыганских диалектов, делает локативный характер цыганской ППК более эксплицитно выраженным.

Хорошо известно, что европейские языки с локативными ППК (финно-угорские, кельтские, русский) также демонстрируют параллелизм — полный или частичный — между ППК и конструкцией с ВП (см., например, [König & Haspelmath 1997]). Этот параллелизм указывает на определенную семантическую близость, существующую между этими двумя конструкциями (см. семантическую карту в [Haspelmath 1999: 126]).

В связи с цыганской конструкцией с ВП возникают два вопроса:

— имеет ли эта конструкция общецыганский характер и, если да, возникла ли она под контактном влиянием?

— какого рода контактное влияние можем мы предположить для последующего развития конструкции с ВП в различных цыганских диалектах?

Мы не можем с уверенностью ответить на первый вопрос, однако низкий уровень развития конструкций с ВП в тех диалектах, которые контактируют с балканскими языками, включая греческий (то есть, с языками, которые до известной степени обладают конструкциями с ВП) не позволяет нам быть уверенными ни в том, что цыганский язык появился на Балканах, обладая конструкцией с ВП, а затем ее потерял (в некоторых из своих диалектов), ни в том, что эта конструкция возникла на Балканах в качестве общецыганского явления. Необходимо отметить также, что конструкции с ВП не фиксируются в (других) новых индоарийских языках (см. [Haspelmath 1999: 129]).

Что касается второго вопроса, то, как представляется, данные RMS позволяют выделить три больших ареала с точки зрения того, как в них выражаются конструкции с ВП. Это «восточнославянский ареал», «SAE ареал» и «балканский ареал».

«Восточно-славянский ареал». Мы имеем тут «расщепление» конструкций с ВП, подобное русскому. Конструкции, где группа обладаемого занимает позицию субъекта (типа *My nose hurts*), выражают посессор локативной формой, конструкции с группой обладаемого в прямо-объектной позиции (типа *She combs her daughter's hair*) характеризуются дативным посессором (реально расщепление в русском языке имеет более сложный характер, см. [Podlesskaya & Rakhilina 1999]).

По всей видимости, интерференционным механизмом, действующим в этом случае является поверхностное синтаксическое калькирование, см. в севернорусском цыганском диалекте (RMS):

(6) *jej rozgandel o bal-a*
 она расчесывает ART волосы
pes-kir-i ča-ke
 REFL.OBL-GEN-OBL.F.SG дочь:OBL.F.SG-DAT
 'Она расчесывает своей дочери волосы'.

(7) *man-de dukxan o čang-a*
 я.OBL-LOC болит ART зуб-NOM.M.PL
 'У меня болят зубы'.

Второй ареал составляют цыганские диалекты, контактирующие с SAE языками (чешским, словацким, латышским и др.). В этих диалектах форма датива регулярно используется в конструкциях с группой обладаемого в объектной позиции, а в «субъектной конструкции наблюдает-

ся конкуренция между аккузативными и дативными формами.¹⁰ Механизмы контактного влияния, по всей видимости, такие же как и в первом ареале. Отметим однако, что ППК показывает здесь достаточно высокий уровень сопротивляемости контактному воздействию: конструкции с глаголом обладания, типичные для окружающих языков практически не появляются.

В третьем, «балканском» ареале, диалекты, обладающие конструкциями с ВП также проводят определенное различие между двумя основными синтаксическими типами этих конструкций.

Положение усложняется двумя дополнительными моментами:

— наличием в этих диалектах «двойной конструкции» (ДК)¹¹ типа *to nakh man dukhala* ‘у меня болит (мой) нос’, и

— синкретизмом датива и генитива в балканских языках.

Возникновение ДК может быть объяснено несколькими, в сущности не противоречащими друг другу способами.

Предлагалось *диахроническое* объяснение этого явления: это «переходное явление от конструкций с внутренним посессором к конструкциям с ВП» [Crevels & Bakker 2000: 181]. Это объяснение достаточно правдоподобно, однако его трудно как подтвердить, так и опровергнуть.

Возникновение ДК можно объяснить *синтаксически*: внутренний и внешний посессор занимают две различные синтаксические позиции, ВП — позицию бенефактива-малефактива, а внутренний — собственно посессора (см. [Cinque, Krapova 2008; Krapova 2009], с несколько иных позиций [Sobolev 2011]). Возникает, однако, вопрос, почему в таком случае подобные конструкции запрещены или крайне редки в других языках?

Наконец, может быть предложено *прагматическое* объяснение. Природа ДК может быть связана с топиализацией посессора.

Отмечалось, что, в отличие от других балканских языков, цыганские диалекты, распространенные на Балканах, не демонстрируют граммати-

---

¹⁰ На распределение форм в данном случае может влиять особенности управления отдельных глаголов, в частности, аккузативное управление глагола ‘болеть’ в некоторых славянских языках (благодарю за ценные советы по этой части работы Илью Сержанта).

¹¹ ДК фиксируется в 5 из 14 «болгарских» диалектов RMS, в одном из четырех «греческих», в одном из трех «молдавских», в 4 из 6 «македонских», в 8 из 19 «румынских», в 4 из 13 «югославских» (собственно, «сербских», «черногорских» и «косовских»), а также в единственном «албанском» пункте RMS.

кализованного удвоения объекта. В цыганских диалектах удвоение мотивированно лишь прагматически (см. [Friedman 2001] и др.).

Такое прагматическое удвоение в высшей степени характерно и для ППК в цыганских диалектах, распространенных на Балканах:

- (8) *oj*   *si*   *la*   *hral*
она.NOM.SG   быть.3SG   она.ACC.SG   брат:NOM.M.SG
'У нее есть брат' (калайджи, Болгария, RMS).

Возникновение удвоения в ППК можно рассматривать как часть движения в сторону «топикально-локативной» ППК (см. [Stassen 2009]).

Несмотря на некоторые сложности, связанные, прежде всего, с порядком слов, подобное развитие можно предположить и для конструкции с ВП «субъектного типа». Развитие ДК может быть облегчено также наличием сходной конструкции (хотя, по всей видимости, и достаточно редкой) в болгарском (см. [Кророва 2009: 128-129]).

Если принять это объяснение, то окажется, что предметом «заимствования» является определенный прагматический механизм, по-разному реализующийся в различных синтаксических контекстах (о прагматических контактных явлениях см. [Matras 2009, Friedman 2001] и др.).

Другой проблемой, связанной с особенностью функционирования конструкций с ВП в цыганских диалектах, распространенных на Балканах, является, как было сказано выше, проблема *синкретизма датива и генитива* в балканских языках. Согласно традиционной точки зрения, несмотря на этот синкретизм, балканские языки демонстрируют конструкции с ВП «нормального» SAE типа [Haspelmath 2009].

Однако отмечалось, что использование внешне идентичных конструкций для выражения функций possessора и непрямого объекта в румынском, болгарском и греческом, с одной стороны, и проникновение дативных местоименных клитик в possessивную сферу в этих же языках, с другой стороны, приводят к определенной синтаксической двусмысленности (см. [König & Haspelmath 1997: 555]).

В своих недавних работах И. Крапова показала, что в балканских языках (особенно, в болгарском и румынском) некоторые из конструкций, являющихся кандидатами на статус конструкций с ВП, на деле допускают амбивалентную синтаксическую трактовку и могут быть интерпретированы как результат развития конструкций с внутренним possessором [Кророва 2009; Cinque, Кророва 2008].

Отличие от других балканских языков, цыганский достаточно стойко сопротивляется изменениям в своей именной системе (см. [Friedman 2011]). Однако в этой системе существуют своего рода «сла-

бые места», одним из них является совпадение дативного и некоторых генитивных показателей.

Цыганский обладает двумя наборами генитивных показателей — «долгими» и «краткими». Скорее всего, оба набора восходят еще к общецыганскому периоду. Долгие и краткие генитивные показатели демонстрируют определенную диалектную дистрибуцию, но иногда они встречаются в одном и том же диалекте. При этом, краткий набор окончаний особо характерен для диалектов, распространенных на Балканах¹². Некоторые формы кратких генитивных окончаний омонимичны дативным:

(9) *-ke/-ge* = DAT, GEN.PL, GEN.SG.OBL., иногда GEN.F.SG.DIR (форма окончаний варьирует по диалектам).

В результате иногда становится невозможным различить конструкции с внутренним и внешним посессорами, что усложняет изучение выражения ВП в цыганских диалектах:

- (10) *oj xrandela o bala pe čhija-ke*
 она расчесывает ART волосы своя дочь-DAT/GEN.PL
 'Она расчесывает волосы своей дочери' (голи цыгане, Болгария, RMS)

Мы можем ожидать, что носитель языка (в отличие от исследователя) как правило знает, что он(а) собирается произнести. См., например, фразы из нашей анкеты, полученные от одного и того же информанта:

- (11) *Vo халадя нэско / нэскэ о гад*
 он порвал свою / себе ART рубашку
 'Он порвал свою / себе рубашку'

Однако такая неоднозначность может вызвать реанализ со стороны слушающего. Подобный реанализ, в свою очередь, может привести к дальнейшим последствиям. Он может заблокировать развитие и распространение конструкций с ВП (возможно, так случилось в балканском ареале). Слушающие могут систематически интерпретировать амбивалентные формы как принадлежащие к более распространенному конструкционному типу, то есть, как конструкции с внутренним посессором.

---

¹² В выборке, представленной в RMS, подавляющее число диалектов, распространенных на Балканском полуострове и в Румынии, демонстрируют краткие генитивные окончания (как единственную опцию или наряду с долгими).

В более широком контексте, этот тип реанализа может привести и к языковым изменениям, которые впоследствии проявятся в поверхностных морфологических реализациях (см., к примеру, [König & Haspelmath 1997] о развитии внутренней посессор > внешний посессор и наоборот). Такое развитие может означать определенное движение в сторону падежного синкретизма балканского типа.

3. Некоторые выводы

1. Большинство современных цыганских диалектов демонстрирует конструкции с ВП, отвечающие известным типологическим обобщениям.

2. На большой «европейской периферии» распространения цыганских диалектов (включающей Восточную и Центральную Европу) мы можем наблюдать достаточно высокий уровень сходства между цыганскими конструкциями с ВП и соответствующими конструкциями окружающих языков. Основной механизм достижения подобного сходства — синтаксическое калькирование.

3. В «балканском центре» контактные процессы могли иметь более сложный характер. Возможно, мы должны постулировать здесь действие процессов реанализа, которые могли привести к блокированию полного развития конструкций с ВП в цыганских диалектах, распространенных на Балканах.

Список сокращений

АПК — атрибутивная посессивная конструкция	DAT — датив
ВП — внешний посессор	DIR — прямая основа F — женский род
ДК — двойная конструкция	GEN — генитив
ППК — предикативная посессивная конструкция	LOC — локатив
RMS — цыганская морфосинтаксическая база данных (Манчестер)	M — мужской род
SAE — Standard Average European	NOM — номинатив
1 / 2 / 3 — 1 / 2 / 3 лицо	OBL — основа косвенных падежей
ACC — аккузатив	REFL — рефлексив
ART — артикль	PL — множественное число
	PRS — настоящее время
	SG — единственное число

Литература

- Кибрик 2003 — А. Е. Кибрик. Константы и переменные языка. СПб.: Алетейя, 2003.
- Соболев 2011 — А. Н. Соболев. Иерархия участников ситуации и скрытый процессор // М. Д. Воейкова (отв. ред.). От значения к форме, от формы к значению. Сборник статей в честь 80-летия члена-корреспондента РАН Александра Владимировича Бондарко. М.: Языки Славянской Культуры, 2012. С. 525–529.
- Crevels, Bakker 2000 — M. Crevels, P. Bakker. External Possession in Romani // V. Elšik, Ya. Matras (eds.). Grammatical Relations in Romani. The Noun Phrase. Amsterdam–Philadelphia: Benjamins, 2000. P. 151–185.
- Cinque, Krapova 2008 — G. Cinque, I. Krapova. The two “possessor raising” constructions of Bulgarian // Working Papers in Linguistics 18, 2008. P. 65–89.
- Friedman 2001 — V. Friedman. Romani multilingualism in its Balkan context // Sprachtypologie und Universalforschung 54, 2, 2001. P. 148–161.
- Friedman 2011 — V. Friedman. The Balkan Languages and Balkan Linguistics // Annual Review of Anthropology 40, 2011. P. 275–291.
- Haspelmath 1999 — M. Haspelmath. External possession in a European areal perspective // D. Payne, I. Barshi (eds.). External Possession. Amsterdam–Philadelphia: John Benjamins, 1999. P. 109–135.
- König, Haspelmath 1997 — E. König, M. Haspelmath. Les constructions à possesseur externe dans les langues de l’Europe // J. Feuillet (ed.). Actance et valence dans les langues de l’Europe. Berlin: Mouton de Gruyter, 1997. P. 525–606.
- Krapova 2009 — I. Krapova. On the syntax of Possession in the Balkan Languages: the Elusive Nature of the External Possessive Construction / Th. Kahl et al. (eds.). Balkanisms Today. Berlin: Hopf, 2012. P. 113–136.
- Matras 2002 — Ya. Matras. Romani: A Linguistic Introduction. Cambridge: CUP, 2002.
- Matras 2009 — Ya. Matras. Language Contact. Cambridge: CUP, 2009.
- Podlesskaya, Rakhilina 1999 — V. Podlesskaya, E. Rakhilina. External Possession, Reflexivization, and Body Parts in Russian // D. Payne, I. Barshi (eds.). External Possession. Amsterdam–Philadelphia: John Benjamins, 1999. P. 505–521.
- Stassen 2009 — L. Stassen. Predicative Possession. Oxford: OUP, 2009.

Сметая барьеры

К. В. Ковальская

ТРАДИЦИОННОЕ И НЕТРАДИЦИОННОЕ В РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ¹

1. «Традиционные религии» в законодательстве и общественном дискурсе

На протяжении последних 15 лет в России все более употребительным становится понятие «традиционные религии». Его можно встретить в официальных документах, выступлениях представителей власти и религиозных организаций. При этом точное определение этих самых традиционных религий остается трудностью для большинства религиоведов. Кроме того, эта новая категория, трудно совместимая с федеральными законами о свободе совести, вызывает множество вопросов у правозащитников. Таким образом, интересно посмотреть, откуда появилось это понятие, как оно используется в светском и религиозном дискурсе и о каких процессах свидетельствует его появление.

Первое письменно закрепленное перечисление конфессий, которые в дальнейшем стали называться «традиционными», можно наблюдать в тексте закона «О свободе совести и религиозных объединениях» 1997 года. В преамбуле закона вводятся два пункта, которые принципиально отличают его от предыдущего Закона о свободе вероисповеданий 1990 года:

Федеральное Собрание Российской Федерации

... признавая особую роль православия в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры,

уважая христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии, составляющие неотъемлемую часть исторического наследия народов России,

... принимает настоящий Федеральный закон [Закон 1997].

---

¹ Исследование было проведено в рамках магистратуры в Высшей Школе общественных наук в Париже (École des Hautes Études en Sciences Sociales) в 2011-2013 гг. Интервью, цитируемые в статье, были проведены в октябре-ноябре 2012 года и марте 2013 года в Москве, Санкт-Петербурге и Казани.

Таким образом, преамбула закона ставит православие на особое место среди прочих религий и выделяет христианство, ислам, буддизм и иудаизм, но, помимо этого, оставляет своеобразный *x*, именуемый «*другие религии*», значение которого не проявляется ни в преамбуле, ни в основном тексте закона.

Вместе с этим, статус перечисленных конфессий остается неясным. С одной стороны, преамбула закона не имеет юридического значения и не может быть использована в ходе судебного разбирательства. С другой стороны, термин «традиционные религии» не используется ни в преамбуле, ни в основном тексте закона. Стоит добавить, что в основном тексте разделение между религиями больше не упоминается.

Все перечисленные противоречия, очевидно, являются результатом столкновения совершенно разных точек зрения внутри комиссии по разработке закона, который, по мнению Михаила Одинцова, начальника Отдела защиты свободы совести Аппарата уполномоченного по правам человека в РФ, является «*пробным камнем*» в сфере свободы совести².

С одной стороны, закон в целом учитывает принцип светскости и основные принципы свободы совести, указанные в Конституции РФ. Ср.:

1. Российская Федерация — светское государство. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной.

2. Религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом. [Конституция 1993: Статья 14]

[...]

Каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними [Конституция 1993: Статья 28].

Тем самым, учитывается мнение той части российского общества, которая заинтересована в защите принципа светскости в его самом выраженном виде. Эта модель светскости весьма близка к французской и тем более в американской модели, которая отразилась в тексте российской Конституции.

В то же время, преамбула закона, а также статья о праве на юридический статус для религиозных объединений, существующих на терри-

---

² Интервью с Михаилом Ивановичем Одинцовым было проведено в Москве в ноябре 2012 года.

тории РФ не менее 15 лет, отражают обеспокоенность определенной части общества активным распространением в первой половине 90-х годов новых, а также хорошо забытых старых, религиозных движений на территории России. Параллельно этому процессу происходил рост влияния Русской Православной Церкви на протяжении первого десятилетия после распада СССР, что также сыграло определенную роль в разработке закона. По свидетельству адвоката Анатолия Пчелинцева, участника рабочей группы над законом 1997 года, преамбула была введена после личного вмешательства Патриарха Алексия II³. Показателен текст письма Архиерейского собора РПЦ в феврале 1997 года Председателю Госдумы Г. Н. Селезневу:

Особо печалит отсутствие в ныне действующем Законе «О свободе вероисповеданий» и в подготовленном проекте поправок к Закону признания того факта, что Русская Православная Церковь в течение тысячи лет формировала исторический духовно-нравственный лик российского народа и что к ней принадлежит подавляющее большинство верующих граждан страны [Одинцов 1997: 172].

Между тем, примерно с конца 90-х годов, понятие «традиционные религии», юридически никак не закрепленное, но основанное на преамбуле к закону 1997 года, вошло в повседневное употребление. Прежде всего, оно нашло применение в общественно-политическом дискурсе о религии. Однако содержание этого понятия так и не было уточнено ни в одном официальном документе. Например, 12 февраля 2012 года Владимир Путин, будучи Председателем Правительства РФ, провел встречу «с Патриархом Кириллом и лидерами традиционных религиозных общин России». Помимо представителей РПЦ, на встрече присутствовали представители Совета муфтиев, Координационного мусульманского центра Северного Кавказа, Буддийской традиционной сангхи, Армянской Апостольской Церкви, Русской Старообрядческой церкви, Конференции католических епископов, Федерации еврейских общин России, Российской ассоциации исламского согласия, Духовных управлений мусульман, Российского союза христиан веры евангельской и Церкви христиан-адвентистов седьмого дня. При этом, остается непонятым, является ли список религиозных организаций, представители которых участвовали во встрече, эквивалентом списку «традиционных конфессий», о которых говорил Премьер Владимир Путин [Стенограмма 2012].

---

³ Интервью с Анатолием Васильевичем Пчелинцевым было проведено в Москве в ноябре 2012 года.

Отдельным каналом внедрения нового понятия является школьный курс «Основы религиозных культур и светской этики», введенный в школьную программу с 2012 года. Курс состоит из шести модулей на выбор учащегося: четыре посвящены "традиционным" религиям, два других — "светской этике" и "истории религий". Выбор модулей заметно отличается по регионам, но в целом в марте 2010 года 60% школьников выбрали "светскую этику" либо "историю религий". Впрочем, поскольку класс разделяется на группы в зависимости от выбора школьников, затруднительно предположить достижение заявленной цели предмета — развитие толерантности. При этом первый и последний урок каждого модуля посвящен теме патриотизма («Россия — наша Родина»), что свидетельствует об использовании курса о религии в качестве идеологического инструмента [Kovalskaya 2013: 45-59].

2. Заимствование термина религиозными организациями

2.1. Традиционность как основной компонент легитимности.

С течением времени понятие «традиционные религии» стало использоваться и представителями самих конфессий. При этом очевидна разница в практике применения этого выражения в зависимости от статуса той или иной религиозной организации.

Так, представители доминирующих конфессий, таких как православие или ислам, свободно оперируют этим понятием, ссылаясь на преамбулу к Закону о свободе совести. При этом, поскольку доминирующее положение РПЦ не подвергается сомнению, представители Православной Церкви не делают акцента на причислении православия к традиционным религиям России, поскольку в этом нет особой необходимости. Слово «традиционный» представители РПЦ все больше употребляют применительно к другим сферам, в частности при упоминании понятия «традиционные ценности»⁴ [Патриарх 2011]. Таким образом, создается некое семантическое поле, в центре которого — понятие «традиция». Это внимание к традиции перекликается с деятельностью некоторых депутатов партий «Единая Россия» и «Справедливая Россия», настаивающих, в частности, на сохранении «традиционных семейных ценностей» [Мизулина 2013]. Церковь выступает, таким образом, одним из

---

⁴ Не менее интересными для изучения представляются понятия «духовные ценности» и «истинные ценности», активно используемые представителями Русской Православной Церкви, а также вкладываемый в них смысл.

каналов передачи государственной идеологии последних 10-15 лет, имеющей умеренно-консервативный характер.

Чтобы укрепить образ «традиционной» религии, в дискурсе РПЦ используются косвенные методы, без прямого соотнесения себя с «традиционной религией». Например, важное место в текстах и высказываниях представителей Православной Церкви занимает концепт «Руси» и символики, связанной с государством Киевская Русь⁵. Параллельно этому, Православная Церковь делает упор на свою связь с определенным этносом — «русским народом», который является носителем традиции, а также с «Российской цивилизацией». В частности, на сайте организации Всемирный русский народный собор, главой которой является Патриарх Кирилл, утверждается, что *«Россия оказалась единственной цивилизацией планеты, устоявшей перед западной колониальной экспансией»* [Собор 2013]. Заметим, что название этой организации не содержит связи с православием и делает упор именно на этническую составляющую, которая, по мнению РПЦ, неразрывно связана с религиозной.

Конфессии, не обладающие столь обширной паствой, напротив, эксплицитно выражают свою принадлежность к «традиционным религиям» или хотя бы к чему-то «традиционному». Очень показательны в этом смысле выступления представителей различных религиозных организаций на конференции, посвященной государственно-конфессиональным отношениям и религиоведческой экспертизе, которая состоялась в 2006 году в Санкт-Петербурге при поддержке Государственного Музея Истории Религии. Директор Синода Евангелическо-Лютеранской Церкви Александр Пастор говорит о том, что поскольку *«окно в Европу открывалось при активнейшем содействии <...> лютеранских предков»*, *«Евангелическо-Лютеранская Церковь России с полным основанием называет себя традиционной конфессией»* [Конференция 2006: 40-41]. Священник Армянской Апостольской Церкви Саркис (А. Р. Чопурян) подробно описывает историю взаимоотношений между Российским государством и армянскими общинами начиная с XVIII века и утверждает, что *«Государство <...> заявляет приоритетность традиционных религий, поддерживает отношения с традиционными конфессиями»* [Конференция 2006: 47-49]. Муфтий Пончаев, обеспокоенный деятельностью *«сектантских и миссионерских организаций»* предлагает

---

⁵ Ср.: «Киевская Русь приняла цивилизационную эстафету у Византии, унаследовав в неповреждённой православной чистоте учение Христа, но заменив косность восточно-римской социальной структуры на русскую энергию и динамизм» [Собор 2013].

чиновникам *«обсудить статус традиционных религий»* [Конференция 2006: 63]. Таким образом, понятие «традиционной религии» является основным элементом легитимации той или иной конфессии. При этом, ключевую роль в понятии традиционности играет временной фактор, подчеркивающий долгую историю отношений, — принцип, широко применяемый в брендинговых разработках.

При этом, конфессии которые не имеют достаточного веса для упора на традиционность, как правило настаивают на принципе равенства религий перед законом. Так, Церковь Христиан Адвентистов Седьмого Дня заявляет, что

...земные власти не имеют права принимать законы <...> дающие преимущество какой-либо конфессии. Соответственно, ни одна конфессия не должна добиваться принятия законодательства, обеспечивающего ей односторонние преимущества [Социальное учение 2013].

Интересно, что дискурс РПЦ в начале 1990-х годов также отличался демократичностью. В Обращении Архиерейского собора РПЦ от 4 апреля 1992 года говорится: *«Мы твердо стоим за право каждой личности на религиозное самоопределение, за равенство всех религий перед законом и не стремимся ограничить чей-либо вероисповедный выбор»* [Архиерейский Собор 1992]. Эта позиция Православной Церкви заметно отличается от нынешней, которая разъясняется в Основах социальной концепции РПЦ: *«<Русская Православная Церковь> вправе ожидать, что государство при построении своих отношений с религиозными объединениями с религиозными организациями будет учитывать количество их последователей, их место в формировании исторического, культурного и духовного облика народа, их гражданскую позицию»* [Социальная концепция 2000]. Таким образом, можно предположить, что уровень демократичности дискурса конфессии обратно пропорционален ее политическому весу.

2.2. Традиционный ислам и религиозный экстремизм

Особенным образом обстоит дело с понятием традиционности в исламе, поскольку в российском контексте оно распространяется лишь на определенные течения, а не на ислам вообще. Именно поэтому все чаще можно услышать термин «традиционный ислам», а также споры относительно его содержания. К примеру, в Поволжье традиционный ислам трактуется как «суннитский ислам ханафитского мазхаба».

При этом, необходимо отметить, что понятие «правильного», «хорошего» ислама, каким сейчас является «традиционный» ислам, заметно

изменялось на протяжении XX века. Так, в первые годы после Революции 1917 года советское правительство продвигало исламские течения реформистско-фундаменталистского типа, лидеры которых призывали к возврату к «чистому исламу» «по Корану» и отказу от местных обрядов в пользу «интернационального» ислама, что было созвучно коммунистической идеологии того времени. В доктринальном смысле эти течения очень близки к современным приверженцам салафизма в исламе, идеи которых, напротив, не находят поддержки ни у муфтиятов, ни у представителей государства. В городах допускалась деятельность джадидов — татарской мусульманской интеллигенции, которая призывала к модернизации ислама за счет отказа от некоторых канонов, соблюдение которых становилось проблематичным в «прогрессивном обществе» [Исхаков 2013]. После распада СССР в светских кругах Татарстана при поддержке Президента Республики Татарстан Минтимера Шаймиева получила распространение концепция директора Института Истории Рафаэля Хакимова под названием «евроислам», доводящий идеи джадидизма до практически полного освобождения от соблюдения каких-либо ритуалов — это ислам, отличающийся толерантностью и открытостью к прогрессу [Хакимов 2003]. Надо отметить, что эта концепция подверглась серьезной критике со стороны татарского духовенства. Наконец, последний муфтий Татарстана, Камиль Самигуллин, избранный в марте 2013 года, наоборот, придерживается традиций кадимизма — консервативного течения в татарском исламе, обычно противопоставляемом джадидам. Таким образом, современный «традиционный ислам» занимает позицию «правильного» ислама, главный критерий которого — лояльность светской администрации.

Похожая ситуация наблюдается и на Кавказе, где «традиционным исламом» в последнее время считается суфизм накшбандийского тариката. Вместе с тем, как отметил историк Шамиль Шихалиев, суфизм совершенно не воспринимался как нечто «традиционное» в период Российской Империи, а скорее как опасное течение [Шихалиев 2013]. Джадиды, напротив, нашли поддержку со стороны дореволюционного правительства. В 1920-е годы советское руководство привлекло и джадидов (особенно вовлеченных в реформы образовательной системы), и суфиев для достижения своих целей. Начиная с 1928 года суфии, протестовавшие против коллективизации, были репрессированы. В конце 1930-х годов, когда было сформировано достаточное количество советских кадров, подверглись репрессиям и джадиды, несмотря на то, что они поддерживали советскую политику в сфере образования. Начиная с военного времени происходит частичная легализация ислама на Кавказе,

но практика суфизма не приветствуется. В пост-советское время суфизм, а точнее его махмудийская ветвь, к которой принадлежал, в частности, Саид Афанди Чиркейский, трактуется как «традиционное» течение.

Напротив, течения, отличающиеся от «официальных», так называемые «нетрадиционные» формы ислама, испытывают большие трудности при общении с представителями власти, поскольку выражение «нетрадиционный ислам» попало в один семантический ряд «религиозным экстремизмом» и «терроризмом». В особенности это относится к тем течениям в исламе, которые являются «импортными» и автоматически расцениваются как враждебные. При этом все эти течения, имеющие существенные доктринальные различия, нередко объединяются под единым термином «ваххабизм», который употребляется в СМИ как фактический синоним «религиозного экстремизма» и терроризма. Необходимо отметить, что все большую роль в формировании образа «нетрадиционного» ислама как противоречащего общественной безопасности играют «эксперты», привлекаемые СМИ для оценки происходящего. Так, Роман Силантьев, часто выступающий в СМИ в качестве эксперта по исламу, в энциклопедии «Ислам в современной России» пишет:

Как правило, под ваххабитами в России понимаются люди, называющие себя приверженцами салафизма, «саф ислама» или «чистого» ислама, ханбализма, хабашизма, таблигизма, нурсизма, «исламских джамаатов», «внемазхабного» суннизма, воинствующего шиизма, а также партии «Хизбут-Тахрир» и ее многочисленных клонов [Силантьев 2008: 129].

Как видно из вышеприведенного текста, понятие «ваххабизм» применяется к совершенно различным течениям, которые объединяет только то, что в глазах эксперта они являются враждебными российской государственности. Не менее расплывчатое определение «ваххабизма» дается в «Основах социальной концепции российских мусульман»:

Совет муфтиев России осуждает все виды экстремизма и терроризма, в том числе и в форме так называемого «ваххабизма», которые содержат в себе следующие признаки:

1) отрицание основополагающих традиций Ислама, то есть, четырех исторически сложившихся мазхабов или шиизма;

2) учение о собственной исключительности вплоть до надления себя самих правом объявлять «немусульманами» традиционных верующих, не согласных с такой трактовкой шариата, в том числе последователей любого из четырех суннитских мазхабов или шиизма;

3) наделения себя правом по собственному усмотрению ущемлять в правах или убивать вне рамок необходимой самообороны «неверных», в том числе и традиционных мусульман, не примкнувших к данной организации... [Программа 2001]

«Ваххабитами» называются течения, отрицающие мазхабы, претендующие на «исключительность», «ущемляющие в правах» других людей.

Важным признаком «нетрадиционного ислама» является также распространение «иностранныго влияния». Для борьбы с этим влиянием происходит, в частности, унификация мусульманского образования. Например, в Татарстане Духовное Управление Мусульман Республики Татарстан разрабатывает единые программы для татарстанских медресе. Очень характерно высказывание руководителя Приволжского центра региональных и этнорелигиозных исследований исследований Российского института стратегических инициатив (РИСИ) Раиса Сулейманова, который регулярно выступает в СМИ в роли эксперта и исламу:

Татарстану это нужно для того, чтобы избавиться от нетрадиционных течений. Если будет единый проверенный учебник, то будет безопаснее [Единые программы 2013].

Нетрадиционный ислам, таким образом, приравнивается к экстремизму. Эту же мысль, но уже изнутри мусульманского сообщества, формулирует заместитель муфтия Рустам Батров:

У нас посыл — ориентация на традиционный ислам, на глубокое его богословское понимание. Экстремистские течения возникают, поскольку они не знают ту богословскую традицию, которая существовала веками. И сейчас мы среди прочего планируем, чтобы религиозные предметы велись не просто по каким-то, а именно по классическим учебникам. Татарстанские медресе и сейчас не готовят никаких экстремистов, и мы планируем еще больше усилить работу по контролю за этим [Единые программы 2013].

В итоге, понятие «традиционности» в исламе прямым образом распространяется на те течения, которые проявляют свою лояльность к существующей власти, готовность к унификации и государственному контролю, а также к трансляции информации, созвучной государственной идеологии. Эти же течения закрепляются в коллективной памяти, в частности, посредством музейных экспозиций. Например, заместитель директора Музея Истории Религии в Санкт-Петербурге Екатерина Те-

рюкова отметила, что музей сотрудничает только с одним направлением в исламе, а именно с «татарскими мусульманами».

3. «Традиционные религии»: зачем и почему?

Распространение понятия «традиционные религии» является частью более широкого процесса — конструирования «традиции» как базовой ценности современной российской идеологии. При этом содержание этой «традиции» или «традиций» заполняется в соответствии с заданными установками на патриотизм, лояльность государству, демографически эффективную модель семьи. «Традиционные» конфессии привлекаются государством в качестве одного из каналов трансляции подходящей информации. Эту мысль можно проиллюстрировать высказыванием священника Саркиса, который эксплицитно формулирует функцию церкви: «Церковь не только спасает души, но помогает государству пополнять ряды полноценных членов общества» [Конференция 2006: 51].

Именно поэтому вряд ли можно говорить о «клерикализации» российского общества, как это часто указывается в публикациях либерально настроенных историков и правозащитников. Политолог Кати Русле указывает, что, к примеру, в пост-советской практике Русской Православной Церкви обрядовая сторона значительно преобладает над вероучительной. Присутствие же церкви в административной, образовательной и социальной сферах наиболее часто связано с передачей информации на обозначенные темы и не говорит о повышении влияния собственно церкви. Напротив, К. Русле предлагает гипотезу преемственности между коммунистической идеологией и дискурсом Русской Православной Церкви, которые занимают нишу официально признанной системы ценностей [Rousselet 2013: 17].

Эту же роль выполняет и «традиционный ислам», выступающий в качестве альтернативы «религиозному экстремизму» и направленный на унификацию существующих направлений в исламе и контроль государства над религиозными практиками.

Вместе с этим, отторжение новых религиозных течений и нетерпимость к религиозному разнообразию свидетельствуют о стремлении к унификации религиозной жизни вообще, поиску единой религиозной формы. Как отмечает Марлен Ларуэль:

De cette tradition de penser les rapports entre la personne et le groupe découle en partie le sentiment largement répandu que la division (politique, idéologique, culturelle) met en péril la collectivité, qu'elle rompt l'unité nationale au lieu de la solidifier <...> Le contrat social actuellement en vigueur en Russie ne se construit

pas sur l'idée que les confrontations d'opinions et d'intérêts sont naturelles, mais sur l'effort que chacun fait en faveur d'un consensus qui valide l'unité de la nation [Laruelle 2008: 280]»⁶.

Таким образом, распространение новой категории «традиционные религии» объясняется, с одной стороны, активными действиями государства в сторону унификации религиозной жизни и приведению ее в однородное состояние, в целях упрощения контроля над религиозными организациями, что частично связано с попыткой разрешить проблему религиозного экстремизма. Другая причина — использование административного и социального ресурса конфессий, имеющих долгую историю взаимоотношений со светской администрацией. Подобный подход оказывается легитимным в глазах той части российского общества, которая воспринимает конфликт интересов различных социальных групп как раскол общества, а также ввиду поиска социальных форм, консолидирующих общество. По-видимому, этим также объясняется замена или дополнение этнической идентичности на конфессиональную по схеме «православный, потому что русский». С другой стороны, религиозные группы, получившие право называться «традиционными» воспринимают это как привилегию, предоставляющую больше прав и возможностей, и активно заимствуют официальную лексику.

Источники

- Архиерейский Собор 1992 — Обращение Архиерейского Собора Русской Православной Церкви ко всем ближним и дальним (Электронный документ). 4 апреля 1992 года. Опубликовано на Официальном Сайте Московского Патриархата 15 января 2009, последний просмотр 13.09.2013. <http://sobor.patriarchia.ru/db/text/526296.html>
- Единые программы 2013 — Мусульманское образование в Татарстане перестроят по светским стандартам (Электронный документ), Информационное

---

⁶ С этой традицией осмыслять отношения между личностью и группой частично связано широко распространенное представление о том, что разделение (политическое, идеологическое, культурное) подвергает опасности коллективное начало, подрывает национальное единство вместо того, чтобы его укреплять. Ныне действующий в России общественный договор не создается на представлении о том, что столкновение мнений и интересов естественно, но на усилении, которое каждый делает в пользу консенсуса, который подтверждает народное единство (Перевод с французского — К. В. Ковальская). Цитата по Rousset 2009.

- агентство РБК, 26 августа 2013 года. Последний просмотр 15.09.2013. http://rt.rbc.ru/tatarstan_topnews/26/08/2013/871582.shtml
- Закон 1997 — О свободе совести и религиозных организациях (Электронный документ). 125-ФЗ. Последний просмотр 11.09.2013. <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=149069;fld=134;dst=4294967295;rnd=0.05440266228825197;from=148675-0>
- Конференция 2006 — Совершенствование государственно-конфессиональных отношений и религиозная экспертиза. Вопросы взаимодействия органов государственной власти и религиозных объединений в Санкт-Петербурге и субъектах РФ. Материалы I Межрегиональной научно-практической конференции, составители Л. А. Мусиенко, С. А. Кучинский. 11-13 октября 2006 года. Санкт-Петербург, 2006.
- Мизулина 2013 — Е. Б. Мизулина. Выступление на форуме «Россия многодетная: семья как одна из основ российской государственности» (Электронный документ). 18 мая 2013 года. Последний просмотр 15.09.2013. <http://spravedlivo-online.ru/new/index.php/news/956-Politika/15890-elena-mizulina-traditsionnye-semejnye-tsennosti-klyuch-k-resheniyu-mnogikh-sotsialnykh-problem>
- Патриарх 2011 — Права человека и традиционные ценности в Европе. Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на заседании Европейского совета религиозных лидеров (Электронный документ). 21 июня 2011 года. Последний просмотр 15.09.2013. <http://www.patriarchia.ru/db/text/1546416.html>
- Программа 2001 — Основные положения социальной программы российских мусульман (Электронный документ). Официальный сайт Совета муфтиев России, 2001. Последний просмотр 15.09.2013. <http://www.muslim.ru/articles/109/1087/>
- Силантьев 2008 — Р. А. Силантьев. Энциклопедия «Ислам в современной России». М.: Алгоритм, 2008.
- Собор 2013 — Обращение дискуссионного клуба Всемирного Русского Народного Собора к мыслящим людям России: Верим в себя, в свой народ, в свою цивилизацию, 24.04.2013, последний просмотр 12.09.2013. http://www.vrns.ru/news/1472/#_UjH-qH-d_Fw
- Социальная концепция 2000 — Основы Социальной концепции Русской Православной Церкви (Электронный документ). Москва, 13-16 августа 2000 года. Последний просмотр 13.09.2013. <http://www.patriarchia.ru/db/text/141422>
- Социальное учение 2013 — Основы социального учения Церкви Христиан Адвентистов Седьмого Дня (Электронный документ). Дата не указана. Последний просмотр 15.09.2013. http://www.asdarh.ru/social_doctrine#15
- Стенограмма 2012 — Стенограмма встречи председателя Правительства РФ В. В. Путина со Святейшим Патриархом Кириллом и лидерами традиционных религиозных общин России (Электронный документ), 8.12.2012. Последний просмотр 11.09.2013. <http://www.patriarchia.ru/db/text/2005767.html>

Хакимов 2003 — Р. Хакимов. Где наша Мекка? Манифест евроислама. Казань: Магариф, 2003.

Литература

- Исхаков 2013 — Д. Исхаков. Концепт «традиционного ислама» (Электронный документ). 2 марта 2013 года. <http://golosislama.ru/news.php?id=15507>, последний просмотр 15.09.2013.
- Одинцов 1997 — М. И. Одинцов. Россия строит светское государство (1985-1997) // Государство, религия и церковь в России и за рубежом, 3-4, 1997. С. 134-172.
- Шихалиев 2013 — Ш. Ш. Шихалиев. Мусульманские элиты и власть в Дагестане, с конца царской эпохи до сталинского террора. Доклад, прочитанный на семинаре «Histoire et anthropologie des islams du Nord (Russie d'Europe et Sibérie, Caucase, Asie Centrale, Chine)» [История и антропология ислама на севере] в Высшей Школе общественных наук. Париж, 15 апреля 2013 года.
- Kovalskaya 2013 — K. V. Kovalskaya. Sainte Connaissance? Le discours d'experts du fait religieux et leur impact sur les identités et les pratiques religieuses en Fédération de Russie depuis 1991. Mémoire de Master 2. Paris: École des Hautes Études en Sciences Sociales, 2003.
- Laruelle 2008 — M. Laruelle. Politiques et idéologies des nationalismes dans l'espace russe et postsoviétique. Mémoire d'habilitation à diriger des recherches. Paris: Institut d'études politiques de Paris, 2008.
- Rousselet 2009 — K. Rousselet. Les figures de la laïcité postsoviétique en Russie. Paris : Presses de sciences Po, 44, 2009. P. 51-64.
- Rousselet 2013 — K. Rousselet. Sécularisation et orthodoxie dans la Russie contemporaine : pour une hypothèse continuiste ? Paris : Centre d'études et de recherches internationales Sciences Po, 2013.

ОБ ИСТОРИИ, СУЩНОСТИ И ИЗМЕРЕНИЯХ ФОНЕМЫ¹

1. Введение

При выборе статьи для сборника я задумалась о том, что же может быть ближе всего Елене Всеволодовне из направлений моей научной деятельности? Фонология не является центральным объектом занятий юбиляра, однако вовсе не чужда ее интересам. В число трудов Елены Всеволодовны входят работы по удэгейской и якутской фонетике и фонологии, а также по звуковой системе языка муан. С ней можно обсуждать как общетеоретические вопросы, так и проблемы фонологии отдельных языков. Заходила у нас речь и о критериях фонемности.

Первый вариант публикуемого текста был написан еще в конце 2004 года как введение к дипломной работе [Кузнецова 2005a]. Тогда же мы обсуждали проблему фонемы со Славой Кулешовым, и его комментарии к начальной версии статьи вдохновили меня на продолжение размышлений в этом направлении. С его согласия, в приложении к статье приведены эти комментарии, высказанные в трех электронных письмах (текст публикуется практически в неизменном виде, с сохранением всех особенностей стилистики). Из них можно получить достаточно ясное представление о его собственной концепции фонемы, а также ее сходствах и отличиях от моей модели.

Впоследствии текст статьи несколько раз перерабатывался, см. [Кузнецова 2005b, 2009]. Мое понимание фонемы и языка вообще также обогатилось знакомством с современными исследованиями о пластичности мозга и работами в рамках когнитивной фонологии. Однако в целом концепция кардинально не изменилась. Поэтому можно сказать, что этот текст также отмечает свой маленький (десятилетний) юбилей.

Итак, в предлагаемой вниманию юбиляра статье я постаралась по возможности кратко, но системно изложить сформировавшееся у меня за последнее десятилетие представление о сущности фонемы, ключевых этапах ее осмысления в науке и ее функциональных измерениях. По каждому такому измерению выстраивается набор критериев, которые с разных сторон характеризуют степень фонологичности анализируемого

---

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФНФ (проект 11-04-00172а).

звукотипа, а также степень его ядерности или периферийности в рамках фонемного инвентаря языка.

Хочу подчеркнуть, что моя концепция фонемы и метод описания фонемного инвентаря языка во многом как служат, так и непосредственно проистекают из тех практических задач, с которыми мне приходится сталкиваться в лингвистике. Предполагаю, что круг этих задач у нас с Еленой Всеволодовной сходен, поэтому данная методология могла бы служить для нее в том числе и непосредственным руководством к действию. Это прежде всего дескриптивные задачи восприятия и анализа языка (в противоположность порождению и синтезу), причем анализа в основном бесписьменных или младописьменных языков в полевых условиях. Такая работа предполагает общение с живым носителем, а не компьютерное моделирование языка для решения задач искусственного интеллекта. Фонологический анализ включают здесь в себя создание удобной фонологической транскрипции для записи языкового материала, а также нередко и практической орфографии, которой могли бы пользоваться сами носители языка. Кроме того, приходится оценивать степень естественности тех единиц, которые конструирует исследователь. Чем естественнее для восприятия самих носителей эти единицы, тем больше практической пользы от них может быть языковому сообществу.

С другой стороны, фонологическое описание в подобных условиях часто оказывается встроено в рамки комплексного аналитического описания всей языковой системы. Ответственный исследователь, занявшийся языком, над которым нависла угроза исчезновения, понимает невозможность откладывать задачи на потом и стремится к полному погружению в язык и максимально целостному его описанию.

В подобных условиях фонологическое описание должно балансировать, с одной стороны, между практичностью транскрипции и орфографии самой по себе и, с другой стороны, удобством их применения для описания более высоких уровней языка, прежде всего морфофонологии и морфологии. Это и есть баланс между антропо- и лингвоцентрической ориентацией описания, о которых говорится в следующем разделе.

2. Основные тенденции развития фонологической науки

Если попытаться обозначить общий путь развития фонологии, то здесь прослеживаются универсальные тенденции, характеризующие историю развития гуманитарного знания вообще. Путь, до сих пор пройденный фонологической наукой, хорошо описывается гегелевской

триадой «тезис–антитезис–синтез». Для его начальных этапов характерно резкое отталкивание каждой новой теории от предыдущей [Fisher-Jørgensen 1975: 401]. Полюса, между которыми «колеблется» маятник фонологии (или «раскручивается» ее спираль), представляют собой, по выражению В. М. Алпатова, «антропоцентрический» и «лингвоцентрический» подходы к языку. Антропоцентрический подход ставит во главу угла носителя языка, его интуицию и языковую компетенцию. Лингвоцентризм, наоборот, старается максимально абстрагироваться от носителя и анализировать языковую систему как имманентную, внутренне замкнутую сущность [Алпатов, Вардуль, Старостин 2000: 4].

Фонология, если вспомнить исходные идеи конца XIX — начала XX века (Н. А. Бодуэна де Куртенэ, Н. Я. Крушевского, Е. Д. Поливанова, Л. В. Щербы), начиналась как антропоцентрическая дисциплина. Э. Сепир в 1930-е годы обосновал идею о психогической реальности фонемы. Отметим, что Ф. де Соссюр, создавший в тот же самый период одну из самых лингвоцентричных концепций в истории лингвистики, также называл фонему «латентным акустическим образом» и «явлением чисто психического порядка» [Соссюр 1999 (1916): 18–19]. Однако в строгую науку фонология оформилась в формализованных лингвоцентрических трудах первой трети XX века Н. С. Трубецкого, Р. О. Якобсона и других представителей Пражской школы, а также Копенгагенской школы глоссематики Л. Ельмслева, Лондонской фонетической школы Д. Джоунза, американского дескриптивизма Л. Блумфилда. В России затем антропоцентризм получил продолжение в трудах Ленинградской (Петербургской) фонологической школы Л. В. Щербы. Эта школа активно полемизировала с появившейся чуть позже лингвоцентрической Московской фонологической школой Н. Ф. Яковлева, Р. И. Аванесова, В. Н. Сидорова и др. Лингвоцентризм был также характерен для трудов российских структуралистов, последователей Венской и Пражской школы, занимавшихся в 1950–1960-е годы логическим анализом языка (В. А. Успенский, П. С. Кузнецов, В. В. Иванов, Ю. К. Лекомцев и др.).

В истории американской фонологии борьба этих тенденций проявилась в полемике генеративизма 1950–1960-х годов Н. Хомского, декларирующего антропоцентричность, с предшествующим ему дескриптивизмом. При этом, как известно, антропоцентрическая ориентация генеративизма, постулируемая на идеологическом уровне, пришла в противоречие с его реальной практикой. Описания в рамках генеративизма, как и работы современных им российских ученых, были ориентированы прежде всего на возникшие в то время задачи компьютерного моделирования языка. Фактически, теории оптимальности А. Принса и

П. Смоленского, выросшей на почве генеративизма в 1990-х годах, уже едва ли можно приписать антропоцентрическую направленность даже на уровне концепции.

Однако в целом для истории фонологии последней трети XX — начала XXI века характерно все большее сближение антропоцентрического и лингвоцентрического полюсов и усиление контакта с фонетикой, психологией, неврологией, социологией. В самом деле, исследование языка, по-видимому, невозможно без учета «человеческого фактора», характеризующего антропоцентрический подход. Язык является продуктом мозговой деятельности человека и функционирует по законам человеческого мышления. Однако методы формализации решений, классификации, исчисления потенциальных возможностей в рамках той или иной структуры могут быть позаимствованы у лингвоцентризма.

Движение к синтезу наметилось в фонологии уже во второй половине XX века. В России в это время стали появляться синтетические теории, стремящиеся объединить идеи Ленинградской и Московской фонологических школ, в том числе концепции С. И. Бернштейна, М. В. Панова, самого Р. И. Аванесова. Один из наиболее крупных современных последователей ЛФШ В. Б. Касевич опирается на логический и математический аппарат анализа, развитый в применении к языку в рамках лингвоцентрических концепций [Касевич 1983: 3–4]. Созданные в конце 1950–1960-х годов в рамках Пражского структурализма математические модели фонемы [Ревзин 1964; Успенский 1964; Белоозеров 1964], наоборот, стали учитывать реальное функционирование фонологии в процессах речепорождения и речевосприятия, соразмерность законов языка законам мыслительной деятельности [Белоозеров 1974: 65]. С этого же времени стали формироваться теоретические антропоцентрические модели устройства языка, связанные с экспериментальным исследованием восприятия речи в лабораториях Л. А. Чистович и В. Б. Касевича.

В американской лингвистике критика исходной генеративной модели была также направлена на придание системе большей антропоцентричной направленности, большей естественности, вплоть до таких радикальных вариантов теории как естественная порождающая фонология Т. Феннеманна, во многом смыкающаяся уже с некоторыми теориями в рамках когнитивной лингвистики [Касевич 1983: 251–253; Кодзасов, Кривнова 2004 (1981); Dresher 2011: 249].

Само антропоцентрическое функциональное направление, в свою очередь, было продолжено на западе в 1970–1980-х гг. в концепции естественной фонологии Д. Стэмпа и П. Донегана, а затем в рамках когни-

тивной фонологии, которую начали разрабатывать Р. Лангакер и другие в русле «когнитивной революции» конца 1980-х годов, основываясь на теории прототипов Э. Рош и на бурно развивающихся экспериментальных исследованиях по порождению и восприятию речи.

Вяч. Вс. Иванов в своих размышлениях о будущем гуманитарной науки третьего тысячелетия замечательно суммировал проявление в фонологии сдвига общей интеллектуальной доминанты на рубеже эпох:

Открытие фонем как дискретных единиц в XX в. было связано с той тенденцией к обнаружению роли дискретного (прерывного), которую многие ученые признавали одной из главных интеллектуальных характеристик этой эпохи. (...) Кажется вероятным, что для наступающей интеллектуальной эпохи особенно важным может оказаться поиск равновесия и взаимного соответствия дискретного и непрерывного в языке и других видах знаковой деятельности. (...) Для эпохи квантовых компьютеров и соответствующих им моделей мозга идея непрерывности может оказаться снова (как при Ньюtone) не менее важной, чем дискретность была для рубежа 19 и 20 веков [Иванов 2004: 27–28].

Действительно, если в XX веке, особенно в первой его половине, фонема играла центральную роль в рассуждениях фонологов, то сейчас она во многом отошла на задний план, не потеряв однако своей эвристической актуальности (ср. [Dresher 2011: 241; Nathan 2006: 189]).

3. Когнитивно-ориентированное понимание фонологии и фонемы

То ли в силу особенностей моего образования, то ли из общей любви к практичности мне всегда была ближе фонологическая концепция Щербовской школы, чем концепция МФШ. Щербовское представление об абстрактном акустическом образе и его «оттенках» — конкретных речевых модификациях — хорошо известно в России. При этом у нас пока мало кто знает о его западном аналоге, активно развивающемся с конца 1980-х годов — когнитивной фонологии. Будет полезно несколько более подробно остановиться на ее положениях, тем более что большинство из них прекрасно коррелируют и с моими собственными представлениями.

Так, в целом я разделяю следующие ее базовые постулаты:

- 1) языковая система является производным от ежедневного употребления языка носителями (т.н. *usage-based approach*);
- 2) структура языка обусловлена его основной функцией — направленностью на выражение смысла (этот общезначимый постулат характерен и для Щербовской школы, см. [Касевич 1983: 7–8]);

3) материальным базисом для языка выступает человеческий организм, и поэтому язык неизбежно должен функционировать на основе общих принципов работы мозга и в рамках ограничений, задаваемых артикуляторно-перцепторным аппаратом человека²;

4) лингвистическое описание должно стремиться к естественности, т. е. к тому, чтобы смоделировать устройство языка максимально изоморфно его репрезентации в сознании говорящего (этот тезис также разделяется Щербовской школой [Касевич 1983: 4, 9]).

Фонология является пока наименее разработанной областью в рамках когнитивной лингвистики [Langacker 2008: VIII; Mompéan-González, в печати: 14]. Однако зародилась она в 1980-х, тогда же, когда и вся остальная когнитивная лингвистика, ср. первые работы [Jaeger 1980; Nathan 1986; Taylor 1990]. Чуть позже появилась примыкающие к ней фонология в русле теории экземплиаризма [Bybee 1994, 1999; Pierrehumbert 2001, 2002] и феноменологическая фонология [Fraser 2006, 2010, 2011]. Достаточно полное представление об идеях и истории западной когнитивной фонологии можно получить из статей сборника [Mompéan-González 2006], а также из работы [Mompéan-González 2004; Mompéan-González, в печати]. В рамках когнитивной парадигмы уже написаны отдельные фонологические монографии [Bybee 2001; Nathan 2008; Välimaa-Blum 2005].

Основная идея когнитивной фонологии заключается в том, что фонология — это такой же концептуальный уровень языка, как и любой другой. Фонологические единицы, как и все прочие, конструируются в сознании человека в результате опыта взаимодействия с языком и постоянного использования последнего. Членение речи на сегменты и отождествление этих сегментов между собой в единые сущности, порождение и восприятие этих сущностей, их иерархизация — это такой же результат процессов категоризации, абстракции, комбинаторики, выявления важного и второстепенного, как и любая другая концептуализация. Все это так же зависит от биологических, социальных, культурных, экономических, гендерных, возрастных ограничений, наложенных на человека. Фонологические единицы — это абстрактные символические ментальные репрезентации определенных физических явлений внеш-

---

² В конце 1990-х В. Б. Касевич спорил с этим тезисом и вообще не принимал когнитивную лингвистику за отдельное от психолингвистики направление [Касевич 1998]. Возможно, его точка зрения изменилась, ср. его недавнюю монографию, посвященную когнитивной лингвистике [Касевич 2013].

него мира, в данном случае отрезков звуковых волн, порождаемых и воспринимаемых артикуляторно-перцепторным аппаратом человека³.

Один из важнейших вопросов, горячо обсуждающихся сейчас в когнитивной фонологии — это психологическая реальность фонемы, а также является ли фонема т. н. ментальной «единицей базового уровня» (оперативной единицей восприятия и порождения речи) и насколько это зависит от наличия у языка письменности.

Большинство когнитивистов во главе с Р. Лангакером считают, что базовой единицей ментальной репрезентации является не фонема, а словоформа⁴. В ежедневной речи люди обычно манипулируют только значимыми единицами языка. Поэтому повседневное использование языка не способствует формированию и особенно хранению в памяти особых ментальных категорий, соответствующих незначимым единицам. Для образования фонемных и слоговых категорий требуется, чтобы носитель эксплицитно или имплицитно произвел операции перекрестного сравнения словоформ, выделения в них частей — слогов, а позже и отдельных сегментов. Поэтому фонемные категории образуются у носителей уже после усвоения словоформ на базе анализа последних, путем извлечения звуков из контекста. Уровень аллофонов же еще более абстрактен с психолингвистической точки зрения, поскольку выделение аллофонов предполагает уже наличие у человека идеи о фонеме (см., например, [Vuhce 2001; Fraser 2006]).

Наиболее радикальные представители такого понимания (К. Джонсон, Р. Вялимаа-Блум) считают, что фонемные категории вообще не представлены в памяти, поскольку не видят для этого никаких функциональных оснований. Перекрестный анализ, создающий фонемные категории, отвлеченные от контекста, говорящие производят лишь изредка *ad hoc* в случае необходимости [Välimala-Blum 2009].

Однако основная часть когнитивистов все же допускает особые фонемные категории для ментального «словаря». Их структура описыва-

---

³ Аналогичные идеи высказываются и некоторыми фонологами, во многом следующими генеративным традициям, см., например, [Hulst 2003: 3]. Ср. тж.: «Система дискретных звуковых образов, в которых обобщены конкретные звучания речи, связанные единым значением, и составляют набор фонем данного языка» [Белоозеров 1975: 55].

⁴ Это подтверждают и исследования восприятия речи, показывающие, в частности, что те сегменты (фонемы, слоги), которые принадлежат неполному стилю произнесения, опознаются уже после опознания слова целиком, а не до этого [Бондарко и др. 1974; Венцов, Касевич 2003 (1994); Зиндер, Касевич 1989].

ется так же, как и структура любых других когнитивных категорий. В когнитивной лингвистике обычно используются прототипные, экзemplаристские или смешанные модели [Moutréan-Gonzalez 2004: 431–432]⁵. Прототипную модель, например, использует сам Р. Лангакер. Он признает наличие у фонем ментального прототипа (эталона) в смысле Э. Рош, т. е. полагает, что фонемы, как и прочие фонологические единицы, хранятся в виде абстрактных схем, содержащих сумму их основных фонетических признаков [Langacker 1987: 393–394, 2008: 220]. Прототипы конструируются на основании когда-либо слышанных вариантов словоформ и фонем. Степень правильности для носителя каждого нового варианта данной словоформы оценивается по степени близости к этому прототипу. Экзemplаристы (Дж. Пьерхамберт, Р. М. Нософски, К. Джонсон, Р. Вялимаа-Блум) в свою очередь, считают, что в памяти человека хранится очень много или даже все услышанные им когда-либо варианты произнесения словоформы («экзemplары»). Эти экзemplары подвергаются ментальной категоризации в т. н. «облака», за каждым из которых память закрепляет «ярлык», наименование. Дж. Пьерхамберт, основатель теории, считает, что такие «поименованные облака экзemplаров» соответствуют не только словоформам, но и фонемам. При этом прототипом категории является наиболее частотный экзemplар (или несколько) [Pierrehumbert 2001: 148]. Смешанная модель представлена, например, в работах Дж. Байби. Она считает, что экзemplары могут храниться в памяти какое-то время по отдельности, а затем одинаковые произнесения сливаются, и на их основе формируется прототип категории, а девиационные произнесения, наоборот, забываются [Bybee 2001: 33, 52].

Другую крайность когнитивного направления представляет собой модель, при которой именно фонема считается операционной ментальной единицей. Такое понимание предполагает, что носители языка всегда воспринимают слова как последовательности фонем и, наоборот, при речепорождении всегда конструируют словоформы из повторяющихся сегментов в реальном времени [Nathan 2006: 189].

Такой радикальный взгляд в целом не находит экспериментального подтверждения, однако произнесение словоформы нельзя считать и

---

⁵ Всего в настоящее время известно около 15 моделей восприятия речи, в основном западных [Венцов, Касевич 2003 (1994): 8], однако они распределены по различным сферам лингвистики — часть из них является общелингвистическими построениями, часть принадлежит к компьютерному моделированию речи и искусственного интеллекта, часть — к психологии и психолингвистике.

простой операцией ее бездумного извлечения из памяти и повторения, полностью исключая когнитивные операции над сегментами. По-видимому, в процессе порождения и восприятия речи, в зависимости от текущих задач, сочетается как нисхождение «сверху вниз», от целостных значащих единиц к их сегментной структуре (холизм), так и, наоборот, «снизу вверх», от фонемного анализа к целостным сегментным последовательностям (элементаризм):

В процессах восприятия речи преимущественно используются «надфонемные» коды, а фонемная запись выступает как своего рода побочный продукт распознавания (...). Тем не менее фонемный код, пусть с перцептивной точки зрения недостаточно эффективный и экономный, остается принципиально доступным и необходимым, ибо в противном случае и языковая система, и перцептивные механизмы лишаются абсолютного свойства **открытости**: не имея возможности прибегать к фонемному коду, человек не смог бы воспринимать новые и вообще мало предсказуемые единицы [Зиндер, Касевич 1989] (см. тж. [Венцов, Касевич 2003 (1994): 50–54; Mompéan-Gonzalez, в печати: 12]).

Дополнительными подтверждениями психологической реальности фонемы являются и звуковые изменения, регулярно затрагивающие один и тот же звук в различных словоформах, вне зависимости от семантики. Или же, например, если человек впервые услышал какое-то слово произнесенным на другом диалекте или социолекте его языка, имеющем фонетические отличия от его собственного, он скорее будет склонен повторить его не в оригинальной форме, а произведя звуковой «пересчет» на свой вариант языка [Mompéan-Gonzalez, в печати: 12; Taylor 2006: 41–44, Nathan 2006: 179–190].

Собственно говоря, аналогичные аргументы в пользу реальности и автономности фонемы высказывал в России еще Л. Р. Щерба [Lieberman 2004: 36]. Также широко известны аргументы в пользу ментального оперирования фонемами, приводимые Сэпиром, работавшим с носителями бесписьменных языков [Sapir 1933]. В. Б. Касевич, отрицая значимость фонемы для слоговых языков, приводил примеры, показывающие, что их носители тем не менее могут ограниченно оперировать частями слога, инициалью и финалью [Касевич 1983: 311–316].

Один же из центральных аргументов в пользу психологической реальности фонемы заключается в опоре на сегментную графику, которая очень широко распространена в современном мире. Ребенок, возможно, не имеющий никаких фонемных категорий в своем сознании и оперирующий словами или максимум слогами, в момент освоения письмен-

ности так или иначе получает идею о том, что значащие единицы состоят из повторяющихся звуков. Любой грамотный человек скажет, что слова состоят из «звуков» или «букв». Грамотный человек хранит в памяти и может ментально оперировать не только устным, но и письменным образом словоформ, который состоит из сегментов. Через сегментную графику фонема в любом случае обретает психологическую реальность в сознании носителей, даже если это уже отчасти вторичное культурное явление [Nathan 2006: 179–180; Taylor 2006: 40; Mompéan-Gonzalez, в печати: 4–5]. Это в принципе признают даже противники наличия ментального прототипа фонем у таких носителей, которые не умеют писать или же используют несегментную графику [Bybee 2001: 36; Välimaa-Blum 2009: 13–15, 45]. В этом смысле показательны эксперименты с носителями китайского языка, имеющего иероглифическую письменность [Read et al. 1986], или с русскими детьми, только обучающимися письму [Касевич 1983: 233]. В ходе этих исследований выяснилось, что обе эти группы испытуемых получают способность к манипулированию звуками в словах только после того, как хотя бы в какой-то степени обучатся графике на сегментной основе.

Таким образом, сегментная графика создает в массовом сознании, включая и лингвистов, представление о том, что более крупные единицы речи состоят из повторяющихся отдельных звуков (т.н. ‘literacy bias’). Подобное представление даже затеняет те реальные факты, что в онтогенезе, наоборот, фонемы вычлняются из целостных слов уже после усвоения последних, путем операций абстрагирования, сравнения и отождествления, а также что устная речь представляет собой непрерывный поток акустической информации, где границы между сегментами отсутствуют. Это может создавать проблемы, например, для правильного усвоения и обучения произношению на иностранных языках [Fraser 2010]. При всем при этом сегментная графика делает фонемы в сознании большинства людей более чем реальными.

В число таких людей входят и те носители языков, с которыми мы обычно сталкиваемся на при полевой работе. Они имеют в сознании идею о фонеме, полученную через обучение грамотности — реже на своем родном языке, чаще на языке, доминирующем в данной среде. Поэтому с ними обычно можно так или иначе обсуждать проблемы отдельных звуков их языков — делая поправку на то, что фонемной письменностью они, как правило, владеют на другом языке, имеющем иную фонологическую систему. Информант обычно в состоянии как-то ответить на вопрос о том, «какие в этом слове звуки», однако нередко снабдит ответ комментарием, что «письменности на нашем языке нет, и по-

этому я не знаю, какие звуки здесь правильные». Более того, фонологическая и графико-орфографическая система письменного доминирующего языка, а также описывающая их терминология накладывают отпечаток на интерпретацию информантом фонем своего языка. Это надо обязательно учитывать при оценке их «фонологических» ответов.

4. Фонема и данные неврологии

Итак, современное когнитивное понимание фонемы, как и концепция Щербовской школы, фактически возвращают нас к истокам фонологии — к трудам Бодуэна де Куртене конца XIX века:

Фонема ⟨...⟩ есть однородное, неделимое в языковом отношении антропофоническое представление, возникающее в душе путём психического слияния впечатлений, полученных от произношения одного и того же звука [Бодуэн де Куртене 1963 (1899): 355].

Московский исследователь В. Н. Белоозеров, комментируя данное определение, отмечает следующий важный момент:

Если сделать поправку на принятую в то время фразеологию, то станет ясно, что это понятие логически выводится из Сеченовских представлений о деятельности высшей нервной системы. В книге «Рефлексы головного мозга...» [1866] И. М. Сеченов объяснял возможность человека осуществлять произвольные движения, в том числе и речь, тем, что в частности центральная нервная система человека сохраняет в себе следы воспринимавшихся ранее ощущений, т.е. эти ощущения представлены в виде некоторых изменений в нервной ткани. Причём «от частоты повторения реального ощущения, или рефлекса, ощущение делается яснее, а через это и самое сохранение его нервным аппаратом в скрытом состоянии становится прочнее. Скрытый след сохраняется долее и долее, ощущение труднее забывается» [Сеченов, с. 62]. Поэтому, воспринимая речь, нервный аппарат должен запечатлеть те её отрезки, которые повторяются в стандартном виде чаще всего. Такими отрезками являются звуки ⟨...⟩ [Белоозеров 1974: 54–55].

Из работ Бодуэна де Куртене, материалиста по своим воззрениям, действительно очевидно, что он использовал термин «психическое» как синоним к «церебрационному», «центрально-мозговому» [Бодуэн де Куртене 1963 (1899): 196, 354], т. е. опирался на современные ему биологические представления о работе центральной нервной системы.

Аналогичным образом нервная система, по-видимому, запечатлевает и воспроизводит и более крупные часто повторяющиеся единицы ре-

чи — слоги, слова, фразеологизмы, коллокации и прочие конструкции в широком смысле. Фактически, то, что в лингвистике обычно называется идиоматизацией и фразеологизацией, физиологически должно примерно соответствовать такому следу в нервной ткани мозга. Чем более частотна единица, тем более отчетлив ее след в нейронной структуре — и тем сильнее она в языке фразеологизована (ср. тж. [Вубее 2006]).

Фонемы, будучи самыми частотными единицами языка, подвержены и сильнейшей фразеологизации (см. также раздел 5 ниже). Поэтому скорость фонетических изменений несопоставимо медленнее скорости изменений, например, семантических. Для фонем характерно устойчивое сохранение интегральных фонетических признаков, не служащих непосредственно целям смысловоразличения, причем вплоть до тончайших фонетических деталей. Выход за рамки некоторой фразеологизированной нормы реализации фонетических признаков может не менять фонемную идентификацию, однако создает маркированное произношение (иностранный акцент, сюсюканье, шепелявость и др.).

Немец из северной Германии, который произносит слово *verachten* ‘презирать’ с твердым приступом перед /a/, делает это, безусловно, не потому, что он хочет показать, как членится речевой отрезок. Он делает это просто в силу подражания тому произношению слова *verachten*, которое он услышал и воспроизвел в детстве [Мартине 1960: 217].

Отметим, что представления Сеченова о мозговой деятельности подтверждаются и современными исследованиями в области нейропластичности, прекрасная популяризация которых представлена, например, в работе [Doidge 2007]. В неврологии, начиная с середины XX века, было сформулировано два универсальных принципа взаимодействия нейронов головного мозга: “Neurons that fire together, wire together” и “Neurons that fire apart, wire apart”. Каждое внешнее событие вызывает одновременную или последовательную реакцию не одного, а сразу целой группы нейронов — например, ответственных за слух, за зрение, за осязание и др. Чем чаще под действием внешнего раздражителя одновременно или сразу друг за другом активизируются какие-либо два нейрона, тем сильнее они физически связываются между собой. Это значит, что тем в большей степени мозг человека будет в дальнейшем склонен к тому, чтобы самопроизвольно активизировать один нейрон из этой пары при активизации под внешним воздействием второго нейрона. Если мы, например, привыкли есть под определенную музыку, каждый раз при звучании этой музыки мы будем думать о еде — и наоборот, при мысли о еде будем вспоминать именно об этой музыке. При этом если

в дальнейшем внешняя среда перестанет способствовать одновременной активизации этих нейронов, то связь между ними будет ослабевать. Если мы перестанем слушать эту музыку за едой, то в дальнейшем она будет все реже и реже всплывать в нашей памяти при мысли об обеде.

Действие этих двух принципов обнаруживается в функционировании языка на самых разных его уровнях. Когда ребенок осваивает язык, при появлении определенного предмета или явления он слышит от окружающих каждый раз одно и то же слово — и нейроны, отвечающие как за восприятие этого явления, так и за восприятие сопутствующего ему слова, тесно связываются между собой, и чем дальше, тем крепче. Таким образом, очевидно, и возникают в онтогенезе классические языковые знаки с их условной связью означающего и означаемого. Если ребенок попадает в иную языковую среду и начинает слышать уже другое слово, то прежняя нейронная связь ослабевает, и на ее месте начинает устанавливаться новая. Возможность полного замещения прежней связи определяется сроком ее существования и возрастом усвоения.

То же самое можно сказать и об усвоении фонем. Вспоминая процитированный выше пример Мартине о воспроизведении твердого приступа, можно сказать, что в состав нейронной матрицы, соответствующей реализации *a* в данном контексте, входит активизация нейронов, отвечающих за артикуляторную программу воспроизведения твердого приступа. И чем больше человек будет произносить *a* таким образом, тем больше он будет склонен продолжать делать это именно так и в дальнейшем. Если же он начнет слышать вокруг себя речь с иным произношением *a* (особенно в детстве, когда пластичность мозга наиболее велика), то высока вероятность, что постепенно и он сам начнет говорить иначе.

Итак, в конце XX — начале XXI века круг развития фонологии, по крайней мере в одном из ее направлений, замыкается. Она снова приходит к единению с биологическими и психологическими дисциплинами. Это направление, идущее от самых истоков фонологии, представляется и в дальнейшем крайне перспективным:

Если успехи гуманитарного знания в наступившем веке будут зависеть (...) от соединения достижений естественных наук, прежде всего — биологии, с еще мало изученным с этой точки зрения материалом наук о человеке, то нейролингвистика и психофонетика окажутся теми областями, где продвижение в этом направлении уже начинается [Иванов 2004: 24].

Возвращение в науку о языке общих принципов работы человеческого сознания также отчетливо проявляет тот факт, что в фонологии нет ничего уникального, по сравнению с прочими отраслями лингвист-

тики. Будучи таким же продуктом мышления, фонология не может не функционировать по тем же законам, что и другие уровни языка. Более того, фонемы несколько не ближе по своей природе к «физической реальности», чем морфемы, лексемы, синтаксические конструкции. Это такие же символические абстракции человеческого сознания. Нижеследующее рассуждение о знаковой природе фонемы является прямым следствием данного положения.

5. Фонема и языковые знаки

Попробуем рассмотреть проблему сущности фонемы, следуя логике рассуждения, принятой в рамках когнитивной парадигмы. Р. Лангакер, обсуждая метод исследования в когнитивной науке, говорит о том, что к исследованию концептуализации можно подходить с двух сторон. Во-первых, можно описывать наш ментальный опыт сам по себе. Во-вторых, можно изучать те биологические процессы нервной системы, которые лежат в основе этого опыта. Эти два метода называются им «феноменологический» (phenomenological) и «процессуальный» (processing). Когнитивная семантика в основном использует первый как более доступный для лингвистов. Второй метод применяется, в частности, в психолингвистических экспериментах, клинических исследованиях афазии, компьютерном моделировании и т.д. Однако Лангакер справедливо отмечает, что и для таких исследований в качестве отправной точки необходимо феноменологическое моделирование [Langacker 2008: 31].

Таким образом, основным методом исследования в когнитивной лингвистике фактически является метод феноменологической философии, созданной Э. Гуссерлем в начале XX века и в основе своего понимания феноменов во многом восходящей к И. Канту (ср. апелляцию к Канту и в [Венцов, Касевич 2003 (1994): 48–50]). В начале 2000-х годов в рамках когнитивного направления появилась особая феноменологическая фонология, представленная работами Х. Фрззер. Она достаточно строгим образом применяет к фонологии этот метод. В феноменологии выделяется три уровня анализа: слов, реальности и промежуточного уровня понятий (концептов, ментальных репрезентаций, категорий). Слова и понятия существуют не сами по себе, а в сознании Субъекта. С их помощью он описывает реальность, причем может делать это самыми различными способами. Понятия формируются путем абстрагирования от определенных сторон реальности. Слова — это символы, отсылающие к понятиям, а не напрямую к реальности. Именно слова и понятия, а не реальность сама по себе, обуславливают поведение

Субъекта. При этом для Субъекта характерна т. н. «естественная установка» (наивный реализм), т. е. он по умолчанию считает, что слова отсылают напрямую к реальности, а не к понятиям. Философия же должна преодолевать эту позицию [Fraser 2006: 56–63].

Доводя феноменологический метод рассуждения до логического конца, мы приходим к тому же выводу, к которому пришла и Х. Фрэйзер, и я сама десять лет назад. Фонемы — это такие же символические структуры в сознании, как и любые другие, которые созданы на определенном уровне абстрагирования применительно к определенному фрагменту реальности. Аллофоны — это точно такие же символические структуры, концептуализующие те же самые фрагменты реальности, только на другом уровне абстракции. Цепочка фонем или аллофонов дискретна, а физическая реальность непрерывна и вариабельна [Fraser 2006: 67].

У меня, как и у многих когнитивных лингвистов (в т. ч. и у Х. Фрэйзера [Fraser 2010: 592–593]), уже в исходном тексте десятилетней давности содержалась апелляция к исходной сосюрговской концепции знака. В более поздней традиции, восходящей к Ч. Моррису и Р. Карнапу, знак понимается как материальный носитель, представляющий другую сущность. Соссюр же называет знаком двустороннюю сущность, причем ставит акцент не на означаемом или означающем, а самой связи и ее произвольности. Внутренняя структура как означаемого, так и означающего принципиально иррелевантна для самого факта наличия условной связи между ними, хотя она может мотивировать возникновение этой связи.

При этом у Соссюра и означаемое, и означающее языкового знака всегда первоначально психичны по природе, однако потенциально реализуемы вовне и фиксируемы в материальных носителях:

Языковой знак связывает не вещь и ее название, а понятие и акустический образ. Этот последний является не материальным звучанием, вещью чисто физической, а психическим отпечатком звучания, представлением, получаемым нами о нем посредством наших органов чувств; акустический образ имеет чувственную природу, и если нам случается называть его «материальным», то только по этой причине, а также для того, чтобы противопоставить его второму члену ассоциативной пары — понятию, в общем более абстрактному [Соссюр 1999 (1916): 69].

Действительно, цепочка фонем, являющаяся в прототипическом случае означающим морфем и слов, ни в коем случае не может считаться материальным выразителем знака, поскольку фонемы представ-

ляют собой психологическую, а не физическую реальность. Не считая сами фонемы знаками, исследователи не дают им какого-либо положительного определения. Они определяются только отрицательно, как «незнаки»: «Фонема находится на пересечении звучания и значения, но сама не является ни звуком, ни смыслом, ни знаком» [Попов 2004: 5].

Фонема при этом не является единственной ментальной единицей, когнитивная природа которой неочевидна. Такие единицы появляются, как только мы отходим от прототипических знаков, т. е. лексем, в сторону как фонологического, так и синтаксического уровней. Самые абстрактные грамматические значения (например, семантически немотивированное падежное управление) минимально участвуют в сознательной мыслительной деятельности человека и преимущественно выполняют синтаксическую функцию связывания элементов текста между собой. Их функция — также чисто конститутивная, но не на уровне морфем и слов (как у фонем), а на уровне текстообразования. В морфологии такие знаки называются «пустыми», то есть не имеющими семантики, что является своеобразным оксюмороном.

Например, И. А. Мельчук предлагает следующую иерархию морфологических средств с точки зрения степени их информативной нагруженности:

Сегментные знаки (морфы):

1. «Нормальные» знаки (означающее, означающее, синтактика);
2. Нулевые знаки (пустое означающее);
3. Пустые знаки (пустое означающее);
4. Пустые и нулевые знаки (пустые означающее и означаемое, знак постулируется только на основании синтактики).

Супрасегментные знаки (супрафиксы) и морфологические операции (модификации и конверсии):

1. Значащие;
2. Незначащие (обычно сопровождающие другие языковые знаки) [Мельчук 2001: 20–33]. Незначащие модификации и есть то, что традиционно называется морфонологическими чередованиями, и функционально они очень близки к фонемам:

Незначащая просодия входит как неотъемлемая составная часть в состав соответствующего означающего; что же касается незначащей модификации, или конверсии¹, то они лежат на том же уровне, что и фонемы, в следующем смысле слова: все эти единицы в данном языке представляют собой просто средства выражения; это, так сказать, строительный материал, из которого в

принципе могут строиться означающие, однако сами по себе означающими не являются [Мельчук 2001: 24].

Мельчук привычным для нас образом основывает свои шкалы на бинарной оппозиции «наличие vs. отсутствие семантики». Однако видно, что ее последовательное применение порождает большое количество парадоксальных единиц, часть которых фактически ничего не «значит», но тем не менее считается знаками.

Кроме того, узкое понимание знака резко противопоставляет «значащие» и «незначащие» языковые единицы, затемняя их единую когнитивную природу. Семиотика XX века в лице Ч. Пирса, Ч. Морриса, Ф. де Соссюра, Ж. Дерриды, Р. Барта, феноменологическая философия, когнитивная лингвистика, показали, что все процессы человеческого мышления и рациональной категоризации смыслов следует описывать именно как символические. Любой продукт работы сознания является символом. Поэтому представляется, что терминологии следовало бы скорее подчеркивать, чем скрывать сущностную однородность языковых единиц. Принципиально знаковая природа их всех заключается в том, что с их помощью человеческий мозг воспринимает, обрабатывает и в конечном итоге означает как явления внешнего мира, так и явления, служащие внутренней когерентности текста, который является для мозга основным инструментом взаимодействия с миром.

Возвращаясь теперь к фонемам — вне зависимости от того, хранятся ли они в памяти и извлекаются оттуда в процессах речепорождения и речевосприятия или же конструируются *ad hoc* в случае необходимости, когнитивные способы их формирования остаются одними и теми же. Это те же самые механизмы символизации, что используется для образования всех других языковых единиц: абстрагирование, сравнение, отождествление, синтез, анализ. При этом формируемая ментальная единица является единой сущностью, а не множеством. Математические модели фонемы, представляющие ее как множество, исходят из общей идеи уподобления нейронных механизмов работы мозга компьютерному вычислению. Такая аналогия сыграла свою полезную роль в эпоху развития теории информации и работы над созданием искусственного интеллекта. Однако в начале XXI века все больше ученых опровергают ее как искажающую тот неоспоримый факт, что мозг не является ком-

пьютером и не работает по его законам [Венцов, Касевич 2003 (1994): 8; Фрумкина 1995; Langacker 2008: 10; Shulman 2009]⁶.

Поэтому более современным представляется такое определение фонемы, которое апеллирует к максимально естественным теориям устройства языка в сознании носителей, к антропоцентрическим парадигмам. Определение должно указывать на психическое единство фонемы и на ее принципиально символический характер. Известное математическое определение В. А. Успенского фонемы как класса смыслоразличительного разбиения алфавита звуков [Успенский 1964] можно было бы семиотически переформулировать следующим образом: фонема — это имя класса смыслоразличительного разбиения алфавита звуков. Такая фонема — это единый психический коррелят («означающее»), концептуализирующий определенные отрезки речи («означаемое») с варьирующими в определенных границах акустико-артикуляторными параметрами (интенсивностью, частотой, спектром, положением и характером движения артикуляторных органов, характером движения воздушного потока и др.).

Здесь следует особо подчеркнуть, что означаемое фонемы — это не напрямую физическая реальность. Это не «внешняя» звуковая волна, которая приходит к человеку и исходит от него, а «внутренний» звук, т. е. субъективное параметрическое представление звука в сознании человека (о значимости этого различия см. [Венцов, Касевич 2003 (1994): 45]). Перевод «внешнего» звука во внутренний — это общекогнитивная процедура человеческого мозга, она не зависит от языка и касается не только звуков речи, но и любых других звуков. Однако сегментация «внутреннего субъективного представления» непрерывного акустического сигнала на некоторые минимальные отрезки, символизация его путем приписывания фонемной структуры — это уже речевой механизм, зависящий от конкретного языка [там же: 45–46, 67]. В цитируемой монографии специально отмечается, что конкретное устройство механизма этой сегментации до сих пор не получило подробных и адекватных истолкований в существующих моделях восприятия речи [там же]. Однако важен сам факт, что в случае фонемы мы имеем два различных типа сущностей, имеющих психическую природу и связанных условной связью. Для фонем речевосприятия, это приходящий «внут-

---

⁶ Вместе с тем в [Венцов, Касевич 2003: 8–9] отмечается, что такое противопоставление этих двух типов языковых моделей отчасти условно. Любые виды языковых моделей в конечном счете тестируются компьютерным способом, поскольку иных способов фактически не существует.

ренний» звук (включающий явления коартикуляции, редукции и другие виды искажений, по сравнению с намерением говорящего) и его дискретная символизация в фонологических единицах конкретного языка. Фонологическая символизация, как уже говорилось, лишь частично осуществляется на основе физических параметров «внутреннего» звука. Во многом это результат «анализа через синтез», то есть восстановления полной сегментной цепочки после отождествления слова целиком.

Устройство фонемы таким образом оказывается изоморфно устройству значащих единиц языка, где также имеется две психические сущности (понятие и цепочка фонем), между которыми установлена ментальная условная связь.

Фонема как знак в результате снова возвращает нас к исходной концепции Бодуэна де Куртене о фонеме как о едином психоакустическом образе и к поставленной им задаче построить «синтетическую теорию, которая должна была связать «основные начала языка», или фонемы, имеющие психическую природу, с единицами фонационной и аудиционной стороны речи» [Белоозеров 1974: 4].

Какими же общими свойствами обладают все единицы языка как когнитивные символические сущности? Можно назвать по крайней мере четыре таких свойства: функция участия в построении текста — основной коммуникативной единицы, направленной на выражение смысла, — синтагматика, парадигматика, фразеологизованность.

Все языковые единицы несут свою **функцию** в передаче речевой информации, основной единицей которой является текст. Языковые единицы низших уровней участвуют в построении как его означаемого, так и его означающего. Функция первого типа называется обычно когнитивной, или информативной, а второго типа — конститутивной. Структурирование не только смысловой стороны, но и внешнего оформления существенно для формирования текста, способного успешно выполнять предполагаемые для него функции. Отсутствие собственной смысловой нагрузки не мешает чисто конститутивным элементам «выполнять важные функции: создавать избыточность, облегчающую распознавание форм, удовлетворять требованиям синтаксического контекста и т. д. — одним словом, участвовать в построении означающих» [Мельчук 2000: 21].

По-видимому, всем языковым единицам присуща конститутивная функция. Информативную функцию они выполняют в различной степени, однако эта функция не чужда даже фонеме. Сюда относятся явления фонологической прагматики (см. раздел 6) — например, «звуковая

стилистика» Трубецкого, фоносемантика, русские [g] и [γ], информирующие о территориальном происхождении говорящего, и др.

Второе важнейшее свойство любых языковых единиц — это **синтагматика**, называемая обычно синтактикой⁷. Мельчук, доводя классификацию морфологических знаков до логического конца, постулирует существование пустых, нулевых и одновременно пустых и нулевых знаков. При этом он неизбежно приходит к выводу, что синтактика является более важным признаком языковых знаков, чем наличие традиционного понимаемого означаемого и означающего:

В самом деле, ведь именно этот компонент отличает языковые знаки от знаков вообще (...) Таким образом, он является необходимым компонентом языковых знаков. В то же время он является их достаточным компонентом — достаточным, чтобы обеспечить их существование [Мельчук 2001: 2001].

Фонема, безусловно, обладает собственной синтактикой. Синтактика языковых единиц — это следствие линейности речи. Это также еще и прямое следствие действия общекогнитивных механизмов абстракции, отождествления и синтеза. Чтобы можно было вообще говорить о синтактике языковой единицы, мы в первую очередь должны уметь выделить и отождествить эту единицу как некоторую единую сущность из тех разнообразных контекстов, где она встречается⁸. Например, чтобы говорить о синтактике фонемы, необходимо вначале определить какие аллофоны и в каких контекстах следует считать представителями этой фонемы. То же самое можно сказать и о лексеме: возможность описания ее синтаксических свойств предполагает, что решена проблема полисемии и отделения ее от омонимов.

Третьим свойством языковых единиц является **парадигматика**. Важным наследием структурализма, включая и фонологию Трубецкого, Jakobsona и Халле, Хомского, является осознание в лингвистике того факта, что все языковые единицы существуют не сами по себе, а составляют систему изоморфных единиц — парадигму. Как Щербовская фонологическая школа, так и западная когнитивная фонология считают, что отличия функционально вторичны по отношению к тождеству единиц самим себе: «Из двух функций фонемы — позитивной (отождестви-

---

⁷ В разделе 6 понятие «синтактика» используется в семиотическом понимании и включает в себя как синтагматику, так и парадигматику; здесь же я использую этот термин в понимании И. Мельчука.

⁸ Ср.: «The key characteristic of phonemes is “equivalence across contexts” (Pierrehumbert, 2003: 118)» [Taylor 2006: 36].

тельной) и негативной (различительной) — на первый план выдвигается отождествительная, которая интерпретируется как конститутивная» [Попов 2004: 14]. Однако полностью нивелировать роль парадигматических различий абсолютно невозможно. Парадигматика особенно существенна для системного лингвистического описания языка, обучения новым языкам и восприятия новых слов на языках уже известных. Различия единиц в системе отражают такое общекогнитивное свойство мышления, как способность к анализу.

Четвертое свойство языковых единиц — это **фразеологизованность**. В разделе 3 уже упоминалась фразеологизованность реализации языковых единиц, включая и фонему. Это обусловлено действием нейронных процессов, связанных с памятью (запоминанием, вспоминанием, сохранением в памяти, забыванием).

Однако фразеологизация вообще представляет собой «всеохватное языковое явление» [Мельчук 2001: 459], пронизывающее язык в различных плоскостях. Целое в языке фразеологизовано по отношению к его частям. Например, «свойство идиоматичности характеризует отношение значения словоформы к значению составляющих ее морфем: как известно, далеко не во всех случаях значение целого равно простой сумме значений частей» [Плунгян 2000: 27]. Означающие знаков фразеологизованы по отношению к означаемым. Это эксплицитно проявляется в случаях несоответствия их структуры. Таким случаям, в частности, уделяет большое внимание И. А. Мельчук, посвящающий фразеологизации в морфологии отдельную главу IX части V «Курса общей морфологии» [Мельчук 2001]. Например, далеко не всегда членение слова на фонемы совпадает с членением его на граммы:

Обращаясь к морфологии, мы получаем не фонологическое членение, а морфологическое значение, которое может выражаться и тоном, и тем, что мы обычно называем различительным признаком, ⟨...⟩ и фонемой, ⟨...⟩ и слогом, и даже отдельным словом» [Кузьменко 1991: 117].

Обобщая, можно сказать, что связи между различными плоскостями языка действительно условны в том, что каждая из них может «жить своей жизнью». Поскольку нейроны вступают в огромное множество связей, направления изменения этих связей далеко не всегда взаимно согласованы. Соответственно, рассогласованность направления изменений разных языковых плоскостей может приводить к нарушению их структурного изоморфизма. При этом она является лишь следствием общей фразеологизованности означаемого, означающего и связи между

ними. По-видимому, любой языковой знак должен представляться как некоторая структура плюс обязательный оператор фразеологизации⁹.

В фонологии такая рассогласованность между означающим и означаемым явно проявляется в особенности в моменты звуковых изменений. Например, физически звук уже исчез, но носители продолжают его «слышать» — или же наоборот, они уже не воспринимают наличия звука, а в действительном произношении еще сохраняется какой-то его призывок (ср., например, о процессе исчезновения глухих гласных в ижорском языке в [Кузнецова 2012; Kuznetsova 2013]).

Итак, с моей точки зрения, следует считать любые типы языковых единиц знаками, символическими сущностями. Признание всех чисто конститутивных языковых единиц знаками позволит снять противоречие в парадоксальных понятиях «пустой», «нулевой» и «пустой и нулевой знак». «Пустые знаки», как и фонемы и прочие подобные единицы, можно считать конститутивными языковыми знаками, служащими для построения семантически нагруженных знаков более высокого уровня.

6. Измерения фонемы

Поскольку данная статья предназначена в том числе и для решения практических задач описания фонологии в полевых исследованиях, ниже будет изложено мое видение той конкретной методологии, которую целесообразно применять. Мне по-прежнему представляется перспективным описание фонемы по совокупности различных ее измерений, отражающих разные стороны функционирования. Сумма значений, принимаемых фонемой по всем переменным, и указывает на ее индивидуальные функциональные особенности и место на шкале от прототипических фонем к прототипическим контекстно обусловленным аллофонам, степень ее ядерности или периферийности. Такой способ описания в фонологии далеко не новый (см., например, идеи британского лингвиста Ч. Бэйзела 1950-х годов [Fisher-Jørgensen 1975: 373–374]), но и не устаревающий. Так, например, комплексное использование критериев эксплицитно постулируют западные когнитивные фонологи [Mouréan-Gonzalez 2006: VIII], а также известный американский фонолог Ларри Хайман, продвигающий идею *property-driven typology* [Human 2006].

Для фонемы как для символической сущности обнаруживаются те же семиотические измерения, которые были сформулированы Ч. Моррисом для традиционных языковых знаков: «семантика», «син-

---

⁹ Эта идея принадлежит Славе Кулешову, см. приложение.

тактика» и «прагматика» (см. тж. приложение). По каждому из них возможно построение набора конкретных критериев, представляемых ниже (список не претендует на исчерпывающую полноту).

Под «семантикой» фонемы понимается структура психического акустического образа, представляемая обычно в виде набора основных аллофонов и описания их дистрибуции и фонетических отличий друг от друга. Количество основных аллофонов у фонемы может быть больше одного и в некоторых пределах варьировать по идиолектам (например, территориально ограниченный вариант [ɣ] у русской фонемы /g/). Иногда структура фонемы может быть крайне диффузной — так, например, нет ни одного фонетического признака, разделяемого всеми основными аллофонами английского /t/ [Mompéan-González 2004: 437].

«Синтактика» фонемы как целостной единицы отражает правила ее распределения со знаками своего уровня (т. е. с другими фонемами) в составе ближайших единиц более высоких структурных уровней — слога, морфемы и словоформы. Последние могут рассматриваться в двух разных аспектах — как структурные единицы и как просодические домены. Синтактика в семиотическом понимании отражает отношение изоморфных знаков друг к другу, т. е. она включает в себя и синтагматику, и парадигматику. Синтагматические правила описывают образование линейных последовательностей фонем, а парадигматические дают сведения о фонологически и грамматически обусловленных чередованиях с другими фонемами в составе алломорфов одной морфемы.

Синтаксические правила регулируют особенности выполнения фонемой ее основных функций, конститутивной и дистинктивной, и потому являются важнейшей ее характеристикой.

У фонемы имеется и свой пласт «прагматической» информации. Ч. Моррис определял прагматику как отношение знаков к пользователям, однако впоследствии это понятие было значительно расширено. В некотором смысле, можно сказать, что прагматика — это «не-синтактика». Имеется в виду релевантное отношение знака как целого к чему угодно, кроме изоморфных ему знаков, его поведение во внешнем по отношению той непосредственной структуре, в которую он входит, контексте. Это, например, может быть отношение к знакам другого уровня (рассматриваемым как целостные двусторонние единицы¹⁰), к ситуа-

---

¹⁰ Это уточнение необходимо для того, чтобы четко отграничить прагматику от синтактики. Синтаксические правила фонемы также описывают ее поведение в составе знаков другого уровня — алломорфов, но последние важны здесь только в плане своего означающего. Означаемое тут учитывается лишь как как

тивному контексту, к знакам другой системы, к пользователю и пр. Поэтому набор прагматических правил по существу своему является неоднородным и, по-видимому, открытым списком. Ни один из прагматических критериев не является ни необходимым, ни достаточным для постулирования полноценной фонемы, однако прагматика определяет более тонкие, индивидуальные особенности функционирования фонем, способствуя выявлению ядра и периферии системы.

Ниже я кратко рассмотрю следующие аспекты фонологической прагматики. Во-первых, это различные виды отношения фонем к морфемам как целостным знакам — внутриязыковая прагматика. Во-вторых, это отношение фонем к их графическим и орфографическим коррелятам, о влиянии которых на формирование фонемных категорий уже упоминалось выше. В-третьих, это оценка фонем и образуемой ими системы с точки зрения их оптимальности для восприятия и порождения носителем языка. Такие критерии можно объединить под общим термином критериев простоты. Критерии простоты включают в себя, в частности, минимальность разбиения на классы, фонетическую компактность фонем и достаточную фонетическую дистанцию их друг от друга [Белоозеров 1974: 70–71].

Можно было бы наметить еще более тонкие прагматические критерии, например, отношения фонем одной языковой системы к фонемам другой языковой системы и их графически-орфографическим коррелятам в случае билингвизма носителя языка. Однако вопрос о взаимовлиянии фонемных систем и их графики и орфографии при билингвизме остается за рамками настоящей работы.

В качестве значений по каждому конкретному параметру задается оппозиция прототипического (немаркированного) vs. всех менее прототипических (более маркированных) случаев. Маркированные случаи могут принимать различные значения для каждой конкретной фонемы той или иной фонологической системы.

Кроме того, каждый из критериев можно дополнительно проверить на степень системности, т. е. посмотреть, насколько велика группа фонем, обладающая определенным значением того или иного признака.

тождественное/нетождественное другому означаемому (алломорфу) для выяснения парадигматики фонемы. Прагматика же предполагает отношение фонемы как целого знака к другим целостным знакам.

Список возможных критериев оценки фонемы

1. «Синтактика».

1.1. Синтагматика.

1.1.1. Фонемы в линейных структурах:

1) дистрибуция с другими фонемами в одних и тех же позициях в рамках структурно релевантных линейных структур (слога, морфемы, словоформы) — пересекающаяся хотя бы в одной позиции (**скорее всего фонема**) vs. всегда дополнительная (**скорее всего фон**);

2) возможные позиции относительно других фонем в рамках структурно релевантных линейных структур (слога, морфемы, словоформы) — любые vs. ограниченные;

3) возможные позиции относительно границ структурно релевантных линейных структур (слога, морфемы, словоформы) — любые vs. ограниченные.

1.1.2. Связь фонемы с просодическими единицами:

4) способность фонемы самостоятельно реализовывать просодему (тон, акцент, словесное или тактовое ударение) — способна vs. неспособна;

5) способность фонемы участвовать в реализации просодемы — способна vs. неспособна;

6) зависимость позиции или реализации фонемы от характера реализации просодемы — независима vs. зависима;

7) зависимость позиции или реализации фонемы от места реализации просодемы — независима vs. зависима.

1.2. Парадигматика:

8) дистрибуция с другими фонемами в соотносительной позиции в составе означающих, принадлежащих значащим единицам более высоких уровней (морфем, словоформ, идиоматических словосочетаний) — не ограничена vs. ограничена.

2. «Семантика».

9) количество основных аллофонов у фонемы — один vs. больше одного;

10) синтаксическое распределение основных аллофонов фонемы между собой (только для значения в п. 9 «больше одного») — дополнительная дистрибуция или свободное варьирование¹¹;

---

¹¹ Критерий может принимать только два указанных значения. Оба они являются маркированными, поскольку данный критерий релевантен только при значении в п. 9 «больше одного».

11) синтаксическое распределение аллофонов фонемы с аллофонами других фонем — непересекающееся vs. пересекающееся¹².

3. «Прагматика».

3.1. *По знакам другого структурного уровня той же системы языка (соотношение фонем как знаков с морфемами как знаками):*

12) общая статистическая распространенность данной фонемы в морфемах рассматриваемого языка — широко распространена vs. ограниченно распространена;

13) статистическая распространенность данной фонемы в морфемах данного языка, определяемых по тому или иному параметру (исконная vs. заимствованная лексика, время появления в языке, слои лексики определенной стилистической окраски, «не-иконические» vs. «иконические» морфологические знаки (междометия, ономотопеи), корни vs. аффиксы) — распространена во всех типах морфем vs. распространение по какому-то параметру ограничено.

3.2. *По знакам того же структурного уровня других языковых подсистем (соотношение системы фонем одного языкового варианта с системами фонем других вариантов того же языка)*¹³.

14) соотношение синхронного состояния фонологической системы с диахронически предшествующими состояниями той же системы — фонема не отличается особой спецификой диахронического развития vs. фонема отличается такой спецификой;

15) соотношения фонологической системы данного варианта рассматриваемого языка с системами других подвидов того же языка — фонема имеется во всех вариантах языка (локальных, социальных и пр.) vs. фонема имеется не во всех вариантах языка.

3.3. *По знакам системы, изоморфной данной, но имеющей иную природу (отражение фонологической системы языка в графике и орфографии, если у языка имеется письменность)*¹⁴.

---

¹² В целом автор придерживается тезиса Петербургской школы о взаимно-однозначном соответствии фона фонеме (т. н. принцип «*once a phoneme, always a phoneme*»). Однако случаи «аллофонной омонимии», в определенных случаях, все же оказывается целесообразным постулировать даже при таком подходе. В частности, один и тот же фон в неполном стиле произнесения может соответствовать двум разным фонемам, реализующимся при полном произнесении (например, [э] для /i/ и /a/ в русском языке).

¹³ В данный подпункт можно было бы включить и соотношение с фонемами другого языка в случае билингвизма носителя языка.

16) наличие у фонемы самостоятельного графического коррелята — имеется vs. не имеется;

17) количество графических коррелятов у фонемы (если значение в п. 16 «имеется») — один vs. больше одного;

18) взаимная однозначность соответствия фонемы со своим основным графическим коррелятом в системе орфографии (если значение в п. 16 «имеется») — соотношение всегда взаимно-однозначно vs. в орфографии фонема может быть представлена графическим коррелятом другой фонемы.

3.4. По свойствам носителя языка (отражению в фонологической системе общих особенностей структуры и функционирования человеческого организма при восприятии и порождении речи):

19) фонема удовлетворяет всем принципам простоты речепорождения и речевосприятия vs. фонема не удовлетворяет одному или нескольким таким принципам.

Все эти критерии, включая и первый (критерий дополнительной дистрибуции), не дают прямого ответа на вопрос о том, какой аллофон безусловно является фонемой, а какой не является. В непрототипических случаях значения различных критериев могут противоречить друг другу, создавая известную проблему неединственности разбиения на классы. Иногда даже при отсутствии у одного фона дополнительной дистрибуции с другим фоном все же можно считать их отдельными фонемами на основе совокупности значений других критериев. Наиболее известным примером здесь является проблема немецких и английских [h] и [ɣ], находящихся в дополнительной дистрибуции, но тем не менее обычно считающихся разными фонемами¹⁵.

Однако эти критерии помогают оценить степень фонемной полноценности исследуемого фона, а также степень ядерности или периферийности единицы, которая уже отождествлена как фонема. Вся совокупность параметров различных типов позволяет достаточно тонко описать функциональные особенности каждой отдельной фонемы. Чем выше степень немаркированности и системности каждого из значений

---

¹⁴ Сюда также можно было бы включить и соотношение фонемы с графикой и орфографией другого языка в случае билингвизма носителя языка.

¹⁵ Ср., например, аргументацию Трубецкого: «То единственно общее, что присуще этим звукам, а именно их консонантный характер, присуще не только им одним, и, таким образом, не этот признак позволяет отличать их от других согласных немецкого языка» [Трубецкой 2000 (1939): 39].

признаков отдельно взятой фонемы, тем ближе находится она к ядру фонологической системы.

Таблица фонем, заданная в терминах различительных признаков, отображает основной результат взаимного наложения значений различных критериев. Формулировка этих признаков в акустико-артикуляторных терминах — это во многом условность, отображающая функциональную группировку фонем (и потому допускает вариативность). Многие тонкости, касающиеся индивидуальных особенностей тех или иных фонем, отразить в такой таблице невозможно. Она показывает лишь магистральные, наиболее регулярные и прототипические отношения между фонемами данного языка, а место для частных аспектов остается в комментариях к таблице.

7. Приложение. Комментарии Вяч. С. Кулешова к первому варианту статьи (электронные письма конца 2004 — начала 2005 года)

1.

Постарайся в первой части, где ты толкуешь знак и фонему как знак, чётче провести противопоставление «фонема функционирует как знак в языке» и «фонема мыслится как знак в языковом описании» — мне этого противопоставления не хватило (твои рассуждения кое-где наводят на мысль, что фонему достаточно вообразить — и она будет). Теперь предлагаю тебе поразмыслить несколько дальше, чем ты пошла в докладе. А именно: коль скоро фонема есть такой особенный языковой знак, означаемым которого является «функционировать в качестве такой-то совокупности признаков для построения означающих морф» или под., а означающим — множество неких субфонемных единиц (фонетических категорий, аллофонов, фонов, супрафонов, фиртовских просодий и т.п. — например, как в японском, где фонема /п/ может реализовываться назализацией предшествующего гласного), она должна подходить по своей структуре на полноценные языковые знаки. Следовательно (я беру здесь семиотику Морриса) фонема есть четвёрка: <означающее, означаемое, синтактика, прагматика>. С первыми двумя мы, положим, разобрались. Синтактика содержит синтагматические сведения о линейной сочетаемости этой фонемы с другими фонемами, о возможных контекстах её употребления в слого, просодическом слове, о её связи с акцентуацией (фонема А может выступать в слого с акцентом Х, а фонема В — не может), а также парадигматические сведения о чередованиях её с другими фонемами — обусловленных, частично обуслов-

ленных, необусловленных. Прагматика — очень важный пласт фонологической информации, до сих пор практически не учитывавшийся в фонологических моделях, — содержит сведения о связи данной фонемы с определённым множеством корней; бывает ведь, что некоторая фонема встречается только в заимствованиях из другого языка (/b/ в финском, /f/ в ливском и дагестанских), или встречается в двух-трёх корнях (/i/ в русском), или только в междометиях (/h/ в ливском), или сильно обусловлена орфографией. Вот на базе какого-то такого членения фонологической информации и можно построить иерархию признаков.

Я давно заметил, что в естественных языках все четыре вида информации связаны друг с другом. Например, если фонема «нагружена» прагматикой, она «нагружена» и синтактикой — встречается в строго определённых условиях и не подвержена чередованиям; правила из синтактики частично «управляют» означаемым — диктуют контексты аллофонам и т. п. Тут можно построить интересную и содержательную типологию. Вот, например, образ идеальной фонемы-согласного:

— означающее: фонема реализуется одним единственным психологически реальным фоном и никакая другая фонема этим фоном не реализуется;

— означаемое: фонема представлена оптимальный набором смысло-различительных (функциональных) признаков, общих для всей системы и взаимно-однозначно соответствующих фонетическим признакам аллофона;

— синтактика: фонема выступает во всех контекстах, которые только возможны для согласных, при этом нет никакой нейтрализации;

— прагматика: фонема широко используется при построении означающих многочисленных корней базисного словаря.

А теперь крайние варианты, градации до которых дают ту замечательно сложную и разнообразную фонологию, которая характерна для языков мира:

— означающее: фонема реализуется множеством аллофонов, правила распределения которых сложны; какие-то аллофоны находятся в свободном варьировании; часть аллофонов реализует другую фонему (фонемы);

— означаемое: фонема представлена более или менее уникальным набором смысло-различительных (функциональных) признаков, не являющихся «сквозными» для всей системы;

или: фонема представлена неустойчивыми признаками, подверженными нейтрализации во множестве контекстов;

— синтактика: фонема запрещена в таких-то линейных контекстах, не встречается под такими-то акцентами, вступает в многочисленные необусловленные чередования;

— прагматика: не встречается в лексике, попавшей в язык позднее, чем тысячу лет назад;

или: встречается в 10 корнях;

или: встречается только в лексике, заимствованной в последние 50 лет;

или: встречается только в междометиях;

или: не имеет своего обозначения в орфографической системе и т. д.

И всё это надо учитывать при компонентном многовекторном иерархическом <анализе>, который ты предлагаешь. Причём зачастую многие такие свойства, как лебедь рак и щука, тянут в разные стороны, формируя не столько <стройную> фонологическую систему, сколько набор. Самые лучшие фонемы — твёрдые, более сомнительные — жидкие, совсем периферийные — газообразные.

Но от фонологических систем, представляемых «стройно», есть польза — они задают важнейшие тенденции, улавливая системность в функциональных признаках наиболее «настоящих» фонем, являющихся и самыми частотными. Настолько частотными, что всё, что не укладывается в <ядерную> фонологическую систему, можно либо «взять в скобочки», либо проигнорировать как периферийное.

Универсалии:

— «более фонем» в языке больше, чем «менее фонем»,

— «периферийных/сомнительных фонем» относительно мало, в морфемах, представляющих базисный словарь, — практически только «самые настоящие фонемы», в слабо адаптированных заимствованиях и междометиях велик удельный вес «менее фонем»,

— в языке с «чёткой артикуляционной нормой» и нераспространённостью чередований кластеры фонологических признаков чёткие, фонемы — ясно различимы, в языке с «нечёткой артикуляционной нормой» и многочисленными нейтрализациями и чередованиями эти кластеры — «нечёткие», пересекающиеся своими перифериями. Другими словами, самые лучшие фонемы — в языках с большой функциональной нагрузкой сегментов речи, в языках «обострённого слуха», самые невнятные фонемы — в языках «притуплённого слуха», нагруженных нефункциональными явлениями, в языках «размытой системности».

Фонология — это очень творческий (в смысле: ‘язык его творит’) и гибкий языковой уровень. Именно на этом уровне язык решает, что он допустит в свою структуру и создаст в ней, а что — нет. Но это на будущее.

2.

Фонема. Я многократно и в разных местах (Маслов, Плуноян и др.) читаю фразу, которой большинство авторов (если не все) начинают и заканчивают тему «фонема как знак». Звучит примерно так: «Если фонема знак, то что она значит?» — «Фонема ничего не значит, и, следовательно, она не знак». Камень преткновения, на мой взгляд, — в понимании природы ‘фонологического значения’. Оно, видимо, не имеет когнитивной природы (не связано с процессами мышления и категоризации смыслов), поэтому налицо сильное отличие от, скажем, лексического значения. Но уже в области грамматического значения отличие не столь резкое: что, например, такое ‘граммема’? Говорящий и слушающий понимают и, при необходимости, обдумывают лексическое значение словоформ, ибо оно важнее всего для целей передачи информации, но понимают и обдумывают ли они их грамматическое значение? Значит, грамматическое значение в некотором важном смысле слабее лексического и не участвует (или значительно меньше участвует) в мыслительной деятельности. Тем не менее, граммема признаётся в том качестве, что может составлять означаемое языкового знака, хотя, как известно, отдельно от лексического значения она в результирующем значении словоформы не может быть выражена. Уровнем ниже идёт фонема, и вот мы возвращаемся к вопросу: что есть фонологическое значение? Видимо, оно ещё слабее грамматического — настолько, что интуиция вообще отказывается воспринимать его как значение. Тем не менее, оно является значением. Это предстоит доказать и сделать это можно несколькими способами.

Во-первых, если систему (фонологическую систему) слагают противопоставленные элементы (фонемы), то каждый такой элемент можно представить в виде колонки значений различительных признаков, как предложил великий Трубецкой. Тем самым мы осуществляем СЕМИОЗИС: что-то одно мы представляем через что-то другое. В данном случае ФОНЕМУ через СПИСОК ЕЁ РАЗЛИЧИТЕЛЬНЫХ ПРИЗНАКОВ. Этот-то список и есть фонологическое значение. Во-вторых, коль скоро фонологическая система есть СИСТЕМА, то количество признаков для исчерпывающего описания его элементов меньше, чем количество самих этих элементов. Поэтому компонентный анализ фонологического зна-

чения — представление его как совокупность значений фонологических признаков — предоставляет настоящие ТОЛКОВАНИЯ — смыслы, мета-язык представления которых проще языка, которому принадлежат толкуемые смыслы. Такие толкования, конечно, слабее лексических, но формально <процедурно> ничем их не хуже! (Может, это покажется тебе плосковато, но я пока ни до чего другого додуматься не могу.) Как ты, видимо, заметила, необходимым условием такого понимания является разделение ФОНЕМЫ-КАК-ЗНАКА и ФОНЕМЫ-КАК-ПРИЗНАКОВОЙ-КОЛОНКИ. Последнее понимание я, как и многие, считаю вообще полезным, но тупиковым, ибо говорим мы не признаковыми колонками.

С означающим фонемы проще, чем с означаемым — ведь оно в конечном итоге физически реально. Про синтактику и прагматику тоже легко всё разъяснить и подобрать примеры. Итак, самое важное понимание, дорогу которому надо пробить, это понимание ФОНОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ. Даже если делать его не таким, как представлено выше, его всё равно можно отыскать и описать (несмотря на его периферийность по отношению к прототипическим ЗНАЧЕНИЯМ). Это достигается формализацией и определением понятия «значение» и демонстрацией того, что фонологическое значение удовлетворяет выбранному определению.

Что касается означающего морф, то подходит одна из двух формулировок:

1) в общем случае означающее морфы/морфемы не связано с суммой означающих её фонем (хотя в случае ономастопей означающее таких морф связано выбором специфических фонем);

2) «сумма» означающих фонем тотально и всегда фразеологизована (об этом явлении см. у Мельчука).

Мне кажется, что второе и лучше, и лучше подходит. Тогда означающее морфы/морфемы = сумма означающих фонем + квантор фразеологизации. Этот квантор (действующий в языке, видимо, на стыках всех уровней) — просто чудо! Он стирает значения нижележащего структурного уровня, дабы освободить место для совершенно нового значения, берущегося не пойми откуда. Вот где случайность означаемого по отношению к означающему — вот где знаковая природа всего!

3.

Насчёт квантора [фразеологизации]. Я консультировался с приятелем-математиком (и с математическим словарем). Всё-таки по науке правильнее будет оператор. Квантор — это нечто другое (более сложное

и головоломное). А просто оператор есть динамическое соответствие двух сущностей (грубо говоря, если А соответствует В, то А квазипредставимо как В плюс оператор этого соответствия). Как бы математическая модель семиозиса. Оператор фразеологизации — динамическое соответствие, заключающееся в утверждении произвольности «означаемого суммы» по отношению к «сумме означающих». Вот так: значение сочетания ‘ломать голову’ не есть сочетание значений ‘ломать.INF’ и ‘голова.ACC.SG’ — возможность такого несоответствия достигнута применением оператора фразеологизации. Значение любой морфы есть фразема относительно суммы значений фонем.

Кстати, если логически пойти дальше по этому пути рассуждения, то можно прийти к выводу, что фонемы не играют определяющей роли при смысловоразличении — только второстепенную. Смыслы, заложенные в морфах, различаются не благодаря тому, что эти морфы реализуются разными фонемными цепочками, а как бы сами по себе. В противном случае не были бы возможны омонимия и синонимия. Взаимно-однозначного соответствия между противопоставлением смыслов и противопоставлением фонемных цепочек нет. Такие соответствия играют в языке большую роль, но они вторичны. Оказывается, что всё же основная функция фонем — быть строительным материалом. А следовательно, если и говорить о смысловоразличении — то не в плане кодирования информации, а в плане декодирования: перцептивное смысловоразличение возможно благодаря отождествлению слушающим разнозвучающих звуковых отрезков с разнозначными текстами. Вот такая занимательная асимметрия: роль фонологии при смысловоразличении различна для говорящего и слушающего.

Литература

- Алпатов, Вардуль, Старостин 2000 — В. М. Алпатов, И. Ф. Вардуль, С. А. Старостин. Грамматика японского языка. Введение. Фонология. Супрафонология. Морфонология. М.: Восточная литература РАН, 2000.
- Белоозеров 1964 — В. Н. Белоозеров. Формальное определение фонемы // Вопросы языкознания 6, 1964. С. 54–60.
- Белоозеров 1974 — В. Н. Белоозеров. Моделирование фонологической системы языкового механизма. Дисс. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 1974.
- Бодуэн де Куртене 1963 (1899) — И. А. Бодуэн де Куртене. Избранные работы по общему языкознанию. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1963 (1899).
- Бондарко и др. 1974 — Л. В. Бондарко, Л. А. Вербицкая, Л. А. Гордина, Л. Р. Зиндер, В. Б. Касевич. Стили произношения и типы произнесения // Вопросы языкознания 2, 1974. С. 64–70.

- Венцов, Касевич 2003 (1994) — А. В. Венцов, В. Б. Касевич. Проблемы восприятия речи. М.: УРСС, 2003 (1994).
- Зиндер, Касевич 1989 — Л. Р. Зиндер, В. Б. Касевич. Фонема и ее место в системе языка и речевой деятельности // Вопросы языкознания 6, 1989. С. 29–38.
- Иванов 2004 — Вяч. Вс. Иванов. Лингвистика третьего тысячелетия: Вопросы к будущему. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Касевич 1983 — В. Б. Касевич. Фонологические проблемы общего и восточного языкознания. М.: Наука, 1983.
- Касевич 1998 — В. Б. Касевич. О когнитивной лингвистике // А. В. Бондарко (отв. ред.). Общее языкознание и теория грамматики. Материалы чтений, посвященных 90-летию со дня рождения С. Д. Кацнельсона. СПб.: Наука, 1998. С. 14–21.
- Касевич 2013 — В. Б. Касевич. Когнитивная лингвистика: В поисках идентичности. М.: Языки славянской культуры, 2013.
- Кодзасов, Кривнова 2004 (1981) — С. В. Кодзасов, О. Ф. Кривнова. Современная американская фонология. М.: Эдиториал УРСС, 2004 (1981).
- Кузнецова 2005a — Н. В. Кузнецова. Еще раз о понятии фонемы // Труды международной конференции ДИАЛОГ'2005 «Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии», <http://www.dialog-21.ru/Archive/2005/KuznetsovaN/ KuznetsovaN.htm>.
- Кузнецова 2005b — Н. В. Кузнецова. Сравнительно-типологический анализ фонологических систем эстонского и русского языка: Дипломная работа студ. ... 5 курса. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005.
- Кузнецова 2009 — Н. В. Кузнецова. Фонологические системы ижорских диалектов. Дисс. ... канд. филол. наук. СПб.: ИЛИ РАН, 2009.
- Кузнецова 2012 — Н. В. Кузнецова. Просодика словоформы в нижнелужском диалекте ижорского языка // Acta linguistica Petropolitana. Труды ИЛИ РАН. Т. VIII. Ч. 1. СПб.: Наука, 2012. С. 43–103, 506–521.
- Кузьменко 1991 — Ю. К. Кузьменко. Фонологическая эволюция германских языков. Л.: Наука, 1991.
- Мартине 1960 — А. Мартине. Принцип экономии в фонетических изменениях. М.: Изд-во ин. лит-ры, 1960.
- Мельчук 2000 — И. А. Мельчук. Курс общей морфологии. Т. 3. Москва; Вена: Языки русской культуры: Венский славистический альманах, 2000.
- Мельчук 2001 — И. А. Мельчук. Курс общей морфологии. Т. 4. Москва; Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2001.
- Плунгян 2000 — В. А. Плунгян. Общая морфология: Введение в проблематику. М.: Эдиториал УРСС, 2000.
- Попов 2004 — М. Б. Попов. Проблемы синхронической и диахронической фонологии русского языка. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004.
- Ревзин 1964 — И. И. Ревзин. К логическому обоснованию теории фонологических признаков // Вопросы языкознания 5, 1964. С. 59–65.

- Соссюр 1999 (1916) — Ф. де. Соссюр. Курс общей лингвистики. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1999 (1916).
- Трубейко 2000 (1939) — Н. С. Трубейко. Основы фонологии. М.: Аспект Пресс, 2000 (1939).
- Успенский 1964 — В. А. Успенский. Одна модель для понятия фонемы // Вопросы языкознания 6, 1964. С. 39–53.
- Фрумкина 1995 — Р. М. Фрумкина. Есть ли у современной лингвистики своя эпистемология? // Ю. С. Степанов (ред.). Язык и наука конца 20 века. М: ИЯз РАН. 1995. С. 74–117.
- Bybee 1994 — J. L. Bybee. A view of phonology from a cognitive and functional perspective // *Cognitive Linguistics* 5 (4), 1994. P. 285–305.
- Bybee 1999 — J. L. Bybee. Usage-based phonology // M. Darnell, E. Moravcsik, F. J. Newmeyer, M. Noonan, K. M. Wheatley (eds). *Functionalism and formalism in linguistics. V. I: General Papers*. Amsterdam–Philadelphia: John Benjamins, 1999. P. 211–242.
- Bybee 2001 — J. L. Bybee. *Phonology and language use*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
- Bybee 2006 — J. L. Bybee. From usage to grammar: The mind's response to repetition // *Language* 82 (4), 2006. P. 711–733.
- Doidge 2007 — N. Doidge. *The brain that changes itself: Stories of personal triumph from the frontiers of brain science*. New York: Viking Press, 2007.
- Dresher 2011 — B. E. Dresher. The phoneme // M. van Oostendorp, C. J. Ewen, E. Hume, K. Rice (eds.). *The Blackwell companion to phonology*. Oxford: Wiley. P. 241–266.
- Fisher-Jørgensen 1975 — E. Fisher-Jørgensen. *Trends in Phonological Theory: A Historical Introduction*. Copenhagen: Akademisk Forlag, 1975.
- Fraser 2006 — H. Fraser. Phonological concepts and concept formation: Metatheory, theory and application // *International Journal of English Studies* 6 (2), 2006. P. 55–75.
- Fraser 2010 — H. Fraser. Cognitive theory as a tool for teaching second language pronunciation // S. de Knop, F. Boers, T. de Rycker (eds.). *Fostering language teaching efficiency through cognitive linguistics*. Berlin–New York: Mouton de Gruyter, 2010. P. 357–380.
- Fraser 2011 — H. Fraser. *Phonetics and Phonology* // J. Simpson (ed.). *The Routledge handbook of applied linguistics*. New York: Routledge. P. 611–624.
- Hulst 2003 — H. G. van der Hulst. Cognitive phonology // J. Koster, H. van Riemsdijk (eds.). *Germania et alia. A linguistic Webschrift for Hans den Besten on the occasion of his 55th birthday*. Tilburg–Groningen: University of Groningen, 2003. P. 1–24.
- Hyman 2006 — L. M. Hyman. Word-prosodic typology // *Phonology* 23, 2006. P. 225–257.
- Jaeger 1980 — J. J. Jaeger. *Categorization in Phonology: An experimental approach*. Ph.D. dissertation. Berkeley: University of California, 1980.

- Kuznetsova 2013 — N. Kuznetsova. Vowel reduction in Lower Luga Ingrian: scientific description and “folk” perception // E. V. Golovko, M. L. Lurie, M. L. Muslimov, S. A. Oskolskaya (eds.). ‘Folk linguistics’: Language from speakers’ perspective. Paper abstracts for the conference, St. Petersburg, November 19–21, 2012. СПб.: Нестор-История, 2012. С. 85–87.
- Langacker 1987 — R. W. Langacker. Foundations of Cognitive Grammar. V. 1: Theoretical Prerequisites. Stanford, California: Stanford University Press, 1987.
- Langacker 2008 — R. W. Langacker. Cognitive grammar: A basic introduction. Oxford: Oxford University Press, 2008.
- Lieberman 2004 — A. Lieberman. The reality of the phoneme // Фонетические чтения в честь 100-летия со дня рождения Л. Р. Зиндера. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004. С. 34–38.
- Mompéan-González 2004 — J. A. Mompéan-González. Category overlap and neutralization: The importance of speakers’ classifications in phonology // Cognitive Linguistics 15 (4), 2004. P. 429–469.
- Mompéan-González 2006 — J. A. Mompéan-González (ed.). International Journal of English studies 6 (2): Cognitive phonology. 2006.
- Mompéan-González, в печати — J. A. Mompéan-González. Cognitive linguistics and phonology // J. R. Taylor, J. Littlemore (eds.). The Bloomsbury companion to cognitive linguistics. London–New York: Bloomsbury Academic, 2014.
- Nathan 1986 — G. S. Nathan. Phonemes as mental categories // Proceedings of the annual meeting of the Berkeley Linguistic Society 12, 1986. P. 212–223.
- Nathan 2006 — G. S. Nathan. Is the phoneme usage-based? Some issues // International Journal of English Studies 6 (2), 2007. P. 173–194.
- Nathan 2008 — G. S. Nathan. Phonology: A cognitive grammar introduction. Amsterdam–Philadelphia: John Benjamins, 2008.
- Pierrehumbert 2001 — J. B. Pierrehumbert. Exemplar dynamics: Word frequency, lenition and contrast // J. Bybee, P. Hopper (eds.). Frequency and the emergence of linguistic structure. Amsterdam: John Benjamins, 2001. P. 137–157.
- Pierrehumbert 2002 — J. B. Pierrehumbert 2002. Word-specific phonetics. In C. Gussenhoven & N. Warner (eds.) Laboratory Phonology 7. Berlin–New York: Mouton de Gruyter, 2002. P. 101–139.
- Read et al. 1986 — C. Read, Z. Yun-Fei, N. Hong-Yin, D. Bao-Qing. The ability to manipulate speech sounds depends on knowing alphabetic writing // Cognition 24, 1986. P. 31–44.
- Sapir 1933 — E. Sapir. La réalité psychologique des phonèmes // Journal de Psychologie Normale et Pathologique 30, 1933. P. 247–265.
- Shulman 2009 — A. N. Shulman. Why minds are not like computers // The New Atlantis 23, 2009. P. 46–68.
- Taylor 1990 — J. R. Taylor. Schemas, prototypes, and models: In search of the unity of the sign // S. L. Tsohatzidis (ed.). Meanings and prototypes: Studies in linguistic categorisation. London: Routledge, 1990. P. 521–534.

- Välismaa-Blum 2005 — R. Välismaa-Blum. Cognitive phonology in construction grammar: Analytic tools for students of English. Berlin: Mouton de Gruyter, 2005.
- Välismaa-Blum 2009 — R. Välismaa-Blum. The phoneme in cognitive phonology: Episodic memories of both meaningful and meaningless units? // *CogniTextes* 2, 2009. Доступно по адресу: <http://cognitextes.revues.org/211>.

В. Б. Гулида

СЛОВО БЛАГОДАРНОСТИ

... так случилось, что я ближе познакомилась с Еленой Всеволодовной в самый тяжкий момент моей жизни, когда в глазах темно и непонятно, что делать дальше. Елена Всеволодовна, добрый и теплый человек, позвала меня поехать со своими студентами в Приазовскую экспедицию. И это было правильно — житье в школе на матрасах, и семинары за выщербленными партами для малышей, и люди, наши информанты — такие разные, с неожиданными судьбами, и огромный арбуз на всех по вечерам. Елена Всеволодовна кому-то объясняет лингвистическое, другим отвечает на вопросы по быту, а с кем-то в уголке говорит по душам. Она вся на виду, доступна тому, кому необходима, готова помочь. А потом я видела оживленные студенческие лица и их горящие глаза, когда они делились новостями дня или привозили материал от удаленных информантов. Людям интересно — это дорогого стоит! Так Елена Всеволодовна и Валентин Феодосьевич естественным образом учили студенческий народ, как делается наука.

А я всегда буду благодарна Елене Всеволодовне за эту поездку, за душевное участие, и за все хорошее, что передается от нее другим людям.

М. Ю. Князев

*Елене Всеволодовне
и Валентину Феодосьевичу*

Калмыцкий край, там в эти лета
Блистали многие умы.
Кирилл, владыка интернета,
И Влада, главный наш калмык.
Там Маша Коношенко лихо
Спасала баранов от ига.
В грамматиках нашла крамолу,
Другая Маша, друг глагола,
И Ксюша — гордость всех времен.
Императивов император,
И наш могучий русский Батр
Кирилл там занимал свой трон,
А я, покорный ваш слуга,
Актантами народ пугал.

Нам книги для больших okazji
Сергей Сергеич выдавал.
Не встретить чуши в глоссе к фразе
Он в глупой гордости мечтал.
Среди другого особливо
Он овладел каузативом:
Глаголом толпы гопоты
Он каузировал уйти.
И нес калмыцкого носитель,
Колонизованный варвар,
Елене Всеволодне дар -
В.Ф., тулбокса укротитель,
На милость божий гнев менял
И информантов не пытал.

29.12.2007

Н. В. Кузнецова

ЕЛЕНЕ ВСЕВОЛОДОВНЕ — ЧЕЛОВЕКУ И ПУТЕШЕСТВЕННИКУ

Всегда очень сложно объяснять людям, в каких отношениях состоим мы с Еленой Всеволодовной. А объяснять приходится нередко, когда рассказываешь про экспедиции и про свою научную жизнь. Обычно, чтобы не вдаваться в детали, я просто говорю «мой Профессор». И по сути это во многом так и есть. Елена Всеволодовна появилась в моей жизни в самый подходящий момент — когда мы с однокурсницей, будучи студентами русского отделения второго курса, думали, как бы нам поехать научно поизучать какой-нибудь интересный и не-русский язык. И тут — о удача! — объявление на двери кафедры общего языкознания о наборе всех желающих в экспедицию к мариупольским грекам. Мы тут же записались — и следующие десять лет куда я только не ездила с Еленой Всеволодовной. Греки, ингерманландские финны, Кипр, Дальний Восток, Африка...

С Еленой Всеволодовной очень спокойно в поездке, и всегда найдется интересная тема для разговора. А выпутываться из затруднительных ситуаций она умеет феноменально. Случай, особо запавший мне в душу, я лично не наблюдала, но живо себе представляю. Африканская страна, Елена Всеволодовна в одиночестве приехала покупать книги для библиотеки. Идет через базар в банк — смотрит, а паспорт-то исчез. Ваша реакция в такой ситуации? Бежать в полицию, звонить консулу, хвататься за голову и обливаться слезами? Елена Всеволодовна, не меняя выражения лица, обзревает сцену своим внимательным немигающим взглядом, подзывает первого попавшегося мальчишку и показывает 10 долларов — кто найдет паспорт, тому и награда. И спокойно отправляется себе в банк. Сделав все дела, через четверть часа выходит — и что же? На нее идет огромная толпа мальчишек, и возглавляющий ее победоносно размахивает искомой красной книжицей. Инцидент, как видите, исчерпан.

Хочется пожелать юбиляру свершения всего задуманного, новых интересных мест и людей и поменьше меланхолии! Я верю, что все будет именно так, как она это видит — ведь у нее позитивная карма и сильная воля.

И, Елена Всеволодовна, простите уж за чебуреки!

Д. Ф. Мищенко

БЛАГОПОЖЕЛАНИЕ

Принято считать, что писать «лирические» тексты в фестшрифт проще простого: дескать, их даже глоссировать не нужно. Но мы не ищем лёгких путей, а потому решили сопроводить поздравление глоссами, чтобы каждый носитель муан, знакомый с Лейпцигскими правилами глоссирования, мог прочесть этот текст¹.

***

- (1) *Благ-о-по-желани-е*
-zable'-INTERF-PREF-lrɔ-N.SG.NOM
- (2) *Уважа-ем-ая* *Елен-а* *Всеволодовн-а,*
-gasi.'kpale-PTCL.PRES.PASS-F.SG.NOM E.-F.SG.NOM V.-F.SG.NOM
в этот день-Ø мы собра-л-и-сь здесь,
ta 'lɛɛ-.M.SG.ACC yɪ-M.SG.ACC -kɔɔ' -lɛkpale-PST-PL-'a -gɛ
чтобы приветствовать Вас.
'kooko-.'ke 'pubɔle 'ka.ACC
- (3) *Мы хот-им, чтобы Вы бы-л-и в здрави-и,*
-kɔɔ' -lrɔ.-o-1PL'kooko-.'ke 'ka -o-PST-PL yɪ 'klenya- F.SG.LOC
чащ-е радава-л-и-сь не грусти-л-и и
bhla.'ke.ba-COMP zru.'kpaale-PST-PL-'a laa sriiwole-PST-PL 'ke
не зна-л-и бед-Ø.
laa dɔle-PST-PL -za.-yɔɔ'-F.PL.GEN
- (4) *С праздник-ом Вас!*
lè 'feti-lè 'ka.ACC

---

¹ С сожалением отметим, что в данной работе не были учтены предложения по реформе орфографии языка муан, разработанные в 2011-2013 гг. Е. В. Перехвальской в сотрудничестве с Моизом Йегбе. — *Прим. ред.*

Lorraine Ross

**Friends of Fate, Friends For Life
(poem to honor Elena Perekhvalskaya)**

Flight to Russia, for me all new,
A decade plus since first I flew.
'Twas there dear Lena I first met,
Needing her help, she made all set.

To Dagestan was my intent,
She liked adventure, gladly went.
City to village, mountains we climbed,
Better companion I'd ne'er find.

Trails we shared, our knowledge grew,
For me the landscape, people new
Yet not as foreign as you'd think
For country souls share common links.

Back in Moscow with summer spent,
To follow studies, home I went.
Return I did, two years gone by,
Then in Kazan another try.

Times of tumult, times of unrest
To Dagestan, alone my quest.
Fortune smiled and chance presented,
Any fears could not be vented.

Steps I retraced, friends made anew,
Mountain people, with pride so true.
Then to Lena I did return,
Telling of all, what I had learned.

Still months later she shared her space,
Allowing me to grace her place.
Thanks to her, degree was complete,
She pushed me on to do this feat.

But well beyond degree or course,
She reached into my inner source,
For she changed my path I do say,
Russian friend for life, friend to stay.

Д. В. Сидоркевич

ГЛИНА

Мир никогда не узнает тайны,
Где я храню все, что он отверг:
Тщательно обнесены стенами
Поймы моих заповедных рек.
Тщательно нанесены на карты
Тропы, и копи, и купола.
Слышишь меня? Я лечу, едва ты
Кинешь свой взгляд на мои дела!...

Тайны надежно укрыты мраком —
Мне и самой не найти исток,
Глядя на щели в кирпичных кладках,
Глину которых мы смыли с ног,
Стоя под соснами в звоне ливня,
Чувствуя сырость, как чуют жизнь,
Каждым из слов поминая лихом
Говоры тех, что давно ушли.

Тот, кто не знал их, без плача прикроет нам веки —
Тот, кто не знал их, уже не узнает вовеки...

Кто в этих соснах увидит жилы,
Бьющие снопами янтаря?
Кто мне расскажет, какие силы
Копит песок в борových ручьях?
Кто мне ответит, кого я вижу
Алой чертой заслонив глаза.
Тонкие нити струятся ближе,
Когти разжаты, чтоб снова сжать.

Все это долгие проводы мира в зачатке...
Все это долгие проводы встреч не встречавшихся...
Все это долгие проводы нас, без модальных частиц.
Все это долгие проводы, долгие проводы, долгие проводы...

Все это тайны под слоем мрака.
Сядь и смотри, и не падай ниц!
Тени их, алые, словно маки,
Бродят по иглам моих ресниц.
Тени их — в глиной залитых платьях,
В серых домах на изгибах рек.
Долгие проводы без объятий —
Вот что дано нам одно на всех...

Тот, кто не знал нас, без плача прикроет нам веки...
Тот, кто не знал нас, уже не узнает вовеки...

Долгие проводы — небо в горячке закатной:
Каждый их взгляд — как попытка вернуться обратно,
Каждый их вздох — как надежда родиться живыми,
Каждый рассвет — как приказ подыматься из пыли...
В долгие проводы...

Список научных трудов Елены Всеволодовны Перехвальской

1. Кельтская топонимика на территории современной Швейцарии // Лингвистические исследования 1981. Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков. М.: Наука, 1981. С. 188–190.
2. О значении предлога *kon* в креольском языке чабокано // Лингвистические исследования 1981. Грамматическая и лексическая семантика. М.: Наука, 1981. С. 168–170.
3. Испанское *ser/estar* и ирландское *is/ta* // Лингвистические исследования 1982. Структура и значение предложения. М.: Наука, 1982. С. 155–160.
4. Структура простого предложения в креольском языке Гаити // Лингвистические исследования 1982. Структура и значение предложения. М.: Наука, 1982. С. 161–165.
5. Реты и их распространение на территории Швейцарии // Л. М. Скрелина (отв. ред.). Романоязычные и германоязычные ареалы (языковые ситуации, интерференции, региональные различия). Л.: Изд-во ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1983. С. 71–79.
6. Типологические параллели между французским и кельтскими языками (указательные местоимения) // Лингвистические исследования 1983. Функциональный анализ языковых единиц. М.: Наука, 1983. С. 162–164.
7. Типологические параллели между французским и кельтскими языками (выделительные эмфатические конструкции) // Лингвистические исследования 1984. Грамматика и семантика предложения. М.: Наука, 1984. С. 154–158.
8. Celtic studies in the USSR // Irish Slavonic Studies 5, 1984. Belfast. P. 155–161.
9. Пути языковой интерференции (цыганские диалекты в Европе) // Лингвистические исследования 1984. Историко-типологическое изучение разносистемных языков. М.: Наука, 1984. С. 156–164. (В соавторстве с А. Ю. Русаковым).
10. Диалекты в условиях интерференции // Совещание по вопросам диалектологии и истории языка (лингвогеография на современном этапе и проблема межуровневого взаимодействия в истории языка): Тез. докл. и сообщ. (Ужгород, 18–20 сентября 1984 г.). М.: Наука, 1984. С. 88. (В соавторстве с А. Ю. Русаковым).

11. Пути языковой интерференции (пиджины и цыганские диалекты // III Всесоюзная школа молодых востоковедов. Звенигород, октябрь 1984 г. Тез. докл. Т. II. Ч. II. Языкознание. М.: Наука, 1984. С. 193–195. (В соавторстве с А. Ю. Русаковым).
12. Кельтская группа // Лингвистические атласы. Указатель. Л.: Изд. БАН СССР, 1984.
13. Сравнительно-сопоставительный анализ синтаксических параллелей (на материале кельтских и западнороманских языков). М.: АКД, 1985.
14. К вопросу об историческом формировании Black English // Лингвистические исследования 1984. Структура языка и языковые изменения. М.: Наука, 1984. С. 148–153. (В соавторстве с З. С. Погосовым).
15. Атлас валлийского языка и задачи исторической диалектологии // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Тезисы пятой конференции на тему «Проблемы атласной картографии». Уфа, 28-30 января 1985 г. Уфа, 1985. С. 134–136.
16. Лингвистические ареалы и внешние контакты (севернорусский диалект цыганского языка) // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Тезисы пятой конференции на тему «Проблемы атласной картографии». Уфа, 28-30 января 1985 г. Уфа, 1985. С. 136–137. (В соавторстве с А. Ю. Русаковым).
17. К формированию французского синтаксиса // Современные проблемы романистики: Функциональная семантика: Тезисы докладов V Всесоюзной конференции по романскому языкознанию. Калинин: Изд-во КГУ, 1986. С. 69–70.
18. Языковые контакты и глоттохронология // Диалектика формы и содержания в языке и литературе. Тезисы докладов. Тбилиси: Изд-во Тбилисского гос. университета, 1986. С. 114–116. (В соавторстве с А. Ю. Русаковым).
19. Синкретизм в культуре креольских обществ (европейские и африканские влияния на Гаити) // IV Всесоюзная школа молодых востоковедов. Тезисы. Т. III. Языкознание. М.: Наука, 1986. С. 137–139.
20. К характеристике дальневосточного контактного языка // Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности: Тезисы докладов XXIX сессии РАС (Ташкент, сентябрь 1986 г.). Т. II. Лингвистика. М.: Наука, 1986. (В соавторстве с Ф. А. Елоевой).
21. Языковые контакты и «прагматический код» // Лингвистические исследования 1986. Социальное и системное на различных уровнях языка. М.: Наука, 1986. С. 172–176.

22. Phonetic peculiarities of the Far East Pidgin Russian // Proceedings of the XIth International Congress of Phonetic Sciences. Vol. 6. Tallinn: Ин-т языка и литературы АН ЭССР, 1987. P. 165–168. (В соавторстве с Е. А. Елоевой).
23. К проблеме слов с двойной этимологией // Конференция аспирантов и молодых научных сотрудников ИВ АН СССР: Тезисы докладов. Т. II. Языкознание, литературоведение. М.: Наука, 1987. С. 106–109.
24. Руссенорск как пример начального этапа формирования пиджина // И. Ф. Вардуль, В. И. Беликов (ред.). Возникновение и функционирование контактных языков: материалы рабочего совещания. М.: Наука, 1987. С. 63–67.
25. Идеальная реконструкция и реальное время. Основания верификации // Теория верификации лингвистических отношений. Межвуз. сб. научн. трудов. М.: МОПИ им. Н. К. Крупской, 1988. С. 115–124.
26. Региональный вариант английского языка в Ирландии (синтаксис) // Язык и культура кельтов. Материалы раб. совещания. М., 1988. С. 23–25.
27. Звуковые соответствия в креольских языках // Историческое развитие языков и методы его изучения. Тезисы докладов межвузовской конференции. Ч. 1. Свердловск: Изд. Свердловского гос. ун-та, 1988. С. 21–22.
28. I Рабочее совещание «Возникновение и функционирование контактных языков». (хроника) // Народы Азии и Африки 4, 1988. (В соавторстве с А. Ю. Русаковым).
29. Императив в креольском языке Гаити // Императив в разноструктурных языках: Тезисы докладов конференции «Функционально-типологическое направление в грамматике. Повелительность». Л.: ЛО ИЯ АН СССР, 1988. С. 99–100.
30. Russian-Norwegian po reconsidered // Journal of Pidgin and Creole Languages 4, 2, 1989. P. 287–289. (В соавторстве с В. И. Беликовым).
31. Проект «Удэгейская школа» (цели и задачи). М., 1989.
32. Английский язык Ирландии (некоторые аспекты языковой ситуации) // Билингвизм и диглоссия. Конференция молодых ученых. М.: Изд-во МГУ, 1989. С. 149–163.
33. Доримская Швейцария (языки и этносы) // А. И. Домашнев (отв. ред.). Романо-германская контактная зона. Языки и диалекты Швейцарии. Л.: Наука, 1990. С. 149–163.
34. Китайское культурно-языковое влияние на различные группы удэгейцев // Теоретические проблемы языков Азии и Африки. V Международный симпозиум учёных социалистических стран.

- Тез. докл. советской делегации. М.: Наука, 1990. С. 19–22. (В соавторстве с В. И. Беликовым).
35. Удэгейский язык. Начальный курс. Книга для учителя. М., 1991.
  36. Удэгейский язык. Начальный курс. Рабочая тетрадь первоклассника. Ч. 1–2. М., 1991.
  37. Ила ниманку [Три сказки]. Книга для чтения на удэгейском языке (составление и обработка). М., 1991.
  38. Удэгейский язык в детском саду. Методическое пособие. М., 1991. (В соавторстве с М. В. Тольской).
  39. Уде оносо азбукани [Удэгейская иллюстрированная азбука]. М., 1991.
  40. Говорит женщина... // Искусство кино 6, 1991. С. 29–32.
  41. Результаты русско-удэгейских языковых контактов // Русский язык и языки народов Крайнего Севера: проблемы описания контактных явлений: Тезисы докладов. Л.: Наука, 1991. С. 56–58.
  42. Динамика языковых сдвигов в условиях англо-ирландского билингвизма // Диахроническая контрастивность германских языков. Тверь, 1991. С. 116–126. (В соавторстве с Т. А. Михайловой).
  43. Культурная и языковая ассимиляция народов Приморья // Проблемы языкового контактирования в конкретных полиэтнических регионах СССР. Лексикографическая специфика описания контактных явлений: Всесоюз. науч. конф. 10–13 апреля 1991 г. Тезисы докладов. Махачкала, 1991. С. 51–52. (В соавторстве с В. И. Беликовым).
  44. Современная удэгейская антропонимия // IV Всесоюзная конференция востоковедов «Восток: прошлое и будущее народов. (новые подходы в теории и методиках востоковедных исследований): Тез. докл. и сообщ. Москва, 1–5 октября 1991 г. Т. 1. Языкознание. М.: Наука, 1991. С. 104–107.
  45. Французский язык в Люксембурге // Романо-германская контактная зона. Языки и диалекты Люксембурга. СПб.: Наука, 1993. С. 172–199.
  46. A training alarm in August // Russia then and now, 1993.
  47. Удэгейцы. Этнографический очерк. СПб.: Просвещение, 1994.
  48. Elections in Russia // The new world emerges. Arnold Publ. Edmonton (Canada), 1994. P. 13–17.
  49. Тазов язык // Красная книга языков народов России, Энциклопедический словарь-справочник. М.: Academia, 1994. С. 50–51. (В соавторстве с В. И. Беликовым).
  50. Крещение Ирландии // Альфа и Омега 4 (7), 1995. С. 155–172.

51. MMM: the amazing career of Sergei Mavrodi // *Troubles escalate in the New World. Major events in the CIS and the Baltics*. Arnold Publ. Edmonton (Canada), 1995. P. 16–19.
52. Cultural shock from the west // *Troubles escalate in the New World. Major events in the CIS and the Baltics*. Arnold Publ. Edmonton (Canada), 1995. P. 26–28.
53. Статус идиома и этническое самосознание // А. И. Кузнецов (ред.). *Малые языки Евразии: социолингвистический аспект*. М.: Изд-во МГУ, 1997. С. 5–11.
54. A language union in the Russian Far East? // M. S. Schmidt, J. R. Austin, D. Stein (eds.). *Selected papers from the 13th International Conference on Historical Linguistics, Düsseldorf, 10–17 August 1997*. P. 137.
55. XIII Международная конференция по историческому языкознанию // *Язык и речевая деятельность* 1, 1998. С. 220–222. (В соавторстве с Ю. А. Клейнером, А. Ю. Русаковым, Н. Д. Светозаровой).
56. Кубачинцы и кубачинский (урбугский) язык // В. Ю. Михальченко (ред.). *Языки Российской Федерации и нового зарубежья: статус и функции*. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 211–218. (В соавторстве с М. Е. Алексеевым).
57. Проблема доказуемости результатов языковых контактов // В. Б. Касевич (отв. ред.). *Материалы XXX межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов (1–17 марта 2001 г., Санкт-Петербург)*. Вып. 21. Секция общего языкознания. Ч. 2. СПб.: СПбГУ, 2001. С. 13–19.
58. Ethnic language education (community based approach) // *Stabilizing Indigenous Languages Conference*. Tucson: The University of Arizona Press, 2001. 16 p.
59. Этнолингвистическое изучение Приазовья. Экспедиция к мариупольским грекам 2001 г. // С. И. Михальченко (отв. ред.). *Проблемы славяноведения*. Сб. науч. ст. и материалов. Брянск: Изд-во БГУ, 2001. (В соавторстве с А. А. Новиком).
60. The Bikin-river Sprachbund (Eastern Siberia) // *Sprache 23. Jahrestagung und Kognition der Deutschen Gesellschaft für Sprachwissenschaft 28.02–02.03.2001*. Universität Leipzig, 2001. P. 127.
61. Deixis and quantification in a Russian-based pidgin // *International Symposium on Deictic Systems and Quantification in languages spoken in Europe and North and Central Asia*. Izhevsk: Удмуртский государственный университет, 2001. P. 50–51.
62. Metaphor in the situation of the language death // Z. Maalej (ed.). *Metaphor, cognition and culture: Selected papers from the Fourth*

- International Conference on Researching and Applying Metaphor (RAAM IV). University of Manuba, 2001. P. 17. (With F. Eloeva).
63. Udeghe (Udihe) folk tales // *Tunguso-Sibirica* 10. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 2002. (With I. Nikolaeva, M. Tolskaya).
64. Приазовские греки (очерк социолингвистической ситуации) // Н. Н. Казанский (отв. ред.). *Материалы конференции, посвященной 90-летию со дня рождения чл.-корр. РАН А. В. Десницкой*. СПб.: Наука, 2002. С. 178–184.
65. Вокруг сленга // *Протокол и этикет* 4(7), 2002. С. 70–75.
66. Гендер и грамматика // *Язык — гендер — традиция: Материалы международной научной конференции*. Пропповский центр. СПб., 2002. С. 110–118.
67. Выражение числа в русско-китайском пиджине // К. А. Долинин (ред.). *Лингвистика. История лингвистики. Социолингвистика: Сб. статей*. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. С. 191–205.
68. Udeghe (Udihe) texts // *Kyoto: Endangered Languages of the Pacific Rim Publications*, 2003. (With I. Nikolaeva, M. Tolskaya).
69. Этнолингвистическая ситуация в поселениях мариупольских греков: по итогам экспедиций 2001-03 гг. // *Півдунний архів. Філологічні науки: Збірник наукових праць*. Вип. XXII. Херсон: Витдавництво ХДУ, 2003. С. 22–31. (В соавторстве с А. А. Новиком).
70. Quantification in the Russian-Chinese Pidgin // P. Suihkonen, B. Comrie (eds.). *International Symposium on Deictic Systems and Quantification in Languages spoken in Europe and North and Central Asia. Collection of papers*. Izhevsk — Leipzig: Udmurt State University — Max Plank Institute for Evolutionary Anthropology, 2003. P. 153–163.
71. Тазов язык // *Языки народов России. Красная книга. Энциклопедический словарь-справочник*. М.: Academia, 2002. С. 170–174. (В соавторстве с В. И. Беликовым).
72. What “lect” do we speak? // R. Apanavičius (ed.). *Ethnic culture. Traditions and innovations*. Kaunas: Vytautas Magnus University, 2004. P. 289–294.
73. Clause structure in the Russian-Chinese Pidgin // B. Comrie, P. Suihkonen, V. Solovyev (eds.). *International Symposium “Typology of Argument structure and grammatical relations”, 11–14 May, Kazan. Proceedings*. Kazan: Kazan State University, 2004. P. 94–97.
74. La morphologie verbale du mwan (Côte-d’Ivoire) // *Mandenkan* 39, 2004. P. 69–85.
75. «Преметафорическая» стадия развития языка // Л. А. Вербицкая, Т. В. Черниговская (ред.). *Теоретические проблемы языкознания:*

- Сб. статей к 140-летию каф. общего языкознания фил. ф-та СПбГУ. СПб.: Филологический факультет, 2004. С. 76–98. (В соавторстве с Ф. А. Елоевой).
76. Урумы Приазовья (очерк современной ситуации) // С. И. Михальченко (отв. ред.). Проблемы славяноведения. Сб. науч. ст. и материалов. Вып. 6. Брянск: Изд. БГУ, 2004. С. 290–295. (В соавторстве с А. А. Новиком).
77. Тональная морфология имени языка муан // А. М. Васильев (отв. ред.). Безопасность Африки: внутренние и внешние аспекты. X Конференция африканистов (Москва, 24–26 мая 2005 г.). Тезисы. М., 2005. С. 161–163.
78. Язык муан: местоименные конструкции — вопросительные, отрицательные, неопределенные // В. И. Подлесская (отв.), А. В. Архипов, Ю. А. Ландер (ред.). IV Типологическая школа. Международная школа по лингвистической типологии и антропологии. Ереван, 21–28 сентября 2005 г. Материалы лекций и семинаров. М.: РГГУ, 2005. С. 264–269.
79. Заметки об Анголе // Санкт-Петербургский университет 20, 2005. С. 18–20.
80. История о колдовстве в деревне Банбалума (рассказ Амоса Гогбе) // Ad Nominem. Памяти Николая Гиренко. СПб.: МАЭ РАН, 2005. С. 67–94.
81. Конвергенция языков или влияние адстрата? // Конференция Языковые союзы Евразии. Москва, 14–16 ноября 2005 г. Тезисы докладов. М., 2005. С. 54–56.
82. Части речи в русских пиджинах // Вопросы языкознания 3, 2006. С. 7–26.
83. «Речь для инородцев» и формирование русских пиджинов // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета [Серия 9] 1, 2006. С. 43–56.
84. «Морфологизация» глагола и имени в русских пиджинах // Проблемы типологии и общей лингвистики. Международная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения проф. А. А. Холодовича. Материалы. Санкт-Петербург, 4–6 сентября 2006 г. СПб.: Нестор-История, 2006. С. 110–114.
85. Глагольная морфонология языка муан // Н. Н. Казанский (отв. ред.). Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований II, 2. СПб.: Наука, 2006. С. 290–316.

86. Переселение греков в Приазовье в их собственном представлении // А. Ю. Русаков (отв. ред.). Проблемы балканской филологии. Сб. статей. СПб.: Наука, 2006. С. 3–19.
87. Диалектные различия как результат языкового сдвига (бикинский диалект удэгейского языка) // Н. Б. Вахтин (отв. ред.). Языковые изменения в условиях языкового сдвига. Сб. статей. СПб.: Нестор, 2007. С. 252–281.
88. Сибирский пиджин (Дальневосточный вариант). Формирование. История. Структура. Автореф. ... дисс. докт. филол. наук. СПбГУ, СПб, 2006.
89. Les propositions relatives en mwan // Mandenkan 43, 2007. P. 47–59.
90. Говорка — упрощение или усложнение? // Типология языка и теория грамматики. Материалы Международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения С. Д. Кацнельсона (27–30 ноября 2007 г.). СПб.: Нестор-История, 2007. С. 162–165.
91. Пространственный дейксис языка муан // В. Ф. Выдрин (отв. ред.). Африканский сборник — 2007. СПб.: Наука, 2008. С. 355–366.
92. Послелогии со значением «внутреннее пространство» в языке муан // А. М. Васильев (отв. ред.). Развитие Африки. Возможности и препятствия. XI конференция африканистов. Москва, 22–24 мая 2008 г. Тезисы. М.: Институт Африки РАН, 2008. С. 273–274.
93. Русские пиджины. СПб.: Алетейя, 2008.
94. Личные местоимения в русских пиджинах // Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики и оптимизация преподавания иностранных языков. К 85-летию Р. Г. Пиотровского: Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием (9–11 октября 2007 г.) Тольятти: ТГУ, 2007. С. 116–123.
95. «Косметическая» функция этнической культуры и языка — «за» и «против» (бикинские удэгейцы в XXI веке) // Альманах «Пеликен».
96. Body parts and their metaphoric meanings in Mwan and other South Mande languages // Mande languages and linguistics. 2nd International Conference. St. Petersburg (Russia), September 15–17, 2008. Abstracts and Papers. St. Petersburg, 2008. С. 121.
97. Body parts and their metaphoric meanings in Mwan and other South-Mande languages // Mandenkan 44, 2008. P. 53–62
98. Сибирский пиджин — вчера и сегодня // Вестник Российского гуманитарного научного фонда 4, 2008. С. 147–154.
99. Ориентация и локализация в языке муан // В. А. Виноградов (отв. ред.). Исследования по языкам Африки. Вып. 3. Сборник статей по материалам лингвистической секции XI конференции афри-

- канистов «Развитие Африки: возможности и препятствия». М.: Институт языкознания РАН, 2009. С. 218–230.
100. История Мишеля Джоро (публикация текста с глоссированием и комментарием) // В. Ф. Выдрин (отв. ред.). Африканский сборник — 2009. СПб.: МАЭ РАН, 2009. С. 442–465.
101. Отглагольное имя или отглагольное прилагательное? (нефинитная глагольная форма в языке муан) // В. З. Демьянков, В. Я. Порхо-мовский (отв. ред.). В пространстве языка и культуры. Звук, знак, смысл. Сборник статей в честь 70-летия В. А. Виноградова. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 268–291.
102. Поколения в науке // Антропологический форум 11, 2009. С. 78–83. (Участие в дискуссии)
103. Аспирированные и глоттализированные гласные в диалектах удэгейского языка // Вопросы языкознания 6, 2010. С. 60–87.
104. Александр Александрович Канчуга // В. Огрызко (сост.). Удэгейская литература. Сборник. М.: Литературная Россия, 2009. С. 129–142.
105. У последней черты // Мир Севера 6, 2009. С. 73–80.
106. Pronouns and pronominal compounds in Mwan // K. Pozdniakov, V. Vydrin, A. Zheltov (eds.). Personal pronouns in Niger-Congo languages. International Workshop, St. Petersburg, September 13–15, 2010. Abstracts and papers. Working materials. St. Petersburg, 2010. P. 114–120.
107. История якутской письменности // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России. Материалы X региональной конференции. Уфа, 21–23 сентября 2010 г. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2010. С. 155–160.
108. Язык — диалект — идиолект (удэгейско-орочский диалектный континуум) // Теоретическая и прикладная лингвистика: пути развития: К 100-летию со дня рождения В. А. Звегинцева: Материалы конференции (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 29–30 октября 2010 г.). М.: Изд-во Моск. Ун-та, 2010. С. 121–122.
109. Глоттализированные гласные удэгейского языка в тунгусо-маньчжурской перспективе // Е. В. Головки (отв. ред.). Типологически редкие и уникальные явления на языковой карте России. Тезисы докладов международной научной конференции, проходившей в Санкт-Петербурге 2–4 декабря 2010 г. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 54–57.
110. Современные формы русского пиджина: уссурийский вариант // A. Mustajoki, E. Protassova, N. Vakhtin (eds). Instrumentarium of

- linguistics: sociolinguistic approaches to non-standard Russian [Slavica Helsingiensia 40]. Helsinki, 2010. С. 175–187.
111. Эвиденциальность в южных манде (муан и дан) // А. М. Васильев (отв. ред.). XII конференция африканистов. Африка в условиях смены парадигмы мирового развития. Москва, 24–26 мая 2011 г. М., 2011. С. 192–193.
112. Аспектуальная система языка муан: финитные формы глагола // Е. В. Перехвальская, А. Ю. Желтов (отв. ред.). Le monde mandé. К 50-летию В. Ф. Выдрина. Материалы экспедиции в Западную Африку (2001–...). СПб.: Нестор-История, 2011. С. 138–150.
113. Номинализация в языке муан // Н. Н. Дьяков, А. С. Матвеев (отв. ред.). XXVI Международная конференция по источниковедению и историографии стран Азии и Африки. СПбГУ, 20–22 апреля 2011 г. Тезисы докладов. СПб.: СПбГУ, 2011. С. 294–296.
114. Выражение аспектуальных значений в удэгейском языке // Н. Н. Казанский (отв. ред.). Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований VIII, 2 [В. А. Плуноян (отв. ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 6. Типология аспектуальных систем и категорий]. СПб.: Наука, 2012. С. 361–395.
115. Nominalization in Mwan // Mandenkan 47, 2011. P. 57–75.
116. Конкурирующие формы в языке: прогрессив в муан // А. Ю. Желтов (отв. ред.). Африканский сборник — 2011. СПб.: МАЭ РАН, 2012. С. 266–277.
117. Рукописный архив Е. Н. Баскаковой 1936 г. (тексты на самаргинском диалекте удэгейского языка) // Вопросы языкознания 5, 2012. С. 88–100.
118. Origin of Russian-based Pidgins: the role of an Alien-talk // Ninth Creolistics Workshop. Contact languages in a global context: past and present. Aarhus University, Denmark 11–13 April, 2012. P. 44.
119. Irish in the West Indies (Irish influence on the formation of English-based creoles) // Abstracts of the 6th International Colloquium of the Societas Celto-Slavica in association with the Philological Faculty, St. Petersburg State University. St. Petersburg, 28–30 June 2012. St. Petersburg, 2012. P. 23.
120. Числительные в южных манде // В. Ф. Выдрин, А. Ю. Желтов (отв. ред.). Между Нигером и Конго: Заметки на полях. К 60-летию Константина Игоревича Позднякова. СПб.: Нестор-История, 2012. С. 161–169.

121. «Самодетельные» архивы // Антропологический форум 17, 2012. С. 68–70. (Участие в дискуссии «Устные материалы в архивах: проблемы отбора, хранения и доступа»)
122. Suprasegmental characteristics: how they are viewed by the speakers // Е. В. Головкин (отв. ред.). Народная лингвистика: взгляд носителей языка на язык. Тезисы докладов международной научной конференции, Санкт-Петербург, 19–21 ноября 2012 г. СПб.: Нестор-История, 2012. Р. 93–95.
123. Язык или диалект: современное состояние проблемы // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России. Материалы XII региональной конференции (Уфа, 27–28 ноября 2012 г.). Уфа, 2012. С. 117–120.
124. Лингвистическая модель мира (пространство и время через призму удэгейского языка) // Филология и культура в межрегиональном пространстве. Материалы III Межд. научно-практической конф., посв. памяти проф. И. А. Воробьевой. 15–17 мая 2013 г. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. университета, 2013. С. 242–246.
125. Chinese Pidgin Russian // S. M. Michaelis, P. Maurer, M. Haspelmath, M. Huber (eds.). The Atlas and Survey of Pidgin and Creole Languages (APiCS). V. 2. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 69–76. (<http://ukcatalogue.oup.com/product/academic/language/linguistics/9780199691418.do#UjwrbspjOqU>)
126. Русско-китайский пиджин и русский «интерязык» // Н. Н. Казанский (отв. ред.). Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН IX, 3 [Н. Б. Вахтин, Е. В. Перехвальская (сост., ред.). Сборник статей к 60-летию Евгения Васильевича Головкина]. СПб.: Наука, 2013. С. 331–345.
127. L'espace déictique dans la langue Mwan // Mandenkan 50, 2013. P. 103–116.
128. Классы слов и фонология: снова о частях речи // А. Ю. Желтов (отв. ред.). Африканский сборник — 2013. СПб.: МАЭ РАН. В печати.
129. Этнолингвистика // С. В. Друговойко-Должанская, Д. Н. Чердаков (ред.). Школьный энциклопедический словарь «Русский язык». СПб.: СПбГУ, 2013. С. 515.
130. Язык и культура // С. В. Друговойко-Должанская, Д. Н. Чердаков (ред.). Школьный энциклопедический словарь «Русский язык». СПб.: СПбГУ, 2013. С. 519–520.

131. Языковая картина мира // С. В. Друговейко-Должанская, Д. Н. Чердаков (ред.). Школьный энциклопедический словарь «Русский язык». СПб.: СПбГУ, 2013. С. 529–530.
132. Мужской и женский язык // С. В. Друговейко-Должанская, Д. Н. Чердаков (ред.). Школьный энциклопедический словарь «Русский язык». СПб.: СПбГУ, 2013. «Русский язык». С. 530–531.
133. К определению слова в изолирующем языке (язык муан) // Конференция, посвященная 150-летию Кафедры общего языкознания. 4–7 сентября 2013 г. Тезисы. СПб., 2013. С. 87–89. (<http://genling150.phil.spbu.ru/tezisy-konferencii>)
134. Метафора и эвристическая функция языка (бывает ли язык без метафор) // Вопросы языкознания 1, 2014. (В соавторстве с Ф. Еловой, Э. Саусверде)
135. Ретроспективный сдвиг в удэгейском языке (к вопросу о сложных глагольных формах) // Е. В. Головкин, С. А. Оскольская (ред.). Редкие и уникальные явления на лингвистической карте России. В печати.

Научно-методические работы

136. Разработка пакета учебных программ специализации «Этнолингвистика и полевые исследования» // Учебные программы по дополнительной специализации «Этнолингвистика и полевые исследования» 021730, Санкт-Петербургский гос. ун-т, филол. ф-т, СПб., 2002.
137. Программа курса «Этнолингвистика» // Учебные программы по дополнительной специализации «Этнолингвистика и полевые исследования» 021730, Санкт-Петербургский гос. ун-т, филол. ф-т, СПб.: 2002. С. 5–13.
138. Программа спецкурса «Методы обработки полевых материалов» // Учебные программы по дополнительной специализации «Этнолингвистика и полевые исследования» 021730, Санкт-Петербургский гос. ун-т, филол. ф-т, СПб.: 2002. С. 41–46.
139. Программа спецкурса «Лингвистическое изучение города» // Учебные программы по дополнительной специализации «Этнолингвистика и полевые исследования» 021730, Санкт-Петербургский гос. ун-т, филол. ф-т, СПб.: 2002. С. 46–49. (В соавторстве с Н. Б. Вахтиным).

140. Программа спецкурса «Введение в изучение коренного населения Америки» // Спецкурсы. Учебные программы. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т, филол. ф-т, 2002. С. 219–221.
141. Русские пиджины, учебное пособие для магистрантов, обучающихся по специальности «Социоллингвистика. Этнолингвистика». СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006.
142. Пособие по удэгейскому языку (начальный курс) // Каф. алтайских языков РГПУ им. А.А. Герцена.

Рецензирование

143. Н. Б. Вахтин «Языки народов Севера в XX веке» // *Language in Society* 32:3, 2003. С. 432–435.

Ответственное редактирование:

144. *Le monde mandé*. К 50-летию В. Ф. Выдрина. СПб. Нестор-История, 2011. Ответственный редактор. (Совместно с А. Ю. Желтовым).
145. *Acta Linguistica Petropolitana*. Труды Института лингвистических исследований РАН IX, 3. Сборник статей к 60-летию Евгения Васильевича Головки. СПб.: Наука, 2013. (Совместно с Н. Б. Вахтиным).

Рецензии на работы Елены Всеволодовны Перехвальской

1. Е. О. Опарина, О. К. Клименко. Перехвальская Е. В. Русские пиджины / Ин-т лингв. исслед. РАН. СПб.: Алетейя, 2008. 263 с. Библиогр.: с. 247–263 // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. Реферативный журнал*. РАН, Институт научной информации по общественным наукам. М.: ИНИОН РАН, 2009.02.009.
2. Р. И. Розина. Е. В. Перехвальская «Русские пиджины». СПб.: Алетейя, 2008. 363 с. // *Русский язык в научном освещении* 2, 2009. С. 231–236.
3. С. В. Бритова. Е. В. Перехвальская. Русские пиджины. СПб.: Алетейя, 2008. 364 с. // *Вопросы языкознания* 5, 2010. С. 135–139.

Сведения об авторах

Баранова Влада Вячеславовна — Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург / Институт лингвистических исследований РАН, vlada@eu.spb.ru

Вахтин Николай Борисович — Факультет антропологии, Европейский университет в Санкт-Петербурге / Институт лингвистических исследований РАН, nvakhtin@gmail.com

Выдрин Валентин Феодосьевич — Institut national des langues et civilisations orientales / laboratoire Language, Langues et Cultures d'Afrique Noire (LLACAN), CRNS UMR-8135 (Франция) / Восточный факультет СПбГУ, кафедра африканистики (Санкт-Петербург)

Выдрина Александра Валентиновна — аспирант laboratoire Language, Langues et Cultures d'Afrique Noire (LLACAN), CRNS UMR-8135 (Франция) / Институт лингвистических исследований РАН, alexandra.vydrina@gmail.com

Головко Евгений Васильевич — Институт лингвистических исследований РАН / Европейский университет в Санкт-Петербурге, evggolovko@yandex.ru

Гулида Виктория Борисовна — доцент кафедры общего языкознания, СПбГУ, v-gulida@yandex.ru

Давыдов Артём Витальевич — Восточный факультет, Санкт-Петербургский государственный университет, artdavydov@mail.ru

Елоева Фатима Абисаловна — доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания СПбГУ, fatimaeloeva@yandex.ru

Желтов Александр Юрьевич — заведующий кафедрой африканистики СПбГУ, зав. отделом этнографии Африки МАЭ РАН, ajujeltov@mail.ru

Кисилиер Максим Львович — кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания СПбГУ, директор Греческого института Филологического факультета СПбГУ, старший научный сотрудник

Института лингвистических исследований РАН,, Санкт-Петербург,
kisimac@gmail.com

Князев Михаил Юрьевич — аспирант кафедры общего языкознания
СПбГУ, misha.knjazev@gmail.com

Ковальская Кристина Викторовна — аспирант École Pratique des
Hautes Études (EPHE, Paris), Groupe Sociétés, Religions, Laïcité (GSRL,
Paris), HASTEC (Laboratoire Histoire et Anthropologie des Savoirs, des
Techniques et des Croyances, Paris), kristina.kovalskaya@gmail.com

Коношенко Мария Борисовна — аспирант Института языкознания
РАН, преподаватель Учебно-научного центра лингвистической
типологии Института лингвистики РГГУ, научный сотрудник
Института современных лингвистических исследований МГГУ им.
Шолохова, Москва, eleiteria@gmail.com

Кузнецова Наталья Викторовна — кандидат филологических наук,
научный сотрудник Отдела языков народов России Института
лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург,
nkuzn@yandex.ru.

Кулешов Вячеслав Сергеевич — научный сотрудник отдела
мунизматики Государственного Эрмитажа, Санкт-Петербург,
kuleshov@hermitage.ru.

Кушнир Елизавета Львовна, аспирант, Институт Языкознания РАН /
магистрант Института современных лингвистических исследований
МГГУ им. Шолохова, lizakushnir@yandex.ru

Лукина Анастасия Александровна — Educational Testing Service,
Принстон, США, aloukina@ets.org.

Макеева Надежда Владимировна — кандидат филологических наук,
младший научный сотрудник, Институт языкознания РАН, Москва,
umutal1@yandex.ru

Маслинский Кирилл Александрович — Научно-исследовательский
университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург,
maslinsky@gmail.com

Мищенко Дарья Фёдоровна — аспирант Института лингвистических
исследований РАН, Санкт-Петербург / laboratoire Language, Langues
et Cultures d’Afrique Noire (LLACAN), CRNS UMR-8135
(Франция), zenitchiki@yandex.ru

Муслимов Мехмед Закирович — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела языков народов России Института лингвистических исследований РАН, старший преподаватель кафедры общего языкознания Филологического факультета СПбГУ, mehmet@yandex.ru, mehmet@eu.spb.ru

Никитина Татьяна Владимировна — профессор, Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, tnikitina@hse.ru

Новик Александр Александрович — кандидат исторических наук, заведующий отделом европейстики, Музей антропологии и этнографии РАН, доцент кафедры общего языкознания СПбГУ, njual@mail.ru

Овсянникова Мария Александровна — аспирант Института лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, masha.ovsjannikova@gmail.com

Оскольская Софья — аспирант Института лингвистических исследований РАН, sonypolik@mail.ru

Паперно Денис Аронович — PhD по языкознанию, научный сотрудник Университета Тренто, denis.paperno@unitn.it

Певнов Александр Михайлович — Институт лингвистических исследований РАН; pevnov@gmail.com

Рожанский Федор Иванович — Институт языкознания РАН / Тартуский университет, handarey@yandex.ru

Росс Лорейн, gossart@shaw.ca

Русаков Александр Юрьевич — СПбГУ / Институт лингвистических исследований РАН, ayurusakov@gmail.com

Сай Сергей Сергеевич — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН, доцент СПбГУ, serjozhka@yahoo.com

Сидоркевич Дарья Викторовна — аспирант Института лингвистических исследований РАН, dairinfinn@gmail.com

Сюрюн Аржаана Александровна — кандидат филологических наук, научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН, arzhaanas@yahoo.com

Сведения об авторах

Федотов Максим Леонидович — лаборант отдела языков народов России, Институт лингвистических исследований РАН,, Санкт-Петербург / магистрант филологического факультета СПбГУ и лаборант-исследователь ИФИ СПбГУ, tequila.lime@gmail.com

Холодилова Мария Александровна — аспирант лаборатории типологического изучения языков Института лингвистических исследований РАН, hol_m@mail.ru

Authors

Vlada V. Baranova — National Research University “Higher School of Economics” / Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, vlada@eu.spb.ru

Artem V. Davydov — Department of African Studies, St. Petersburg State University, artdavydov@mail.ru

Fatima A. Eloeva — professor, Faculty of Philology, St. Petersburg State University. fatimaeloeva@yandex.ru

Maksim L. Fedotov — research assistant, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences (department of the languages of Russia) / MA student and research assistant, Faculty of Philology, St. Petersburg State University, tequila.lime@gmail.com

Evgeny V. Golovko — Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences / European University at St. Petersburg, evggolovko@yandex.ru

Victoria Gulida — Ph.D., associate professor, Faculty of Philology, St. Petersburg State University, v-gulida@yandex.ru

Maria A. Kholodilova — PhD student, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences. hol_m@mail.ru

Maxim L. Kisilier — Ph.D., associate professor, St. Petersburg State University; senior research fellow, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences; director, Hellenic Institute, St. Petersburg State University, kisimac@gmail.com

Mikhail Yu. Knyazev — PhD student, Faculty of Philology, St Petersburg State University, misha.knjazev@gmail.com

Maria B. Konoshenko — PhD student, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences; Lecturer, Center for Linguistic typology, Russian State University for the Humanities / Research fellow, Institute of Modern Linguistic Research, Sholokhov Moscow State University, Moscow, eleiteria@gmail.com

Kristina V. Kovalskaya — École Pratique des Hautes Études (EPHE, Paris), Groupe Sociétés, Religions, Laïcité (GSRL, Paris), HASTEC (Laboratoire Histoire et Anthropologie des Savoirs, des Techniques et des Croyances, Paris) kristina.kovalskaya@gmail.com

Authors

Vyacheslav S. Kuleshov — research fellow, Department of Numismatics, the State Hermitage Museum, St. Petersburg, kuleshov@hermitage.ru.

Elizaveta L. Kushnir, PhD student, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences / M.A. student, Institute of Modern Linguistic Research, Sholokhov Moscow State University, Moscow, lizakushnir@yandex.ru

Natalia V. Kuznetsova — PhD, research fellow, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, nkuzn@yandex.ru.

Anastassia Loukina — Educational Testing Service, Princeton, NJ, US, aloukina@ets.org.

Nadezda V. Makeeva — Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, umutal1@yandex.ru

Kirill A. Maslinsky — National Research University “Higher School of Economics”, maslinsky@gmail.com

Daria F. Mishchenko — PhD student, laboratoire Language, Langues et Cultures d’Afrique Noire (LLACAN), CRNS UMR-8135 (France) / Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, zenitchiki@yandex.ru

Mehmet Muslimov — Ph.D., senior research fellow, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences / St. Petersburg State University, mehmet@yandex.ru, mehmet@eu.spb.ru

Tatiana Nikitina — National Research University “Higher School of Economics”, tnikitina@hse.ru

Alexander A. Novik — PhD, head of the Department of European Studies, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences / associate professor, Faculty of Philology, St. Petersburg State University, njua@mail.ru

Sofia A. Oskolskaya — PhD student, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, sonypolik@mail.ru

Maria A. Ovsjannikova — PhD student, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, masha.ovsjannikova@gmail.com

Denis A. Paperno — University of Trento, denis.paperno@unitn.it

Aleksandr M. Pevnov — Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, pevnov@gmail.com

Lorrain Ross — rossart@shaw.ca

Authors

Fedor I. Rozhanskiy — Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences / University of Tartu, handarey@yahoo.com

Alexander Yu. Rusakov — Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences / Faculty of Philology, St. Petersburg State University, ayurusakov@gmail.com

Sergey S. Say — Ph.D., senior research fellow, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences / associate professor, Faculty of Philology, St. Petersburg State University, serjzhka@yahoo.com

Daria V. Sirorkevich — PhD student, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, dairinfinn@gmail.com

Arzhaana A. Syuryun — Ph.D., research fellow, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, arzhaanas@yahoo.com

Nikolai B. Vakhtin — Department of Anthropology, European University at St. Petersburg / Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, nvakhtin@gmail.com

Valentin F. Vydrin — Institut national des langues et civilisations orientales / laboratoire Language, Langues et Cultures d'Afrique Noire (LLACAN), CRNS UMR-8135 (France) / Department of African Studies, St. Petersburg State University, vydrine@gmail.com

Alexandra V. Vydrina — PhD student, laboratoire Language, Langues et Cultures d'Afrique Noire (LLACAN), CRNS UMR-8135 (France) / Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, alexandra.vydrina@gmail.com

Alexander Ju. Zheltov, Chair, Department of African Studies, St. Petersburg State University, Head of the Department of African Ethnology, MAE RAS, ajujeltov@mail.ru

Annotations and keywords

V. V. Baranova, K. A. Maslinsky. Is there life after death? In the wake of the expedition to the Oroch people in 2001

This short essay is based on a field trip to the Oroch people in 2001 where authors were invited to participate by E. V. Perekhval'skaya. The trip had been planned as a study of the structure and functioning of scarcely documented Oroch language known to be undergoing a language shift. Unfortunately, we were unable to find any speaker of the language competent enough to translate a basic linguistic questionnaire. As a result, our fieldwork transformed into documenting sentiments of the Oroch people about the lost language and studying competence range of several “forgetters”. In this essay we discuss several typical episodes of language shift situation with no competent speakers.

Keywords: indigenous peoples of Russia, Oroch, Tungusic languages, language shift, language revitalization, language documentation, linguistic fieldwork

D. F. Mishchenko. Modality in the Nanai language

The article represents an overview of the ways of expressing modality in the Nanai language. Within the modal sphere, three sub-spheres are distinguished: non-epistemic modality, epistemic modality and modality of wishes. It is demonstrated that the main way of expressing modal categories in every sphere is lexical expressions which include modal verbs, parenthetical words and particles. However, morphological means are used too; they are represented by the so-called “form” (*poroda*, Avrorin's terminology) markers. Special attention is paid to the interaction of modality and negation. The ability of modal verbs and their dependent verbs to combine with negative markers and the scope of negation and modality are analyzed. In addition, the evolution from non-epistemic to epistemic meanings and from participant-internal to participant-external possibility and necessity are examined. It is shown that the typologically widespread polysemy of modal verb expressing both epistemic and non-epistemic modality is untypical of Nanai, where epistemic modality is expressed mostly by the means of parenthetical words and particles.

Keywords: Nanai language, non-epistemic modality, epistemic modality, desiderative modality

S. A. Oskolskaya. Morphological features of Nanai aspect suffixes

The paper deals with the morphological features of verbal aspect suffixes in Nanai. All markers in question can be divided into three groups on the base of their morphological features. The first group includes two suffixes which refer to two opposed aspectual areas: perfective and imperfective ones. At the same time, there is no grammatical category of aspect in Nanai. These markers take the first position which is the closest to a verbal root. The second group includes three suffixes of verbal plurality and a marker with the meaning of simulation. These markers can combine with the first group suffixes and take second position in a verbal form. A marker of the first group as well as of the second one cannot combine with another marker of the same group. The suffixes of the third group take third position from the root. They can combine with each other, some of them take a random order. One inchoative marker can repeat twice in a verbal form and can take place between suffixes of the first and second groups.

Keywords: aspect, Nanai, affix order, verbal morphology

A. M. Pevnov. An Orok (Uilta) text with comments

The text in seriously endangered Orok (Uilta) language recorded by A. M. Pevnov from I. Ja. Fedjajeva in 2010 in Sakhalin can be characterized as a funny story (a dream of the story-teller's mother) based on a pun: the Orok word *pīwe* means 'whetstone' and its homonym borrowed from Russian means 'beer'.

Keywords: the Orok language, text, pun, homonym, glossing

M. Yu. Knyazev. On the status of complementizers in Kalmyk

In this paper I examine the behavior of Kalmyk complementizers, which are derived from the verb *gi-* 'say'. I show that despite having lost their lexical meaning, these complementizers still exhibit certain verbal properties, including argument structure, as manifest in their distribution and restrictions on the interpretation of indexicals. I propose an analysis in which Kalmyk complementizers are viewed as elements that are partially grammaticalized to various degrees.

Keywords : complementizer, grammaticalization, speech act verbs, indexical shifting, Kalmyk

M. A. Ovsjannikova. Ablative landmark construction in Bashkir

The paper examines two possible ways of landmark encoding in Bashkir constructions with denominal spatial expressions. The first is the basic postpositional construction in which the possessive NP strategy is employed. In the second construction the landmark is encoded with the ablative case. The latter construction has a number of peculiar properties: it can denote spatial relations between asymmetric objects only, and their asymmetric parts must be oriented in the same way (e.g., people standing in a queue). Animate landmarks are preferred in this construction. The comparison of the ablative landmark construction to other uses of ablative in Bashkir and also to typologically similar phenomena leads the author to hypothesize that the ablative landmark construction is based on the conceptualization of position as motion along the axis determined by the asymmetric parts of the landmark.

Keywords: postposition, adverb, Bashkir, spatial relations, comparative construction, landmark

S. S. Say. Pseudo-partitive and other nominal constructions involving containers in Bashkir

In Bashkir (< Turkic), words denoting conventional or occasional containers ('bottle', 'cup', 'pocket', 'car') can be used as modifiers to head nouns that denote «substances» (cumulative entities like 'water', 'sand', 'potatoes' etc.). Such constructions generally convey pseudo-partitive meaning, that is, names of containers are used to quantify the amount of substance. When used in pseudo-partitive constructions, names of containers lose most nominal properties (ability to decline for case, number and possessivity and to have modifiers of their own) and acquire syntactic properties that are typical of dedicated quantifiers, including numerals. This process is not restricted lexically. Thus, grammatical properties of these words are determined by their function in the noun phrase rather than by the part-of-speech membership of respective lemmas. Pseudo-partitive constructions coexist with several other nominal constructions involving containers. The choice between these almost synonymous constructions reflects subtle semantic differences and is iconic in many respects.

Keywords : Bashkir, pseudo-partitive, noun phrase, numeral, quantifier, container, possessive constructions

A. A. Syuryun. A Note on the Tofalar language: the language situation

The paper deals with the Tofalar language and describes current language situation in Tofalar settlements. Native speakers of the Tofalar language live in the villages of Alygdzher, Nerkha and Verkhnyaya Gutara. The article is based on the author's fieldwork data in 2007, 2011, 2013 and reveals the language attitude of contemporary tofalars.

Keywords: Tofalar language, Turkic languages, endangered languages, language situation

N. B. Vakhtin. Russian-Yupik Interference in Early Published Texts

When a new writing system was introduced for Yupik Eskimo language in 1932, the first books published in Yupik, excluding school books, were mainly translations from Russian. Many of them belonged to what equaled "sacred texts" in the Soviet Union: books about the Communist leaders. This article analyses Yupik sentences from a book on Stalin and a short biography of Lenin and demonstrates how the need to produce an exact translation led to creation of a specific style: that of a written text.

Keywords: grammatical interference, written language, translation, Yupik Eskimo

E. V. Golovko. Russian as a minority language: A case from Alaskan old-settler communities

The paper results from the field work conducted by the author in Alaskan Old-Settler communities in 2008 and 2009. The paper presents sociolinguistic and structural features of the Russian language variety still spoken today in Kodiak Archipelago and in Kenai Peninsula. The focus is on language contact and language attrition phenomena.

Keywords: Alaskan Russian, Alaskan Native languages, Russian America, immigrant Russian, language contact, language attrition

E. L. Kushnir. Spatial deixis in Yaure

The article deals with the system of the spatial deixis in Yaure, one of the South Mande languages in Côte d'Ivoire. The syntax and the semantics of these constructions are examined and compared with those in a closely related Mwan language.

The Yaure system consists of 5 elements, *gúé*, *bé*, *hìè*, *lù* and *lá* with different grammatical features. *gúé*, *bé*, *hìè* and *lù* are adverbs and can function as noun phrase modifiers only in a relative clause, although first three of them allow omitting the relativizer. Taking into account these facts, these adverbs can be singled out into a separate subgroup of adverbs.

The essential semantic parameters for the choice of a demonstrative are: object visibility, distance between the object and the locutors, and, finally, whether the speaker is pointing to the object or not.

Keywords: Yaure, spatial deixis, semantics, adverbs, demonstratives

N. V. Makeeva. Taxis in the Kla-Dan language

Taxis semantics in the Kla-Dan language (Niger-Congo > Mande > South Mande) is expressed by a compound sentence in a principal and a subordinate clause of which different nonspecialized aspecto-temporal constructions are used. The subordinate clause is preposed to the principal clause. Its subordinate status is provided by the use of an optative and conjunctive constructions. As a rule, subordinate clause is finalized by a marker *à/è/àà/èè*, which apparently is used in all the prepositive adverbial clauses in order to mark their topicality. In the principal clause one of the three correlative conjunctions *tó*, *kà*, *yèlè* is used. Each of them requires a limited set of aspecto-temporal constructions in the principal clause.

Specialized means are used in Kla-Dan to express successive semantics. Firstly, there is a specialized taxis conjunction *sǎbǎǎ* ‘when; before’ which expresses succession and partial simultaneity₂ being used in the optative construction. Secondly, there are specialized successive constructions with a verb *pǎ* ‘say’ and a future tense marker *-lǎ*.

Keywords: Mande languages, Kla-Dan, taxis, polypredicative constructions, successive constructions.

T. V. Nikitina. Some particularities of the use of meronym nouns in Wan

This study addresses the use of a subclass of relational nouns – nouns referring to object parts – in Wan, an underdescribed Mande language spoken in Côte d’Ivoire. What makes Wan look unusual, from the Eurocentric perspective, is the prominence of nouns referring to object parts: their use is required in many contexts where speakers of a European language would not expect it. In such examples, speakers of Wan encode the “Part-Whole” relation explicitly, while speakers of European languages tend to omit the

predicate of the meronymic relation (the “Part” term), generalizing properties of specific parts to the wholes.

The tendency to encode explicitly the predicate of meronymic relations correlates in Wan with the obligatory explicit encoding of both the predicate and the argument of other semantic relations. In particular, arguments of relational nouns, as well as arguments of postpositions and verbs, cannot normally be omitted. I suggest that underlying all these properties is a general restriction on the encoding of predicate-argument relations: while in English, either predicates or arguments can remain implicit, Wan requires such relations to be fully specified.

Keywords: Mande; meronymy; relational nouns; body part terms; locative nouns

Denis Paperno. On the mobile tone in Beng

The paper discusses the status and etymology of “mobile tone” elements in Beng. In contrast to the rich system of syntactically and lexically conditioned tonal alternations in Mwan, Beng restricts mobile tone to a handful of suffixes. The paper proposes an etymology for each of those suffixes that allows to trace them back to nouns in the possessive construction, one of the domains of tonal mobility in Mwan and presumably in the proto-language.

Keywords. tone; morphology; tone alternation, etymology; conversion, Beng, South Mande

M. L. Fedotov. Focus, post-verbal dependents, and endoclitics in Gban

The article deals with grammaticalized means of focus marking in Gban (<South Mande <Niger-Congo; the Bovo dialect). Gban has five such means used to mark focus on: a) subject (two markers), b) direct object and non-verb-dependent constituents, c) other verb-dependent constituents — the “post-verbal” dependents (those linearly following the verb), and d) the verbal predicate.

The first section of the article covers the general properties of the listed focus markers, including the degree of obligatoriness each of them have. For some of them this degree varies in accordance with the focus being contrastive vs. non-contrastive and narrow vs. broad.

The second section of the article concentrates on the post-verbal focus marker. The marker has two variants, enclitic (=lìwò) and infix (<lì>), and thus can be rated among the so-called “endoclitics”.

Keywords: Gban, Bovo, focus, broad focus, contrastiveness, post-verbal dependents, clitics, infixes, endoclitics.

M. B. Konoshenko. Celtic and Mande languages: A dialog of grammars

In this article I compare two rather outstanding linguistic phenomena in Celtic and Mande languages, namely grammaticalized consonant mutation and person-number marking on adpositions. I show that while in Celtic languages the systems of consonant mutation are rather complicated and quite diverse, in Mande the systems of consonant mutation appear less complicated and rather uniform crosslinguistically. As for person-number marking on adpositions, Celtic languages reveal fusional morphology while in Mande adpositions tend to be marked with agglutinating prefixes. At the same time, in both Celtic and Mande languages, person-number markers on adpositions are most often used anaphorically.

Keywords: Celtic languages, Mande languages, consonant mutation, lenition, eclipsis, adpositions, inflected prepositions, agreement

A. V. Vydrina, V. F. Vydrin. Preliminary notes on the Kakabe dialectology

Kakabe, an understudied language in Guinea (Mokole < Western Mande < Mande < Niger-Congo), is spoken by several ethnic groups, mainly of inferior social status and bilingual in Pular. Four dialects of Kakabe can be singled out: Northwestern (the Kankalabe area), Central (villages to the east and south of Timbo), Kuru-Maninka (or Western) and Wurekaba Maninka (or Southern). Two former dialects are close to each other linguistically, their speakers refer to themselves as “Kakabe”, these dialects can be regarded as “core Kakabe”; the speakers of Kuru-Maninka and Wurekaba Maninka do not accept to be called “Kakabe”, and their varieties have much less loans from Pular.

A lexicostatistic study based on Swadesh 100-wordlist has been carried out. It confirmed a preliminary hypothesis of a particular closeness between the “core dialects” and showed that two other dialects are further remote from them, but not as much as the Mogofin (Mixifore) language spoken to the south of Boke (extreme NW part of the Guinean Republic). Therefore, from linguistic viewpoint, Wurekaba Maninka and Kuru-Maninka varieties can be regarded as dialects of Kakabe, notwithstanding different identities of their speakers.

Keywords: Kakabe, Mogofin, Mokole, Mande languages, dialectology

A. V. Davydov. A Manding variety spoken in the Watagala village (Guinea).

The article gives a dialectological sketch of Weekundakan, a nearly extinct Manding variety spoken in the village of Watagala (Dialakodo sub-prefecture, Dingiraye prefecture, Mid-Guinea Region) in Guinea. Weekundakan is currently being replaced by Maninka-Mori and Pular. Phonological, grammatical and lexicological isoglosses are discussed. Being very close linguistically to Maninka-Mori, Weekundakan at the same time manifests some phonological and lexical features characteristic to Western Manding and Mokole. The influence of Pular is surprisingly very weak.

Keywords: Mande, Manding, Maninka, dialectology, Guinea

A. Ju. Zheltov. Field notes on the influence of ethnic languages on Kiswahili in Kenya

The article deals with some modern aspects of sociolinguistic status of the Swahili language in Kenya and Tanzania and some grammatical peculiarities of Swahili spoken by Kenians whose mother tongue is not Swahili. These peculiarities concern the reduction of noun class agreement system, specifics in locative marking, some specific features in pronominal system.

Keywords: Swahili, sociolinguistic status, grammatical peculiarities

M. Z. Muslimov. Notes on the Moloskovitsa Ingrian Finnish dialect

This article focuses on some peculiarities of the Ingrian Finnish dialect of the former Lutheran parish of Moloskovitsa in the West Ingria. Some peculiarities, e.g. 1Pl *-mmo*, are common isoglosses of Moloskovitsa and West Hatsina dialects. Some other peculiarities, e.g. *paŋGi* ‘bucket’, probably are traces of Votic substrate.

Keywords: Ingrian Finnish, dialectology, dialect of Moloskovitsa, substrate, Votic, Ingrian, Izhorian

M. A. Kholodilova. Agreement mismatches in Ingrian Finnish relative clauses

Ingrian Finnish relative clauses normally contain one of the two relative pronouns, *kuka* ‘who’ or *mikä* ‘what’. The choice between these pronouns is usually determined by animacy. Both *kuka* and *mikä* have distinct nominative plural and nominative singular forms. However, under certain conditions, the

relative pronouns can differ from the head noun of the relative clause in animacy or number. The relevant conditions which influence the availability of agreement mismatches include animacy, the relativized position, restrictiveness and the position of the relative pronoun in the clause (attributive vs. nominal). The lack of animacy and number distinctions in some contexts seem to indicate a change of a relative pronoun into a generalized indeclinable relativization marker, even though this process is by far not finished.

Keywords: agreement, Finnish, Ingrian, relative clauses, relative pronouns

F. I. Rozhanskiy. Personal names in the Votic language

The paper analyses personal names in Votic (a nearly extinct Finnic language). Votic people have Orthodox names, but hypocoristic forms of these names are often different from the corresponding Russian variants. Language mechanisms that modify the original name into a Votic hypocoristic equivalent include contraction, phonetic changes, and suffixation. Some of the processes are obvious (e.g. simplification of consonant clusters). However, in many cases the changes in the names are not easy to explain. One of the tricky questions is the choice of the final vowel in Votic hypocoristic forms. Apart from the contemporary forms ending in *a* (*maša* ‘Mary’, *van’a* ‘John’, *kat’a* ‘Kate’), there are archaic forms with other final vowels (the most frequent are *o* and *u*: *mar’o* ‘Mary’, *ivo* ‘John’, *kat’u* ‘Kate’). The traditional treatment of these vowels as Finnic diminutive suffixes does not explain a number of facts. The paper analyses other language mechanisms that might be involved in the process, in particular, the borrowing of the Russian vocative forms, and the influence of the closely related Ingrian language.

Keywords: Votic, personal names, language contacts, borrowings, morphophonology

F. A. Eloeva. The revival of fishes or the touch of a deity.

The paper is focused on the investigation of a legend describing the revival of the fishes as result of a touch of a deity. Initially the legend is known as belonging to the rich folklore tradition existing around one of the most famous Christian churches of Konstantinople, known as Balikli. The name of the church Balikli tellingly signifies in Turkish “related to fishes”. A rich bibliography concerning this subject is connected with this church.

In the paper some new data concerning the possible hypothesis of the genesis of the legend, which presumably has a Middle East origin, are being analyzed. The data have been collected during the field research in Central Georgia.

Keywords: Balikli, fish cult

M. L. Kisilier. Tsakonian: A new approach.

Tsakonian is one of the most mysterious Greek dialects. It is still spoken in Peloponnesus and almost all scholars believe that the dialect originates from the Ancient Greek Laconian dialect. Three years ago the Hellenic institute of St. Petersburg state university launched a new field research project aimed to prepare a new linguistic description of Tsakonian and to investigate history and traditional culture of its speakers. This article provides a brief description of the new linguistic data from Tsakonia with an example of a narrative in Tsakonian in the last section.

Keywords: Modern Greek dialects, Tsakonian, field research.

A. A. Loukina. Phonetic variation in Modern Greek dialects: Nature, nurture and language contact

Phonetic variation in fast casual speech is often explained by universal reasons such as physiological properties of articulatory organs, preference for less effortful articulation, or time constraints. At the same time it is often claimed that some languages are more prone to reduction than others. The paper discusses this interplay between universal and language specific factors based on the results of experimental acoustic studies of three Modern Greek dialects. It is shown that similar processes are observed in fast casual speech in all these dialects, but the extent and frequency of each phenomenon varies between the dialects. Such regional differences are best understood through probabilistic corpus studies rather than traditional lists of dialectal features. The similarities between Greek dialects and the neighbouring languages suggest that language contact may have contributed to the expansion of one of the variants which was also common to other languages involved in the contact.

Keywords: Phonetic variation, Modern Greek dialects, connected speech processes

A. A. Novik. Elena V. Perekhval'skaya, expeditions of St. Petersburg State University to Mariupol Greeks and collections of the oldest Russian museum "Kunstkamera"

Elena V. Perekhval'skaya was a head of the fieldwork in the Greek villages of Ukraine in 2001-2003. The expeditions of St. Petersburg State University in collaboration with the oldest Russian museum "Kunstkamera" (nowadays this museum is scientific institute of the Russian Academy of Sciences) had target to collect materials about language, ethnology and traditional culture of Mariupol Greeks.

During 2001-2003, around 100 items and valuable photo pictures were completed for the founts of Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera). A jag [MAE. Coll. № 7197-4] was made in the 18th century on the territory of Crimea before migration of the Greek population in the Russian Empire. The most numerous collections from fieldwork in the villages Yalta and Maloyanisol [MAE. Coll. №№ 7197, 7219] have Mariupol Greeks' clothes, textiles and fabrics.

Keywords: Mariupol Greeks, fieldwork, traditional culture, ethnolinguistics, collections, museum, traditional clothes, St. Petersburg State University, Kunstkamera

A. Yu. Rusakov. Once more on external possession construction in Balkan Romani dialects

The goal of the paper is to analyze briefly the External Possession Construction in the Romani dialects (mainly widespread on the Balkans), to examine the role of the language contacts in the development of this construction in the various dialects, and to try to clarify what is the role of more surface (analogy) and more deep (reanalysis) processes in the contact-induced development of this kind. The investigation is based mainly on the material provided by Romani Morphosyntax Database (118 samples reflecting all the groups of Romani dialects). The data show that on the big European periphery of the spreading of Romani dialects we may see the rather high degree of similarity of Romani External Possession Constructions to those of the surrounding languages. The main mechanism of the getting such a similarity was – as seems – semantic calquing. In the "Balkan center" the processes might have more complex character. We may suppose the action of the reanalysis process which may led to a blocking of a full development of External Possession Construction in the Romani dialects of the Balkans.

Keywords: Romani dialects, External Possession, Balkan languages, syntax

K. V. Kovalskaya. The traditional and non-traditional in the religious life of the Russian Federation

This article examines various notions related to ‘tradition’ and in particular a new concept of ‘traditional religions’. Religions (in particular, the Russian Orthodox Church and Islam) have enjoyed a revival in Russia since the dissolution of the Soviet Union; and the Russian administration, under Yeltsin and especially under Putin, has taken a number of steps to incorporate religious establishments into the political framework of the state. The author performs her analysis on these changes through the example of laws on religious liberty, and by examining public discourse. The article discusses how public opinion is being shaped, and how decision-making and state policy towards the Russian Orthodox Church and Islam are being influenced by these concepts. The first thing to consider, official discourse centered around “traditionality” is borrowed by the representatives of different denominations to a degree determined by public status. This phenomenon is worth studying as an incorporation of an official category into religious discourse. On the other hand, the religious revival includes a number of so-called “non-traditional” religions that clearly fall under this policy. Speaking about Islam, this is especially important with respect to changing Russian policies towards so-called “Wahhabism” and “religious extremism”.

Keywords: Russia, Orthodoxy, Islam, tradition, religious politics.

N. Kuznetsova. On the history, essence and dimensions of the phoneme (with an appendix by *Vyach. Kuleshov*)

The article considers the brief interpretative history of the phoneme, the question of its cognitive essence and the dimensions for phonemic analysis. The history of the phoneme unfolds as a pendulum swing between the two poles, the language-centered vs. the human-centered models, with the poles getting even closer to each other towards the XXI century. The author considers the cognitive-based phonological models, combining the insights of linguistics, psychology and neurology, the most perspective in future. These models bring us back to the initial phonological ideas by Baudouin de Courtenay, which were largely inspired by the neurological discoveries of his time. If to follow strictly the phenomenological methodology used by modern

cognitive framework, we inevitably come to the conclusion that phonemes are the same symbolic cognitive entities as the “meaningful” language units. The phoneme actually satisfies the Saussurean definition of the sign, as it creates a conventional link between two psychic entities, the “signifier” being the unified mental acoustic image and the “signified” the “inner” parametric sound perceived by a language speaker. As a practical guide for field or any other phonemic analytical description, a complex model containing the phonemic dimensions, equivalent to the “semantics”, “syntax” and “pragmatics” of traditional signs, is proposed. Each dimension contains a number of particular criteria with the range of values each of them can take. The combination of values depicts the unique specification for each phoneme and measures the level of its proximity to the nuclear part of a phonemic system. The appendix contains the comments made by Vyach. Kuleshov to the initial version of this paper in late 2004 — early 2005. These comments shed light to the phonological model proposed by Vyach. Kuleshov, its influence to the present model, and also its similarities and differences from the latter.

Keywords: phoneme models, cognitive phonology, history of phonology, language signs

Оглавление

<i>Предисловие</i>	3
От Бикина: алтаистика, языки Дальнего Востока, периферийные варианты русского языка	
<i>В. В. Баранова, К. А. Маслинский</i>	
Есть ли жизнь после смерти? По следам экспедиции к орочам 2001 <i>Д. Ф. Мищенко</i>	5
Модальность в нанайском языке . . . . . <i>С. А. Оскольская</i>	12
Морфологические свойства аспектуальных показателей в нанайском языке . . . . . <i>А. М. Певнов</i>	43
Текст на орокском (уильта) языке с комментариями . . . . . <i>М. Ю. Князев</i>	55
О статусе подчинительных союзов в калмыцком языке . . . . . <i>М. А. Овсянникова</i>	67
Конструкции с ориентиром в аблативе при послелогох башкирского языка . . . . . <i>С. С. Сай</i>	81
Псевдопартиитивны и другие именные конструкции с названиями контейнеров в башкирском языке . . . . . <i>А. А. Сюрюн</i>	107
Заметки о тофаларском языке: языковая ситуация . . . . . <i>Н. Б. Вахтин</i>	127
Русско-эскимосская интерференция в ранних письменных текстах <i>Е. V. Golovko</i>	130
Russian as a minority language: A case from Alaskan old-settler communities	141
До Бамбалюмы: языки Африки	
<i>Е. Л. Кушнир</i>	
Пространственный дейксис в языке яурэ . . . . . <i>Н. В. Макеева</i>	155
Таксис в языке кла-дан	161

<i>Т. В. Никитина</i>	
Некоторые особенности употребления существительных-меронимов в языке уан	177
<i>Д. А. Паперно</i>	
О мобильном тоне в бен	187
<i>М. Л. Федотов</i>	
Фокус, заглагольные зависимые и эндоклитики в гбан	195
<i>М. Б. Коношенко</i>	
Кельтские языки и языки манде: диалог грамматик	215
<i>А. В. Выдрина, В. Ф. Выдрин</i>	
Предварительные наброски к диалектологии какабе	227
<i>А. В. Давыдов</i>	
Говор манден деревни Уатагала (Гвинея)	252
<i>А. Ю. Желтов</i>	
Полевые заметки о влиянии местных этнических языков на суахили в Кении в контексте социолингвистического статуса языка	265
Из варяг: прибалтийско-финские языки	
<i>М. З. Муслимов</i>	
Заметки о молосковицком ингерманландском диалекте	277
<i>М. А. Холодилова</i>	
Рассогласование в ингерманландских финских относительных предложениях	288
<i>Ф. И. Рожанский</i>	
О форме личных имен в водском языке	302
В греки: неоэллинистика, балканистика	
<i>Ф. А. Елоева</i>	
Ожившие рыбки, или прикосновение божества	317
<i>М. Л. Кислиер</i>	
Цаконский диалект: новый взгляд	330
<i>А. А. Loukina</i>	
Phonetic variation in modern Greek dialects: Nature, nurture and language contact	349

<i>А. А. Новик</i>	
Е.В. Перехвальская, экспедиции Санкт-Петербургского государственного университета к мариупольским грекам и коллекции старейшего музея России (Кунсткамера)	361
<i>А. Ю. Русаков</i>	
Еще раз к вопросу о выражении внешнего посессора в цыганских диалектах	381
Сметая барьеры	
<i>К. В. Ковальская</i>	
Традиционное и нетрадиционное в религиозной жизни Российской Федерации	393
<i>Н. В. Кузнецова</i>	
Об истории, сущности и измерениях фонемы (с приложением Вяч. С. Кулешова)	406
Экспедиционно-навеянное	
<i>В. Б. Гулида, М. Ю. Князев, Н. В. Кузнецова, Lorraine Ross, Д. Ф. Мищенко, Д. В. Сидоркевич . . . . .</i>	
	443
Список научных трудов Е. В. Перехвальской	451
Сведения об авторах	464
Authors	468
Annotations, keywords	471
Оглавление	484